

М. НИЯЗМатов

ПОИСК КОНСЕНСУСА

РОССИЙСКО-ХИВИНСКИЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В
XVI—НАЧАЛЕ XX В.

М. Ниязатов

ПОИСК КОНСЕНСУСА

**Российско-хивинские
геополитические отношения
в XVI—начале XX в.**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2010**

УДК 947.011
ББК ТЗ (2) 413.13

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

М. Ниязатов. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI—начале XX в. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 496 с. (Orientalia).

Книга посвящена геополитическим связям России с Хивинским ханством в XVI—начале XX в. На обширном материале показаны эволюция российско-хивинских дипломатических, политических и торгово-экономических отношений, их характерные особенности на различных этапах развития, в том числе в петровскую эпоху. Подвергаются критике догматические представления о так называемом «присоединении» Центральной Азии к России, раскрываются стратегические цели и субъектная направленность российской восточной политики, интеграционные и дезинтеграционные процессы в ключевых сферах жизни российского и хивинского обществ во второй половине XIX в., их роль в преобразовании политической, экономической и социальной структуры Хивы, ускорении распада феодально-абсолютистского строя.

Впервые более подробно рассматриваются как российские, так и хивинские программы реформирования внутренней жизни ханства, зарождающиеся объединения и течения просветительского, умеренно-либерального, крайне радикального, а также социал-демократического направлений, в которых аккумулировались господствующие тенденции в социально-политической эволюции Евразийского конгломерата накануне глобальных перемен 1917 г.

Популярный характер изложения, нетенденциозный подход к фактам и аргументированность выводов делают книгу доступной для массового читателя.

ISBN 978-5-85803-395-0

© М. Ниязатов, 2010

© Петербургское Востоковедение, 2010

ВВЕДЕНИЕ

На политической карте мира можно найти немало находящихся на разных континентах и больших и малых государств, которые в те или иные периоды мирового развития — одни в течение столетий, другие сравнительно непродолжительное время — служили консолидирующим и стабилизирующим фактором в обширном геополитическом пространстве, охватывавшем сопредельные страны и даже территории далеко за их пределами. Если одни утверждали лидерство силой, подавляя право других народов на выбор собственного пути развития, на независимость и самоопределение и навязывая чуждые им социально-политические, экономические, духовно-нравственные нормы и принципы, то другие, напротив, делали упор главным образом на демократическое обустройство внутренней жизни, миролюбивый курс, открытость для равноправного и взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами.

В Евразийском конгломерате на изломе эпох роль регионального лидера объективно и закономерно принадлежала России. Благодаря начатым Петром I масштабным реформам, осуществленным в период XVIII—XIX вв. в сферах государственного строительства и экономики, науки и техники, образования и культуры, Россия шагнула из феодализма в капитализм, приблизившись к более развитым странам Европы, весьма существенно опередив по темпам и глубине политической, экономической и социальной эволюции соседние государства Центральной Азии. Это и предопределило ее лидерство в конгломерате.

Располагая богатейшим природно-экономическим потенциалом, занимая положение своеобразного «моста» между Востоком и Западом, по которому проходили все главные пути торгового, экономического и культурного обмена, Россия поддерживала связи со всеми государствами Центральной Азии, в том числе и с Хивинским ханством, образовавшимся в 1512 г. на обломках некогда могущественной древней Хорезмской империи, распавшейся в XIII в. под ударами татаро-монгольских полчищ. Почти с момента зарождения, которое приходится на середину XVI в. — период укрепления Русского государства, — эти связи отличались, несмотря на противоречивость и сложность гео-

политических процессов, многоспектрностью и динамичностью, охватывали важнейшие области социально-политической и экономической жизни.

Генезис и эволюцию российско-хивинских геополитических отношений можно условно разделить на пять этапов, отличающихся друг от друга как продолжительностью, так и содержанием. *Первый* этап, начинавшийся еще в период царствования Ивана IV Грозного и в целом охватывающий всю допетровскую эпоху, был характерен обоюдным стремлением России и Хивинского ханства к налаживанию тесного и взаимовыгодного торгового, экономического и дипломатического сотрудничества. Оно основывалось на прочной правовой базе: именно в этот период впервые начинают широко практиковаться такие формы дипломатических связей, как взаимные обмены правителей государств дружественными посланиями, вручение главами посольских миссий верительных грамот, подтверждающих полномочия и гарантирующих неприкосновенность, свободу передвижения в стране пребывания, а для купцов вводятся льготные таможенные пошлины, обеспечивается охрана имущества, предоставляются суда, гостинные дома и т. д.

Для *второго* этапа (1700—1763) развития российско-хивинских отношений определяющим стал поиск путей выхода на новый уровень двустороннего сотрудничества. Он сопровождался не только серьезными достижениями в реальном сближении Хивы и России (взять, например, послание хивинского правителя Шах-Нияза Петру I с предложением принять ханство под покровительство Российской империи и согласительную грамоту царя), но и явными просчетами в выборе форм и методов строительства де-факто содружества двух государств (провал миссии А. Бековича-Черкасского, политический и «дипломатический» кризис середины XVIII в. и т. п.). Негативно сказались на преобразовании российско-хивинских связей недооценка и пренебрежительное отношение к тому безусловно позитивному, что было накоплено на протяжении полутора веков сотрудничества двух государств, а также отход от намеченного Петром I «курса на Восток» части российских правителей, пришедших к власти после Петра I и явно предпочитавших преимущественную переориентацию на Запад.

Третьему этапу (1763—1861) эволюции российско-хивинских отношений были свойственны противоречивые тенденции, в которых нашли отражение непростые процессы, обозначившиеся в жизни двух государств. Радикальные реформы, осуществлявшиеся в Хивинском ханстве в этот период, особенно в первой четверти XIX в., последовательная, жесткая и бескомпромиссная борьба с сепаратизмом и местничеством, проводившаяся представителем новой кунградской династии — Мухаммедом Рахим-ханом I (1806—1825), способствовали упрочению государственности, за короткий срок превратили Хиву из пассивного объекта в предприимчивый субъект внешнеполитических отношений,

расширили диапазон её связей с Россией. Логическим завершением процесса явился «Обязательный акт» между Российской империей и Хивинским ханством, подписанный в декабре 1842 г.

Развитие капитализма в России, активизация ее восточной политики и неуклонное наращивание ее как непосредственного, так и косвенного присутствия в Центрально-Азиатском регионе, воздействие этих процессов на политическое и экономическое положение Хивинского ханства — таковы доминирующие направления *четвертого* этапа (1861—1905) эволюции российско-хивинских отношений. Практика показала, что мирное сосуществование, укрепление взаимопонимания представляют собой непереносимое условие взаимовыгодного сотрудничества, одну из важнейших предпосылок интенсификации развития экономики обеих стран (прежде всего — Хивинского ханства), модернизации отсталых производственных отношений, подъема производительных сил.

Однако мирное взаимодействие России и Хивы никак не устраивало апологетов «силового давления», пробравшихся в 50—60-е гг. XIX в. на ключевые посты в царском правительстве, включая министерства иностранных дел, финансов и военного ведомство. Обладая мощными рычагами воздействия на верховную власть, они сумели добиться консервации переговорного процесса между Россией и Хивой.

Спротивление российско-хивинскому сближению набирало силу и в ханстве. Правившая в стране консервативная феодальная элита в смычке с ортодоксальным духовенством прилагала немало усилий для сохранения традиционализма в политической системе, экономических отношениях и социальных институтах Хивы. В этой связи, несмотря на некоторые весьма существенные позитивные перемены в структуре национального рынка, на расширение проникновения товарно-денежных отношений, Хивинское ханство в середине XIX в. и даже позднее оставалось *феодальным* государством *восточного* типа с классической абсолютистской формой правления, основанной на средневековых и крайне догматизированных нормах и принципах ислама и шариата.

Нагнетание напряженности между Россией и Хивой привело летом 1873 г. к бессмысленной российско-хивинской войне, завершившейся разгромом плохо вооруженной и обученной ханской армии и занятием столицы ханства. Хива была вынуждена 12 августа 1873 г. подписать договор «Условия мира России с Хивой», в соответствии с которым она лишилась значительной части территорий на правом берегу Амударьи и права самостоятельных дипломатических сношений с иностранными государствами, а также открыла для российского финансового, торгового и промышленного капитала внутренний рынок.

В то же время договор имел и позитивное значение. Он ограничил в известной степени полномочия феодально-абсолютистской монархии, демонтировал искусственные преграды, мешавшие взаимодействию и

взаимопроникновению хозяйства двух государств, ускорил развитие в Хиве товарно-денежных отношений, втянул ее в сферу общероссийского, а через него — и мирового капитализма. Этот позитивный потенциал «Условий мира России с Хивой» контрастно обозначился в конце XIX—начале XX в., — период, который в ханстве был отмечен прежде всего структурными преобразованиями производства, ускорением подъема промышленности, созданием на базе традиционной аграрной отрасли эффективно функционирующего экспортного сектора.

Вместе с тем дуалистическая суть российской политики в Хиве, аккумулированная как в положениях пресловутых «Условий мира», так и в последующих практических мерах колониальной администрации Туркестанского края и царского правительства по их реализации, не позволила осуществить востребованные радикальные преобразования в надстройке и базе хивинского общества.

Общеизвестно, что буржуазно-демократическая революция 1905 г. в России нанесла сильнейший удар по всей системе царизма, ускорила созревание объективных и субъективных предпосылок для осуществления буржуазного переворота, капитализации хозяйства государств Центральной Азии, в том числе и Хивинского ханства. Устойчивая и прочная связь, сложившаяся между экономическими, политическими и социальными процессами в России и Хиве, более четко проявилась на *пятом* этапе (1905—1920) развития российско-хивинских отношений. После революции 1905 г. в ханстве, как и в других окраинных регионах империи, по мере накопления и обострения антагонистических противоречий в политическую борьбу втягивались самые различные классы, социальные слои и группы общества, включая городскую бедноту, дехканство, либерально настроенную часть компрадорской и пока еще только нарождавшейся промышленной буржуазии, земельной аристократии и интеллигенции, ставивших перед собой цели и задачи, подчас полярно противоположные.

В отличие от России, в Хивинском ханстве в начале XX в. борьба против абсолютистской монархии за демократическое переустройство общества носила куда менее организованный и непоследовательный характер. Из-за шаткости внутреннего единства, размытости целей и пестроты социальной базы, отсутствия общего руководства заметно участвовавшие в 10-е гг. XX в. антиколониальные и антиправительственные волнения терпели поражение и заканчивались массовыми казнями участников. Вместе с тем они оказывали огромное влияние на формирование идейных воззрений патриотических сил, выработку тактики и стратегии борьбы с абсолютистским режимом за создание политической армии революции, способной сплотить массы и осуществить демократическое переустройство общества.

Первую в истории Хивинского ханства программу умеренно-демократических преобразований, отражавших интересы как российского,

так и хивинского капитала, выдвинула в 1911 г. находившаяся в стадии становления немногочисленная, не обладавшая опытом ведения политической борьбы, по сути, либерально-реформистская партия Сеида Ислам-Ходжи, *вазир-и-акбара* (премьер-министра) правительства. Она предусматривала целый ряд решительных мер по совершенствованию экономической политики и финансов, развитию транспорта и связи, здравоохранения, просвещения, оставляя в то же время нетронутыми архаичные институты политической и экономической систем. По идее, реализация программы должна была содействовать созреванию в Хиве предпосылок *буржуазного* переустройства общества, переходу его на качественно новый уровень развития. Старообрядцы и консерваторы, создавшие на платформе ортодоксального ислама антиреформистский блок, этого допустить не могли. В августе 1913 г. Сеид Ислам-Ходжа был зверски убит, а реформы, начатые им, были свернуты.

Либеральные идеи Сеида Ислам-Ходжи и его единомышленников унаследовала партия младохивинцев, основанная в 1914 г. под названием «*Ёш хиваликлар инкилобий уюшмаси*» («Революционный союз хивинской молодежи»). За короткий срок ей удалось завоевать популярность, обрести значительное число сторонников прежде всего среди представителей крупной и средней прослоек национальной буржуазии — заводчиков, торговцев, землевладельцев, части духовной и творческой интеллигенции, городской бедноты и дехканства. Партия прошла трудный путь эволюции идеологии и практической политики — от мусульманской реформации и просветительства, популярных на Востоке на рубеже XIX и XX вв., до конституционализма и парламентаризма, занявших их место в начале XX в. Однако из-за склонности лидеров «Революционного союза» к частым компромиссам с ханским правительством и приспособленчеству партия в конце концов растеряла собственную социальную базу, лишилась поддержки масс и вскоре уступила стратегическую инициативу консервативной оппозиции. В 1918 г. она окончательно распалась на самостоятельные организации, имеющие каждая собственную программу.

Некоторые параллели в истории развития России и Хивинского ханства в новое время, очевидная схожесть характера доминирующих процессов в социально-экономической и общественно-политической эволюции двух государств при их несомненных внешних и внутренних различиях, взаимовлияние в ходе движения вперед на магистральных направлениях общественного прогресса, от абсолютистской монархии к демократии, — явления далеко не случайные. Они были обусловлены, с одной стороны, многовековыми взаимовыгодными связями народов соседних конгломератов — России и Центральной Азии, а с другой — специфическими особенностями эволюции единого геополитического пространства, живущего по своим объективным внутренним законам.

Отношения России с Хивинским ханством, оказывавшие ощутимое воздействие на социально-политическую и экономическую ситуацию в Евразийском конгломерате, прежде всего в Центральной Азии, давно привлекают внимание исследователей. В дооктябрьской историографии, например, им были посвящены труды таких известных востоковедов, как Г. И. Данилевский, Н. М. Галкин, Н. И. Веселовский, М. Н. Терентьев, А. Н. Попов, С. В. Жуковский¹ и др. Эти труды и сегодня не потеряли своего значения как ценной источниковой базы. В них содержится богатый для своего времени материал по истории российско-хивинских отношений.

Несомненный интерес представляют опубликованные в авторском варианте буквально по «горячим следам» или же несколько позднее с комментариями ученых-востоковедов дневниковые записи, мемуары, а также другие документы русских военных, дипломатических и торговых посланников, в разное время побывавших в Хиве². Они дают широкое представление о характере российско-хивинских связей в XVIII—XIX вв., об истории, этнографии, материальной культуре народов не только Хивинского ханства, но и всего Прикаспия и Приаралья.

Эта проблематика постоянно находилась в поле зрения исследователей и в советское время. Хотя обобщающих работ создано не было, многие аспекты темы получили освещение в исследованиях П. П. Иванова, А. М. Аминова, А. Савокина, М. А. Рожковой, З. Д. Кастель-

---

¹ *Данилевский Г. И.* Описание Хивинского ханства // Записки Императорского русского географического общества (далее: ИРГО). Кн. V. СПб., 1851; *Попов А. Н.* Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом // Записки ИРГО. Кн. IX. СПб., 1853; *Веселовский Н. И.* Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего времени. СПб., 1877; *Лобисевич Ф. И.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношении. СПб., 1900; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. С картами и планами. Т. 1—3. СПб., 1906; *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915, и др.

² Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. I. М., 1822; Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Книга издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюногорских владений и обратно Я. В. Ханыковым. СПб., 1851; *Залесов Н. Г.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 году // Военный вестник. Т. 22. СПб., 1861; *Он же.* Посольство в Хиву Данилевского в 1842 году // Военный вестник. 1866. № 6; *Галкин М. Н.* Извлечение из дела Московского сенатского архива об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву в 1714—1717 гг. // Записки РГО по отд. этнографии. Т. I. СПб., 1867, и др.

ской³, посвященных общенсторическим проблемам. Авторам в целом удалось отмежеваться от популярной в 20—30-е гг. XX в. бездоказательной и огульной критики «колонизаторской миссии» царизма и занявшей ее место не менее тенденциозной теории «наименьшего зла», раскрыть в органическом единстве прогрессивные и регрессивные политические и социально-экономические последствия распространения влияния России на Центральную Азию, в том числе на Хивинское ханство.

Особо необходимо отметить работы Н. А. Халфина⁴. В них приводится оригинальный материал о российской политике в Центральной Азии, о посольствах и экспедициях в Хиву и другие государства региона, о роли их в становлении политических, дипломатических и экономических связей. Несмотря на то что исследования ограничены рамками XIX в., они все же позволяют создать целостную картину миссии России в Центральной Азии, проследить эволюцию ее восточной политики.

В книгах А. С. Садыкова и Т. Г. Тухтаметова⁵ главное внимание уделено изучению экономических и политических связей между Россией и Хивой в конце XIX—начале XX в., дан объективный анализ хода и последствий сотрудничества государств в различных сферах, причин деформации развития ханства, нарастания классовых и межнациональных противоречий в канун падения феодально-абсолютистского строя. Авторы специально останавливаются на характеристике роли русской диаспоры в общественно-политической и культурной жизни, популяризации среди масс прогрессивных идей, формировании блока антимоноархической демократической оппозиции.

Ряд важных аспектов связей России с Хивой затронут в монографиях Х. Хамдамова, Г. И. Непесова, И. В. Погорельского, К. Б. Мухамедбердыева⁶ и других авторов. В работах исследуется история ханства

---

³ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958; Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Ташкент, 1959; Савокин А. Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. Ашхабад, 1963; Рожкова М. А. Экономические связи России со Средней Азией (40—60-е годы XIX в.). М., 1963; Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1875—1917). М., 1980, и др.

⁴ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965; Он же. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974.

⁵ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX—начале XX в. Ташкент, 1965; Он же. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. Ташкент, 1972; Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX—начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969.

⁶ Хамдамов Х. Падение Хивинского ханства и образование Хорезмской Советской Народной Республики. Ташкент, 1960 (на узб. яз.); Непесов Г. И.

конца XIX—начала XX в., освещаются его социально-экономическое и политическое развитие, подъем национально-освободительного движения и антифеодальной борьбы, предпосылки отсталости ханства, сохранения в общественно-политической и экономической жизни патриархально-феодальных пережитков. Большое внимание уделено и позитивизации влияния пролетарского движения в Центральной России на повышение политического самосознания масс, консолидацию патриотических сил, поставивших перед собой задачу свержения феодально-абсолютистского режима. В работах приводятся веские данные и аргументы, свидетельствующие о нарастании в ханстве в начале XX в. антагонистических противоречий между производительными силами и производственными отношениями, о закономерном характере усиления антиправительственных настроений, деградации и падения феодально-абсолютистского режима.

В интересной книге Г. А. Хидоятова⁷ российско-хивинские отношения показаны на фоне острого соперничества между Россией и Англией в Центрально-Азиатском регионе во второй половине XIX в. Эта книга по сей день остается почти единственной подобного рода аналитической работой, построенной на широкой источниковой базе. Автором введены в научный оборот малоизученные документы из ряда российских и британских архивов, полнее раскрывающие «восточное» направление деятельности министерств иностранных дел России и Великобритании в 1870—1885 гг., публикации британской и индийской периодической печати тех лет, проливающие свет и на российско-хивинские отношения, а также другие материалы, обогатившие источниковую базу проблематики.

Хотелось бы заметить, что ныне отношение к трудам советских историков в обществе неоднозначно. Действительно, они непохожи друг на друга: среди них встречаются и насыщенные документальным материалом, вызывающие доверие, вполне располагающие читателя к размышлениям, и, наоборот, написанные как «на заказ», — чрезмерно идеологизированные догмы, явно демагогические и не заслуживающие почти ничего, кроме антипатии. Будучи написаны в «советский период», они, при очевидных различиях, в массовом общественном сознании воспринимаются сегодня как не заслуживающие доверия, с одинаковым вердиктом: «все в них надумано». Так считают и часть

Из истории Хорезмской революции. 1920—1924 гг. Ташкент, 1962; *Погорельский И. В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. (1873—1917 гг.). Л., 1968; *Он же.* История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики. 1917—1924 гг. Л., 1984; *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции. Ташкент, 1986.

⁷ *Хидоятов Г. А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е гг.). Ташкент, 1969.

исследователей. Подобные крайние оценки неверны и вряд ли уместны в науке. События, факты, явления прошлого — это достояние истории. Ни изменить, ни перечеркнуть, ни игнорировать их не дано. Их следует рассматривать объективно, без идеологических трафаретов, в единстве позитивного и негативного, прогрессивного и регрессивного. Такого рода примеров в новейшей историографии на пространстве СНГ, в том числе в Центрально-Азиатском регионе, встречается теперь предостаточно. Возьмем некоторые публикации из цикла новой истории Узбекистана, в состав которого в 1924 г. вошла значительная часть территории бывшего Хивинского ханства, преобразованного в 1920 г. после свержения монархии в Хорезмскую республику. Несмотря на спорный характер проведения логических параллелей в колониалистской политике царизма и Советского правительства, в исследованиях не перечеркивается все то положительное, что на практике сопровождало *реальные* социально-политические и экономические процессы в крае. В работах конкретно, зачастую на общеизвестных фактах, однако без прежних выпячиваний «бессмертности учения», «руководящей роли» и т. п., а также «некоторых недостатков» и «определенных упущений» убедительно, с использованием недостаточно изученных источников, показаны, наряду с позитивными, имевшие в прошлом место негативные тенденции и явления, которые в исторической и политической литературе раньше вовсе замалчивались или упоминались вскользь. В публикациях охватывается широкий спектр проблем, касающихся как становления в регионе национальной государственности, преодоления феодальной раздробленности и образования Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, их взаимоотношений, так и условий, факторов, в том числе роли России, оказывавших воздействие на глубину и темпы экономического и социального развития, формирование политических институтов⁸. Среди публикаций из цикла новой истории Узбекистана есть и работы, специально посвященные истории Бухарского эмирата и Хивинского ханства периода колонизации их царизмом⁹, особенностям развития антиколониальной

---

⁸ Новая история Узбекистана. Кн. 1: Туркестан в период колонизации царской Россией / Сост.: Х. Садыков, Р. Шамсутдинов, П. Равшанов и др. Ташкент, 2000 (на узб. яз.); Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001 (на узб. яз.); Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / Под ред. Р. Ражаповой. Ташкент, 2000 (на узб. яз.); Новая история Каракалпакстана. Каракалпакстан со второй половины XIX века до XXI века. Нукус, Каракалпакстан, 2003 (на каракалп. яз.); *Зияев Х. З.* Узбекистан в плену колониального гнета (конец XIX—начало XX в.). Ташкент, 2006 (на узб. яз.); История Узбекистана. Ташкент, 2004; История Туркестанской Автономии. Ташкент, 2006, и др.

⁹ См.: *Никитенко Г.* Под протекторатом Российской империи / Хива — город тысячи куполов. Ташкент, 1997. С. 35—43; *Зияева Д. Х.* Бухарский эми-

и антифеодальной борьбы масс, подъему в крае в конце XIX—начале XX в. национально-освободительного движения, его социальной базе, стратегии и тактике. Эти вопросы в той или иной степени освещены и в работах по истории Туркестана¹⁰ — бывшего генерал-губернаторства (1867—1917) в составе Российской империи, образованного на месте упраздненного Кокандского ханства и на части аннексированных земель Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В исследованиях прослеживается стремление нетрадиционно, по-новому, взглянуть на практическую политику в регионе царского самодержавия, российских политических партий и организаций, в том числе ведущих непролетарских и социал-демократических, ставится под серьезное сомнение обоснованность самого «расширительного» толкования понятия «союз рабочего класса с крестьянством» в плане закономерности единства борьбы пролетариата России и угнетенных масс окраин метрополии, в частности Туркестанского края, Бухары и Хивы, под «руководством» российского рабочего класса и его партии. В этой связи некоторые авторы стали чаще обращаться к сравнительно недостаточно разработанной теме — джадидизму, его роли и значению в противоборстве идей и идеологий¹¹. Об усиливающемся внимании к исследованию джадидизма, в котором органически аккумулировались и просветительское, и умеренно-либеральное движения, дополнявшие друг друга, отвергавшие классовую борьбу, отдававшие предпочтение постепенному, эволюционному пути развития вместо радикального, революционного, свидетельствует и издание избранных сочинений Абдулрауфа Фитрата¹² — одного из видных идеологов джадидизма в Центральной Азии, в частности в Бухаре и Туркестане. Это издание позволяет четче представить идейную платформу джадидов, их соци-

---

рат и Хивинское ханство под российским протекторатом. Ташкент, 2003 (на узб. яз.); *Кошчанов А., Палванов Н.* Социально-политические течения и движения в Хорезме (вторая половина XIX—первая четверть XX века). Ташкент, 2007 (на узб. яз.).

¹⁰ *Агзамходжаев С. С.* Из истории борьбы за автономию Туркестана. Ташкент, 1996; *Зияев Х. З.* Борьба народов Туркестана против российского завоевания и господства. Ташкент, 1998; *Он же.* История борьбы за независимость Узбекистана. Ташкент, 2003 (на узб. яз.); *Зияева Д. Х.* Национально-освободительное движение в Туркестане (1916—1924 гг.). Ташкент, 2000 (на узб. яз.).

¹¹ *Абдуллаев Р.* Туркестанские прогрессисты и национальные движения // Звезда Востока. 1992. № 1; *Алимова Д. А., Рашидова Д.* Махмудходжа Бехбуди и его исторические воззрения. Ташкент, 1998; *Она же.* Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000; Джадидизм: реформы, обновление, борьба за независимость и прогресс. Ташкент: Университет, 1999.

¹² *Фитрат, Абдулрауф.* Избранные сочинения. Ташкент, 2000 (на узб. яз.).

альную базу и тактику действий, причины падения их авторитета и распада движения.

На нетрадиционном пути исследователя ждут не только открытия, но и опасность передергивания фактов и увлеченности критиканством в погоне за сенсацией, незаметное сползание на путь субъективизма, обычно вводящие его в тупик ошибок и заблуждений. Способствует этому и стремление переписать историю заново, или, как говорится, «с чистого листа», отвергая результаты трудов многих поколений предшественников, их мнения, заключения. С ними можно (а порой и нужно!) не соглашаться и спорить, подвергать сомнению, опровергать и доказывать обратное, но не теряя чувства ответственности, руководствуясь *истиной*. Чтобы на основе новых подходов были разработаны подлинно современные методика и методология исследования общих закономерностей и специфических особенностей общественного развития в Центральной Азии, в том числе в Хивинском ханстве как до 1917 г., так и после, доминирующих внутренних и внешних факторов, в первую очередь — геополитических отношений, оказывавших (и сегодня продолжающих оказывать) общее влияние на формирование взаимосвязей и взаимозависимостей, всей пестрой социально-политической палитры специфического региона, целесообразно расширить поиск, обработку и издание в виде сборников характерных и оригинальных документов и материалов центральных и местных архивов, в том числе архивов бывших органов КПСС, на которые был наложен гриф секретности, а также мемуаров и воспоминаний политических, государственных и общественных деятелей, сделать их доступными для широкой общественности и исследователей. Это — в интересах не только плюрализма и гласности, но и исторической науки.

Становление и развитие отношений России с Хивинским ханством, как и с Бухарским эмиратом, Центральной Азии в целом, постоянно находились в поле зрения и многих западных историков, политологов, социологов, экономистов. Основу историографии проблематики здесь, как известно, составляли работы А. Дж. Парка, Р. Е. Пайпса, Р. А. Пирса, С. А. Зенковского, Х. Сетон-Уотсона, О. К. Кэроу, У. Коларза¹³ и других, а также А. З. В. Тогана¹⁴, получившие скандальную извест-

---

¹³ Park A. G. *Bolshevism in Turkestan, 1917—1927*. New York, 1957; Pipes R. E. *The formation of the Soviet Union: communism and nationalism, 1917—1923*. Cambridge, 1954; Pierce R. A. *Russian Central Asia, 1867—1917*. Berkeley; Los Angeles, 1960; Zenkovsky S. A. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. Cambridge, 1960; Seton-Watson H. *The Russian Empire 1801—1917*. London, 1967; Caroe O. K. *Soviet Empire: the Turks of Central Asia and Stalinism*. New York, 1967; Kolarz W. *Russia and her colonies*. Ed. 2. London, 1967; Becker S. *Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924*. Cambridge, 1968; etc.

¹⁴ Togan A. Z. V. *Bugünkü Türkili (Türkistan ve yakin Tarihi)*. Istanbul, 1947 (на тур. яз.). Кстати, не так давно издана еще одна книга этого автора: «Па-

ность в СССР, в том числе в Узбекистане, в разгар «холодной войны». Написанные на материалах исследований главным образом советских авторов (кроме, разумеется, работ А. З. В. Тогана), но замешанные на измышлениях из мемуаров представителей «белой» эмиграции, «трудов» разномастных диссидентов, отщепенцев и проч., они заслужили нелепую репутацию «подрывной» литературы, псевдонаучных «исследований», ибо (прежде всего книги А. Парка, Р. Пайпса, О. Кэроу), вследствие манипуляции реальными фактами, могли вызвать осложнение межнациональных отношений, посеять семена раздора и разжечь национализм. Подобные действия не имели ничего общего с подлинной наукой. Они осуществлялись в русле обработки общественного мнения в интересах расширения зоны «ожизненных интересов» для западной «демократии» и идеологической расчистки нового «рыночного пространства» для транснационального капитала. Это не означает, что работы были лишены фактологической базы. Напротив, она в них имела, причем серьезная, но оставалась незамеченной, утопая в тине идеологической мишуры и лжеидейных предубеждений.

В последние годы, особенно после распада в 1991 г. Союза ССР, ведущие научные центры ряда западных стран, прежде всего Англии и США, заметно усилили внимание к разработке проблемы. Количество книг, брошюр, статей и диссертаций, в той или иной степени касающихся российско-хивинских связей в XVI—начале XX в., не только не сократилось, но даже значительно увеличилось. Среди них можно встретить как занимательное повествование о «героических» похождениях бравых агентов британских секретных служб капитана Ф. Барнаби, побывавшего в Хиве с тайной миссией в 1875 г., и мемуары майора Ф. Бейли¹⁵, безрезультатно пытавшегося сколотить в Ташкенте анти-российскую коалицию накануне падения монархий в Хиве и Бухаре (кстати, книгам предпослано пространное предисловие, специально написанное «экстремальным» журналистом и историком, специализирующимся на «Большой Игре», Питером Хопкиром), так и претендующие на «научность» и «объективность» работы достаточно знаменитых авторов¹⁶. Характерно, что среди представителей нового поко-

---

зобченного съедят волки. Воспоминания из истории борьбы народов Туркестана за национальную независимость» (Ташкент, 1997. На узб. яз.).

¹⁵ *Burnaby F. A Ride to Khiva: travels and adventures in Central Asia / With a preface by Peter Hopkirk. Oxford, 2002; Bailey F. M. Mission to Tashkent / With a preface by Peter Hopkirk. Oxford, 2002.*

¹⁶ *Geographic Perspectives on Soviet Central Asia / Ed. by Robert A. Lewis. London; New York, 1992; March G. P. Eastern Destiny: Russia in Asia and the North Pacific. Westport (Conn.); London, 1996; Cohen A. Russian imperialism: development and crisis. Westport (Conn.); London, 1996; Land-Locked States of Africa and Asia / Ed. by Dick Hodder, Sarah J. Lloyd and Keith McLachlan. London; Portland (Ore.), 1999; Curtin P. D. The world and the west: the European challenge and*

ления «советологов» и россиеведов немало тех, кто на самом деле пытается проникнуть в проблему глубже, без идеологических шор, и, не оглядываясь на трафареты «холодной войны», объективно показать ее различные грани. Об этом свидетельствуют исследования А. Козна, А. Беннигсена и Ф. Е. Брайан, Р. С. Клема, Дж. П. Ледонны, П. А. Роудека, Л. Юнсон и Э. Рой, Д. Р. Броуэра¹⁷ и др. Их отличительная особенность — ретроспективно-панорамное освещение российской политики в регионе Центральной Азии, в том числе в отношении Хивинского ханства, ее динамики в переломные периоды развития Российского государства — перерастания в империю и великую державу. В них рассматривается широкий спектр вопросов, охватывающих саму историю становления связей России с Хивой и другими ханствами региона, дипломатию, политику и экономику, образование и культуру, административное и территориальное устройство, быт, религию, этнографию и традиции. Если суммировать все разнообразие точки зрения, то можно сделать вывод, что отношения между государствами региона складывались под влиянием объективных факторов. Россия, подчеркивают авторы, строила свои связи с сопредельными ханствами с учетом прежде всего *национальных*, а также *геополитических* интересов. Это относится как к допетровской, так и к петровской эпохе, когда государства конгломерата еще соблюдали элементы международного права. В XIX в., после подчинения Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств и окончательного утверждения в Центральной Азии Россия в острейшем соперничестве с Великобританией втянула «новые земли» в сферу собственных интересов. Вместе с тем, обладая практически неограниченной свободой действий, добившись передела «зон влияния», она не стремилась к радикальной ломке исторически сложившейся внутренней жизни Хивы, Бухары или же Турке-

---

the overseas response in the age of Empire. Cambridge, 2002; *Baldwin K. A. Beyond the Color Line and the Iron Curtain: reading encounters between Black and Red, 1922—1963.* London, 2002; *Decolonization: Perspectives from now and then* / Ed. by Prasenjit Duara. London; New York, 2004, etc.

¹⁷ *Clem R. S. The Frontier and Colonialism in Russian and Soviet Central Asia // Geographic Perspectives on Soviet Central Asia* / Ed. by Robert A. Lewis. London; New York, 1992. P. 19—36; *Cohen A. Russian imperialism: development and crisis; Central Asian Security: the new international context* / Ed. Roy A. and Jonson L. London; Washington, 2001; *Bennigsen A. and Bryan F. E. Islam in Central Asia / The Religious Traditions of Asia: religion, history, and culture* / Ed. by Kitagawa J. M. London; New York, 2002. P. 239—256; *Brower D. R. Turkestan and the fate of the Russian Empire.* London; New York, 2003; *LeDonne J. P. The Russian Empire and the world, 1700—1917: the geopolitics of expansion and containment.* New York; Oxford, 1997; *Idem. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650—1831.* Oxford, 2004; *Roudik P. L. The History of the Central Asian Republics.* Westport (Or.), 2007; etc.

стана, системы местного и центрального правления¹⁸, к преобразованию быта и традиций, религиозных верований¹⁹. Ее политика, по мнению многих авторов, вызвала двоякие — и негативные и позитивные — последствия: с одной стороны, превратила Хивинское ханство и Бухарский эмират в протектораты империи, ограничила их независимость и суверенитет²⁰, а с другой — способствовала существенному расширению внутреннего рынка, реструктуризации сельского хозяйства, активизации товарно-денежных отношений²¹, реконструкции традиционного мировоззрения и зарождению новых прогрессивных идейных воззрений²² и т. п. Ряд исследователей усматривают в этом некоторые классические элементы колониальной политики Англии — в Юго-Восточной Азии, Франции — в Африке, других западных держав — на зависимых территориях.

Вместе с тем в подавляющем большинстве публикаций при всем разнообразии стилей и тематики подходы к освещению отношений России с Хивинским ханством, как и с другими регионами Центральной Азии, все еще остаются статичны. В них просматривается стремление представить Россию извечным носителем «агрессии» и «колониальной экспансии», а соседние Хиву и Бухару — в роли жертв ее восточной политики. Так, Э. Аллворт, вовсе не обременяя себя анализом сути политических и торгово-экономических отношений между Россией и Хивинским ханством, безапелляционно заявляет, что Хиву «Россия считала своим заклятым врагом»²³, и настойчиво стремится доказать, что ее политика с самого зарождения связей с ханствами преследовала захватнические цели, экономическое закабаление Хивы и Бухары²⁴. С. Соучек считает, что правители Хивы и Бухары кон-

---

¹⁸ См.: The Modernization of Inner Asia / Ed. Black C. E. Armonk. New York; London, 1997. P. 43; Roudik P. L. The History of the Central Asian Republics. P. 77, 81.

¹⁹ Bennigsen A. and Bryan F. E. Islam in Central Asia. P. 249—250; Brewer D. R. Turkestan and the fate of the Russian Empire. P. 114—115.

²⁰ См.: Becker S. Russia's protectorates in Central Asia... 1968. P. 76, 81, 154—155.

²¹ Clem R. S. The Frontier and Colonialism in Russian and Soviet Central Asia. P. 32; Joffe M. Diamond in the Rough: The State, Entrepreneurs and Turkestan's Hidden Resources in Late Imperial Russia // Extending the borders of Russian History: Essays in Honor of Alfred J. Rieber / Ed. by Siefert M. Budapest; New York, 2003. P. 185; Jonson L. Vladimir Putin and Central Asia: the shaping of Russian foreign policy. London; New York, 2004. P. 38.

²² Sarfraz Khan. Muslim Reformist Political Thought: Revivalists, Modernists and Free Will. London; New York, 2003. P. 93—99.

²³ Central Asia, 130 years of Russian dominance. 3rd ed. / Ed. by Edwarth Allworth. Durham; London, 1994. P. 15.

²⁴ Ibid. P. 3—58.

стантно ощущали себя вассалами России, потому что их страны были к ней насильно «присоединены и унижены»²⁵. Экспансия России в Центральную Азию, утверждает Х. Паймани, прервала процесс строительства в Бухаре и Хиве национальной государственности²⁶. М. Хунер убеждает читателя, что «процесс поглощения Центральной Азии» Россией «происходил безжалостно»; после поражения Бухары и Хивы она превратила их в своих марионеток²⁷. Им вторит Ж. Челианд, тщющийся доказать, что ханства Центральной Азии отвергали политику России и потому она сумела сломить их сопротивление только «после серии тяжелейших сражений»²⁸. С точки зрения С. Махаджана, политический курс России в регионе являлся захватническим. конечным результатом его стали образование «персидского фронта», оккупация в 1873 г. Хивы и захват Мерва²⁹. Такие трактовки больше похожи не на скрупулезный научный анализ исторических документов и фактов, а на комментарии к сводкам с фронта боевых действий и ничего общего с желанием создать более или менее объективную картину отношений России с Хивинским ханством, с ее миссией в Центральной Азии, естественно, не имеют. А она, как признают даже сами западные исследователи, была существенной. Как пишет У. Майер в своей монографии, посвященной прошлому и настоящему ислама в Центральной Азии, «влияние России в Центральной Азии было традиционно сильным»³⁰. Хотя в целом книга изобилует достаточно спорной постановкой целого ряда проблем, но с этим выводом автора не согласиться нельзя.

Однако, увы, большинство западных исследователей предпочитают идти давно проторенным путем. Фальсифицируя историю и практику российской восточной политики, в том числе отношений России с Хивинским ханством, другими государствами Центральной Азии, они искажают действительность, настойчиво навязывают читателю мысль о якобы сугубо аннексионистской природе ее исторической миссии. При этом, разумеется, вовсе не забывают противопоставить ей истинно «гуманную» и «миролюбивую» британскую, старательно обходя тот

---

²⁵ Souček S. A History of Inner Asia. Cambridge, 2000. P. 221.

²⁶ Peimani H. Failed Transition, Bleak Future?: War and Instability in Central Asia and the Caucasus. Westport (Conn.); London, 2002. P. 108.

²⁷ Hauner M. Russia's geopolitical and ideological dilemmas in Central Asia // *Turko-Persia in Historical Perspective* / Ed. by Canfield R. L. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 2002. P. 197.

²⁸ Chaliand G. Nomadic Empires: From Mongolia to the Danube. New Brunswick (N. J.); London, 2003. P. 124.

²⁹ Mahajan S. British foreign Policy, 1874—1914: the role of India. London; New York, 2002. P. 13, 24.

³⁰ Myer W. Islam and Colonialism: Western Perspective on Soviet Asia. London; New York, 2002. P. 8.

факт, что катализатором конфронтации отношений между Россией и государствами Центральной Азии, в том числе Хивой, в переломные периоды их развития служила прежде всего политика Английского правительства. Прикрываясь разглагольствованиями о «русской угрозе Индии», «британским интересам в Азии», оно пыталось, используя в качестве плацдарма Иран и Афганистан³¹, блокировать российские связи с Хивой, а также Бухарой и Туркестаном, установить британские флаг и корону в Приаралье и Прикаспии. Не случайно даже некоторые западные исследователи признают существование у Англии еще в начале XIX в. планов вооруженного вторжения в регион, аннексии в случае успеха Хивы и Бухары³². В конце концов ей удалось осуществить их, правда, значительно позднее, в 1918 г., когда британские экспедиционные части вторглись в Закаспийскую область и временно оккупировали ее. Об этом аспекте политики официального Лондона большинство авторов предпочитают умалчивать.

Как явствует из обзора литературы, историография по проблеме насчитывает немалое количество исследований, в той или иной степени освещающих различные аспекты темы. Вместе с тем, к сожалению, до настоящего времени обобщающих работ, специально посвященных геополитическим связям между Россией и Хивинским ханством, не создано, многие проблемы, представляющие актуальный научный и практически-политический интерес, все еще не разработаны. Положение усугубляется тем, что подавляющая часть исследований построены на материалах периода конца XIX—начала XX в. Такая временная ограниченность не позволяет раскрыть во всей полноте исторические связи двух разнополярных, но дружественных государств, проследить динамику их политических, дипломатических и торгово-экономических отношений, объективный и исторически обусловленный характер зарождения между ними интеграционных процессов в пространстве Евразийского конгломерата.

Не может не вызвать удивления тот факт, что в таком капитальном труде, как «История Хорезма»³³, подготовленном целым коллективом авторов, о российско-хивинских отношениях на начальных этапах их развития и позднее, в XVIII—XIX вв., встречаются лишь отрывочные сведения, создающие у читателя представление в лучшем случае об их чуть ли не эпизодическом или случайном характере, что, право же, не соответствует действительности.

---

³¹ См., например: *Schroeder P. W. The transformation of European politics 1763—1848.* Oxford, 1996. P. 760.

³² См.: *Ingram E. The British Empire as a world power.* London; Portland (Ore.), 2001. P. 128, 134.

³³ См.: История Хорезма. Т. I / Под ред. проф. М. Матниязова. 2-е изд., доп. и перераб. Ургенч, 1997 (на узб. яз.).

На научном уровне некоторых публикаций отрицательно сказались приверженность авторов работ некоторым расхожим методологическим и идеологическим стандартам, стремление, нередко из конъюнктурных соображений, любой ценой «подогнать» факты, изложение материала и выводы под уже устоявшиеся шаблоны. Следует иметь в виду и ограниченность источниковой базы и, что весьма существенно, доступа исследователей к целому ряду фондов архивов, прежде всего партийных, а также жесткую цензуру над использованием документов. Эти негативные факторы не позволяли обогатить исследования новыми, недостаточно изученными фактологическими данными и расширить таким образом проблематику. По этой причине зачастую появлялись работы однотипные, похожие друг на друга, а в некоторые, увы, проникали и факты плагиата³⁴, снижающие их ценность.

В углубленном исследовании нуждается целый комплекс вопросов, связанных с развитием отношений между Россией и Хивой. Спорны и неубедительны утверждения тех авторов, которые довольно сложную картину русско-хивинских связей сводят к попыткам правительства России обеспечить главным образом «интересы развивавшейся российской промышленности и торговли, наряду с соображениями престижа и стремлением расширить границы влияния, а также противодействовать английской экспансии»³⁵. Шатко выглядят и утверждения, будто политика Хивы отражала только боязнь «местных правителей своего могущественного соседа»³⁶. Они крайне примитивизируют исторические реалии. Как известно, собственные геополитические интересы лежали в основе политики в регионе не только России, но и Хивы, стремившейся установить контроль над всем восточным побережьем Каспийского моря и утвердиться на севере и западе Приаралья, т. е. на той самой территории, куда настойчиво продвигалась Россия начиная приблизительно с XVIII в. и куда всячески на протяжении всего XIX в. стремилась «пробиться» с афгано-иранского плацдарма на юге также и Англия. Столкновение «жизненных интересов» двух великих держав, попытки Хивы четко разграничить «зоны влияния» в регионе и стали в общем-то одной из серьезных причин русско-хивинской войны 1873 г., поджигала которую де-факто провокационная политика официального Лондона.

Объективного подхода требует и освещение предпосылок общей экономической и политической отсталости Хивинского ханства на

---

³⁴ Сравните, например: *Погорельский И. В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства... С. 125; *Непесов Г. И., Абуллаев М. и др.* Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971. С. 40.

³⁵ См.: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 391.

³⁶ См.: Там же. С. 18.

стыке XIX и XX вв. В литературе утвердилось мнение, что она является следствием исключительно «колонизаторской политики» царизма, придавшей однобокое аграрно-сырьевое направление экономическому развитию ханства. В качестве наглядного доказательства называются, как правило, монокультура хлопчатника, доминирование в хивинском экспорте в Россию продукции сельскохозяйственного производства, отсутствие тяжелой промышленности и т. п. Бесспорно, Хивинское ханство на внешних рынках, в первую очередь — российском, было представлено прежде всего хлопковым волокном, хлопком-сырцом и хлопчатобумажными тканями, шелком, каракулем, кожей, а также весьма широким ассортиментом изделий традиционного ремесленно-кустарного производства. Как свидетельствуют многочисленные общедоступные источники, поставлять на внешние рынки в значительных объемах хлопок и кожу Хива начала еще в конце XVIII—начале XIX в., иначе говоря, задолго до русско-хивинской войны 1873 г. Ее к этому вынуждали объективные обстоятельства: страна, окруженная зыбучими барханами Каракумов, не располагала ни необходимой сырьевой базой, ни большими запасами рудных материалов, ни реальным научно-техническим потенциалом, ни квалифицированными кадрами для основания современной как тяжелой, так и легкой промышленности. Поэтому в экономике Хивинского ханства ведущая роль и принадлежала *сельскому хозяйству*. Не вызывает сомнения, однако, и тот факт, что экономическая политика царской России, ее колониальной администрации в Туркестанском генерал-губернаторстве также оказывала *направляющее* влияние на формирование структуры общественного производства в ханстве, стимулируя преимущественное развитие экспортоориентированных сырьевых отраслей, постепенно «приспосабливала» их к запросам российского рынка.

Прав А. Зия, который считает, что общая социально-экономическая и политическая стагнация государств Центральной Азии, среди них и Хивинского ханства, началась задолго до их превращения в протектораты царской России³⁷. Вместе с тем причины и распад некогда, по его мнению, *единых* (что не бесспорно!) государств он усматривает не в игнорировании закономерностей общественного развития, не в консервации находившимися у власти ортодоксальными институтами старых производственных отношений и не в торможении эволюции производительных сил, а в просчетах политиков³⁸. Не умаляя роли личности в истории, в то же время вряд ли правомерно чрезмерно гиперболизировать ее миссию, приписывать ей все явные просчеты или, напротив, достижения, игнорируя саму социально-политическую край-

---

³⁷ См.: Зия А. История узбекской государственности. С древних времен до завоевания Россией. Ташкент: Шарк, 2001. С. 312 (на узб. яз.).

³⁸ Зия А. История узбекской государственности. С. 312.

не консервативную природу феодально-абсолютистских правящих режимов, утвердившихся в государствах Центральной Азии.

Еще ожидает изучения такая проблема, как зарождение, эволюция и идеология в Хивинском ханстве реформаторского движения, как, впрочем, и в Бухарском эмирате. С. З. Зиманов, например, убежден, что в феодальной дореволюционной Хиве «реформаторское движение не имело своих идеологов и видных деятелей»³⁹. Документы же весьма красноречиво показывают: реформистское направление общественно-политической мысли возникло в ханстве уже на рубеже XIX и XX вв., в эпоху подъема национально-освободительной борьбы народов сопредельных стран Ближнего и Среднего Востока, превратившихся в сателлитов великих держав.

Среди исследователей все еще нет единого мнения о характере, социальной базе, идеологии и политике движения младохивинцев. А. С. Садыков относит к ним все слои «национальной буржуазии» и считает, что партия стояла на позициях шовинизма⁴⁰. По мнению Н. Х. Каландарова, к младохивинскому движению примыкали средние пласты узбекской национальной буржуазии, а также ремесленники, кустари, мелкие торговцы, прогрессивно настроенные представители национальной интеллигенции. «Младохивинцы, — писал он, — далеко стояли от революционных идей, не думали о коренных изменениях социально-экономической структуры хивинского общества»⁴¹. Р. Караев заявляет, что младохивинская партия была буржуазно-националистической, выступала главным образом за частичное реформирование «существующей социально-экономической и политической системы»⁴², однако не уточняет, о каких реформах конкретно идет речь.

Недостаточно разработаны проблемы, касающиеся влияния на социально-политические процессы, происходившие в Хивинском ханстве, национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке, в частности в сопредельных Турции, Афганистане и Иране. Несмотря на существенные ограничения, введенные «Условиями мира» 1873 г. относительно права ведения международных контактов, Хива от них не была совершенно изолирована⁴³, ее внутренняя жизнь, не-

---

³⁹ Зиманов С. З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976. С. 53.

⁴⁰ Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 183, 184.

⁴¹ Каландаров Н. Х. Образование и деятельность Хорезмской Коммунистической партии (1920—1924). Ташкент, 1975. С. 23.

⁴² Караев Р. Общественные организации трудящихся Хорезма в 1920—1924 гг. (Из опыта некапиталистического развития республики). Ашхабад, 1980. С. 18.

⁴³ См.: Nichol J. P. Diplomacy in the Former Soviet Republics. Westport (Conn.); London, 1995. P. 151. Убедительные данные на этот счет приводит и

сомненно, не могла избежать естественного влияния идеологии и политики молодого антиколониального демократического движения на Востоке, немало перенявшего из практического опыта российских революций и преобразовательных процессов в странах Европы.

Серьезные пробелы в освещении темы ясно указывают на научное и практически-политическое значение всестороннего и, безусловно, непредвзятого исследования проблематики, объективного раскрытия многогранных геополитических связей России с Хивинским ханством. Само состояние историографии убеждает, что политика и практика отношений между Россией и Хивой, а также соседней Бухарой и другими регионами Центральной Азии — отнюдь не «слишком узкая тема», как это видится сегодня некоторым.

Конечно, в одной работе не представляется возможным подробно рассмотреть все аспекты проблемы, с достаточной полнотой показать сложный, противоречивый и многогранный исторический процесс. Поэтому автор поставил перед собой скромную задачу — предпринять попытку раскрыть в возможно более широком временном диапазоне процесс формирования и развития *геополитических* отношений между Россией и Хивинским ханством, акцентировав внимание на некоторых, на его взгляд, существенных особенностях политического, дипломатического, экономического и торгового сотрудничества двух разнополярных, по сути, государств на различных этапах их эволюции, показать историческую обусловленность и закономерность многовековых разносторонних и тесных связей.

В книге на широкой источниковой базе рассматриваются первые уверенные шаги по налаживанию российско-хивинских связей в XVI—XVIII вв., в том числе в период царствования Петра Великого, обмена дипломатическими посланниками, характерные особенности экономического, политического и торгового сотрудничества России и Хивы, их как позитивные, так и негативные последствия для обоих государств. Раскрываются попытки Англии, ее восточных сателлитов, пользуясь грубейшими просчетами правящей верхушки Российской империи (как, например, наращивание военного присутствия в Прикаспии и Приаралье, неудавшийся поход В. А. Перовского в 1839 г. и т. д.), добиться дискредитации ее политики, дестабилизировать отношения с соседними странами, в том числе и с Хивой, осложнить политическую ситуацию в регионе в целом и сколотить антироссийскую коалицию из «мусульманских стран».

В поле зрения автора — и такая пока малоизученная проблема, как *стратегические* цели поступательного движения России в 50—70-е гг. XIX в. вглубь региона Центральной Азии, *тактика* их реализации

Саффар Хан в своей книге «Muslim Reformist Political Thought: Revivalists, Modernists and Free Will» (London; New York, 2003).

применительно к каждому из государств в отдельности. В этой связи анализируются перемены в российской восточной политике в связи с реальной угрозой английской вооруженной экспансии в Центральную Азию, планами по превращению Хивинского ханства и Бухарского эмирата в плацдармы для утверждения господства Великобритании не только в Афганистане, Персии и Турции, но также и в Прикаспии и Приаралье. Рассматриваются причины падения Кокандского ханства, занимавшего важнейшее стратегическое положение в Центральной Азии, и его реорганизации, образования включенного вскоре в состав Российской империи нового Туркестанского генерал-губернаторства, сохранения де-юре независимости Хивы и Бухары, а также суть системы *непрямого управления*, которое было применено в отношении этих государств во второй половине XIX в. после их поражения в войне с Россией.

Важное значение в книге придается позитивизации общего влияния капитализации России в постреформенный период, особенно после русско-хивинской войны 1873 г., на социально-экономическое и политическое развитие Хивинского ханства. В ней рассматриваются определяющие последствия постепенного, но неуклонного вовлечения хивинской экономики в орбиту общероссийского рынка, изменения в ее отраслевой структуре, а также воздействие хозяйственной интеграции на динамику общественного производства. Специальные разделы работы посвящены деятельности в Хиве российского торгово-промышленного и банковского капитала на стыке XIX и XX вв., его роли, с одной стороны, в расширении отраслевой структуры, совершенствовании и модернизации хивинского хозяйства, зарождении современного национального торгового и промышленного предпринимательства, а с другой — в консервации феодально-патриархальных производственных отношений и устаревших производительных сил.

Немало интересных материалов содержится в работе о специфике эволюции в Хивинском ханстве в первой половине XIX в., накануне превращения в российский протекторат, общественного производства и производительных сил. Раскрываются факторы, способствовавшие общей консервации развития, показаны особенности формирования социальной структуры и политических институтов хивинского общества, процесса классообразования, социальной и имущественной дифференциации. Вполне очевидно, что без четкой позитивизации этих аспектов хивинской истории не представляется возможным понять господствующие тенденции в движении Хивы по пути общественного прогресса до ее превращения в протекторат.

Особое внимание в книге уделено реконструкции и традиционных институтов политической системы ханства. Важно иметь в виду, что основные положения договора «Условия мира России с Хивою» 1873 г. не оставались инвариантными. Напротив, они изменялись под воздей-

ствием как объективных, так и субъективных факторов, с учетом назревших проблем, которые представляли взаимный интерес и требовали конструктивного решения. Их корректировку диктовала необходимость совершенствования российско-хивинских отношений. К сожалению, большинство исследователей упускают это из виду. В работе впервые рассмотрены попытки денонсации договора уже в 90-е гг. XIX в., трудный поиск консенсуса за столом переговоров, российские и хивинские программы переустройства внутренней жизни ханства в 10-е гг. XX в. Они привели к заметному обновлению содержания российско-хивинских отношений, некоторому изменению традиционных институтов политической системы ханства, затронули целый пласт экономических, политических, социальных и духовных проблем, хотя и сохранили в целом антидемократичную и давно уже закостеневшую феодально-абсолютистскую монархию.

Первая мировая война оказала глубокое воздействие на систему отношений, сложившихся в Российской империи. Она дала мощный импульс обострению противоречий не только между метрополией и окраинными национальными регионами, но и внутри них. Именно в этот период более контрастно проявилась степень интегрированности экономической и политической жизни России и Хивы. В книге обстоятельно раскрываются углубление в Хивинском ханстве, как и в других районах империи, экономической депрессии, деструктивизация внутренней политики режима Сеида Асфандияр-хана, приход к власти крупной хивинской буржуазии, не сумевшей предложить обществу пути выхода из тяжелейшего кризиса, и как следствие — ухудшение условий жизни народа, обострение национального вопроса, усиление среди широких масс оппозиционных настроений. Кризисные явления обусловили серьезные перемены в расстановке политических сил, радикальный пересмотр форм и методов борьбы с абсолютизмом, за свержение монархии и завоевание демократии.

Как известно, в последние годы в общеисторической литературе стал подвергаться сомнению закономерный и объективный характер нарастания общенационального кризиса, резкого обострения классового борьбы и падения феодально-абсолютистских режимов в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. В ряде книг и публикаций печати затушевываются факты, наглядно свидетельствующие о неуклонном углублении социального и имущественного неравенства в хивинском обществе и расширении классовой дифференциации, обусловивших усиление антагонистических противоречий. Волнения и вооруженные выступления народных масс, заметно участвовавшие в начале XX в., особенно после буржуазно-демократической революции 1905 г. в России, преподносятся исключительно как борьба *антиколониальная*, т. е. «за восстановление национальной государственности и завоевание свободы». Бесспорно, политика царизма, потеря де-факто Хивинским

ханством, как и Бухарой, государственной независимости вызывали протест среди самых разных слоев населения. Он принимал форму и стихийных волнений и мятежей, и локальных вооруженных восстаний, способствуя тем самым ускорению формирования антиколониальных общественных движений и течений. Вместе с тем многие из них были направлены против и *антинационального* курса ханских властей, гнета правящих кланов, политического и экономического диктата феодальной олигархии, носили отчетливо выраженный *антифеодальный* характер. Их участники добивались смены правящего режима, решительного изменения внутривнутриполитического курса, облегчения налогового пресса, введения демократических прав и свобод.

Игнорирование объективного характера борьбы народных масс против *ханского феодально-абсолютистского строя*, связывание ее лишь с антиколониальным, национально-освободительным движением вольно или невольно ведет к идеализации застарелых монархических режимов не только в Хивинском ханстве, но и в Бухарском эмирате, к отрицанию того факта, что они-то и являлись главным тормозом на пути *общественного прогресса*, создания современного светского государства с реально *демократическими* политическими институтами, высокоразвитой экономикой и культурой, на деле обеспечивающими для всего населения достойные условия жизни. Автор счел поэтому целесообразным специально остановиться на этой существенной проблеме и, опираясь преимущественно на малоизученные материалы, относящиеся к кануну свержения царского самодержавия в России и феодально-абсолютистской монархии в Хивинском ханстве, высказать личную точку зрения об объективных и субъективных предпосылках неизбежного крушения феодально-абсолютистского режима.

В книге раскрываются углубление классового размежевания в хивинском обществе, нарастание борьбы демократической оппозиции против деструктивного политического курса ханского правительства. Читателю предлагаются убедительные фактологические материалы о становлении и укреплении антиправительственного оппозиционного движения, широкой реформаторской деятельности первой в Хиве умеренно-либеральной партии Сеида Ислам-Ходжи, стратегии, а также тактике действий некоторых других оппозиционных движений и течений, возникших на ее основе, среди них — крайне радикальной (партия Хусаин-бека Матмурадова), просветительской (объединение П.-Х. Юсупова), социал-демократической и т. п. Приводится немало весьма уникальных, доселе неизвестных документов и материалов, касающихся образования младохивинской партии «Революционный союз хивинской молодежи», ее идеологии и практической политики на самых начальных этапах становления, других оппозиционных сил, чья деятельность, несомненно, оказывала огромное влияние на углубление общего кризиса «верхов» в Хиве. Показаны предпосылки восстания 1916 г.,

его социальная база, цели, ход и последствия, участие иностранных спецслужб в дестабилизации политической обстановки в ханстве, их новые попытки по созданию антироссийского блока из национал-патриотической крайне правой оппозиции. Глубже и шире раскрываются обвальное ухудшение социально-экономической ситуации в Хивинском ханстве, существенное ускорение социальной дифференциации и поляризации политических сил, обусловившие необратимость нарастания общенационального кризиса, а в конечном итоге — падения феодально-абсолютистской монархии. Они позволяют читателю четче представить определяющие тенденции как в развитии российско-хивинских отношений, так и в политическом, экономическом и социальном положении Хивинского ханства буквально в преддверии глобальных перемен 1917 г.

Источниковая база работы — прежде всего документы архивов Российской Федерации и Республики Узбекистан, часть которых вводится в научный оборот впервые. Широко использованы оригинальные документы и материалы, касающиеся истории Хивинского ханства и непосредственно российско-хивинских связей, развития в регионе национально-освободительного движения, зарождения и эволюции различных оппозиционных течений и партий, в том числе младохивинской, а также обнаруженные автором в частных коллекциях и местных архивах неопубликованные воспоминания и мемуары непосредственных участников событий, близкая к теме литература, публикации в периодической печати тех лет и др.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказывал помощь в подготовке книги пожеланиями, советами и замечаниями. Особая признательность — кандидату исторических наук доценту А. В. Боброву (Саратов), доктору философских наук профессору И. Ф. Аношкину (Москва), докторам исторических наук профессорам К. Б. Мухамедбердыеву (Ашгабат), И. В. Погорельскому (Ленинградская обл.), И. С. Терехову (Саратов), кандидату исторических наук профессору Г. М. Билялову (Ургенч) и многим другим, с кем в свое время поделовому, горячо и заинтересованно обсуждались те или иные вопросы темы. К сожалению, время неумолимо и безжалостно, некоторых уже нет среди нас. Автор считает своим долгом отдать дань уважения скромным труженикам науки, мудрым наставникам и советчикам, отметить их поистине бесценную лепту в разработку остающейся актуальной проблематики, аккумулированной в данной книге, и надеется, что она будет воспринята читателем благожелательно.

Глава I

РОССИЯ И ХИВА: У ИСТОКОВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (XVI—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Формирование российско-хивинских отношений и сложные процессы, протекавшие в развитии экономики, политической и социальной структуры как России, так и Хивинского ханства, — звенья единой цепи. Находясь в общем геополитическом пространстве Евразийского конгломерата, связанные имевшим многовековые традиции тесным хозяйственным и культурным сотрудничеством, эти государства оказывали друг на друга вполне определенное влияние, которое усиливалось или же, напротив, ослабевало в прямой зависимости от масштабов и глубины перемен, наблюдавшихся в эволюции общественной жизни России и Хивы. Эта зависимость четко проявилась в XVIII—XIX вв., отмеченных резким усилением неравномерности и скачкообразности развития различных государств Евразийского конгломерата.

Новое время внесло существенные коррективы во взаимодействие и взаимовлияние России и Хивинского ханства, их роль и место в геополитической системе Центральной Азии. За сравнительно короткий исторический период в России были осуществлены, по сути, радикальные социально-экономические и политические преобразования. Правда, они не всегда отличались должной последовательностью (особенно после Петра I) и не привели к распаду феодально-крепостного строя, тем не менее заметно ускорили созревание материальных и духовных предпосылок капитализма в стране.

Хивинское ханство оказалось еще не готово последовать примеру России. Перемены нового времени, наблюдавшиеся практически повсеместно, причем не только в европейских, но и в некоторых мусульманских странах (Сирия, Иран, Турция, Тунис и др.), его практически не коснулись. Ханство в XVIII—XIX вв. находилось как бы в состоянии самоконсервации, продолжало олицетворять во всем приверженность традиционализму. Не изменили положения частичные

реформы в области государственного устройства и хозяйственного строительства, реализованные в период первой четверти XIX в. Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом I и его последователями. Хива сохранила все черты феодального государства классического восточного типа с монархической формой правления, крайне отсталыми производственными силами и производственными отношениями, устаревшей и функционирующей неэффективно политической системой, малодифференцированной социальной структурой.

Генезис и эволюция русско-хивинских торгово-экономических и политических отношений

Для генезиса российско-хивинских отношений, восходящих ко второй половине XVI в. — периоду укрепления Русского государства и становления Хивинского ханства, образовавшегося в начале XVI в. на обломках некогда могущественной древней Хорезмской империи, характерно стремление двух государств к налаживанию тесных дипломатических, торгово-экономических связей. Примечательно, что в 1557 г., то есть уже буквально на следующий год после взятия московскими войсками Астрахани и распространения власти царя Ивана IV Грозного на Поволжье там появились богатые товарами торговые караваны из древней столицы Хорезма Куния-Ургенча, а в 1558 г. Хиву и Бухару со статусом официального посланника России посетил представитель «Московской торговой компании» английский купец и дипломат Энтони Дженкинсон в сопровождении двух других английских предпринимателей — Ричарда и Роберта Джонсонов¹. С ответным визитом в 1559 г. в Москву прибыло новое хивинское посольство «с поминками и любовным челобитьем, просячи дороги гостем и береженья»², встреченное в столице с почестями, и тогда же осенью — бухарское, направленное Абдуллаханом II вместе с Э. Дженкинсоном.

Русское правительство открыто демонстрировало свою серьезную заинтересованность в налаживании торгово-экономического сотрудничества с Хивинским ханством, установлении более тесных взаимоотношений в различных сферах. Об этом, в частности, весьма красноречиво свидетельствует специальная грамота, выданная в 1566 г. Иваном IV Грозным послу хивинского хана Ходжамухаммеда. Ею хивинским купцам предоставлялось право свободного передвижения по всей территории России и льготные условия для торговли в любом русском городе.

¹ См.: Новая история Узбекистана. Кн. 1. С. 28.

² История народов Узбекистана / Под ред. проф. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова и др. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 67—68.

Обмены торгово-дипломатическими посланниками между Россией и Хивой продолжались и в последующие годы. В XVII столетии в Москве не раз устраивались торжественные приемы хивинских посланников, которые, как правило, завершались новыми проектами укрепления двусторонних связей. Демонстрация дружбы и взаимопонимания между Россией и Хивой была важна прежде всего для того, чтобы оградить их отношения от пока еще не устраненных всякого рода негативных воздействий, способных разрушить наводившиеся мосты взаимного доверия и сотрудничества. Следует иметь в виду, что на рубеже XVI и XVII вв. процесс становления единого централизованного Русского государства еще не был завершен. Так называемые «удельные князьки» отдаленных окраинных районов продолжали совершать разбойные нападения на «заморские» торговые караваны, вторгаться в города и селения на территории сопредельных государств, в том числе и Хивинского ханства. По сведениям из хроник историка Абулгази-хана, один из крупных отрядов яицких (уральских) казаков, разграбив в 1603 г. шедший из Туркестана торговый караван, совершил затем дерзкий налет на Куня-Ургенч. Почти все мужское население города находилось в походе, защищать его было некому. Погромы и разбои продолжались неделю. Разграбив дома, захватив свыше тысячи женщин и детей, казаки покинули город. Однако банда была настигнута армией Араб Мухаммед-хана в районе Тюрк-Карагана на полуострове Мангышлак, окружена и после ожесточенных боев полностью уничтожена³. Чтобы предотвратить подобные эксцессы в будущем, Русское правительство широко использовало не только методы дипломатии для укрепления отношений с дружественными странами, но и создало обстановку наибольшего благоприятствования в торгово-экономических связях. Так, в 1616 г. при царе Михаиле Федоровиче хивинские купцы получили право постоянного доступа на Кабалы-Кленскую пристань, куда посылались бусы, то есть цепь из небольших лодок, способных двигаться по мелководью, для доставки их товаров в Астрахань, а оттуда, по Волге, в другие российские города. Караваны всюду сопровождались вооруженными дружинами.

Беспрепятственно посещали многочисленные российские торговцы, дипломатические посланники и Хивинское ханство. «С каждым годом, — говорилось в верительной грамоте одного из хивинских посланников в Москве, датированной 1643 г., — приезжают из русской земли, из Ходж-Тархана (Астрахань), по 40 и 50 русских купцов... Они если хотят, то ведут торговлю в Ургенче, а если хотят, то проезжают через наш Ургенчский вилайет в Бухару; если хотят, то едут в Балх и пребывают там по два и по три года»⁴. В XVII столетии в ханстве по-

³ Абул-Гази Бахадырхан. Родословная тюрок. Ташкент, 1992. С. 158—159; 167 (на узб. яз.).

⁴ См.: Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии... С. 62.

бывало не менее десяти торговых и дипломатических посланников России. Среди них — Иван Хохлов (1620), Иван Федотьев (1669), Матвей Муромцев (1669), Василий Даудов (1675), Семен Маленький (1695) и др.⁵ Часть из них проследовали через Хиву в Бухару, Персию, Китай и Индию, другие страны, находясь под покровительством и опекой хивинского хана. И для тех, кто совершал торговые операции в самой Хиве или других городах ханства, и для следовавших через территорию страны транзитом предоставлялись существенные налоговые льготы, покровительство хивинских правителей.

Как подчеркивает А. Коэн, если развитие Архангельского порта стимулировало расширение торгово-экономических связей Русского государства с Западом, то Астраханского — с Кавказом и Центральной Азией⁶. При этом интенсивность дипломатических и торговых обменов с регионом Прикаспия и Приаралья возросла: в первой половине XVII в. в Россию из Хивы прибыли 14 посольских миссий, а из Бухары — 12, объем товарооборота в среднем за год достиг 50 тыс. руб.⁷, что свидетельствовало об укреплении взаимного доверия и двусторонних связей.

Российско-хивинские экономические и дипломатические отношения развивались не стихийно, а при непосредственном и деятельном участии правителей государств, и здесь несомненный интерес представляет одно из посланий хивинского хана Ануши царю Алексею, датированное 1668 г., в нем излагается принципиальная позиция Хивы в отношении сотрудничества с Русским государством. «Мы желаем, — особо отмечалось в документе. — чтобы... между вами и нами дружба и любовь и ссылка была о всяких добрых делах, и торговым бы людям на обе стороны ходить было привольно, что в нашей стране к руке, то б привозили: немецкие узорочные и соболи, и зуб рыбий, и добрые scarлатные сукна, и белы товары, шубы и иные товары; те товары в наших странах, в Юргенской и Семерханской землях, также и в Бухарех, годны». В интересах дальнейшего развития и укрепления двустороннего торгово-экономического и дипломатического сотрудничества, обеспечения безопасности караванов на торговых путях Анушахан предложил Московскому правительству заложить на полуострове Мангышлак город, чтобы «на обе стороны послам и посланникам и торговым людям ездить было безопасно»⁸. Очень скоро такой пограничный город на побережье Каспийского моря был построен силами

---

⁵ См.: История народов Узбекистана. 1947. С. 107; Масальский В. История сношений Хивинского ханства с Россией // Энциклопедический словарь. Т. XXXVII / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1903. С. 194.

⁶ См.: *Cohen A. Russian imperialism: development and crisis*. P. 41.

⁷ *Ibid.* P. 44.

⁸ Цит по: История народов Узбекистана. 1947. С. 111.

русских солдат и со временем превратился в один из важнейших транспортных узлов на самом древнем и оживленном торговом пути между Востоком и Западом — от Индии и Китая до Тихого океана.

Интенсификация торговых и дипломатических сношений в XVI—XVII вв. не привела к подписанию каких-либо масштабных межгосударственных соглашений между Россией и Хивинским ханством. Но отражавшие позицию официальной Москвы и Хивы многочисленные грамоты и послания, которыми правительства обменивались регулярно, безусловно, сыграли свою роль в упорядочении отношений между ними. Они способствовали улучшению взаимопонимания, заложили конструктивные правовые основы для взаимовыгодного и разностороннего сотрудничества в будущем соседних государств, развивавшихся каждое своим путем. Поэтому представляются довольно сомнительными попытки некоторых западных исследователей уже в самих истоках российско-хивинских торговых и экономических отношений обнаружить тайные «колониалистские устремления» Русского государства. С. Беккер, именуемый иными пионером «новой имперской истории» России, в своей книге, ставшей якобы «классикой жанра»⁹, называет Э. Дженкинсона «английским торговым авантюристом», а его официальную посольскую миссию — практически неудачной¹⁰. Автор старательно замалчивает характеристику состояния дипломатического, то есть *межгосударственного* сотрудничества России с Хивой и Бухарой в XVII в., акцентируя внимание исключительно на торговых отношениях, представляет ситуацию так, будто купечество государств Центральной Азии осуществляло чуть ли не торговую экспансию в Россию. Автор, к примеру, указывает, что оно «вело активную торговлю, поставляя товары в Астрахань, Самару, Казань, Нижний Новгород, Ярославль и непосредственно в Москву», в то же время «никакие российские торговцы... почти не торговали в Центральной Азии», ибо, оказывается, в Бухаре и Хиве «чрезвычайно подозрительно относились к посторонним, особенно немусульманам», и «ревностно оберегали собственную монополию на выгодное транспортное дело с Россией»¹¹. Причина подобного положения в том, разъясняет далее С. Беккер, что официальная Москва «в течение этого периода преследовала две основные цели: освобождение российских рабов (по большей части рыбаков и торговцев, захваченных... у Кас-

---

⁹ См.: Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 41.

¹⁰ *Becker S. Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924. Ed. 2. London; New York, 2004. P. 12.*

¹¹ *Ibid. P. 12.*

пийского моря и проданных в рабство в Хиву и Бухару), а с середины столетия — собирание сведений о торговых маршрутах к Индии. Усилия России были одинаково неудачны на обоих направлениях»¹². При этом какие-либо убедительные факты, естественно, не приводятся. Притянутым выглядит и муссируемый вопрос об освобождении из неволи находившихся в Хиве и Бухаре «русских рабов»: на межгосударственном уровне он стал обсуждаться значительно позднее, примерно в начале XIX в., ибо рабство существовало в той или иной форме до отмены крепостничества и в самой России.

Э. Аллворт заявляет, что «Русское правительство, по существу, оставалось пассивным» к усилиям ханов обезопасить торговлю с Россией, было «безразлично к провалам в торговых связях», не реагировало на жалобы на дискриминацию купцов из Центральной Азии, самоуправство капитанов русских судов, отказывавшихся доставлять их товары в Астрахань, что вынуждало их «продавать... по бросовым ценам»¹³. Х. Паймани признает, что с Ивана Грозного берет начало установление «дипломатических отношений с Центральной Азией», однако тут же, отвергая их значимость, убеждает, будто «успеха они не приносили»¹⁴. Авторы «Белых ночей Санкт-Петербурга» идут еще дальше. По их мнению, Россия «вводила в заблуждение местных правителей заверениями о заключении с ними соглашений о союзе, что являлось всего лишь изощренной маскировкой стремления к аннексии»¹⁵. К сожалению, подобное встречается и в других работах. Манипулирование фактами, зачастую — попросту игнорирование их является одной из причин кочующих по страницам некоторых западных изданий диффамаций, вызывающих у читателя, мягко говоря, недоумение и досаду.

Несомненно, процесс сближения России и Хивинского ханства, наращивания двустороннего сотрудничества протекал не всегда гладко и равномерно. На пути формирования геополитических связей серьезным тормозом служила, в частности, нестабильность политического и экономического положения в ханстве. Хива в период XVI—XVII вв. и даже позднее не сумела оправиться от разрушительных последствий татаро-монгольского нашествия, положить конец обескровливающим страну межфеодальным войнам. К тому же она постоянно подвергалась агрессии со стороны соседей — Бухары и Ирана. Захватчики разрушали города и селения, плотины, оросительные каналы, угоняли в нево-

---

¹² *Becker S. Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924. Ed. 2. London; New York, 2004. P. 12.*

¹³ См.: *Central Asia, 130 years of Russian dominance. P. 24.*

¹⁴ *Peimani H. Regional security and the future of Central Asia: the competition of Iran, Turkey, and Russia. Westport (Conn.). 1998. P. 26.*

¹⁵ См.: *Prince Michael of Greece (Michel. Franklin Philip). The White Night of St. Petersburg. New York, 2004. P. 108.*

лю ученых и народных мастеров, превращали в груды развалин дворцы и мавзолеи, памятники древней материальной культуры, сотворенные многими поколениями. В итоге периоды кратковременного подъема и расцвета сменялись десятилетиями стагнации, упадка хозяйственной и социально-культурной жизни.

Не менее тяжелыми для Хивинского ханства оказались и последствия нового вторжения в страну в 1698 г. многотысячной бухарской армии. Сломив сопротивление хивинских войск, захватчики прошли по городам и кишлакам огнем и мечом. После занятия столицы и свержения Бали-хана, владевшего Хивой приблизительно всего год, правитель Бухары Субханкули-хан посадил на хивинский трон своего наместника Шах-Нияза в надежде, что за его спиной сам будет править страной, регулярно взимать с нее дань. Под вопросом оказалась независимость, самостоятельное государственно-политическое существование Хивинского ханства, ставшего объектом вооруженной агрессии.

Однако Субханкули просчитался. Шах-Нияз проявил себя вполне дальновидным и самостоятельно мыслящим политиком. Почти через год после пребывания на хивинском троне он отказался повиноваться Бухаре и выплачивать огромную дань, тяжелым бременем ложившуюся на экономику и без того обескровленной страны, решительно и бесповоротно встал на нелегкий путь борьбы за восстановление независимости Хивинского ханства, которое только так и можно было вывести из состояния глубокой стагнации, обеспечить подлинное его возрождение и подъем.

Стремясь заручиться поддержкой становившейся все более могущественной России, обрести в ее лице мощного союзника, в 1700 г. хан Шах-Нияз обратился в Москву с официальным посланием, в котором предлагал принять Хиву под покровительство России. Вполне очевидно, что в случае положительного решения ханство приобретало возможность опереться на экономический и, что в тех условиях было особенно важно, большой военно-стратегический потенциал Русского государства, получить его практическую помощь в защите своего суверенитета, независимости и территориальной целостности.

Российское правительство позитивно откликнулось на обращение Хивы. 30 июня того же года Петр I подписал грамоту, провозгласившую содружество двух государств де-юре. Весной 1703 г., как сообщали «Московские ведомости», во время приема, устроенного в честь посланника нового хивинского хана, передавшего Петру I послание Ширгази-хана с выражением верности союзу, миру и дружбе с Россией¹⁶, он вновь подтвердил решение о принятии Хивы под «высокодержавную руку в вечное подданство» и направлении «к нему, хивин-

---

¹⁶ См.: Dixon S. The modernization of Russia, 1676—1825. Cambridge, 1999. P. 44.

скому хану, посла своего»¹⁷. Это означало, что отныне всякое посягательство на независимость Хивинского ханства будет рассматриваться как недружественный шаг и в отношении России, следовательно, будет получать соответствующий отпор. Таким образом, Русское правительство брало на себя обязательство всеми средствами оказывать содействие официальной Хиве в восстановлении и укреплении суверенитета и независимости государства, сохранении его целостности.

Однако давно востребованный важнейший политический проект, способный ознаменовать прорыв в отношениях России с Хивинским ханством, как и с другими государствами Центральной Азии, тогда не был реализован. Этому помешали некоторые как объективные, так и субъективные обстоятельства. Во-первых, в начале 1700-х гг. возможности России для реализации крупных дипломатических или же военно-политических акций в защиту Хивы были крайне ограничены. Северная война, на которой было сосредоточено главное внимание правительства Петра I и которая отвлекала значительные материальные и людские ресурсы, затягивалась. Во-вторых, вызывала озабоченность Санкт-Петербурга и частая сменяемость на троне хивинских правителей: Шах-Нияз — инициатор союза с Россией — правил всего около трех лет, а сменивший его Сеид Али-хан в 1705 г. был вынужден передать трон Муса-хану, который буквально через год уступил его Ядгар-хану (1706—1713). Тем не менее даже в условиях чередования «дворцовых переворотов», аккумулировавших борьбу ведущих семейных кланов ханства за верховную власть, каждый новый правитель во главу угла своего политического курса неизменно ставил укрепление отношений Хивы с Россией, стремясь, с одной стороны, устранить препоны на пути ускорения сближения со стремительно эволюционирующим северным соседом и придать тем самым импульс традиционным торгово-экономическим связям, а с другой — упрочить с ее помощью собственную власть, положить конец межклановым распрям и добиться, наконец, устойчивой политической стабильности внутри страны, надежно оградить Хиву от внешней агрессии и угроз, обеспечить благоприятные условия для осуществления внутренних реформ. Остался верен этой традиции и Ширгази-хан (1713—1727) — один из видных государственных деятелей своего времени, политик мудрый и дальновидный, с именем которого непосредственно связаны значительные экономические и социальные перемены, осуществленные в ханстве в первой четверти XVIII в.

К принципиальным договоренностям, достигнутым между Россией и Хивинским ханством в 1700—1703 гг., Петр I вернулся только спустя одиннадцать лет. Причем не в связи с необходимостью правового уре-

---

¹⁷ См.: *Попов А. Н.* Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. С. 1.

гулирования взаимоотношений двух государств и осуществления намеченного. По сведениям В. Лебедева, весной 1714 г. астраханский купец князь Михаил Заманов¹⁸ и пользовавшийся особым покровительством царя капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка Александр Бекович-Черкасский¹⁹ в Санкт-Петербурге представили Петру I некоего Ходжанепеса. Он заявил царю, что является одним из «знатнейших людей туркменского колена» и конфиденциально сообщил об имеющихся на древнем русле Амударьи, в районе городка Яркент, безбрежных золотоносных песках²⁰. Убедительными доказательствами Ходжанепес не располагал, вся его информация больше походила на легенду. Но поручительство Заманова и самого Бековича-Черкасского сыграло свою роль.

Сообщение заинтересовало Петра I всерьез, ибо в случае, если оно подтвердится, налаживание добрососедских отношений и расширение торгово-экономического сотрудничества с Хивой могли послужить на деле одним из дополнительных источников оживления хозяйственной жизни России, истощенной Северной войной. Петр I приглашает на аудиенцию находившегося в Санкт-Петербурге дипломатического посланника хивинского хана Ашур-бека и расспрашивает его о золотоносных песках на реке Амударье. Услышанное крайне удивило посланника, так как не соответствовало действительности. Однако, чтобы избежать недоразумений, тот не стал разубеждать Петра I и опровергать информацию, ограничился заявлением, что хивинский хан окажет всяческое содействие, если Русское правительство будет намерено «послать туда несколько человек для собрания по этому предмету точнейших сведений»²¹. То есть речь шла о снаряжении в Хивинское ханство для осуществления соответствующих изыскательских работ специальной геологоразведочной экспедиции, способной внести яс-

---

¹⁸ Михаил Заманов (Саманов) — бывший правитель Гильянской провинции Ирана. После эмиграции в Россию принял христианство, получил титул князя (см.: Новая история Узбекистана. Кн. 1. С. 29).

¹⁹ Александр Бекович-Черкасский — сын одного из кабардинских беков. В 1707 г. был направлен Петром I в европейские страны для изучения разных наук, а также мореплавания. После возвращения на родину служил капитаном-поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. В 1713 г. был назначен от казанскому губернатору П. М. Апраксину доверенным лицом и советником от царя. Был женат на княжне Марфе Борисовне Голицыной, дочери знаменитого князя Бориса Алексеевича Голицына, под надзором которого будущий царь Петр I провел часть своей юности (см.: Энциклопедический лексикон. Т. V. СПб., 1836. С. 203).

²⁰ Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846. № 9 (сентябрь). С. 137—138.

²¹ Журнал Министерства народного просвещения. № 9. С. 204, 206; Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений... С. 166—167.

ность в вопрос, оказавшийся в центре внимания Российского правительства.

29 мая 1714 г. Петр I принимает решение о направлении в ханство экспедиции во главе с князем А. Бековичем-Черкасским. Ей поручается поздравить Ширгази-хапа с восшествием на престол и из Хивы «ехать в Бухару к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее проведать про город Иркет, сколько далек оный от Каспийского моря и нет ли каких рек поблизости в Каспийское море»²². В распоряжение А. Бековича-Черкасского передаются 124 современных судна, в их числе 2 флотские шхуны с 8 орудиями, 1760 драгун, пехотинцев и уральских казаков. 24 октября 1714 г. экспедиция направилась по Каспийскому морю из Астрахани в Хивинское ханство, но, столкнувшись с ранним ледостоем, 3 декабря возвратилась на прежнее место дислокации, чтобы перезимовать дома, на российской территории, а с началом навигации продолжить движение.

25 апреля 1715 г. экспедиция вновь приступила к выполнению поставленной задачи. Спустя три с небольшим месяца, точнее — 4 августа, А. Бекович-Черкасский в рапорте Петру I сообщил, что прибыл в местность Актан, где в прежние времена Амударья впадала в Каспийское море, а впоследствии была отведена у урочища Харакая (в 4 верстах от Хивы) особой плотиной в Аральское море. 24 октября он докладывал царю о завершении работы над картой Каспийского моря, о возвращении экспедиции в Астрахань²³. Как явствует из документов, в тот год А. Бековичу-Черкасскому побывать в районе Красноводского залива, южнее которого находилось древнее русло Амударьи — Узбой, так и не удалось. Недостаточно проверенной информацией он пользовался и тогда, когда сообщал Петру I об отводе реки искусственной плотиной в Аральское море, тем более недалеко от города Хивы.

Судя по депеше графа И. Мусина-Пушкина, направленной московскому стольнику Ю. Шишкину, сенат, видимо, крайне недовольный результатами экспедиции, 31 января 1716 г. в категоричной форме потребовал незамедлительного прибытия А. Бековича-Черкасского для доклада в Санкт-Петербург²⁴, но тот, проигнорировав предписание, выехал в Либаву (Рига), где находился в то время Петр I. Нельзя исключать, что именно это обстоятельство в решающей степени повлияло на дальнейшую судьбу как самого Бековича-Черкасского, так и возглавляемой им экспедиции, а значит, и на перспективы развития русско-хивинских отношений не только в петровскую эпоху, но и позднее.

---

²² Лебедев В. В. Посольство в Хиву в 1714, 17 и 18 годах // Азия: Сб. ст. СПб., 1837. С. 773.

²³ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя / Изд. В. Берх. Ч. II. СПб., 1829. С. 359—360.

²⁴ Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Т. I. СПб., 1871. С. 211—212.

Петр I, ознакомившись с докладом А. Бековича-Черкасского, первыми результатами экспедиции остался, видимо, удовлетворен. Вот почему 24 января 1716 г. он для продолжения углубленного изучения государств региона разработал более подробную инструкцию, состоявшую из 13 пунктов, о направлении в Хиву, на Каспийское море, новой экспедиции, о ее приоритетных целях и задачах. В ней, в частности, предусматривалось над гаванью, где протекало устье Амударьи, построить укрепление человек на тысячу. о чем просил и посол хивинский: осмотреть место близ плотин Амударьи или где удобно для постройки тайным образом другой крепости, а в случае возможности — и города. В документе особо отмечалась целесообразность склонить нового хана хивинского «к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах». Далее указывалось, что если хан это «предложение охотно примет и станет желать той гвардии... опасаясь своих людей, то оному ее дать сколько пристойно, но чтоб были на его плате», а если ему на первых порах нечем платить, то на год при своем жаловании оставить, но впредь чтоб он платил.

В случае положительного исхода переговоров с хивинским ханом предлагалось «просить его, дабы послал своих людей (при которых и наших два бы человека было) водою по Сырдарье реке вверх до Эркети (Эркенья) городка для осмотра золота». При этом следовало добиться выделения «судов, и на них отпустить купчину по Амударье-реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы поехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии... и возвратиться из Индии тем же путем, или, ежели услышит в Индии еще лучше путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать».

Большое значение Петром I придавалось сближению и с соседним Бухарским ханством. В инструкции прямо указывалось: «Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, нельзя ли его если не в подданство (ежели того нельзя сделать), то в дружбу привести...» Но какими средствами — об этом не говорилось.

Далее в документе шла речь о составе экспедиции, привлекаемых к ней воинских подразделениях, обеспечении военным и инженерно-строительным оборудованием. Правительствующему сенату предлагалось выделить из регулярного войска 4 тыс. человек, необходимое количество судов, а для ведения строительных работ «нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских 500, да тысячу человек драгун и доброго командира...».

Учитывая важность налаживания добрососедских отношений с народами Хивинского ханства, а также с населявшими районы Прикаспия и Приаралья кочевыми и оседлыми родами и племенами, командирам

подразделений поручалось строго следить за тем, чтобы солдаты и офицеры обращались с «обывателями земли ласково и без тягости»²⁵.

14 февраля 1716 г. Петр I направил в сенат предписание, приложив к нему развернутую инструкцию, отправить А. Бековича-Черкасского в Хиву «без задержек». В его распоряжение были переданы три пехотных полка по 1200 солдат в каждом, полк драгун, 2 тыс. уральских и гребенских казаков, 232 моряка, 43 артиллериста с 15 орудиями, всего — 6240 солдат и офицеров²⁶, что было больше, чем предусматривалось в инструкции Петра I. С его ли ведома было сформировано столь внушительное по тем временам войсковое соединение, или таковым было решение Правительствующего сената, или же это следствие личной инициативы Бековича-Черкасского, получившего неограниченные полномочия, — остается до сих пор загадкой. Не исключено, однако, и то, что часть приданных экспедиции воинских подразделений предназначалась для сопровождения посольской миссии флотского поручика Александра Кожина, направлявшейся в Индию в соответствии с указом Петра I от 10 марта 1716 г.²⁷, а пока следовавшей вместе с Бековичем-Черкасским.

Необходимо заметить, что организации петровской экспедиции в Хиву в 1714—1717 гг. в историографии, особенно западной, уделяется весьма значительное место. Вот уже почти триста лет она находится в центре внимания, наводя на размышления, порождая широкое разнообразие взглядов и суждений. Многие признают ее этапный характер в разработке нетрадиционной восточной политики, впоследствии оказавшей существенное влияние на позиции России не только на Востоке, но и во всем мире, безусловное значение в придании российско-хивинским отношениям нового качества. С. М. Диксон считает, что Петр Великий, направляя экспедицию в Хиву и Бухару, стремился проложить «сухопутный и водный путь вдоль Каспийского моря» для укрепления экономических связей России с Центральной Азией²⁸. Так считает и Р. С. Клем. Бесспорным побудительным мотивом снаряжения крупной экспедиции он называет заинтересованность Петра I «в налаживании сношений с регионом»²⁹. Джос Дж. Л. Гомманс акцентирует внимание на убежденности русского царя в возможности совершенствования торговых связей России с Индией посредством укреп-

---

²⁵ Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 213—215.

²⁶ См.: Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869. С. 289.

²⁷ См.: Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 263.

²⁸ Dixon S. The modernization of Russia, 1676—1825. P. 33.

²⁹ Clem R. S. The Frontier and Colonialism in Russian and Soviet Central Asia. P. 30.

ления взаимоотношений с соседями — Хивой и Бухарой³⁰, а также указывает, что экспедиция А. Бековича-Черкасского носила одновременно как исследовательский, так и военизированный характер³¹. В таком же ключе высказываются немало и других авторов.

Нельзя, однако, не видеть, что в подавляющем большинстве работ западных авторов анализ дошедших до нас оригинальных документов, связанных с подготовкой и отправкой экспедиции в Хиву и Бухару, в том числе личной инструкции Петра I А. Бековичу-Черкасскому, а также обширной переписки царя с Правительствующим сенатом, его распоряжений и заключений практически отсутствует, что, разумеется, не позволяет раскрыть суть проблемы. В то же время в них уделяется неоправданно повышенное внимание факту включения в состав экспедиции значительного воинского контингента, обусловившего ее явную милитаризацию, причем на этой основе строятся разного рода домыслы и инсинуации, вплоть до обвинения Петра I в вынашивании аннексионистских планов в отношении Хивы и других государств Центральной Азии, предпринимаются попытки дискредитировать всю восточную политику России. Например, Э. Аллворт пишет, что Петр I проявлял «интерес к экспансии на юго-восток и Русское правительство спланировало проведение силовой экспедиции против Хивы, называвшейся дипломатической миссией»³², но далее, как бы оправдываясь, допускает преследование и коммерческих целей — образование центров развитой торговли, способных «играть роль посредников в торговых операциях между Россией и Центральной Азией»³³. Крайне однозначную позицию в этом вопросе занимает С. З. Ахмед. Он вовсе не сомневается, что речь идет об осуществлении Россией вооруженной агрессии, и откровенно заявляет, что «трехтысячное русское войско, оснащенное самым современным оружием, наступало на Хиву по приказу Петра Великого»³⁴. Не отстает от него Н. Дж. Мелвин, который также утверждает, что экспедиция Бековича-Черкасского была направлена «для захвата Хивы»³⁵, причем ее гибель датирует 1719 г.³⁶, хотя произошло это на два года раньше, то есть в августе 1717 г. Если Х. Паймани подчеркивает, что «Петр Великий послал войска в Центральную Азию с тем, чтобы добиться российского военного присут-

³⁰ *Gommans J. J. L. The rise of the Indo-Afghan Empire: c. 1710—1780. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 26.*

³¹ *Ibid. P. 27.*

³² *Central Asia, 130 years of Russian dominance. P. 9.*

³³ *Ibid. P. 20.*

³⁴ *Ahmed S. Z. Chaghatai. West Conshohocken (PA). 2004. P. 160.*

³⁵ *Melvin N. J. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. Amsterdam, 2000. P. 8.*

³⁶ *Ibid.*

ствия в этом регионе»³⁷, то С. Соучек называет петровскую экспедицию даже более оригинально — «первым официальным демаршем колониализма»³⁸.

В отличие от других, П. Хопкирк не утруждает читателя научными рассуждениями. В свойственной ему оригинальной манере он поведал читателям, что практичный ум Петра I «задумал план относительно того, как получить и золото Центральной Азии, и долю в сокровищах Индии»³⁹, а затем, скороговоркой отметив положения инструкции как необходимость «определения пограничной линии», возможность предоставления правителю Хивы «постоянной российской охраны», «гарантирования его семье наследственного владения тронem», он прозрачно намекнул, что в нем предусматривалось в случае оказания экспедиции сопротивления для его подавления применить силы артиллерии⁴⁰.

Столь огульное искажение фактов, облаченное в «научнообразную» форму, не стремление к восстановлению истины, а погоня за дешевой сенсацией — чем бы они ни были продиктованы: социальным заказом или коммерческими интересами — крайне негативно отражаются на общем уровне исследований. Так что при рассмотрении истории российско-хивинских отношений, в том числе петровской экспедиции, восточной политики России в целом в контексте Центральной Азии целесообразно не упускать из виду, что и Петр Великий, и Ширгази-хан являлись видными политиками своей эпохи, закладывали основы принципиально новых отношений между двумя государствами, шли неизведанным путем. Прав А. Коэн, который пишет, что «как бы ни была верна политика многих других (российских правителей. — М. Н.), бесспорно то, что центральноазиатский проект был рожден эпохой Петра»⁴¹. Важно учитывать также, что Ширгази-хан являлся просвещенным монархом, в период его правления в Хиве получили развитие образование и литература, укреплялись связи не только с Россией, Бухарой и другими регионами Центральной Азии, но также со странами Востока. Поэтому объективизация и хода, и последствий петровской экспедиции в Хивинское ханство требует вдумчивого подхода, скрупулезного анализа фактов, событий и явлений.

15 сентября 1716 г., погрузившись в Астрахани на 147 судов самой разной величины, экспедиция начала длительный поход. 30 сентября

---

³⁷ *Peimani H.* Regional security and the future of Central Asia: the competitor of Iran, Turkey, and Russia... P. 26.

³⁸ *Souček S.* A History of Inner Asia. P. 186.

³⁹ *Hopkirk P.* The great game: on secret service in High Asia. Oxford, 1999 P. 16

⁴⁰ *Ibid.* P. 17.

⁴¹ *Cohen A.* Russian imperialism: development and crisis. P. 48.

она вышла к Каспию, где суда простояли в ожидании попутного ветра почти неделю. Наконец, 9 октября, потратив на морской переход более трех дней, экспедиция добралась до Красноводской косы у Тюрк-Карагана на полуострове Мангышлак. Здесь казанский полк полковника Хрущева получил приказ А. Бековича-Черкасского высадиться на берег, разбить лагерь и начать строительство крепости, названной впоследствии именем Св. Петра.

3 ноября 1716 г. А. Бекович-Черкасский уже с главными силами экспедиции прибыл в Красноводский залив. Несмотря на неблагоприятные условия (сплошь песчаная местность, крайне засоленная почва, отсутствие запасов пресной воды, окультуренной пашни для ведения земледелия и т. п.), он приказал полковнику Фандербидену силами приданных ему двух полков основать здесь город⁴². Так вскоре на картах появился город Красноводск, который превратился в крупную экономическую зону в Закаспии.

А. Бекович-Черкасский 20 февраля 1717 г. возвратился морем в Астрахань и занялся пополнением состава экспедиции. Тем временем политическая ситуация в Прикаспии и Хивинском ханстве резко осложнилась. Продвижение вглубь Центральной Азии значительного российского воинского контингента, строительство на некоторых важнейших участках торгового пути из России крепостей и укрепрайонов вызвали заметное беспокойство ожидавших прибытия немногочисленной мирной экспедиции правящих кругов не только Хивы, но и Бухары, части предводителей туркменских и каракалпакских племен и родов, настроенных в общем-то лояльно по отношению к Российскому правительству. 30 марта дворяне Иван Воронин и Алексей Святлов, отправленные в ханство со специальным поручением, сообщали с беспокойством из Хивы в Астрахань, А. Бековичу-Черкасскому: «...В Хиве опасаются и помышляют, что это-де не посол, хотят-де обманом... взять Хиву».

Те же тревожные ноты ясно звучали и в конфиденциальном рапорте флотского поручика Александра Кожина из Астрахани от 18 апреля того же года генерал-адъютанту графу П. М. Апраксину. В нем особо подчеркивалось: хивинцы и бухарцы сомневаются в том, что русские идут с посольством, а не войною, благое «дело наше начинается... злом»⁴³. Этим тревожным сигналам ни сам А. Бекович-Черкасский, ни в Москве или Санкт-Петербурге значения не придали.

В конце мая 1717 г., завершив подготовительные работы, экспедиция А. Бековича-Черкасского, значительно пополненная людьми, а также продовольствием и боеприпасами, сухопутным маршрутом двинулась из Астрахани в Гурьев с 3 тысячами уральских и гребенских

⁴² Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 375—376.

⁴³ Там же. С. 7 (примеч.), 249—250.

казаков, 7 орудиями и большим обозом. В Гурьеве неожиданно завязался скоротечный бой ее авангардного отряда с воинами одного из кочевых каракалпакских племен, накануне угнавшими у казаков табун лошадей и захватившими в плен до 60 человек. Хорошо вооруженным и обученным русским солдатам легко удалось отбить табун и задержать нескольких нападавших. Но весть о факте вооруженного столкновения распространилась по региону молниеносно. Она укрепила уверенность в том, что русские «идут с войной». Большинство проводников, страшась расправы со стороны хивинских властей, из экспедиции сбежали, а оставшиеся отказывались вести караван.

15 августа 1717 г. экспедиция с невероятным трудом достигла пределов Хивинского ханства. Несмотря на серьезные потери, понесенные в ходе многомесячного перехода через зыбучие Каракумы, она по-прежнему больше походила на военную, чем дипломатическую. К тому же на всем пути члены экспедиции занималась топографической съемкой и фортификационными работами. Хивинское правительство, не поставленное Российским правительством в известность соответствующим образом и обеспокоенное вступлением на территорию страны столь многочисленного российского войска, решило не допустить его дальнейшего продвижения. Чтобы предотвратить непредвиденные осложнения, хивинская армия преградила путь экспедиции у колодцев Янгису.

А. Бекович-Черкасский, впервые обеспокоенный, отрядил в Хиву для переговоров к Ширгази-хану дворянина Михаила Керейтова с посланием, в котором попытался объяснить, что «идет в Хиву не войною, а послом от царского величества»⁴⁴. Вопреки ожиданиям, Керейтов и сопровождавшая его сотня казаков были встречены в столице вполне дружелюбно, даже с почестями, им были вручены ценные подарки от хана. Спустя три дня уже ханские посланцы, прибывшие с ответным визитом, доставили в распоряжение экспедиции подарки от правителя Бековичу-Черкасскому — лошадь, бархатный кафтан и многое другое⁴⁵. Как видим, на враждебность, несмотря на определенную накаленность обстановки, не было и намека. Однако фортификационные работы, осуществленные в районе колодцев Янгису в непосредственной близости от хивинской столицы, скрытно, без особой необходимости и всякого предварительного уведомления о них хивинских властей, де-факто означавшие покушение на суверенитет Хивинского ханства, резко изменили ситуацию. О них донесли в Хиву ханские посланники, доставившие к колодцам в лагерь экспедиции подарки и продовольствие. Они не оставили никаких сомнений в том, что ведется активная подготовка к вооруженному вторжению в страну.

---

⁴⁴ Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 333.

⁴⁵ См.: Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 332, 333; Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы... С. 294.

16 августа 1717 г. хивинская армия атаковала лагерь экспедиции. Перестрелка продолжалась три дня и была прекращена так же неожиданно, как и началась, по инициативе хивинской стороны. Судя по воспоминаниям многих очевидцев и документам, Ширгази-хан еще, вероятно, не терял надежды на мирное разрешение конфликта. Для ведения переговоров и заключения перемирия он прислал в Янгису двух представителей — командующего ополченческой армией Кулум-бия и крупного сановника Назыр-Ходжу, одновременно сообщив через них, что перестрелка произошла без его ведома и «если князь Черкасский пришел послом, а не с неприязненной целью, то он просит его явиться к нему в лагерь»⁴⁶. Парламентеры заверили на Коране, что никакого ущерба отряду нанесено не будет.

Казалось бы, путь к мирному диалогу обозначился, при обоюдном желании сторон можно избежать дальнейшего нагнетания напряженности и добиться перемирия. 19 августа Бекович-Черкасский вместе с астраханским купцом М. Замановым отправился на переговоры в сопровождении 700 драгун и казаков. Но в условленном месте, где ранее был разбит лагерь, Ширгази-хана не оказалось. Под покровом ночи хивинцы передислоцировались подальше от столицы, где и приняли на следующий день Бековича-Черкасского и Зиманова. По свидетельствам очевидцев, встреча и переговоры продолжались несколько часов, но установить, о чем на них шла речь, не удастся. Известно только, что во время аудиенции, принимая верительную грамоту, Ширгази-хан заявил, что в Хивинское ханство прибыла русская «военная экспедиция, а не посольство, как то официально было объявлено Петром Великим»⁴⁷. Напряженность возросла во время вручения хану даров, переданных Петром I: позолоченной кареты, верховой лошади, пистолетов, но особенно — сукна и тканей. После знакомства с посланием Петра I Ширгази-хана охватил прилив негодования и ярости. Он обрушился на Бековича-Черкасского с обвинением в воровстве⁴⁸, что по шариату расценивалось как самое тягчайшее преступление. «В листе-де государевом к нему, хану, — заявил он, — написано, что посланы все в целости, и то-де они, своровав, хотели украсть у царского величества и али у него, хана?!»⁴⁹ И действительно. различные ткани и

⁴⁶ Цит. по: Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы... С. 295.

⁴⁷ Иорк фон-Вартенбург. Успехи России в Азии. Варшава, 1900. С. 3.

⁴⁸ В ходе расследования, проведенного специальной комиссией сената, было установлено, что товары, преподнесенные хивинскому хану от имени Петра I, действительно были разорваны на куски по пять аршин каждый без ведома Бековича-Черкасского. Это было сделано по распоряжению князя М. Заманова, отвечавшего за сохранность подарков, с целью экономии средств для возвращения экспедиции на родину. — *Примеч. авт.*

⁴⁹ Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 347.

многие другие материи, преподнесенные Ширгази от имени Петра I и лично Бековичем-Черкасским, оказались не целы, а разорваны на куски по пять аршин каждый. Хан, разгневанный, оставил у себя только грамоту и дары царя, а все остальное возвратил тут же. Князь, чья честь и самолюбие были ущемлены, пытался оправдаться и возражал, обвиняя Ширгази-хана в вероломстве. Такое, мягко говоря, недипломатичное поведение во время официальной аудиенции у правителя, чья личность — «священна и неприкосновенна», а слово — закон, прощению не подлежало.

Хивинская армия вновь развернула широкое наступление на отряды экспедиции. Оно завершилось их разгромом. Значительные потери понесла и хивинская сторона. По фарману Ширгази-хана попавшие в плен братья Бековича-Черкасского — Суюнч и Ак-Мирза, солдаты и офицеры, не оказывавшие сколько-нибудь серьезного сопротивления, а также все мусульмане были освобождены и отпущены на родину, в Россию⁵⁰. Что касается судьбы Александра Бековича-Черкасского, то, к сожалению, здесь по сей день немало вопросов. В историографии, в том числе и западной⁵¹, устоялось мнение, что капитан-поручик был «жестоко казнен» в Хиве. Факт его гибели не вызывает сомнений. Но ни документы следственной комиссии Правительствующего сената, ни публикации по теме тех лет, в частности, А. Н. Попова, М. Н. Галкина и др., не дают ясного ответа, пал ли капитан-поручик во время сражения или же действительно попал в плен и впоследствии был казнен. Судя по данным Н. И. Веселовского, князь пал в бою⁵² при столкновении основных сил экспедиции и хивинской армии в районе Порсу.

Расследованием причин трагической гибели экспедиции в Москве и Санкт-Петербурге занималась специальная комиссия сената. Допросив очевидцев, изучив все обстоятельства, она пришла к заключению о превышении А. Бековичем-Черкасским своих полномочий, вместе с тем не одобряя и действия ханского правительства, не принявшего все необходимые меры для предотвращения кровопролития. К сожалению, комиссия не обратила (или же не пожелала обратить) внимания на то, что уже на начальном этапе формирования «посольства» были проигнорированы общепринятые международные нормы, фактически превратившие его в экспедиционный корпус. К тому же, как вполне справедливо отмечал русский историк И. Ф. Штукенберг, «экспедиция

---

⁵⁰ См.: *Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы...* С. 296—298.

⁵¹ См., например: *Hopkirk P. The Great Game: on secret service in High Asia.* P. 19; *Roudik P. L. The History of the Central Asian Republics.* P. 59; *Central Asia, 130 years of Russian dominance.* P. 9; *March G. P. Eastern Destiny: Russia in Asia and the North Pacific.* P. 141; et al.

⁵² См.: *Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений...* С. 170—208.

во всех пунктах отступила от инструкции: сам ли император изменил ее впоследствии, или Бекович самовольно не последовал ей, неизвестно; первое вероятнее»⁵³. Как видим, провал первой русской экспедиции был предопределен целым рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных серьезных просчетов и дипломатического, и политического, и военного характера.

Трагический исход экспедиции А. Бековича-Черкасского привел к возникновению некоторой напряженности в российско-хивинских отношениях. Обмены дипломатическими и торговыми посланниками между государствами сократились. В российских правительственных кругах, особенно близких к военной элите, высказывалось мнение о необходимости «усмирения» Хивинского ханства силой оружия. Широкой поддержки оно не получило, ибо Россия пока с восточными соседями не воевала, неизбежные последствия вооруженного конфликта предугадать было невозможно. К тому же восточная политика Петра I претерпела существенные изменения. Россия временно отказалась от снаряжения в Хиву, Бухару и другие регионы Центральной Азии крайне дорогостоящих экспедиций, пойдя путем строительства на территории приграничных с казахстанскими степями районов городов и военизированных поселений, способных служить форпостами на дальних рубежах, обеспечивать надежную охрану важнейших торговых путей, ограждая их от набегов кочевых джунгар, башкир и калмыков. Экспедиция полковника Бухгольца, направленная в 1714 г. в Восточный Казахстан для заключения договора о дружбе с казахскими родами, завершилась успешно. Многие ханы Младшего жуза согласились принять российское подданство, что позволило России начать освоение и заселение долины Иртыша: в 1716 г. была заложена крепость Омская, в 1717 г. — Железинская, в 1719 г. — Семипалатинская, в 1720 г. — Усть-Каменогорская. Так, уже за пределами Хивинского ханства, разворачивалась реализация нового направления восточной политики Петра Великого.

Характерно, что большая часть российских политиков, ссылаясь на грамоты Петра I, и после гибели экспедиции Бековича-Черкасского продолжали рассматривать Хивинское ханство как неотъемлемую составную Российской империи, а хивинцев — как ее подданных. На наш взгляд, это объясняется тем, что в 20—40-е гг. XVIII в. для управления Хивой приглашались главным образом казахские султаны из Младшего жуза, олицетворявшие династию чингизидов, принявшие подданство России. Так, например, в 1727 г. на хивинский трон возшел Ильбарс-хан II, которого в 1728 г. сменил Бахадыр-хан, а его в тот же год — Тахир-хан, уступивший вскоре трон Нурали-хану — сыну Абул-Хаир-хана, являвшегося султаном Младшего жуза. Он-то и осу-

⁵³ Энциклопедический лексикон. С. 206.

ществлял общее правление Хивинским ханством. Правда, лишь номинально, ибо реально, находясь за их спиной, управляли страной по-прежнему аталыки и инаки из числа местных правящих кланов, используя авторитет чингизидов как щит.

На самом зкате управления Хивой казахскими султанами в 40-е гг. XVIII в. ее отношения с Российской империей постепенно стали обретать традиционные формы. В ханстве вновь появились торговые караваны и дипломатические миссии, различные этнографические и геологические экспедиции из России. При Абул-Хаир-хане, к примеру, здесь побывала немногочисленная русская экспедиция в составе геодезиста Н. Муравина и поручика Д. Гладышева, занимавшаяся топографическими изысканиями для определения мест строительства фортификационных сооружений на караванных путях, соединявших Оренбуржье через Хивинское и Бухарское ханства с индокитайским конгломератом, другими регионами. Этого требовали и интересы защиты южных территорий, в частности Казахстана, от систематических вторжений Джунгарской империи, которая успешно использовала в своих интересах непрекращающиеся междоусобицы среди казахских ханов.

Однако традиционные формы российско-хивинских торгово-экономических отношений и дипломатических связей уже устарели и не соответствовали новым историческим реалиям. В Российской империи в середине XVIII в. четко обозначилась тенденция разложения старого феодально-крепостного строя, ускорения подъема промышленности, совершенствования ее структуры, укрепления военно-стратегического потенциала страны. Поиск надежных партнеров в экономике и политике переориентировался на Запад. А в отношениях со странами сопредельного Востока эйфория открытия «ворот в Индию» петровской эпохи уступила место трезвому рационализму. Взамен «подданства» Россия теперь предлагала им прозрачность границ, открытость рынков, свободное передвижение товаров.

Не все государства Центральной Азии, в том числе и Хивинское ханство, оказались готовы к перестройке взаимоотношений с Россией на новых принципах. Они переживали глубочайший кризис хозяйства и государственности, который был вызван отсталой экономикой, настоящей на феодально-патриархальных отношениях, междоусобицами, изолированностью от развертывавшихся в России и других странах процессов политического обновления и общественного прогресса. Не стало исключением и Хивинское ханство. Феодально-патриархальные и родовые институты, архаичная средневековая система землевладения и землепользования, оберегавшиеся правыми кланами, полное отсутствие промышленности превратились в серьезный тормоз экономического, политического и социального развития. Хива нуждалась в выработке такой внутренней и внешней политики, которая создала бы основу для вывода страны из глубокой стагнации, в которой она оказалась из-за деструктивной внешней и внутренней политики.

В 1763 г. в Хивинском ханстве после продолжительной междоусобной войны, продолжавшейся около 15 лет, к власти пришел один из крупных кунградских биев Мухаммед Амин-инак (1763—1790). Хотя трон де-факто оставался в руках казахских султанов — потомков династии чингизидов, он сосредоточил в своих руках все бразды правления государством, положив начало полуторавековому правлению Хивой представителями кунградской династии. Он был одним из первых, кто осознал важность и необходимость преодоления анархии, сепаратизма и децентрализации власти, всемерного укрепления национальной государственности с опорой на собственные силы. Эффективно используя все рычаги власти, ему удалось объединить под своим скипетром узбекскую феодально-родовую знать, учредить вместо разрозненных кишлаков и городищ, не имевших общего руководства, новые административно-территориальные образования — бекства, способствовавшие жесткой централизации государства и упростившие управление страной. По инициативе Мухаммеда Амин-инака в ханстве широко развернулось строительство городов, высших духовных учебных заведений, дворцов и минаретов, культовых сооружений, к возведению которых были привлечены лучшие народные умельцы.

Вместе с тем, направив главное внимание на совершенствование внутренней политики, Мухаммед Амин-инак недооценивал значение экономических и политических связей с Российской империей. В годы его правления, несмотря на наличие благоприятных условий, торгово-экономические обмены между двумя государствами полностью так и не были расконсервированы. Это негативно сказывалось на состоянии экономического сотрудничества. Так, в 1787 г. из России в Хивинское ханство было ввезено товаров всего на 7,4 тыс. руб., в 1788 г. — на 25,2 тыс., в 1789 г. — на 27,9 тыс. и в 1790 г. — на 54,2 тыс. руб., а вывезено из Хивы в Россию, соответственно, на 8,3 тыс., 28,3 тыс., 31 тыс. и 57,1 тыс. руб. Для сравнения: бухарско-российский товарооборот в 1787—1790 гг. составил 1436,3 тыс. руб., или же в среднем за год более 359 тыс. руб., российско-бухарский — 1302,9 тыс., или, в среднем за год, свыше 325 тыс. руб.⁵⁴ Цифры, как видим, говорят сами за себя и не нуждаются в комментариях. И все же заметим: они подтверждают, что, несмотря на ослабление позиций Хивы в региональных экономических связях, в целом «в XVIII веке торговля между Россией и Центральной Азией... продолжала действительно процветать»⁵⁵, и опровергают утверждения о том, что Россия якобы получила для себя односторонние преимущества.

⁵⁴ Подсчитано по: *Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. С. 30—31.*

⁵⁵ *Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998. P. 122.*

После прихода к власти Мухаммеда Аваз-инака (1790—1804) стабильность в стране, достигнутая огромными усилиями, вновь приняла неустойчивый характер. Противостояние различных политических и социальных сил обострилось. Межфеодалные распри, погашенные, казалось бы, при правлении Мухаммеда Амин-инака окончательно, приняла угрожающие масштабы. Пользуясь бесконтрольностью со стороны центральной власти, узбекские феодалы, вожди туркменских и каракалпакских родов и племен, подвластных хивинскому хану, усилили эксплуатацию собственного народа. Губительные для страны межплеменные и межродовые отношения осложнились.

Безопасность транзитных торговых путей, дававших ханской казне довольно значительные финансовые поступления, резко упала. На восточном побережье Каспия, на территории полуострова Мангышлак и в северо-западных регионах Аральского моря участились разбойные нападения вооруженных формирований отдельных кочевых племен и неконтролируемых бандгрупп на торговые караваны и дипломатические миссии, направлявшиеся из России в Бухару, Индию, Китай и Персию через территорию Хивинского ханства. Правительство даже и не думало о принятии конструктивных мер, способных обеспечить безопасность на транзитных торговых путях, гарантировать жизнь и сохранность имущества купцов.

Политическая нестабильность вела к углублению стагнации экономической жизни и межгосударственных хозяйственных связей. Из-за несовершенства системы внешней торговли Хива, не обладавшая более или менее развитым производственным потенциалом, постоянно нуждавшаяся в изделиях российской промышленности, обменивавшихся на сельскохозяйственную продукцию, несла огромные потери. Достаточно сказать, что российско-хивинский товарооборот в конце XVIII в. не рос, его объем отличался широкой амплитудой колебаний. Так, за 1791—1796 гг. он составил 297,8 тыс. руб., или же свыше 49,6 тыс. руб. в среднем за год, а хивинско-российский за это время — 336,9 тыс. руб., или в среднем за год более 56,1 тыс. руб.

Пользуясь трещиной, образовавшейся на товарном рынке Евразии, Бухара начала энергично вытеснять хивинских купцов как из русско-азиатской, так и из собственно внутрирегиональной торговли, занимая ее место в торгово-экономических связях с Персией, Турцией, Индией, Китаем, некоторыми другими странами. Например, из вывезенных в 1801 г. из России на рынки Центральной Азии всех товаров на сумму более 630 тыс. руб. на Бухарский эмират приходилось 488,7 тыс., или 90,9 %, а во ввезенных в Россию из конгломерата товарах и изделиях на 1065,4 тыс. руб. доля Бухары составила 693,2 тыс., или 45,9 %³⁶,

---

³⁶ См.: Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия... С. 30—31.

что красноречиво указывает на неуклонное наращивание ее производственно-экономического потенциала, торгово-экономических связей с Россией и сопредельными государствами Востока.

Такое положение не соответствовало интересам хивинского купечества, крупной земельной аристократии, подавляющего большинства мелких и средних товаропроизводителей, в той или иной степени участвовавших во внешнеэкономических отношениях, а через них — в прямых внешнеполитических связях Хивы с Россией, приводивших в движение внутренний рынок. Они образовали единый оппозиционный блок и, имея эффективные рычаги воздействия на власть, добились свержения Аваз-инака, а затем и Эльтузар-инака (1804—1806), показавших себя сторонниками консервативного курса во внутренней и внешней политике.

На волне массового недовольства крайне негативными явлениями, отчетливо обозначившимися в различных сферах государственного строительства и экономической жизни, в Хивинском ханстве пришел к власти Сеид Мухаммед Рахим-хан I (1806—1825). С его именем связаны многие позитивные политические и социально-экономические преобразования, осуществленные в стране в начале XIX в., в один из переломных периодов хивинской истории. По инициативе Сеида Мухаммеда Рахим-хана упраздняется многолюдное, парадное, по существу, собрание феодально-родовой знати, окружавшей трон. Вместо него, как и во времена Абулгази-хана, учреждается Высший совет (*Олий кенгаши*) из 32 сановников, выполняющих функции *министров*. Им назначается жалованье из государственной казны. Олий кенгаш выполняет некоторые обязанности и верховного суда, в частности, он рассматривает наиболее сложные гражданские и уголовные дела⁵⁷. В то же время по-прежнему за ханом как верховным правителем сохраняется абсолютистская власть.

Впервые в ханстве создается государственная *таможенная* служба. На нее возлагаются задачи по упорядочению импортно-экспортных операций, прохождения по хивинской территории транзитных торговых караванов. Создание таможни имело безусловное значение для анализа возможностей внутреннего товарного рынка, определения перспектив и способностей развития экспортных отраслей, целенаправленного воздействия государства на внутреннюю и внешнюю торговлю с учетом национальных интересов и конъюнктуры рынка.

Примечательно, что в ханстве для ограждения торговых караванов от разбойных нападений на транзитных путях, очищения от бандит-

⁵⁷ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II (далее: *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву... Ч. II). М., 1822. С. 61, 63—64.

ских формирований магистральных трасс хивинская армия проводит ряд успешных операций против некоторых наиболее воинствующих кочевых племен и родов. На всем протяжении транзитных караванных дорог через Каракумы (например таких, как Хива—Красноводск—Астрахань и Хива—Гурьев) возводятся сторожевые посты-крепости.

Сеид Мухаммед Рахим-хан принимает конкретные меры и по совершенствованию *государственного строительства*. К 1825 г. к ханству были присоединены все каракалпакские земли, расположенные в низовьях Амударьи, и часть той территории, на которой проживали жаныдарьинские казахи, уже принявшие российское подданство. Одновременно с этим упраздняются должности племенных вождей, принадлежавшие им земельные угодья передаются в общественную собственность. Главной административной должностью у каракалпаков в пределах рода становится *бий*, а у туркмен — *мухрдар* ('хранитель печати'), которые назначаются ханом и получают жалованье из казны. Мухрдары и бии имеют свой немногочисленный административный аппарат, расходы на который частично покрываются за счет казны, а частично — из доходов от местных налогов и сборов.

С целью укрепления финансов государства и упорядочения денежного обращения в Хиве открывается Монетный двор для выпуска хивинских денежных знаков единого образца, в том числе золотых монет разного достоинства. Судя по источникам, они имели свободное хождение на торговых рынках не только Центральной Азии и России, но и Ирана, Афганистана и Турции. Причем курс оставался стабильно высоким, поэтому монеты свободно принимались в других странах в качестве средства оплаты за товар и обменивались на национальную валюту.

В результате целенаправленного реформирования отсталых институтов архаичной политической надстройки и базиса Хивинское ханство превращается в одно из мощных централизованных государств с реальной перспективой дальнейшей эволюции. Н. Н. Муравьев, дважды побывавший в ханстве с посольской миссией в 1819—1821 гг., убежденно заявлял, что Сеид Мухаммед Рахим-хан «создал почти совершенно новое государство, которое теперь должно вступить в состав сильнейших „азиатских царств“»⁵⁸. Такую же мысль высказывал и Я. В. Ханыков. Он констатировал, что «в 1825 г. Хивинское ханство представляло одно политическое целое, действительно подчиненное хивинскому владельцу. Таким образом, с начала нынешнего столетия Хивинское владение получило некоторую политическую значимость». Хотя, далее он особо отмечал, что это «еще не могло сделать его важным ни как врага, ни как союзника для такого могущественного соседа, как Россия»⁵⁹.

⁵⁸ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву... Ч. II. С. 44.

⁵⁹ Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с окрестностями, составленная Я. В. Ханыковым // Записки ИРГО. Т. V. СПб., 1851. С. 281.

Курс реформирования хивинского общества, намеченный Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом I, продолжил его сын и наследник трона Аллакули-хан (1825—1842), выступивший сторонником и автором не менее радикальных мер по усилению централизации государства, искоренению межфеодалных распрей и сепаратизма, наращиванию экономического потенциала страны, реанимированию и реконструкции взаимовыгодного сотрудничества Хивы со всеми соседними государствами, но особенно — с Россией.

Важно иметь в виду, что успешное продвижение в Хивинском ханстве назревших перемен не было изолировано от процессов, происходящих в соседней России. Оно в значительной степени обуславливалось разработкой и реализацией нового курса восточной политики Российского государства, суть которого заключалась в возврате к тем началам, что были заложены еще в петровскую эпоху. Источники показывают, что в конце первой четверти XIX в. под воздействием позитивных процессов, разворачивавшихся в государствах Центральной Азии, в том числе и в Хивинском ханстве, происходит переосмысление российской внешней политики. Ее центр медленно, но уверенно начинает перемещаться с Запада на Восток, который, как и во времена Петра I, становится одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса России.

Заметная роль в возрождении и модернизации основополагающих принципов восточной политики России принадлежит одному из видных государственных и общественных деятелей своего времени члену Государственного совета адмиралу Н. С. Мордвинову. Он был среди тех немногих представителей правящих кругов, которые настойчиво и твердо выступали за поворот внешней политики России на сопредельные восточные страны, установление с ними подлинно равноправных отношений, отказ от стереотипов «азиатской дикости», утвердившейся у немалой части элиты российского общества. Из развернутой аналитической записки, внесенной Н. С. Мордвиновым в Кабинет министров 19 июня 1816 г., отчетливо явствует убежденность адмирала в том, что «Азия... теснее может соединиться с Россией, и все, что изящное в превосходстве просвещения и труда заключается, послужит к увеличению могущества России над сею пространнейшей и важнейшей частью света. Нашему рукоделию, промышленности и торговле предложат более богатые истоки на юг, нежели на север. Каспийское и Черное моря прилежат к плодороднейшим пределам России...».

Н. С. Мордвинов, категорически отрицая любые силовые методы воздействия на государства конгломерата, однозначно подчеркивал: политика России в отношении соседних народов должна выражаться в том, чтобы «приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать... сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотли-

вых вещей. Тогда не только сдружимся мы с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими токмо вечную вражду питать возможно»⁶⁰.

В российских правительственных кругах существовало и другое, в корне противоположное видение целей и задач восточной политики страны, носители которой категорично отрицали саму приемлемость идеи равноправного партнерства России с государствами Центральной Азии. Так, министр иностранных дел К. В. Нессельроде, влиятельная фигура в российской правящей элите оренбургский военный губернатор В. А. Перовский, некоторые представители департамента внешней торговли предпринимали отчаянные попытки навязать правительству силовые методы воздействия на государства Центральной Азии, в том числе Хивинское ханство. Без достаточных оснований они обвиняли хивинских правителей во враждебных действиях против России, в нежелании реально, на деле обеспечить безопасность главных торговых путей, в попустительстве грабежам и разбоям, требуя осуществления так называемого «акта возмездия».

Нагнетание апологетами «силового давления» военного психоза и напряженности усилилось в 1817—1818 гг., что, вероятнее всего, было ответом на записку Н. С. Мордвинова. Ссылаясь на участившиеся в последние годы случаи нападений на купеческие караваны, причем главным образом на территориях, заселенных в основном принявшими российское подданство прикаспийскими казахскими племенами и, следовательно, никак не подпадавшими под юрисдикцию Хивинского правительства, власти Оренбургского края и Астрахани задержали в качестве заложников десятки хивинских купцов и арестовали их товары под предлогом «возмещения убытков», которые, якобы, несли в Хивинском ханстве русские купцы. Аналогичные случаи имели место и в некоторых других российских торговых городах.

Из-за этих непродуманных действий Россия и Хивинское ханство оказались перед угрозой острой конфронтации. Напряженность тогда удалось разрядить лишь благодаря энергичному вмешательству Азиатского комитета, где преобладали люди, знающие Восток не понаслышке, твердо отстаивавшие курс на всемерное укрепление добрососедских отношений с государствами Центральной Азии, особенно с Хивинским ханством.

Азиатский комитет на своих заседаниях, проходивших в мае—июне 1821 г., тщательно проанализировал все обстоятельства, связанные с разграблением российских торговых караванов, причины, приведшие к возникновению взрывоопасной ситуации в российско-

---

⁶⁰ Архив графов Мордвиновых. Т. V. СПб., 1902. С. 148. Цит. по: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 106.

хивинских отношениях. Изучив документы, опросив многих свидетелей, его члены пришли к выводу, что руководство Оренбургского края не переставало видеть в лице хивинского хана непримиримого врага России, готового покорить Малую орду и угрожающего неприкосновенности границ даже Российской империи. Комитет настоятельно рекомендовал внешнеполитическому ведомству объяснить хивинскому хану непричастность царского правительства к арестам хивинских купцов и их товаров и к возникшей в связи с этим напряженности в отношениях между двумя государствами⁶¹. Это стало серьезным предупреждением тем, кто, занимая достаточно высокие правительственные посты, вторгался в восточную политику и непродуманными действиями нагнетал напряженность в российско-хивинских отношениях.

Все же сторонников мирного сосуществования, сближения России и Хивы в правящих кругах обоих государств в начале XIX в. оказалось больше, чем противников. Именно благодаря их усилиям и терпению, их согласованным действиям преодолевалось открытое противодействие апологетов «силы», а российско-хивинские отношения становились не просто прогнозируемы, но и предсказуемы, наполнялись конструктивным содержанием.

Разрядка напряженности между Россией и Хивой содействовала восстановлению дипломатических связей, оживлению переговорного процесса по ключевым вопросам межгосударственного сотрудничества. В 1819—1821 гг. в ханстве дважды побывала с миротворческой миссией экспедиция капитана генерального штаба Н. Н. Муравьева, наделенная полномочиями посольства. Документы свидетельствуют, что ей поручалось заключить соглашение с правительством Хивы об открытии альтернативного Мангышлакскому направлению караванного пути в Россию и обратно через Красноводск, изучить в связи с этим положение в Хивинском ханстве и в целом в Прикаспийском регионе, изучить особенности экономической жизни, исторические и культурные традиции населявших эти территории туркменских родов и племен.

Переговоры в Хиве шли напряженно. Н. Н. Муравьев, поясняя позицию российской стороны, утверждал, что Красноводское направление торгового пути почти в два раза короче Мангышлакского и уже с этой точки зрения экономически выгоднее и безопаснее. Хивинские участники переговоров, в свою очередь, выражая официальную точку зрения правительства, настаивали на сохранении давно освоенного и ставшего традиционным торгового пути. Они обращали внимание на то, что, во-первых, туркменские племена, населяющие восточное побережье Каспия, отказываются повиноваться Хиве и она, ес-

⁶¹ Архив внешней политики России (далее: АВПР). — СПб. Главный архив., 1-13, 1817-3, л. 246—249. См.: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 151.

тественно, не сможет полностью гарантировать абсолютную безопасность караванов; во-вторых — переориентация торгового пути потребует на его обустройство дополнительных финансовых затрат, которых у Хивы нет⁶². Нельзя было не учитывать и тот факт, что в случае консервации обжитого торгового пути тысячи проводников и каравановожатых, занятых в Мангышлакском регионе, а также их семьи могли остаться практически без всяких средств к существованию. Это вызвало бы социальную напряженность, нежелательную для Хивинского правительства.

Хивинскую сторону беспокоило и неприкрытое стремление России взять под контроль восточное побережье Каспия, где у Хивы имелись собственные геополитические интересы. Такая полярность точек зрения на проблему не помешала сохранить достигнутый уровень добрососедских отношений. Более того, Хива, несмотря на неуступчивость в вопросах пересмотра традиционного торгового пути, не стала препятствовать России в создании пограничных укреплений в районе Красноводска, что свидетельствует о нелегком поиске компромиссов во имя достижения консенсуса, о стремлении сохранить традиционные взаимовыгодные добрососедские отношения.

Разрядка обеспечивала благоприятные возможности для дальнейшего развития и торгово-экономических связей. За 1827—1837 гг., отмеченные весьма серьезным потеплением российско-хивинских отношений, товарооборот между двумя странами повысился. Хивинский экспорт товаров и изделий в Россию приблизился к 1,4 млн. руб., превысив на 100 тыс. руб. объем товаров, импортированных за это же время из России.

Изменилась и структура хивинского экспорта. Из общего объема товаров на 1,4 млн. руб. на бумажные товары и изделия приходилось почти 600 тыс., на хлопчатобумажный сырец — свыше 500 тыс., на мягкую рухлядь — 31,7 тыс., на шелковые и полшелковые ткани и изделия — 20,6 тыс., на мерлушку — 10,2 тыс. и на проч. — 170 тыс. руб. Что касается импорта из России, то в нем львиная доля приходилась на сукно и ткани в основном иностранного производства, металлические изделия, натуральные меха, а также золотые червонцы⁶³. Эти товары шли на удовлетворение личных потребностей хана и его семьи, феодальной знати. В итоге ввоз товаров, являющийся, как правило, существенным стимулятором общего развития внутреннего производства и рынка, не мог стать надежным двигателем экономического расцвета хивинского общества, совершенствования общественного

---

⁶² *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву... Ч. II. С. 121.

⁶³ См.: *Материалы по вопросу о торговых путях в Средней Азии.* СПб., 1869. С. 38; *Аминов А., Бабахоожаяев А.* Экономические и политические последствия... С. 26—31.

производства, обновления и расширения его структуры, повышения благосостояния населения.

Ход и результаты российско-хивинских торгово-экономических и дипломатических отношений не могли удовлетворить обе стороны. Опыт и повседневная практика межгосударственных контактов ясно демонстрировали недолговечность эпизодических, узкопроблемных соглашений, их проецированность в основном на решение текущих проблем, не позволяющих с максимальной эффективностью использовать потенциал обеих стран в общих интересах. Российско-хивинским отношениям требовалось придать иное качество, перевести их на долгосрочную и договорную основу.

Поиск подходов к совершенствованию связей между Хивой и Россией серьезно осложнили наметившиеся в конце 30-х гг. XIX в. рост международной напряженности и резкое обострение противостояния ведущих мировых держав, развязавших новый виток борьбы за очередной передел сфер влияния.

Прозрачно обозначившееся в 20-е и начале 30-х гг. XIX в. стремление России и Хивы к сближению, естественным образом ведущее к усилению российского влияния в регионе Центральной Азии, а также к существенному упрочению в нем и позиций ханства, а в конечном итоге — к радикальному изменению здесь всей политической ситуации, не соответствовало интересам не только соседних Бухарского эмирата, Персии, Турции, но также и Англии, которая претендовала на роль гегемона в Приаралье и Прикаспии. Она создавала свои опорные базы в государствах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Западной Азии, пыталась внедрить в органы государственного руководства военный аппарат «агентов влияния», добиваясь от местных правителей уступок политического и экономического характера. Политика Англии встречала поддержку и некоторых представителей правящих кругов России, преклонявшихся перед сомнительными западными ценностями. Они оказывали ей содействие не всегда продуманными, а порой и просто умышленными провокационными действиями.

Происки Англии в Амударьинской долине. Попытки «ястребов» дестабилизировать российско-хивинское сотрудничество

Великодержавная политика Британии представляла реальную угрозу российско-хивинским отношениям. К середине 30-х гг. XIX в., колонизировав значительную часть Индии и создав у самых границ государств Центральной Азии плацдармы для ведения подрывных операций против России, Британия расширила неприкрытое вмешательство во внутренние дела Хивы, Бухары и Коканда, раздувание анти-

русской истерии. Этой проблеме посвящена обширная литература⁶⁴ и подробно останавливаться на ней вновь нет необходимости. Напомним лишь, что британские происки в регионе начались еще раньше, в 20-е гг., когда Английское правительство вплотную принялось за подготовку военного похода на Афганистан, которому в стратегических планах официального Лондона отводилась роль трамплина в утверждении в обширном Прикаспийско-Приаральском регионе британской короны, в воспрепятствовании дальнейшему продвижению России на Восток и усилению ее влияния на пограничные государства, включая и Индию. По завершении похода Английское правительство намеревалось сколотить «союз мусульманских стран», который должен был превратиться в своеобразный щит, разделяющий геополитические интересы России и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, а по сути — расширить границы британских владений за счет колонизации новых земель в Центральной Азии, а также создать своеобразный «пояс безопасности» на северо-западе Британской Индии.

Для дискредитации восточной политики России, развала ее связей с государствами Центральной Азии, в том числе Хивинским ханством, Англия широко использовала самые разнообразные формы подрывной деятельности. Среди них — засылка агентов разведывательных, военных и других служб для сбора стратегической информации, сплетение агентурной сети, ведение антирусской пропаганды; подкупы правителей центральноазиатских и ближневосточных стран, их влиятельных сановников; поставки оружия антирусски настроенным племенам, обучение формирований современным методам ведения боевых действий; дестабилизация и свертывание российско-азиатских торговых связей путем расширения поставок, в частности через Индию, Афганистан и Персию, а также по Черному морю, на традиционные рынки государств региона по сравнительно низким ценам дешевых, но превосходящих российские по качеству англо-индийских товаров, вытеснение из них таким образом российских изделий и т. д., и т. п. Как пишут сегодня западные исследователи, эту многоплановую подрывную деятельность, охватившую территории Хивинского ханства, Бухарского эмирата и Афганистана, многих других сопредельных государств, британцы назвали «Большой Игрой»; в России это был «Турнир Теней». Его фон стал первой «холодной войной» между Востоком

---

⁶⁴ См.: *Геренъев М. А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876; *Мартенс Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; *Халфин П. А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957; *Мартиросов С. З.* Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России. Ашхабад, 1966; *Хидояттов Г. А.* Из истории англо-русских отношений...

и Западом. Там имелись все ее компоненты: шпионы и контрразведчики, демилитаризованные зоны, марионетки, гибнущие государства... В течение этой эры в дипломатический жаргон вошло понятие «сфера влияния»⁶⁵. Все это осуществлялось для расширения и укрепления зон «жизненных интересов» между великими державами.

Россия категорически отвергала любые формы нагнетания напряженности у собственных границ. Стремясь сохранить стабильность и мир в регионе Центральной Азии, защитить от посягательств извне свои геополитические интересы, она еще до начала англо-афганской войны предложила Английскому правительству конструктивную программу взаимовыгодного сотрудничества. В инструкции внешнеполитического ведомства российскому послу в Лондоне Поццо-ди-Борго от 20 октября 1838 г. приоритетные направления партнерства двух ведущих держав в Центральной Азии излагались следующим образом: «Укрепить тишину в этих странах; не натравлять их одну против другой посредством потворства их взаимной ненависти; ограничиваться соревнованием на поприще промышленности, но не вступать в борьбу из-за политического влияния и, наконец, — что важнее всего остального, — уважать независимость промежуточных, нас разделяющих стран»⁶⁶. По мнению России, такой подход непременно должен был содействовать мирному развитию всех государств Центральной Азии, предотвращению столкновения двух великих держав, их вооруженной конфронтации.

Английское правительство открыто проигнорировало российские предложения. В ответ оно принялось скрытно наводнять Прикаспий и Приаралье резидентами спецслужб и наемной агентурой. В изданных позднее мемуарах многие из них, выдавая себя за путешественников или миссионеров, скрывают причастность к шпионажу, нагнетанию напряженности между Россией и Хивой, дезинформации правительств и подталкиванию к принятию непопулярных решений, затушевывают инсинуации Британии вокруг российско-хивинских отношений, спекулирование избитыми формулировками о «русской угрозе» и давно уже изношенной «угрозе Индии». К последней официальный Лондон прибегал всякий раз, когда вновь собирался предъявлять претензии Санкт-Петербургу.

В Хиве британские эмиссары объявились в 1838 г., одновременно с началом вооруженной интервенции Англии в Афганистан. Вряд ли приходится сомневаться в том, что они, учитывая традиционно друже-

⁶⁵ *Mayhew B., Bloom G., Noble J., Starnes D. Central Asia: Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan. Edition: 4. Lonely Planet, 2007. P. 45.*

⁶⁶ *Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. СПб., 1898. С. 77.*

ственный характер отношений Хивинского ханства с Афганистаном, пытались оказать целенаправленное воздействие на контакты между Хивой и Кабулом, максимально изолировать их друг от друга, чтобы не допустить оказания хивинским правителем Аллакули-ханом помощи афганскому эмиру Дост Мухаммед-хану в отражении агрессии и сохранении независимости страны. Судя по документам и материалам, Хивинское правительство не отказывалось от ведения переговоров. Британские представители имели встречи и беседы с Аллакули-ханом, другими высокопоставленными сановниками, которым преподносили от имени своего правительства подарки, заверяли их, как и бухарского эмира, кокандского хана, в «искренности» стремления Англии установить добрососедские отношения с Хивой, не забывая подчеркнуть при этом «неограниченные» возможности британской экономики, «большие выгоды» торговли с Ост-Индской компанией. Эмиссары настойчиво советовали заключить военный союз Хивы с Англией, направить в Лондон и Индию своих представителей для выработки совместного соглашения.

Хивинские власти искренне приветствовали возможность налаживания межгосударственных отношений с Британией, призывы к экономическому и политическому сотрудничеству. При определенных условиях это, несомненно, соответствовало интересам обеих сторон. Вместе с тем официальная Хива категорически отвергала любые шаги, направленные на разрыв традиционных связей с Россией, в которой видела не просто ближайшего соседа, но и партнера в международных отношениях. Вот почему, несмотря на слащавые обещания и подкупы, усилия британских эмиссаров не давали желаемого результата, хотя в некоторых вопросах им все же удалось продвинуться вперед. Но тому были совершенно иные причины.

Нужно признать, что участвовавшие в конце 30-х гг. XIX в. англо-хивинские контакты не во всех кругах российской правящей элиты находили понимание. Не вникая в их суть и смысл, в который раз прикрываясь тезисом о Хивинском ханстве как «непримиримом враге» России, некоторые представители военных кругов в условиях крайне сложной ситуации прилагали максимум усилий с тем, чтобы вновь навязать правительству и российской общественности «силовые методы» решения «хивинского вопроса». Военных поддерживали сам Николай I и ряд высокопоставленных чиновников Министерства иностранных дел. «Ястребов» не останавливало даже то, что вооруженная конфронтация между Россией и Хивой могла послужить поводом для вторжения в регион английских экспедиционных частей, уже перебрасывавшихся из Индии на афгано-иранскую границу, дискредитировать в глазах мирового сообщества российскую восточную политику.

В марте 1839 г. «хивинская проблема» и сложная ситуация, складывавшаяся в Центральной Азии в результате английского вторжения

в Афганистан, не раз обсуждались на заседаниях специального комитета правительства Николая I, в который входили министр иностранных дел К. В. Нессельроде, военный министр А. И. Чернышев и военный губернатор Оренбургского края В. А. Перовский. Комитет осудил систематические нарушения Английским правительством заключенных ранее договоренностей о *невмешательстве* во внутренние дела государств региона и перемещении соперничества из области военной в торгово-экономическую. Англо-хивинское сближение в Петербурге и Москве было расценено как дополнительный фактор, дестабилизирующий торговые связи России с другими регионами Центральной Азии, особенно с Бухарой. В связи с этим комитет считал целесообразным организовать военную экспедицию с «последующим занятием Хивы», поставив начало экспедиции в прямую зависимость от исхода англо-афганского конфликта: в случае победы Англии российские войска должны были развернуть наступательные операции и захватить столицу ханства, чтобы не допустить возможного продвижения британской армии в направлении Хивы. Николай I утвердил решение специального комитета и наметил военную экспедицию на весну 1840 г.⁶⁷

Апологеты «силового» метода не стали дожидаться результатов англо-афганской войны. В. А. Перовский в мае 1839 г. известил Петербург о намерении двинуться на Хиву уже в ноябре. В пограничные с ханством районы был направлен авангардный отряд для подготовки опорных баз. Он сооружает склады для хранения продовольствия и боеприпасов, возводит два мощных укрепления: одно — между озером Чучка-куль и речкой Ак-Булак, а другое — при впадении речки Алты-Жаксы в верхнюю Эмбу. Фортификационные работы осуществлялись без какого-то ни было противодействия со стороны властей Хивы, которые не проявляли признаков враждебности и не желали вооруженной конфронтации с Россией.

Конечные цели новой военной экспедиции в Хиву В. А. Перовский сформулировал к осени 1839 г. Он изложил их в «Записке о политических вопросах по поводу предстоящего занятия Хивы», которую 30 сентября направил К. В. Нессельроде. Речь в ней шла о свержении Аллакули-хана, передаче власти в руки его брата, подписании так называемого «Обязательного Акта», де-юре и де-факто упраздняющего хивинское подданство казахских и туркменских племен Прикаспия, предоставлявшего России право свободного судоходства по Амударье и контроля над внешней торговлей ханства, предусматривавшего другие различные налоговые послабления для российского купечества и промышленников, ведущих торговые дела с Хивинским ханством.

Положения «Записки» легли в основу декларации о целях похода на Хиву, подписанной Николаем I уже 17 октября. В этом документе в

⁶⁷ См.: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 275.

оправдание предстоящей экспансии перечислялись общеизвестные претензии царского правительства к хивинским правителям, среди них — попустительство грабежам торговых караванов, захваты в плен русских купцов, укрывательство «мятежных элементов», насилие над перешедшими в российское подданство, а также выражающими желания присоединиться к Российской империи прикаспийскими туркменскими и казахскими племенами, и др. Исходя из этого, были провозглашены следующие задачи экспедиции: защита прав российских подданных, прекращение грабежей, освобождение томящихся в ханстве русских невольников. Составители декларации были твердо убеждены в том, что только таким образом может быть упрочено «то влияние, которое неминуемо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии»⁶⁸. В итоге вполне рядовая военная операция, намечавшаяся первоначально лишь как ответная мера на происки Англии в Центральной Азии и нацеленная главным образом на предотвращение ее утверждения в регионе, превращалась в явно интервенционистскую, направленную против суверенитета и независимости Хивинского ханства. Правительство Николая I, решившее «преподать урок Англии», подобный поворот событий восприняло как должное, хотя речь шла о начале *войны*, последствия которой нельзя было предугадать, против в общем дружественной страны. Она вполне могла перекинуться на другие регионы, а при некоторых условиях — даже способствовать созданию антироссийской коалиции из мусульманских государств.

Поход на Хиву начался 17 ноября 1839 г. Экспедиционный отряд В. А. Перовского представлял достаточно внушительную силу, сравнимую с силами А. Бековича-Черкасского. В нем насчитывались два полка уральских и две сотни оренбургских казаков, свыше трех батальонов пехоты, 150 башкир и 250 киргизов, всего — 3041 пехотинец, 2028 кавалеристов при 22 орудиях. При отряде имелся огромный обоз, состоявший из 10 400 верблюдов⁶⁹. Однако совсем скоро вся бессмысленность похода и бездарность его подготовки стали очевидны. Через месяц с небольшим отряд достиг Эмбенского укрепления, потеряв по пути из-за жесточайших морозов треть обоза и сотни солдат. Наскоро передохнув и оставив больных, он направился на Ак-Булак, куда добрался в начале февраля 1840 г., опять недосчитавшись многих солдат и офицеров. На преодоление Устюртского плато, засыпанного непроходимыми снегами, у отряда Перовского сил уже не было. Боясь потерять остатки разгромленной без единого выстрела многотысячной экспедиции, он отдал приказ о немедленном прекращении похода и возвращении в Оренбург.

⁶⁸ Цит. по: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 277.

⁶⁹ *Норк фон-Вартенбург.* Успехи России в Азии. С. 6.

Англия, внимательно следившая за военно-политическими шагами России в Прикаспии и Приаралье, не замедлила воспользоваться в собственных интересах напряженной ситуацией, возникшей в российско-хивинских отношениях в связи с экспедицией Перовского. Официальный Лондон тут же начал пропагандистскую войну, усиленно распространяя вести о «русском наступлении на Хиву», умалчивая о том, что поводом для него стало, несомненно, противостояние британской «передовой политике» в Афганистане. «Русские, — пишет М. Эванс, — были сильно встревожены возможностью британских посягательств на их торговлю в Центральной Азии, а также того влияния, которое британская поддержка могла оказать на мусульманское правление в ханствах». Некоторые политики даже призывали немедленно ответить России, направив в регион через Гиндукуш британские силы⁷⁰.

Подобный поворот событий не исключал и немецкий историк К. Ф. Нейманн. Он писал, что, закрепившись в Кабуле, в Британии «уже закидывали сети на другие земли Средней Азии. Сначала думали даже о походе на ту сторону Аму, в Самарканд и Бухару»⁷¹. Убеждает в этом и топографическая съемка Гиндукушского перевала, а также пути до приграничного Хульма, являвшегося воротами в долину Амударьи и далее — к Аральскому морю, ранее проводившаяся полевым отрядом капитана Р. Берслема. В британских военно-стратегических планах, следовательно, вооруженная интервенция «за Аму» с территории Афганистана или Ирана не исключалась. От этого шага Англию тогда удержали лишь реакция России, ее способность на ответные меры, причем на довольно решительные, а также затянувшиеся неудачные военные действия британской армии, которые она вела на афганской территории.

Но усилению разведывательно-диверсионной деятельности это не помешало. С начала 1840-х гг. резко возросла заброска резидентов спецслужб в Хивинское ханство, Бухару и другие районы Центральной Азии. Их подбором, подготовкой и переброской занимался майор д'Арси Тодд, обосновавшийся в Герате и руководивший практически всеми шпионско-диверсионными операциями в Приаралье и на юге России. Основным поставщиком для него «кадров», прошедших специальную подготовку, свободно владевших местными (тюркскими) языками, в частности персидским, знакомых с традициями и обычаями, являлись такие элитные части, как королевские особый корпус и артиллерия, Бенгальская кавалерия, сверхсекретные структуры Ост-Индской компании, где служили офицеры по «особым поручениям»⁶⁶. Он же разрабатывал для засылаемых легенду, снабжал документами,

⁷⁰ *Ewans M. Afghanistan: a new history. London; New York, 2002. P. 47.*

⁷¹ Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. Сочинение Карла Фридриха Неймана / Пер. с нем. М., 1848. С.101.

деньгами и оружием. Некоторые из них имели при себе официальные письма или верительные грамоты правительства (часто Ост-Индской компании), подписанные в ряде случаев самим майором Тоддом (статус дипломатического посланника Великобритании позволял действовать вполне легально), а порой лишь сомнительного характера письма, содержание которых не имело ничего общего с конкретной миссией. Большинство же пробирались в Хиву нелегальным путем в составе многочисленных торговых караванов, шедших из Индии, Афганистана, Ирана и других сопредельных государств, где было легче затеряться. Каким бы способом эмиссары ни пробирались в ханство, от этого суть их миссии вовсе не менялась: каждый действовал зачастую отдельно в строго очерченных заранее рамках с целью получить больший результат и избежать разоблачения в случае возможного провала другого агента.

Среди первых заброшенных в район Хивы и Бухары оказались полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конолли. Оба должны были играть роль посредников и заниматься ведением от имени Англии переговоров с Хивинским правительством об освобождении всех русских пленных, а также персов для «предупреждения» возможного вторжения России в ханство. На самом деле на первом плане для них находилась военная разведка: изучение размещения воинских частей, их структуры, характера вооружения, потенциальных возможностей, средств передвижения, состояния тылового обеспечения и т. д., причем как российских, так и хивинских, бухарских и кокандских, которым рано или поздно предстояло столкнуться из-за очевидной полярности интересов государств. Любопытно, что Артур Конолли еще в 1834 г. заявил о себе как об одном из рьяных идеологов расхожего мифа об «угрозе Индии». В пространным приложении к изданной тогда книге он виртуально обрисовал наступление России на Индию: захват Хивы, затем движение на Балх и через горный перевал Гиндукуш — к Кабулу и Джелалабаду, дальше — к Пешавару и форсирование Инда⁷². Картина выглядела столь убедительной, что принесла Конолли сомнительную популярность. И на этот раз, находясь сначала в Хиве и Бухаре, а вскоре — в Оренбурге, Артур Конолли внимательно приглядывался ко всему, что так или иначе касалось прежде всего российской армии. Как сообщает П. Хопкирк, тот всюду по пути следования вел скрупулезный подсчет офицеров и солдат, изучал их оснащение, формы обучения и психологическую подготовку, ибо, по его мнению, это было то войско, которое «в конце концов, если такое когда-нибудь может произойти, окажется у границ Индии»⁷³. Однако и Стоддарт и Конолли столь открыто и самоуверенно занимались шпиона-

⁷² См.: *Hopkirk P. The great game: on secret service in High Asia*. P. 125.

⁷³ *Ibid.* P. 130.

жем и вербовкой агентуры, что оба были вскоре задержаны тайной полицией бухарского эмира и, несмотря на многократные обращения российских властей с просьбой об их помиловании, казнены в 1842 г. на главной площади Бухары.

В январе 1840 г. в Хиву прибыл капитан Джеймс Аббот, вслед за ним в июне — лейтенант Ричмонд Шекспир. О тайной миссии в Хиву Аббот поведал в двухтомных воспоминаниях «Рассказ о поездке от Герата до Хивы, Москвы и Санкт-Петербурга»⁷⁴, первый из которых увидел свет в 1843 г. Они не были переизданы. Видимо потому, что слишком прозрачно указывали на вмешательство Англии во внутренние дела государств Центральной Азии и России, рассказывали о жертвах, приносимых во имя осуществления амбициозных планов официального Лондона. Отрывки из опуса приводятся в книге Н. А. Халфина⁷⁵. Достаточно подробно излагает содержание воспоминаний и упоминавшийся нами П. Хопкирк в своей работе «Большая Игра: на секретной службе во Внутренней Азии», вышедшей в 1991 г. в Оксфорде. Впрочем, Джеймс Аббот вовсе не был намерен раскрывать сведения, представляющие государственную тайну и потому не имеющие срока давности. В мемуарах он недоговаривал, пытался представить свою миссию исключительно миротворческой, целью которой являлось ознакомление правительства Хивы с Англией и ее местом в мировой политике, урегулирование российско-хивинских противоречий, оказание всяческого содействия в решении вопроса о насильственно удерживаемых русскоподданных и предотвращении войны между Россией и Хивой. Тем не менее уже то, о чем он поведал, вполне ясно говорит об одном: в действительности все было как раз наоборот. Миссия нацеливалась на дестабилизацию политической ситуации в регионе и усиление конфронтации между двумя государствами.

Откровенно иронизируя по поводу «полной неосведомленности» Аллакули-хана об Англии и ее политике на Востоке, Джеймс Аббот, увлекшись, слово в слово излагает содержание своих переговоров с хивинским правителем и другими сановниками двора, неумышленно развеивая сомнительный миф о своей «миротворческой миссии». Так, например, отвечая на вопросы об экономической и военной мощи Англии и России, о состоянии российско-британских связей, об отношении Лондона к обеспечению безопасности и территориальной целостности Хивы, он подчеркивал, что его страна — великая держава и «все моря покрыты кораблями Англии, каждый из которых имеет от

---

⁷⁴ *Abbot J. Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva: with Some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. In two volume. Volume 1. London, 1843.*

⁷⁵ См.: *Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии...* С. 281—283.

20 до 120 орудий большого размера... Ее крепости полны пушек и тысячами лежат в каждом из арсеналов. Мы имеем больше оружия, чем любая другая нация в мире». Британия, убеждал Аббот, превосходит Россию буквально во всех отношениях, однако они не находятся в состоянии войны и каждый имеет посла в столице другой страны; она — друг всех мусульманских государств и поэтому не хочет видеть Хиву занятой Россией, а русские, особо замечал он, слишком уважают британскую военную и политическую мощь, чтобы рискнуть досаждать кому-либо из ее союзников, и т. п. В таком же духе излагались и многие другие вопросы, поднимавшиеся на переговорах.

Характер ответов не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет об оказании давления на Хивинское правительство, о стремлении подтолкнуть его к разрыву отношений с Россией и переориентации политического курса на союз с Англией. Британские эмиссары, пугая Аллакули-хана «русской угрозой», обещали ему всяческую поддержку Англии, предлагали заключить союз с Бухарой и Кокандом и объявить войну России. С этой целью они выражали готовность взять на себя оказание посреднических услуг в переговорах с российскими представителями об освобождении находящихся в неволе русских, персов и афганцев в обмен на хивинцев, задержанных на территории России⁷⁶. Взамен от Хивы требовалось сохранять нейтралитет, ни в какой форме не вмешиваться и не осуждать агрессию Англии против Афганистана, отказаться от оказания какой бы то ни было помощи Афганскому правительству в организации защиты суверенитета своей страны. Принятие Хивинским правительством условий означало бы, во-первых, что оно не поддерживает курс России на сохранение независимости и территориальной целостности Афганистана, о чем она неоднократно заявляла, и, во-вторых, что оно поощряет вооруженную интервенцию против соседней дружественной страны. Согласиться на это Хива не могла.

Хивинское правительство приняло только посреднические услуги англичан в обмене русскоподданных пленных. Этим оно и ограничилось. Аллакули-хан, смещения которого настойчиво добивался Перовский, летом 1840 г. без предварительных условий освободил почти всех 500 русских, находившихся в Хиве в качестве пленных⁷⁷, специальным фарманом наложил запрет на захват заложников, нападения на торговые караваны. Что же касается похода отряда Перовского, то он был расценен как очередная провокация тех недружественных сил, которые являются противниками российско-хивинского сотрудничества.

---

⁷⁶ *Peimani H. Regional security and the future of Central Asia: the competition of Iran, Turkey, and Russia...* P. 212—215; *Тухтаметов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX в. С. 15.

⁷⁷ *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы... С. 161.

Аллакули-хан поручил дивану безотлагательно приступить к переговорам с Россией по всему комплексу спорных вопросов.

Мирные инициативы Хивы в Санкт-Петербурге были встречены с заметным облегчением. Правительство Николая I, дискредитировавшее себя организацией авантюристического похода на Хиву, выразило готовность к переговорам. Царь распорядился немедленно освободить всех хивинских купцов, задержанных в Оренбурге, Астрахани и других российских городах, возвратить товары, предоставить им, как и прежде, свободу передвижения по стране и торговли.

Переговоры правительственных делегаций России и Хивинского ханства продолжались более двух лет, с 1840 по 1842 г., правда, с незначительными перерывами, связанными с обновлением составов представителей, их отъездами для консультаций на родину. В Москве и Санкт-Петербурге за это время побывали дипломатические миссии Атанияз-Ходжи, Вайсбая Ниязова, Ишбая Бабаева, а в Хиве — капитана российского генерального штаба П. Никифорова и офицера по особым поручениям при военном губернаторе Оренбургского края, прекраснейшего знатока Востока подполковника Г. И. Данилевского, оставившего бесценные труды по истории, этнографии, традициям и культуре народов региона. Одновременно шла интенсивная переписка между Аллакули-ханом и Николаем I.

Предложения российской делегации, по сути, напоминали основные положения декларации о целях и задачах похода на Хиву, утвержденной Николаем I в связи с предстоявшей экспедицией В. А. Перовского. Они сводились к следующему: 1) не вести против России враждебных действий и не потворствовать им; 2) признать независимость русскоподданных казахов и туркмен; 3) не допускать укрывательства на своей территории враждебных и мятежных элементов; 4) не препятствовать прохождению по территории ханства торговых караванов из соседних стран, направляющихся в Россию, а также идущих в обратном направлении; 5) прекратить сбор пошлины в низовьях Сырдарьи и демонтировать возведенные укрепления; 6) уравнять в правах русских и хивинских купцов; 7) предоставить судам России право свободного плавания по Амударье; 8) учредить в столице городе Хиве постоянное Российское агентство и не чинить препятствий в его деятельности; 9) признать российского агента посредником при любых «раздорах» с соседями, без его участия не заключать никакие «условия» с другими народами; 10) в случае смерти на территории Хивинского ханства кого-либо из русскоподданных его имущество безоговорочно передать в распоряжение агента. Российское правительство считало, что «вообще соблюдение всех постановляемых условий» в Хивинском ханстве должно обеспечиваться «лицами и имуществом хивинских торговцев, в России находящихся»⁷⁸. Таким

⁷⁸ АВГР, СПб. Главный архив, I-I, оп. 781, л. 80, 132—140, док. 53, а также I-6, 1840-1, л. 14—21. Цит. по: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 290.

образом, оно оставляло за собой право применения в одностороннем порядке, без всяких переговоров с Хивинским правительством, санкций в случае признания нарушенными тех или иных статей соглашения.

Для хивинской делегации наиболее актуальными представлялись: 1) прекращение каких бы то ни было враждебных действий России против Хивинского ханства; 2) гарантирование свободного и беспрепятственного передвижения по территории страны хивинских купцов; 3) сокращение таможенных пошлин на хивинские товары; 4) взаимное разграничение зон влияния в Прикаспийском регионе, демонтаж всех российских укреплений; 5) невмешательство во внутренние дела ханства, его взаимоотношения с являющимися хивинскими подданными казахскими, туркменскими и каракалпакскими племенами и т. д.

Итогом многомесячных изнурительных дискуссий стал «Обязательный Акт» между Российской империей и Хивинским ханством, подписанный в Хиве 27 декабря 1842 г. Документ состоял всего из девяти статей, шесть из них касались обязательств хивинской стороны, остальные три — российской. От первоначального варианта их содержание отличалось существенно.

Хивинское ханство, отмечалось в документе, желая «пребывать в постоянном мире и тесной дружбе с просветленной и могущественной Российской империей», отказывается от каких бы то ни было враждебных действий против нее, включая участие в грабежах торговых караванов в степях Казахстана либо на Каспийском море или же содействие им, а также содержание в неволе русскоподданных. Отныне российские товары, ввозимые в Хиву, должны были облагаться пошлиной, не превышающей 5 % их реальной стоимости, а караваны, следующие в Бухару, Коканд и обратно, — пропускаться беспрепятственно и не облагаться пошлиной, за исключением уплаты общепринятого зякета.

Россия обязалась гарантировать на своей территории покровительство хивинским купцам и предоставить им все те льготы, которыми пользовались «купцы других азиатских владений»⁷⁹.

Как явствует из текста документа, сторонам не удалось достичь взаимоприемлемого соглашения по целому ряду принципиальных вопросов российско-хивинских отношений. Не было найдено решения такой проблемы, как строительство на восточном побережье Каспийского моря русских пограничных укреплений. Официальная Хива, как известно, считала его зоной собственных интересов.

Хива отказалась предоставить России и право свободного судоходства по Амударье, так как это ущемляло ее статус-кво и лишало

---

⁷⁹ См.: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1841 г. Т. III. Ташкент, 1912. С. 106—107; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 322—323.

казну значительной части таможенных поступлений. Она отклонила предложение России о демонтаже укреплений, возведенных ею в низовьях реки Сырдарья и у Мангышлака, в ответ на строительство там же российских крепостей.

Открытым остался вопрос о периметрах государственной границы, ее демаркации, являвшийся причиной частых конфликтов в районах соприкосновения и «зонах влияния» России и Хивы в Прикаспии и Приаралье, прежде всего в степях Казахстана и на востоке Каспийского моря. Эта неопределенность порождала осложнения, взаимную подозрительность и недоверие.

При очевидных недоработках, ограниченности сферы правового регулирования «Обязательный Акт» все же явился первым в истории отношений между Российской империей и Хивинским ханством *правовым* документом, регламентирующим их *взаимные* обязательства и полномочия де-юре. Его определяющее значение заключается прежде всего в том, что в нем, во-первых, оба государства отчетливо заявили о стремлении к миру, добрососедству; во-вторых — граждане России и Хивы получили равное право свободного въезда и выезда, проживания и передвижения в стране пребывания, в-третьих — были существенно упорядочены принципы торгово-экономического сотрудничества.

Позитивный потенциал, заложенный в документе, в последующем сыграл положительную роль в улучшении российско-хивинских контактов. В России отношение к дипломатическим посланникам Хивы, которые нередко воспринимались как дипкурьеры, изменилось. Уже в 1843 г. сначала в Оренбурге, затем в Петербурге с особыми почестями встречали миссию Мухаммед-Амина Авазбердыева. Он вел переговоры с К. В. Нессельроде, который передал ему скрепленный подписью Николая I текст «Обязательного Акта», получил аудиенцию у царя. В июле того же года послу были устроены торжественные проводы в связи с отбытием на родину⁸⁰. Позднее все тот же К. В. Нессельроде признавал, что по акту, заключенному с ханством в 1842 г., «мы выговорили... некоторые преимущества, которые делают то, что наши купцы сами теперь ездят в Хиву, производя там торг на гораздо выгоднейших условиях, нежели прежде»⁸¹. Более защищенными и свободными чувствовали себя в России и хивинские торговцы.

Вместе с тем было очевидно, что открытость в акте целого ряда назревших вопросов российско-хивинских отношений, в частности взаимного признания нерушимости границ, территориальной целостности, параметров «зон» геополитических и экономических интересов

⁸⁰ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой... С. 139—140.

⁸¹ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края... С. 13—14.

сторон, являлась свидетельством нежелания определенных сил в правящей верхушке как России, так и Хивинского ханства искать и находить взаимоприемлемое компромиссное решение. Она дегармонизировала российско-хивинские отношения, была выгодна главным образом для сторонников «силового давления», пытавшихся взять реванш за фиаско 1842 г.

Силы реакции перешли в наступление уже в середине 40-х гг., когда «Обязательный Акт» еще только-только начал проявлять свой позитивный потенциал. Инициаторами нового витка нагнетания напряженности в отношениях между Россией и Хивинским ханством, как и прежде, стали главным образом военные круги Оренбургского края. В. А. Обручев, сменивший В. А. Перовского в кресле военного губернатора края, то ли по собственной инициативе, то ли по чьей-то указке «сверху», продолжил линию своего предшественника. Прикрываясь изношенными демагогическими лозунгами «защиты интересов России», «освобождения угнетенных Хивой русскоподданных киргизов», «охраны торговых путей» и т. п., он вторгнулся в сферу компетенции центрального правительства и МИДа, предъявлял правительству Хивы ультимативные требования. Во второй половине 40-х гг. на восточном побережье Каспия без всяких причин ускоренными темпами начинает наращиваться российское военное присутствие, внешне напомилавшее подготовку к войне. В непосредственной близости от хивинских границ в нарушение ранее достигнутых соглашений в 1845 г. возводятся мощные укрепления Уральское (впоследствии г. Иргиз) и Оренбургское (впоследствии г. Тургай). На Мангышлаке появляется Ново-Петровское укрепление. В 1847 г. в районе впадения реки Сырдарья в Аральское море закладывается укрепление Раим (переименованное в 1851 г. в Аральское), хотя Хивинское правительство предъявляло свои права на эти территории.

Чрезмерная военная активность в Прикаспии и Приаралье местных властей обеспокоила Санкт-Петербург. К. В. Нессельроде, которого никак нельзя было обвинить в чрезмерных симпатиях к правителям соседних ханств, 16 января 1847 г. обратился к военному министру А. И. Чернышеву с посланием, в котором не скрывал своей тревоги по поводу самовольных действий военных кругов в регионе Центральной Азии, у самых границ Бухарского эмирата и Хивинского ханства. «Устройство укрепления на Сырдарье в сильной степени встревожит наших соседей, бухарцев и хивинцев, в которых еще не прошло впечатление, — напоминал К. В. Нессельроде, — произведенное недавним возведением укреплений Оренбургского и Уральского и перенесением на Мангышлак Ново-Александровского укрепления, и которые, видя все сии действия, не могут не подозревать наше правительство в преобладательных замыслах. Этими тревожными мыслями и опасениями правителей ханств нельзя пренебрегать, поскольку Россия

ведет с ними торговлю. Правда, эта торговля не достигла еще желаемой степени развития, но тем не менее не может считаться ничтожной для нашей промышленности...»⁸²

«Ястребы» проигнорировали предупреждение К. В. Нессельроде и на сигнал тревоги не отреагировали. Военные круги Оренбуржья и Санкт-Петербурга не намеревались демонтировать форпосты. Более того, в 1847 г. возведение Раимского укрепления заканчивается, а в 1848 г. строится форт Карабутак между Оренбургской линией и новыми укреплениями. Одновременно создается Аральская флотилия, имевшая военное назначение. Это неприкрытое соперничество между военными кругами и гражданской элитой в окружении Николая I за влияние на Российское правительство, усиление в нем собственных кастовых позиций таило в себе потенциальную угрозу для мирного взаимодействия России не только с Хивинским ханством, но и со всеми другими государствами Центральной Азии, для их взаимовыгодного и равноправного сотрудничества. Военная верхушка царского кабинета частенько одерживала верх благодаря широкому влиянию на правящую элиту.

Правительство Хивы решительно осудило милитаризацию региона Приаралья и наращивание в нем военного присутствия Российской империи. Мухаммед Амин-хан (1845—1855), вступивший на трон после скоропостижной кончины Рахманкули-хана, сына Аллакули-хана, в конце 1846 г. направил в Санкт-Петербург с дипломатической миссией Клычнияз-бая Ниязмухаммедова и Шукурулла-бая Мискинова, которым было поручено добиться демонтажа Раимского укрепления и вывода российских войск из правобережья Сырдарьи. Миссия окончилась неудачей: Николай I в грамоте от 26 апреля 1847 г. лишь заверил ханских посланников, что Россия будет сохранять мир и дружественные отношения с Хивой, а хивинские торговцы по-прежнему будут находить защиту и покровительство российских властей. Что же касается возводимых укреплений, то было заявлено, что их цель — «обезопасение торговли и установление большего в тех местах порядка»⁸³.

Такой же уклончивый ответ в январе 1850 г. получило уже в Санкт-Петербурге и посольство Ходжа-махрама Аллабердыева, хотя оно и сообщило о признании официальной Хивой прав России на земли «Киргизской степи», то есть Казахстана, но потребовало вывода оттуда войск и демонтажа возведенных военных укреплений, что могло бы послужить гарантией разрядки напряженности.

Хивинское ханство и в последующие годы предпринимало настоячивые дипломатические усилия, чтобы «проникновение» России в ре-

⁸² Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края... С. 12—14.

⁸³ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии... С. 348.

гион носило мирный характер. В поисках компромисса оно шло и на уступки. Например, посольство Шукурулла-бая Мискинова, прибывшее в Оренбург в апреле 1852 г., от имени хивинских властей предлагало правительству России провести разграничительную линию между ханством и империей по периметру Сырдарьи, в случае необходимости — под наблюдением третьих стран⁸⁴. Но это предложение также было отклонено. «Ястребы» вновь одержали верх.

Несогласованность и противоречия в действиях ведущих ведомств — Азиатского департамента и Министерства иностранных дел, которые непосредственно отвечали за выработку и практическую реализацию российской восточной политики, диктат военной элиты, пользовавшейся покровительством Николая I и систематически дезинформировавшей правительство по поводу ситуации в Центральной Азии, в том числе в Хивинском ханстве, не позволили остановить или хотя бы предотвратить надвигающуюся угрозу конфронтации между Россией и государствами региона. Ее контуры обозначились в июле 1853 г., когда экспедиционный корпус под командованием небезызвестного В. А. Перовского штурмом овладел на правом берегу Сырдарьи кокандской крепостью Ак-мечеть, которая могла служить опорной базой для развертывания ширококомасштабных военно-наступательных операций в регионах Приаралья и Прикаспия против Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств.

Официальные власти Хивы, осведомленные о взаимоотношениях В. А. Перовского и Николая I, об их позиции, убедились в абсолютной бессмысленности дальнейших переговоров с правительством России, полностью разуверились в возможности мирного сосуществования. Н. П. Игнатьев, посетивший ханство во главе посольства летом 1858 г., после встреч и бесед с Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом I признавался в том, что надежд на соблюдение Хивой прежних договоренностей нет и поэтому устье Амударьи «рано или поздно придется занять»⁸⁵. Это означало, что вооруженной конфронтации не избежать. Такой поворот устраивал российские военно-политические круги и хивинскую феодальную олигархию, которые не желали сближения России и Хивы. В нем они видели реальную угрозу собственному существованию, политическому и экономическому господству в обществе. Война была для них куда предпочтительнее, чем трудный поиск компромиссов и мирное сосуществование двух государств.

---

⁸⁴ АВПр, СПб. Главный архив, I-6, 1852-1, л. 51—56; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 359.

⁸⁵ *Залесов Н. Г.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. // *Русский вестник.* 1871. № 3—4. С. 47.

Экономическая жизнь Хивинского ханства: характер и особенности

Политика изоляционизма, проводившаяся феодальной олигархией, недооценка объективных реалий, складывавшихся в Евразийском конгломерате, особенно остро дали о себе знать в Хивинском ханстве в середине XIX в., когда страна, как и сопредельные государства, оказалась перед дилеммой выбора *пути развития*, который Европа для себя уже сделала. Именно в этот период отчетливо обнаружилось серьезное отставание Хивы не только от России, где проблема выбора упиралась в определение темпов и методов, как говорится, «врастания» из феодализма в капитализм, естественного перехода из одной, распадавшейся, общественно-экономической формации в другую, на данном этапе более прогрессивную, но и от соседних Ирана и Турции, бурно переживавших начало крушения исчерпавшего свой потенциал восточного традиционализма, подъема социального реформаторства и национального предпринимательства, освоения европеизированных веяний общественно-политической мысли, ломавших идеологические барьеры и проникавших извне с новыми идейными воззрениями.

В Хивинском ханстве еще *предстояло* создать необходимые условия для генезиса и эволюции капиталистического способа производства. Для этого следовало усовершенствовать производственные отношения, расширить структуру общественного производства, модернизировать его материально-техническую базу, увеличить экспорт сельскохозяйственных продуктов и других товаров, пользовавшихся неизменным спросом на внешних рынках. Такие меры позволили бы постепенно преодолеть феодально-патриархальную застойность, расчистить путь для проникновения прогрессивных общественно-экономических отношений.

Объективная необходимость и возможность модернизации производительных сил и совершенствования производственных отношений натолкнулись на ряд серьезных препятствий. Главные из них: 1) общая социально-экономическая отсталость ханства, обусловленная безраздельным господством докапиталистических отношений в ключевых сферах; 2) консервативная позиция правящей феодальной олигархии, установившей абсолютный контроль над всем природным и интеллектуальным потенциалом страны, использовавшей его исключительно в собственных интересах и потому в каких-либо переменах не заинтересованной; 3) чрезвычайно низкий уровень образования подавляющей части населения, его приверженность традиционному мировоззрению, догматам ислама, осложнявшим объективное восприятие реального бытия и прогрессивной общественно-политической мысли.

Рассмотрим каждое из этих препятствий в отдельности.

На территории Хивинского ханства исторически сформировались две резко отличавшиеся друг от друга природно-экономические зоны: Южная, образовавшаяся на просторстве левобережья Амударьи на плодородных землях древнего орошения, где проживали в основном узбеки, и Северная, охватившая пустынные и полупустынные районы, заселенные преимущественно туркменскими, отдельными казахскими и каракалпакскими родами и племенами, юг Аральского моря и юго-восточные районы, расположенные в основном в болотистой дельте Амударьи, среди населения которых преобладали каракалпаки, а также восточные приамударьинские районы, обжитые узбеками и казахами. Юг заметно уступал Северу по общим масштабам территории, но значительно превосходил его по численности населения, уровню хозяйственного развития.

Южная зона представляла собой довольно густо населенный культурный оазис с ухоженными пашнями. Эта зона, испещренная многочисленными крупными и мелкими ирригационными каналами, оснащенными множеством водоподъемных устройств, специализировалась на возделывании влаголюбивых культур, производстве шелковичных коконов, каракулеводстве. Большую часть пахотных земель занимали зерновые культуры (пшеница, рис, ячмень, сорго, бобы и т. п.), бахчевые, продукция которых предназначалась главным образом для внутреннего потребления, а частично вывозилась за пределы ханства. Значительные площади отводились под кунжут (сезам), зигир (лен) и кормовые (люцерна, просо и т. п.). Технические культуры, в том числе хлопчатник, засевались на ограниченных площадях для удовлетворения потребностей в сырье «домашней промышленности».

Северная зона, доминирующую часть которой составляли пустыни и заболоченные земли, где нехватка самотечной оросительной воды ощущалась постоянно, а площади культурной пашни были незначительны, специализировалась на производстве разнообразной продукции животноводства и сопутствующих отраслей. Она поставляла «южанам» не только мясо и молоко. Туркменские коневоды разводили знаменитых ахалтекинских скакунов и высокопородных тонкорунных овец. каракалпакские племена, населявшие южные районы Аральского моря и дельту Амударьи, наряду со скотоводством, занимались также и каракулеводством, промысловым рыболовством, добычей и очисткой поваренной соли. Перешедшие от кочевого образа жизни к оседлости туркменские, казахские и каракалпакские общины на имевшихся в их распоряжении сравнительно скудных площадях пахотных земель выращивали зерновые, хлопчатник и люцерну. Таких земель, например, в окрестностях Тахтабазара было 30 тыс. танапов (1 танап равен 0,41 га). Дарган-Аты, Садвара и Питняка — 11,5 тыс., Шуманая — 5 тыс. и Кунграда — 15 тыс. танапов⁸⁶.

⁸⁶ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее: ЦГА РУ), ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 26 об., 69.

Преобладание сельского хозяйства, в котором было занято до 90 % самодеятельного населения, придавало экономике Хивинского ханства моноотраслевой характер. Вместе с тем оно являлось и той ведущей, единственной отраслью народного хозяйства, которая при определенных условиях могла бы в течение какого-то времени служить *исходной* точкой подъема всего общественного производства. Однако потенциальные возможности интенсификации развития сельскохозяйственного производства — относительно благоприятные природно-климатические условия, достаточное количество трудовых ресурсов, наличие плодородных, а также неосвоенных земель, воды для самотечного орошения, естественных пустынных пастбищ и, что особенно важно, богатые традиции древней и самобытной хорезмийской культуры орошаемого земледелия — для ускорения подъема народного благосостояния и повышения экономической мощи государства использовались недостаточно.

На положении аграрной экономики, производительных сил и производственных отношений негативно отражалась архаичная система землевладения. Фонд культурных земель ханства насчитывал почти 2 млн. танапов, из которых 324 тыс. были заняты под пашней⁸⁷. Земли в зависимости от характера собственности подразделялись на пять основных групп: *падишалычные* (государственные), *мульковые* (частновладельческие), *вакуфные* (церковные), *общинные* и *атлычные*. Принадлежность к той или иной группе земельной собственности прямо указывала на социальный статус землевладельца, его положение в обществе. В этом заключалась одна из существенных особенностей системы землевладения, сложившейся в феодальной Хиве и имевшей немало общего с характером землевладения в соседних Бухаре, Туркестане, Иране, Афганистане и некоторых других мусульманских государствах.

Так называемые *падишалычные* земли включали в себя весь фонд государственных сельскохозяйственных угодий, среди них — пустыни, реки, озера, предгорья, лесные массивы, залежные земли (*партау*) и т. д., не находящиеся в частном пользовании. В середине XIX в. фонд государственных культурных земель насчитывал всего 85 тыс. танапов⁸⁸, или приблизительно 32,7 тыс. десятин. По мусульманскому праву — *шариату* государственный земельный фонд являлся всецело «общественной» собственностью. В этой связи абсолютным правом осуществле-

---

⁸⁷ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. С. 123; Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, составленное генерального штаба капитаном Гиршфельдом, переработанное генерал-майором Галкиным. Ч. II (далее: *Гиршфельд В.* Военно-статистическое описание... Ч. II). Ташкент, 1903. С. 142.

⁸⁸ См.: Юлдашев М. Ю. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы. Ташкент, 1959. С. 147 (на узб. яз.).

ния контроля за его сохранностью и использованием наделялось исключительно государство в лице хивинского хана, имевшего и личную земельную собственность, которая, в отличие от падшалычной, могла выступать объектом купли-продажи и т. п.

Наделение абсолютной монархии правом распоряжаться «общественной» собственностью закономерно влекло за собой объединение в одну группу двух по характеру диаметрально противоположных форм собственности, игравших разную роль в экономической жизни страны. Это нельзя назвать случайным явлением. Оно позволяло, во-первых, направленно внедрять в массовое общественное сознание мысль о том, что земля и все, что на ней создано, должны принадлежать государству в лице правителя, являющегося тенью Аллаха на земле; во-вторых, гарантировать суверену как «предводителю нации» ничем не ограниченное право собственности на землю и на все материальное и нематериальное, что находится на ней и в ее недрах, обеспечить таким образом «святость» и неприкосновенность ханской личной земельной собственности, которая служит якобы общественным интересам, во имя процветания страны и на благо нации.

Смещение «общественного» и личного, стирание разъединяющих их граней открывало правящим кланам простор для манипулирования государственным земельным фондом и злоупотреблений. Существовали три распространенные формы его эксплуатации: 1) дарение физическим и юридическим лицам для владения с правом передачи по наследству, но без права отчуждения; при этом право собственности на землю де-юре сохранялось за государством; 2) продажа наделов в личную собственность, когда ее форма меняется и переходит в категорию мульковых (частновладельческих) с полной потерей государством права контроля; 3) сдача в аренду безземельным и малоземельным дехканам, общинам на определенных условиях. Такой порядок, сложившийся с делением общества на касты — на правящих и им подвластных, — оставался практически неизменным, отражая социальное и имущественное неравенство в обществе.

В Хивинском ханстве в середине XIX в. и значительно позднее, к примеру на стадии необратимого распада феодализма, одной из наиболее распространенных форм эксплуатации фонда государственных земель была передача их с правом *владения и наследования*. Как правило, она использовалась для подкупа сановников двора и феодальной аристократии, вознаграждения влиятельным вождям племен и родов, местным хакимам, бекам и другим чиновникам. Выделялись земельные участки не малыми наделами, а десятками, сотнями танапов — в прямой зависимости от социального статуса получателя, то есть его положения в обществе и личной «полезности» для ханского двора. По данным М. Ю. Юлдашева, успешно продолжившего вслед за П. П. Ивановым скрупулезную расшифровку и анализ подлинных налоговых

тетрадей «архива хивинских ханов» и опубликовавшего по результатам исследований оригинальную монографию, в Мангитском районе на рубеже, например, 1859 и 1860 гг. Мехтер-ака и Кушбеги-бек⁸⁹ получили по 500 танапов, Джуманияз-ишан, Рахматулла-ясаулбаши, Улам-Ходжа — по 200, Иноят-махрам⁹⁰ и Файзи-махрам — по 100, кипчакский бек Аллаберген — 50 танапов. Спустя четыре года в местечке Уйгур уже упомянутые Мехтер-ака и Кушбеги-бек получили еще по 300 танапов, а Хак-Назар Сарык, Ходжи-Ахмет-чаудар и Мухаммед Риза-аталык — по 100, Султан-хан, Умар-тура, Алланазар-тура, Шигаул-бек и Якуб-инак — по 50, Нияз-бий — 40, Мурад-кала, Иш-кассаб и казах Бузтой-бий — по 30, Клычбай-казак — 20, казах Кандали-бий — 15 танапов⁹¹.

Приведенный список характерен тем, что позволяет представить принцип распределения и перераспределения общегосударственного земельного фонда. Крупные наделы (500—1000 и более танапов) получали высшие сановники ханского правительства, вслед за ними шли сановники в ранге министров и военачальники, а также представители высшего духовенства (до 200—300 танапов), затем — служащие двора, принадлежащие к среднему сословию, и приравненные к ним предводители туркменских племен (до 100 танапов), дети и внуки (*тура*) лиц ханской фамилии (до 50 танапов). Наименьшие земельные площади из государственного фонда (до 15—30 танапов) выделялись каракалпакским и казахским родоплеменным предводителям. Эти факты весьма красноречиво указывают на сложившуюся в Хивинском ханстве систему «подкармливания» феодальной аристократии, степень доступности общественного достояния для различных социальных групп и прослоек общества. Разумеется, здесь речь идет лишь о разовом выделении земли и ее единовременных размерах. На практике земельные наделы из государственного фонда выделялись одним и тем же сановникам, другим должностным лицам неоднократно, без учета наличия или же отсутствия у них личной земельной собственности, ее масштабов, но даже и в этом случае принцип «избирательной» доступности ханским правительством соблюдался неизменно.

⁸⁹ Мехтер — первый министр ханского правительства при Сеиде Мухаммеде Рахим-хане II, ведавший южными областями и финансами, в том числе и сбором налогов. Здесь, вероятно, имеется в виду исполнявший в ту пору эту должность Мухаммед Рахимбай (1856—1866). Кушбег и — второй министр ханского правительства, управлявший северными областями страны, курировавший вместе с мехтером сбор налогов и поступления в ханскую казну. — *Примеч. авт.*

⁹⁰ Махрам — приближенный хана, управлявший хозяйственными делами и материальным снабжением ханского двора. — *Примеч. авт.*

⁹¹ См.: Юлдашев М. Ю. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы. С. 155—156.

Всем, кто получил наделы из государственного земельного фонда, выдавались соответствующие «ярлыки» (грамоты) на владение землей на правах собственности и с возможностью завещания ее по наследству. При этом юридически владельцем земли по-прежнему оставалось само государство в лице хивинского хана. Как отмечал О. Шкапский, «земледелец, сидящий на земле падшалык, является владельцем не земли, а лишь владельцем разрешения пользоваться ею. Поэтому он не может какими-либо способами отчуждать находящуюся в его пользовании землю... Право владельцев земель падшалык можно уподобить праву вечной наследственной аренды государственной земли»⁹². Это позволяло ханской власти осуществлять контроль над доходами феодальной аристократии, а при необходимости — экспроприировать владения и личное имущество каждого под самыми различными предлогами, что на практике достаточно часто и применялось.

Несмотря на некоторую условность права владения землей из государственного фонда, оно было экономически выгодным для тех, кто получал весьма значительные земельные наделы — до 150—200 и более танапов. В их полное распоряжение вместе с сельскохозяйственными угодьями переходили занятые на падшалычных землях безземельные (*беватан*) и малоземельные дехкане, все расположенные на данной территории населенные пункты, ирригационные сооружения, озера и сады. Дехкане, не имея никаких юридических прав, были вынуждены работать на кабальных условиях или расставаться с обжитыми местами, покидать их вместе с семьей в поисках лучшей доли. Таким образом, по свидетельству О. Шкапского, владельцы падшалычных земель, не имея прав *собственности* на землю де-юре, вместе с тем становились де-факто «полными собственниками всех продуктов земли, а также и всех возведенных ими построек»⁹³. При этом они не несли материальных затрат. Вот почему владение государственной землей было предпочтительнее ее выкупа. Этим стремились воспользоваться земельная аристократия и представители правящей верхушки хивинского общества, включая родоплеменных вождей.

Свободные падшалычные земли, в том числе находившиеся в собственности хана и его семьи, сдавались безземельным и малоземельным дехканам на договорной основе в краткосрочную и долгосрочную аренду, но без права *продажи* или же *передачи* другим лицам, кроме прямых наследников. Они за эксплуатацию сельхозугодий платили казне *дахъяк* (десятина), размер которой зависел не от объема конечной продукции, а от качества земли и ее обеспеченности поливной водой.

---

⁹² Шкапский О. Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Земледелие и землевладение в Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела. Ташкент, 1900. С. 94.

⁹³ Там же. С. 94.

Обычно с участков, оснащенных водоподъемным чигирем, дахъяк не превышал 1/10 части урожая, а с орошавшихся беззатратным способом самотечной водой — 1/5 доли⁹⁴. Однако нередко, особенно в тех случаях, когда это касалось договоров с беватанами, общепринятые во всем мусульманском мире нерушимые принципы дахъяка просто-напросто игнорировались владельцами земель. Дехканам навязывались кабальные условия аренды: за нее часто приходилось расплачиваться половиной урожая, в лучшем случае — целой третью. Если сельскохозяйственный год оказывался неблагоприятным по климатическим или иным условиям и конечный результат не оправдывал ожиданий, то не только сами арендаторы, но и их семьи попадали в долговую яму и в полную зависимость от землевладельца. Нередко, не сумев вовремя уплатить долг, они де-факто превращались в его пожизненных рабов. В значительной степени именно в этом и следует искать одну из причин сохранения в Хивинском ханстве в конце XIX в. и даже в начале XX в. торговли людьми, то есть классической работорговли.

Феодальная система распределения и перераспределения государственных земель являлась своеобразным базисом формирования всех других форм земельной собственности, в том числе *мульковых*, удельный вес которых в общей структуре землевладения был значительным. Исследователи единодушны в том, что процесс образования в ханстве фонда *частновладельческих* земель протекал довольно интенсивно. Однако, увы, установить его реальные масштабы пока не удастся. Так, например, В. Гиршфельд в свое время отмечал, что в Хиве *мульковые* земли, включая ханские, составляют 380 тыс. десятин⁹⁵, что равно приблизительно 1,01 млн. танапов. Аналогичной точки зрения придерживался и Г. И. Данилевский, который к категории *частновладельческих* относил свыше 1 млн. танапов⁹⁶. Достоверность этих сведений долгое время ни у кого не вызывала никаких сомнений, на них ссылались многие исследователи.

Принципиально иную гипотезу, заслуживающую внимания, выдвинул М. Ю. Юлдашев. Основываясь на данных налоговых тетрадей из «архива хивинских ханов», он пришел к выводу, что в действительности *мульковых* земель было не более 129—142 тыс. танапов⁹⁷. Эти цифры в литературе продержались недолго. Некоторое время спустя один из крупных специалистов по социально-экономической истории Хивинского ханства А. С. Садыков, ссылаясь на отсутствие точного учета земель, противоречивость сведений о *мульковых* землях (площадь их, по разным данным, составляла от 180,5 тыс. до 587,2 тыс. та-

⁹⁴ См.: История народов Узбекистана. 1947. С. 160.

⁹⁵ Гиршфельд В. Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 145.

⁹⁶ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. С. 123.

⁹⁷ Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. Ташкент, 1966. С. 36.

напов), сделал заключение, что частновладельческие земли составляли до 40—46 % земельного фонда⁹⁸. Если принять во внимание, что весь фонд культурных земель в ханстве был не менее 1,866 млн. танапов, с чем, кстати, никто из авторов не спорит, то путем простейшего арифметического подсчета можно ясно увидеть: в данном случае у А. С. Садыкова речь идет о 746,4—858,4 тыс. танапов или 280,6—322,7 тыс. десятин, то есть приблизительно о тех же размерах культурных земель, занятых под посевами (324 тыс. десятин), о которых говорили В. Гиршфельд и Г. И. Данилевский, оперировавшие в общем-то заслуживающими доверия сведениями, полученными ими непосредственно в канцелярии (*диван*) хивинского хана.

Причин встречающейся в литературе противоречивости данных о реальном состоянии частновладельческих земель в Хивинском ханстве немало. Главные среди них — это скудость источниковой базы и ее ограниченность, не позволяющие прояснить объективное положение в аграрной экономике одной из ключевых форм землевладения, которая оказывала непосредственное воздействие на экономическую, социальную и политическую жизнь страны, ибо аккумулировала интересы доминирующей части населения. При всей своей несомненной фактологической ценности этот пробел не могут восполнить и налоговые тетради из «архива хивинских ханов». Параллельных данных, могущих подтвердить их абсолютную объективность, не обнаружено. Кроме того, эти тетради не лишены серьезных недостатков, вводящих исследователей в заблуждение. Так, например, М. Ю. Юлдашев, анализируя данные тетради № С-699, отмечает: «...Мулькдары выставили в качестве казучи 14 283 человека. Поскольку от каждых 10 танапов выделяли одного человека, то, следовательно, они представляли собственников 142 830 танапов». Далее, основываясь на соотношении арендаторов и собственников, он констатирует, что «хозяйства мулькдаров состояли из 129 429 танапов. Разница примерно в 13 тысяч в обоих вариантах подсчета не имеет принципиального значения...». Завершая этот сюжет, М. Ю. Юлдашев приводит общую картину распределения земельного фонда в Хивинском ханстве в середине XIX в., из которой явствует, что непосредственным производителям сельхозпродукции — дехканам и мулькдарам принадлежали 134 тыс. танапов⁹⁹. Следовательно, налоговые тетради могут служить источником при изучении аграрного вопроса, но при условии критического подхода к ним.

Существенной разницей в определении точных размеров *мулькового* землевладения является следствием и того, что ряд исследователей включают земли хана и его семьи в категорию падшалычных (государственных), а не *частновладельческих*, другие вовсе выводят их в

⁹⁸ См.: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 13.

⁹⁹ См.: Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. С. 35—37.

самостоятельную группу, исходя из того, что в феодальном обществе все движимое и недвижимое, в том числе земля, принадлежит монарху, третьи не видят никаких различий между государственной и ханской земельной собственностью. В итоге земли, принадлежавшие хану и его семье и приносявшие реальный доход как средство производства и объект купли-продажи, лишаются статуса. Между тем очевидно, что в Хивинском ханстве как мусульманском государстве, понятие *мульк* (собственности) на правовом поле выступало в определенных формах, ясно указывающих на происхождение и характер землевладения: *ата-и-мульк* — унаследованная (фамильная) собственность, доставшаяся по наследству; *ярлык-и-мульк* — собственность, переданная (или проданная) тому или иному лицу по правительственному распоряжению (*фарман*) с выдачей ему соответствующей грамоты на владение (*ярлык*) или купчей; *мульк-и-халис* — собственность «очищенная», то есть законная, принадлежность которой данному лицу, владение ею на правах собственности не подлежит сомнению.

Сельскохозяйственные угодья, находившиеся во владении хана и его семьи, как и всякая унаследованная (фамильная) собственность, относились к привилегированной категории *ата-и-мульк* и составляли ее основу. По данным П. П. Иванова, в середине XIX в. хивинскому хану принадлежало около 7,8 тыс. танапов (2,9 тыс. десятин) пашни¹⁰⁰, обрабатываемых издольщиками. Все ближайшие родственники хана, по сведениям В. Гиршфельда, владели 100 тыс. десятин сельскохозяйственных угодий¹⁰¹. Несомненно, общие размеры личной земельной собственности хана и его семьи не были статичны. Напротив, пользуясь неограниченной абсолютной властью и полной бесконтрольностью в личных интересах, каждый правитель стремился в первую очередь приумножить унаследованное, расширить свои земельные владения за счет конфискации чужой собственности или же освоения усилиями беватанов и малоземельных за счет средств государства новых земель. Вновь приобретенные таким образом сельскохозяйственные угодья тут же «освящались» духовенством, приводились в некое соответствие с предписаниями шариата и по сложившейся традиции зачислялись в привилегированную категорию *ата-и-мульк*. Вот почему личная земельная собственность правителя и его семьи не сокращалась, а имела четко выраженную тенденцию к неуклонному увеличению.

Следует особо подчеркнуть, что находившаяся под пристальным вниманием исламского права собственность *ата-и-мульк*, уходящая корнями в рабовладельческое общество, способствовала концентрации в руках членов ханской семьи и близкой к ней верхушки феодальной

¹⁰⁰ Иванов П. П. Удельные земли Сеид Мухаммед-хана хивинского // Записки Института востоковедения АН СССР. 1937. Вып. VI. С. 54.

¹⁰¹ Гиршфельд В. Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 145.

элиты большей части земельных ресурсов страны и превращению их в высшую земельную аристократию. Так, вслед за Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом II, которому принадлежали все фамильные земельные владения, доставшиеся в наследство от древнейшего рода инаков¹⁰², крупнейшими землевладельцами были прямые наследники трона — его сыновья и братья, а также другие ближайшие родственники и влиятельные сановники, находившиеся с ним опять-таки в более или менее близких родственных отношениях. Так, например, Мурад-тура владел в целом 36 тыс. танапов сельхозугодий, Ибадулла-тура — свыше 33,7 тыс., Мухаммедьяр-тура — 6 тыс., Мухаммед Ризо-тура — 4,5 тыс. танапов земель. Ведавшему в правительстве военными делами Шейхназар-ясаулбаши принадлежало около 22 тыс. танапов, великому везиру (премьер-министр)¹⁰³ — 12 тыс., главе канцелярии Джуманияздивану — 2 тыс., Исхак-Ходже — 3,4 тыс. танапов и т. д.¹⁰⁴ Размеры землевладений определяли их экономическое и политическое положение в обществе, так как под ними подразумевались не просто сельскохозяйственные угодья, но и расположенные на тех же землях городища, кишлаки, другие населенные пункты со всеми их жителями, производственными и иными промысловыми предприятиями.

Обладатели фамильных земельных владений могли также иметь и свои «ярлычные» земли, которыми управляли на правах собственности. Однако *ярлык-и-мульк* представляла собой сформировавшуюся самостоятельную категорию земельной собственности, принадлежавшей не только высшей элите, а скорее средней прослойке феодалов и полуфеодалов. Она образовалась на основе уже выкупленных у правительства государственных земель, имела тенденцию к расширению под непосредственным контролем ханской власти.

Наделы с ярлыком на мульковое право обычно реализовывались по сравнительно высокой цене — из расчета 5 полных хивинских *тилля*¹⁰⁵ за каждый танап, которые вносились в казну. Если учесть, что в условиях ханства наличие 4—5 танапов пахотной земли из-за непомерно высоких материальных и финансовых затрат на производство продукции не могло гарантировать даже средней дехканской семье сносное существование, не говоря уже об экономическом благополучии, то становится понятной доступность выкупа мулькового права лишь выходцам из более состоятельного сословия, но отнюдь не большинству земледельцев. В итоге основная масса реализуемых из

---

¹⁰² Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву... Ч. II. С. 80—81.

¹⁰³ Вероятно, имеется в виду Сеид Ислам-Ходжа. — *Примеч. авт.*

¹⁰⁴ Подсчитано нами по: Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. С. 24—25.

¹⁰⁵ Одна полная хивинская золотая тилля состояла из двух малых и равнялась по российскому курсу 3 руб. 60 коп. серебром. — *Примеч. авт.*

государственного фонда земель оказывалась опять-таки в руках все той же высшей придворной знати, немногочисленной прослойки сельской земельной аристократии и приближенных к ним. Следовательно, официальный ярлык о праве собственности на реализованную часть государственной земли служил надежным рычагом, позволяющим властям регулировать распределение в аграрном секторе основных средств производства, не допуская размывания сословных различий и расшатывания устоявшихся производственных отношений.

На тех же принципах осуществлялись удостоверяемые соответствующим ярлыком продажа земельной собственности самого хана и превращение ее в частную собственность. Цена танапа, по данным источников, и в этом случае не превышала 5 полных хивинских тилля. Но она могла быть значительно снижена для чиновников, работающих в аппаратах местного управления, служащих религиозных учреждений, нукеров из туркменских и каракалпакских племен, отличившихся в период военных действий или несения караульной службы. В ярлыке конкретно указывались дата и условия продажи земли, в обязательном порядке оговаривались ее покупка «с правом потомственного владения» и право передачи по наследству, фиксировались размеры и цена угодья¹⁰⁶.

В числе покупателей мулькового права иногда встречались также и дехкане. Несмотря на серьезные материальные затруднения, части из них ценой невероятных усилий удавалось накопить необходимые средства и выкупить участок из государственного земельного фонда или же ханской земли для организации собственного хозяйства. Размеры участка, как правило, не превышали 2,0—2,5 танапа, и на таком наделе, естественно, основать рентабельное производство было чрезвычайно затруднительно. Так что крайне небольшие земельные приобретения дехкан не могли изменить общую тенденцию в землевладении и тем более составить сколько-нибудь серьезную конкуренцию феодальной элите. По подсчетам А. С. Садыкова, дехкане, составлявшие около 90 % самодеятельного населения ханства, владели немногим более чем 192,4 тыс. танапов (12,7 %) культурных земель, тогда как в руках всего 190 крупнейших феодалов было сосредоточено свыше 200 тыс. танапов пашни¹⁰⁷. Эти цифры говорят сами за себя.

Самостоятельную форму личной земельной собственности образовывали мелкие земельные владения, принадлежавшие подавляющей массе хивинского дехканства и зачисленные де-юре в категорию *мульк-и-холис*. Вероятно, сюда же относилась и часть землевладений *ата-и-мульк*. К сожалению, в источниках точные данные о размерах *мульк-и-холис* и масштабах распространения этой формы земельной

¹⁰⁶ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 14, д. 141, л. 20.

¹⁰⁷ Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 31.

собственности отсутствуют. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что в хивинских хрониках, официальных налоговых тетрадах из «архива хивинских ханов» она часто фиксировалась как синоним ата-и-мульк, между ними не делалось никаких существенных различий. Вполне возможно, что такая путаница в учете форм именно личной земельной собственности не была случайной. На первый взгляд, унаследованную (родовую или фамильную) земельную собственность можно принять и как мульк-и-холис, происхождение которой известно, а принадлежность какому-то определенному лицу сомнений не вызывает. Поэтому отделять их друг от друга де-факто, казалось бы, нет необходимости. С другой стороны, исламское право проводит достаточно четкую разграничительную черту между этими двумя формами де-юре. Следовательно, с юридической точки зрения по шариату их абсолютная идентификация недопустима. Она могла быть сделана сознательно, чтобы скрыть реальные масштабы унаследованной (родовой) земельной собственности, которой распоряжались главным образом элита правящих кланов и феодальная аристократия, и воспрепятствовать таким образом противопоставлению ее другим формам, в частности все той же мульк-и-холис. Возможно, мы имеем дело с обычной правовой неграмотностью недостаточно сведущих в мусульманской юриспруденции чиновников ханской канцелярии, которых мало беспокоила точная классификация наделов. Впрочем, это только предположение.

В системе феодального землевладения, сложившейся в Хивинском ханстве, особое место занимали *вакуфные* земли, представлявшие собой собственность ведущих мусульманских религиозных институтов (медресе, мечети, кары-хана, мактабы, места массового поклонения верующих, связанные с именами мусульманских святых, и т. п.). Они начали появляться в регионе в самом конце VIII в. после прихода арабских завоевателей первоначально как форма собственности *уммы* (мусульманская община), но вскоре в процессе классового размежевания превратились в экономическую основу распространения и утверждения новой религии — ислама. На заре своего зарождения, когда речь шла только о небольших наделах, вакуфные земли обрабатывались на безвозмездной основе силами слушателей (*мулла*) высших духовных учебных заведений (*медресе*) и преподавателей (*мударрис*), учащихся конфессиональных школ (*мактаб*) и их наставников (*имам*), а также многочисленных *мюридов* — последователей *ишанов* и *пиров* (святой) из суфийских орденов, в частности, Кубравия (XII в.), Накшбандия (XIV в.), Кадырия (XII в.) и др., *каляндаров* — нищенствующих суфиев. На земельных наделах при мечетях и местах захоронения наиболее почитаемых мусульманских святых трудились попечители и прихожане. Доходы от вакуфов шли на нужды духовных учебных заведений, материальную поддержку богословов, благоустройство кладбищ и других мест захоронения, на различные благотворительные цели, в

том числе оказание помощи продовольствием и одеждой малообеспеченным семьям, потерявшим кормильца, инвалидам (*сагир*), беднякам и одиноким.

В новое время как само предназначение, так и характер института вакуфного землевладения претерпели существенные изменения. Хивинские правители, связанные с духовенством теснейшими узами, с готовностью откликавшиеся на все его нужды, представители феодальной элиты и земельной аристократии, торгово-ростовщической знати немало делали для того, чтобы укрепить и нарастить потенциал вакуффов. Для увековечения собственного имени, надежного помещения личного капитала или отмыwania накопленного несправедливым путем они частенько становились основателями или соучредителями мечетей, медресе, мактабов, кары-хана (приюты для слепых) и т. д. Наиболее престижным считалось строительство медресе с передачей ему в вакуф крупных земельных наделов. В 50-е гг. XIX в. в ханстве насчитывались десятки медресе. Среди них — Кутлымурат-инака (1809), Аллакули-хана (1832), Муса-туры (1841), Мухаммеда Амин-хана (1853), которые были не просто крупнейшими, но и состоятельными учебными заведениями. Так, например, медресе Мухаммеда Амин-хана имело 35 325 танапов вакуфных земель, Кутлымурат-инака — 24 634, Ширгази-хана — 7920, Муса-туры — 7066 танапов¹⁰⁸ и т. д., это были в основном наделы, дарованные хивинскими ханами из падшальческих земель, а также пожертвования других верующих из числа состоятельной элиты.

По мере расширения сети религиозных учреждений им выделялись все новые земли, предоставлялись различные налоговые послабления, постепенно превращавшие вакуфное землевладение в самостоятельный политико-экономический институт государства. К середине XIX в. в Хивинском ханстве мусульманские религиозные учреждения сконцентрировали в своих руках довольно значительную часть культурных земель: приблизительно 475,3 тыс. танапов¹⁰⁹, что почти на 35—40 тыс. танапов больше, чем все земельные владения хивинских дехкан, вместе взятые. Огромные площади сельскохозяйственных угодий попали в распоряжение медресе, мечетей, мест захоронения возведенных в лик святых, нередко служивших, как, например, в районах проживания преимущественно кочевого населения, миссионерскими центрами. Содержать их с опорой лишь на собственные силы религиозные учреждения теперь не могли. Они стали широко практиковать использование труда наемных работников, то есть сдачу земель в аренду *чайри*

¹⁰⁸ См.: Билялов Г. М. Из истории культуры и просвещения в Хорезме. Ургенч, 1957. С. 42.

¹⁰⁹ Государственный архив Хорезмской области Республики Узбекистан (далее: ГАХО), ф. 591, оп. 2, д. 12, л. 17.

керам (издольщик). Это означало, что вакуфное землевладение полностью исчерпало то изначальное, что было в нем заложено, то есть служение благотворительности, целям духовного роста и социальной поддержки малоимущих, уязвимых слоев населения, превратившись в один из механизмов эксплуатации свободных трудовых ресурсов и воспроизводства капитала.

Исключительным правом управления вакуфными землями, как и вакуфным имуществом в целом, обладали, наряду с правителем ханства, *шейх-уль-ислам* (высшее духовное лицо в стране) и *казы-калян* (верховный судья). Функции правителя и шейх-уль-ислама сводились лишь к принятию вакуфных грамот (*нома*), обеспечению их соответствия нормам и требованиям ислама и общему руководству вакуфным имуществом. Грамоты удостоверяли принадлежность и характер имущества, его размеры и назначение. Казы-калян совместно с казиями на местах осуществлял контроль за неукоснительным соблюдением оговоренных в документе условий. На уровне первичного звена, например медресе, вакуфным имуществом управлял *мутавали* (попечитель), отвечавший за сохранность, учет и использование доходов, их распределение. Все они вместе участвовали в формировании стратегии и тактики вакуфной политики, которая рассматривалась как непереносимое условие экономического процветания страны и политической стабильности в обществе.

В многоукладной структуре аграрного строя Хивинского ханства середины XIX в. и даже значительно позднее — в начале XX в. *общинное* землевладение представляло собой, по сути, концентрированное выражение сохранившихся патриархально-родовых отношений. Наиболее характерно оно было для тех окраинных регионов, которые были населены казахскими, туркменскими и каракалпакскими родами и племенами, выступавшими носителями преимущественно кочевых и полукочевых форм хозяйственно-бытового уклада. Общинные земли имелись и в ряде других районов, например в Ильялыньском, Порсынском, Ходжейлийском, Шуманайском и Чимбайском, жители которых вели оседлый образ жизни, но большей частью сельскохозяйственных угодий пользовались сообща.

Образование общинного земельного фонда происходило в ханстве в основном тремя путями: заселение кочевым или же полукочевым племенем или родом необработанных пустыющих земель, в частности, естественных пустынных пастбищ; захват воинствующими племенами чужих территорий, включая сельскохозяйственные угодья; раздача (пожалование) общинам ханским правительством государственных или конфискованных частновладельческих земель. Первые два практиковались не только в средние века и ранее, но и в новейшее время, вплоть до консолидации государственности в Хиве в конце 20-х гг. XIX в., то есть на исходе правления Сеида Мухаммеда Рахим-хана I.

когда централизованной власти удалось взять под контроль все воинствующие племена и погасить межфеодалные распри. Одним из важных рычагов установления межплеменного мира как раз и послужило пожалование общинам обширных наделов из государственного земельного фонда, формально «выравнивавшее» их в правах.

Подавляющая часть общинного земельного фонда ханства принадлежала туркменским племенам. В их распоряжении, кроме отгонных пустынных пастбищ, имелось до 148 тыс. танапов культурных земель. Каракаллаки, компактно проживавшие в Шуманайском, Кунградском, Куны-Ургенчском районах, владели не менее чем 25 тыс. танапов, казхи, ведшие кочевой образ жизни главным образом в пределах Кунградского, Куны-Ургенчского и Ходжейлийского районов, имели примерно 20 тыс. танапов культурных земель¹¹⁰. Хотя эту статистику признать абсолютной нельзя, ибо в ней не учтены пустынные пастбища, составлявшие львиную долю общинных земель, они дают некоторое общее представление о состоянии общинного землевладения в ханстве.

Характерная особенность общинного землевладения — неадекватность отражения насущных потребностей социально-экономической эволюции общества, консервация отсталых производственных и иных отношений. Выделяя земельные массивы тому или иному племени и роду для коллективного пользования или же в личную собственность представителям местной феодальной аристократии, хивинские власти руководствовались в первую очередь политическими, а затем уже — экономическими мотивами. Возьмем, к примеру, формирование фонда общинных земель в районах компактного проживания туркменской диаспоры. По подсчетам В. Гиришфельда, она составляла 26,8 % населения Хивинского ханства¹¹¹ и занимала по численности вторую строку сразу после хорезмских узбеков. В ее среде издавна были очень сильны антиправительственные оппозиционные настроения, неумная тяга к сепаратизму и анархизму, междоусобицы. Не будучи связаны друг с другом никакими обязательствами, пишет А. Л. Эдгар, «разные племена туркмен... никогда не представляли собой единую политическую силу»¹¹², причем «каждое из племен... имело собственную генеалогию, историю, легенды и мифы. Каждое было связано с определенным туркменским диалектом, имело собственные отличающиеся от других формы украшений...»¹¹³. Что касается чувства патриотизма, то у туркменской диаспоры обычно и здесь обнаруживалась весьма при-

¹¹⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 69, 69 об.

¹¹¹ Гиришфельд В. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. 1. Ташкент, 1902. С. 66.

¹¹² Edgar A. L. Tribal nation: the making of Soviet Turkmenistan. Princeton, 2004. P. 20.

¹¹³ Ibid. P. 21.

мечательная специфика. «В XVIII и XIX веках туркменские племена непрерывно сражались против Персидской империи и Хивинского ханства, которые пытались поработить их, — отмечает А. Л. Эдгар. — Государствам постепенно удалось взять под свой контроль области, населенные туркменами», но тем не менее в каждом из тех государств, которым «они выражали преданность, туркмены рассматривались, как правило, как сила непокорная и потенциально враждебная. Являясь военными союзниками, они в то же время не желали отказываться от своей старой традиции совершать набеги в приграничные районы и соседние государства, которым номинально были подчинены, для захвата рабов и домашнего скота»¹¹⁴. Безусловно, это было характерно не для всех туркменских племен и родов, большинство которых сосуществовали с оседлыми узбеками, таджиками, казахами и каракалпаками в мире и дружбе, а преимущественно для части кочевых племен, сохранявших верность традициям.

Вместе с тем именно из обученных военному делу и адаптировавшихся к суровым условиям пустынь всадников туркменских племен и родов комплектовалось ядро ханской наемной армии, обеспечивавшей охрану торговых путей и внешних границ государства. Хотя на всем протяжении такого сосуществования взаимоотношения туркмен с властями Хивинского ханства складывались непросто, подчеркивает А. Л. Эдгар, осевшее здесь сообщество племени «туркмен иомудов признало себя во второй половине XVIII века подданными хивинского хана, начало выплачивать дань и участвовать в проводимых военных походах»¹¹⁵. Хивинские власти не могли не считаться с этими реалиями.

Существовали, правда, и другие, сугубо экономические мотивы. Это традиционная специализация туркменских родов и племен на коневодстве и скотоводстве, значительная роль их в насыщении внутреннего рынка животноводческой продукцией, активное участие во внешнеторговых операциях с каракулем, шерстью, сырой и обработанной кожей и т. д., приносившими казне немалый доход, что вынуждало ханское правительство поддерживать в туркменских районах общинную форму землепользования.

Пожалование тем или иным туркменским родоплеменным союзам сельскохозяйственных угодий, в том числе пахотных земель, осуществлялось избирательно, в прямой зависимости от той позиции, которую они занимали по отношению к центральной власти. Так, в Ильялыньском районе, населенном племенами *кара-дашлы* и *емрали*, настроенными вполне лояльно по отношению к хивинским правителям, имелось 45 тыс. таналов земель. Здесь на каждое хозяйство приходилось в среднем по 6,4 танапа. Такая же картина наблюдалась в Порсынском

---

¹¹⁴ Edgar A. L. Tribal nation... P. 27.

¹¹⁵ Ibid. P. 27.

районе, основное население которого составляли *човдуры*; здесь насчитывалось 30 тыс. танапов пахотных земель, а в расчете на одно хозяйство — по 4,3 танапа. Но вот в Куня-Ургенчском бекстве, где насчитывалось 8,5 тыс. туркменских хозяйств, главным образом из племени *иомудов*, находившихся в твердой оппозиции к официальной власти, имелось лишь 20 тыс. танапов сельхозугодий, на каждую семью приходилось всего по 2,3 танапа¹¹⁶.

Та же порочная практика «двойного подхода» издавна применялась Хивинским правительством в отношении казахских и каракалпакских племен. Например, в заселенном преимущественно каракалпаками Ходжейлийском районе, население которого в большинстве своем вело оседлый образ жизни и не раз проявляло лояльность к хивинским правителям, общинам принадлежало 20 тыс. танапов посевных площадей, то есть по 10 танапов на каждое хозяйство. Однако в крупнейшем Шуманайском районе, где насчитывалось 4 тыс. каракалпакских дворов, имелось всего 5 тыс. танапов пашни, или по 1,25 танапа на хозяйство, в Кунградском — по 3 танапа на каждое из 5 тыс. хозяйств. Казахские роды, осевшие главным образом в районе Питняка, владели всего 500 танапами и имели в расчете на каждое хозяйство в среднем по 0,5 танапа¹¹⁷. Положение в других казахских и каракалпакских сообществах было не лучше. Все они из-за экономической дискриминации ханских властей ощущали острый дефицит как пахотных земель, так и пастбищ. К тому же большая часть имевшихся в их распоряжении сельскохозяйственных угодий относились к категории *одра*, то есть для освоения были непригодны.

Неравномерность распределения в ханстве окультуренных земель и пастбищ между различными общинами породила глубокие диспропорции в их экономическом развитии. Те из них, которые обладали весьма значительными земельными ресурсами, например, населявшие Ильялынский, Порсынский, Ходжейлийский, Мангитский и некоторые другие районы ханства, имели, естественно, больше возможностей для расширения производства, особенно для интенсификации животноводства, увеличения поголовья крупного и мелкого рогатого скота и птицы, повышения продуктивности, укрепления товарности хозяйства. Другие, представленные подавляющим большинством туркменских, казахских и каракалпакских сообществ Питнякского, Шуманайского, Кунградского, Куня-Ургенчского, Хазараспского и ряда других бекств, были вынуждены существовать в рамках натуральных отношений, не допуская модернизации производственного потенциала, его материальной базы. Доминирование вторых над первыми, его статичность не только не способствовали подъему производительных сил. совер-

¹¹⁶ Подсчитано нами по: ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 69.

¹¹⁷ Там же.

шенствованию на селе производственных отношений. но, напротив, еще более углубляли разрыв в уровнях развития хозяйства разных регионов ханства, усиливали общую стагнацию социально-экономической жизни.

Положение усугублялось тем, что многие родовые и племенные союзы раздирали внутренние противоречия. Как правило, пастбища и пахотные земли из государственного фонда в довольно своеобразной форме «условной бессрочной аренды», ибо они в любое время могли быть вновь отобраны правительством на некомпенсационной основе, выделялись для всей общины, т. е. как бы для *коллективного* пользования. Это означало равенство прав членов общины, независимо от их социального статуса, на пользование всеми имеющимися земельными ресурсами как основными средствами производства, а также на долю в конечной продукции. Однако на практике повсеместно наблюдалось закрепление сельскохозяйственных угодий и источников водоснабжения (колодцы, естественные водоемы и т. п.) за общинно-племенной верхушкой и другими наиболее состоятельными членами общины на правах *личной* собственности. Это было обусловлено доминированием отсталых экономических и социальных отношений, сохранностью архаичных патриархальных родоплеменных традиций, прежде всего — принципов авторитаризма, беспрекословного подчинения всех членов сообщества единовластию предводителя племени или рода, который являлся как бы «правителем удельного княжества», полномочным хозяином в своих владениях.

Родоплеменная знать, владевшая основным поголовьем крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов, прибирала к рукам все лучшие пастбища и водопои, включая колодцы. Предводители общин имели до 1 тыс. и более танапов пастбищ, которыми пользовались как мульковыми землями. Другим доступ в пределы самовольно присвоенных угодий, охранявшихся зачастую вооруженными всадниками, воспрещался или разрешался только при соблюдении определенных условий пользования пастбищами (внесение натуральной — мясом, молоком, шерстью, молодняком — или денежной платы за аренду; бесплатный выпас хозяйского стада; уборка и заготовка кормов для зимовки скота; отработка на поливном участке; выполнение домашних работ в хозяйстве феодала и т. п.). Плата в пользу предводителя взималась с арендаторов за пользование не только пастбищами, но и естественными природными, а также искусственными водными источниками: оросителями, межхозяйственными и внутрихозяйственными ирригационными каналами, озерами.

На общинных землях имели собственные наделы и многие крупные сановники центрального Хивинского правительства, на которых было возложено управление племенами и родами. Так, в районе Дарган-Аты, заселенном преимущественно каракалпакскими и туркменскими

родами, Юсуп-ясаулбаши, Игамберды-наibu и Юнус-ясаулбаши принадлежало каждому по 1000 танапов, а Ибадулла-Ходже — 360 танапов¹¹⁸. Эти земли, как и другие, сдавались в краткосрочную или же бессрочную аренду так называемым «свободным» скотоводам, безземельным и издольщикам, армия которых неуклонно увеличивалась, систематически пополняясь за счет обезземеливаемых членов общины, что, кстати, происходило и в России. Арендные платежи налогами не облагались и поэтому приносили феодальной олигархии баснословные прибыли.

Общинно-племенная верхушка не ограничивалась эксплуатацией в личных интересах только коллективной земельной собственности — общинного земельного фонда — и наемного труда. Она присваивала открыто и беззастенчиво львиную долю прибавочного продукта, создаваемого совместными усилиями членов общины, отдаваясь от их нужд и игнорируя интересы малоимущего большинства.

Социальное и имущественное неравенство, утвердившееся в общине, противопоставление коллективного частному носило отчетливо антагонистический характер, постепенно подтачивало такие его гуманистические принципы, как коллективизм, взаимовыручка и взаимопомощь, равенство. По мере проникновения в общинное хозяйство и расширения товарно-денежных отношений, повышения самосознания обездоленной массы традиционные противоречия углублялись и обострялись, принимая классические формы.

В пестрой структуре землевладения и землепользования вполне сформировавшуюся и достаточно самостоятельную социально-экономическую категорию являли собой *атлычные* земли. Они возникли на базе сельскохозяйственных угодий, предоставленных на арендной основе туркменским родам и племенам из государственного фонда за подготовку пополнения для наемной ханской армии, участие в самых различных боевых действиях, а также несение регулярной караульной и пограничной службы. Поэтому по своей «территориальной принадлежности» атлычные земли находились в составе общинных, но по отношению к ним де-юре и де-факто занимали автономное положение.

Атлычные наделы выделялись из расчета не более 30 танапов на каждого потенциального всадника (*атлык*), которого род или племя могли бы выставить при необходимости отражения внешней агрессии, подавления вооруженного конфликта внутри страны, выполнения в мирное время охранных функций. На каждый надел оформлялся особый ярлык с указанием категории земли, стоимости и даты продажи, площади и границ надела. Специально оговаривалось право «перехода земли из рода в род»¹¹⁹. Хотя в документе значилась стоимость танапа

¹¹⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 32.

¹¹⁹ Там же, ф. И-1, оп. 14, д. 141, л. 20.

(в пределах 5 тилля), она являлась чисто символической и выплате не подлежала.

По данным А. С. Садыкова, полученным из уже упоминавшихся налоговых тетрадей из «архива хивинских ханов», в Хиве весь фонд атлычных земель насчитывал 93 тыс. танапов, что на 24 тыс. больше, чем обрабатываемые общинные земли, находившиеся в распоряжении туркменской диаспоры. Он распределялся следующим образом: Ильяльские племена *имрали*, *карадашлы* владели каждое 30 тыс. танапов, тахтинские *иомуды* имели столько же — 30 тыс., порсынские *човдуры* — 16,5 тыс., кубудагские *чала-иомуды* — 9 тыс. и наконец куняургенческие *кулли-иомуды* — 7,5 тыс. танапов¹²⁰. Однако общая численность выставляемых ими всадников была непропорциональна количеству атлычных наделов.

По замыслу наделение атлычной землей на весьма льготных условиях должно было играть роль своеобразного механизма экономического стимулирования воинской службы, поддержки в обществе ее авторитета и престижности. Неслучайно аналогичные или близкие к ней формы материальной поддержки наемных солдат и служилой знати существовали не только в Хиве, но и во многих других феодальных государствах, например в Бухаре (земли сипаи *замини-амлак* и *сарбазов танхо*), Коканде, Афганистане и др. Значительные наделы выделялись служилому дворянству в Российской империи, офицерам регулярной армии — в Турции и Иране. Благодаря этому в основном и обеспечивался высокий престиж вооруженных сил в обществе, армия воспринималась как носитель суверенитета государства, а воинская служба представлялась символом материального благосостояния. Во многих государствах военнотружущие пользовались (пользуются и сегодня) существенными экономическими и политическими привилегиями, а руководящий состав армии входил в число элитной верхушки и принимал непосредственное участие в формировании и реализации как внутренней, так и внешней политики государства.

В Хиве дело обстояло несколько иначе. Выделяя атлычные земли безличностно, всему племени или роду, хивинские власти добивались противоположного эффекта: земельные наделы большей частью присваивались родоплеменной верхушкой и непосредственно до семей самих рекрутированных не доходили. В результате экономическая заинтересованность подавляющей части туркменских всадников, главным образом выходцев из низшего и среднего сословия, в выполнении своих воинских обязанностей падала, а прослойка профессиональных военных оставалась крайне слабой. Ханская армия была недостаточно боеспособна. Она по всем параметрам уступала армиям сопредельных стран, например бухарской, уже начавшей перенимать опыт военного

¹²⁰ См.: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 17.

строительства в России и соседней Турции. Расширение в ханстве атлычных земель, концентрация их в руках родоплеменных вождей путем отторжения и присвоения чужой собственности и, как следствие, неуклонное увеличение числа безземельных, углубление в племенах и родах имущественного расслоения создавали необходимые предпосылки постепенной, но необратимой деградации традиционного атлычного землевладения.

В Хивинском ханстве архаичные формы землевладения в XIX в. и позднее, в начале XX в., сосуществовали с отсталой агротехникой. Земледелие повсеместно являлось чрезвычайно трудозатратным. Оно велось при помощи крайне примитивных орудий труда с очень низкой производительностью, унаследованных с давно минувших веков почти в первозданном виде. По свидетельству О. Шкапского, даже на рубеже XIX и XX вв. в распоряжении хивинских дехкан имелись деревянная соха для вспашки поля, редко — с чугунным сошником, кетмень, мала для боронования, серп, лопата и чигирь — водоподъемное колесо¹²¹. Тягловая сила (рабочий скот, лошади и т. п.) была не у каждого дехкана. Часто ее приходилось арендовать у хозяина земли или состоятельных соседей за внушительную дополнительную плату, ложившуюся тяжелым бременем на и без того скудный семейный бюджет.

Химические средства защиты растений, сохранения и улучшения естественного плодородия почв не использовались, применялись лишь местные органические удобрения, содержавшие многие важнейшие химические элементы, необходимые для повышения урожайности (навоз, перемешанный с землей от старых глинобитных строений, — *пахса*), вносившиеся на поля периодически. Заготовка и вывоз этих удобрений требовали больших материальных затрат, которые полностью ложились на плечи дехкан. В зависимости от состояния почвы, ее плодородия в хлопководческих и зерноводческих хозяйствах в расчете на 1 танап требовалось внести в среднем до 200 арб органических удобрений. На их заготовку и вывоз на поля при наличии телеги с лошастью уходило 8 человеко-дней¹²². Большинство дехканских хозяйств, не имевших необходимой тягловой силы, были неспособны справиться с такой задачей самостоятельно.

Отсталая материальная и техническая база сельскохозяйственного производства обуславливала низкий уровень производительности труда при его высокой интенсивности, большие затраты на производство продукции, не всегда окупавшиеся пропорциональными урожаями. По этой причине, несмотря на существенное ускорение развития во второй половине XIX в., особенно в южных районах, товарно-денежных от-

¹²¹ Шкапский О. Аму-Дарьинские очерки. С. 76—77.

¹²² Шулимов Н. В. Хлопководство в Хиве (Хорезме) и его роль в хивинском экспорте // Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 32.

ношений, в традиционном секторе экономики ханства продолжали господствовать преимущественно натуральные и полунатуральные хозяйства, отличавшиеся невысоким уровнем товарности, рассчитанные не на поставки продукции на рынок, а прежде всего на самообеспечение, удовлетворение собственных нужд.

Сохранение в землевладении и землепользовании давно отживших докапиталистических отношений вызвало глубокий застой производительных сил не только в сельском хозяйстве. Оно тормозило развитие и промышленности, препятствовало расширению внутреннего рынка. Даже в середине XIX в. весь «индустриальный» сектор хивинской экономики по-прежнему был представлен ремесленным и кустарным производством. Его главные центры переместились в города, такие, например, как Хива, Новый Ургенч, Хазарасп, Гурлен и др., а на региональном уровне уже начали проявляться элементы внутреннего разделения труда. Тем не менее оно все еще носило на себе отпечаток «домашней промышленности», тесно связанной с натуральным дехканским хозяйством.

Ремесленно-кустарные предприятия, возникшие в более развитых городах Южного региона ханства, специализировались на переработке собственным трудом, без привлечения наемных работников, основных продуктов сельского хозяйства — хлопка-сырца, коконов, шерсти, кожи и т. д., на производстве хлопчатобумажных тканей, изделий хозяйственно-бытового назначения, различных ювелирных украшений, обуви, ковров. Домашние мастерские, имевшиеся в крупных туркменских хозяйствах, изготавливали ковры и ковровые изделия, войлоки, разноцветные водоотталкивающие кошмы, сельскохозяйственные орудия. В регионах, населенных каракалпаками, обрабатывали сырую кожу, шили просторные тулупы, халаты, сапоги и сандалии из яловой или бараньей кожи, ткали паласы, вязали шерстяные платки и шелковые кушаки. Среди туркменских и каракалпакских умельцев было немало опытных мастеров-ювелиров, изготавливавших из серебра и драгоценных металлов изящные украшения (нагрудные подвески, браслеты, серьги, кольца, перстни, кулоны).

Ремесленно-кустарное производство, несомненно, играло важную роль в насыщении внутреннего рынка разнообразными товарами и изделиями, широком распространении товарно-денежных отношений, углублении общественного разделения труда. Но оно еще не оказывало существенного влияния на характер и темпы экономического развития Хивы, на преобразование базиса хивинского общества. Изначально будучи проецировано на удовлетворение насущных потребностей в первую очередь производителя, отличавшееся низкой доходностью, домашнее производство не могло обеспечить устойчивое нарастание расширенного производства, стать если и не крупным, то, по крайней мере, стабильным источником накопления капитала.

Одной из серьезных причин общей стагнации социально-экономического развития Хивинского ханства стало отсутствие инвестирования в развитие как сельского хозяйства, так и других отраслей национальной экономики. Хотя центральные власти вели скрупулезный учет структуры текущих доходов от прямых и косвенных налогов, о чем свидетельствуют налоговые тетради из «архива хивинских ханов», страна не знала понятия «государственный бюджет», а следовательно, о выборе приоритетов, целенаправленных капиталовложениях, государственном или частном финансировании тех или иных общественно значимых проектов не могло быть и речи. Единственным источником инвестирования производства являлись *частные капиталовложения*. Причем не крупных землевладельцев, а в основном арендаторов, которые состояли преимущественно из полностью безземельных беатапов или малоземельных дехкан-бедняков, не обладавших достаточными финансовыми средствами для вложений в интенсификацию производства, а в «домашней промышленности» — малоимущих кустарей и ремесленников.

Такое положение отнюдь не противоречило экономическим интересам правящей верхушки и ее неизменного союзника — земельной элиты, располагавшей значительными финансовыми ресурсами, но даже и не помышлявшей о вложении личных капиталов на цели экономического развития и социальные нужды. Исследователям удалось установить, что в середине XIX в. хивинская казна только в виде поземельного налога (*салгыт*) ежегодно получала примерно до 46—50 тыс. тилля. Их большая часть выплачивалась отнюдь не земельной аристократией, а наименее обеспеченными обнищавшими слоями дехканства, главным образом малоземельного и безземельного. Огромные суммы приносили казне таможенные сборы, налоги с местных рынков (*базаров*). Часть этих средств оседала в карманах местных сановников.

Крупные землевладельцы, в том числе сановники правительства и чиновники местных администраций, кроме доходов, извлекаемых от спекулятивных операций с землей (сдача в аренду, передача под залог, продажа или перепродажа), получали баснословные прибыли, превышавшие сумму салгыта в 1,5—2,0 раза за счет ничем не ограниченной эксплуатации труда рабов, крепостных дехкан, оказавшихся в пожизненной долговой яме из-за неплатежеспособности. Они занимались также приносящими немалый доход ростовщицеством, торговлей сельхозпродуктами и т. п. Если учесть, что подавляющая часть дехкан выплачивали казне и арендодателям вместо денежного натуральный налог (*харадж*), суммарный объем которого был значительно выше салгыта, то будет нетрудно подсчитать «валовую» прибыль феодальной олигархии: она составляла в среднем за год внушительную сумму — не менее 200—300 тыс. тилля, что в пересчете на российские рубли равнялось 360—540 тыс. руб. серебром. Это подтверждают подсчеты и

А. Л. Куна, который утверждал, что ханская казна в 60-е гг. XIX в. получала в виде налогов в среднем за год около 173 тыс. малых тилля¹²³. Из этих поистине огромных средств собственно на цели социально-экономического развития страны не выделялось ни одной теньги.

Для ассигнования развития внутреннего производства не привлекались ресурсы и такого важного источника, как внешняя торговля. Как известно, экспорту сельскохозяйственного сырья в стране придавалось большое значение. Так, в 50-е гг. XIX в. из Хивинского ханства на российский рынок поставлялось товаров и изделий на 1,16 млн. руб., в том числе хлопка-сырца, шелковичных коконов, кожи, хлопчатобумажной пряжи — более чем на 1 млн. руб.¹²⁴ Немало разнообразной продукции вывозилось в сопредельные страны — Бухару, Турцию, Иран, Афганистан и др. Экспорт сырья и полуфабрикатов обеспечивал приток в страну твердой валюты, быструю оборачиваемость капитала. Однако поступления от внешнеторгового оборота, как и от внутренних налогов, использовались не на нужды экономической или социальной сферы, а в основном для удовлетворения алчных устремлений феодальной олигархии. Лишь небольшая часть средств направлялась на покрытие текущих государственных потребностей на оборону и содержание центрального аппарата управления.

Диспропорции в структуре национальной экономики, отсталость ее материального, технического и интеллектуального базиса, отсутствие консеквентного государственного регулирования и финансовой поддержки внутреннего производства, эффективных рычагов ограничения воздействия стихийных факторов на положение в социально-экономической сфере послужили стимуляторами глубокого экономического кризиса, разразившегося в ханстве во второй половине 50-х гг. XIX в. Он охватил ведущие отрасли экономики, но с особой силой проявился в жизненно важной — сельском хозяйстве.

Первые симптомы надвигающегося кризиса обозначились еще в 1854 г. Из-за спада производства в аграрном секторе почти весь объем сельхозпродукции пошел на внутреннее потребление, а вывоз сырья и полуфабрикатов, если судить по количеству снаряженных торговых караванов, сократился более чем в 2 раза. В 1855 г., например, внешнеторговый оборот Хивинского ханства с Россией впервые упал до нулевой отметки¹²⁵, чего прежде не наблюдалось. Наметившееся в

---

¹²³ Туркестанские ведомости. 1873. № 32; Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. С. 121.

¹²⁴ Подсчитано нами по: Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией... С. 36—37.

¹²⁵ По данным А. С. Садыкова, в 1855 г. в Россию из Хивы не прибыл ни один караван (см. его работу: Экономические связи Хивы с Россией... С. 33). — *Примеч. авт.*

1856 г. некоторое оздоровление ситуации в сельскохозяйственном производстве носило скорее временный характер. Оно не коснулось главного — производства продуктов питания. За три неурожайных года в Хивинском ханстве запасы продовольствия были исчерпаны полностью. В 1857 г. повсеместно наступил жесточайший голод, усугубившийся повальной эпидемией холеры. Были унесены жизни десятков тысяч человек. Многие города и селения буквально опустели.

Цены на пшеницу резко увеличились. Хлеб, занимавший в рационе питания по традиции одно из немаловажных мест, стал практически недоступен для подавляющего большинства семей, в особенности для проживавших в городах и не имевших собственных приусадебных участков. Срочные закупки пшеницы в Бухарском эмирате, осуществленные властями, позволили несколько выправить ситуацию. Тем не менее последствия продовольственного кризиса и эпидемии холеры оказались исключительно тяжелыми. Многие семьи, целые племена и роды эмигрировали в районы российского Оренбуржья, а также в восточные регионы (Иран, Афганистан и др.).

Консервационные явления, отчетливо проявившиеся в социально-экономическом развитии Хивинского ханства, ясно демонстрировали полную неспособность правящей феодальной олигархии к направленному государственному воздействию на экономические институты и к радикальным преобразованиям неэффективных архаичных структур. Она не сумела выработать конкретные меры по расширению социально-экономических функций государства, сосредоточить усилия местного капитала — земельной аристократии, торгово-ростовщической элиты, контролировавших доминирующую часть всего национального достояния, на коренном совершенствовании производительных сил и производственных отношений, ускорении становления товарных форм производства в различных отраслях и на их основе — обеспечении стабильного экономического роста.

Специфика политической системы ханства

Истоки стагнационных явлений в социально-экономическом развитии Хивы на рубеже 50-х и 60-х гг. XIX в. едва ли правомерно видеть лишь в относительной самоизоляции ханства, «живучести» феодальных и даже патриархально-родовых форм хозяйства и собственности, преимущественно моноотраслевом аграрном характере производства, отсутствии действенной поддержки назревшим реформам национального капитала. Нельзя упускать из виду и такие существенные моменты, как консервация традиционных институтов политической системы, малодифференцированность социальной структуры хивинского общества, которые органически вырастали из столь же арха-

ичного базиса, зеркально отражая всю его объективную сущность. Они аккумулировали в себе основные характеристики отживающего и неудержимо распадающегося феодального общества, до конца еще не освободившегося от остатков патриархального и родового строя (часть туркменских, казахских и каракалпакских районов).

Рассматривая политическую систему Хивинского ханства, важно, по нашему мнению, иметь в виду, что формировалась она несколько иначе, чем в Центральной России и даже в какой-то мере в исторически «родственных» Турции, Иране и Афганистане. Так, например, политической системе Российской империи, немало перенявшей после войны 1812 г. из опыта развитых западных стран в области буржуазного государства и права, но пока серьезно уступавшей многим из них в плане освоения принципов конституционализма и парламентаризма, была все же присуща некоторая завершенность построения образующих ее элементов. Среди важнейших компонентов российской политической системы наиболее рельефно выделялись единое многоструктурное централизованное государство с зачатками федерализма, монархическое правление дуалистической формы, совершенная структура центральных и местных органов исполнительной власти, имевшая прямые устойчивые связи по «горизонтали» и «вертикали».

Серьезным шагом на пути «верхушечного» реформирования политической системы России, модернизации ее институтов стал проект предвестницы первой российской конституции — Государственной Уставной грамоты, разработанной в конце 10-х гг. XIX в. при Александре I и органически дополнившей Жалованную грамоту российскому народу 1801 г. новыми принципиальными положениями. В ней уже предусматривалось ограничение самодержавия, расширение гражданских прав и свобод, четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, учреждение представительного правления в виде двухпалатного парламента (Высшая и Посольская палаты) и т. п., хотя оговаривалось, что «государь есть единственный источник всех в Империи властей: гражданской, политической, законодательной и военной», и отмечалось, что «он управляет исполнительной частью во всем ее пространстве» и что «особа государя священна и неприкосновенна»¹²⁶. Царское правительство не решилось предать проект огласке, предпочтя вводить принципы конституционализма «сверху», поэтапно. По этой причине идеи модернизации политической системы, заложенные в Уставной грамоте и других проектах, большей частью были реализованы в пореформенный период.

В России существовала эффективная для середины XIX в. стройная система центральных органов как правительственной (министерства,

---

¹²⁶ Минаева Н. В. Правительственный конституционализм в России после 1812 г. // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 39.

департаменты и т. п.), так и местной исполнительной (губернаторства, администрации городов и сел) власти. Они обладали широкими полномочиями. Не вторгаясь в прерогативу императора, правительственные органы в центре и на местах осуществляли общее руководство всеми государственными делами, разрабатывали регламентарные акты по вопросам внутренней и внешней политики, имевшие подчас силу закона, осуществляли и контрольные функции, координируя деятельность центральных органов и других ветвей власти.

Исполнительные органы, имевшиеся в каждом населенном пункте, в своей деятельности руководствовались законами и актами, принятыми императором положениями о местных администрациях. Выступая от имени главы государства, они обеспечивали выполнение на подведомственных территориях распоряжений вышестоящих органов. Определенная свобода действий, предоставленная центральным правительством исполнительным органам на местах в управлении экономикой, военным строительством, а также в области финансов и кредитов, позволяла полнее удовлетворять политические, экономические, военно-стратегические запросы центра, порой вопреки собственным интересам регионов. Такая позиция порождала определенную напряженность в отношениях между центром и периферией, в частности теми, что находились на положении протекторатов (например Украина, Белоруссия, Прибалтика и Закавказье, позднее — Бухара и Хива) или колоний (Польша, Финляндия, а с 1867 г. — и Туркестанский край, включая Казахстан). Кроме того, местные органы власти нередко брали на себя и карательные функции, превращаясь в организаторов жестокого подавления антиправительственных выступлений, бунтов крестьян и забастовок рабочих, в орудие расправы с оппозицией.

Существенную роль в жизни Российского государства играла *религия*. Наряду с официальной православной, имевшей наибольшее число последователей, в империи сосуществовали и другие религиозные конфессии: мусульманская (Средняя Азия, Крым, отдельные регионы Поволжья, Алтай и Северного Кавказа), католическая (некоторые районы Закавказья и Прибалтики), буддийская (пограничные с Китаем районы Западной Сибири), иудейская, лютеранская и др. Они являлись самостоятельными элементами политической надстройки, оказывали воздействие на политику государства.

Несмотря на то что в политической системе страны религия занимала исключительное положение, не она регулировала общественные отношения, а *право*. Оно выступало главным рычагом осуществления власти, нормировало взаимоотношения государства с гражданами, обеспечивало возникновение и функционирование общественных и политических организаций, чья деятельность не выходила за рамки принятых в Российской империи социально-политических норм. Вме-

сте с тем, как во всяком классовом обществе, право обслуживало интересы «верхов», отстаивая незыблемость самодержавия.

Апологетом самодержавия, феодально-крепостного строя в России показала себя и *судебная власть*, являвшаяся частью политической системы. В середине XIX в. она переживала серьезный внутренний кризис, выразившийся в столкновении двух крайне противоположных тенденций — прогрессивной и регрессивной. Если в первой аккумулировались современные светские юридические нормы, институты адвокатуры, государственных обвинителей, гражданское и уголовное право, национальная юридическая школа, развивавшаяся на базе юридического факультета Московского университета, то во второй — диктат исполнительной власти, чрезмерная политизированность судов, отсутствие свободы действий при рассмотрении и разрешении как гражданских, так и уголовных дел, коррумпированность и сращивание с консервативной закостеневшей помещичье-дворянской элитой, устарелое феодальное законодательство и т. д. Доминирование в судебной системе второй тенденции над первой превращало ее из механизма защиты гражданских свобод, установления и утверждения истины в орудие реанимирования отживающего феодально-крепостного строя.

Неоднозначные противоречивые процессы, протекавшие в середине XIX в. в политической системе Российской империи, отчетливо свидетельствовали о нарастании накала острых антагонистических противоречий в общественно-политической жизни, о глубоком кризисе феодально-крепостного строя. А в пока еще нарождавшихся элементах буржуазной государственности, современного права четко проявлялся генезис новой надстройки российского общества.

Своими внешними атрибутами политическая система Хивинского ханства напоминала российскую. Это — следствие не копирования чужого опыта или слепого подражания ему, а того, что оба государства — Россия и Хива — на рубеже 50-х и 60-х гг. XIX в. функционировали и эволюционировали в исторических рамках одной и той же общественной формации — феодализма. Разница состояла в том, что если Россия находилась на заключительном его этапе, в преддверии перехода к более прогрессивному на тот момент капитализму, то Хиве предстояло пройти всю «мучительную стадию» развития феодального общества восточного типа. Это состояние обуславливало некоторое своеобразие *внутреннего* содержания двух политических систем при идентичности их внешних форм.

Политическая система Хивинского ханства аккумулировала все известные характерные признаки политической надстройки феодального общества классического *восточного* типа. В противоположность российской, больше тяготевшей, как известно, к европейской и потому развивавшейся относительно стабильно по восходящей линии, впитывая западные стандарты, она обнаруживала сильную «привязанность» к

восточному традиционализму: эволюционировала преимущественно на собственной основе, медленно, без скачков и какого-либо видимого заимствования извне, апеллируя не к светским, а к устоявшимся архаичным исламским средневековым нормам и принципам в области государственного строительства и права. Именно так развивались до конца XIX в., например, Иран и Афганистан, некоторые другие мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока.

Хивинское ханство с самого момента зарождения в 1512 г. принадлежало к числу «чисто» унитарных государств со сравнительно высокой степенью централизации власти. Оно не входило ни в какие ни конфедеративные, ни федеративные союзы с другими государствами, если не учитывать те короткие периоды развития, когда Хива то присоединяла к себе Бухару, Северный Хорасан, то сама попадала в зависимость от бухарского хана или иранского шаха. С первых дней образования и в течение последующих более чем четырех столетий (вплоть до 1920 г.) страна, хотя и находилась на одном из оживленных торговых путей между Востоком и Западом, буквально на стыке границ Российской империи и Центральной Азии, в общем-то не знала другой формы правления, кроме *абсолютистской монархии*, получившей широкое распространение и утвердившейся как форма организации власти феодалов еще на начальных стадиях формирования национальной государственности во всем мусульманском мире.

Вместе с тем абсолютистской монархии в ханстве было свойственно такое своеобразие, как *выборность*, которая в большинстве соседних мусульманских государств, в частности в Бухаре, Иране, Афганистане и Турции, не встречалась. Суть ее заключалась в следующем. В случае смерти правителя право владения тронном и всеми другими атрибутами верховной власти в государстве переходило не к какому-то одному конкретному наследнику, а сразу к нескольким. Нередко ими оказывались не только сыновья или братья, но и ближайшие родственники главы правящего клана. Происходило это потому, что многие ханы, стремясь предотвратить борьбу за власть между ними, очень часто имя преемника держали в строжайшей тайне, порой уносили его с собой в могилу. Поэтому вопрос, кому из претендентов предстоит стать ханом и управлять государством, решался на совете представителей правящей династии и некоторых наиболее влиятельных правителей (*беков* и *хакимов*) крупнейших городов и вилайетов, пользовавшихся авторитетом в обществе и занимавших высокое положение при дворе. Это, видимо, предусмотрительно делалось для того, чтобы, с одной стороны, предотвратить борьбу за трон и гарантировать в переходный период спокойствие в стране, а с другой — чтобы новый хан сразу мог заручиться практической поддержкой представителей правящей элиты.

Вот, например, как описывает церемонию избрания на одном из таких советов ханом Хивы Бабаджан-туру, сына Сеида Мухаммеда Рахим-хана I, известный хивинский историк и поэт Мухаммед Юсуф Баяни:

После кончины Сеида Мухаммед-хана Хасан Мурад-кушбеги созвал всех влиятельных правителей страны, поставил перед воротами ханской резиденции Куня-Арк Баба-мингбаши и Аллаберды-бая, наказав пропускать только доверенных людей, а остальным доступ закрыть. Когда все были в сборе, брат Мухаммеда Рахим-хана *эмир-аль-умар* (предводитель эмиров), правитель Хазараспского региона, Сеид Мухаммед заявил: «Бабаджан, то есть Мухаммед Рахим-тура, молод, а в стране неспокойно. Хорошо бы избрать правителем человека многоопытного. Что вы посоветуете по этому поводу?» Никто не ответил. Тогда Хасан Мурад-кушбеги сказал: «Увы, эти слова справедливы. Однако мы вовсе не желаем, чтобы правление перешло от этого дома к другому». После этого Рахматулла-ясаулбаши, обращаясь к эмир-аль-умару, сказал: «Никто не хочет, чтобы ханом стали Вы». Эмир-аль-умар спросил: «Кому это может не понравиться?» Ясаулбаши на символический вопрос ответил сам: «Всем, кто здесь находится». И все сидевшие в один голос заявили: «Наш хан — Бабаджан-тура». Эмир-аль-умар согласился и ответил: «Очень хорошо. Да будет благословенно ханство Бабаджану»¹²⁷.

Примечательно, что на совете никто из претендентов на трон лично не присутствовал. По свидетельству Баяни, сам Бабаджан-тура, у которого сторонников оказалось больше, чем у остальных, во время совета находился недалеко в доме Тангрикулы-туры и как-то повлиять на ход обсуждений не мог. Лишь после принятия окончательного решения приглашенными на совет представителями всех племен он был допущен в зал для коронации и официальных приемов, где ему объявили решение об избрании его ханом. Наследник Бабаджан-тура таким образом стал Мухаммедом Рахим-ханом II. Об этом глашатаи оповестили всех граждан страны¹²⁸. Вскоре новоизбранный правитель Хивы получил нисбу Сеид, свидетельствовавшую о его принадлежности к избранным — потомкам пророка, и новое имя. Так происходили в Хиве выборы на неопределенный срок и других ханов из династии кунградцев.

Выборность вовсе не меняла сути абсолютистской монархии. Она являлась всего лишь одним из порожденных исторической практикой механизмов избегания открытой конфронтации и раскола внутри царствующего дома, сохранения хотя бы его внешнего единства при оче-

---

¹²⁷ Мухаммед Юсуф Баяни. Родословная Хорезмшахов. Ташкент, 1994. С. 17 (на узб. яз.).

¹²⁸ Там же. С. 17—18.

редном дележе власти. Таким путем правящая династия противостояла натиску других не менее элитарных кланов и отстаивала свое положение в обществе. Вместе с тем даже коллегиальное решение, тем более принятое узким кругом глав правящих кланов, не могло гарантировать соблюдения принципа преемственности в наследовании трона, мирного перехода власти из одних рук в другие. Источники свидетельствуют, что немало хивинских хановравили государством всего менее года: они или стали жертвой дворцовых интриг, или пали от руки наемных киллеров, подосланных более сильными конкурентами из других кланов, соперничающих за престол.

Отсутствие светских законов и нормативно-правовых актов, в той или иной степени регламентирующих полномочия главы государства де-юре, «святость и неприкосновенность» самой личности правителя, наиболее характерные для феодального государства, снимали всякие ограничения прав хана. В его руках сосредоточивалась вся *верховная, законодательная, исполнительная и судебная власть*. Он подписывал международные договоры и соглашения, принимал по вопросам внутренней и внешней политики окончательные решения, имевшие силу закона, и выносил вердикты по крупным судебным делам гражданско-го и уголовного характера, назначал и изгонял сановников своего двора-кабинета, командовал вооруженными силами страны. Н. Н. Муравьев констатировал, что власть хивинского хана абсолютная, все окружение готово исполнить его волю¹²⁹.

В Хивинском ханстве формально не было центральных органов правительственной власти в общепринятом понимании — министерств и ведомств. Однако при дворе сформировался построенный на началах строгой иерархии административный аппарат, который выполнял, по сути, функции *кабинета министров*. Его члены назначались ханом, отличались от других сановников тем, что имели четко разграниченные обязанности, свой рабочий аппарат, были ответственны за тот или иной конкретный участок государственной, хозяйственной и общественной жизни, получали заработную плату из государственной казны.

Если проанализировать и обобщить разрозненные и отрывочные данные, касающиеся деятельности так называемого «кабинета министров», то его структура будет выглядеть следующим образом. Исходя из примечательных особенностей должностных обязанностей, предводителем высших сановников ханского двора — главой администрации следует считать *эмир-аль-умара*. Как явствует из свидетельства того же Баяни, именно он руководил процедурой избрания нового хана. Столь ответственная миссия могла быть возложена только на такого сановника, который пользовался безусловным авторитетом среди элиты и обладал правом вынесения вердикта по делам государственной важ-

¹²⁹ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву... Ч. II. С. 66.

ности. Это подтверждается и тем фактом, что эмир-аль-умара обслуживали 80 слуг, 6 привратников. Он получал из казны самую высокую в ханском административном аппарате заработную плату — 500 тилля в год¹³⁰.

Одну из наиболее престижных должностей в ханской администрации, за которую постоянно шла конкурентная борьба между старшими сановниками, — должность первого министра занимали, в зависимости от личных симпатий или антипатий правителя, то *мехтер*, то *кушбеги*. При дворе Сеида Асфандияр-хана (1910—1918) впервые была введена новая должность — *вазир-и-акбар* (премьер-министр), на которого было возложено осуществление общего руководства делами государства и работой аппарата сановников. В его обязанности входили также сбор налогов и организация очистных работ на магистральных оросительных каналах в северных регионах страны. В результате полномочия мехтера и кушбеги несколько сузились. Вместе с тем за мехтером сохранились функции министра иностранных дел и тылового обеспечения армии. Одновременно, как уже отмечалось, он курировал финансы и налоги, собираемые в южных регионах ханства. Остальные члены «кабинета» представляли более узкие, но вполне конкретные участки государственного руководства: *ясаулбаши* — министр обороны; *накиб* — начальник штаба; *мираб* — министр мелиорации и водного хозяйства; *диванбеги* — начальник канцелярии. Два сановника, ответственные за управление племенами и родами, выступали как *министры по делам национальностей*. При дворе имелись три штатных *советника по вопросам внутренней и внешней торговли*, назначаемые из числа состоятельных представителей купечества. Структура «кабинета министров» свидетельствует о том, что в середине XIX в. в недрах феодального административного аппарата созревали элементы правительственных органов светского, буржуазного типа. Пока они все еще находились в зачаточном состоянии и оставались придатками абсолютизма.

Феодально-абсолютистская монархия, пронизывавшая все звенья архаичной политической системы Хивинского ханства, покоившаяся на устоях ислама и шариата, консервировала институты политической системы, тормозила демократизацию всей общественно-политической жизни, становление и развитие политических партий, общественных организаций, самостоятельных добровольных обществ и союзов. Хива в этом отношении серьезно отставала не только от России, но и от большинства мусульманских стран Востока, в которых в середине XIX в. начали обнаруживаться элементы распада феодального общества и некоторой либерализации общественно-политической жизни, правда,

---

¹³⁰ См.: Юлдашев М. Ю. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы. С. 283.

под давлением «снизу». Например, в Турции под флагом конституционализма набирало силу движение «новых османов». В Тегеране в конце 50-х гг. возникло полулегальное, еще малочисленное масонское общество под названием «Фарамуш-хане» («Дом забвения»). Оно разработало проекты государственных реформ. Депутация общества обратилась к шаху с предложениями об издании «законов» и введении конституции. Среди интеллигенции Египта, целого ряда других стран мусульманского Востока пользовались большой популярностью идеи Джемаль ад-Дина аль-Афгани, считавшего, что «во всех мусульманских странах следует ввести конституционный образ правления»¹³¹.

В либерализации государственной власти, по сравнению с другими мусульманскими странами, значительно продвинулись вперед демократические силы Туниса. Еще в 1846 г. здесь было решительно отменено распространенное в мусульманском мире рабство, а в 1857 г. бей Мухаммед публикует «Ахд аль-Аман», больше известный как «Фундаментальный пакт» о гражданских правах, которым впервые провозглашались равенство подданных перед законом и неприкосновенность личности и имущества. Наконец, в Тунисе в 1861 г. принимаются новый уголовный и гражданский кодексы, обновленная конституция¹³².

Несомненно, идеи просветительства и конституционализма всюду встречали противодействие реакционных феодально-клерикальных кругов. А там, где удавалось добиться некоторого реформирования государственного устройства, существенно расширить права и свободы личности, как, например, в Тунисе, преобразования осуществлялись в интересах нарождающейся национальной буржуазии. Они не устраняли, а сглаживали антагонистические экономические, политические и социальные противоречия, эксплуатацию человека человеком. Вместе с тем зарождение и развитие либерально-демократического движения ускорили формирование предпосылок капитализма.

На фоне отмеченных выше реалий регенерационная роль феодально-абсолютистской монархии в Хивинском ханстве обнаруживается особенно контрастно. Не случайно Уильям Фирман особо отмечает, что «Бухара и Хива управлялись деспотичными правителями, поддерживавшимися консервативными религиозными учреждениями»¹³³. Опиравшиеся на средневековые догмы и установления, они категорично отвергали необходимость коренного реформирования общества,

---

¹³¹ Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX в.): Очерки по истории общественной мысли народов Востока. М., 1973. С. 73.

¹³² Там же. С. 92.

¹³³ *Fierman W. Political development in Uzbekistan: democratization? // Conflict, cleavage, and change in Central Asia and the Caucasus / Ed. by Karen Dawisha and Bruce Parrott. Cambridge, 1997. P. 362.*

осуществления радикальных перемен, модернизации архаичных средневековых институтов.

Пронизывая систему власти снизу доверху, монархия не допускала реформирования и эволюции формы правления, лишала способности эффективно управлять экономическими, политическими и социальными процессами. Тем самым абсолютизм углублял разрыв в уровнях развития Хивы и других государств мусульманского мира, не говоря уже о России. Это негативно сказывалось на состоянии как экономического базиса, так и политической надстройки, в том числе и на процессе административно-территориального строительства, которое в значительной степени обуславливает характер складывающихся в обществе политических отношений.

Административно-территориальная структура Хивинского ханства окончательно сложилась в первой четверти XIX в. Она формировалась целенаправленно как с использованием силовых методов, например, в отношении некоторых регионов Приаралья, населенных жаныдарьинскими каракалпаками, или западных окраин страны, где кочевали туркменские племена, так и мирным путем с учетом исторических, географических, демографических, экономических и национально-культурных особенностей территорий. Хивинские правители, формируя структуру государства, были вынуждены считаться с ними, чтобы избежать конфронтации с местными общинами.

Административная система ханства делилась на три различающиеся по своей структуре группы. Первая, сложившаяся на юге страны, состояла из четырех стержневых звеньев, а вторая, утвердившаяся на ее севере, — из трех. В первой группе высшим звеном являлся *вилайет* (область), который делился на *бекства* (районы), а они, в свою очередь, — на *кишлаки* и *элать* (кварталы). В ханстве образовались три вилайета: Хазараспский, Куня-Ургенский и Ново-Ургенский. Среди них наиболее крупным по территории был многонациональный Хазараспский вилайет, растянувшийся вдоль левобережья Амударьи, включавший в себя Питнякское и Хазараспское бекства, а также кишлаки Дарган-Ата и Садвар.

Во второй группе высшей административной единицей вместо вилайета выступало бекство, имевшее меньшую территорию и численность населения и подразделявшееся на кишлаки и каумы (общины). Такая административная структура получила распространение главным образом в местах компактного проживания туркмен, каракалпков и казахов.

В третью, самостоятельную группу выделялась столица ханства — город Хива с прилегающими окрестностями, обладавший особым статусом и режимом управления. Сам город делился на низовые административно-территориальные единицы квартального типа — элаты или мечетные общины, а его окрестности — на кишлаки. Здесь размеща-

лись центральная резиденция хивинского хана (дворец Куня-Арк), канцелярии шейх-уль-ислама и казы-каляна, различные учреждения государственных, правительственных и неправительственных органов. Город управлялся лично ханом и поэтому других самостоятельных органов руководства сложным городским хозяйством почти не имел. Низовые звенья административной системы — мечетные общины возглавляли *аксакалы*. Они избирались на общем сходе жителей элата — *махалли* (за исключением женщин, которые на выборы не допускались) открытым голосованием.

В разветвленной территориальной структуре Хивинского ханства вилайет как административная единица никакой существенной роли не играл. Исключение составлял Хазараспский вилайет, занимавший стратегическое положение на пересечении главных торговых путей, соединявших ханство с Бухарой, Прикаспийскими и Закавказскими государствами, центральными районами Российской империи. На западе он граничил с Бухарским эмиратом. Благодаря своему значению, вилайет по традиции управлялся одним из ближайших и авторитетнейших родственников суверена, обладавшего почетным титулом эмираль-умара.

В административно-территориальной структуре Хивинского ханства ключевым звеном являлись бекства, представлявшие собой замкнутую административную единицу. Всего их было 23 (см. табл. 1), а не 26, как считают некоторые исследователи, причисляя к бекствам Дарганатинский и Садварский районы, существовавшие не автономно, а находившиеся в составе Питнякского бекства, а также населенный преимущественно туркменами Карадашлинский массив, не являвшийся самостоятельной административной единицей.

Местные органы исполнительной власти, как и другие звенья государственного аппарата, строились и функционировали на принципах авторитаризма. Бекствами руководили *хакимы* и *беки*, назначаемые ханом на неопределенный срок обычно из представителей правящей династии и придворных кругов, состоявших в родстве с сувереном. Они являлись членами Высшего совета и обладали правом голоса. Никакими правовыми актами их деятельность не регламентировалась, но решения, которые ими принимались, имели силу закона и обжалованию не подлежали, поэтому вряд ли можно согласиться с ошибочным утверждением Г. И. Данилевского о том, что задачи хакимов заключались лишь в обеспечении порядка и рассмотрении незначительных гражданских дел¹³⁴. Почти аналогичной точки зрения придерживается и С. Беккер. Он указывает, что хивинский хан обладал теми же неограниченными полномочиями, какие имелись у эмира Бухары. Но поскольку территория Хивы была меньше, чем территория эмирата, а

¹³⁴ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. С. 133.

административная структура государства — компактное, то центральное правительство оказалось в состоянии монополизировать власть, делегировав минимум полномочий местным администрациям¹³⁵. Так считают и некоторые другие исследователи, что небесспорно.

Таблица 1

Административное устройство Хивинского ханства¹³⁶

Бекства	Количество дворов (тыс.)	Численность населения (тыс. чел.)
Город Хива с окрестностями	10,0	76,3
Город Новый Ургенч с окрестностями	14,5	31,5
Амбар-Манакское	12,8	12,7
Беш-Арыкское	14,0	24,0
Гази-Абадское (Газаватское)	11,5	56,6
Гурленское	14,5	22,9
Ильялыньское	11,5	42,5
Кипчакское	11,5	16,9
Клыч-Ниязбайское (Клычбайское)	11,5	16,2
Кунградское	15,0	22,4
Куня-Ургенчское	18,5	59,5
Киятское	12,5	19,0
Мангитское	13,0	21,2
Питнякское	11,0	18,4
Порсынское	17,0	49,0
Тахтинское	17,0	49,0
Ташхаузское	15,5	31,6
Хазараспское	15,0	39,2
Ханкинское	12,5	25,1
Ходжейлийское	12,0	11,1
Чимбайское	14,5	72,6
Шах-Абадское (Шаватское)	11,5	12,9
Шуманайское	14,0	12,5
Всего:	100,81	701,31

В распоряжении хакимов и беков находились институты местной исполнительной власти (администрации городов и районов, кишлаков, элатов), а также суды шариата и адата, военный и полицейский аппараты. На них же лежала вся ответственность за своевременный сбор на подведомственной территории и сдачу в правительственную казну общегосударственных налогов и сборов, организацию очистных работ

¹³⁵ Becker S. Russia's protectorates in Central Asia... 2004. P. 10—11.

¹³⁶ Составлено по: ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 69, 69 об.

на мажоральных ирригационных каналах, мобилизацию ополчения в случае объявления войны и т. п. Во всем, что выходило за пределы этих обязанностей, хакимы и беки пользовались неограниченной свободой действий.

Местные органы исполнительной власти, образованные в административном звене на уровне малых городов, входивших в бекства, а также кишлаков и элатов, подчинялись непосредственно хакимам и бекам, которыми и назначались. Они оказывали содействие вышестоящим органам государственной администрации в сборе на подведомственной территории общегосударственных и местных натуральных и денежных налогов, обеспечивали неукоснительное исполнение ханских фарманов и распоряжений администрации бекства, жестко контролировали соблюдение различных религиозных обрядов и ритуалов, занимались организацией благоустроительных работ, рассматривали и решали в судах *адата* (обычай) гражданские дела.

На иных принципах формировались и осуществляли свои функции органы исполнительной власти, образованные на территориях бекств, в частности таких, как Куня-Ургенч, Тахты, Ильялы, Порсы, Чимбай, Ходжейли, Кунград, Мангит и др., населенных в основном туркменами, каракалпаками и казахами. Эти районы, хотя они и являлись неотъемлемой частью унитарного государства и управлялись из единого центра, находились тем не менее на положении своеобразных автономий, не оформленных юридически. Они имели особые отношения с Хивинским правительством. Так, для туркменской диаспоры, состоявшей из пяти крупных родовых групп (*салак, ушак, окуз, орсужчи и гарачука*) в соответствии с родовым принципом их деления были образованы пять административных районов, исполнительные органы которых унаследовали черты строгой иерархии, существовавшей внутри родоплеменных союзов. Главой администрации бекства, как и в южных регионах ханства, населенных узбеками, номинально оставался хаким или бек, назначаемый хивинским ханом, но в административном районе государственную исполнительную власть представлял *мухрдар*, который назначался ханом из числа состоятельных и влиятельных родоплеменных вождей.

Средним административным звеном на уровне племени или рода руководил *сердар* (старшина), низшим — *аксакал*, они по иерархии подчинялись мухрдару. Это не ограничивало их самостоятельность: на подведомственной территории сердар и аксакал обладали всеми исполнительно-распорядительными правами и полномочиями, в том числе вести первичное судопроизводство и руководить воинскими формированиями. Решения и распоряжения, принятые ими, имели силу закона. Концентрация административно-распорядительных функций в низовых органах руководства с использованием традиций внутриродовой иерархии, сложившейся в туркменских племенах и родах, придавала ап-

парату местного управления внешнюю самостоятельность, облегчая руководство ими извне — со стороны центрального Хивинского правительства. Таким образом, туркменские племена как бы оставались в полуавтономном положении в системе управления ханством. И можно согласиться с Д. Андерсоном, который пишет, что они отличались «слабым чувством статуса государственности» и не имели «общей политической структуры». Словом, подчиненные хану Хивы лишь номинально, «они, говоря в целом, представляли собой самостоятельное правительство»¹³⁷.

В конце 50-х гг. XIX в. хивинские власти эту же практику административно-территориального строительства широко применяли в тех районах, которые были населены в основном казахами и каракалпаками. Как известно, каракалпакская диаспора в ханстве была представлена двумя большими родоплеменными объединениями (*арыс*) — *конград* и *он торт уру*, подразделявшимися, в свою очередь, на множество родов¹³⁸. Основная часть диаспоры размещалась в четырех административных районах: Чимбайском бекстве, находившемся на правом берегу Амударьи, левобережных Ходжейлийском, Кунградском и Мангитском бекствах. Немалое количество мелких общин и родов было разбросано по кишлакам (аулам) по всей территории ханства. Органы государственной власти в них представляли 66 *биев*, которые самостоятельно решали практически все вопросы, касавшиеся управления сообществами каракалпаков и казахов. Однако компетентный административный орган руководства, способный направлять повседневную деятельность оседлых и кочевых родов и племен, отсутствовал как в центре, так и на местах, если не считать тех сановников при дворе хана, которые курировали дела, связанные с национальными меньшинствами.

Казахи, ведшие преимущественно кочевой образ жизни, не обладали правом на самоопределение. Хивинские власти рассматривали диаспору как составную часть каракалпакской нации и не помышляли о создании для нее самостоятельных административных образований. Поэтому казахские роды, не имея своих административно-территориальных структур, были вынуждены дислоцироваться на неблагоустроенных окраинах Ходжейлийского, Куня-Ургенчского, Кунградского бекств¹³⁹, а также крупного Хазараспского вилайета, постоянно нахо-

---

¹³⁷ Anderson J. Religious liberty in transitional societies: The politics of religion. Cambridge, 2003. P. 156.

¹³⁸ См.: Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков (Родоплеменная структура и расселение в XIX—начале XX в.) // Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1950. С. 38—51; Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. Ташкент, 1968. С. 126.

¹³⁹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 48—51.

даться под двойным давлением — каракалпакских биев и собственных родовых вождей. Большинство родов продолжали существовать по патриархально-родовым законам.

Децентрализованность и незавершенность сложившейся в Хивинском ханстве системы административного управления каракалпаками и казахами значительно ослабляли влияние центральной власти на окраинные территории, населенные национальными меньшинствами. Они содействовали разжиганию сепаратизма, обострению межнациональных отношений и дестабилизации социально-политической обстановки в целом. Среди родоплеменных предводителей, чиновников местных администраций процветало взяточничество, а игнорирование общественных интересов во имя личного обогащения было явлением распространенным. Это расширяло разрыв между бесправными «низами» и правящими «верхами», являлось одним из причин происходивших одно за другим на территориях Ходжейлийского и Кунградского бекств и других районов ханства стихийных волнений, свидетельствующих о необходимости радикального реформирования всей системы управления национальными административными территориями.

В 1856—1857 гг. власти Хивы приняли, наконец, ряд радикальных мер для совершенствования системы органов исполнительной власти на местах. В них упор был сделан на распространение принципов административного устройства, испытанных на практике в туркменских регионах, на районы, населенные каракалпаками и казахами. Сеид Мухаммед Рахим-хан II учредил две должности *беглер-беги* (старший бек), на которые назначаются представители каракалпакской диаспоры. На них было возложено руководство 66 биями, их разветвленным административным аппаратом, состоявшим из 68 *жузбасы* (сотник), 17 *мехремов* (сборщик зякета), *раисов*, сотен других мелких чиновников, охватывавшим все роды и племена¹⁴⁰. Это дало беглер-беги право решающего голоса в Высшем совете при рассмотрении вопросов, касающихся каракалпаков и казахов ханства, что поставило его в один ряд с влиятельнейшими сановниками хивинского двора.

Введение прямого управления бийствами из центра само по себе еще не решало проблему. Кроме того, хивинские власти не желали ставить знак равенства между беглер-беги и, к примеру, хакимом или беком, неизменно назначавшимися из узбеков, и не могли допустить усиления его позиции. Поэтому в конце 50-х гг. XIX в. территории компактного проживания каракалпаков и казахов в границах родовых объединений *конград* и *он торт уру* делятся на два административных района. Управление ими поручается двум *наибам* (наместникам). Одновременно во главе каждой из шести крупных родовых групп назначаются *аталыки*. Таким образом, между беглер-беги и биями воз-

¹⁴⁰ См.: Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. С. 126—127.

никают два промежуточных звена, полностью лишаящие их прежней единоличной и неограниченной власти, в какой-то мере ограничивающие их права и полномочия.

Следует заметить, что все должности в высшем, среднем и низовом звеньях административного аппарата замещаются исключительно из числа представителей самой каракалпакской и казахской диаспоры. Хивинские власти как бы полностью передают им в руки управление собственными административно-территориальными образованиями, а за центром остается лишь право общего руководства структурами государственной власти на местах и координации их деятельности без прямого вмешательства во внутреннюю жизнь родов и племен, а также органов управления ими. Это придавало вертикали власти устойчивость и создавало у ее низовых звеньев иллюзию самостоятельности.

Относительная автономность национально-территориальных образований, возникших в районах компактного проживания национальных меньшинств, подкреплялась не только специфичностью административного строительства, но и разграничением пределов ответственности местных исполнительных органов перед центром. Туркменские регионы были обязаны в случае военных действий выставить по одному всаднику с каждых 30 танапов атлычных земель и вносить ежегодно в ханскую казну по 12 тилля за каждый атлычный надел¹⁴¹. Каракалпаки, по данным А. Л. Куна, в соответствии с соглашением, заключенным с хивинским ханом, вносили в казну ежегодно 20 тыс. тилля, выставляли 2 тыс. воинов и направляли на ирригационные работы до 6 тыс. человек¹⁴². Местные администрации бекств осуществляли строгий контроль за выполнением обязательств перед центральным правительством, используя для этого все имеющиеся в арсенале средства давления, включая изгнание из племени и рода, выдворение из аула, заключение в темницу без суда, конфискацию имущества. В ответ центральное правительство предоставляло им свободу действий.

Попытки учесть в процессе административно-территориального строительства национальный фактор, усовершенствовать структуру местных государственных органов, упорядочить и разграничить компетенции между центром и административными образованиями — эти и подобные им меры, при очевидной их половинчатости и незавершенности, играли важную роль в строительстве и развитии многонационального Хивинского государства. Вместе с тем, осуществлявшиеся в рамках аморфной политической системы, деформированной феодально-абсолютистской монархией, отягощенной остатками патриархально-родового строя, в условиях постоянной борьбы региональных

¹⁴¹ См.: *Ненесов Г. И.* Из истории Хорезмской революции... С. 40.

¹⁴² Туркестанские ведомости. 1973. № 33; *Юлдашев М. Ю.* К истории крестьян Хивы XIX века. С. 121.

и местнических интересов, недоверия и даже вражды в межнациональных отношениях, разобщенности, они, естественно, не могли оказать определяющего положительного воздействия на ход национально-государственного строительства.

Рассматривая политическую систему Хивинского ханства, нельзя обойти вниманием положение и роль в обществе и других традиционных институтов: шариатских судов, духовных учреждений и т. д., руководствовавшихся в своей деятельности исключительно догматизированными нормами и принципами ислама, средневекового адата (обычай) и шариата — свода юридических толкований к Корану.

Судебная система основывалась на религиозно-правовых нормах ислама, традициях мусульманского судопроизводства. Она отличалась многоступенчатостью, отсутствием каких-то единых правовых и нормативных установлений, учитывающих конкретные социально-экономические и политические условия Хивинского ханства.

Суды делились на три типа: а) *Верховный*, юрисдикция которого распространялась на собственно столицу ханства Хиву и все крупные города юга страны; б) *территориальные*, образованные в центрах казств; в) *местные*, действовавшие непосредственно в туркменских, казахских и каракалпакских племенах и родах, а также некоторых небольших кишлаках и поселениях. Они имели свой рабочий аппарат, судебных исполнителей. В ведении Верховного суда (хан и члены Высшего совета) находились подземелья (*зинданы*) в Хиве, тюрьма в Новом Ургенче, обнесенная высокой глинобитной стеной, где содержались приговоренные к длительным срокам лишения свободы, в том числе на пожизненное заключение. В его распоряжении были и оборудованные на местах специальные помещения для предварительного или временного заключения. Апелляционные суды вовсе отсутствовали. Не было пока и общепринятого в развитых странах института защиты.

Верховным судьей считался *казы-калян*. Однако в условиях феодально-теократической монархии, сосредоточения в руках хана всей верховной, судебной и исполнительной власти он выполнял лишь функции министра юстиции, не более, хотя постоянно присутствовал во дворце в строго определенные дни, установленные для приемов ходяков с мест, рассмотрения письменных и устных жалоб. Хан обладал неограниченными полномочиями, в том числе исключительным правом вынесения осужденным смертного приговора либо их помилования, объявления им амнистии, отклонения или отмены тех или иных решений судов низшей инстанции, иначе говоря, одновременно реализовывал задачи, входившие в компетенцию как верховного, так и апелляционного судов. Его решения, несмотря на присутствие в них значительной доли субъективизма, обжалованию не подлежали.

Территориальные суды в бекствах возглавлялись *казиями*, назначаемыми казы-каляном и подотчетными только ему. В то же время на практике сплошь и рядом они находились под влиянием исполнительной власти (хакимов, беков и т. д.) и не обладали даже малейшей самостоятельностью. Местные суды, являвшиеся низшей судебной инстанцией, возглавлялись, как правило, аксакалами (старейшинами) племен и родов, часто недостаточно или вовсе некомпетентными в делах богословия и юриспруденции, исходившими при принятии важных судьбоносных решений главным образом из личных симпатий и антипатий, что лишало их объективности и непредвзятости при рассмотрении дела и вынесении вердикта.

Верховный и большая часть территориальных судов, в обыденной практической деятельности руководствовавшиеся в той или иной степени нормами и принципами шариата и мусульманского судопроизводства, относились к категории *шариатских*, а местные, использовавшие обычное право, — к судам *адама*. Аналогичная картина наблюдалась, кстати, и в Туркестанском генерал-губернаторстве, где российская администрация избрала, на первый взгляд, политику невмешательства в «местные религиозные дела», де-факто означавшую «игнорирование мусульманских учреждений и ограничение их влияния на политические структуры»¹⁴³, в то же время на практике она оставила нетронутой двухструктурную судебную систему, сохранив среди кочевых племен и родов суды традиционного *адама* — обычного права, а среди оседлого населения — *шариатские* суды, олицетворяющие «истинный ислам»¹⁴⁴. При различиях в формах и юрисдикции судов, все они основывали судопроизводство на религиозных правовых положениях, отрицании светского законодательства, признании верховенства традиционного ислама и шариата. Земельно-водные отношения, доля сторон в конечной продукции (урожае, прибыли и т. п.), право и форма собственности, ссудный процент, наследование и наследство, долговое обязательство — эти и многие другие подобные им животрепещущие «болевые» проблемы, с которыми общество сталкивалось повседневно, решались не с позиции представлений светского общества, а с точки зрения норм и установок шариата, допускавших нередко конъюнктурное толкование и манипулирование фактами. Взять, к примеру, право собственности на землю. Как известно, земля, согласно Корану, принадлежит Аллаху, он по своему усмотрению наделяет ею правоверных¹⁴⁵. Ссылаясь на это, судьи мог-

¹⁴³ См.: Roudik P. L. The History of the Central Asian Republics. P. 88.

¹⁴⁴ Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley; Los Angeles; London, 2007. P. 37—38.

¹⁴⁵ Священный Коран / Пер. с араб. и коммент. шейха Абдулазиза Мансура. 3-е изд. Ташкент, 2009. С. 157, 181, 227, 256 (на узб. яз.).

ли одновременно утверждать и коллективную собственность на землю, ибо она безличностна и вся «принадлежит Аллаху», и право владения ею как частной собственностью конкретным физическим лицом возможно лишь в случае, если на то будет повеление «сверху». Таким образом можно было оправдать любое, в том числе и насильственное присвоение чужой земельной собственности, использовать правовые нормы для ограждения от ревизии устоявшегося имущественного неравноправия в обществе, порождавшего противостояние противоположных социальных сил.

Произвольные трактовки норм шариата были явлением весьма распространенным. В значительной мере этому способствовали и чрезмерно идеологизированные фетвы шейх-уль-ислама, посвященные, к примеру, земельно-водным спорам, праву собственности, вопросам владения, управления и т. д. Построенные в форме вопросов и ответов, они содержали в себе готовые решения юридических казусов, не позволявшие казиям усомниться в неизбежности установок шариата, ограждавшие существующие феодальные отношения от какой бы то ни было ревизии. Казии не допускали толкования религиозных норм с учетом специфики рассматриваемого судебного дела, хотя, и это несомненно, шариатские или адатские нормы и принципы классификации предмета судебного разбирательства не могли учесть многообразие бытия.

В подавляющем большинстве судов выбор того или иного варианта решения находился в непосредственной зависимости не от характера предмета разбирательства, а от социального статуса заявителя или ответчика: чем ниже была ступенька, занимаемая им на социальной лестнице, тем меньше у него было шансов добиться вынесения справедливого судебного решения. И напротив, чем выше было положение в обществе, тем легче удавалось склонить чашу весов в свою пользу.

Такие понятия, как «предварительное расследование», «презумпция невиновности», «достаточность доказательств» и другие, практиковавшиеся в светском судопроизводстве всюду, в мусульманском судопроизводстве отсутствовали. Для вынесения приговора было достаточно показаний свидетеля и признания обвиняемым своей вины. Свод мусульманского права Хидоя гласит: «Признание есть лучшее доказательство истины, особенно в тех случаях, где признаваемый факт влечет за собой позор и страдание»¹⁴⁶. В основном это касалось судов низшей инстанции — адата, где неизменное следование «двойному стандарту», приоритетность субъективного в расследовании и рассмотрении дела, вынесении вердикта были скорее правилом, чем

¹⁴⁶ Цит. по: Абдумаджидов Г. Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование). Ташкент, 1986. С. 15.

исключением. Подобная практика нередко применялась также и в шариатских судах.

Отдавая приоритет средневековым догматам, на почве которых базировались и феодальные, и дофеодальные отношения, судебная система как бы подводила юридическую и правовую основу под имущественное неравенство граждан. Она оправдывала обогащение одной, малочисленной, прослойки общества, не игравшей существенной роли в реальном воспроизводстве материальных благ. за счет другой, более многочисленной, служила орудием рьяной защиты сословных привилегий, сугубо классовых интересов феодальной олигархии, подавления недовольства трудящихся масс неравноправными экономическими и политическими отношениями. Вместе с тем судебная система, давно сросшаяся с традиционными религиозными институтами, постоянно апеллировавшая к идеологическим установкам средневекового ислама, рьяно выступала против всякого свободомыслия, реформирования и секуляризации общества.

Единство институтов политической системы хивинского общества, их связь и взаимодействие с другими структурами, как и в других мусульманских странах Востока, обеспечивали религиозные организации и учреждения. Религия в Хивинском ханстве, основанная на нормах и принципах ислама, на что уже обращалось внимание, не была отделена от государства, что вносило существенные различия в положение религиозных институтов Хивы и, к примеру, Туркестанского генерал-губернаторства. Более того, если в Туркестанском крае власти ограничивали экономическую власть исламских институтов¹⁴⁷ и ослабляли их политические позиции, то в Хиве ислам как господствующая политическая идеология пронизывал все сферы общественной жизни — экономику, политику, идеологию, культуру и образование, отношения в семье, между мужчиной и женщиной, родителями и детьми и т. п., представлялся тем единственным фактором, который определяет направленность не только духовного, но и экономического, политического и культурного прогресса общества. На эту монополию ислама во всех ключевых сферах верно указывает и Р. Пайпс¹⁴⁸, который считает, что религиозный фактор играл в обществе даже большую роль, чем этнический.

Наиболее тесно религия была связана с таким основным элементом политической системы, как государство. «На протяжении веков, — отмечал акад. И. М. Муминов, — мусульманскому духовенству принадлежала весьма видная роль в управлении государственным аппара-

---

¹⁴⁷ Central Asian Security... P. 29.

¹⁴⁸ Pipes R. The formation of the Soviet Union: communism and nationalism, 1917—1923: with a new preface. Cambridge; London, 1997. P. 13.

том...»¹⁴⁹ Проповедуя верховенство духовного начала, predeterminedенность всего «сверху», представители религиозной элиты в то же время исполняли светскую службу при ханском дворе, в центральных, региональных и местных органах исполнительной власти. Они участвовали в разработке законодательных и подзаконных актов, обсуждения и принятии важных решений государственного значения, то есть в практическом формировании государственной политики. Глава мусульманства шейх-уль-ислам обладал правом скрепления своей именной печатью фарманов хивинского хана, причем на документах она фигурировала первой. Только с согласия и одобрения шейхов, имамов и других религиозных служителей принимались решения в местных администрациях.

Религия удерживала прочные позиции и в сфере экономики. Догматами ислама были окутаны отношение к средствам производства, эксплуатация человека человеком, богатство одних, бедность других. Духовенство игнорировало очевидное социальное неравенство при распределении и присвоении продуктов труда, антагонистический характер существующих противоречий между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Оно упорно твердило о «святости» личной собственности, принадлежащей мусульманину, неукоснительно следуя предписаниям Корана, ее «очищенности» от грехов, не поясняя причин все расширявшегося разрыва между обездоленными «низамы», составлявшими абсолютное большинство, и кучкой имущих «верхов», присваивавшей общественное достояние.

Ревизия или отход от исламских стереотипов экономических отношений подлежали осуждению и строгому наказанию. Так проводилась глубокая разьединительная черта между трудом и им произведенным. Человек лишался права свободно и по своему усмотрению распорядиться плодом своей деятельности, все создаваемое им обезличивалось, превращалось в нечто дарованное «свыше».

Под абсолютным контролем находились формирование и выражение общественного мнения. В ханстве не издавалось ни газет, ни журналов. Пропаганде и утверждению среди широких слоев и групп населения религиозных установок служила развернутая сеть мусульманских конфессиональных школ — мактабов, высших учебных заведений — медресе. Учебный курс не выходил за пределы классической традиции: в мактабах изучались Коран, основы ислама, арабский алфавит, поэтические сборники на религиозную тематику, а в медресе дополнительно к школьному учебному курсу — элементарная география, математика и геометрия, богословско-юридические нормы и т. п.

¹⁴⁹ Муминов И. М. Избранные произведения: В 4 т. Т. 2: Из истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1976. С. 34.

В популяризации религиозной идеологии большая роль принадлежала и различным «святым местам», многочисленным миссионерским орденам, особенно *дервишей* (нищенствующих монахов), которые вели борьбу с представителями любой иной веры, так называемыми *кяфурами* (неверными). Этим целям служила и клерикальная литература, посвященная комментированию Корана, восхвалению деяний пророков. Религиозная тематика присутствовала и в поэтических произведениях. Многие авторы испытывали давление духовенства, были вынуждены приспосабливаться к требованиям господствующей идеологии. Лишь немногим удавалось направить острие пера против религиозного фанатизма.

В ханстве в состоянии глубокой стагнации находилась и наука. Сплошь клерикализованная система просвещения и образования не способствовала активизации научной мысли, формированию и воспитанию научных кадров. Традиции «Академии Мамуна» оказались утеряны. Религия наложила вето на научно-исследовательские работы в области астрономии, географии, ботаники, химии, биологии, медицины и др., которые могли бы в корне изменить представления о Земле и человеке, окружающем мире, ревизовать и опровергнуть догматы ислама об их изначально божественном происхождении. Труды таких ученых-энциклопедистов с мировым именем, как Мухаммед ибн Муса Хорезми, Абу Райхан Беруни, Мухаммед Чагмини, а также труды их последователей, написанные на стыке 1-го и 2-го тысячелетий, но не потерявшие свою ценность, не тиражировались и не распространялись, оставаясь недоступными для масс.

Изучение истории сводилось к детальному описанию жизни и деяний хивинских ханов, а ее этапизация ограничивалась периодами их правления, что не позволяло охватить в единстве весь сложный процесс эволюции общества и государственности. Бесценные манускрипты древности эпохи зарождения «Авесть», труды по истории Хорезмской империи и Хивинского ханства, принадлежавшие перу, например, Абулгази Бахадыр-хана, Мухаммеда Юсуфа Баяни, Агахи, Камила Хорезми, других ученых-историков, государственных и общественных деятелей, подавляющему большинству читателей были недоступны из-за ограниченности тиража, но более всего — из-за неграмотности подавляющей массы населения.

Нельзя не отметить, что утверждение диктата религии в ключевых сферах общественной жизни Хивинского ханства, ее продолжающееся проникновение во все институты государства и права происходили в тот период, когда даже в таких странах традиционного мусульманства, как Иран, Турция, Сирия и ряд других, начинало набирать силу движение за буржуазное просветительство и реформацию ислама. Еще в 1838 г. в Тегеране появилась первая газета, изданная литографическим способом Мирзой Салехом Ширази. Ее основание знаменовало пере-

лом в общественно-политической жизни Ирана. С 1851 г. газета выходила регулярно, и «святость» рукописного слова рухнула. Ощутимый удар по позициям духовенства нанесли преобразования Таги-хана (1807—1852), нацеленные на подъем экономики и культуры. При нем был основан «Дар-уль-фонун» («Дом науки»).

В Сирии в 1847 г. возникло «Сирийское общество наук и искусств», а в 1857 г. — «Сирийское научное общество», которые «добивались распространения просвещения, идей религиозной терпимости, занимались вопросами науки и культуры, воспитания, борьбы с суевериями и т. п.». В 1858 г. появилась первая (неофициальная) газета на арабском языке «Хадикат аль-Ахбар» («Сад вестей») ¹⁵⁰.

Идеи буржуазного просветительства, реформации ислама находят немало сторонников в Турции и Афганистане, во многих других традиционно мусульманских странах, в чем нашли яркое отражение объективные потребности общественного прогресса. Политика же хивинских правителей, их верного союзника — ортодоксального духовенства ставила искусственные барьеры на пути обновления духовной жизни. Подмена открытости, восприимчивости к рожденному социальной практикой человечества подлинно новому и, безусловно, прогрессивному ложными представлениями о «национальной самобытности», «верности традициям» препятствовала духовному обновлению общества, раскрепощению общественно-политической мысли, интеллектуального потенциала масс.

Политическая система Хивинского ханства в совокупности ее ведущих институтов в целом органически «вписывалась» в рамки разлагающегося феодального общества.

Состояние застоя и ипохондричности, в котором находились ханская феодально-абсолютистская монархия, органы центральной, региональной и местной правительственной и исполнительной власти, судопроизводства наглядно свидетельствовало о том, что институты политической системы исчерпали потенциал самообновления и нуждаются в радикальном преобразовании.

Социальная структура хивинского общества

Специфичность экономического базиса и политической надстройки накладывала свой отпечаток на формирование и развитие *социальной* структуры Хивинского ханства. Влияние это было обоюдным и динамичным. Так, если сосуществование взаимосвязанных неоднотипных общественно-экономических укладов и разнообразных форм хозяйства (крупное феодальное; мелкотоварное производство; пре-

¹⁵⁰ См.: Зарождение идеологии национально-освободительного движения... С. 62, 104, 111—112.

имущественно натуральное (традиционное) дехканское хозяйство; полупатриархальное и патриархально-родовое хозяйство и др.) обуславливало сложность и пестроту социальной структуры, то она, в свою очередь, оказывала воздействие на развитие экономического базиса только ей свойственными формами и методами.

Не является исключением взаимосвязь между социальной структурой и политической надстройкой. Как известно, чем выше достигнутый уровень социальной эволюции общества и активность олицетворяющих ее классов, тем радикальнее и направленнее преобразования, осуществляемые в политической надстройке, ее структурных элементах. И напротив, чем совершеннее институты политической системы, тем ощутимее их влияние на процесс классовобразования, расстановку социальных сил в обществе, гармонизацию отношений между ними.

Формирование и развитие социальной структуры Хивинского ханства протекали под непосредственным воздействием объективных и носящих всеобщий характер закономерностей. Вместе с тем им были свойственны и некоторые существенные особенности, обусловленные специфичностью экономического базиса и политической надстройки хивинского общества, историческими, культурными, этническими и другими традициями.

К сожалению, скудость, точнее, почти полное отсутствие четких статистических данных не позволяет вычертить целостную картину социальной структуры ханства. Дошедшие до нас сведения не дают исчерпывающего ответа на многие существенные вопросы, касающиеся непосредственно динамики отраслевой структуры населения, особенностей формирования различных социальных слоев и групп, степени влияния на него этнических, племенных факторов и т. п. Все же имеющиеся в распоряжении исследователей, пусть и отрывочные, материалы, общий уровень социально-экономического развития страны, господствующее положение натурального и мелкотоварного хозяйства, отсутствие промышленности отчетливо указывают на то, что в целом она мало чем отличалась от социальной и классовой структуры типичного феодального общества. Для структуры самодельного населения определяющей являлась незавершенность процессов классовобразования, но при очень контрастном делении хивинского общества на высшие и низшие социальные группы и слои.

Доминирование в экономике ханства сельского хозяйства обусловило абсолютное преобладание в структуре населения дехканства, живущего за счет аграрного производства на своей собственной или же арендованной земле. По составу оно было крайне разнородным и, в соответствии с размерами личной земельной собственности, указывавшей и на его положение в обществе, подразделялось в основном на три категории: 1) *аъло* (высшая), в которую входили владельцы 10 и более танапов земли; 2) *авсат* (средняя), представленную обладателя-

ми 5—10 танапов; 3) *адно* (низшая), куда включались те, чьи наделы были менее 5 танапов¹⁵¹. Такое деление землевладельцев на категории красноречиво свидетельствует об имущественной и классовой дифференциации дехканства, официальном признании этого факта властями. Оно указывает и на то, что аграрная политика правительства носила не стихийный характер, а базировалась на классовом подходе, не допускала смешения социальных различий.

Каковы принципы подобной классификации и почему именно отмеченные выше величины сельскохозяйственных угодий, а не другие факторы (например форма земельной собственности, характер землевладения и т. п.) считались достаточно веским аргументом для «отнесения» дехкан к той или иной социальной категории? Несомненно, об элементе случайности здесь не может быть и речи, ибо мы имеем дело с одним из направлений государственной социальной политики. На наш взгляд, для ханского правительства исходной базой для подразделения дехкан-землевладельцев на категории служили чистые затраты труда на производство в расчете на одно хозяйство при традиционной энерговооруженности. Так, например, современники отмечали, что дехканин, имеющий пару быков и лошадь, едва ли может управиться один с 6—7 танапами земли, и то при условии, если будет освобожден от *казу* (чистки каналов) и других посторонних работ. «Если же приходится добывать воду чигирями, то обработать (собственными силами. — М. Н.) можно не более 5 тан»¹⁵². Для содержания больших посевных площадей уже требовалось привлечение наемной рабочей силы. Нельзя исключать, что эти факторы и послужили основанием при классификации хивинского дехканства. Вместе с тем, на наш взгляд, неправомерно отвергать наличие и ряда других предпосылок, таких, например, как объем производимого продукта, размеры валового дохода и т. п., которые также оказывали влияние на определение социального статуса.

Каким же был удельный вес той или иной категории в общей структуре дехкан-землевладельцев? В налоговых тетрадах из «архива хивинских ханов», упоминавшихся выше, содержатся любопытные и довольно красноречивые данные о 36 440 дехканских хозяйствах, расположенных на территории 806 мечетных общин, которые охватывали все основные центральные, южные и юго-восточные земледельческие районы страны. В разрезе категорий они распределялись следующим образом: *аьло* — 3436, *авсат* — 5716 и *адно* — 8404 хозяйства. К последним примыкали и *беватаны* (11 818 чел.), не имевшие земли, а зачастую и определенного места жительства.

¹⁵¹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 112.

¹⁵² Цит. по: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 33.

Особую группу землевладельцев представляли полностью освобожденные от земельного налога хозяйства *нукеров*. Их насчитывалось 6445, *ярлыкдаров* — 402 и *сагиров* (инвалидов) — 231¹⁵³. Думается, эти данные заслуживают внимательного к ним отношения. В отличие от других, они подкреплены поименным списком землевладельцев и арендаторов по вполне конкретным мечетным общинам, указывают точное количество хозяйств в разрезе категорий, абсолютные размеры уплаченного ими поземельного налога и недоимок.

Как свидетельствуют налоговые тетради, одной из особенностей социальной структуры хивинского кишлака являлась ее пестрота. Она ясно указывала на имущественное неравенство и все углубляющуюся дифференциацию дехканства, расширяющуюся пропасть между сверхбогатыми и сверхбедными. Так, 32,4 % семей дехкан вовсе не имели земли и, будучи зачислены в беватаны, официально признавались властями как не имеющие средств к существованию. В условиях ограниченности годных для освоения земельных ресурсов, перенаселенности кишлаков, отсутствия в городах спроса на рабочую силу многие из них были вынуждены оставаться в селе, в лучшем случае превращались в наемных работников земельной элиты или вели хозяйство полностью на арендованной у феодалов земле.

23,1 % дехканских хозяйств владели наделами до 5 танапов, доходы от которых не обеспечивали даже прожиточного минимума, сносного существования, поэтому они относились к категории *адно* — беднейших дехкан. Они, подобно беватанам, превращались в арендаторов чужой земельной собственности, а в свободное время занимались простейшим нематериалоемким, не требующим финансовых затрат домашним кустарным промыслом, который позволял получать хоть какой-то дополнительный доход. Учитывая одинаково бедственное экономическое положение и владеющих участками менее 5 танапов, и беватанов, можно заключить, что в Хивинском ханстве в рассматриваемый период 55,5 % самодеятельного населения (более 20,2 тыс. хозяйств) относились к наиболее беднейшей социальной прослойке кишлака — полукрепостным дехканам. Столь внушительный удельный вес в структуре дехканских хозяйств полностью безземельных и малоземельных был обусловлен, несомненно, монополией на землю правящих кланов и феодальной олигархии.

Малоземельные дехкане, составляя большинство сельского населения, владели на правах собственности сравнительно небольшой частью земельного фонда страны. Так, даже если принять за максимальный надел хозяйств категории *адно* 5 танапов, то простые расчеты позволяют констатировать, что им принадлежало не более 42 тыс. танапов, или примерно 13 % пашни. В действительности малоземель-

---

¹⁵³ См.: Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. С. 108.

ные хозяйства владели куда меньшей площадью пахотных земель, ибо многие из них имели не более 1,5—3,0 танапа.

Средние земельные собственники, составлявшие около 15,7 % самодеятельного населения, жившего на доходы от сельского хозяйства, служили своеобразным буфером между неимущими «низами» и крупной земельной аристократией. Уступая по численности малоземельным дехканам на 7,4 %, они в то же время обладали большей частью сельхозугодий. Как известно, участки середняков составляли около 5—10 танапов. Взяв за средний показатель число 8 и умножив его на количество хозяйств категории авсат, мы получим свыше 45,7 тыс. танапов. И такая, на первый взгляд, достаточно прочная экономическая база не могла гарантировать большинству середняков относительно безбедное и беспроблемное существование. В условиях неухающей острой конкурентной борьбы за землю, за обладание дешевыми свободными трудовыми ресурсами, которую постоянно вела на внутреннем экономическом пространстве феодальная олигархия, масса середняков разорялись и вливались в армию беватанов, и лишь немногие из них, сумевшие противостоять экономическому прессингу состоятельных землевладельцев, поднимались и пополняли зажиточную верхушку кишлака.

В середине XIX в. и даже несколько позднее — на рубеже XIX и XX вв. в Хивинском ханстве **рабочий класс** из-за почти полного отсутствия промышленности не сформировался. Однако в развитых городах начинали возникать крупные ремесленно-кустарные мастерские, где использовалась наемная рабочая сила. Привлекалась она и состоятельными землевладельцами для выполнения сезонных работ на договорной основе. Эти две прослойки наемных работников представляли собой зачатки хивинского рабочего класса, имевшего реальную перспективу при соответствующих социально-экономических условиях — ускорении структурных перемен в экономическом базисе, создании современного промышленного потенциала — превратиться в определяющую социальную и политическую силу общества.

Одна из весьма специфических особенностей социальной структуры Хивинского ханства — незавершенность процесса формирования национальной буржуазии и ее малочисленность. Прослойка **наиболее состоятельных крупных землевладельцев** в целом не превышала 9,4 %, но и она подразделялась на две неравнозначные группы. В первую входила феодальная знать, державшая в руках основную часть земельного фонда страны, а во вторую — зажиточные дехканы, ведущие достаточно крупное товарное хозяйство. Каждая из групп, в свою очередь, делилась на подгруппы в зависимости от статуса земельной собственности, размеров получаемого дохода, количества постоянных и временных наемных работников и т. д.

Среди феодальной знати четко выделялась состоятельная элита, представлявшая собой замкнутое привилегированное сословие (хан и его семья, близкие родственники и окружение). Несмотря на то что ее удельный вес не достигал среди господствующей элиты и 0,5 %, она, владея рычагами реальной власти, оказывала решающее влияние на конечные результаты развития национальной экономики и социальной сферы. Правящая верхушка не занималась предпринимательством, не участвовала непосредственно в управлении фамильными имениями и организации там производства. Обладание политической властью, важнейшей частью производственного потенциала страны на правах личной собственности позволяло ей присваивать львиную долю валового внутреннего продукта, поэтому она не была заинтересована в обновлении социально-экономических отношений, разрушении устаревших хозяйственных традиций в стране.

К правящей верхушке примыкала прослойка **родоплеменной знати**, которая эволюционировала в процессе «верхушечных» реформ системы управления государством, осуществленных хивинскими властями в первой половине XIX в., а также под прямым воздействием товарно-денежных отношений. В результате отмены выборности, введения назначаемости предводителей племен и родов, установления твердой заработной платы из государственной казны положение и функции родоплеменной элиты претерпели существенные изменения. Мухрдары, сердары (кетхуды), би, аталыки, аксакалы, чья власть базировалась на предписаниях адата и личном авторитете, благодаря чему им де-факто удавалось соблюдать некоторую независимость в принятии решений и действиях, попали в непосредственное подчинение ханскому правительству. Вместе с тем вожди и старейшины племен не утратили окончательно свои экономические привилегии, они по-прежнему широко использовали наемный труд, что делало их полуфеодалами-получиновниками.

Правящей верхушке и родоплеменной знати, составлявшим костяк земельной олигархии, противостояла еще только нарождавшаяся и не окрепшая ни экономически, ни политически новая **национальная буржуазия**. Она выделялась среди других групп и прослоек тем, что формировалась главным образом из среды богатых землевладельцев и торговцев, ростовщиков, олицетворявших развивавшееся национальное предпринимательство. Ее деятельность не замыкалась рамками какой-либо одной определенной сферы, а охватывала, хотя и не столь глубоко и последовательно, практически все ведущие отрасли хивинской экономики — и сельское хозяйство, и ремесленно-кустарное производство, и торговлю, и финансы, и кредит. К примеру, наиболее состоятельные землевладельцы, наряду со сдачей в кабальную аренду принадлежавших им сельхозугодий с целью присвоения прибавочного продукта, занимались прибыльной предпринимательской деятельно-

стью на внутреннем рынке и в сфере внешней торговли, получая огромные доходы на спекулятивных операциях, связанных с поставками продуктов земледелия и животноводства. Крупные торговцы, владевшие, обычно в городах и портовых районах на побережье Амударьи, разветвленной сетью постоянных дворов и многочисленными торговыми лавками на местных базарах, выдавали краткосрочные и долгосрочные кредиты не только купечеству, но и все тем же землевладельцам и дехканам с условием возврата с процентами по окончании сельскохозяйственного года, уборки урожая. Специализировавшиеся на таких сделках разного рода ростовщики не пренебрегали возможностью заработать на операциях, связанных с финансированием, к примеру, снаряжения крупных, в том числе транзитных, торговых караванов, с куплей обширных сельскохозяйственных плантаций, со строительством дорогостоящих престижных объектов и т. д.

Тесное переплетение финансовых интересов самых различных слоев молодой хивинской буржуазии — не следствие достигнутого между ними консенсуса, а один из закономерных атрибутов ее становления на этапе первоначального накопления капитала. Отсутствие ясных и конструктивных стратегических экономических целей, имевших на деле общенациональное значение, четкого разграничения деятельности спекулятивного и предпринимательского капитала, распыление финансовых ресурсов ограничивали возможности национальной буржуазии оказывать ощутимое влияние на ход и темпы развития хивинской экономики. Только пройдя сложный и болезненный период становления, научившись отделять перспективные стратегические цели и задачи от второстепенных, осознав приоритетность инвестирования в производство, неопредприниматели реально могли сформироваться в класс, превратиться в самостоятельную и влиятельную как экономическую, так и политическую силу хивинского общества.

Становлению молодой буржуазии препятствовали и «верхи», особенно их консервативное «правое» крыло — феодальная олигархия. Отстаивая собственные кастовые интересы, она всеми имеющимися в ее распоряжении средствами старалась не допустить в какой бы то ни было форме либерализации экономики страны, радикального обновления законодательной базы, оказания государственной поддержки нарождавшейся новой буржуазии. Недопонимание роли, функций и значения национального предпринимательства в обеспечении реального экономического развития придавала непримиримый характер острым противоречиям, существовавшим в среде различных слоев национальной буржуазии.

Важная роль в общественно-политической жизни Хивинского ханства принадлежала промежуточным слоям, которых представляли такие переходные социальные группы, как нукеры, мелкие городские торговцы, ремесленники и кустари, интеллигенция, чиновники (тех-

нические служащие) аппарата местной администрации и др. Бесспорно, в условиях почти полного отсутствия капиталистического производства, буржуазии и пролетариата, господства феодальных и полупеодальных отношений, «промежуточными» слоями в классическом понимании их можно назвать лишь условно. Тем более что в общей численности самостоятельного населения удельный вес этой многоплановой социально-политической категории составлял, по нашим подсчетам, не более 18—22 %. Однако количественно она значительно превосходила нарождавшуюся национальную буржуазию, не говоря о пролетариате, условий для развития которого в исследуемый период в хивинском обществе не имелось. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что нукеры, ставшие профессиональными военными, мелкие городские лавочники, кустари и ремесленники находились в «переходном» состоянии: они уже «оторвались» от дехкан, но к национальной буржуазии еще не «примкнули». Что же касается интеллигенции и служащих, то они, как и во всяком классовом обществе, занимали промежуточную среднюю ступеньку на социальной лестнице, обслуживая преимущественно «верхи».

Наиболее многочисленный пласт промежуточных слоев в хивинском обществе составляли нукеры. Их удельный вес среди землевладельцев достигал 17,7 %. Если принять во внимание, что на каждое нукерское хозяйство приходилось в среднем от 20 до 30 танавов сельхозугодий, то по размеру землевладения нукеров целесообразнее было бы отнести к привилегированному сословию. Однако формальный признак не отражает реальной сути. Многие нукерские семьи владели жалкое полуголодное существование. Земельные наделы, выделенные им в качестве компенсации за несение воинской службы или же воинские заслуги, присваивались предводителями родов и племен. Как и большинство узбекских дехкан, нукеры, чтобы содержать свою семью, были вынуждены соглашаться на кабальные договорные условия, попадали в сильнейшую зависимость от родоплеменных вождей и ростовщического капитала, а затем, не сумев возратить долг, разорялись и пополняли армию обнищавших и безземельных. Лишь небольшой части из них удавалось прирастить собственные земельные наделы и использовать наемную рабочую силу, что было связано скорее с незавершенностью процесса социальной дифференциации среди нукеров, а не с тем положением, которое они занимали в обществе. Вот почему нукеры по своему социальному статусу больше тяготели к промежуточным слоям, чем к середнякам или состоятельным землевладельцам.

Под прямым влиянием естественных структурных перемен в общественном производстве, расширения товарно-денежных отношений быстро набирала силу прослойка мелких городских торговцев, ремесленников и кустарей, олицетворявших *мелкую буржуазию*. В условиях Хивинского ханства середины XIX в. она не обладала ни достаточным

капиталом, ни прочным общественным положением, которые могли бы позволить ей воздействовать на ход и последствия социального, экономического и политического развития страны. Но по мере эволюции общества внутри мелкобуржуазных слоев происходили глубинные количественные и качественные перемены: часть из них пополняли пролетарские элементы, другие вливались в ряды молодой национальной буржуазии.

Характеризуя социальную структуру хивинского общества, нельзя не отметить роль в общественно-политической жизни интеллигенции. К сожалению, мы не располагаем достоверными статистическими данными, позволяющими как-то проследить ее удельный вес, соотношение с другими прослойками и группами населения. Такой учет в ханстве не велся. Однако это не может служить веским основанием для отрицания факта ее самостоятельного существования, несмотря на экономическую и социальную отсталость.

В феодальной Хиве под *интеллигенцией* следует понимать прежде всего преподавателей медресе и конфессиональных школ, технических служащих аппарата центральных и местных органов исполнительной власти, а также ученых, писателей и поэтов, художников. Численно она была невелика, но, тем не менее, оказывала ощутимое влияние на политическую динамику в обществе благодаря активному проникновению во всю систему органов государственной власти и управления, образования и культуры, широким связям с различными слоями и группами населения.

Существенная отличительная особенность традиционной хивинской интеллигенции — потенциальная неустойчивость политической позиции и идеологических взглядов. Она была обусловлена неоднородностью самой ее структуры, которая олицетворяла практически все существующие слои хивинского общества. Подавляющее большинство интеллигентов являлись выходцами из вполне зажиточных или же состоятельных семей, получившими престижное для своего времени (и единственное!) духовное образование, зачастую высшее. Им принадлежали ключевые посты в системе религиозного просвещения, органов государственной исполнительной и судебной власти, местной администрации. Эта прослойка имела собственные земельные наделы, нередко — не связанное с основной профессиональной деятельностью доходное дело, эксплуатировала труд наемных работников, оставаясь частицей земельной аристократии. Другая часть интеллигенции, вышедшая из средних слоев и «низов», существовала за счет продажи собственного труда. Доступ в верхние эшелоны бюрократического аппарата ей был закрыт. В лучшем случае ее представители становились учителями мактабов, техническими служащими администраций. К этой среде относились также известные поэты, историки, ученые и *усто* — мастера.

Двойственность структуры предопределила дуалистичность политической позиции хивинской интеллигенции. Из одной и той же среды вырастали и просветители, которым были близки и понятны чаяния трудового народа (Мухаммед-Нияз Хорезми, Мунис, Агахи и др.), и реакционные элементы, оградившиеся от насущных проблем масс и отвергавшие любые реформы, затрагивающие интересы феодальной олигархии, способные в той или иной степени ограничить монархию и изменить существующие порядки. От того, носители каких взглядов, идей и настроений определяют социальные ориентиры интеллигенции, зависели, в конечном итоге, превращение ее в серьезную политическую силу, усиление влияния на различные слои масс, всю общественно-политическую ситуацию в обществе. Это наглядно показали события конца XIX—начала XX в., формирование и развитие *просветительского движения*.

Весьма пестрая, к тому же малодифференцированная социальная структура Хивинского ханства крайне затрудняла консолидацию политических сил, выработку ими и осуществление радикальных реформ, в которых общество остро нуждалось. Ни дехканство, ощущавшее на себе тяготы давно отживших феодальных отношений, ни пока только еще нарождавшаяся необуржуазия, чья эволюция задерживалась из-за консервативного политического курса правящей элиты, видевшей в ней угрозу собственным интересам, ни интеллигенция с ее постоянными оглядками на «верхи» и идеологические догмы пока не были способны предложить программу радикального обновления общества, сплотить вокруг себя все национально-патриотические силы и повести за собой массы. Это положение, как показала историческая практика, носило временный, преходящий характер. В самих недрах хивинского общества медленно, но все настойчивее зрели силы, которые выражали недовольство существующими порядками, яснее осознавали необходимость радикальных перемен. В ближайшем будущем именно им предстояло сыграть определяющую роль в ускорении социально-экономического и политического развития страны.

* * *

Растянувшийся более чем на три века период восходящего формирования российско-хивинских геополитических отношений позволил к середине XIX в. выработать взаимоприемлемые формы и методы сотрудничества России и Хивинского ханства. Он ясно показал, что существование двух неоднородных, контрастно отличающихся друг от друга своей экономической и социально-политической системой сопредельных государств — процесс поистине динамичный, сложный и противоречивый, сопровождающийся явлениями как позитивными,

так и негативными. Охватывая различные сферы общественной жизни, геополитические отношения затрагивают интересы самых различных звеньев ведущих институтов общества, классов, социальных слоев и групп, обуславливают специфичность экономических, политических и социально-культурных связей. Их эффективность, соответствие историческим реалиям, насущным потребностям ускорения общественного прогресса в значительной степени зависят от целенаправленной и конструктивной политики правящих кругов, практических действий непосредственных участников политического и торгово-экономического сотрудничества. Эта закономерность отчетливо проявилась во второй половине XIX в., когда традиционные российско-хивинские отношения вступили в свой новый этап.

Глава II

КАПИТАЛИЗАЦИЯ РОССИИ. ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ХИВЕ (60—90-е гг. XIX в.)

Развитие капитализма в России после отмены в 1861 г. крепостного права аккумулировалось не только в общем подъеме экономики, выразившемся в образовании монополистических объединений в ведущих отраслях промышленности, ускорении концентрации банковского капитала, росте сельского хозяйства, других позитивных переменах в ключевых сферах материального производства. Оно наложило свой отпечаток и на эволюцию отношений России с соседними государствами Центральной Азии, в том числе с Хивинским ханством.

В дореформенный период российско-хивинские отношения, даже несмотря на наличие заметных расхождений в геополитических интересах, возникновение конфликтных ситуаций, порой острых, в целом эволюционировали в сложившихся рамках норм международного права, отличались взаимным признанием государственного суверенитета, необходимости сотрудничества в экономической и политической областях. В пореформенный и постреформенный периоды это положение претерпело изменения. Движущей силой *восточной*, как и всей внешней, политики Российского государства стали насущные запросы формировавшегося и утверждавшегося капиталистического производства, представлявших его социальную базу промышленной и торговой буржуазии, финансовой олигархии, кровно заинтересованных во внешних рынках, способных «поглощать» товары, поставлять дешевое сырье и трудовые ресурсы. Их удовлетворение потребовало от России отказаться от традиционных форм межгосударственных связей, вовлекло ее в ожесточенную борьбу империалистических держав за раздел и передел мира. Определенное влияние на «корректировку» восточной политики оказало обострение соперничества с Англией в экономической и политической областях, стремление воспрепятствовать

ее продвижению в зону так называемых «жизненных интересов» России в Центральной Азии — регионы Прикаспия и Приаралья, куда британские эмиссары с начала XIX в. регулярно засылались под видом то официальных дипломатических представителей, то дилеров различных торговых фирм и компаний или же ученых-этнографов и путешественников, якобы изучающих древнюю и самобытную культуру народов обширного Хорезмского оазиса, их обычаи и традиции. На деле же они осуществляли широкие разведывательно-диверсионные операции, изучали на месте состояние вооруженных сил и морально-политическую обстановку, готовили плацдармы для вооруженной интервенции британских войск.

Прямым следствием изменения внешнеполитического курса России явились крупные войсковые операции, проведенные в Центрально-Азиатском регионе в 60—начале 70-х гг. XIX в., завершившиеся в конечном итоге упразднением Кокандского ханства, превращением Бухарского эмирата и Хивинского ханства в протектораты империи, образованием на аннексированных (1867) территориях Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи. Но приоритетной целью «демонстрации силы» было не расширение территорий, а установление прямого контроля над рынками государств Центральной Азии с тем, чтобы обеспечить ничем не ограниченный, свободный доступ к ним российского торгового, промышленного и финансового капитала, противостоять таким образом экономической интервенции в регион Великобритании и усилению в нем ее позиций. Отсюда — существенное влияние капитализации России, ее соперничества с Англией на общественно-политическую и социально-экономическую жизнь всех государств Центральной Азии, среди них и Хивинского ханства.

Необходимо иметь в виду, что утверждению российского капитала на внутреннем рынке региона в немалой степени содействовали его союзники — нарождавшаяся национальная буржуазия, крупный торгово-ростовщический капитал, а также связанная с товарным хозяйством земельная аристократия, выразившие недовольство политическим и экономическим диктатом феодальной олигархии, консервативной политикой глав правящих кланов, открыто пренебрегавших государственными интересами во имя личных. Не способные на системные организованные самостоятельные действия, в эффективном, хотя и силовом давлении на консервативный феодально-абсолютистский режим «извне» они увидели возможность оттеснить на политической арене старую правящую элиту и заполучить реальные рычаги власти, существенно укрепить собственные экономические позиции. На практике так и получилось. Это наглядно показала эволюция общественно-экономических и политических отношений в Хивинском ханстве во второй половине XIX и начале XX в.

Проникновение хивинского торгового капитала на российский рынок после 1861 г.

В России в середине XIX в., то есть значительно раньше, чем в соседних государствах Центральной Азии, отчетливо проявились как архаичность феодально-крепостного строя, превратившегося в серьезный тормоз на пути общественного прогресса, так и углубляющееся несоответствие между нарождающимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Парадокс, но факт: при наличии неисчерпаемых природных и трудовых ресурсов, поистине громадного интеллектуального потенциала Россия существенно отставала от развитых европейских государств по многим социально-экономическим показателям.

Обратимся к цифрам и фактам. В предреформенной Европейской России насчитывалось около 4 тыс. крупных промышленных предприятий, среди них металлообрабатывающих — 320, горных — 225, химических — 80, текстильных — 1365 и т. д. На них было занято свыше 660 тыс. рабочих¹. При всем этом Россия продолжала ввозить 87,3 % потребляемого каменного угля, 69,8 % химических продуктов, 50 % стали, 46 % льняных тканей. В расчете на душу населения чугуна производилось в 3,5 раза меньше, чем во Франции, и в 2,5 раза меньше, чем в Англии². В больших объемах страна импортировала железо и медь, сельскохозяйственное сырье и некоторые виды продовольственных товаров. Это красноречиво указывало на несовершенство самой структуры промышленного и сельскохозяйственного производства, его низкую эффективность из-за крайней отсталости материальной и технической базы, производственных отношений, уровня государственного руководства социально-экономическим комплексом Российской империи в целом.

Капитализация хозяйственной жизни, существенно ускорившаяся в середине XIX в., особенно в пореформенный период, задействовала внутренние рычаги интенсификации экономического и социального прогресса. Промышленность России, опираясь на поддержку частного капитала и протекционистскую политику государства, развивалась стабильно высокими темпами. Она неуклонно наращивала свой производственный потенциал. Уже в 1863 г. в Европейской России функционировали не менее 11,8 тыс. различных фабрик и заводов, объем

---

¹ См.: *Нифонтов А. С.* Крупная промышленность России на рубеже 50—60-х гг. XIX в. // *История СССР.* 1981. № 3. С. 62.

² См.: *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 224; *Очерки экономической истории России первой половины XIX века.* М., 1959. С. 200.

валовой продукции которых составлял почти 247,7 млн. руб.³ А в 1865 г. здесь насчитывалось около 13,7 тыс. предприятий, объем продукции превысил 286,8 млн. руб.⁴ По неполным данным, в стране в начале 60-х гг. XIX в. выплавлялось ежегодно 19,5 млн. пудов чугуна, добывалось до 23,5 млн. пудов угля и 0,2 млн. пудов нефти, потреблялось 2,6 млн. пудов хлопка и производилось 1,9 млн. пудов сахара. В аграрном секторе начали создаваться крупные товарные хозяйства. Отмена крепостного права, сковывавшего эволюцию производительных сил села, глубокое реформирование экономики позволили России увереннее приближаться к числу наиболее развитых государств Европы, одновременно укрепляя свои лидирующие позиции в Центральной Азии.

Развитие капитализма в России создавало предпосылки для осуществления давно назревших социально-экономических преобразований в Хивинском ханстве, других сопредельных государствах, ускорения подъема производительных сил. Это вполне закономерно. Во-первых, в условиях расширения промышленного производства Россия нуждалась в источниках сырья и надежном, причем не только внутреннем, но и внешнем, рынке сбыта разнообразной, однако пока недостаточно конкурентоспособной продукции, уступавшей по некоторым важным качественным параметрам европейской. Успешно эволюционировать с опорой лишь на собственные силы, без укрепления традиционных и налаживания новых экономических связей, она не могла. Такое положение естественным образом как бы «подталкивало» российскую промышленность к сотрудничеству и интеграции с преимущественно аграрной экономикой соседних государств, таких как Хивинское ханство, а торговый и финансовый капитал — к расширению своего участия в формировании их внутреннего рынка и экономики в целом.

Во-вторых, для тесного сотрудничества с Россией, взаимодействия с ее интенсивно развивавшейся экономикой было открыто хозяйство и Хивинского ханства, которое, как известно, традиционно поддерживало многосторонние торгово-экономические связи с ней. Опираясь на российский опыт преобразования хозяйственной жизни, используя его с учетом конкретно-исторических условий ханства, хивинские правящие кланы могли добиться успешной реконструкции структуры национальной экономики, преодолеть затяжной застой в развитии производительных сил и производственных отношений, расширить на этой основе потенциальные возможности внутреннего рынка.

Вместе с тем вероятность эффективного взаимодействия в новых исторических условиях неуклонно восходящей экономики Российской

---

³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 603.

⁴ См.: Там же.

империи и стагнировавшего хозяйства Хивинского ханства было бы ошибочно рассматривать только как следствие потребностей, пусть даже вполне естественных и объективных, *промышленного* развития одной и *аграрного* характера производства — другой, хотя и это, заметим, немаловажно, ибо сырьевая база, как правило, представляет собой один из определяющих факторов становления индустриальной мощи любой страны, ее внутреннюю пружину, а рынок, особенно внешний, выступает одним из весьма существенных дополнительных источников ее финансирования. Необходимо также иметь в виду и российско-хивинскую *геоэкономическую* общность, действие законов международного *разделения* труда, которые носят всеобщий характер и функционируют независимо от воли и желания людей.

Однако наличие благоприятных условий не означало, что радикальные преобразования в Хивинском ханстве, как и в России, будут разворачиваться сами собой, без каких бы то ни было трудностей и противоречий. Вся суть движения по пути общественного прогресса как раз и заключается в том, что оно представляет собой столкновение противоположностей, в остром и непримиримом противоборстве которых рождается принципиально новое, осуществляется исторический скачок вперед или же, наоборот, движение вспять, откат к старому. Эта закономерность контрастно проявилась в неоднозначных социально-экономических и политических процессах, которые наблюдались в Хивинском ханстве в 60-х и начале 70-х гг. XIX в. и отличались невиданным динамизмом.

Содержание и темпы общего распада феодализма, освоения капиталистических отношений в России и Хивинском ханстве в первые пореформенные годы и значительно позднее не были инвариантными, что обуславливалось общей неравнозначностью *стартовых* уровней социально-политического и экономического развития двух государств. Возьмем, к примеру, хозяйственные структуры России и Хивы. Так, в предреформенные 50-е гг. XIX в. в Российской империи, как известно, доминирующими являлись следующие общественно-экономические уклады: а) *частнохозяйственный капитализм*; б) *мелкотоварное производство*; в) *преимущественно патриархальное, в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство*; г) *кооперативное (общинное) хозяйство* и т. п., наиболее характерные для этапа прогрессирующе разлагающихся феодальных и интенсивно формирующихся новых, прогрессивных буржуазных отношений. А в Хивинском ханстве в это же самое время еще сосуществовали свойственные главным образом стадии развивавшегося феодального строя общественные уклады и формы хозяйства, несущие на себе отпечаток отживающего прошлого: а) *феодальное хозяйство*; б) *мелкотоварное производство*; в) *натуральное (традиционное) дехканское хозяйство*; г) *полупатриархальное и патриархально-родовое хозяйство* и т. п.

Как видим, хозяйственные структуры обоих государств характеризовались **многоукладностью**, олицетворявшей глубокие диспропорции в экономике и уровень развития феодализма в целом. В общем-то на этом схожесть заканчивалась. Типологизация же укладов и форм хозяйства ясно указывает на довольно существенные различия в социально-экономическом положении России и Хивы, степени «*созревания*» в них объективных предпосылок перехода к капитализму: если в России «ростки» буржуазных отношений начали «пробиваться» уже на почве феодально-крепостного строя, то хивинской экономике, сохранявшей традиционные характеристики, еще предстояло «приспособиться» к тем новым реалиям, которые складывались в общественно-экономической жизни конгломерата.

Несомненно, несхожесть, так сказать, «стартовых» уровней, с которыми вступили в пореформенный период Россия и Хивинское ханство, вносила существенное своеобразие в формирование потенциальных возможностей экономического взаимодействия двух стран, определение его содержания и ключевых направлений, конкретных форм проявления. На них существенное влияние оказывала и специфичность социально-политической системы ханства. Все же главным было отнюдь не это, а необходимость выработки такой стратегии и тактики взаимодействия в общем *геоэкономическом* пространстве, которая отвечала бы как национальным интересам государств, так и новой социально-экономической и политической ситуации, складывавшейся в Евразийском конгломерате в процессе уже начавшегося распада отсталых феодальных отношений и проникновения отношений капиталистических.

Следует отметить, что сущность реформ в России, их цели были поняты в Хивинском ханстве не сразу. Отмена крепостного права, изменения в форме землевладения, социальном статусе крестьянства, другие нововведения царского правительства первоначально вызвали здесь явно негативную реакцию. Она была усилена тем, что в первые пореформенные годы торгово-экономические связи России с ханством оказались в состоянии стагнации. Если в 50-е гг. XIX в. ввоз в Хиву российских товаров в среднем за год достигал 38 тыс. руб., то в 1861 г. упал до 4 тыс. руб. Эта тенденция в последующем сохранялась. Так, несмотря на то что российский экспорт в 1862 г. несколько увеличился и превысил 12,5 тыс. руб., он составил лишь 33 % дореформенного уровня. В 1863 г. положение вновь ухудшилось: объем ввоза в Хиву российских товаров упал до самого низкого уровня — 2,8 тыс. руб.⁵, хотя политические отношения между двумя государствами оставались

---

⁵ Подсчитано нами по: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией... С. 61; Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией... С. 39.

стабильными и, казалось, причин для консервации взаимовыгодных связей не имелось.

В ханстве свертывание торговли России с Хивой восприняли как прямой результат реформ и вызванного ими экономического кризиса. А феодальная олигархия, кроме всего прочего, увидела в них также и угрозу традиционным порядкам. Поэтому в хивинских «верхах» предпочли занять выжидательную позицию. Это не замедлило сказаться на состоянии торговых связей. В 1861 г., по сравнению со среднегодовыми показателями 50-х гг., общий объем хивинского экспорта в Россию сократился на 13,8 %, или с 96,3 тыс. до 83 тыс. руб. А в 1862 г. спад составил уже 24,2 % и товарооборот не превысил 73 тыс. руб.⁶ Всего за два пореформенных года Хива потеряла более трети годового объема поступлений от внешнеторговых операций с Россией. Одновременно из-за сокращения хивинского экспорта, падения спроса на товары сырьевой группы сельскохозяйственного производства напряженность возникла и на внутреннем рынке.

В политических и деловых кругах Хивы продолжали внимательно следить за политической и экономической конъюнктурой в России. Для ее тщательного изучения потребовалось немногим более двух лет. Именно столько времени длилось «затишье» в хивинско-российских двусторонних торговых связях. Примечательно, что представители крупного торгово-ростовщического капитала, земельная аристократия, элита зажиточного дехканства и т. п., контролировавшие доминирующую часть производственного потенциала страны, непосредственно участвовавшие во внешнеэкономической деятельности и, что естественно, осведомленные о ходе реформ, уже в 1863 г., т. е. значительно раньше, чем российские правительственные круги, промышленный, финансовый и торговый капитал, осознали те очевидные выгоды, которые сулит для обоих государств тесное экономическое взаимодействие на этапе бурной капитализации России. Это и определило суть и смысл внутренней и внешней политики хивинских правящих и деловых кругов на ближайшие годы, стратегию торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Источники свидетельствуют, что в 1863—1864 гг., сразу после прихода к власти Сеида Мухаммеда Рахим-хана II, в Хивинском ханстве принимаются энергичные меры по реструктуризации экономики и расширению производства, коснувшиеся ведущих отраслей, прежде всего — сельского хозяйства. Анализ данных товарной структуры хивинского экспорта в Россию и другие сопредельные страны, отражающих состояние хивинской экономики в целом, позволяет сделать вывод о том, что именно в этот период в аграрном секторе получает

---

⁶ Подсчитано нами по: *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией... С. 61.

дальнейшее развитие *углубленная специализация производства*. Впервые хлопководство и шелководство выделяются в самостоятельные отрасли, ориентированные в основном на внешний рынок. На их базе формируется мощный экспортный сектор, способный стать главным источником инвалютных поступлений в страну, стимулировать ускорение распада традиционного хозяйства и развития товарно-денежных отношений, открыть путь для проникновения во все ключевые сферы общественного производства капиталистических отношений.

Расширение хлопковой специализации аграрного сектора в начале 60-х гг., а не раньше или позже, указывает на то, что в Хиве были прекрасно осведомлены о конъюнктуре не только российского, но и мирового рынка. Как известно, к 1860 г. в России насчитывалось 512 крупных мануфактур и фабрик по переработке хлопка-сырца, 128 — шелковых и парчовых. На текстильные предприятия страны приходилось до 40 % численности рабочих. Занятые на бумаготкацких фабриках составляли 77,8 тыс., на бумагопрядильных предприятиях — 41,3 тыс., на шелковых и парчовых — 12,5 тыс. человек⁷. При этом хлопчатник вовсе не культивировался, шелковичные коконы производились в крайне незначительных объемах. Сырье для текстильных и шелковых предприятий завозилось в основном из США, что обуславливало зависимость отрасли от его поставок извне. В 1860 г. по европейской границе в Россию было ввезено свыше 2,6 млн. пудов хлопка-сырца, в 1861 г. — около 2,5 млн., а из региона Центральной Азии за эти же годы, соответственно, — 174,0 и 119,9 тыс. пудов⁸. Как видим, центральноазиатский хлопковый рынок для российской промышленности в этот период имел вспомогательное, второстепенное значение.

«Хлопковый голод», спровоцированный гражданской войной 1861—1865 гг. в США, вызвал глубокий кризис мировой текстильной индустрии. В Россию по европейской границе в 1862 г. поступило всего 444,7 тыс. пудов хлопка-сырца, или в 5,9 раза меньше, чем в 1860 г. Численность рабочих, занятых на бумаготкацких предприятиях, сразу упала до 59,7 тыс., на бумагопрядильных — до 22,4 тыс. Спустя два года, в 1864 г., она сократилась еще больше — до 32,2 тыс. и 19,6 тыс., соответственно⁹. Отрасль оказалась на грани не просто стагнации, а экономического краха.

Хлопковый кризис ударил и по текстильной промышленности Англии. В октябре 1862 г. здесь бездействовали, по данным К. Маркса, 60,3 % веретен и 58 % ткацких станков¹⁰. Объявили себя банкро-

⁷ См.: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 9; *Нифонтов А. С.* Крупная промышленность России... С. 61.

⁸ См.: *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией... С. 61.

⁹ См.: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. С. 9.

¹⁰ См.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1967. С. 467.

тами и закрылись сотни предприятий. На улицы были выброшены десятки тысяч рабочих и специалистов. Цены на хлопок повсеместно подскочили в 5—6 раз, усугубив и без того критическое положение текстильной отрасли. Как в России, так и в самих США и Англии, во многих других странах последствия жесточайшего «хлопкового голода» удалось устранить не сразу.

Очевидно, в Хиве момент для осуществления в аграрном секторе преобразований был выбран весьма удачно и вполне своевременно. Это позволяет говорить о том, что о стихийности процесса не может быть и речи, чем в значительной степени и был предопределен успех начинаний. В результате принятых мер в Хиве расширяются посевные площади под хлопчатником, соответственно увеличиваются и валовые объемы заготовок хлопка-сырца, экспорта хлопкового волокна, а также продуктов его первичной переработки.

В пореформенные 60-е гг. среднегодовые сборы хлопка-сырца в ханстве впервые достигают 170—200 тыс. пудов¹¹, что позволяет полностью удовлетворить спрос на него внутреннего рынка и дает возможность расширить поставки хлопка в Россию, другие сопредельные государства, увеличить приток в страну капитала. Резкий скачок монокультуризации аграрного сектора произошел в 1863—1865 гг. По данным М. К. Рожковой, в этот период из ханства в Россию вывозится свыше 73 тыс. пудов хлопка-сырца — на 727,1 тыс. руб., 3106 пудов хлопчатобумажной пряжи — почти на 47,1 тыс. руб., а также других разнообразных изделий из хлопка — на 160 тыс. руб. В общем объеме хивинского экспорта, превысившего 1,4 млн. руб., товары хлопковой группы составили 934,2 тыс. руб., или 65,7%¹². Вместе с тем сведения, приведенные М. К. Рожковой, нельзя признать полными. В них учтен не весь ввоз товаров в Россию из Хивы. Так, А. С. Садыков, ссылаясь на ежегодники «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», указывает, что хивинские купцы продали в 1864 г. на Нижегородской ярмарке 80 тыс. пудов хлопка-сырца на сумму свыше 1,5 млн. руб.¹³ Вероятно, в первом случае речь идет о хивинском экспорте через Оренбургский таможенный участок, а во втором — морским путем через Красноводск, Мангышлак до Астрахани, далее — по Волге вглубь России. Таким образом хлопок из Хивы мог быть доставлен и на Нижегородскую ярмарку, где хивинские купцы уже имели свои лавки. Соединив обе цифры — 73 тыс. и 80 тыс., мы получим общую сумму экспорта за три года (1863—1865): 153 тыс. пудов хлопка, т. е. в среднем по 51 тыс. пудов за год. Цифра вполне допустимая, если учесть, что она не превышает даже 26—30% среднегодового объема заготовок хлопка-сырца в ханстве.

¹¹ Шулимов Н. В. Хлопководство в Хиве... С. 24.

¹² Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией... С. 65.

¹³ См.: Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией... С. 36.

Развитие хлопководства в Хиве отличалось стабильностью не только в первые пореформенные, но и в последующие годы. Благодаря этому обеспечивалось неуклонное наращивание потенциала весьма перспективного экспортного сектора, расширялось проникновение на российский рынок хивинского торгового капитала. Так, за 1860—1869 гг., по сравнению с предреформенным десятилетием, ввоз хлопчатобумажной пряжи — в 1,8 раза, приблизившись к 100 тыс. руб. В общем объеме хивинского экспорта, достигшего 3,37 млн. руб., товары сугубо хлопковой группы в целом составили свыше 70 %. Это говорит о том, что «хлопковая» монокультуризация аграрного производства в Хивинском ханстве приняла устойчивый характер и стала определять его социально-экономический облик.

В этой связи нельзя не отметить тот факт, что в большинстве исследований как советского, так и постсоветского периодов, посвященных истории Хивинского ханства и российско-хивинских отношений, образование в структуре национальной экономики экспортного сектора, специализировавшегося на производстве и поставках на внешние рынки хлопчатобумажной пряжи и продуктов его переработки, как правило, трактуется исключительно как прямое следствие колонизаторской политики царизма, активно проводившейся, в частности, после русско-хивинской войны 1873 г. Об этом же пишут многие западные авторы, в частности Х. Сетон-Уотсон, Р. С. Клем, С. Беккер¹⁴ и другие, ссылаясь, как правило, на расширение посевных площадей под хлопчатником и рост объемов заготовок хлопчатобумажной пряжи в конце XIX—начале XX в. не только в Хивинском ханстве, но и в Бухаре и Туркестанском генерал-губернаторстве.

Между тем источники убедительно свидетельствуют, что узкая хлопковая специализация сельскохозяйственного производства в Хиве наметилась еще в середине XIX в. Причем толчком к ней послужили причины прежде всего экономического, а отнюдь не политического порядка. Но в последующем, несомненно, именно сочетание этих двух факторов, проецируемое «сверху» преимущественно на вывоз из Хивы сырья и полуфабрикатов, поддержанное «снизу» местной земельной аристократией и феодально-абсолютистским правительством, достигшими консенсуса с российской региональной администрацией в Туркестанском генерал-губернаторстве, торговым, промышленным и финансовым капиталом, привело к деформации развития хивинской экономики, усилению ее монокультуризации и превращению ее в аграрно-сырьевой придаток. Эту тенденцию, наметившуюся в 50—60-е гг.

¹⁴ *Seton-Watson H.* The Russian empire, 1801—1917. Oxford University Press, 1988. P. 304; *Clem R. S.* The Frontier and Colonialism in Russian and Soviet Central Asia. P. 31; *Becker S.* Russia's protectorates in Central Asia... 2004. P. 183.

XIX в. и охватившую не только хлопководство, но также некоторые другие отрасли аграрного производства, можно четко проследить на примере товарной структуры хивинского экспорта в Россию (см. табл. 2).

Таблица 2

Экспорт товаров сырьевой группы и полуфабрикатов в Россию *

Наименование товаров	1850—1859 гг. (в руб.)	1860—1869 гг. (в руб.)
Хлопок-сырец	931 238	2 043 857
Шелк-сырец	4 600	110 385
Кожа	60 385	109 159
Хлопчатобумажная пряжа	53 744	97 496
Прочие товары	105 974	1 012 037
Всего:	1 155 941	3 372 934

* Подсчитано и составлено по: Государственная внешняя торговля в разных ее видах. СПб. Ежегодники за 1850—1869 гг.; *Садыхов А. С.* Экономические связи Хивы с Россией... С. 36—37.

В Хивинском ханстве в начале 60-х гг. XIX в. наряду с хлопководством расширяется производство продукции и в таких традиционных отраслях, как шелководство, скотоводство, бахчеводство и садоводство, которые в той или иной степени участвовали в формировании внутреннего рынка, экспортного потенциала страны. К сожалению, данные, объективно и исчерпывающе отражающие их состояние в пореформенные годы, не сохранились. Нет полных сведений о поголовье скота и птицы по ханству, о валовых сборах бахчевых культур, фруктов и овощей. Однако некоторое общее представление о них могут дать материалы, почерпнутые из товарной структуры внешней торговли.

Особенно резко в пореформенные годы возросли поставки мягкой рухляди (овчина, меха и т. п.). В стоимостном выражении в структуре экспорта она занимала после хлопка-сырца второе место, опережая хлопчатобумажные товары. К примеру, за 1863—1865 гг. ее было экспортировано на 388,5 тыс. руб., что составило 27,3 % общего объема экспорта. Следом шли шелк-сырец и изделия из него. Производству шелковичных коконов в Хиве, как известно, большое значение не придавалось, традиционным поставщиком шелка-сырца и шелковых тканей являлась Бухара, где отрасль получила значительное развитие. Поэтому в хивинском экспорте их удельный вес был не столь заметным: за отмеченное трехлетие он едва достигал 76,8 тыс. руб., что составило лишь 5,4 % объема товарооборота. Однако во второй половине 60-х гг. положение начало существенно меняться. В связи с воз-

росшим спросом на шелк-сырец, обострением конкурентной борьбы с Бухарским эмиратом на российском товарном рынке в Хиве отношение к производству шелковичных коконов и продуктов их переработки заметно переменилось. Достаточно сказать, что, к примеру, если в предреформенные 50-е гг. из ханства в Россию было ввезено шелка-сырца на 4,6 тыс. руб., то в 60-е гг. — на 110,4 тыс. руб., то есть его поставки увеличились за десятилетие почти в 24 раза. Одновременно с укреплением сырьевой и материальной базы шелководства пропорционально повышались производство и экспорт шелковых тканей, халатов, других изделий из шелка.

Говоря о производстве товаров сырьевой группы, нужно отметить заготовку и натуральной кожи. Общеизвестно, что скотоводство в Хиве всегда было одной из ведущих отраслей национальной экономики. В нем формировалась значительная часть валового внутреннего продукта, оно давало немалую долю экспортной выручки. Кожи (обработанные и сырые), а также изделия из кожи, поставляемые Хивой на внешние рынки, не уступали по качеству зарубежным аналогам. Вместе с тем огромный потенциал отрасли в первые пореформенные годы из-за жесткой конкуренции с бухарскими и казахскими производителями, контролировавшими российский кожный рынок, использовался недостаточно. Как и в 50-е гг., в начале 60-х среднегодовые объемы экспорта кожи оставались в пределах 5—6 тыс. руб., что не соответствовало реальным возможностям отрасли. Переломить ситуацию удалось во второй половине 60-х гг., когда торговые и экономические связи России с Бухарой и Кокандом оказались серьезно дестабилизированы в результате вооруженной конфронтации. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Хива резко увеличила поставки кожи на российский рынок. За десятилетие их объем достиг 110 тыс. руб. против 60,4 тыс. руб. в предреформенные 50-е гг., то есть увеличился на 44,7 %.

В хивинском экспорте в пореформенные годы увеличилась доля и другой продукции, в частности, рыбы соленой и сушеной, фруктов, овощей и бахчевых. Эти отрасли, игравшие в экономической жизни лишь второстепенную роль, ориентированные на удовлетворение внутренних потребностей, превратились в самостоятельные, способные обеспечить страну немалыми инвалютными ресурсами. Достаточно сказать, что, к примеру, фруктов и овощей Хива экспортировала за год в 1,6 раза больше, чем шерстяных изделий, в 1,4 раза больше, чем натуральных красителей, и всего в 4 раза меньше, чем шелковых изделий. Если в 50-е гг. в структуре хивинского экспорта в Россию товары вне хлопковой и шелковой групп составляли 166,4 тыс. руб., или 14,4 %, то в 60-е гг. — уже свыше 1,1 млн. руб., или 33,2 %, что свидетельствует об абсолютном росте объема их валового производства прежде всего в самом ханстве.

Опираясь на интенсивно растущий экспортный потенциал аграрного сектора, эволюционировавший хивинский торговый капитал постепенно укреплял позиции на российском внутреннем рынке. Многие хивинские купцы обзавелись собственными постоянными лавками на Нижегородской ярмарке, в Москве, Петербурге, Казани, Астрахани, Оренбурге, некоторых других городах России, где круглый год шла бойкая торговля товарами самого широкого назначения, хлопчатобумажными, шелковыми тканями, шерстяными изделиями, коврами, ювелирными украшениями, изделиями народных мастеров, каракулем, заключались крупные договоры на поставку хлопка-сырца и волокна, шерсти, кожи, шелка, овощей, фруктов и т. д. Нередко в ряде регионов они становились монопольными поставщиками тех или иных товаров сырьевой группы, продовольствия и полуфабрикатов.

Несомненно, резкий подъем внешнеторговой активности Хивинского ханства в пореформенные 60-е гг. XIX в. был бы невозможен без преобразований в структуре национального производства, углубления специализации в ведущих отраслях экономики, прежде всего в сельском хозяйстве, без образования крупного экспортного сектора, ставшего главным и в общем-то единственным источником инвалютных поступлений. Не менее важно и другое: активизация национального предпринимательского капитала, наращивание и обогащение связей с внешним рынком способствовали постепенной, хотя и медленной, ломке устоявшихся стереотипов традиционного примитивного хозяйства, распространению товарно-денежных отношений, экономическому оживлению крупного и среднего капитала. Последнее, безусловно, имело огромное значение для ускорения разложения дофеодальных и феодальных способов производства, интенсификации процесса вхождения в систему мирохозяйственных связей и отношений, создания предпосылок для перехода к последовательной реконструкции экономического базиса хивинского общества и обеспечению благоприятных условий для радикального преобразования социально-политической структуры.

Словом, образование в период 50—60-х гг. XIX в. дееспособного экспортного сектора экономики Хивинского ханства, с одной стороны, отражало позитивные перемены как в структуре, так и в специализации внутреннего производства, производительных силах, а с другой — оказывало определенное воздействие на формирование в традиционном аграрном секторе классов буржуазного общества. Отрицать это было бы неверно. Вместе с тем ошибочно и необоснованное преувеличение социального и экономического значения деятельности экспортного сектора.

Во-первых, экспортный сектор хивинской экономики возник и развивался на базе не крупного товарного производства, а традиционного натурального хозяйства, ориентированного на удовлетворение

личных потребностей самого производителя и внутреннего спроса. Это означает, что рост объемов сырьевых товаров, поставляемых на внешний рынок, достигался не путем задействования эффективных механизмов интенсификации национального производства, таких, например, как углубление общественного разделения труда, повышение производительности, обновление материально-технической базы производства, совершенствование плодородия почв, улучшение культуры земледелия и т. д., а за счет экстенсивных факторов — расширения посевных площадей, вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых, нередко малопродуктивных, земель, вытеснения на неудобья продовольственных и кормовых культур, сокращения площадей их посевов, приложения большего количества ручного труда и т. п., что вело к консервации архаичных форм организации производства, постепенному истощению плодородия почвы, усилению некомпенсируемой эксплуатации наемного труда. Положение усугублялось тем, что доходы от экспорта не поступали к непосредственным производителям продукции, а оседали преимущественно у монополизировавшей внешнеторговые операции торговой и ростовщической буржуазии, которая, не будучи связана с производством непосредственно, не проявляла заинтересованности в инвестировании в его развитие или же расширении восстановительных работ в сельском хозяйстве, реализации на этой основе неотложных социальных задач.

Во-вторых, экспортный сектор находился в более тесных связях с российской экономикой, чем с хивинским хозяйством, ибо всецело проецировался на удовлетворение прежде всего *внешнего* спроса. В этой связи важно обратить внимание на две его весьма существенные особенности: 1) обеспечивая во всевозрастающих объемах российскую индустрию, в частности текстильную и даже пищевую, сырьем и полуфабрикатами, приспособлявая производственно-коммерческую деятельность к их нуждам, экспортный сектор тем самым превращался как бы в неотъемлемую составную часть российской экономики и становился всецело от нее зависим, оставаясь в то же время в структуре хивинского хозяйства на некотором «автономном» положении. Это придавало ему функции экономического маятника, постоянно вибрирующего между наднациональными и национальными интересами; 2) осуществляя коммерческие операции на российском рынке как субъект товарно-денежных отношений, экспортный сектор в условиях полного отсутствия российских инвестиций в хивинскую экономику, значительной распространенности обычного товарообмена между двумя государствами формировал объем и структуру импорта — того внешнего инвестиционного капитала, который направлялся на стимулирование экономического развития Хивинского ханства. Он таким образом становился единственным *внешним источником* финансирования проектов *внутренней* эволюции страны, усиливая зависимость

хивинского хозяйства опять-таки от внешних условий, побуждая к постоянному взаимодействию с российским рынком. Следовательно, экспортный сектор был тем важным, ключевым звеном, которое тесно связывало экономику России и Хивы.

При всех вполне очевидных негативных моментах, экспорт сырья и полуфабрикатов через отлаженную систему внешней торговли обеспечивал Хивинское ханство значительными материальными и финансовыми ресурсами. Правда, их объем и структура далеко не всегда соответствовали потребностям общественного воспроизводства и величине вывезенного капитала. Фактические данные (см. табл. 3) свидетельствуют о том, что в пореформенные годы произошел заметный абсолютный рост стоимостных показателей объема импорта из России. Если в 1850-е гг. он составлял немногим более 455,8 тыс. руб., то в 1860-е — около 2,4 млн., увеличившись за десятилетие в 5,2 раза.

Таблица 3

Товарная структура импорта из России *

Наименование товаров	1850—1859 гг. (в руб.)	1860—1869 гг. (в руб.)
Хлопчатобумажные изделия	191 073	1 624 634
Юфть	81 961	161 859
Сахар и кондитерские изделия	38 085	131 591
Краски	76 116	125 855
Металлы	—	104 132
Сукно	28 267	93 621
Металлические изделия	—	66 111
Москательные товары	11 412	24 368
Шерстяные товары	4 554	18 193
Шелковые товары	11 512	18 945
Кожы выделанные	1 167	17 279
Прочие товары	11 673	7 356
Всего:	455 820	2 393 944

* Составлено и подсчитано по: *Садыков А. С.* Экономические связи Хивы с Россией... С. 36—39; *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией... С. 65—67.

Однако, как и прежде, объем импорта не соответствовал величине экспортной выручки. Так, если в 1850-е гг. из Хивы в Россию было ввезено товаров на сумму более 1,15 млн. руб., то вывезено за аналогичный период — на сумму 455,8 тыс., или 39,4 % от экспортной выручки. Эта тенденция сохранялась и в 1860-е гг.: ввоз в Россию товаров из Хивы составил до 3,4 млн. руб., вывоз — менее 2,4 млн., или

71% общей суммы реализации. В итоге значительная часть производимого в экспортном секторе дохода систематически оседала за пределами Хивы и не возвращалась ни в какой форме. На этот счет точные данные отсутствуют. Можно только предположить, что она вовсе не исчезала бесследно, а вкладывалась хивинскими купцами в разного рода недвижимость, ценные бумаги, расходовалась на приобретение золота и серебра, ювелирных украшений. Иными словами, *инвестировалась* в российскую экономику. Систематическая и ощутимая утечка прибавочного продукта истощала хивинскую экономику, сужала возможности ее реформирования, обрекая ее на простое воспроизводство. Хивинское правительство не контролировало ситуацию. Оно не анализировало состояние внешней торговли и мирилось с утечкой капиталов из страны.

На общем развитии хивинского хозяйства отрицательно сказывалась и товарная структура импорта. Данные таблицы показывают, что в пореформенные годы увеличился ввоз в Хиву основных видов продукции российской промышленности. В то же время удельный вес товаров производственного назначения по-прежнему оставался относительно незначительным. Так, несмотря на кризисное состояние текстильной отрасли, ввоз из России хлопчатобумажных изделий увеличился с приблизительно 191,1 тыс. руб. в 50-е гг. до более чем 1,6 млн. в 60-е, или в 8,5 раза шерстяных товаров, соответственно, с 4,5 до 18,2 тыс. руб., или в 4 раза, шелковых — с 11,5 до 19 тыс. руб., или в 1,6 раза, сукна — с 28,3 до 93,6 тыс. руб., или в 3,3 раза.

В значительно большем, чем прежде, объеме стали поставляться в Хиву юфть и кожа, а также разнообразные кожаные изделия. Ввоз юфти, которая использовалась в основном для изготовления мягкой и дорогостоящей обуви, в 60-е гг., по сравнению с 50-ми гг., возрос с приблизительно 82 тыс. до 161,9 тыс. руб., или примерно в 2 раза, а выделанных кож, соответственно, — с 1167 руб. до почти 17,3 тыс. руб., или в 14,8 раза.

Импорт натуральных и синтетических красок в 60-е гг. увеличился в 1,6 раза и превысил 125,8 тыс. руб. Причем львиная доля ввоза — свыше 92,7 тыс. руб., или 73,7 % от общего объема, — пришлась на 1865—1866 гг. На эти же годы падает и резкий скачок ввоза сахара, а также изделий из него: если в целом за десятилетие он повысился в 3,4 раза и достиг 131,6 тыс. руб., то за два отмеченных года в Хиву было поставлено сахарной продукции почти на 123 тыс. руб., или 93,5 % от объема их ввоза за 1860-е гг.

Поставки из России в Хивинское ханство товаров производственного назначения, таких как металл, металлические изделия, машины и оборудование, в которых страна остро нуждалась, существенно уступали поставкам потребительских товаров как по объему ввоза, так и по удельному весу в общей массе импорта. За 1860-е гг. было ввезено

металла (железо, медь и т. п.) немногим более чем на 104,1 тыс. руб., что составило лишь 4,3 % от общей стоимости импорта. При этом поставки отличались крайней нестабильностью, в отдельные годы не превышали 140—230 пудов, чего было недостаточно даже для нужд ремесленно-кустарного производства. Более того, основную массу всего импортируемого металла (до 65 %) составляла медь, которая использовалась при отливке золотых монет, изготовлении кумганов и чашек, другой разнообразной посуды, украшенной тонкой резьбой. Удельный вес железа и разного лома, служивших важнейшим сырьем для кузнечных мастерских и цехов при изготовлении простейших орудий труда (лопаты, кетмени, плуги, топоры, серпы, ножи и т. п.), а также замков и петель для ворот, ободков для колес и других предметов хозяйственно-бытового назначения, едва достигал 30—35 % объема импорта.

Несколько лучше было положение с ввозом готовых металлических изделий. Их в 60-е гг. было импортировано на 66,1 тыс. руб. Однако и они входили скорее в группу товаров хозяйственно-бытового, а не производственного назначения, ибо среди них были в значительных объемах гвозди, замки и петли для окон и дверей, чугунные котлы и чайники, ножницы, подносы и т. п., но отсутствовали машины и механизмы, технологическое оборудование, способные в корне изменить организацию и технический уровень производства, характер и эффективность труда.

Нетрудно заметить, что товарная структура импорта формировалась стихийно и не учитывала реальных потребностей хозяйственного развития Хивы, поэтому его социально-экономический эффект оказался ограниченным. Перенасыщенность импорта хлопчатобумажными изделиями и другими потребительскими товарами, производство которых, учитывая наличие достаточной сырьевой базы, могло быть налажено в самом ханстве, причем без серьезных капитальных затрат, представляло, по сути, альтернативу развитию местной перерабатывающей промышленности. Этот фактор крупным российским и хивинским торговым капиталом, который контролировал все основные экспортно-импортные операции между Россией и Хивинским ханством, извлекая из них огромные прибыли, в расчет не принимался. И не случайно. Ввоз хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных изделий, как и других потребительских товаров, представлялся более выгодным предприятием, чем организация их производства внутри страны, то есть в самом ханстве, ибо из-за сложностей, связанных с дальностью доставки, разрыв в оптовых и розничных ценах одних и тех же товаров и изделий на российском и хивинском рынках достигал 2,5—6,0 раз, что вполне окупало затраты на их транспортировку. Доходы от реализации импорта не вкладывались в создание новых производственных мощностей, а вновь направлялись на закупку на внешних рын-

как преимущественно потребительских товаров, что затрудняло усиление внутренних стимулов и предпосылок ускорения развития хивинской индустрии — перерабатывающей промышленности.

На динамику формирования общественных потребностей, совершенствование структуры национального производства негативно воздействовало наличие в объеме импорта большого количества вторичного сырья и полуфабрикатов, являющихся исходным материалом для изготовления товаров широкого спроса, не требовавших каких-то особых вложений средств и труда для доведения их до потребительских кондиций и потому доступных для производителей. Более или менее крупные ремесленно-кустарные предприятия отдавали предпочтение использованию главным образом российского сырья. Так, по сведениям из «архива хивинских ханов», в 60-е гг. XIX в. в одной только Хиве насчитывалось свыше 700 различных ремесленно-кустарных мастерских, среди них красильных — 54, сапожных — 37, кожевенных — 16, по пошиву цветных кожаных галош — 33, изготовлению сбруй — 4 и т. д.¹⁵ Как показывает специализация предприятий, они были «привязаны» к российскому сырью, находились в зависимости от его поставок, что мешало укреплению и стабилизации мелкого производства, накоплению капитала.

У нерегулируемого импорта имелся еще один негативный аспект: он серьезно дестабилизировал внутренний рынок. Наплыв большого количества потребительских товаров, превышавших его емкость, обуславливал необходимость быстрого развития сферы торговли и услуг, через которую они могли быть реализованы. В результате отрасль в Хивинском ханстве расширялась куда интенсивнее, чем реальный спрос и материальная база внутреннего производства, в нее вовлекалась немалая часть экономически активного населения. Предприятия торговли и сферы услуг возникали всюду. Только в крупных городах их было свыше 2,5 тыс., в том числе в Хиве — 450, Хазараспе — 400, Гурлене — 370, Новом Ургенче, Ташаузе и Ходжейли — по 300, Кунграде и Чимбае — около 300, Куня-Ургенче — 100 и т. д.¹⁶ Большинство предприятий, находившихся в собственности хивинского национального торгово-ростовщического капитала и зарубежных товаропроизводителей, реализовывали в основном товары российского производства. Охватывая практически все населенные пункты, применяя спекулятивно завышенные цены, они «изымали» у населения их скудные денежные накопления или обменивали товары на сырьевые материалы, изделия ремесленно-кустарного производства (ювелирные

¹⁵ См.: *Иванов П. П.* Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 138—140.

¹⁶ *Кун А. Л.* От Хивы до Газавата: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876. С. 208; *Гулямов Я. Г.* Памятники города Хивы. Ташкент, 1941. С. 32.

украшения, ковры ручной работы и т. п.), пользующиеся неизменным спросом на внешних рынках. Из-за низкой покупательной способности основной массы населения большая часть импорта оседала у состоятельных слоев города и кишлака, углубляя имущественное неравенство в обществе. Товары местного производства не выдерживали конкуренции с качественными российскими изделиями. В результате спрос на них падал, они вытеснялись из рынка. Что касается вовлечения в сферу торговли и услуг экономически активного населения, то общая «привязанность» предприятий к реализации импорта, поступления которого отличались крайней нестабильностью, не улучшала занятость. Она лишь создавала у части населения иллюзию обеспеченности работой и наличия источника постоянного дохода, освобождая государство и частный капитал от обязанностей по расширению рынка новых рабочих мест. Цикличность импорта товаров способствовала тому, что период занятости экономически активного населения в сфере торговли был пропорционален продолжительности срока его реализации. Затем оно вновь вливалось в армию «лишних людей».

В исследуемый период Хивинское ханство наращивало торгово-экономические связи не только с Россией, но и с другими государствами — Афганистаном, Азербайджаном, Бухарой, Персией и Индией, вело транзитную торговлю с некоторыми европейскими странами. Из Бухары в ханство поступали шелк-сырец и шелковые ткани, индийский чай и сахар, из Азербайджана — нефтепродукты, из Афганистана и Персии — ковры и ковровые изделия, английский ситец, краски, хрусталь, кисея, другие товары. Хива, в свою очередь, поставляла хлопок, шелк, семена люцерны, ковровые и ювелирные изделия и т. д. Однако в общем внешнеторговом обороте ханства роль экспортно-импортных операций со странами, не входящими в Евразийский конгломерат, была не столь существенна¹⁷. К тому же эти операции носили скачкообразный, эпизодический характер. Они напоминали транзитную торговлю, ибо часть поступающих в Хиву товаров, за исключением относящихся к продовольственной группе (без чая) и нефтепродуктов, не шли на внутреннее потребление, а вывозились хивинскими купцами в Россию, другие регионы.

Таким образом, в период глубоких реформ 60-х гг. XIX в. в России внешнеэкономическая деятельность Хивинского ханства активизировалась. Этому способствовали не только возросшие запросы развивавшейся промышленности России на хлопковое сырье и полуфабрикаты, благоприятно складывавшаяся в Евразийском конгломерате и за его пределами конъюнктура, но и те перемены, которые наметились в исследуемый период в интенсификации экономической эволюции Хи-

---

¹⁷ Свентицкий А. РСФСР и Хорезм (Хива) // Внешняя торговля. 1923. № 40—41 (70—71). С. 16.

винского ханства. Хивинскому торговому капиталу удалось выстоять в острой конкурентной борьбе, упрочить свои позиции как на внутреннем, хивинском, так и на внешнем, российском, рынках. Усилилась его роль и в политической жизни ханства.

Укрепление внешнеэкономических связей и расширение внутреннего рынка, активизация товарно-денежных отношений — эти и многие другие факторы сами по себе могли стать лишь *исходной* базой для преобразования отсталой хозяйственной структуры ханства в будущем. Перемещение же внимания на ускоренное освоение преимущественно экспортных видов производства без радикального переустройства традиционных малопродуктивных укладов, в целом стихийный и лишенный государственного регулирования импорт товаров, негативно воздействовавший на формирование внутренних накоплений, спроса и потребностей, систематический безвозвратный отток прибавочного продукта, образуемого в экспортных отраслях экономики, не содействовали устранению диспропорций в хозяйственных структурах, совершенствованию материальных и социальных условий общественно-го производства. Они не могли дать позитивный импульс обновлению и существенному укреплению материально-технической базы производства и национальной экономики в целом.

Тем не менее очевидно и то, что хивинский торговый капитал, сфокусировавший политико-экономические интересы пока еще нарождающейся национальной буржуазии, благодаря непосредственному и широкому проникновению на российский рынок становился не просто очевидцем, а в какой-то степени даже участником тех серьезных перемен, которые происходили в пореформенные годы в экономическом базисе и политической надстройке российского общества. В результате он объективно превращался и в носителя богатейшего *социального опыта* переустройства общественно-политической жизни. Этот опыт пробуждал в патриотически настроенных слоях хивинской национальной буржуазии *осознанную* заинтересованность в реформировании хивинской экономики, решимость устранить те препятствия, которые тормозили обновление общественного производства. Позднее он стал одним из мощных катализаторов пробуждения и общественной мысли, консолидации радикально настроенных политических сил.

При всех противоречивых тенденциях, наблюдавшихся в первые пореформенные годы в экономических отношениях между Хивинским ханством и Россией, есть все основания утверждать, что в, по сути, неоднозначный и сложный, переломный период в геэкономическом пространстве Евразийского конгломерата начал складываться принципиально новый тип *экономического взаимодействия государств с разнополярным общественным строем, разным уровнем политического и социально-экономического развития*. В российских правящих и близких к ним военно-политических кругах недооценивали возмож-

ности мирного состязания двух союзных стран на экономическом поприще. В «верхах» Петербурга и Москвы в середине XIX в. возобладали аннексионистские устремления, которые никак не отвечали ни экономическим, ни политическим интересам как самой России, так и соседних государств Центральной Азии.

Осложнение российско-хивинских отношений. План Кауфмана и кризис 1873 г.

Первые признаки надвигающегося кризиса в отношениях России с Хивинским ханством обнаружили еще в конце предреформенных 50-х гг. XIX в., когда российская регулярная армия выдвинулась на правобережье Сырдарьи, на которое претендовали хивинские власти, и вопрос о разделе «сфер влияния» из области переговорного процесса между двумя государствами перешел в плоскость демонстрации силы. После падения в 1853 г. кокандской крепости Ак-мечеть Россия и Хива почти десять лет находились в состоянии, так сказать, «ни мира, ни войны». Правда, российские власти официально заверяли ее, что «наказание кокандцев (обвиняемых в грабительских набегах на российскую территорию. — М. Н.) не имеет ничего общего с отношениями нашими к Хиве, почему хивинцы могут и должны оставаться в стороне», а вмешательство «в чуждую им распрю... будет принято за нарушение мирных с Хивой отношений». Поэтому правители ханства в российско-кокандском конфликте предпочли занять нейтральную позицию. На настойчивые обращения кокандского правителя Худаярхана об оказании помощи в отражении агрессии они отвечали уклончиво, ограничились посылкой на 9 верблюдах свинца и пороха¹⁸. Столкновения двух государств тогда удалось избежать. Но вместе с тем и Россия и Хива отказывались признавать Сырдарью разграничительной линией де-юре, хотя все же де-факто оба демонстрировали приверженность к сохранению традиционных отношений.

Реформы, начатые в России в 1861 г., либерализация и оживление торговых отношений с государствами Центральной Азии, позволявшие придать экономическим связям более предсказуемый характер и сулившие определенные выгоды практически для всех стран региона, создавали благоприятные условия для разрешения и политических проблем. Однако вскоре хрупкое военно-политическое равновесие в Каспийско-Приаральском регионе было внезапно нарушено. В 1862 г. без объявления войны российские регулярные части, дислоцировавшиеся в форте Перовском, развернули наступательные операции вдоль

---

¹⁸ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы... С. 162—163.

Сырдарьи с северо-запада в направлении Коканда. Время для вторжения было выбрано не случайно: ханство раздирали внутренние междоусобицы; в начале 1862 г. кокандский хан Маллахан был свергнут с трона Шамурад-ханом, который продержался у власти считанные месяцы и уступил трон Худаяр-хану. В 1863 г. его сменил Султан Саидхан, правивший менее двух лет. Нестабильность политической обстановки способствовала быстрому продвижению российских войск. Словив слабое сопротивление кокандской армии, им удалось захватить крепости Токмак и Пишпек.

В 1864 г. войска генерала Веревкина, двигавшиеся с юго-востока в западном направлении, заняли Сузак, Чолак-курган и Туркестан, а войска полковника Черняева, вышедшие из укрепления Верный, Аулие-Ату и Чимкент, установили полный контроль над жизненно важными районами Кокандского ханства. Историк М. А. Терентьев, как бы высмеивая «выдающиеся победы» генералов и иронизируя над их политической близорукостью, позднее отмечал, что в ходе наступления «сверх программы первый взял... город Туркестан, а второй — Чимкент»¹⁹. В результате царская армия вплотную подошла к границам Бухарского эмирата и Россия могла оказаться втянутой в затяжную войну в Центральной Азии в случае заключения тройственного союза между Кокандом, Бухарой и Хивой под эгидой Англии.

Министерство иностранных дел, предвидя возможную реакцию европейских стран, в частности Англии, имевшей в регионе собственные геополитические интересы (например Афганистан и Индия) и поэтому выступавшей против усиления в любой форме «русского влияния» в Центральной Азии, а также в соседних Персии и Турции, поспешило оправдать военную активность России интересами «проведения в жизнь цивилизаторской миссии». 26 июня 1864 г. А. М. Горчаков направил российским дипломатам программный циркуляр «Современная политика», больше известный как «Тайный русский меморандум 1864», в котором прямо указывалось: «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, без твердой общественной организации. В подобных случаях интересы безопасности граждан и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованные государства имели известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными»²⁰. Содержание циркуляра ясно показывает, что при Александре II руководство российского внешнеполитического ведомства не только закрыва-

¹⁹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 3.

²⁰ Мартенс Ф. Россия и Англия в Средней Азии. С. 22; Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911. С. 107—108.

ло глаза на опыт многовековых традиционных дипломатических и торгово-экономических отношений между Россией и государствами Центральной Азии, в том числе и с Хивинским ханством, но, явно игнорируя их суверенитет и независимость, в одностороннем порядке денонсировало все ранее заключенные с ними договора и соглашения, благодаря которым эти отношения, несмотря на возникновение череды конфликтных ситуаций, порой весьма острейших, в общем-то не выходили за рамки общепризнанных норм международного права, позволяли избегать вооруженной конфронтации.

Попытки Министерства иностранных дел России придать наступательным операциям российских войск на территории суверенного государства «цивилизаторский» характер не удались. Первой вооруженное вторжение России в Кокандское ханство осудила Англия. Близкие к правительственным кругам издания вновь заговорили о «русской угрозе» британским интересам на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии. Газетные полосы пестрели призывами типа «Мы должны остановить Россию, должны указать ей место» или же — «Азия должна принадлежать одной Англии как представительнице права, цивилизации, торговли в мире»²¹ и т. п. Делая акцент на Азии, английские официальные лица подразумевали прежде всего Индию, Турцию, Афганистан и Персию, объявленные зоной британских «жизненных интересов». Но они были не прочь включить в нее также и Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, с правителями которых уже велись конфиденциальные переговоры. Однако Англия, как и обычно, не пошла дальше демагогических заявлений и раздувания пропагандистской шумихи, не стала требовать немедленного прекращения военных действий, вывода российских войск из Кокандского ханства, безоговорочно признав его суверенитет и территориальную целостность. Не входило в ее планы и оказание Коканду какой-либо военной помощи для отражения агрессии, ибо она боялась и избегала открытой конфронтации с Россией. Тем более что, придирчиво изучая конфиденциальный циркуляр Горчакова, в Лондоне никак не могли точно определить суть дальнейших действий России и общие направления движения ее вооруженных сил²². Предполагалось, что проникновение в регион произойдет в «следующем десятилетии»²³. Время показало ошибочность предположения.

В стороне от российско-кокандского конфликта находились, как и прежде, Бухарский эмират и Хивинское ханство. Они были способны

---

²¹ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 110.

²² См.: *Turko-Persia in Historical Perspective...* P. 197.

²³ См.: *Wortman R.* Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Volume Two. Princeton, 2006. P. 204.

серьезно повлиять на его исход: оба располагали хотя и плохо вооруженной, но многочисленной армией, имевшей боевой опыт. Однако правители, традиционно враждовавшие друг с другом, отказывались от заключения хотя бы временного перемирия. Более того, по мере расширения театра военных действий их противостояние не слабело, а, напротив, усиливалось. «Они не скрывают уже ненависти друг к другу, — констатировал в 1866 г. сменивший Черняева генерал Романовский, — все бухарские и кокандские посланцы, бывшие у меня в последнее время, не раз выражали мне готовность помогать нам в случае нашего наступления: кокандцы — при наступлении на Бухару, а бухарцы — при наступлении на Коканд»²⁴²⁴. Таким образом, каждый стремился добиться односторонних преимуществ, извлечь для себя капитал от поражения (военного, политического и экономического) другой соперничающей стороны.

Российские военно-политические круги, воспользовавшись благоприятной ситуацией в Центральной Азии, бездействием Англии и других европейских стран, продолжили реализацию стратегических планов. В начале 1865 г. военные действия на кокандско-бухарском направлении возобновились с большей силой, при участии значительного по тем временам количества войск с обеих сторон. К середине мая после ожесточенных боев пал один из главных городов Кокандского ханства — Ташкент, на оборону которого были брошены все основные силы кокандской армии. С взятием Ташкента судьба Кокандского ханства практически была решена. Хотя трон за Худаяр-ханом пока сохранялся, под его правлением оставалась лишь некоторая часть территории страны.

В 1866 г. российские войска под командованием генерала Романовского вторглись в пределы Бухарского эмирата. 8 мая под Ирджаром они нанесли поражение бухарской армии, которая превосходила вооруженные силы других государств региона и по численности, и по боеспособности. Несмотря на ощутимые потери, эмиру Музаффару удалось вывести из-под удара основную часть своего войска и, доукомплектовав его, разместить на стратегически важных направлениях. Поэтому бои за Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак и Янгикурган, другие города и кишлаки приняли более затяжной характер и российские части взяли их лишь к ноябрю 1866 г. ценой больших людских потерь, после неоднократного штурма и только благодаря лучшей боевой подготовке и технической оснащенности.

В июле 1867 г. на землях, аннексированных у Кокандского ханства и Бухарского эмирата, было образовано Туркестанское генерал-губер-

---

²⁴ Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А. Г. Серебренников. Т. 22. Ташкент, 1916. С. 18—19; *Каспийская З. Д.* Из истории Туркестанского края... С. 16.

наторство в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей с административным центром в городе Ташкенте. Генерал-губернатором края был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман, которого Александр II специальным указом от 17 июля 1867 г. наделил полномочиями чрезвычайного характера, в частности, правом решения «всяких политических, пограничных и торговых дел», включая направление в соседние государства дипломатических представителей для ведения переговоров, заключения международных договоров и соглашений²⁵. В то же время он являлся командующим войсками края. По широте прав и полномочий генерал-губернатор Туркестанского края выделялся среди других губернаторов. Он был приравнен фактически к премьер-министру.

Прочно закрепившись в Туркестанском крае, превратив его в мощный плацдарм, царизм установил прямой политический контроль над экономически перспективным регионом, отличавшимся обилием земельных, трудовых, водных ресурсов, богатством флоры и фауны, запасов разнообразнейшего минерального сырья. Он получил также ничем не ограниченную возможность для осуществления в Центральной Азии полицейских функций, усиления русского влияния на страны Ближнего и Среднего Востока, Индию, к безраздельному господству над которыми давно стремилась Англия. Воспрепятствовать каким-то образом утверждению России в регионе она не смогла.

К. П. Кауфман незамедлительно отреагировал на благоприятный расклад сил в регионе. 23 января 1868 г. по собственной инициативе для окончательной изоляции Кокандского ханства, превращения его в вассальное государство он вынудил Худаяр-хана подписать кабальный договор, состоявший всего из пяти пунктов. Каждый из них был сформулирован в ультимативной форме. Кокандское правительство обязывалось: 1) открыть для русских купцов доступ во все города и селения ханства; 2) предоставить им право выбора места складирования и реализации товаров; 3) дать возможность иметь своих караваново-жатых в любом городе ханства; 4) ввести единые пошлины на товары местных и российских купцов; 5) обеспечить свободный транзит торговых караванов из России через территорию ханства в сопредельные страны²⁶. Как видим, документ содержал лишь *экономические*, а не *политические* требования. Это не случайно, ибо «политические» аспекты «кокандской проблемы» были уже решены силовыми методами в 1865—1866 гг., выразившись в аннексии части территории ханства. Договор 1868 г. лишил кокандские власти *права* на монополию внутренней и внешней торговли — одного из важнейших источников по-

---

²⁵ См.: ЦГА РУ, ф. 11с, оп. 3, д. 13, л. 4.

²⁶ См.: История народов Узбекистана / Под ред. акад. А. Аскарлова. Т. 2. Ташкент, 1993. С. 100.

полнения государственной казны, установил *внешний* контроль над внутренним рынком страны, что позволяет говорить о снятии всяких преград на пути расширения экономической экспансии в регион российского капитала.

Добившись полного подчинения Кокандского ханства, создав Туркестанское генерал-губернаторство и существенно укрепив тылы российских войск, Кауфман принял решение продолжить наступательные операции на юге Центрально-Азиатского региона против Бухарского эмирата. 2 мая 1868 г. российские войска вошли в Самарканд и в течение последующих двух месяцев заняли Ургут и Катта-Курган, разгромили на Зерабулакских высотах 8-тысячную бухарскую армию, состоявшую не только из регулярных, но и из ополченских формирований. Эмир Музаффар капитулировал.

23 июня 1868 г. Музаффар подписал условия превентивного соглашения, предложенного К. П. Кауфманом от имени царского правительства. На Бухарский эмират была наложена военная контрибуция в размере 500 тыс. руб., он лишился всякого права дипломатических сношений с другими государствами. К Туркестанскому генерал-губернаторству отошли крупные города Самарканд и Джизак, а также Каттакурганский район до Зерабулака, т. е. вся плодородная Зарафшанская долина. Она была преобразована в одноименный округ и присоединена к генерал-губернаторству. Через два года территория округа расширилась за счет сопредельных с эмиратом горных бекств Матча, Фальгар, Кштут, Магиан и других, а Бухарский эмират взамен получил два независимых бекства — Шахрисабзское и Китабское. Так завершился первый и решающий этап территориального передела в Центральной Азии, осуществленный военно-политическими кругами России в середине XIX в.

Попытки некоторых местных правителей организовать хоть какое-то вооруженное сопротивление российским войскам и остановить их продвижение не увенчались успехом. Создать под свои знамена достаточно сил, чтобы противостоять хорошо вооруженной, прошедшей серьезную боевую выучку армии им не удалось. Организации широкого сопротивления мешали, во-первых, феодальная разобщенность и междоусобицы, борьба коррумпированной правящей верхушки за власть и, во-вторых, — отсутствие у «верхов» опоры среди различных социальных групп и слоев населения.

Все семь лет необъявленной войны (1862—1869), которую царские генералы во главе с К. П. Кауфманом вели с переменным успехом против сначала Кокандского ханства, затем — Бухарского эмирата, Хивинское ханство сохраняло нейтралитет. Оно не вмешивалось в конфликт и не оказывало содействия ни одной из сторон. Все указывало на то, что Хивинское правительство желало предотвратить вооруженную конфронтацию с Россией, ибо ханство не обладало ни дос-

таточным экономическим, ни военным потенциалом для отражения возможной агрессии. Кроме того, благодаря прежде всего нейтралитету Хивы, в период военных действий многие торговые караваны, шедшие из России на Ближний и Средний Восток, в Южную Азию и Китай, а также в обратном направлении, предпочитали двигаться безопасным транзитным путем, проходившим по территории ханства. В самый «пик» военных действий (1865—1866) через хивинскую границу в Россию прибыли 459 торговых караванов, а в Хиву через российскую — 202. Общий объем только ввезенных товаров, как уже отмечалось, составил почти 2,6 млн. руб. А это — возрастающие таможенные сборы, пополнявшие казну. Следовательно, позиция, занятая Хивой, давала немалые экономические выгоды, а поражение в войне сопредельных с ней Коканда и Бухары — еще и политические.

Пока театром военных действий оставались правобережье Сырдарьи и юг Центральной Азии, военно-политические круги России избегали конфликта с Хивой. К. П. Кауфман в своем послании Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II от 19 ноября 1867 г. заверял, что «белый царь войны не хочет». Касаясь цели войсковых операций в регионе, подчеркивал, что проводятся они не для расширения территории империи, а в интересах обеспечения порядка «внутри нашей границы и для наказания тех из наших соседей, которые не соблюдают святости договоров»²⁷. Последующие события показали, что заверения Кауфмана являлись типичной дезинформацией, использовавшейся для введения в заблуждение правящих кругов Хивинского ханства. После завершения масштабных военных действий на кокандско-бухарском фронте, расчленения Кокандского ханства и Бухарского эмирата, создания на аннексированных территориях новых административных образований, включенных в структуру институтов Российской империи, потребность в Хиве как союзнике сама собой отпала. Представители правящей военно-политической верхушки империи, чьи идейные воззрения весьма контрастно отражал генерал-губернатор Константин Кауфман, могли более не считаться с ее государственным суверенитетом и национальными интересами.

Расстановка сил в регионе Центральной Азии на исходе 1860-х гг., сложившаяся в пользу России, позволяла ее военно-политическим кругам повернуть войска с южного на северо-западное направление теперь уже против Хивинского ханства. Подобные планы, разработанные с учетом опыта прежних, в том числе и неудачных, походов на Хиву, у них имелись. Не вызывало сомнений также и то, что в случае нападения российской армии ханство не сможет оказать ей серьезного сопротивления, его постигнет участь Коканда и Бухары. Нельзя сказать, что хивинские правители не следили внимательно за развитием собы-

²⁷ ЦГА РУ, ф. 11с, оп. 3, д. 13, л. 2.

тий на кокандско-бухарском театре военных действий и к отражению возможной агрессии соответствующим образом не готовились. Перевес сил все же был на российской стороне. Немаловажное значение имел и морально-психологический фактор.

В то же время военно-политические круги России никак не могли не считаться с возможной реакцией на «хивинскую» операцию своего конкурента — Англии, которая не скрывала беспокойства в связи с распространением российского влияния на большую часть территории Центральной Азии. Оно говорило о сокрушительном провале всей британской политики на Востоке. В этой связи в Лондоне были не прочь превратить «хивинскую проблему» в своеобразную козырную карту в политическом торге с Россией по поводу защиты британских интересов в Азии, особенно в Афганистане и Индии.

В июне 1868 г. в британском парламенте появился так называемый «Меморандум Г. Роулинсона», в очередной раз продемонстрировавший намерения официального Лондона. В документе было заявлено, что утверждение России на Амударье «лишь отражает горячку похода в Индию». Чтобы этому противодействовать, Г. Роулинсон предлагал: а) добиться господствующего положения в Афганистане, превратить его в «сильную и дружественную державу»; б) занять Кветту, являющуюся важным пунктом в Белуджистане, установить контроль над линией Кандагар — Герат для быстрой переброски воинских соединений; в) активизировать английскую политику в Персии с тем, чтобы изменить внешнеполитическую ориентацию шаха, выдвинуть английских офицеров на influentialные посты в персидских войсках; передать шаху современное оружие и артиллерию в качестве подарка, сыновей вельмож отправить для обучения в Лондон; г) английскому посольству широко практиковать для подкупа подношения, обставляя их повосточному пышно; д) удовлетворить просьбу персидского шаха об оказании помощи в создании и содержании морского флота в Персидском заливе.

«Во имя интересов мира, во имя интересов торговли, во имя нравственного и материального развития, — подчеркивал Роулинсон, — можно сказать, что вмешательство в дела Афганистана сделалось в настоящее время долгом и что умеренные жертвы или ответственность, которые мы принимаем на себя, восстанавливая порядок в Кабуле, будут признаны в будущем как настоящая экономия»²⁸. Нереалистичный, попросту демагогический характер меморандума был замечен в политических кругах не только Великобритании, но и за ее пределами. Тем не менее его ключевые положения в той или иной форме находили отражение в практике английской восточной политики весьма продолжительное время.

²⁸ Rawlinson H. *England and Russia in the East*. London, 1875. P. 292—297; Цит. по: Худоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений... С. 64—66.

Российское правительство на меморандум Г. Роулинсона не отреагировало. В нем не содержалось ничего нового: те же избитые тезисы о «русской угрозе Индии» и «безопасности Афганистана» появлялись на свет всякий раз, когда активность России в регионе Центральной Азии повышалась, она вплотную приближалась к афганским границам, тем самым сокращая расстояние, отделявшее ее от Индии. Английское правительство не спешило выступить с официальным обращением, требуя соответствующих разъяснений по поводу занятия Коканда и Бухары, или с весьма подходящей для данного момента общепринятой нотой протеста. Видимо, оно предпочитало действовать совершенно иными методами через призму собственных «жизненных интересов».

Ситуация начала проясняться несколько позднее. В марте 1869 г. в Лондоне состоялась встреча британского министра иностранных дел Кларендона с российским послом бароном Брунновым, ставшая в известной мере исторической. В ходе состоявшегося обмена мнениями Кларендон не стал осуждать вторжение российских войск в Коканд и Бухару, аннексию части их территории и заострять внимание на судьбе Хивинского ханства. Ссылаясь на необходимость избегать столкновения двух великих держав в регионе, он предложил определить границы «зоны влияния» России и Англии, признать «некоторую территорию нейтральной между их владениями в Азии». Под «некоторой территорией» английская сторона подразумевала север Афганистана по верхней Амударье, включая княжества Бадахшан и Вахан.

Судя по секретной депеше канцлера А. М. Горчакова, срочно направленной барону Бруннову 7 марта 1869 г., Российское правительство было готово вывести Афганистан из зоны своих геополитических интересов, уважать его независимость. Вся проблема упиралась только в параметры афганской границы на линии соприкосновения великих держав. Российская сторона считала целесообразным признать северной границей Афганистана территорию от места впадения Кокчи в Амударью и до пункта Ходжа-Салех, но отвергала возможность передачи ему Бадахшана и Вахана, соприкасавшихся с Бухарским эмиратом. Правительство Британской Индии, основываясь на рекомендациях Роулинсона, также настаивало на включении спорных княжеств в границы Афганистана. Оно предлагало провести разделительную линию по территории Хивы, Бухары и Коканда, причем и здесь Россия должна была взять на себя обязательство уважать их суверенитет. Это означало, что она выводит войска из региона, отказывается от всех территориальных приобретений в Центральной Азии, демонтирует форты, другие пограничные сооружения на важнейших торговых путях. На подобное Россия согласиться не могла, ибо уход из региона противоречил ее как политическим, так и экономическим интересам.

К осени 1869 г. Российское правительство решило для себя окончательно и бесповоротно вопрос о так называемой «нейтральной зоне».

Об этом можно судить по результату рабочего визита в Петербург официального представителя Ост-Индской компании Дугласа Форсайта, состоявшегося в октябре-ноябре 1869 г. В ходе встреч и бесед с канцлером А. М. Горчаковым, военным министром Д. А. Милютиным, директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Д. И. Стремоуховым ему было заявлено о неизменности позиции России относительно линии разграничения: она должна проходить по северной территории Афганистана. В своем доверительном письме к барону Бруннову 30 октября 1869 г. Стремоухов следующим образом подытоживал переговоры с Форсайтом: с севера «должна начаться настоящая нейтральная полоса, назначение которой — не допустить непосредственного столкновения Кабула с Бухарой, а также воспрепятствовать распространению влияния кабульского владетеля на Хиву с запада, может быть, и на Коканд с востока»²⁹ (курсив наш. — М. Н.). Заключение Стремоухова было весьма созвучно с мнением Горчакова и Милютина, выражало общую точку зрения на проблему российского руководства, не оставлявшую места для каких-либо дипломатических маневров и компромиссов. Оно придавало принципиально иной оттенок положениям известного циркуляра А. М. Горчакова «Современная политика» от 24 июня 1864 г., вносило в постреформенную восточную политику Российского правительства больше конкретности. Тем не менее ее контуры просматривались пока недостаточно ясно.

Затянувшиеся переговоры о «нейтральной зоне», обнаружившие полную неспособность Английского правительства хоть как-то расшатать позицию России, заставить ее пойти на уступки, показали, что на данном этапе у Англии нет надежной программы противодействия усилению российского влияния в Центральной Азии. Даже посредством активизации роли в регионе Афганистана и Персии. Такой поворот предусматривался меморандумом Роулинсона, но его исход не поддавался прогнозированию. Дело в том, что обе страны, превратившись из пассивного объекта в энергичные субъекты восточной политики, могли в конце концов отказаться от опеки Англии и выйти из-под ее контроля. Тем более что саму политическую обстановку в регионе нельзя было назвать стабильной: «Персия оспаривала регион Хорасана и Герата с Хивой и Афганистаном, в то время как последний претендовал на Балх, Гиссар, Куляб, Бадахшан и Памир...»³⁰ А это таило в себе потенциальную угрозу британским интересам. Правители многих княжеств никогда не питали к ней особых симпатий, помня о вооруженном вторжении и тысячах соотечественников, павших в боях. Вот

²⁹ Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений... С. 70—72; См. также: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России... С. 139.

³⁰ Land-Locked States of Africa and Asia. P. 99.

почему правящим кругам Англии было куда выгоднее постоянно нагнетать напряженность в Центральной Азии, размахивать дипломатическими кулаками и даже бряцать оружием, пугать «русской угрозой» и подчеркивать необходимость своего постоянного присутствия как «сдерживающей силы», дестабилизируя политическую ситуацию.

Военно-политическая верхушка России безошибочно определила дуализм английской политики и не стала принимать ее в расчет при разработке и осуществлении стратегии и тактики продвижения в направлении Хивинского ханства. 5 ноября 1869 г. по распоряжению командования Кавказского округа российский отряд под предлогом возведения базы «для русских купцов» демонстративно высадился на восточном побережье Каспийского моря, в районе Красноводска³¹, то есть на территории, находившейся под юрисдикцией Хивинского ханства, которая была населена преимущественно туркменскими племенами. Это случилось буквально через считанные дни после завершения в Санкт-Петербурге переговоров с Дугласом Форсайтом. Этим российской сторона не только открыто проигнорировала мнение Англии, но и расторгла в одностороннем порядке заключенные ранее с хивинскими правителями договоренности, в том числе «Обязательный Акт» 1842 г., русско-хивинское соглашение 1858 г., подготовленное посольством полковника Н. П. Игнатьева в Хиву, недвусмысленно дав понять, что не намерена находиться в фарватере дискредитировавшей себя английской восточной политики и предпочитает руководствоваться только собственными геополитическими интересами.

Хивинское правительство, убедившись в неизбежности столкновения с Россией, незамедлительно отреагировало на вызов российской стороны, покушение на территориальную целостность и суверенитет государства. Сеид Мухаммед Рахим-хан II распорядился усилить обороноспособность страны, принять меры для отражения возможной агрессии. В первую очередь были блокированы караванные пути из Казалинска и засыпаны все колодцы в направлении Кизыл-Су, что означало экономическую блокаду торговых путей в Оренбуржье. Этими мерами хивинские власти не ограничились. Чтобы перекрыть доступ в Амударью русским судам со стороны Аральского моря, главный приток реки — Таллык отвели в Айбугир. У мыса Урга в спешном порядке началось строительство нового укрепления, в котором разместился

---

³¹ Ряд исследователей, ссылаясь на послание К. П. Кауфмана хивинскому хану Мухаммеду Рахиму II от 18 января 1870 г., основание г. Красноводска связывают с высадкой 5 ноября 1869 г. русского отряда у восточного побережья Каспийского моря. Однако известно, что впервые Красноводская крепость была заложена значительно раньше, еще 3 ноября 1716 г., во время первой экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву с русским отрядом под командованием полковника Хрущева и Фандербидена (см.: *Материалы военно-ученого архива Главного штаба. С. 375—376*). — *Примеч. авт.*

гарнизон. Еще одно укрепление было заложено в урочище Каратамак. В самой столице ханства — городе Хиве появилась цитадель в виде башни с 20 орудиями³². Однако эти меры не были адекватны угрозе, нависшей над страной.

Вынужденные шаги хивинских правителей по укреплению обороноспособности страны вызвали явное раздражение российских военно-политических кругов, особенно тех из них, которые участвовали в выработке аннексионистской политики царизма в Центральной Азии. В августе 1869 г. Кауфман отправил в Хиву в качестве дипломатического посланника чиновника Туркестанского генерал-губернаторства Давлета Бушаева с личным письмом к Мухаммеду Рахим-хану II. В нем он обвинил хивинские власти в укрывательстве бандитских групп, которые занимаются хищением людей и их продажей, в попустительстве им, а также в насильственном удержании на своей территории русскоподданных на положении пленных³³. Хан радушно принял и выслушал посланника генерал-губернатора края, но удовлетворить требования Кауфмана категорически отказался. Официальная Хива обвинения в укрывательстве банд и поощрении работорговли считала необоснованными.

Следует заметить, что проблема с русскоподданными, удерживаемыми в Хиве на положении невольников, на самом деле существовала. Однако не по вине Хивинского правительства. По свидетельству историка Мухаммеда Баяни, группа казахов Мангышлака в течение продолжительного времени совершала хищения россиян, занимавшихся рыболовным промыслом на Каспийском море, и продавала их в рабство на хивинском невольничьем рынке. К 1869—1870 гг. их общее число в ханстве достигло 21³⁴. Но поскольку мангышлакские казаки являлись подданными России, то и проблему с хищениями людей следовало решать в первую очередь не в феодальной Хиве, где купля или продажа невольников по шариату не считались уголовно наказуемым деянием, а в самом Мангышлаке по российским законам. Российские власти упорно отказывались признавать этот очевидный факт, предпочитая всю вину за мятежи кочевых казахских родов³⁵, а также нападения на рыбаков, их пропажу взваливать на хивинскую сторону. Он для них служил всего лишь предлогом для раздувания военной истории.

³² См.: Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета (1873—февраль 1917 г.). Ташкент, 1971. С. 17.

³³ Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года // Сочинения. Т. 2, ч. 2. М., 1964. С. 412; Мухаммед Юсуф Баяни. Родословная Хорезмшахов. С. 33—34.

³⁴ Мухаммед Юсуф Баяни. Родословная Хорезмшахов. С. 33.

³⁵ См.: Central Asia, 130 years of Russian dominance. P. 143.

К. П. Кауфман, крайне раздраженный провалом миссии Давлета Бушаева, 18 января 1870 г. направил Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II очередное гневное послание. Отбросив всякие правила дипломатического этикета, он вновь обвинил хивинские власти в преднамеренном нагнетании напряженности, задержании дипломатических представителей России, имея в виду Д. Бушаева, и в резкой форме заявил, что образ действия хивинских правителей «не может быть далее терпим». Генерал-губернатор предложил сделать, наконец, окончательный выбор: России и Хиве быть или друзьями, или врагами, ибо «другой середины нет между соседями»³⁶. Вместе с тем в послании ни словом не упоминалось об обязательствах не нарушать границ Хивинского ханства, принятых на себя российской стороной в ходе двусторонних переговоров по пограничным вопросам, состоявшихся в Петербурге (1850), Оренбурге (1852) и в Хиве (1858), не содержалось в нем также каких-либо конструктивных предложений по возобновлению переговорного процесса между Хивой и Россией, преодолению наметившихся конфронтационных тенденций в двусторонних связях и восстановлению мирных отношений.

Ультимативный тон послания туркестанского генерал-губернатора убедительно свидетельствовал о том, что определенные прослойки российской военной элиты, извлекавшие немалые политические и экономические дивиденды из относительно легких, нередко буквально условных «побед» на центральноазиатском театре военных действий, дипломатическим методам предпочитали более доступные для их понимания методы «силовые». Они или вовсе не имели даже элементарного представления о нормах международного права, или были убеждены в полной необязательности соблюдения их в отношениях с такими, по выражению Горчакова, «полудикими, без твердой общественной организации» государствами, как Хивинское ханство. Представление Хивы, Бухары и Коканда именно в таком свете было распространенным явлением не только среди «ястребов», но и в околоначальных кругах. Так, например, историк М. И. Вениуков в своей статье «Поступательное движение России в Средней Азии» безапелляционно заявлял «с точки зрения естественной истории человека», что распространение русского влияния в этом регионе вполне «можно назвать восстановлением и утверждением господства арийской расы в странах, которые долгое время были под владычеством народов тюркского и монгольского происхождения»³⁷. Такой взгляд изо дня в день при-

---

³⁶ ЦГА РУ, ф. 11, оп. 3, д. 13, л. 45; *Тухтаматов Т. Г.* Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значение для Хорезмского оазиса). Нукус, 1977. С. 32.

³⁷ *Вениуков М. И.* Поступательное движение России в Средней Азии // Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877. С. 58.

вивало читателям и большинство средств массовой информации, формируя искаженное представление о соседних с Россией государствах. Поэтому отнюдь не приходится удивляться ультимативному тону послания Кауфмана, который отражал общее настроение большей части военно-политических кругов, а не только субъективное видение туркестанского генерал-губернатора.

Наращение напряженности в российско-хивинских отношениях оказало заметное влияние на поляризацию политических сил как в Хиве, так и в самой России. Дискуссии вокруг вопроса о перспективах существования государств Евразийского конгломерата, о войне и мире охватили различные социальные группы и прослойки российского и хивинского общества. В ханстве возникли две партии с полярно противоположными программами. Первая, руководимая влиятельным политиком эмир-аль-умаром Сеидом Мухаммедом, дядей хивинского хана, объединила вокруг себя политические силы, которые выступили за широкие переговоры с Россией, устранение угрозы войны и восстановление мирных отношений. На этой позиции стояла и нарождавшаяся хивинская национальная буржуазия, особенно ее умеренно-либеральное крыло, представленное новыми предпринимательскими слоями, кровно заинтересованными во взаимовыгодных, равноправных торгово-экономических связях с традиционным партнером, как и с другими странами региона.

Вторая партия, по сути консервативная, сформировалась вокруг начальника ханской канцелярии Матмурад-диванбеги, человека крайних взглядов, оказывавшего ошутимое влияние на политику хивинского двора. Своей первоочередной задачей она выдвинула подготовку к войне с Россией, оказание ей вооруженного сопротивления, искоренение реформаторских веяний, якобы угрожающих основам хивинского общества. Эта консервативная платформа нашла понимание у верхушки феодальной земельной аристократии, родоплеменной знати, профессиональных военных, пуще всего боявшихся потерять привилегии, а также среди некоторой части служащих и интеллигенции, подпавших под влияние лозунгов о «защите Отечества».

Общим для обеих группировок было стремление прежде всего отвести нависшую угрозу и отстоять независимость страны, но средства, предлагавшиеся ими для достижения выдвинутых целей, были разными. Партия Сеида Мухаммеда, ратуя за прямые переговоры и разрешение конфликта мирным путем, за подлинно самостоятельное развитие, видела процветание Хивы в ее всестороннем экономическом и политическом прогрессе, взаимовыгодном сотрудничестве с сопредельными странами, позволяющем строить по-настоящему сильное государство. А сторонники партии Матмурад-диванбеги, призывая к войне, не принимали во внимание ни состояние обороноспособности, ни реальную социально-экономическую и политическую ситуацию в

ханстве. Хива, как показало время, не была готова к вооруженной конфронтации с Россией. Вот почему даже некоторые видные представители духовенства, открыто осуждая Матмурад-диванбеги за нагнетание напряженности, обвиняли его в том, что он — «причина всех наших бедствий»³⁸, требовали не подталкивать страну к войне и не давать ни малейшего повода для осуществления агрессии извне.

Основная масса населения ханства, лишенная всякого права собственности на средства производства, прежде всего на землю и воду, влачившая нищенское существование, не имевшая перспективы при господствовавших в обществе экономических, политических и правовых отношениях, занимала позицию сторонних наблюдателей. Ей нечего было терять, поэтому она не думала о выборе, на какого хозяина гнуть спину — своего, местного, или же чужеземного, иностранного. Аполитичность большей части населения негативно отражалась на общем морально-психологическом состоянии хивинского общества, на обороноспособности страны.

Следует подчеркнуть, что влиятельные силы, ратовавшие за решение «хивинского вопроса» мирными средствами, путем прямых переговоров с Хивинским правительством, имелись и в России. В правящей верхушке империи впервые, правда, пока очень слабо, начали проявляться сомнения в правомерности и обоснованности настойчивых призывов «ястребов» из среды военных, некоторых великодержавно настроенных политиков к решительной демонстрации «мощи России» перед Хивой и немедленному присоединению ханства к империи. Например, на состоявшемся в середине января 1871 г. заседании Особого совещания при Александре II, на котором присутствовали руководители ведущих правительственных органов, включая Азиатский департамент МИД, Военное министерство, Министерство финансов и др., требования Кауфмана о форсировании подготовки военного похода на Хивинское ханство не встретили безоговорочной поддержки. Решительно против развязывания войны с Хивой выступал глава Азиатского департамента Д. И. Стремоухов, подчеркивающий, сколь важно не смешивать взгляды Российского правительства на расширение и укрепление торговли, в том числе через Красноводск, с необходимостью «демонстрации силы». Это вынуждены признать и западные историки³⁹. Вместе с тем в правящих кругах, в том числе и участники совещания, не исключали саму возможность использования силы в отношении ханства для того, чтобы добиться у Хивинского правительства уступок в решении проблемы принудительно удерживаемых российских подданных, осуществления практических мер по обеспечению безопасности на торговых путях. Они пришли к единому мнению о

³⁸ Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад, 1946. С. 61.

³⁹ См.: *Becker S. Russia's protectorates in Central Asia...* 2004. P. 67.

том, что «предварительно полезно испытать все средства для установления вполне удовлетворительных отношений с Хивою»⁴⁰. Решение совещания было одобрено Александром II, и в результате в столкновении двух подходов, а точнее — двух идеологий в российско-хивинских отношениях в конце 60—начале 70-х гг. XIX в. победу пока одержали сторонники их мирного, неконфронтационного развития. Им удалось одолеть отчаянное сопротивление партий войны как в Хиве, так и в России, создать предпосылки для возобновления переговорного процесса.

Некоторая определенность, появившаяся в отношениях Хивы с Россией, дала позитивный импульс восстановлению торгово-экономических связей. За один 1870 г. из ханства в Оренбург для доставки на российские рынки было ввезено 22,5 тыс. пудов хлопка на 160 тыс. руб.⁴¹ В тот же год из России в Хиву было импортировано товаров и изделий на 26 тыс., а в 1872 г. — уже на 795,5 тыс. руб.⁴² Этот резкий скачок объема экспорта и импорта ясно указывает на то, что общественное мнение, аккумулированное в позиции деловых кругов, явно отдавало предпочтение установлению добрососедских отношений между Россией и Хивинским ханством, концентрации усилий не на подготовке к войне, а на развитии мирного и взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Наметившийся спад напряженности, стремление найти оптимальный выход из кризиса предоставили правящим кругам обоих государств редкий исторический шанс для выработки конструктивной, учитывающей интересы участников конфликта программы выхода из политического тупика. К сожалению, судя по документам, он не был использован. Ни российская, ни хивинская стороны не сумели задействовать имеющийся в их распоряжении арсенал дипломатических и иных средств для окончательной разрядки все еще остававшейся взрывоопасной ситуации. Вопреки протестам официальной Хивы, правящие круги Российской империи под давлением военно-политической элиты не спешили признать ее права на территории восточного побережья Каспия, вывести войска из района Красноводска и демонтировать возведенные здесь пограничные укрепления. Что же касается хивинских властей, то и они, осуждая российскую сторону за нарушение заключенных ранее договоренностей, не предпринимали практических шагов, способных принудить правящие круги России сесть за стол переговоров, оставляли открытым вопрос о насильно удерживаемых в ханстве русскоподданных.

⁴⁰ ЦГА РУ, ф. 11, оп. 3, д. 86, л. 37; *Тухтаметов Т. Г.* Амударьинский отдел... С. 33.

⁴¹ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 25.

⁴² См.: *Садыков А. С.* Экономические связи Хивы с Россией... С. 39.

Правящие круги конфликтующих сторон вместо конкретных шагов навстречу друг другу занимали шаткую выжидательную позицию, которая усиливала их уязвимость, позволяла противникам мирного существования России и Хивы наращивать давление на правительство, добиваясь резкой перемены курса. Игнорируя рекомендации Особого совещания, К. П. Кауфман по личной инициативе распорядился подготовить войска к военному походу на Хиву. Оправдывая свое решение, в феврале 1872 г. он направил А. М. Горчакову пространное послание, в котором муссировал проблему русских пленных, требовал «примерного наказания» Хивы, усматривая в ее действиях объявление войны России. Приблизительно в тех же выражениях были составлены и многочисленные другие депеши губернатора в Санкт-Петербург, в том числе и конфиденциальный доклад Александру II, подготовленный в ноябре 1872 г., откровенно призывавший к демонстрации перед Хивой силы и мощи России.

Стремясь подтолкнуть Российское правительство к войне любой ценой, Кауфман не утруждал себя поиском чего-то нетрадиционного, оригинального. Чтобы добиться поставленной цели, он фактически пользовался все теми же аргументами, к которым в свое время прибегал В. А. Перовский для оправдания экспедиции 1839 г. И не ошибся. Первые результаты усилий по формированию «образа врага» начали проявляться весной 1872 г. Хивинские посольства, снаряженные на Кавказ, к наместнику царя князю Михаилу, и в Петербург для ведения мирных переговоров, возвратились ни с чем. 23 ноября того же года на совещании, проводившемся Д. А. Милютиным в Военном министерстве, было решено поход против Хивинского ханства начать весной 1873 г. силами частей Кавказского, Оренбургского и Туркестанского военных округов под общим руководством К. П. Кауфмана. «Сущность плана военных действий, установленного по соглашению Военного министерства с начальствами округов, — докладывал Александру II Д. А. Милютин, — заключается в том, чтобы Хивинское ханство атаковать с двух сторон: с востока — войсками Туркестанского округа и с запада — соединенным отрядом из войск Оренбургского и Кавказского округов... Общий предмет действия всех отрядов есть столица ханства, завладение которою и рассеяние хивинских скопищ и будут составлять первую заботу войск». Александр II без всяких замечаний одобрил план военных операций против пока союзной Хивы⁴³, хотя документ не содержал четкого и ясного ответа на вопрос о целесооб-

---

⁴³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА), ф. 846 (ВУА), д. 6852, л. 123—124. Цит. по: *Тухтаматов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 22. Также см.: *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой... С. 165; *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России... С. 142, и др.

разности организации военного похода против ханства как с экономической, военной, так и с политической точки зрения.

Сползание к конфронтации наметилось и в самой Хиве. Партия Матмурада-диванбеги, ссылаясь на неуступчивость правительства России, продолжающееся наращивание ее военного присутствия в Прикаспии и неудачи, постигшие хивинские посольства в Санкт-Петербурге и на Кавказе, добилась вытеснения с политической арены сторонников эмир-аль-умара Сеида Мухаммеда. Она утвердилась при дворе хана и стала активно перенацеливать правительственный курс с России на Англию. В марте 1872 г. хивинские власти скрытно снарядили посольство в Афганистан и Индию с тем, чтобы заручиться поддержкой кабульского правителя Шир Али Хана, войти в непосредственный контакт с английским колониальным правительством для координирования усилий по противодействию утверждению России в Центральной Азии, добиться получения помощи вооружением и боеприпасами для переоснащения ханской армии и укрепления обороноспособности страны.

Однако посольство не оправдало надежд, которые на него возлагались. Шир Али Хан, чьи позиции в Афганистане нельзя было назвать прочными из-за его проанглийской ориентации, во время приема в Кабуле хивинских посланников ограничился лишь обещанием оказать Хивинскому ханству всяческое содействие на международной арене по дипломатическим каналам. Афганистан, раздираемый межфеодальными и межэтническими распрями, сам нуждавшийся в помощи извне, олицетворявший феодальную застойность во всех областях жизни, в ту пору на большее не был способен.

Окончились безрезультатно для хивинских посланников и переговоры с вице-королем Индии лордом Нортбруком. Они состоялись осенью 1872 г. Следует отметить, что прибытие посольства в Пешавар, затем — в Калькутту, ход переговоров и поднятые на них проблемы широко освещались в английской прессе. «Таймс» и «Дейли Телеграф» в октябрьских номерах за 1872 г. поместили ряд пространных и эмоциональных статей о военно-стратегическом и торгово-экономическом значении Хивы. Они призывали правительство оказать максимальное содействие ханству, ибо овладение им и выход на Амударью позволят России вплотную приблизиться к границам британских владений, сделают доступными для русского оружия и влияния, промышленности и торговли Кундуз, Хульм, Бадахшан и Балх — практически всю территорию до Инда. Однако с такой постановкой вопроса были согласны не все. Некоторые политики, не одобряя в целом стратегию расширения России и ее утверждения в Центральной Азии, вместе с тем называли хивинское ханство типичным «гнездовьем бандитов и работорговли», считали действия российской стороны по обеспечению безопасности на важнейших торговых путях разум-

ными и оправданными⁴⁴. Но это вовсе не развеивало сомнений официального Лондона относительно ясности и предсказуемости военно-политического курса России, дальнейших действий ее руководства и целесообразности оказания военной помощи Хиве.

Несмотря на невероятную шумиху, поднятую прессой, правительство Британской Индии, как и само Английское правительство, особой обеспокоенности судьбой Хивы не проявили. Лорд Нортбрук, принимая в Калькутте хивинских посланников, внимательно выслушал их, но ушел от конкретного ответа на поставленные ими вопросы. Чтобы избежать недоразумений, но более всего — личной ответственности, он предпочел обратиться за инструкциями в Лондон. И вовсе не просчитался. Правительство Гладстона в очередной раз не упустило случая «сделать внушение» России. Английский посол в Санкт-Петербурге лорд Лофтус получил срочное предписание британского внешнеполитического ведомства сообщить Русскому правительству об отрицательном отношении Англии к захвату Хивы. Об этом было заявлено Вестману, замещавшему Горчакова. Так Великобритания, настойчиво и систематически подстрекавшая Хиву и Бухару к разрыву отношений с Россией и союзу с Лондоном, теперь неуклюже пыталась защитить честь мундира.

Правительство Александра II приняло этот вызов спокойно. Приблизительно 20 октября 1872 г. российский посол в Лондоне Бруннов вручил министру иностранных дел лорду Гренвиллу депешу своего внешнеполитического ведомства, содержащую исчерпывающий ответ на заявление британского МИД⁴⁵. В ней сообщалось, что Россия не собирается оставаться в Хиве, но в то же время не может мириться с существующим отношением хивинских властей к русским пленным. Такой довод Гренвиллу показался убедительным. Чтобы сгладить возникшее «недопонимание», он тут же признался барону Бруннову, что удовлетворен политикой Горчакова и у него нет повода для беспокойства за судьбу индийской империи. 8 января 1873 г. Гладстон получил секретную депешу от Гренвилла, в которой тот сообщал, что царь Александр II «обещает не овладевать Хивой»⁴⁶. Вместе с тем он высказал серьезное опасение по поводу возможности соблюдения паритета, сославшись на различие мнений российской и английской сторон относительно линии северных границ Афганистана, следовательно — перспектив продвижения России на юг, остановить которое Англия была не в состоянии.

Более месяца посольство Хивы находилось в Калькутте в ожидании ответа. Наконец в конце ноября—начале декабря 1872 г. лорд

⁴⁴ См.: *Ewans M. Afghanistan: a new history*. P. 59.

⁴⁵ См.: *Gladstone W. E. et. al. The Gladstone-Granville Correspondence*. Cambridge, 1998. P. 352.

⁴⁶ *Ibid.* P. 371.

Нортбрук получил из Лондона все необходимые инструкции о завершении затянувшихся переговоров. В рекомендациях Гренвилла высокопарно говорилось о том большом значении, которое Англия придает сохранению «независимости» Хивинского ханства, и, чтобы лишить Российское правительство какого бы то ни было повода для военной экспедиции и не доводить дело до крайности, предлагалось воздерживаться от всяких враждебных действий в отношении России и без предварительных условий освободить из плена всех русских и вступить в «дружеские» переговоры с администрацией Туркестанского края⁴⁷, то есть с генерал-губернатором Кауфманом. Что касается правительства Британской Индии, то ему было рекомендовано признать российские требования справедливыми и отказаться от исполнения роли посредника в отношениях между Хивой и Россией⁴⁸. Вопрос об оказании Хивинскому ханству обещанной прежде не раз военной помощи не был решен.

Внешнеполитическое и военное ведомства России были осведомлены о дипломатических усилиях Хивы. Азиатский департамент внимательно изучал публикации в российской и зарубежной прессе о посольствах в Афганистан и Индию. На наш взгляд, неудачи хивинской дипломатии и дуалистическая позиция, занятая Великобританией, и вселили уверенность в тех представителях правящих кругов России, которые с завидной настойчивостью проталкивали идею конфронтации с Хивинским ханством.

Сторонникам мирного сосуществования отвести угрозу войны не удалось. Операции против Хивинского ханства, разработанные при непосредственном участии К. П. Кауфмана по всем требованиям военной науки и санкционированные российскими Военным министерством и Главным штабом, начались, как и намечалось, в феврале 1873 г. с трех стратегически важнейших направлений тремя войсковыми группами. Ход операций, их результаты подробно освещены в упоминавшихся трудах М. А. Терентьева, Т. Г. Тухтаметова, Г. А. Хидоятова, Н. А. Халфина, А. С. Садыкова, а также в статьях А. Л. Попова, специально посвященных проблематике⁴⁹, и других авторов. Нельзя, однако, не заметить, что не все аспекты проблемы исследованы с должной полнотой, ряд выводов и заключений нуждаются в серьезных уточнениях. Большинство авторов, вопреки неопровержимым фактам,

⁴⁷ The Times. 1872. 19 дек.; см.: Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений... С. 83, 83; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 108—109.

⁴⁸ См.: Roudik P. L. The History of the Central Asian Republics. P. 79.

⁴⁹ Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. Т. 1. М., 1940; Он же. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т. 9. М., 1940.

умалчивают о том, что речь идет не о каком-то заурядном *приграничном* конфликте, а об остром столкновении двух противоборствующих, непримиримых сил, одна из которых пыталась отстаивать независимость своей родины, а другая выступала в роли агрессора. Умалчивается и о том, что эта крайне бессмысленная *война*, развязанная российскими военно-политическими кругами — «ястребами», унесла *тысячи* жизней с обеих сторон, не говоря уже об огромных материальных потерях.

Первой широкие наступательные операции развернула с запада ударная «кавказская» группировка под командованием генерала Маркозова, в которую входили красноводский и мангышлакский отряды (4300 человек). В конце февраля к походу с Эмбенского укрепления подключилась возглавляемая генералом Веревкиным «оренбургская» группировка, сформированная из оренбургского, орского и уральского отрядов (3400 человек); она наступала на Хиву с северо-запада. В марте боевые действия начала с юго-запада «туркестанская» группировка генерала Головачева, включавшая джизакский и казалинский отряды (4600 человек). С ней находился осуществлявший общее руководство всей операцией генерал-губернатор К. П. Кауфман. Общая численность войск, участвовавших в походе, превышала 12 тыс. Группировки имели в своем распоряжении не менее 7 ракетных дивизионов, 56 орудий, саперные подразделения. Кауфман, видимо, не был уверен в успехе и считал эти силы недостаточными, поэтому его армия на подходе к Айбугиру должна была в дополнение к основным частям получить подкрепление в виде находившегося в резерве крупного соединения полковника Ломакина, насчитывавшего 16 рот пехоты, 600 казаков и 8 орудий с запасом боеприпасов и продовольствия⁵⁰. Столь мощнейшую военную экспедицию в регион Центральной Азии Россия предпринимала впервые. Общая численность тех, кто был вовлечен в операцию, примерно в три раза превышала число участников известной экспедиции В. А. Перовского 1839 г. Это говорит, с одной стороны, о том, какое большое значение российский генералитет придавал успеху похода, а с другой — о полной неуверенности «ястребов» в возможности одержать военную победу над Хивой, у которой, право же, реальных шансов отразить натиск практически не оставалось. Потому прав Дж. П. Мерч, когда пишет, что «такая «подавляющая сила превращала вступление Кауфмана в Хиву... по существу в церемониальный акт»⁵¹. Однако в самом начале похода такого ощущения у его организаторов еще не было.

---

⁵⁰ См.: *Захидов Э.* Трагедия Хорезма. Ташкент, 1992. С. 51—52 (на узб. яз.); *Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета...* С. 20.

⁵¹ *March G. P.* Eastern Destiny: Russia in Asia and the North Pacific. P. 141.

Правительство Хивы в очередной раз предприняло попытку предотвратить войну. Оно освободило всех русскоподданных невольников (всего 21 человек) и направило их с посольством Муртазабая-Ходжи к К. П. Кауфману, поручив начать мирные переговоры. Хивинский посланник встретился с генерал-губернатором в районе Нураты, недалеко от Самарканда. Кауфман не использовал шанс. Он категорически отверг предложение возвратить войска к местам дислокации и начать мирные переговоры, объявив, что «решением Его величества императора войска начали поход на Хорезм. В извинениях нет смысла», и приказал задержать посла⁵². Это окончательно развеяло иллюзии относительно возможности достижения мирного соглашения.

Когда неотвратимость войны стала очевидной, хивинские власти перегруппировали все имеющиеся у них силы с таким расчетом, чтобы по возможности остановить продвижение противника уже за пределами оазиса, то есть культурной Южной зоны. Матмурад-диванбеги с отрядами туркменских племен *човдуров* и *кукланг*, узбекских нукеров двинулся на восток, навстречу «туркестанской» группе Головачева. При нем находился командир отряда нукеров Махмуд-ясаулбаши. Хивинские сановники Ильтузар-инак и Баба-мехтер во главе 6 тыс. воинов туркменских племен *иомудов* и *емрали*, отряда узбекских нукеров были направлены на оборону Кунграда. Другие наследники — Амиртура и Мухаммед Ризо-тура с 2 тыс. воинов заняли линию обороны на подступах к Хазараспу, а Инак-бек с крупным отрядом нукеров выдвинулся на защиту города Ходжейли⁵³. Общая численность ханской ополченческой армии, мобилизованной на войну, по нашим подсчетам, превышала 12 тыс. человек, то есть их было примерно столько же, сколько и российских солдат в головном эшелоне.

Меры, принятые ханским правительством для отражения агрессии и укрепления обороноспособности Хивы, оказались неадекватны той угрозе, которая нависла над страной. Источники свидетельствуют, что формирования ханской наемной армии серьезно уступали российским войскам как по уровню военной выучки, владения современными методами ведения боя, так и по техническим характеристикам находившегося в их арсенале артиллерийского и стрелкового оружия. К тому же далеко не все из них должным образом выполняли возложенные на них боевые задачи, действовали в равной мере ответственно и самоотверженно. Некоторые распались после первого же столкновения с неприятелем. Даже пограничные укрепления, возведенные на стратегически важных рубежах, через которые проходили караванные пути и, следовательно, относительно лучше оснащенные, способные выдерживать длительную осаду, нередко сдавались российским частям без всякого боя просто из нежелания оказывать сопротивление.

⁵² Мухаммед Юсуф Баяни. Родословная Хорезмшахов. С. 40.

⁵³ Там же.

Но было бы ошибочно представлять движение по хивинской земле российской армии, прекрасно вооруженной и обученной, укомплектованной профессиональными офицерскими кадрами, обладавшими немалым опытом ведения боевых действий в специфических условиях Центральной Азии, как сплошное триумфальное шествие. По данным Мухаммеда Юсуфа Баяни, свидетельству других источников, многие подразделения ханской армии и формирования туркменских племен сражались самоотверженно и героически, российским войскам целый ряд городов и кишлаков приходилось брать штурмом, ценой больших людских и материальных потерь.

Наиболее ожесточенные сражения происходили на правом берегу Амударьи, где против группы генерала Головачева действовали хивинские части во главе с Матмурад-диванбеги. В районе колодцев Адам-кырылган воины Жомли Садык-кула нанесли неожиданный и сильный удар по отряду полковника Иванова. От полного разгрома его спасло превосходство в вооружении. 11 мая узбекским и туркменским войнам в районе озера Сардоба-куль, недалеко от Амударьи, удалось взять в кольцо основные силы Головачева, вывести из строя немало солдат. Им с трудом удалось организовать контратаку и вынудить хивинцев отступить.

18 мая передовые части «туркестанской» группировки вышли к Амударье. Ханская армия, занявшая линию обороны на противоположном берегу, обрушила на противника огонь артиллерии. Однако воспрепятствовать переправе наступающих не удалось. Саперные подразделения группировки под градом пуль и снарядов соорудили понтоны, и российские части успешно форсировали реку близ Таш-саки. Отряды Матмурад-диванбеги отступили. К ним присоединились воины Амир-туры и Мухаммеда Ризо-туры. 23 мая «туркестанская» группировка овладела стратегически важным рубежом — Хазараспом и уже оттуда продолжила наступление в направлении на Ханки.

Части генерала Веревкина, наступающие с северо-востока, в середине апреля первым хивинским городом на своем пути — Кунградом овладели без единого выстрела. Решение о его капитуляции приняли предводители местных каракалпакских родов и племен Хабнияз-бий, Саид-бий, Таджимурад-бий и Мансур-бий, настроенные оппозиционно к ханскому правительству. Узнав об этом, продвигавшийся навстречу Веревкину с отрядом нукеров Ильтузар-инак занял оборону в районе Ходжейли. Но когда противник подошел к городу, он покинул его без боя вместе с отрядом Худаяр-кушбеги. Продолжая наступление и не встречая серьезного сопротивления, группировка генерала Веревкина в конце апреля—начале мая овладела укрепленной крепостью Нукус, затем Кипчаком. Лишь вблизи Мангита она неожиданно была атакована объединенным отрядом туркменских племен иомудов и човдуров под предводительством Баба-мехтера. Однако силы были слишком не-

равны. Российские войска, пользуясь численным превосходством, отбили атаки и, преследуя нападавших, вновь ворвались в Мангит, а затем заняли кишлак Янги-яп, жестоко расправившись с его защитниками. Услышав об этом, правитель Гурлена Махмуд-бек направил депутацию к Веревкину и объявил о добровольной сдаче города. Путь на Хиву был открыт. Тем временем один из отрядов группировки повернул к Кяту — столице древнего Хорезма. Овладение им позволяло установить контроль над основными путями, идущими к столице ханства на левобережье Амударьи.

Неудача постигла лишь красноводский отряд. 17 апреля он достиг колодцев Игды. Израсходовав во время перехода через пески всю питьевую воду и большую часть продовольствия, он не смог продвигаться дальше. В начале мая отряд был вынужден возвратиться в Красноводск. Из-за маловодья на Амударье не принимала участие в операциях и Аральская военная флотилия.

Выбытие красноводского отряда и Аральской флотилии никак не повлияло на планы российского командования. Оно потребовало лишь внесения частичных изменений в общий план операций, некоторой перегруппировки наступающих частей и корректировки направления главных ударов. 26 мая «оренбургская» и «мангышлакская» группировки вплотную подошли к столице ханства — Хиве с севера, а «туркестанская» — с юго-востока. Несмотря на численное превосходство, им с ходу взять город, обнесенный высокой крепостной стеной, не удалось. Российские войска впервые натолкнулись на отчаянное и организованное сопротивление. В течение двух дней — 26 и 27 мая — они непрерывно штурмовали Хиву со всех сторон. Остатки ханской армии и пришедшие к ней на помощь добровольцы обороняли столицу стойко, героически. Убедившись в бесперспективности атак, 28 мая Веревкин приказал подвергнуть столицу массированному обстрелу из всех имеющихся орудий. Это и решило ее судьбу: Сеид Мухаммед Рахим-хан II скрытно покинул город, фактически признав свое полное поражение⁵⁴. Российско-хивинская война 1873 г., продолжавшаяся почти три месяца, завершилась капитуляцией Хивинского ханства.

Вторжение России в Хиву и поражение ханства в Форин Оффис не вызвали особой тревоги, хотя и привнесли ощутимую напряженность в российско-британские отношения, но опять-таки из-за ложной угрозы Индии⁵⁵. Английское правительство, уже в течение целого ряда лет (с

⁵⁴ См.: Мухаммед Юсуф Баяни. Родословная Хорезмшахов. С. 41—46; Тухтаматов Т. Г. Амударьинский отдел... С. 39—41; Узбекская Советская Энциклопедия: В 14 т. Т. 12. Ташкент, 1979. С. 308—309.

⁵⁵ См.: The Encyclopedia of world history: ancient, medieval, and modern, chronologically arranged. General editor Stearns P. N. — 6th ed. (rev. and expanded). Boston; New York, 2001. P. 510.

конца 1820-х гг.) упорно вторгавшееся в связи Хивы с Россией, искусно раздувавшее противоречия между двумя странами, под разными предлогами дестабилизируя их политические и экономические контакты, на падение Хивы отозвалось весьма специфически: Гладстон назвал аннексию ханства Россией не иначе как «несвоевременной»⁵⁶, вновь продемонстрировав отсутствие у Англии принципиальной и конструктивной восточной политики. Когда эмир Афганистана Шир-Али направил своего специального посланника к британским представителям для получения разъяснений по поводу возможной угрозы продвижения России из Хивы в направлении к афганским границам и перспектив получения от Англии помощи вооружением для отражения агрессии, то официальный Лондон сослался на подписанное накануне англо-русское соглашение, в соответствии с которым были определены параметры северных границ Афганистана и Россия обязалась «рассматривать территории афганского эмира как вне сферы своего влияния. Британцы, однако, отказались дать любые гарантии разочарованному Шир-Али»⁵⁷. Это лишний раз показывало глубину беспринципности британской восточной политики.

Стратегические цели российской политики в регионе

Наступательные операции российской армии против Хивинского ханства, как и Коканда и Бухары, по сути, представляли собой не более чем инструмент материализации на практике принципов *общего* плана утверждения России в Центральной Азии, выработанного военным лобби правительства Александра II. Того плана, в основу которого были положены «силовые» методы воздействия на правящие режимы, нашедшие отражение в игнорировании суверенитета и территориальной целостности государств региона, общепризнанных норм международного права. Вместе с тем, несмотря на вполне очевидное единство в общем, в частности, то есть применительно к Коканду, Бухаре и Хиве в *отдельности*, он отличался существенным разнообразием как *стратегических* целей, так и *тактики* осуществления. В исследованиях по проблеме, к сожалению, это упускается из виду, что становится причиной небесспорных выводов и заключений, препятствует объективизации весьма важного аспекта российской политики в отношении государств Центральной Азии в конце XIX в.

В литературе наблюдается широкий разброс мнений о самих предпосылках и целях продвижения России в Центральную Азию. Авторы

---

⁵⁶ Shannon R. Gladstone: 1865—1898. Volume II. North Carolina, 1999. P. 195.

⁵⁷ Nyrop F. R., et al. Afghanistan: a country study. Washington, 2001. P. 28, 29.

признают, что в середине XIX в. регион превратился в один из плацдармов англо-русского соперничества и Российское правительство принимало радикальные меры для недопущения ослабления своего влияния на сопредельные страны. Дальше их оценки расходятся. А. Л. Попов, например, был убежден, что в основе политики России в Центральной Азии во второй половине XIX в. лежали интересы не только сугубо экономические (улучшение условий торговли с ханствами, стремление заполучить свободный колонизационный земельный фонд), но также и чисто политические (вспомогательная роль в борьбе за черноморские проливы)⁵⁸, которые были неразрывно связаны друг с другом и рассматривались в едином контексте англо-русского соперничества. Так считает и М. Джофф. Успешное продвижение России в 1850—1860-е гг. готовило «почву для реализации в Центральной Азии российских экономических целей. — пишет он. — ...Развитие российского ткачества, особенно хлопкового... усиливало предпринимательские мечты о преобразовании Центральной Азии в обширный рынок для российских товаров и источник сырья для российской промышленности. Эти надежды отразили не только трезвую оценку слабого состояния внутреннего рынка России, его неспособности конкурировать с европейскими рынками, но также и веру предпринимателей, что экономические отношения с Азией для России существенны... Такая комбинация экономического интереса, российского национализма и имперских мечтаний побуждала лидеров Московского торгового сообщества... поддерживать в российских правительственных кругах защитников „передовой политики в Азии“, а хлопковый голод, вызванный в России американской гражданской войной, еще больше усиливал поддержку торговым лобби военных действий»⁵⁹.

По мнению Г. А. Хидоятова, стремление к рынкам Центральной Азии для России действительно имело некоторое значение. Однако, замечает он, представлять его в качестве решающего фактора русской политики в регионе в середине XIX в. было бы преувеличением. Анализируя на обширном фактологическом материале английский и российский подходы к «азиатскому вопросу», автор приходит к заключению, что «для Англии он был одним из главных в ее агрессивной экспансионистской политике в Азии, тогда как для России примерно до 90-х гг. служил лишь подспорьем в решении основного вопроса внешней политики — вопроса о черноморских проливах. Для России завоевание Средней Азии до некоторой степени было вынужденным политическим шагом, вызванным антирусской политикой Англии на Балканах и в вопросе о черноморских проливах...»⁶⁰. Это означает, что

⁵⁸ См.: Исторические записки. Т. 1. М., 1940. С. 183; Исторические записки. Т. 9. М., 1940. С. 209.

⁵⁹ Joffe M. *Diamond in the Rough*... P. 184.

⁶⁰ Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений... С. 41, 46.

Центральная Азия, по мнению Г. А. Хидоятова, представляла интерес для России только как предмет *политического* торгова в диалоге с Великобританией, не более, и ее политика в регионе была лишена самостоятельного характера. В таком случае нельзя понять, почему российская политика активно «проникала» в политическую ткань Хивы и Бухары, оказывала серьезное влияние на ситуацию в сопредельных Афганистане, Персии и Турции.

Н. А. Халфин, напротив, отвергает наличие политических мотивов в действиях Российского правительства в отношении государств Центральной Азии и на первый план выдвигает экономические факторы. «Необходимость укрепления позиций в среднеазиатских ханствах была вызвана тем, — отмечает он, — что в пореформенной России происходили серьезные экономические сдвиги, в связи с чем борьба за рынки сбыта и источники сырья приобрела особое значение»⁶¹. К таким же выводам приходят А. С. Садыков, Т. Г. Тухтаметов, И. В. Погорельский и ряд других исследователей, подчеркивая стремление пореформенной России установить контроль над *внутренними рынками* и пока еще недостаточно освоенными источниками относительно дешевого сырья, а также природными ресурсами государств региона Центральной Азии.

Полярно противоположной точки зрения на проблематику придерживается М. К. Рожкова. Она утверждает, что царское правительство постоянно заявляло о своей заинтересованности в развитии торговых и экономических отношений с государствами региона, снаряжало торговые караваны, посольства. На деле они занимались разведывательной деятельностью, сбором разной агентурной информации о внутреннем положении ханств, служили прикрытием завоевательной политики царизма⁶². Исходя из этого, М. К. Рожкова заключает, что в российской политике в регионе мирные устремления отсутствовали. Однако автор вовсе не оригинальна. Буквально о том же самом писал и Э. Аллворт, касаясь политики России в отношении Хивы и Бухары в допетровскую эпоху и позже⁶³. При этом ни он, ни М. К. Рожкова не привели каких-либо убедительных фактов.

А. М. Аминов и А. Х. Бабаходжаев считают, что завоевание Россией государств Центральной Азии «вызывалось в основном факторами внешнеполитического характера», то есть явными опасениями царского правительства, вызванными попытками Англии «обосноваться... в прямом соседстве с Россией». Вместе с тем исследователи отнюдь не исключают непосредственной заинтересованности в колонизации Цен-

---

⁶¹ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России... С. 137.

⁶² Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией... С. 214, 236.

⁶³ См.: Central Asia, 130 years of Russian dominance. P. 9, 14, 25, 43, etc.

тральной Азии российского купечества, нарождавшейся промышленной и торговой буржуазии, замечая при этом, что, однако, пока она накануне завоевания «не представляла собой готового объекта для колониальной экспансии», ибо еще «не располагала сколько-нибудь значительными ресурсами хлопкового сырья, не могла являться, хотя бы по транспортным условиям, значительным рынком для сбыта промышленных товаров метрополии, еще в меньшей степени могла рассматриваться как привлекательный объект финансовой эксплуатации или емкий район крестьянской массовой колонизации». Тем не менее, подытоживают авторы, всеобщий «неизбежный закон капиталистического развития толкал Россию в определенном направлении к росту капитализма вширь, к захвату колонии»⁶⁴. Если регион не имел значительных ресурсов «хлопкового сырья», к тому же еще «не мог являться... значительным рынком для сбыта промышленных товаров метрополии», не представлял собой «привлекательный объект финансовой эксплуатации» и «емкий рынок крестьянской массовой колонизации», то, в таком случае, какой же интерес он представлял для Российской империи как колония?

Р. Э. Савойя основными побудительными мотивами, стимулировавшими ускорение продвижения России в восточном направлении, называет три обстоятельства, обусловленных процессом формирования империи: «1) узость рамок естественных границ; 2) грабительские набеги кочевых мусульманских сообществ, которые осуществлялись ими с целью захвата крестьян, чтобы превратить их затем в рабов; 3) потребность увеличивать торговлю между Севером и Югом для финансирования строительства и эксплуатации железных дорог, необходимых для поддержания завоеваний и сохранения обладания аннексированными территориями»⁶⁵. Любопытно, что Р. Э. Савойя эти обстоятельства обуславливает запросами политики индустриализации России, развитие которой делит на два основных этапа. На первом из них, определяемом им как «самая ранняя стадия индустриализации», охватывающем 1800—1865 гг., «Россия захватывала феодальные княжества на Кавказе и плюс огромное степное пространство к востоку от Каспийского моря, которое было населено разными кочевыми племенами скотоводов»; на втором, приходящемся на 1865—1895 гг., «Россия захватила феодальные Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства вдоль своей южной границы». Эти аннексии, заключает Р. Э. Савойя, «стали возможны потому, что центральное правительство России энергично осуществляло политику индустриализации»⁶⁶. Не будем

⁶⁴ Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия... С. 34.

⁶⁵ *Seavoy R. E. Origins and growth of the global economy: from the fifteenth century onward.* Westport (Conn.); London, 2003. P. 127.

⁶⁶ *Ibid.*

углубляться в дискуссию и заметим только, что аргументы автора представляют интерес, однако они, к сожалению, раскрывают лишь отдельные аспекты важной проблемы, а не всю гамму причин и предпосылок, послуживших своеобразным строительным материалом для российской политики в отношении Центральной Азии, в том числе и Хивинского ханства.

Оригинальную конструкцию основных предпосылок продвижения России в Центральную Азию, отражавшую в какой-то степени почти все существующие оттенки мнений по проблеме и вместе с тем обобщающую наиболее ценные из них, выдвинул Е. Л. Штейнберг. Он акцентировал внимание на трех, на его взгляд, ключевых факторах, которые оказали определяющее влияние на формирование российской политики в регионе: 1) потребности быстро развивавшейся после реформы 1861 г. капиталистической промышленности в рынках сбыта и сырьевых базах; 2) стремление обеспечить контроль над ханствами Средней Азии, которые, находясь вблизи Каспийского моря, Южного Урала, Нижнего Поволжья и Западной Сибири, играли существенную роль в торговле России и обороне ее жизненно важных центров; 3) дипломатические соображения, т. е. попытка путем демонстративных действий на среднеазиатском театре добиться уступок со стороны Англии на Ближнем Востоке⁶⁷. Несмотря на всю привлекательность этой конструкции, ее фактологическую обоснованность, она в целом недостаточно полно отражает суть вопроса.

В чем причина часто встречающегося в литературе столь серьезного расхождения взглядов на объективное содержание российской политики в Центральной Азии? Почему, пользуясь едиными источниками, одни исследователи предпочитают акцентировать внимание на ее процирированности на решении *экономических* задач, а другие, напротив, — *политических*, не признавая их взаимосвязи и взаимообусловленности? Ответы на эти вопросы имеют исключительное значение, ибо без прояснения движущих *мотивов* государственной политики, ее *логики* не представляется возможным правильно понять ее последствия, соответствие национальным и геополитическим интересам.

На наш взгляд, цели и задачи поступательного движения России в Центральную Азию следует рассматривать на двух самостоятельных уровнях: *общерегиональном* и *субъектном* (то есть применительно к конкретным государствам), причем в неразрывной связи как экономического, так и политического аспектов. Под общерегиональным уровнем необходимо понимать прежде всего те глобальные стратегические цели, которые российская политика преследовала в регионе. В плане *экономическом* они заключались главным образом в монополизации

---

⁶⁷ См.: Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. С. 110.

внутренней и внешней торговли государств региона, обеспечении благоприятных условий для беспрепятственного проникновения на их внутренние национальные рынки российского торгового, промышленного и финансового капитала, а в плане *политическом* — в юридическом оформлении гегемонии России в Центральной Азии для воздвижения барьеров на пути продвижения Англии в Прикаспий и Приаралье. Именно такие задачи ставились и решались в стратегических планах российских военно-политических кругов, осуществлявшихся в ходе развернутых войсковых операций в 50—70-е гг. XIX в. на территориях Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств.

В этой связи нельзя не обратить внимания на особенность *маршрута движения* частей российской армии и *направления* главных ударов. Они никак не учитываются исследователями, хотя могут пролить немалый свет на содержание практических целей, во имя достижения которых, в общем-то, и осуществлялись. Войсковые операции изначально планировались таким образом, чтобы установить контроль не просто над определенным укрепленным пунктом или же административным районом, даже не над тем или иным крупным городом, а главным образом над ключевыми *торговыми* центрами, занимавшими в экономической жизни того или иного региона господствующее положение и расположенными на пересечении основных торговых путей.

Об этом убедительно свидетельствует, к примеру, маршрут движения российской армии по территории Южного Казахстана, на правобережье Сырдарьи. Так, занятая еще в 1853 г. экспедиционным корпусом В. А. Перовского крепость Ак-мечеть была оживленным торговым центром, куда систематически прибывали богатые караваны из Коканда, Бухары и Хивы, казахские и киргизские скотоводы пригоняли тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота для обмена на хлопчатобумажные изделия, другие товары. На базаре крепости только в одном 1856 г. операции вели 100 бухарских купцов, торговавшие хлопчатобумажными изделиями, мукой, сушеными фруктами, мерлушкой, чаем, а также товарами российского производства (сахар, сундуки, котлы, погребцы и проч.), закупленными на Нижегородской ярмарке и в Оренбурге. Крупным центром торговли являлся и Казалинск, где был заложен форт № 1. В 1856 г. сюда прибыл торговый караван с товарами на 500, в 1857 г. — на 850 и в 1858 г. — уже на 1200 верблюдах из всех регионов Центральной Азии, а также из некоторых государств Ближнего и Среднего Востока, включая Турцию и Афганистан.

Во время второго этапа похода в Центральную Азию тенденция была сохранена. Российская армия продолжала двигаться опять-таки в направлении главных торговых центров региона. Например, в Аулие-Ата, занятом частями генерала Черняева, наряду с традиционным восточным базаром, имелось 250 постоянных торговых лавок. В крупном

городе Туркестане работала 391 торговая лавка с годовым оборотом 316 тыс. руб. Ежегодно здесь проходили не менее 12 тыс. груженых разными товарами верблюдов. В Чимкенте были открыты 500 торговых лавок с годовым оборотом до 300 тыс. руб. В Джулеке, куда стекались товары из Ташкента, Туркестана и Бухары, ежегодный товароборот составлял 25,7 тыс. руб. серебром. В городе Ташкенте функционировали 400 торговых лавок и т. д.⁶⁸ Большую роль в торговых и экономических связях между государствами региона играли также города Кунград, Ходжейли, Мангит, Кипчак, Гурлен, Ханки, Хазарасп, Новый Ургенч, Кят, Газават и другие, занятые российскими войсками в ходе военных действий на территории Хивинского ханства. Они, будучи расположены в зоне старого орошения, традиционно примыкали к Амударье, следовательно, некоторые имели прямой выход по реке к Аральскому морю, и уже только поэтому имели важное стратегическое значение.

Торговые центры региона не случайно были избраны главными целями. И не только потому, что располагались на основных караванных или «шелковых» путях. В конкретно-исторических условиях середины XIX в., при крайней неразвитости системы экономического сотрудничества между государствами, торговые связи являлись чуть ли не единственной, но вместе с тем и эффективной формой движения товарных ресурсов и капиталов. Установив контроль над важнейшими торговыми центрами, Российское правительство тем самым получало реальную возможность непосредственно воздействовать на состояние торговых отношений, регулировать движение капиталов с таким расчетом, чтобы обеспечить максимально привилегированные условия для деятельности российской торгово-промышленной и финансовой буржуазии внутри страны, а также за ее пределами с учетом в первую очередь национальных интересов.

Общерегionalные стратегические цели имели и отчетливо выраженный *политический* аспект, отразивший соперничество между Россией и Англией за лидерство в Центральной Азии. В этом можно согласиться с большинством исследователей. Однако вряд ли являются убедительными утверждения тех авторов, которые под политическими факторами подразумевают попытки правительства России демонстрацией силы в Центрально-Азиатском регионе добиться определенных уступок со стороны Англии, к примеру, на Ближнем Востоке или же в

---

⁶⁸ ЦГА Республики Казахстан, ф. И-382, оп. 1, д. 55, л. 52—54 об.; ф. И-383, оп. 1, д. 31, л. 7 об.—13 об.; *Тетеревников А. Н.* Очерк внутренней торговли киргизской степи. СПб., 1867. С. 4, 28, 29, 35, 40; *Мадуанов С.* К истории торговых связей между оседлыми и кочевыми районами Туркестана во второй половине XIX века // *Общественные науки в Узбекистане.* 1980. № 2. С. 49—51.

вопросе о черноморских проливах. Несомненно, эти проблемы для Российского правительства представляли повышенный интерес, особенно после поражения в Крымской войне 1853—1856 гг., подписания унижайтельных условий Парижского мира 1856 г., лишивших Россию возможности базировать военный флот на Черном море и вынудивших демонтировать принадлежавшие ей приморские укрепления. Они не выпадали из поля зрения Российского правительства и в исследуемый период. Однако эти вопросы находились за пределами контекста российской политики в регионе Прикаспия и Приаралья, где у нее, как мы уже говорили, имелись конкретные *традиционные*, а вовсе не опосредованные или второстепенные собственные *геополитические* интересы, которые она отстаивала в течение нескольких столетий, со времен, к примеру, Петра I, зачастую последовательно и настойчиво, а порой — спонтанно, подменяя дипломатию силовыми методами, неся моральные и материальные потери.

Проведенные Россией войсковые операции способствовали четкому прочерчиванию разграничительной линии в зоне ее интересов, которая ограждалась де-юре от всяческого английского, а также иного внешнего влияния. Она позволила ей, во-первых, выйти к северо-восточным рубежам Афганистана и стать гарантом сохранения независимости княжеств Бадахшан и Вахан, таким образом воздвигнуть барьер на пути вторжения Англии и ее сателлитов в регион Центральной Азии. Такая угроза действительно существовала. Э. Ингрэм указывает, что у британских властей планы возможного выхода к Аральскому морю имелись: наиболее предпочтительным представлялся маршрут в восточном направлении вдоль Черного моря к Северной Персии и на запад вдоль Северного Афганистана и вниз по Оксусу к Аральскому морю⁶⁹. Хотя он как идеальный рекомендовался купцам, торгующим хлопчатобумажными товарами, на самом деле вполне мог служить и как предпочтительное направление движения для армейских сил, ибо с этой целью топографические съемки пути и проводились. Кроме того, в 1860—70-е гг. действовавшими в регионе под прикрытием Лондонского географического общества и Большой тригонометрической службы в Индии британскими разведчиками были подготовлены подробнейшие карты бассейна Амударьи, Каспийского и Аральского морей, имевшие стратегическое значение и предназначавшиеся для использования во время вторжения английских войск в Центральную Азию.

При этом своеобразными воротами в регион рассматривались княжества Бадахшан и Вахан, а также Амударья. Как отмечал тогда же М. А. Терентьев, если британской короне удастся добиться переподчинения независимых княжеств, то «афганцы примкнут к реке (речь идет об Амударье. — М. Н.), и тогда англичане, значит, могут завести

⁶⁹ См.: *Ingram E. The British Empire as a World Power... P. 128.*

здесь фактории и пароходство — флаг Афганистана совершенно законно прикроет английскую предприимчивость»⁷⁰. Отстояв Бадахшан и Вахан, Россия тем самым перекрыла горные дороги с севера и востока Афганистана на Коканд, плодородную Ферганскую долину, Бухару и Хиву, обезопасив их от возможного вторжения британских колониальных войск. Такое вторжение, подчеркнем, было вполне реальной угрозой, вытекавшей из агрессивности самой сути политики Великобритании на Востоке, ее имперских и колонизаторских амбиций, ярко аккумулировавшихся в порабощении Индии, организации вооруженной интервенции против Афганистана, разработке стратегических планов «проникновения» в районы Прикаспия и Приаралья. В итоге «Коканд, Бухара и Хива стали расцениваться как символы той Великобритании, у которой не хватило способности задействовать все рычаги давления на Россию. Они лишней раз послужили доказательством правоты заявления России, что она ни в чем не нуждается и в конце концов не допустит вмешательства других государств в свои отношения с соседями»⁷¹, — заключает Э. Инграм. И с этим, право же, трудно не согласиться, ибо такова логика действий и самостоятельного политического курса сформировавшейся империи, обладавшей на международной арене статусом великой державы.

Во-вторых, установив прямой политический контроль над всеми государствами региона Центральной Азии, включая Афганистан и Персию, Россия тем самым свела к минимуму возможность проникновения в Прикаспий и Приаралье, а также в Закавказье эмиссаров султанской Турции, повторения той ситуации, которая возникла здесь в конце 30—начале 40-х гг. XIX в., когда впервые обозначились контуры антирусского блока из мусульманских стран. Несмотря на неоднократные провалы, правящие круги Турции, действовавшие по указке Великобритании, не желали отказываться от навязчивой идеи о «союзе мусульман», великой «Османской империи», куда должны были войти Хива, Бухара и Коканд. В этих целях они были не прочь сблизиться не только с Англией, но и с Кашгаром, что подтверждают тайные переговоры, проводившиеся между представителями турецкого султана и кашгарского правителя Якуб-бека в начале 1870-х гг. в Константинополе, Яркенде и других городах Турции и Кашгара при участии британцев. Принципиально новая политическая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии к концу XIX в., ограничивала возможность сколачивания антирусской коалиции.

В ходе боевых операций на центральноазиатском театре Россия продемонстрировала военную мощь и перед Кашгаром, граничившим с Кокандским ханством и служившим одним из плацдармов для веде-

⁷⁰ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 266.

⁷¹ Ingram E. The British Empire as a World Power... P. 71.

ния подрывных действий против Российской империи. Источники показывают, что Английское и Индийское правительства, следуя принципам небезызвестного меморандума Г. Роулинсона, постоянно и довольно щедро снабжали оружием правителя Кашгара Якуб-бека и его последователей. Их вооруженные формирования военному делу обучались под руководством опытных специалистов — британских офицеров. Явно антирусская направленность англо-кашгарского союза стала совершенно очевидной после заключения между Англией (Индией) и Кашгаром в 1872 и 1873 гг. двух договоров, которые носили военно-политический характер, были спроецированы на сколачивание антирусского блока. Однако эти усилия оказались тщетны. Подчинив Кокандское ханство де-факто, Российское правительство надежно и надолго обезопасило южные рубежи Центральной Азии.

Субъектная направленность российской политики. Введение Россией непрямого управления в Хивинском ханстве

В нетрадиционных подходах нуждается рассмотрение *субъектной* направленности российской политики в Центральной Азии. Нельзя сказать, что проблема выпала из поля зрения исследователей. Напротив, можно назвать немало обстоятельных трудов и дооктябрьских, и советских, и современных историков, посвященных политике России в Хивинском, Бухарском и Кокандском ханствах, а также в Туркестане во второй половине XIX в. (мы это делали уже не раз, и потому повторять их нет особой необходимости). Но это ни в коей мере не снижает остроту и политическую злободневность вопроса. Она обусловлена тем, что если в трудах дооктябрьского периода российская политика в отношении того или иного государства Центральной Азии прегюдносилась, как правило, в плане оправдания «цивилизаторской миссии» царизма, то позднее, в работах советских историков, главное внимание было сосредоточено на доказательстве тезиса о «добровольном присоединении» Центральной Азии к России, об «исторических последствиях» этого шага в политической, экономической и социальной сферах для перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

В работах современных авторов, в частности, из некоторых бывших союзных советских республик СССР, изданных в постперестроечные годы, а также в современных западных публикациях принципиальных различий между политикой царизма и политикой Советского правительства не делается, весь сложный и противоречивый период после утверждения России в Центральной Азии, начиная с XIX в. и до 1991 г., т. е. до распада СССР, рассматривается, вопреки общеизвест-

ным фактам, как единый этап реализации российской «колониалистской» политики и зависимого развития государств Центральной Азии, прежде всего Хивы, Бухары и Туркестана. Это свидетельствует об одном: политика России в отношении сопредельных стран была, есть и будет объектом острых дискуссий в научных кругах и повышенных конъюнктурных интересов различных социально-политических сил не только внутри самого Содружества Независимых Государств, но и за его пределами.

Необходимо подчеркнуть, что такие весьма расхожие в литературе понятия, как «колонизация» или «присоединение» в их классическом варианте, к политике России в отношении государств Центральной Азии применимы лишь с существенными оговорками. Главная ошибка большинства исследователей заключается в том, что они зачастую, сознательно или же неосознанно, смешивают экономику и политику, не проводят разъединительную черту между относительно распространенным в мирохозяйственных взаимосвязях исторически закономерным доминированием того или иного государства на внутреннем рынке какой-либо другой страны, обусловленным уровнем развития ее экономики, прочностью внутреннего производственного потенциала, и характером внешнего воздействия на систему традиционных политических институтов.

Многие авторы, ссылаясь на общеизвестный тезис В. И. Ленина о невозможности существования и развития капитализма «без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»⁷², механически переносят это определение и на политику России в отношении *всех* государств Центральной Азии. Между прочим, в цитируемом контексте речь у Ленина шла о вполне конкретном явлении — о взаимопроникновении или «сращивании» в условиях эволюции капитализма *внутреннего* и *внешнего* рынков, общем значении капиталистического развития *центра* для отсталых *окраинных* районов империи. Примечательно, что он, размышляя над этими проблемами, при определении статуса сопредельных центрально-азиатских государств не был столь категоричен и предпочитал опираться только на факты. «Если Средняя Азия — внутренний рынок, а Персия — внешний, — писал В. И. Ленин в конце 90-х гг. XIX в., — то куда отнести Хиву и Бухару?» И далее, как бы предостерегая читателя от поспешных выводов, предупреждал, что «сколько-нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории» на этапе капитализации России требует специальной работы⁷³. Даже значительно позднее, с большой долей уверенности от-

---

⁷² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 595.

⁷³ Там же. С. 595, 596.

нося Туркестанский край к таким же колониям «чистейшего типа», как, например, Индия и Египет⁷⁴, Ленин в то же время по-прежнему осторожно отзывался о статусе Хивинского и Бухарского ханств, называя их *нечто вроде колонии*, как бы подчеркивая тем самым их **особые отношения** с Россией и еще не устоявшееся политическое положение. «...Если Франция, — констатировал он в 1917 г., — воюет за свои колонии, то у России есть Хива и Бухара, это тоже нечто вроде колоний...»⁷⁵ Но это не означает, что Ленин игнорировал аннексионистский характер политики царизма в отношении Хивинского или Бухарского ханств. Напротив, он не раз изобличал именно захватнические цели царизма в Центральной Азии, уподобляя их аннексионистской политике Германии в Бельгии, Сербии и пр.⁷⁶ Поэтому вряд ли целесообразно подвергать сомнению объективность точки зрения В. И. Ленина и отвергать ее под давлением далеких от науки идеологических факторов.

К сожалению, в исследованиях советских авторов более позднего периода метод В. И. Ленина при освещении проблемы использовался конъюнктурно. Стремясь подвести базу под тезис о *добровольном присоединении* Центральной Азии, в том числе и Хивинского ханства, к России, историки неустанно ссылались на труды Ленина, вырывали из текста «актуальную» цитату, не утруждая себя ни тщательным анализом, ни внимательным прочтением автора. Хотя в публикациях операции российской армии в регионе преподносились как *завоевание* царизмом Центральной Азии, но подразумевалось под этим прямо противоположное, абсолютно несовместимое с силовыми действиями понятие: «*добровольное присоединение*» к России государств региона. Что же касается содержавших положение о статусе Хивы и Бухары соглашений, в частности с Англией, подписанных Россией и в общем-то соблюдавшихся ею, о них умалчивалось. Так упорно навязывался миф о *добровольном* вхождении Хивинского ханства и Бухарского эмирата, как, впрочем и Казахстана, в состав Российской империи.

Взгляд на российскую политику в Центральной Азии через призму ее субъектной направленности обнаруживает существенные *различия* в отношении России к *каждому* из государств региона. Рассмотрим ее *политический* аспект, прежде всего — воздействие на сложившуюся традиционную систему государственности и власти, суть которого вызывает наибольшие споры. При непредвзятом подходе бросается в

---

⁷⁴ См.: Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма (Популярный очерк) // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 382; Он же. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 35.

⁷⁵ Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 274.

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Печальный документ // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 16.

глаза, что Российское правительство, с одной стороны, принимало энергичные меры для форсирования формирования государственности в Туркестанском крае, а с другой — максимально ослабляло позиции Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. *Туркестанское* генерал-губернаторство, в которое вскоре вслед за Сырдарьинской и Семиреченской областями вошли Ферганская и Закаспийская области, Зарафшанский округ (впоследствии — Самаркандская область) и некоторые другие аннексированные территории, за сравнительно короткий срок превратилось в крупнейшее государственное образование в Центральной Азии. Его территория превысила 1,5 млн. км², а численность населения достигла 5,3 млн.⁷⁷ Это в 3,5 раза больше, чем все население Бухары, и почти в 5 раз — Хивы.

Генерал-губернаторство стало неотъемлемой частью империи. Со дня образования оно было включено в сферу действия российских законов и государственно-правовых норм. Начиная с 1867 г. в Туркестане создавалась система таких политических институтов, которые по своему строению были приближены «по возможности к администрации в других частях России», содействовали решительному устранению «порядков, вредных интересам России», а также концентрации в единых руках всей «власти военной и административной»⁷⁸. Эти основополагающие принципы, впервые зафиксированные в проекте Временного Положения об управлении Туркестанским краем, принятом в 1867 г., составленном под руководством К. П. Кауфмана и отразившем его взгляды и представления на суть государственного устройства края, оставались неизменными во всех последующих редакциях документа, включая новый текст 1886 г. Они, за небольшими исключениями, не учитывали ни местные исторические и культурные традиции, ни даже перспективы формирования в Туркестане с учетом уже имевшегося опыта (например, упраздненного Кокандского ханства) национальной государственности.

Генерал-губернаторство, как и все другие губернии России, получило право выдвигать депутатов в Государственную думу. Кроме того, имело построенные по российскому образцу собственные вооруженные силы и полицию, которые руководствовались общероссийскими уставами. Генерал-губернатор являлся не только высшим административным лицом, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Ему подчинялись военные губернаторы областей и начальники городов и уездов, которые им же и назначались.

В крае по образцу российских губерний были учреждены нетрадиционные для него административно-территориальные образования. Генерал-губернаторство в своей окончательно сложившейся к 1899 г.

⁷⁷ См.: Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 345.

⁷⁸ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 27, д. 60а, л. 9—10.

форме делилось на 5 областей (Семиреченская, Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская), которые являлись в территориальной структуре высшим звеном, обладали относительной автономией при решении всех внутренних политических, финансовых, военных и хозяйственных вопросов. Ими, как и повсюду в империи, руководили военные губернаторы, назначавшиеся царем по представлению военного министра и поэтому имевшие на подведомственной территории абсолютную власть.

Среднее звено было представлено 27 уездами и городами. Руководство администрациями осуществляли, соответственно, начальники уездов и городов, также назначавшиеся из числа кадровых армейских офицеров. В пределах полномочий они осуществляли повседневный контроль за реализацией на подведомственной территории решений и распоряжений Российского правительства и краевой администрации. В непосредственном подчинении начальников уездов и городов находились размещенные на местах военные гарнизоны, административно-полицейский и хозяйственный аппарат.

Низовыми звеньями территориальной администрации стали участки в наиболее крупных уездных городах, возглавлявшиеся участковыми приставами, и кварталы (*даха*) в малых городах, управлявшиеся аксакалами, как правило, из числа коренного населения. Их задачи строго ограничивались организацией безусловного выполнения указаний центральной власти края и военного губернатора, обеспечением соблюдения на местах общественного порядка.

Российское правительство во внедренной в Туркестанском крае системе *прямого управления* использовало и выборное начало. Оно распространялось на гражданскую администрацию из представителей коренного населения областей, уездов, городов и кишлаков, чтобы по возможности максимально опереться на местную правящую элиту. Приглашая ее к тесному сотрудничеству, К. П. Кауфман в январе 1868 г. на встрече с «почетными» гражданами Ташкента заявлял не без гордости, что законы внутреннего устройства края специально «написаны в Петербурге для всех жителей Туркестанского генерал-губернаторства» и что правительство России «полагает возможным предоставить ташкентцам, как и всем другим сартам, право выбирать правильным образом арык-аксакалов, аксакалов и казиев с подчиненными им лицами»⁷⁹.

В соответствии с предписаниями Российского правительства волостной управитель и его заместитель избирались прямым и открытым голосованием на областном съезде выборщиков, на который от каждых 50 домовладельцев делегировался один представитель. Решение съезда

---

⁷⁹ См.: Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С. 63, 64.

обретало силу закона только после одобрения его военным губернатором. Тот же принцип распространялся на выборы уездного и городского старшин.

Аксакалы кишлаков избирались на сходах дехкан простым большинством голосов. Несмотря на достаточно упрощенный характер избирательной системы, в администрациях областей, уездов и городов, а также кишлаков выборные должности для представителей не только низшего, но и среднего сословия были недоступны. Повсеместно они переходили в распоряжение прежних правителей — хакимов, беков, аксакалов, сохранивших свой правовой статус благодаря оказанию тех или иных услуг новой колониальной администрации края. Они не влияли на политику военной администрации, но должны были помогать в реализации ее функций.

Понимая неизбежность применения мусульманских законов в Туркестане, Российское правительство, чтобы предотвратить трудности, которые при этом могли возникнуть, было вынуждено объявить во временном «Положении» 1867 г. о признании традиционных местных судов: биев у кочевников, руководствовавшихся адатом, то есть обычным правом, и судов казиев и минг-баши у оседлого населения, основывавшихся на нормах и принципах шариата. В их компетенцию входило рассмотрение только дел, касающихся «туземного» населения. Вместе с тем выборность распространялась и на них. Она не меняла сути деятельности местных судов, которые действовали с опорой на религиозно-правовые нормы ислама, неукоснительно руководствовались принципами шариата и сохраняли неограниченную юрисдикцию над коренным населением в гражданских и уголовных делах.

Политическая система, сформировавшаяся в Туркестанском генерал-губернаторстве, сочетала признаки и русификации, и стремления российских властей максимально приспособить к новым реалиям оставшиеся нетронутыми местные традиции, которые могли быть использованы для нужд колониальной администрации и расширения ее базы. Оставив за феодальной знатью прежние права и таким образом гарантировав сохранность политических и экономических привилегий старой правящей элиты, военные власти обрели в их лице надежного союзника. Практика наглядно показала, что так называемая «туземная» администрация, пользовавшаяся определенным авторитетом среди местного мусульманского населения, но не способная на самостоятельные действия, не была готова к осуществлению модернизации туркестанского общества. Вполне очевидно, что подобное развитие традиционных институтов политической надстройки обуславливалось и самим характером навязанных «сверху» политических и социально-экономических реформ. Они не только не разрушали, но, напротив, деформировали и усиливали реконсервацию сложившейся основы архаичных феодально-патриархальных форм правления в Туркестанском

крае, дополнив их совершенно иной социально-политической системой прямого российского управления.

Политика Российского правительства в отношении *Бухары* заметно отличалась от той, которая проводилась в Туркестане. Добившись безоговорочной капитуляции бухарской армии и одержав в войне против ханства полную победу, российские власти не спешили присоединять покоренную страну, навязывать ей нетрадиционные формы государственного устройства и социально-политические нормы. На совместном совещании двух ключевых министерств, непосредственно ответственных за разработку и реализацию российской восточной политики, — иностранных дел и военного, которые представляли А. М. Горчаков и Д. А. Милютин, в объяснение причин такого шага было откровенно заявлено, что «занятие Бухарского ханства с включением его в пределы России повело бы неминуемо к необходимости усилить число войск в этой части края, к увеличению издержек военных и административных и, не доставив при этом особенно важных выгод, могло бы весьма усложнить общее наше политическое положение»⁸⁰. Точнее не скажешь. Присоединение Бухары к империи потребовало бы от России огромных финансовых и других материальных затрат как на содержание армии, так и на переустройство системы государственного управления, реорганизацию администрации в центре и на местах, «приспособление» хозяйственной жизни к нуждам метрополии и т. д. Бюджет России конца 60-х—начала 70-х гг. XIX в., обремененный серьезными внутренними финансово-экономическими проблемами, заметно истощенный расходами на ведение войны в Центральной Азии, вряд ли был в силах выдержать такую непомерную нагрузку. Кроме того, российские власти, намечая линию поведения в отношении Бухары, как и других государств Центральной Азии, были вынуждены постоянно оглядываться на договоренности, заключенные с Англией, учитывать международный резонанс, который получали их действия в регионе.

Наличие целого комплекса как экономических, так и политических факторов серьезно усложняло решение «бухарской проблемы». В российских правящих кругах не были склонны ущемлять собственные геополитические интересы, ради которых военное вторжение в Центральную Азию и осуществлялось. Поэтому они пошли на установление с Бухарским ханством *особых отношений*, введение здесь системы *непрямого* управления. Суть последнего нашла более или менее полное отражение в заключенном в Самарканде 11 (23) июня 1868 г. между Россией и Бухарой соглашении и мирном договоре «О дружбе», подписанном генерал-губернатором Кауфманом и бухарским эмиром Му-

---

⁸⁰ Цит. по: *Фиолетов Н.* Бухарское и Хивинское ханства и их отношения с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 75.

заффаром в Шааре 28 сентября (10 октября) 1873 г. В соответствии с положениями документов российские власти наложили на Бухару во-енную контрибуцию в размере 500 тыс. руб., лишили ее права самостоятельных сношений с иностранными государствами, заключения соглашений и договоров. Бухара потеряла крупные города Самарканд, Джизак и Каттакурган с окрестностями, расположенные в Зарафшанской долине. Они были присоединены к Туркестанскому генерал-губернаторству. В качестве компенсации за аннексированные районы, как уже отмечалось, Бухаре были переданы некоторые территории Хивинского ханства на побережье Амударьи (город Чарджуй и др.), а также независимые бекства Шахрисабз и Китаб на приграничье с Кокандом, покоренные российской армией.

Шаарский договор, носивший в основном экономический характер, крайне невыгодный для бухарской стороны, был направлен на всемерное обеспечение благоприятных условий для эффективного функционирования на бухарском внутреннем рынке российского торгового-промышленного и финансового капитала. Бухарское правительство обязалось обеспечивать свободное передвижение торговых караванов русских купцов по городам и кишлакам под покровительством властей. Оно гарантировало их безопасность, беспошлинный провоз через территорию ханства транзитных товаров. Российский промышленно-финансовый капитал получил неограниченную возможность строить в пределах Бухарского эмирата промышленные предприятия, приобретать недвижимое имущество, скупать землю, владеть ею на правах личной собственности, уплачивая *херадж* в размере 1/10 доли урожая, как и все местное население ⁸¹.

В городе Новая Бухара было учреждено Российское императорское политическое агентство, одновременно выполнявшее функции сугубо дипломатического представительства и наблюдавшее за деятельностью Бухарского правительства, осуществлявшее надзор за русской диаспорой. В его компетенцию входило также рассмотрение судебных дел, связанных с подданными России. В городах Чарджуй, Керки, Термез и Сарай, имевших стратегическое значение, были размещены русские воинские гарнизоны общей численностью до 8 тыс. солдат и офицеров. В Новой Бухаре и Чарджуе учреждаются администрации городского начальника, а в Керки открывается военная комендатура. Эти города, где вступают в силу законы Российской империи, де-факто получают статус экстерриториальности, оставаясь в то же время в составе Бухарского эмирата.

9 мая 1889 г. Российское правительство предприняло очередной шаг в направлении существенного расширения пределов непрямого

---

⁸¹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 135—139.

управления в эмирате. Специальным законом оно изъяло из ведения Политического агентства и казийских судов рассмотрение уголовных и гражданских дел в отношении русскоподданных, передав это право мировому судье Новой Бухары и Самаркандскому окружному суду.

В 1893 г. должности мировых судей были введены в городах Чарджуй и Термез. Как и суды других российских поселений, в своей деятельности они руководствовались преимущественно нормами действующей российской юриспруденции, подчинялись непосредственно Политическому агентству.

Неравноправные договоры, навязанные Бухарскому эмирату после поражения в войне с Россией, приведшие к серьезному ограничению суверенитета страны, создали предпосылки для трансформации его в протекторат империи. Процесс этот был сложным и противоречивым, продолжался и в начале XX в. Причиной тому был дуализм политики Российского правительства, в которой аккумулировалось, с одной стороны, стремление превратить Бухару в составную часть империи, а с другой — сохранить относительную самостоятельность эмирата в строго определенных социально-политических рамках. Этот дуализм отразился и в том, что принципиальные положения Шаарского договора в последующие годы не раз подвергались изменениям и дополнениям. Новые статьи, внесенные в него в 1882 и 1889 гг., развернутое соглашение 1896 г. по Западному Памиру, в разработке которого бухарская сторона принимала непосредственное участие, многие другие межгосударственные акты поэтапно и существенно расширяли права и полномочия властей эмирата, последовательно закрепляя *особый* характер отношений между Россией и Бухарой.

После 1868 г. государственное устройство Бухары, традиционные институты ее политической системы не были ни расформированы, ни реконструированы, остались без изменений. Не оказывало на них ощутимого влияния и российское присутствие, хотя оно, несомненно, вносило элемент новизны в политическую жизнь эмирата. Бухара и в качестве протектората продолжала оставаться унитарным государством со сравнительно высокой степенью централизации всей системы феодально-абсолютистской власти. Ее административно-территориальная структура отличалась восходящей соподчиненностью по «горизонтالي» и «вертикали» образующих субъектов, выполнявших те же функции, что и до войны с Россией.

Законодательная, исполнительная, судебная и религиозная власти, как и прежде, были сосредоточены в руках эмира, олицетворявшего абсолютистскую монархию. Не случайно один из видных исследователей российской восточной политики русский офицер Д. И. Логофет, проживший в эмирате немало лет, подчеркивая сведенные до *абсолюта* неподконтрольность и неподотчетность бухарского правителя, свидетельствовал, что в Бухаре «эмир... управляет своей страной вполне

самостоятельно»⁸². Императорское Политическое агентство хотя и осуществляло общий надзор за деятельностью правительства Бухары, но в полномочия верховного правителя не вторгалось. Более того, по мере стабилизации российско-бухарских отношений оно всемерно содействовало укреплению власти эмира.

Не была реформирована и традиционно сложившаяся местная администрация. В эмирате насчитывалось всего 27 вилайетов (областей), которыми правили прежние хакимы и беки. Они делились на амлакдарства (районы), управляемые амлакдарами. Многие правители вилайетов и амлакдарств занимали эти должности, и прежде, по сути, являвшиеся наследственными. Несмотря на существенное расширение российского присутствия в ряде областей, районов и городов, функции местной администрации не претерпели никаких изменений: она занималась сбором налогов на подведомственной территории, осуществляла систематический надзор за неукоснительным выполнением распоряжений правительства.

Далеко не последнюю роль в упорядочении отношений Бухарского правительства с местными администрациями, устранении сепаратизма и анархии играли российские вооруженные силы. В ханстве имелось немало районов, находившихся на положении своеобразных автономий и подчинявшихся центру номинально. Так, например, Шахрисабзское, Гиссарское, Каратегинское, Кулябское бекства, некоторые другие, по данным И. Л. Яворского, существовали независимо, «вели войны со своими соседями, заключали мир». Они даже чеканили собственную монету и свое подданство Бухаре выражали только тем, что время от времени «посылали эмиру незначительные подарки»⁸³. Российские вооруженные силы помогли эмиру Музаффару к концу 70-х г. XIX в. полностью упразднить автономию независимых Шахрисабзского, Гиссарского, Каратегинского и Кулябского бекств, ряда других районов, укрепить централизацию государства.

Бухара сумела сохранить не только формы государственности и правления, но и собственную армию, являющуюся символом государственного суверенитета. При содействии России ей удалось за короткий срок восстановить вооруженные силы, разбитые на Зерабулакских высотах летом 1868 г., вновь оснастить их новейшим оружием. По разным данным, в 90-е гг. в них насчитывалось до 11—14 тыс. пехотинцев, кавалеристов и артиллеристов, имелось свыше 150 орудий. Кроме регулярных армейских частей, в распоряжении эмира находилось не менее 2 тыс. *миршабов* (полицейских), несших постоянную карауль-

⁸² Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1. СПб., 1911. С. 231.

⁸³ См.: Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 1. СПб., 1882. С. 37.

ную службу. На принципиально новой основе был возрожден офицерский корпус, кадры для которого готовились за пределами страны, в том числе и в России. Часть офицеров — выходцы из наиболее состоятельных семей феодальных аристократов, занимавших высокие должности в эмирском правительстве, — обучались военному делу в соседней Турции, с которой Бухара традиционно поддерживала самые тесные экономические, политические и дипломатические отношения.

Российские власти оказали большую практическую помощь в ускорении превращения бухарской армии в мощную военную силу. Как известно, главными поставщиками оружия в Бухару прежде были Афганистан и Индия, а также Персия и Турция. Однако в последней четверти XIX в. эта роль перешла к России. Она установила контроль над важнейшими каналами поступления различного вооружения из-за рубежа и сама стала выделять Бухарскому правительству необходимое количество стрелкового оружия, артиллерии и боеприпасов к ним. Это была вполне сознательная политика, направленная на создание в протекторате такой боеспособной современной армии, которая, взаимодействуя с российскими частями, могла бы в случае необходимости достаточно надежно противостоять вероятному английскому вторжению в эмират из Афганистана.

Российская политика в Бухаре, в которой органически переплелись и аннексионистские устремления, и попытки реконструировать эмират, соблюдая формально его статус-кво, не упрочили основы феодальной государственности. Избранная правящими кругами России тактика «невмешательства во внутренние дела Бухарского ханства»⁸⁴ сталкивалась на практике с усиленно проповедуемой ими же идеей расширения российского присутствия в стране и создания в пределах ее территории русских анклавов, которые по внутреннему устройству относились бы к иной — буржуазной, капиталистической социально-экономической и политической системе. Такая «модернизация» таила в себе неизбежные конфликты, ибо искусственно образовавшиеся своеобразные «островки капитализма» закономерно оказывали влияние на господствовавшие за их пределами феодальные устои, постепенно трансформировали и поглощали их. Именно такую цель и преследовала тактика *непрямого* управления.

Политика российских властей в *Хивинском ханстве* в общих чертах была аналогична той, что осуществлялась в Бухаре. Но вместе с тем она отличалась целым рядом примечательных особенностей, не наблюдавшихся ранее в отношениях России с другими государствами Центральной Азии, в участии ее в конструировании их социально-политической жизни на новых принципах. Это позволяет нам говорить

⁸⁴ См.: *Логофет Д. И.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 7.

о ней как о вполне самостоятельном направлении внешнеполитического курса Российского правительства.

Обращает на себя внимание тот факт, что при разработке планов военных операций против Хивинского ханства задача присоединения страны к империи не ставилась. Анализ решений Особого совещания при Александре II, директив Военного министерства, Главного штаба, документов внешнеполитического ведомства, относящихся к 1869—1873 гг., показывает, что речь в них шла только о «демонстрации силы», аннексировании той части территории ханства, откуда было бы возможно осуществлять непосредственный контроль за действиями Хивинского правительства. Вместе с тем характерно, что в российском военном и политическом руководстве о территории, которую предстояло отторгнуть от ханства для основания «опорного пункта», сколько-нибудь ясного представления не имелось. Даже сам генерал-губернатор К. П. Кауфман, чьи идеи легли в основу плана военных операций, затруднялся точно указать ее. В его переписке с Д. А. Милутиным, касающейся собственно «хивинской проблемы», она называлась довольно-таки расплывчато то «дельтой Амударьи», то Кунградским округом⁸⁵, при этом подразумевались, видимо, Аральские владения, населенные главным образом племенами казахов, перекочевавшими из Младшего жуза и имевшими российское подданство. Впоследствии, заметим, «опорный пункт» был заложен в совершенно другом месте — на правом берегу Амударьи, причем отнюдь не на севере страны, как намечалось ранее, а на юге оазиса. Так, в 1873 г. на месте загородной усадьбы хивинского сановника Матнияза-диванбеги, в непосредственном соседстве с крупным приграничным городом Хивинского ханства Ново-Ургенчем, появился новый город — Петро-Александровск (переименованный позднее в Турткуль), состоявший первоначально из двух крепостей. Как сообщали читателям «Туркестанские ведомости», «главный бастион, обращенный в сторону Амударьи и на шураханскую дорогу, назван Александровским и на нем будет поднят русский флаг». Бастион «на противоположном углу укрепления», обращенный в тыл, получил наименование Петровский⁸⁶. Весь форт был окружен крепостной стеной, оснащен артиллерийскими установками, чтобы в случае необходимости выдерживать длительную осаду.

Отсутствие конструктивных директив и внятных представлений относительно будущего устройства Хивы, как и характера российско-хивинских отношений, наложило заметный отпечаток на выработку межгосударственных актов, фиксирующих не только принципы связей между Россией и Хивой в различных областях, но и политическое по-

---

⁸⁵ ЦГА РУ, ф. И-11с, оп. 3, д. 86, л. 33—48; *Тухтаматов Т. Г.* Амударьинский отдел... С. 46—47.

⁸⁶ Туркестанские ведомости. 1873. 2 октября

ложение ханства в целом. Судя по источникам, вступив в Хиву 29 мая 1873 г., командование российских войск не было готово предложить хивинской стороне более или менее приемлемый текст двустороннего мирного договора или же соглашения, разъясняющего статус страны. Оно просто не знало, как распорядиться доставшейся относительно легко победой, что делать с Хивинским правительством, в панике покинувшим столицу, как восстановить распавшиеся органы центральной власти и местного управления, перевести жизнь страны в мирное русло.

Наконец К. П. Кауфман, ссылаясь на то, что «присоединение вновь покоренной страны к Российской империи не входило в высочайше предначертанный план действий»⁸⁷, решил обратиться к брату Сеида Мухаммеда Рахим-хана II Атаджан-туре, его дяде правителю Хазараспа эмир-аль-умару Сеиду Мухаммеду и диванбеги Матниязу за содействием. От его имени 1 июня 1873 г. они направили письмо к покинувшему столицу Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II и депутацию из чиновников туркестанской краевой администрации, российских офицеров и сановников двора, официально предложив ему «вернуться в столицу для принятия... утраченной власти и прежних прав»⁸⁸. Никак не ожидавший такого резкого поворота событий, Сеид Мухаммед Рахим-хан II с готовностью откликнулся на предложение и в тот же день вместе с Матмурад-диванбеги прибыл в Хиву.

2 июня в летней загородной резиденции хивинских ханов — саду-усадеб Гандимян недалеко от хивинской столицы, где разместились временно штаб и командование российских экспедиционных частей, состоялись официальная встреча и предварительные переговоры между генерал-адъютантом фон-Кауфманом I и Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом II, посвященные вопросам стабилизации политической ситуации в ханстве, условиям и формам возобновления деятельности органов правительственной власти в центре и на местах. В этом были заинтересованы обе стороны. Но, как оказалось, ни российская, ни тем более хивинская стороны не имели сколько-нибудь определенной программы взаимодействия. Сеид Мухаммед Рахим-хан II, признав необходимость сотрудничества Хивы и России для налаживания послевоенной мирной жизни, «изъявил полную и чистосердечную готовность на исполнение всех требований и на принятие всяких условий, которые будут ему предложены»⁸⁹. К. П. Кауфман, в свою очередь, излагая официальную позицию Российского правительства, сделал акцент на том, что оно не заинтересовано не только в смене политического курса Хивы, но и в обновлении руководства страны.

⁸⁷ Сборник договоров России с другими государствами. С. 129.

⁸⁸ Там же. С. 129.

⁸⁹ Там же. С. 130.

Любопытные подробности двусторонних переговоров приводит в своей ставшей уже в те годы бестселлером книге «Военные действия на Оксусе и падение Хивы» участник хивинского похода Ж. А. Мак Гахан. По его свидетельству, командование российских экспедиционных частей предложило хивинским правящим кругам путь к миру и диалогу взамен недоверия и вражды. Так, обращаясь непосредственно к Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II, фон-Кауфман настойчиво призывал его: «Восстанавливайте свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок.. Скажите своим подданным, чтобы они принимались за свои труды и занятия...»⁹⁰ Это означало, что за хивинским правителем сохраняются все прежние атрибуты главы государства и верховной власти, в том числе и судебной, что вновь наделяло его правами абсолютного правителя.

По итогам предварительных переговоров никакие документы не подписывались. Тем не менее они сыграли важную роль в оздоровлении политической обстановки в стране, внесли некоторую ясность в ее место и общее положение в системе российско-центральноазиатских отношений, существенно облегчив поиск компромиссного решения. Первым шагом на пути реализации договоренностей, достигнутых во время переговоров, явилось учреждение 6 июня 1873 г. временного коалиционного российско-хивинского дивана (совета) во главе с Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом II, куда вошли по три представителя от Хивы (Матнияз-диванбеги, Абдулла-бий, Эльгузар-инак) и российского командования (подполковники Иванов, Хорохшин, а также ташкентский купец Алтынбаев)⁹¹. По взаимному соглашению на него были возложены как исполнительно-распорядительные, так и законотворческие функции. Временный диван осуществлял непосредственное оперативное руководство органами правительственной власти в центре и на местах, восстановлением разрушенного в ходе войны хозяйства, разрабатывал меры по оздоровлению политической и социальной обстановки в стране.

Российско-хивинский коалиционный диван просуществовал почти три месяца. Несмотря на столь короткий срок, новизну выполняемых задач и принимаемых решений, ему удалось добиться немало. Прежде всего была восстановлена управляемость государством, предотвращено сползание к анархии и хаосу, остановлены конфронтационные тенденции в отношениях между Хивой и Россией. Диван инициировал разработку и обнародование документа исторической важности — манифеста Сеида Мухаммеда Рахим-хана II от 12 июня 1873 г. об отмене на вечные времена рабства и работорговли в Хивинском

---

⁹⁰ Мак Гахан Ж. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 143.

⁹¹ См.: Туркестанские ведомости. 1873. 31 июля.

ханстве. «Отныне рабство в моем ханстве, — подчеркивалось в нем, — уничтожается на вечные времена. Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего славного моего народа к великому народу русскому...»⁹² В результате этого акта получили свободу без всякого откупа около 36 тыс. рабов. Русскоподанных среди них не оказалось, ибо они были освобождены специальным ханским фарманом еще до начала военных действий. Таким образом, была, наконец, решена одна из острейших не только социальных, но и политических проблем, которая постоянно служила поводом для обвинения хивинских правителей в «варварстве» и стала одним из убедительных предлогов для развязывания «ястребами» в общем-то бессмысленной братоубийственной российско-хивинской войны 1873 г.

Объективность требует признать, что при всех явных позитивных достижениях в деятельности российско-хивинского коалиционного дивана нашли оптимальное решение далеко не все давно наболевшие вопросы, волновавшие общественность, касавшиеся и внутренней жизни Хивинского ханства, и его взаимоотношений с сопредельными государствами, прежде всего с Россией. Он не сумел противостоять кастовым интересам коррумпированной правящей верхушки, рьяно стремившейся извлечь выгоду даже из непростой ситуации, укрепить свои пошатнувшиеся позиции, не останавливаясь и перед продажей национальных интересов. Так, с одобрения Сеида Мухаммеда Рахимхана II, при попустительстве членов дивана в июне и июле 1873 г. части под командованием генерала Головачева, а затем и самого Кауфмана для восстановления порядка, укрепления власти хана и взыскания контрибуции провели ряд карательных операций против непокорных туркменских племен и родов, населявших обширный Тахтинско-Ильялинский регион. Главный удар был нанесен по крупной племенной группе иомудов, которые самоотверженно участвовали в отражении вооруженной агрессии, хотя отличались последовательной оппозиционностью к ханскому правительству. В ходе карательной операции, отличавшейся неоправданной жестокостью, были убиты сотни мирных жителей, разгромлены десятки поселений и кочевий, конфискованы тысячи голов скота, лошадей. На туркменское население по ее завершении была наложена военная контрибуция в размере 310,5 тыс. руб.⁹³, которую оно не могло выплатить из-за хозяйственной разрухи. Так что карательная операция не оправдала ожиданий. Более того, она еще больше усугубила и без того удручающее социально-экономическое положение туркменских племен и родов, в особенности кочевых, усилила среди них антиправительственные и антирусские настроения,

⁹² Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. С. 113—114.

⁹³ Материалы для описания хивинского похода 1873 г. Кн. 7. Ташкент, 1881. С. 70.

приведшие к череде вооруженных выступлений и мятежей, дала импульс обострению межнациональных отношений.

Нельзя не сказать и о том, что коалиционный диван оказался не способен остановить репрессии против тех, кто активно выступал за сохранение суверенитета, независимости и территориальной целостности Хивинского ханства. В июне 1873 г. были арестованы и сосланы в отдаленные регионы России видные сановники Хивинского правительствa, среди них — Матмурад-диванбеги, Рахматулла-ясаулбаши и некоторые другие организаторы отпора российскому вооруженному вторжению. Это было сделано не без ведома самого Сеида Мухаммеда Рахим-хана II. Аресты и высылка сановников последовали вскоре после его конфиденциальных переговоров в саду Гандимян с генерал-губернатором Кауфманом. Следовательно, он об этом был поставлен в известность.

Необходимо подчеркнуть, что диван показал свое полное бессилие выработать и взаимоприемлемый, конструктивный российско-хивинский мирный договор, который был бы нацелен прежде всего на скорейшее преодоление разрушительных последствий только что закончившейся войны, предотвращение вооруженной конфронтации между двумя государствами в обозримом будущем, способствовал бы сближению позиций по важным социально-экономическим и политическим проблемам, создав основу для широкого взаимовыгодного сотрудничества. Об этом, в частности, можно судить по договору «Условия мира России с Хивою», заключенному в Хиве 12 (24) августа 1873 г. Он назывался «Условия мира России с Хивою, предложенные командующим русскими войсками, действующими против Хивы, генерал-адъютантом фон-Кауфманом I, и принятые хивинским ханом Сеид Мухаммед-Рахим Бахадур-ханом»⁹⁴. Если рассматривать его с международно-правовой точки зрения, то это был вовсе не договор, принятый между двумя государствами — Россией и Хивой, а скорее типичные условия капитуляции Хивинского ханства, предложенные генерал-адъютантом фон-Кауфманом. Документ ни в какой форме не учитывал ни многовековой позитивный опыт, ни традиции российско-хивинских геополитических связей, перспективы их эволюции на принципах равноправия и взаимопонимания.

Положения «Условий мира» в том или ином ракурсе уже освещались в исторической литературе. Тем не менее документ продолжает вызывать неослабевающий интерес, ибо в нем сконцентрированы стратегия и тактика российской политики не только в Хивинском ханстве, но и в других государствах региона Центральной Азии в целом.

---

⁹⁴ Оригинальный текст договора «Условия мира России с Хивою» хранится в ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 34, д. 490, л. 7—12. Он опубликован в «Сборнике договоров России с другими государствами. 1856—1917». С. 129—134.

Вот почему приходится обращаться к нему вновь и вновь, тем более что далеко не все особенности документа освещены в литературе с достаточной полнотой и объективно. Поэтому представляется целесообразным остановиться на его положениях подробнее, чтобы яснее представить цели политики российской военно-политической элиты.

Договор «Условия мира России с Хивой» 1873 г. состоит из развернутой преамбулы, в которой в четкой хронологической последовательности зафиксированы вступление в Хиву российских экспедиционных войск, безоговорочное принятие ханом ультимативных требований их командования, а также описание действий по усмирению туркменских племен и родов. В последующих 18 статьях излагаются те условия, соблюдение которых якобы свидетельствовало бы о готовности Хивинского правительства на деле заключить «мир и дружбу с Россией», обеспечивало бы хивинскому хану «высокое покровительство» российского императора. Условия можно разделить на две группы: *политические* и *экономические*, хотя в ряде случаев такое разграничение является весьма условным. Однако оно вполне соответствует всей стратегии и тактике российской политики в регионе Центральной Азии.

Статьи так называемого *политического* пакета определяли новый правовой статус Хивинского ханства, устанавливали де-факто введение Россией системы *непрямого управления* и узаконивали аннексию части его территории на правобережье Амударьи, которая передавалась бессрочно Туркестанскому генерал-губернаторству и Бухаре. Суть основных положений статей пакета сводилась к следующему:

1) Мухаммед Рахим-хан II «признает себя покорным слугою императора Всероссийского». Он отказывается от всяческих непосредственных дружеских сношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них;

2) граница между русскими землями и территорией ханства проходит по Амударье, то есть от Кукертли вниз по реке до отделения самого западного протока и далее — по берегу Аральского моря на мыс Ургу, а оттуда — вдоль южного склона плато Устюрт до старого русла реки;

3) весь правый берег Амударьи и прилегающие к нему земли переходят от хана и переходят во владение России со всеми проживающими и кочующими там народами;

4) в случае передачи части территории на правобережье Амударьи Бухарскому эмирату Хивинское правительство признает эмира ее законным владельцем и отказывается от намерений восстановить там свою власть.

Таким образом, Хивинское ханство, во-первых, лишалось де-юре права прямого и непосредственного участия в мировой политике и международных отношениях как суверенное и независимое государство, было вынуждено расторгнуть торгово-экономические и дипломатические связи с Бухарой, Ираном, Афганистаном, Турцией, Китаем, Индией, Кашгаром, другими государствами, с которыми его связывали исторические корни. Во-вторых, в результате аннексии оно потеряло до 76 тыс. км² собственной территории на правом берегу Амударьи⁹⁵, где проживали свыше 100 тыс. чел. Причем это были окультуренные и более плодородные земли древнего орошения. Таких земель на одном только Шураханском участке насчитывалось около 46,5 тыс. танавов или более 20,2 тыс. десятин⁹⁶. На аннексированной территории находились и места добычи нерудных материалов, некоторых других полезных ископаемых, а также исконно хорезмийские древнейшие культовые сооружения, в том числе многие святилища, города и городища, возраст которых исчислялся двумя и более тысячелетиями, являвшиеся местами паломничества мусульман. При проведении демаркационной линии между Хивинским ханством и Российской империей эти факторы в расчет не принимались.

Статьи 5—12 Договора представляли собой развернутый *экономический* пакет, охватывающий судоходство, торговлю, налогообложение и другие связанные с ними сферы. Они значительно расширяли те существенные льготы и привилегии, которыми российское купечество пользовалось в Хивинском ханстве в соответствии с положениями «Обязательного Акта» 1842 г. «Условия мира» открыли российской промышленной и торговой буржуазии неконтролируемый доступ на хивинский внутренний рынок, наделили ее практически неограниченными правами и полномочиями. Так, например, в соответствии со ст. 5—7 Договора российские правительственные и частные суда получили право исключительного и свободного плавания по Амударье, тогда как хивинским и бухарским судовладельцам оно предоставлялось только с особого разрешения российской администрации. Русские судовладельческие компании могли устраивать пристани в любом месте левобережья Амударьи. Решение подлежало лишь утверждению высшей российской властью. В то же время ответственность за безопасность и сохранность пристаней возлагалась на само ханское правительство. Это касалось и основания факторий для складирования и хранения товаров, импортируемых из России. Ст. 7 обязывала ханское правительство осуществлять по указанию русской администрации отвод земель в достаточном количестве под пристани, для постройки магазинов и помещений для служащих, под купеческие конторы, а также

⁹⁵ См.: История народов Узбекистана. 1947. С. 415.

⁹⁶ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 12, д. 150, л. 14.

для устройства хозяйственных ферм. Причем фактории со всеми живущими в них и товарами должны были находиться под непосредственным покровительством ханского правительства.

Отпечаток пренебрежения экономическими интересами Хивы, попыток добиться односторонних преимуществ для русского капитала носили и другие статьи «Условий мира». Согласно ст. 8, все города и селения Хивинского ханства были открыты для русских купцов. Их караваны могли свободно разъезжать по всему ханству и пользоваться покровительством местных властей. Ст. 9 освобождала купцов от уплаты зякета и всякого рода других таможенных повинностей точно так же, как хивинских купцов, следующих в Россию через Казалинск или Оренбург, пристани Каспийского моря. Кроме того, ст. 10 предоставляла им право беспошлинного провоза их товаров через хивинские владения во все соседние земли. И, если пожелают, они могли иметь в Хиве и других городах ханства торговых агентов (караван-башей) для связи с местными властями и наблюдения за ходом торговых дел (ст. 11).

В «Условия мира» впервые было включено специальное положение (ст. 12) о праве русскоподданных на владение на территории ханства недвижимым имуществом, облагаемым поземельной податью на общих основаниях, которые были приняты в Хиве. Только размер подати подлежал обязательному согласованию с высшей русской властью. Это положение позволяло им основать собственное хозяйство путем покупки находящейся в государственной или частной собственности земли, возводить в городах и сельской местности объекты производственного и непроизводственного назначения, соцкультбыта и многие другие сооружения.

Договор провозгласил святость и нерушимость торговых соглашений, обязательность их соблюдения как русскими, так и хивинцами (ст. 13). Однако механизм контроля за исполнением условий соглашений, возмещения убытка или ущерба так и не был разработан. Но даже в случае создания он не мог быть задействован, ибо требовал приведения к общему знаменателю соответствующих статей гражданского и уголовного кодексов. А они, как известно, в ханстве просто-напросто отсутствовали. Заменявшие их шариатские нормативные акты, фетвы шейх-уль-ислама от российских процессуальных кодексов отличались коренным образом, поэтому проведение между ними параллелей было практически невозможно, что создавало дополнительные правовые проблемы при решении хозяйственных или иных споров.

Дискриминационный характер целого ряда статей экономического пакета становится особенно понятным, если учесть, что они всецело проецировались на создание максимально благоприятных правовых условий для предпринимательской деятельности российского купечества и промышленников, ущемляя права еще только нарождавшейся

хивинской национальной буржуазии. Не располагая достаточной ни политической, ни экономической мощью, поддержкой государства, она попадала в полную зависимость от российского капитала, была обречена на неравную конкурентную борьбу во всех ключевых сферах производства, торговли и услуг, а также финансов.

Кроме политического и экономического пакетов, «Условия мира» содержали и некоторые положения, закреплявшие привилегии русско-подданных. Не предусматривая введения прямой русской юрисдикции в пределах ханства, как это было сделано, например, в некоторых районах Бухарского эмирата, они вместе с тем устанавливали для них преимущества перед коренным населением при рассмотрении в судах различных обращений, жалоб и заявлений. «Жалобы и претензии русских подданных на хивинцев, — говорилось, например, в ст. 14, — ханское правительство обязуется безотлагательно расследовать и, буде окажутся основательными, немедленно удовлетворять. В случае разбора претензий со стороны русских подданных и хивинских преимуществ при уплате долгов отдается русским перед хивинцами».

Что же касается ответственности русских подданных, то она не входила в компетенцию местных судов. Ст. 15 Договора гласила: «Жалобы и претензии хивинцев на русских подданных, в том даже случае, если последние находятся внутри пределов ханства, передаются ближайшему русскому начальству на рассмотрение и удовлетворение».

Договор обязывал Хивинское правительство (ст. 16) «ни в каком случае не принимать к себе разных выходцев из России», независимо от принадлежности к какой-либо национальности, без официального разрешительного вида на жительство, задерживать и выдавать «ближайшему русскому начальству» преступников, преследуемых по закону и скрывающихся на территории ханства.

Самостоятельной 17-й статьей вошел в Договор манифест Сеида Мухаммеда Рахим-хана II от 12 июня 1873 г. об отмене в Хивинском ханстве на вечные времена рабства и работорговли. Ханское правительство обязывалось впредь «всеми зависящими от него мерами следить за строгим и добросовестным исполнением этого дела».

В соответствии с 18-й, заключительной, статьей «Условий мира» на Хивинское ханство была наложена контрибуция в размере 2,2 млн. руб. В такую сумму оценивались все расходы российского бюджета на ведение военных действий на территории ханства, которые якобы, как особо указывалось в тексте Договора, были вызваны «самим ханским правительством и хивинским народом». В связи с истощением казны и отсутствием у Хивинского правительства достаточных финансовых ресурсов, военная контрибуция выплачивалась с рассрочкой в течение двадцати лет до 1 ноября 1893 г. из расчета по 5 % годовых, причем взносы могли «производиться как русскими кредитными билетами, так и ходячею хивинскою монетою по желанию ханского правитель-

ства». Для внесения первого взноса уже к 1 декабря 1873 г. хивинским правителям было разрешено собрать с населения правобережья Аму-дарьи, переходящего в ведение Туркестанского генерал-губернаторства, налоги и подати за истекший год в прежних размерах.

«Условия мира», как и российские договоры с Бухарой, оставили нетронутыми традиционные институты политической надстройки хивинского общества. Они не регламентировали деятельность центрального ханского правительства, права и обязанности местных органов правительственной власти, не предусматривали реформирование также и судебной системы. И это далеко не случайно. Политическая надстройка хивинского общества, многие столетия не подвергавшаяся практически никакой модернизации, за исключением косметической, прозябавшая в коррупции и вымогательстве, олицетворяла господство состоятельной феодально-байской элиты, которая энергично приспособилась к новым условиям, превратилась в проводника политики российских властей. Вот почему ни колониальная администрация края, ни Российское правительство не были заинтересованы в ломке институтов политической надстройки хивинского общества, конфронтации с правящей элитой, в том числе верхушкой духовенства, в лишении их привилегий. Наоборот, они прилагали немало усилий с тем, чтобы сохранить и укрепить сложившиеся традиционные институты политической системы, заключив своеобразный компромисс с местной правящей олигархией.

В целом «Условия мира России с Хивою» можно с полным основанием считать документом об условиях *капитуляции* Хивинского ханства, потерпевшего сокрушительное поражение в войне с Россией. Он закрепил неравноправный характер отношений между двумя государствами, превратил ханство де-юре в протекторат империи, такой же, как Бухарский эмират. Обращает на себя внимание и то, что, в отличие от, к примеру, известного «Обязательного Акта» 1842 г., других российско-хивинских соглашений, в нем вовсе отсутствовали положения, содержавшие обязательства второй договаривающейся стороны — Российского государства, чем опять-таки усиливалась «силовая» направленность документа.

Подписание откровенно дискриминационного для Хивинского ханства договора — результат не только аннексионистских устремлений российской военно-политической элиты. Документ однозначно отразил и полное безразличие к судьбам собственного народа, капитулянтскую политику старых феодально-клерикальных, ортодоксальных кругов ханства, швырнувших собственный народ в горнило войны, пораженческие настроения в хивинском обществе, переживавшем глубокий кризис. По сути это стало началом дальнейшей поляризации политических и социальных сил, расширения и углубления пропасти между абсолютистской монархией и народными массами.

Следует отметить, что российские колониальные власти во главе с К. П. Кауфманом не откладывали реализацию на практике положений «Условий мира». Пользуясь расплывчатыми формулировками статей политического пакета, уже в августе-сентябре 1873 г. они почти завершили возведение Петро-Александровского укрепления. Ему отводилась роль и военного форпоста, и административного центра в регионе Приаралья, где Россия закреплялась. В соответствии с приказом генерал-губернатора Кауфмана от 22 августа здесь должны были дислоцироваться 8-й Туркестанский линейный и 4-й стрелковый батальоны, артдивизион № 2 и батареи 1-й Туркестанской артиллерийской бригады, горный дивизион, четыре сотни Оренбургского казачьего войска⁹⁷. Эти мобильные части — подразделения регулярных российских вооруженных сил — могли выполнять боевые задачи в любом районе региона Прикаспия и Приаралья, включая Хивинское ханство.

Примыкающие к городу Петро-Александровску территории Шураханского и Чимбайского участков вошли в особый Амударьинский округ, который впоследствии преобразовали в одноименный отдел. Его начальником был назначен полковник артиллерии Иванов, видимо, тот самый, который состоял членом коалиционного дивана в Хиве. Округ (отдел) территориально входил в Сырдарьинскую область, но, в силу его приграничного характера, специфичности задач, возложенных на начальника, находился в непосредственном ведении генерал-губернатора Туркестанского края. Однако в плане управления территорией начальник округа (позднее — отдела) пользовался большей самостоятельностью и обладал правами военного губернатора.

26 августа 1873 г. К. П. Кауфман утвердил «Временное положение об управлении Амударьинским округом», в котором излагались его административно-территориальное устройство, структура аппарата управления, основные права и должностные обязанности начальника, представлявшего российскую власть в низовьях Амударьи. Документ изобилует общими фразами и не касался политических вопросов, в том числе и российско-хивинских отношений. Они нашли отражение в специальном секретном предписании К. П. Кауфмана начальнику отдела от 12 сентября 1873 г. В нем прямо указывалось, что ни в коем случае его обязанности не должны ограничиваться только лишь обеспечением надежной охраны населения правобережья Амударьи, утверждением российского присутствия в Петро-Александровске и Амударьинском отделе. «Внутренние дела Хивинского ханства, — подчеркивалось в циркуляре, — о которых, само собой разумеется, следует вам стараться иметь самые ближайшие сведения, должны вызывать

---

⁹⁷ См.: Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности / Сост. В. И. Межов. Т. 72. С. 49.

ваше участие настолько, насколько они будут касаться интересов и спокойствия вновь подчиненной нам страны и ее населения»⁹⁸. Следовательно, начальник отдела обладал правами контроля за всей политической, военной и экономической ситуацией в ханстве.

Вместе с тем как в циркуляре генерал-губернатора края, так и во «Временном положении об управлении Амударьинским округом» не содержалось никаких конкретных указаний относительно полномочий начальника отдела в плане его взаимоотношений с Хивинским правительством на межгосударственном уровне. Подразделение, способное осуществлять сугубо дипломатические функции, такое, например, как Российское императорское политическое агентство в Бухаре, не было предусмотрено и в структуре его аппарата. Он состоял из делопроизводителя, бухгалтера, казначея, офицера по военной части и переводчика⁹⁹. Из этого следует, что начальник отдела лишился права прямого контроля за соблюдением Хивинским правительством «Условий мира» в той части, которая относилась к компетенции внешнеполитического ведомства.

Неопределенность положения серьезно усугублялась тем обстоятельством, что начальнику Амударьинского отдела тем же циркуляром от 12 сентября 1873 г. предписывалось переходить на территорию Хивинского ханства с отрядом даже без согласования с ханским правительством в случае возникновения необходимости «наказания» бунтовщиков, отказа туркменских племен и родов выплачивать военную контрибуцию и пени, какой-либо внешней угрозы отделу и т. п. Такая постоянная «демонстрация силы», по мнению Кауфмана, должна была способствовать поддержанию общего спокойствия во всем регионе. При этом игнорировалось то обстоятельство, что вторжение на хивинскую территорию российских отрядов, какими бы аргументами оно ни прикрывалось, означало грубое нарушение государственных границ ханства, хотя и измененных, но признанных и закрепленных в «Условиях мира». Впрочем, хивинские правители просто закрывали на это глаза и многие годы сами систематически обращались к начальнику Амударьинского отдела с просьбой о вооруженной помощи при необходимости подавления выступлений оппозиции.

Руководствуясь пресловутым циркуляром, власти Амударьинского отдела в 1873—1874 гг. под предлогом отказа туркменских родов выплачивать контрибуцию и пени неоднократно посылали войска на хивинскую территорию. Это отрицательно сказалось на стабилизации внутривосточной обстановки, в особенности — межнациональных отношений. Карательные операции проводились в основном в районах

⁹⁸ ЦГА РУ, ф. 11с, оп. 3, д. 264, л. 2; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 300.

⁹⁹ Там же.

компактного проживания туркмен и никак не затрагивали узбекскую диаспору, что ясно указывало на направленность репрессий и истинные цели их организаторов. «...Русские войска, — постоянно заверял Иван Сеид Мухаммеда Рахим-хана II, предупреждая о переходе на левобережье Амударьи, — не будут обижать ни узбеков, ни других ваших подданных, кроме туркмен»¹⁰⁰. Демонстративное пренебрежение интересами туркменской диаспоры, открытое противопоставление ей узбекского населения давали повод феодально-байской элите племен и родов для разжигания межнациональных распрей, раздувания сепаратистских настроений. Это служило предпосылкой для сохранения в ханстве политической напряженности.

Весной 1874 г. среди части туркменских племен (иомуды, човдуры и др.), особенно тех, чьи ополченцы активно участвовали в российско-хивинской войне и выражали недовольство кабальным характером «Условий мира», антирусские и антиправительственные выступления резко усилились. Они обвиняли центральные хивинские власти в неспособности вывести страну из острейшего политического, экономического и социального кризиса, обеспечить межнациональный мир, противостоять выдвигаемым Кауфманом от имени Российского правительства неумным притязаниям. Воины туркменского племени *теке* демонстративно вторглись в пределы Питнякского и Хазараспского бекств, граничивших с Амударьинским отделом, напали на мирные казахские и каракалпакские племена, настроенные лояльно к российским властям¹⁰¹. Отдельные вооруженные формирования туркменских племен часто совершали набеги на территорию правобережья Амударьи, обстреливали размещенные там российские гарнизоны, рыбацкие поселки уральских казаков, сосланных сюда Российским правительством.

Обострение политической ситуации в Хиве угрожало гражданской войной. В нее могли быть втянуты и закаспийские туркмены, связанные с хивинскими традициями, общей историей, религией и тесными родственными узами. Такой поворот событий, способный выйти из-под контроля, не устраивал Российское правительство, прилагавшее немало усилий для утверждения в Туркмении. В марте 1874 г. оно приняло «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае»¹⁰², по которому территории восточного побережья Каспийского моря, считавшиеся спорными и рассматривавшиеся Хивой как ханская собственность, вместе со всеми населяющими их племенами отныне отходили к России. В крае образовывались Красново-

---

¹⁰⁰ ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 1, л. 30.

¹⁰¹ Там же, ф. И-1, оп. 29, д. 93, л. 29.

¹⁰² Полный текст документа см.: Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1961. С. 142—151.

дское и Мангышлакское приставства, были введены волостное и местное правление, бесплатное медицинское обслуживание, учреждались адатские суды биев, проводилась реформа старой налоговой системы, отменялись неузаконенные повинности и т. д. Туркмены, составлявшие в регионе доминирующее большинство, казахи, каракалпаки, ведущие кочевой и полупоселный образ жизни, сохранили обычаи, быт и религию, пользовались равными с русскими правами. По сути, именно в Закаспии впервые был опробован механизм гармонизации *межнациональных* отношений в рамках единого административно-территориального образования. Все это осуществлялось «сверху».

Российское правительство, военно-колонинальная администрация Туркестанского генерал-губернаторства имели реальную возможность позитивно воздействовать на политическую ситуацию в Хиве, целенаправленно применять там опыт налаживания межнационального сотрудничества, накопленный в Закаспийском крае. Но они избрали иной путь. 10 ноября 1874 г. военный министр Д. А. Милютин обратился к К. П. Кауфману с циркулярным посланием, в котором, излагая позицию своего министерства и внешнеполитического ведомства по «хивинской проблеме», сообщил, что, «независимо от общих политических соображений», решение правительства «о непременном сохранении самостоятельности Хивы хотя бы при помощи нашей военной силы» пересмотру не подлежит, в связи с этим целесообразно «держаться более нейтрального положения», а в случае угрозы туркменских волнений Амударьинскому отделу Туркестана не останавливаться перед применением имеющихся военных сил для сурового наказания туркмен «в самих их кочевьях». Расходы, связанные с карательными операциями, заключал Д. А. Милютин, «все-таки для нас будут менее обременительны, нежели присоединение Хивы к пределам империи»¹⁰³. Таким образом, Российское правительство отказалось от прямого *присоединения* Хивинского ханства, акцентировав внимание на соблюдении *нейтралитета* по отношению к его *внутренним делам*, оставив за собой право *политического контроля*, даже вооруженного вмешательства в некие конфликтные ситуации. При этом оно надеялось на то, что такой подход вызовет позитивный международный резонанс и поможет устранить напряженность, возникшую в результате войны в Центральной Азии, в отношениях с Англией, многими другими европейскими державами и восточными странами (Турция, Персия, Афганистан), имевшими в сопредельном регионе собственные геополитические интересы и усматривавшими в действиях российской стороны угрозу своей безопасности.

Политика неприкрытого «силового давления» и компромиссов, которую К. П. Кауфман и Д. А. Милютин предложили ханскому режиму,

¹⁰³ ЦГА РУ, ф. 11с, оп. 3, д. 264, л. 13—15.

вполне устраивала хивинских правителей, стремившихся восстановить утраченные позиции в политической жизни страны. Потерпевшие сокрушительное поражение в войне 1873 г., с готовностью подписавшие кабальный договор, уступив России значительную часть территории государства, они в то же время не помышляли отказываться от своих привычных прав на власть и привилегий, используя в этих целях испытанные методы политических интриг. Среди них — нагнетание антитуркменской истерии в российских военно-политических кругах, получившее размах в первые послевоенные годы.

Как свидетельствуют источники, Сеид Мухаммед Рахим-хан II и его ближайшее окружение были главными инициаторами усиления антитуркменских настроений, систематически проводившихся против туркмен в 1873—1875 гг. крупных карательных операций. Ссылаясь на постоянную «туркменскую угрозу», хивинские правящие круги тем самым, во-первых, добивались для себя большей свободы действий во внутренних делах, и во-вторых, настойчиво втягивали российские вооруженные силы в межнациональный конфликт, дискредитируя их. Единство этих двух факторов позволяло хивинской правящей верхушке укреплять личную власть и демонстрировать свою лояльность русской колониальной администрации.

Маневрируя между самыми разнополярными политическими силами, Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II очень скоро и без особых на то усилий при поддержке опять-таки российских региональных властей в Туркестане — все того же К. П. Кауфмана — удалось восстановить прежние органы правительственной власти в центре и на местах, хакимства и бекства, сформировать немногочисленную, но вполне боеспособную регулярную армию. Построенную уже по российскому образцу. В феврале 1875 г. впервые после российско-хивинской войны во главе 1500 конных нукеров и 200 пеших стрелков, подкрепленных артиллерией, он совершил по туркменским селениям и кочевьям в Газаватском, Куня-Ургенчском, Ильялыномском и Ходжейлийском бекствах поход, который, вопреки ожиданиям, прошел мирно, без стычек. В результате переговоров туркменские роды обязались выплачивать, как и узбекское население, поземельный налог, от которого ранее были освобождены, вносить в ханскую казну по 2 тилля за каждого *казучи*, выставляемого для работ по очистке ирригационных каналов. Поход в туркменские кочевья в первый же год принес казне внушительную сумму — 30 тыс. тилля¹⁰⁴. Скорее всего это была дань за прошлые заслуги самому Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II как «защитнику отечества».

В 1877 г. ситуация в туркменских районах окончательно перешла под полный контроль Хивинского правительства. Однако глубинные

---

¹⁰⁴ ЦГА РУ, ф. 11с, оп. 3, д. 329, л. 19; *Тухтаматов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 36—37.

причины, порождавшие волнения туркменского населения, до конца устранены не были. Они крылись в самой политической системе, не допускавшей участия национальных меньшинств в управлении государством, в традиционных формах хозяйствования, сохранении острых экономических отношений, навязанных туркменской диаспоре, острых социальных противоречиях между родоплеменной верхушкой и беднейшими слоями, обострявшимися из года в год. Вот почему не во всех племенных союзах действия хивинских властей по отмене льгот, предоставленных туркменам с учетом кочевого и полукочевого характера образа жизни, по введению поземельного налога и других повинностей были встречены с одобрением. Категорично протестовали против представители *юмудов*, *емрали* и *човдуоров*, ссылаясь на крайне тяжелые условия хозяйствования, нехватку оросительной воды и т. д. Они неоднократно обращались в администрацию Амударьинского отдела с требованиями оградить племена от притеснений властей Хивы или разрешить перекочевать за пределы ханства, но поддержки у начальника отдела не получили. Он переадресовывал жалобы в ханскую канцелярию, где они оставались без последствий.

В 1875—1877 гг. хивинские власти, прикрываясь сбором контрибуции, предпринимали походы и на районы, населенные каракалпакскими и казахскими племенами. Сопровождаемые вооруженными нукерами, сановники изымали средства не только в счет контрибуции, но и другие налоги — поземельный, со скота и кибиточную подать, а у тех, кто не располагал достаточными финансами, отбирали изделия ремесленно-кустарного производства, ценные породы крупного рогатого скота, обрекая население на нищенское существование. Не выдержав тяжелого налогового пресса, многие каракалпакские и казахские общины покидали обжитые места и перебирались в поисках лучшей доли на правобережье Амударьи, то есть на теперь уже российскую территорию.

К середине 1880-х гг. ханское правительство добилось полного восстановления всех ветвей традиционных институтов власти и закрепило свое политическое положение в обществе. Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II удалось сместить крайне оппозиционно настроенных предводителей племен и родов, заменить их теми, кто был лоялен к центральной власти, взять под контроль так называемые «кризисные» районы. Ужесточился сбор военной контрибуции в пользу России, прямых и косвенных налогов для казны. При всем том наметились некоторые позитивные перемены в межнациональных отношениях. Присутствие российских вооруженных сил в Амударьинском отделе позволило положить конец кровопролитным междоусобицам, вооруженным столкновениям между родами и племенами, истощавшим общество. Они уступили место мирному диалогу различных этнических групп, что положительно сказалось на оздоровлении политической ситуации в обществе.

Меры, принимавшиеся Хивинским правительством по укреплению системы власти, стабилизации внутривнутриполитической обстановки, не противоречили основным положениям «Условий мира» 1873 г. и общим принципам непрямого управления России в ханстве. Они лишь создали новое правовое поле для сохранения традиционной монархии, феодальных форм хозяйствования и эксплуатации труда, социального неравенства, препятствовали эволюции и дифференциации социальных сил, появлению новых позитивных тенденций в стагнировавшем хивинском обществе. Это отвечало интересам правящей верхушки не только Хивинского ханства, но и России, так как способствовало их примирению, сохранению и расширению социальной базы феодально-абсолютистской монархии, превратившейся из противника в союзницу российской монархии, готовую к сотрудничеству с ней для совместной эксплуатации собственного народа. Отсюда та системная и действенная поддержка, которая оказывалась российскими властями внутренней политике ханского правительства, тесное взаимодействие двух родственных правящих структур в рамках правовой системы непрямого управления.

В июле 1886 г. Российское правительство приняло новое «Положение об управлении Туркестанским краем», которое, по существу, мало чем отличалось от предыдущего. Как и прежде, край был отнесен к ведению Военного министерства. Документ регламентировал права и полномочия всех звеньев органов правительственной власти, обязанности представительных и судебных органов, определял цели и задачи финансовой, экономической и социальной политики. Административная и военная власть вновь сосредоточивалась в руках генерал-губернатора, а в областях — военных губернаторов, в уездах и городах — их военных начальников, что подчеркивало особый статус Туркестанского края в составе Российской империи как колонии «чистейшего типа», на что указывал и В. И. Ленин.

В связи с нововведениями в системе управления Туркестанским краем канцелярия генерал-губернатора 24 октября 1886 г. направила начальнику Амударьинского отдела специальную директиву, которая касалась его взаимоотношений с правительством Хивинского ханства. Она примечательна тем, что в ней впервые раскрывается истинный смысл официального курса российских властей на *неприсоединение* Хивинского ханства к империи, сохранение самостоятельности его правительства во внутренних делах. В директиве, в частности, особо отмечалось, что положения российско-хивинского Договора 1873 г. «вполне соответствуют воле Русского правительства», поэтому они и впредь остаются в силе. Исходя из этого, указывалось на необходимость, не подменяя хивинских правителей, соблюдать нейтралитет во внутренних делах ханства. На этот шаг российские правящие круги шли не случайно, а вполне осознанно с тем, чтобы избежать всякого

дублирования системы правления и дискредитации российской политики в Хивинском ханстве. «Вмешиваться в управление ханом своими подданными, — разъяснялось в директиве краевой администрации, — значило бы принимать на себя ответственность за недостатки этого управления, ответственность, которая должна всецело лежать на самом хане и его советниках». Это соответствовало основополагающим принципам российско-хивинских отношений на новом этапе их развития.

Соблюдение нейтралитета во *внутренних делах* ханства отнюдь не означало пересмотра стратегического курса на постепенное усиление российского влияния на Хиву и отказа от контроля за деятельностью ханского правительства внутри страны. Напротив, директива строго предписывала администрации отдела последовательно и настойчиво укреплять позиции России в ханстве, используя все имеющиеся в распоряжении краевых властей рычаги силового воздействия на Хивинское правительство и общественно-политическую ситуацию в стране в целом. В этих целях начальнику Амударьинского отдела поручалось:

— обеспечивать точное соблюдение условий Договора 1873 г. не только Хивинским правительством и населением, но также и русскими подданными, ведущими дела с Хивой;

— сохранять за хивинским ханом в управлении внутренними делами ханства ту самостоятельность, которой он пользуется;

— упрочивать русское мирное нравственное господство в Хиве и поддерживать среди коренного населения ханства обаяние русского имени;

— оказывать хивинскому хану нравственную поддержку при разработке и реализации решений (например, в осуществлении контроля за миграцией населения, переселением хивинских подданных на российскую территорию и др.), которые не противоречат интересам России;

— не допускать нарушения прав, которые предоставлены русским подданным Договором 1873 г., тщательно охранять их;

— содействовать русским подданным в приобретении на хивинской территории земли для культивирования в низовье Амударьи американского хлопчатника.

В директивах особо подчеркивалось, что конечной целью неуклонного усиления и укрепления российского влияния на Хивинское ханство «должно быть постепенное сближение быта хивинского населения с бытом населения русских среднеазиатских владений»¹⁰⁵. Это означает, что краевая администрация Российского правительства под «сохранением самостоятельности» понимала не гарантирование суверенитета Хивы, а лишь невмешательство в *формы и методы управления* хивинским ханом *внутренними делами* страны. Все другие сферы жизни хивинского общества, включая социально-политическую, эко-

¹⁰⁵ ЦГА РУ, ф. 11с, оп. 3, д. 828, л. 3.

номическую и духовную, должны были находиться под постоянным «внешним» воздействием с тем, чтобы их развитие не выходило за рамки системы непрямого управления ханством и носило целенаправленный характер, соответствующий геополитическим интересам Российского государства.

Таким образом, после кризиса 1873 г. регион Центральной Азии претерпел существенные изменения. В Туркестане, Бухаре и Хиве произошла реконструкция архаичной системы *государственности*, которая обрела принципиально иное качество; усилилась тенденция к приданию единообразия всем внутренним институтам руководства и управления, что служило гарантией укрепления их взаимодействия в различных сферах жизни общества, в том числе и в осуществлении внешнеполитических функций. В этом, на наш взгляд, и заключается одна из весьма примечательных особенностей радикальных перемен, наметившихся в обширном и достаточно специфическом регионе, где в XIX в. столкнулись интересы великих держав. Вот почему можно согласиться с мнением И. М. Лapidас, которая пишет, что введение в Центральной Азии «русского управления в XIX столетии не имело аналогов в других ситуациях с колонизацией. Российское завоевание дало Внутренней Азии новую территориальную и административную организацию. Русские демонтировали мусульманские государства и переделили регион... Бухара и Хива оказались в положении вассалов»¹⁰⁶. Новый статус, продолжает она далее, «принес возрождение. Бухара (Трансоксания), Хива (Хорезм) и Коканд (Фергана) — каждый из них превращался в центр некогда процветавшего мусульманского общества»¹⁰⁷. Несмотря на некоторое преувеличение, характеристика в целом верна. Туркестан, Бухара и Хива, которые, с одной стороны, не имели четких границ, постоянно конфликтовали, не могли прийти к консенсусу друг с другом и наладить эффективное сотрудничество, а с другой — были ослаблены распрями, отсутствием единого понимания политической обстановки и становились легкой добычей для внешних агрессоров¹⁰⁸, к концу XIX в. де-факто оказались в зоне «жизненных интересов» России и под ее защитой. В связи с резким изменением расстановки политических сил в конгломерате последовательность британских действий в регионе Центральной Азии и на Востоке в целом вызывала серьезные сомнения¹⁰⁹.

Официальный Лондон все же был вынужден без особого желания признать фиаско собственного курса. 24 декабря 1873 г. Гренвилл на-

---

¹⁰⁶ *Lapidus M. I. A History of Islamic Societies. Cambridge, 2002. P. 684.*

¹⁰⁷ *Ibid. P. 348.*

¹⁰⁸ См.: *Anderson J. The international politics of Central Asia. Manchester; New York, 1997. P. 11.*

¹⁰⁹ См.: *Markovits C. The global world of Indian merchants, 1750—1947: traders of Sind from Bukhara to Panama. Cambridge, 2000. P. 74.*

правил М. Гладстону депешу, в которой в общих чертах обрисовал линию поведения Англии в сложившейся ситуации: «Мы не продвигаемся, — писал он, — потому что мы думаем, что лучший способ сохранить нашу огромную Индийскую империю состоит в том, чтобы остаться там, где мы находимся». Российская сторона, продолжал далее Гренвилл, то и дело говорит — справедливо или нет — «об очевидной потребности защиты каждого нового приобретения, которое они делают, таким же образом, как мы делали в более ранний период нашей индийской истории»¹¹⁰. Правительство либералов тем самым недвусмысленно давало понять, что отказывается от использования территории Персии и Афганистана напрямую в качестве плацдарма «в пользу неприкосновенности соглашения с Россией» и отныне признает «границу Афганистана, который является независимым государством, может служить как буфер между расширяющейся Российской империей и Британской Индией»¹¹¹. Это было равносильно признанию того, что дискуссии по поводу расширения России в восточном направлении и об «угрозе Индии» отныне откладываются на неопределенное время, до тех пор, пока вновь не коснутся вплотную зон «жизненных интересов» Великобритании и необходимости начать очередные политические торги с Россией. Но это касалось лишь внешней стороны жесткого противостояния двух великих держав, которое затрагивало своим острием малые страны конгломерата, такие как Хива, Бухара, Афганистан, Иран и др. А на геополитическом поле «Большой Игры» невидимая для посторонних борьба идей и воззрений продолжалась.

Расширение позиций российского капитала в хивинской экономике

Усиление позиций России в Хивинском ханстве аккумулировалось не только и даже не столько в ее всевозрастающем воздействии на функционирование институтов политической надстройки хивинского общества. Оно нашло отражение и в ходе социально-экономического развития страны, в структурных преобразованиях производства, наметившихся в Хивинском ханстве в последней четверти XIX—начале XX в.

Договор 1873 г., устранив таможенные, фискальные, правовые и прочие препятствия на пути неконтролируемого проникновения на хивинский внутренний рынок крупного российского торгово-промышленного и финансового капитала, способствовал заметному ускорению втягивания Хивы в орбиту непосредственных хозяйственных интере-

¹¹⁰ Gladstone W. E. et al. The Gladstone-Granville Correspondence. P. 433.

¹¹¹ Nyrop F. R, et al. Afghanistan: a country study. P. 29.

сов России. Важно иметь в виду, что начало этому процессу, как уже отмечалось, было положено еще раньше — в 50—60-е гг. XIX в., когда в торгово-экономических связях между двумя государствами стали проявляться симптомы неэквивалентного обмена. В этот период произошла своеобразная «корректировка» структуры товарооборота с учетом прежде всего запросов российского рынка: объем ввоза в ханство товаров производственного назначения и разнообразных потребительских изделий из России стал существенно отставать от встречного потока вывозимых из Хивы товаров и изделий преимущественно сырьевой группы. Это углубляло разрыв между предложением и спросом, вело к деформированию внутреннего рынка и национального производства. Большинство товаропроизводителей, занятых в ведущем аграрном секторе и других сопутствующих отраслях, приспособившись к конъюнктуре на внешнем, главным образом российском, рынке, предпочитали выращивать более доходные экспортные культуры (хлопок-сырец, шелковичные коконы и т. п.), заготавливать семена люцерны, обработанную и сырую кожу, другие сырьевые материалы. Они меньше заботились о расширении структуры внутреннего производства, налаживании технической переработки продукции на месте, что постепенно вело к монокультуризации аграрной отрасли и экономики в целом, сужало возможности производственного потенциала и усиливало зависимость ханства от состояния российского рынка.

В условиях прямого действия Договора 1873 г., продолжавшегося приблизительно до середины 90-х гг. XIX в.¹¹², развитие экономики Хивы протекало под усиливавшимся влиянием российского капитала. Ему принадлежала ключевая роль в инвестировании производства и выборе приоритетов. Она перешла к нему не сразу. Набирающая силу молодая хивинская торгово-ростовщическая буржуазия встретила «Условия мира» однозначно враждебно, не желая уступить занятые позиции иностранному капиталу. Особенно рельефно это обнаружилось в начальный период реализации Договора. В 1873 г. лишь фирма оренбургского купца Дюкова, имевшего давние деловые связи с ханством, открыла свое торговое отделение в Хиве¹¹³. Представительства ряда других акционерных обществ, фирм и торговых домов появились

---

¹¹² В середине 90-х гг. XIX в. ханское правительство под давлением элиты национальной торговой буржуазии и части земельной аристократии предпринимает шаги по пересмотру отдельных статей экономического пакета Договора 1873 г. Несмотря на серьезное сопротивление российских краевых властей, оно в одностороннем порядке отменяет ряд льгот, предоставленных российским предпринимателям, ставя их в равные условия с местными. Это создало принципиально новую правовую ситуацию в экономической сфере, позволяющую разделить действие Договора 1873 г. на периоды. Подробнее об этом см. ниже. — *Примеч. авт.*

¹¹³ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 25.

позднее, к 1880 г., когда краевым российским властям удалось окончательно внедрить в ханстве систему непрямого управления, установить повседневный контроль за социально-политической и экономической обстановкой в стране.

Хивинский капитал в 1873—1875 гг. все еще продолжал занимать господствующее положение в важнейших сферах экономики, таких, например, как сельское хозяйство, отрасли по первичной переработке растениеводческой и животноводческой продукции, ремесленно-кустарное производство и др., не допуская внедрения российского капитала. В исследуемый период, по данным В. Гиршфельда, в частной собственности на правах мульковых находилось около 587,3 тыс. танапов¹¹⁴ (220,8 тыс. десятин), что составляло примерно половину всех сельскохозяйственных угодий. Остальная часть принадлежала государству и религиозным учреждениям. Иностранной, в частности российской, капитал в этот период никакой земельной собственностью на территории ханства не владел. Такая же картина наблюдалась и в ряде других отраслей.

Обладая монопольным правом в национальном производстве, но, в соответствии с «Условиями мира», лишенный прежних экономических привилегий де-юре, хивинский капитал не проявлял заинтересованности в совершенствовании структуры производства, активизации внешнеэкономических связей. Это оказало сильное влияние на консервацию потенциала ведущих отраслей экономики, прежде всего экспортных, что повлекло за собой стагнацию производства и резкое сокращение объема вывоза из Хивы товаров и изделий. Если в 1870 г. из ханства в Россию было поставлено хлопка-сырца на 160 тыс. руб., то в 1873 г. — всего лишь на 3 тыс., а в 1875 г. — на 4,16 тыс. руб. Поставки шелковичных коконов сократились с почти 6,8 тыс. в 1873 г. до 700 руб. — в 1875 г., или в 9,5 раза, а экспорт хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых изделий и шерсти упал, соответственно, с 847 руб. до нуля. Прирост объемов производства и поставок продукции был достигнут в основном в тех отраслях, которые с аграрным сектором непосредственных связей не имели. Так, например, вывоз из Хивы невыделанной кожи увеличился с 40 руб. в 1873 г. до примерно 2,1 тыс. — в 1875 г., ковров, соответственно, со 137 до 344 руб., рыбы — с нуля до 11,4 тыс. и клея — до более чем 3 тыс. руб.¹¹⁵ Эти позитивные перемены, носившие локальный характер, существенно повлиять на общую социально-экономическую ситуацию в ханстве, которая нуждалась в радикальном преобразовании, естественно, не могли.

¹¹⁴ Гиршфельд В. Военно-статистическое описание... Ч. 1. С. 35—36.

¹¹⁵ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 25; Центральный государственный исторический архив РФ в СПб. (далее: ЦГИА СПб.), ф. 21, оп. 11, д. 32, л. 315—318; Садыков А. Экономические связи Хивы с Россией... С. 67.

Несомненно, в наметившихся в 1873—1875 гг. колебаниях объемов производства и поставок важнейших видов продукции сказались и последствия недавних военных действий. Нельзя не учитывать также аннексию части территории Хивинского ханства на правобережье Амударьи, которая повлекла за собой общее сокращение объемов валового внутреннего продукта по сравнению с довоенным периодом. Тем не менее определяющее влияние на стагнацию производства и внешнеэкономических связей, на наш взгляд, оказала именно неудовлетворенность крупной национальной торгово-ростовщической буржуазии и земельной аристократии четко обозначившимся усилением позиций российского капитала на внутреннем рынке ханства. Это было явлением временным, обусловленным тем, что местные феодально-компрадорские круги пока видели в российской буржуазии вовсе не союзника, а только могущественного конкурента, стремящегося к безраздельному господству, боялись окончательно лишиться привычных политических и экономических прав и привилегий. Поэтому российскому предпринимательству достаточно было продемонстрировать в 1873—1875 гг. отсутствие реальной угрозы благосостоянию феодальной аристократии и компрадорских кругов, чтобы они немедленно поступились национальными интересами и из, казалось бы, непримиримых противников иностранного капитала начали превращаться в его союзников, совместно эксплуатирующих производственный потенциал и производительные силы страны. Характерно, что как должное встречали они и откровенно протекционистскую политику хивинских правителей в отношении российского капитала, пока она не коснулась их экономических интересов.

Положение в социально-экономической жизни Хивинского ханства начало резко меняться со второй половины 70-х гг. XIX в. На четкое разграничение сфер влияния между краевой российской колониальной властью и местной администрацией, провозглашение курса на невмешательство во внутренние дела ханства правительство Хивы ответило гарантированием неприкосновенности и свободы деятельности на территории страны российского торгового, промышленного и финансового капитала. Это позволило представителям крупных деловых кругов России при поддержке колониальной администрации Туркестанского края развернуть массированное наступление на позиции, занятые молодой хивинской торгово-ростовщической буржуазией и земельной аристократией на внутреннем рынке. Оно проходило в два этапа, которые отличались друг от друга и стратегией, и тактикой борьбы за утверждение и господство в хивинской экономике.

На *первом* этапе, продолжавшемся со второй половины 70-х примерно до середины 80-х гг., главенствующую роль играли торговая буржуазия и отчасти финансовый капитал, которые традиционно участвовали в российско-хивинских торговых и экономических отноше-

ниях, уже имели с деловыми кругами Хивы более или менее налаженные связи. Их усилия были сконцентрированы не на структурной перестройке экономики, модернизации ее крайне отсталой технической базы или совершенствовании производственных отношений, а главным образом на восстановлении оборвавшихся в период военных действий простейших товарообменных операций на принципах бартера. Это должно было оживить активность национального капитала, стимулировать подъем внутреннего производства, реставрацию экспортного сектора, чья продукция пользовалась неизменным спросом на внешнем рынке. В итоге появлялась возможность без особых финансовых вложений с российской стороны способствовать решению основной задачи — разоживанию и расширению вывоза сырья и полуфабрикатов. Кроме того, такая тактическая линия позволяла обеспечить максимально быструю оборачиваемость вкладываемых средств, что было исключительно важно как для торгового, так и для финансового капитала.

Начиная с 1876 г., прямые поставки в Хивинское ханство из России товаров и изделий приняли системный характер. По подсчетам исследователей, в среднем за год по оренбургскому и красноводскому торговым путям сюда стали прибывать караваны, насчитывавшие до 700 верблюдов. Они доставляли самые разнообразные товары на сумму свыше 500 тыс. руб. Среди них — мануфактуру, хлопчатобумажную ткань, шелковые, шерстяные изделия и пряжу, хрусталь, кондитерские изделия, галантерею, посуду, москательные товары, сундуки, замки, чай и прочее. Все это реализовывалось через разветвленную сеть хивинских торговых базаров в обмен на продукцию сельского хозяйства. Выступая в качестве доверенных лиц и посредников российских торговых фирм, местные предприниматели получали немалую прибыль не только от продажи импортных товаров за счет взвинчивания цен и разного рода спекулятивных операций, но и за складирование и хранение товаров, доставку в пункты назначения. В результате хивинский торгово-ростовщический капитал без особых усилий становился обладателем значительных свободных финансовых средств, оказывался кровно заинтересован в расширении и укреплении связей с крупным российским капиталом, утверждении его на внутреннем рынке.

Ввозом в ханство российских товаров и изделий занимались также и многие крупные хивинские купцы, доставлявшие в больших объемах мануфактуру, золото и серебро в слитках, кондитерские и галантерейные изделия, товары хозяйственно-бытового назначения длительного пользования в широком ассортименте. Они приобретались на Нижегородской ярмарке, в Москве, Петербурге, Астрахани, Казани, Оренбурге и других российских городах по наличному расчету за счет средств, полученных от продажи товаров или путем бартерных сделок. Нередко товары выдавались крупным хивинским купцам, имевшим отлаженные связи среди российского купечества и деловых кругов, под

расписку или в кредит, причем на весьма значительные суммы — до 1 млн. руб. и более.

Процессы, наметившиеся в сфере подъема внешнеэкономической активности, побуждали торгово-ростовщическую буржуазию, а также хивинскую земельную аристократию и родоплеменную знать усилить эксплуатацию природных богатств и трудовых ресурсов, не затрагивая основ докапиталистических отношений, для увеличения производства экспортной продукции. К сожалению, отсутствие апробированных и более или менее точных статистических данных о структуре растениеводства и животноводства, динамике посевных площадей, общих объемах валового внутреннего продукта, межотраслевом распределении трудовых ресурсов в 70—80-е гг. XIX в. не позволяет составить точную картину роста национального производства и его эффективности, участия отраслей в формировании ВВП. Вместе с тем, если учесть моноотраслевой характер экономики Хивы, то о степени влияния российского и хивинского капитала на перемены, происходившие в сфере производства, можно судить и по показателям внешнеэкономической деятельности, которая в общем-то и является материализацией конечных результатов усилий всех субъектов процесса.

Как свидетельствуют источники, благодаря целенаправленному и восходящему воздействию российского и хивинского капитала на национальную экономику экспортный сектор, прежде представленный небольшим кругом сырьевых отраслей, в частности хлопководством и шелководством, некоторыми другими узкими специализированными направлениями скотоводства, к концу 70-х гг. XIX в. начал заметно расширяться за счет других сфер хозяйства, включая ремесленно-кустарное производство. Это повлекло за собой увеличение вывоза многих важнейших видов сырья и полуфабрикатов. Его апогей пришелся на 1878 г., когда в Россию было экспортировано хлопка-сырца на 58,9 тыс. руб., что почти в 14 раз больше, чем в 1875 г., невыделанной кожи — на 12,6 тыс. руб., или в 6 раз больше, шелковых изделий — на 1 тыс. руб., или в 7,5 раза больше. В значительных объемах, как и прежде, вывозились шерсть и шелковичные коконы, хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные изделия, халаты, ковры и прочие товары. Всего в 70-е гг. Хива поставила на российский рынок около 170 тыс. пудов хлопка-сырца на 639 тыс. руб., 23 тыс. пудов невыделанной кожи на 115 тыс. руб., приблизительно 100—150 пудов марены на 6 тыс. руб., изделий ремесленно-кустарного производства на 50 тыс. руб. Общая сумма экспорта достигла 810 тыс. руб.

В начале 80-х гг. XIX в. тенденция роста не только сохранилась, но даже усилилась. Если в 1881 г. в Россию из ханства было ввезено 200 тыс. пудов хлопка-сырца, то в 1884 г. — 300 тыс., кожи невыделанной, соответственно, — 23 тыс. и 24 тыс. пудов, овчины невыделанной — 1,5 тыс. и 4 тыс. пудов, хлопчатобумажных изделий —

свыше 1,1 тыс. и 2 тыс. пудов и т. д. Общая стоимость экспорта за этот период возросла с немногим более чем 2,1 млн. руб. до 3,3 млн. руб.¹¹⁶

Вывоз сырья и полуфабрикатов был прибыльным, приносил огромные дивиденды российскому купечеству и финансовой буржуазии, хивинскому торгово-ростовщическому капиталу. Достаточно сказать, что, например, хлопок-сырец в ханстве скупался по цене 1,8—2,0 руб. за 1 хивинский батман (1,25 пуда), а допустим, уже в Оренбурге 1 пуд того же сырца реализовывался по 7 руб.¹¹⁷ Так же обстояло дело и с продажей других товаров и изделий. Поэтому ни российский торгово-финансовый капитал, ни хивинская торгово-ростовщическая буржуазия или активно сотрудничавшая с ними феодальная земельная аристократия отнюдь не были заинтересованы в инвестировании своих средств в имевшие народнохозяйственное значение долгосрочные экономические проекты, напрямую связанные с внедрением в производство научно-технических достижений. Систематически присваивая себе весь или почти весь прибавочный продукт, создаваемый на базе мелкого дехканского хозяйства, они тем самым обрекали его на простое воспроизводство, лишая всякой возможности осуществлять накопления, тормозили дальнейшую эволюцию хивинского общества. Де-факто это вело не только к консервации финансовой несостоятельности мелкого дехканского хозяйства, занимавшего господствующее положение в структуре землевладения и землепользования, процессу обнищания подавляющего большинства сельских тружеников, но и к постепенному истощению потенциала аграрного производства, почти полностью лишенного финансовых и материальных инъекций.

Второй этап утверждения в экономической жизни Хивинского ханства российского капитала, начавшийся приблизительно с середины 80-х гг. и охвативший все 90-е гг. XIX в., стал характерен «освоением» внутреннего рынка ханства уже не мелким или средним, а относительно крупным торгово-промышленным и финансовым капиталом, занимавшим в экономической сфере России ведущие места. Так, в 1884 г. в Хиву приехали представители «Большой Ярославской мануфактуры», следом — дилеры акционерных компаний, торговых и промышленных фирм «Московское торгово-промышленное т-во», «Бр. Мануиловы», «Познанский и К⁰», «Вадьяевское т-во», «Петляховское т-во», «Шуйская мануфактура», «Стуккен и К⁰», «Бр. Крафт» и многие другие. Они основали отделения, филиалы и конторы в городах Новый Ургенч и Хива. Некоторые фирмы открывали офисы в центрах наиболее крупных бекств — Гурленском, Ханкинском, Ташаузском, Газаватском, Ходжейлийском и др.

¹¹⁶ ЦГИА СПб., ф. 21, оп. 11, д. 32, л. 315—318; Там же, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 15; Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией... С. 67—69.

¹¹⁷ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 34.

В отличие от мелких и средних предпринимателей, которые занимались в основном оптово-закупочными, зачастую спекулятивными товарообменными операциями, крупный торговый, промышленный и финансовый капитал во главу угла своей деятельности ставил иные задачи: гарантировать непрерывные поставки из Хивы в Россию в требуемых объемах сельскохозяйственного сырья и полуфабрикатов, создать современную материально-техническую базу для первичной переработки продукции аграрного сектора непосредственно в ханстве. Это могло бы дать серьезный импульс преобразованию производительных сил, совершенствованию производственных отношений и ускорить дифференциацию социальной структуры населения.

Первой в Хивинском ханстве основу перерабатывающей промышленности заложила известная «Большая Ярославская мануфактура». Для строительства в Новом Ургенче крупного хлопкоочистительного завода ее специалисты доставили две джины, механические и конные приводы, а в 1889 г. — гузalomки, джины и паровую машину, а также другое оборудование и механизмы. По производственным показателям и технической оснащенности он стал одним из лучших не только в Хивинском ханстве, но и во всем регионе Центральной Азии. В. В. Бертольд писал, что «паровой хлопкоочистительный завод Ярославской мануфактуры в [Новом] Ургенче, снабженный всеми новейшими машинами и приспособлениями для очистки хивинского хлопка от шелухи и семян, — один из лучших заводов этого рода в Средней Азии»¹¹⁸.

Механическую очистку хлопка-сырца от примесей наладила в 1885 г. и фирма купца Дюкова. В первый год на своем мини-заводе с керосиновым двигателем она получила 150 пудов чистого волокна от переработки сырца хлопчатника американского сорта¹¹⁹. В то же самое время по распоряжению хивинских властей в Ханках, Новом Ургенче и Ташаузе были отведены земельные участки под строительство современных хлопкоочистительных и маслoбойно-мыловаренных заводов на средства торговых и промышленных фирм «Познанский и К⁰», «Бр. Мануиловы». Они вступили в строй позднее, в начале 1900-х гг.

Российские промышленники и крупный торговый капитал кредитовали как самих товаропроизводителей, так и хивинское купечество под будущий урожай хлопка-сырца, шелковичных коконов и другой сельхозпродукции из расчета 6—12 % годовых. Нередко ссудный процент мог быть и намного выше — до 30 % в зависимости от срока и гарантии возврата.

Финансовый (банковский) капитал в этот период самостоятельных кредитно-ссудных операций на хивинском внутреннем рынке из-за от-

---

¹¹⁸ См.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXXVII. С. 192.

¹¹⁹ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 26.

сутствия соответствующей законодательной базы, способной надежно гарантировать сохранность капиталов и их оборачиваемость, не проводил. Свою деятельность он ограничивал финансированием разных мелких и средних фирм, торгово-промышленных компаний, занимавшихся скупкой и вывозом сельскохозяйственной продукции, изделий ремесленно-кустарного производства, строительством маслобойных, мыловаренных и хлопкоочистительных цехов и заводов, магазинов и факторий, пристаней на Амударье, складов и других объектов.

На вторую половину 80-х гг. XIX в. приходится начало регулярно-го судоходства на Амударье. Оживленный естественный водный путь, растянувшийся от предгорий Памира до Аральского моря, соединявший Хивинское ханство с Бухарой и Афганистаном, обеспечивавший возможность выхода на страны Ближнего Востока, издревле являлся одной из важнейших торговых магистралей. Навигационный период продолжался достаточно долго — около девяти месяцев (с марта до середины ноября). По обычно полноводной реке курсировала целая флотилия парусников (*кема*) и деревянных лодок (*каюк*), перевозивших продукты сельского хозяйства, мануфактуру, топливо и т. п.

Хивинский участок Амударьи находился между Кунградом и бухарской пограничной крепостью Чарджуй. Современные суда впервые появились здесь в июне 1859 г., когда в Кунград с миротворческой миссией прибыл экипаж парохода «Обручев» с двумя баржами под командованием А. И. Бутакова, направленного по распоряжению Российского правительства. В 1874 г. в Петро-Александровск приплыл еще один пароход — «Перовский», который и «открыл» реку для большегрузных и быстроходных для своего времени речных судов.

Планомерное создание единой системы водного торгового пути на Амударье с инженерными сооружениями развернулось после включения региона в сферу интересов Российского общества страхования и транспортирования кладей. В 1883—1884 гг. его представители провели разведку хивинского участка реки на севере ханства, построили ряд пристаней, основали в городе Кунграде речной порт с капитальными административными зданиями, складами для хранения товаров. Он стал вторым после Чарджуйского хорошо оснащенным портом с высокой пропускной способностью. Благодаря этому, в 1885 г. общество без особых усилий получило разрешение Хивинского правительства на открытие частного судоходства по Амударье. Спустя три года, была основана и государственная Амударьинская речная флотилия, занимавшаяся почтовыми и пассажирскими перевозками от Чарджуя до Термеза.

Материально-техническая база флотилии на Амударье, парк ее судов наращивались быстрыми темпами. Так, по неполным данным, в 90-е гг. XIX в., по сравнению с 80-ми гг., количество судов, осуществлявших каботажные перевозки по реке, увеличилось в 2 раза и пре-

высило 600. Их суммарная грузоподъемность составляла 500 тыс. пудов. Заметно увеличился удельный вес судов большегрузных и средней грузоподъемности. 211 кема, или 35 % судов, могли принять на борт до 1000 пудов груза каждый, 118 судов средней грузоподъемности, или 19 %, — по 700 пудов. В составе флотилии имелись пять пароходов, четыре баржи. В среднем за навигационный период Амударьинская речная флотилия перевозила до 2,5—3,0 млн. пудов одних только грузов¹²⁰. Многие суда, в основном легкие каюки, занимались регулярной перевозкой пассажиров между левобережными и правобережными районами, ибо на Амударье не было ни постоянно действующих паромных переправ, ни мостов.

Наряду с водными путями, большое внимание уделялось благоустройству караванных магистралей и поиску экономичных сухопутных торговых путей. На дорогах Новый Ургенч—Красноводск, Хива—Оренбург, Хива—Бухара, Хива—Ташкент, Хива—Мерв, Хива—Ашхабад были оборудованы гостинные двory, склады для хранения товаров, организованы подвижные сторожевые посты из подразделений российской, а в пределах территории ханства — хивинской регулярных армий для предотвращения возможных нападений бандформирований на торговые караваны. В течение 80—90-х гг. XIX в. под эгидой российских министерств финансов и путей сообщения, военного ведомства при активном участии крупного торгово-промышленного капитала проводились изыскательские работы, разрабатывались достаточно смелые по тем временам проекты строительства железных дорог (Красноводск—Хива, Мертвый Култук—Хива, Керки—Хива—Александров-Гай и др.), чтобы соединить ханство с другими регионами Центральной Азии и России. Им, правда, не было суждено осуществиться по самым разным причинам, прежде всего — сугубо экономическим, тем не менее само вынесение проблемы на правительственный уровень имело важное значение для решения ее в недалеком будущем.

С приходом на хивинский рынок крупных торгово-промышленных и финансовых объединений, неуклонным расширением внутреннего производства, формированием и качественным преобразованием сухопутного и водного транспорта, обновлением его инфраструктуры торгово-экономические связи между ханством и Россией вступили в принципиально новую стадию развития, для которой были характерны увеличение объема экспортно-импортных операций, изменение товарной структуры. В 1897 г. из Хивы было вывезено товаров и изделий на более чем 2,8 млн. руб. (без учета экспорта через Казалинск, Ашхабад и Мерв), а ввезено из России — на 4,4 млн. руб., что намного больше, чем в предыдущие годы.

---

¹²⁰ См.: *Гиршфельд В.* Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 205—213; *Масальский В. Н.* Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее. СПб., 1892. С. 571—572.

При общем увеличении товарооборота наметилась тенденция и к расширению товарной структуры экспорта, являющейся одним из показателей степени эффективности внутреннего производства. В конце XIX в. главными статьями хивинского экспорта становятся хлопковое волокно, семена люцерны, кожи, каракуль, халаты, ковры, паласы, рыба, меха (из бараньих шкур), шерсть, кошмы, кишки, рис, а также коровье масло (всего 13 видов). Из 320 тыс. пудов товаров и изделий 209 тыс. пудов, или 65,3 %, приходилось на хлопок-волокно, 55,5 тыс. пудов, или 17,3 %, — на яловые кожи. Последние ценились даже дороже хлопкового волокна: если пуд кожи стоил 23,8 руб., то пуд волокна — всего 6 руб. Поэтому, уступая по весу хлопковому волокну в 3,8 раза, яловые кожи в то же время в стоимостном выражении превосходили его на 68 тыс. руб., то есть они приносили в казну более 1,3 млн. руб.

Третью строку в структуре товаров по объему занимала шерсть. Ее было вывезено на 22 тыс. пудов, что составляло 6,9 % объема экспорта. Рыба и разные рыбопродукты, которых было поставлено 16 тыс. пудов (5 %), находились в четвертой строке. Впервые овчина оказалась на пятом месте. Объем ее вывоза достиг 10,5 тыс. пудов (3,3 %). Халатов было поставлено 4 тыс. пудов (1,2 %), они в стоимостном выражении составляли 63 тыс. руб. и шли после хлопкового волокна, яловой кожи и шерсти, опережая другие товары. Замыкало таблицу коровье масло, которого было экспортировано 9 тыс. пудов (2,8 %).

Изменилась и товарная структура импорта из России, насчитывавшего 27 видов основных товаров и изделий, вдвое больше, чем в экспорте из Хивы. Среди них появились горюче-смазочные материалы, машины и оборудование, увеличился удельный вес металла и других товаров производственного назначения. В 1897 г. в Хиву была ввезена 131 тыс. пудов товаров и изделий, в том числе керосина — 27 тыс. пудов, или 20,6 % от общего объема импорта, чугуна в ломе и чугунных изделий — 9,6 тыс. пудов (7,3 %), меди и медных изделий — 2,4 тыс. пудов (1,8 %). Вместе с тем ведущие места по-прежнему занимали традиционные товары. Например, мануфактуры было завезено 32 тыс. пудов (24,4 %), чая — 21 тыс. пудов (16 %), шелковых изделий — 10 тыс. пудов (7,6 %), сахара — 9 тыс. пудов (6,9 %), бакалейных товаров — 6 тыс. пудов (4,6 %), юфти — 5 тыс. пудов (3,8 %), хлопчатобумажной пряжи — 5 тыс. пудов (3,8 %), москательных товаров — 4 тыс. пудов (3 %). При этом в общей массе импорта традиционные товары непромышленного назначения продолжали доминировать не только по объему, но и по стоимости. Так, из товаров, общая стоимость которых составляла примерно 4,4 млн. руб., на чай приходилось 1670 тыс. руб., или 38,2 %, на мануфактуру — 1543 тыс., или 35,3 %, на шелковые изделия — 454 тыс. руб., или 10,4 %. Среди 12 видов товаров и изделий на эти три вида приходилось

48 % общего объема импорта и 83,9 % его стоимости¹²¹. Это говорит о том, что, несмотря на расширение структуры товаров, ввозимых в Хиву из России, основная часть импорта в конце XIX в., как и прежде, направлялась не на стимулирование подъема национальной системы расширенного воспроизводства, а на удовлетворение потребительского спроса.

Таким образом, нарастающее проникновение российского капитала в экономику Хивинского ханства в условиях непрямого управления привело к заметным позитивным структурным переменам во всей системе хозяйства, к расширению и укреплению экспортного сектора, неуклонному росту импорта сырья и полуфабрикатов.

Вместе с тем характер и темпы преобразований далеко не соответствовали объективным потребностям ускорения социально-экономического прогресса страны, ибо «нанизывались» на отсталые патриархально-феодальные отношения, тормозили эволюцию производительных сил. Становление и развитие современных секторов как в экономике в целом, так и в ее ведущей отрасли — сельском хозяйстве разворачивались медленно, подчиняясь задачам не обновления внутреннего производства, а расширения вывоза сырья, что углубляло монокультуризацию хивинской экономики. Аграрный сектор, теснее связывавшийся с российской промышленностью, развивался, по сути, независимо от реальных внутренних потребностей. Простое увеличение объемов производства продукции растениеводства и животноводства, их экспорта не могло привести к росту эффективности производства, ибо осуществлялось на базе малопродуктивного, консервативного дехканского хозяйства.

* * *

Во второй половине XIX в. Россия активно втягивала Хивинское ханство в сферу своего господства и оказывала нарастающее воздействие на его экономическое и социально-политическое развитие. Оно ускорилося после кризиса 1873 г., внедрения в ханстве системы непрямого управления, ставшей основой сотрудничества российских правящих кругов с хивинскими правителями, а торгового, промышленного и финансового капитала — с нарождавшейся местной буржуазией и феодальной элитой, с которыми у него имелось немало общих интересов. Это было сотрудничество противоположных систем, обладавших различным потенциалом: *капиталистической*, пришедшей в России на смену феодализму, и *феодальной* в Хивинском ханстве, обреченном на зависимое развитие.

---

¹²¹ Подсчитано нами по: Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 38—39.

Российское правительство, его представительные органы в регионе, несмотря на официально провозглашенный курс на невмешательство во внутренние дела Хивы, старались, с одной стороны, сохранить в ханстве традиционные экономические и политические институты, а с другой — создать однозначно привилегированные условия крупному российскому капиталу. Поощрение капиталистического предпринимательства при одновременной консервации архаичных феодальных устоев неизбежно вело к дальнейшему обострению основных противоречий феодального общества в ханстве. Эта тенденция отчетливо проявилась в начале XX в.

Глава III

РЕКОНСТРУКЦИЯ РОССИЙСКО-ХИВИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. УСКОРЕНИЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ ХИВИНСКОГО ОБЩЕСТВА (1895—1910)

Практическая политика правительства России в Хивинском ханстве, движимая стремлением придать гармоничность сосуществования значительно отличавшихся друг от друга общественно-политических систем путем ограниченного, или же, так сказать, «отраслевого» интегрирования национальных экономик и трансформации политических институтов, на рубеже XIX и XX вв. дала толчок генезису и эволюции двух определяющих тенденций, ставших господствующими в формировании экономического базиса и политической надстройки хивинского общества: *прогрессивной* и *регрессивной*. Суть первой заключалась в создании материальной базы сближения двух стран на основе широкого хозяйственного сотрудничества и образования в национальных рамках взаимодополняющих отраслей, ускорения развития товарно-денежных отношений, а второй — в консервации общей технико-экономической отсталости и однобокой структуры хивинского хозяйства, его монокультуризации. Если первая объективно «расчищала» путь пока еще только зарождавшимся капиталистическим отношениям, то вторая — тормозила подъем экономики, повышение товарности производства, расширение внутреннего рынка. Возникновению полярных тенденций в социально-политической и экономической жизни Хивы в значительной степени содействовала сама внутренняя политика ханского правительства. Вместо контроля над преобразованием и развитием экономики и руководства этим процессом, устранения непримиримых противоречий в производственных отношениях, совершенствования закостеневших традиционных институтов политической системы она была ориентирована на приспособление экономической и социальной структуры страны...

к потребностям внешнего рынка, предоставление неограниченной свободы действий российскому и национальному капиталу, на формирование такой надстройки хивинского общества, которая де-факто отдаляла перспективы достижения реальной экономической и политической самостоятельности. Результатом деструктивного курса хивинских правителей стало то, что большая часть предприятий перерабатывающей и пищевой промышленности, составлявших основу индустриального потенциала ханства, перешла в руки иностранного капитала. Это ущемляло интересы национальной буржуазии.

Негативные явления в руководстве хозяйством, безразличие к ним правящих верхов обусловили нарастание оппозиционных настроений. В 1895—1910 гг. внутренняя политика Хивинского правительства, жесткий экономический и политический диктат российских властей становятся объектом острой критики оппозиции. Она усиливает давление на правительство Хивы, требуя пересмотра «Условий мира» 1873 г., других договоров и соглашений, заключенных с Россией.

Под влиянием буржуазно-демократической революции 1905 г. в России в ханстве заметно усиливается политизация масс. Наблюдается качественный сдвиг в формировании и развитии общественно-политической мысли, дифференциации разных социальных сил и групп. В гуще обуржуазившейся земельной элиты, молодых хивинских предпринимателей и интеллигенции получают распространение буржуазно-либеральные идеи. В ханстве впервые возникают оппозиционные к существующему режиму организованные общественно-политические движения и течения различной идеологической ориентации. Многие из них не имели четкой конструктивной программы действий, но, несмотря на это, сыграли определенную роль в пробуждении политического самосознания и консолидации масс, объединении усилий различных социальных и политических сил в интересах осуществления общедемократических преобразований.

Денонсация «Условий мира» 1873 г.

Изменения в фискальной и промышленной политике

Остро назревшая необходимость решительного устранения несоответствия морально устаревших норм и принципов, зафиксированных в Договоре «Условия мира России с Хивой» 1873 г., тем реалиям, которые складывались в различных областях жизни хивинского общества, в системе экономических и политических отношений ханства с Россией, реформирования внутривнутриполитического курса правительства стали очевидны в середине 1890-х гг. Разумеется, нельзя отрицать тот факт, что осуществленное в соответствии с Договором взаимное разграничение сферы полномочий российских властей и Хивинского прави-

тельства в целом сыграло положительную роль в определенной стабилизации внутривнутриполитической обстановки и отношений между двумя государствами. Без существенных осложнений был решен болезненный территориальный вопрос, возникший в связи с передачей Туркестанскому генерал-губернаторству и Бухарскому эмирату земель на правобережье Амударьи, издревле принадлежавших Хивинскому ханству.

Однако сохранение навязанных Хиве «Условиями мира» жестких дискриминационных отношений обернулось дестабилизацией и без того довольно хрупкого экономического равновесия внутри страны, углублением диспропорций в национальном производстве, что вызвало дальнейшее обострение социальных противоречий. В значительной степени способствовала этому политика правительства самой Хивы. Сеид Мухаммед Рахим-хан II и его ближайшее окружение, обладая неограниченными полномочиями в вопросах внутренней жизни страны, не предпринимали конструктивных действий по ограждению национальных интересов от внешнего давления. Они не заботились об обеспечении активного государственного вмешательства в сферу хозяйственной жизни, определении на переходный период темпов, форм и методов преодоления социально-экономической отсталости ханства, о поддержке национального торгового и промышленного предпринимательства. «Особые» отношения с Россией правящая верхушка Хивы использовала для укрепления своего политического и экономического положения, личного обогащения.

Пользуясь деструктивным внутривнутриполитическим курсом ханского правительства, российский торгово-промышленный и финансовый капитал стремился к установлению абсолютного контроля над всей хивинской экономикой и внутренним рынком. Он планомерно наступал на позиции менее состоятельных конкурентов — не только местных, но и российских. Начальник Амударьинского отдела в одной из докладных в администрацию генерал-губернатора Туркестанского края был вынужден откровенно признать, что с середины 1890-х гг. крупные российские компании настойчиво вытесняют «с хивинского рынка более мелких русских торговцев» и в то же время сокращают «самостоятельные торговые обороты многих более крупных хивинских купцов»¹.

Жесткая конкурентная борьба болезненно ударила прежде всего по мелким и средним предпринимателям. Она буквально выталкивала их из сферы материального производства и услуг. Массовые банкротства расчищали рыночное пространство для монопольного владения им крупным капиталом. Их количество из-за отсутствия учета и регистрации точно установить пока не удастся (в источниках имеются сведения лишь о тех случаях, которые стали предметом специального су-

---

¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 29, д. 1156, л. 74.

дебного разбирательства). Вместе с тем, основываясь на весьма авторитетном заключении администрации Амударьинского отдела, можно сделать вывод, что они были распространенным явлением.

В начале XX в. более состоятельные хивинские предприниматели, хотя они и устояли под мощным прессингом крупного российского капитала, оказались оттеснены главным образом в сферу мелкого промышленного производства и оптово-розничной торговли. Оптимальные объемы производства и условия реализации продукции, ценообразование, динамика спроса и предложения на внутреннем рынке, внешнеторговые операции, то есть все то, без чего немислимы экономическая самостоятельность государства и благополучие в обществе, — попали в исключительное ведение таких крупных торгово-промышленных компаний, как «Большая Ярославская мануфактура», «Познанский и К^о», «Московское торгово-промышленное т-во», «Стукен и К^о», «Надежда» и др.², ряда видных представителей крупного частного капитала (Дюков, Бр. Мануиловы, Черников, Познанский, Андроников и т. п.). По подсчетам исследователей, крупные российские торгово-промышленные компании и фирмы сосредоточили в своих руках свыше 50 % операций по импорту и 60 % — по экспорту, а с учетом средних и мелких эти показатели возрастали как минимум еще на порядок. Это свидетельствует об огромном давлении, оказываемом на хивинских предпринимателей, и о постоянной утечке капиталов за пределы страны.

Ханское правительство не сумело противодействовать и включению Хивы 1 января 1895 г. в созданную на южных границах империи единую систему российской таможенной линии, что не предусматривалось Договором «Условия мира» 1873 г. Ее стратегия заключалась в обеспечении надежной защиты на внутренних рынках государств Центральной Азии торговых интересов российского купечества и решительном пресечении проникновения конкурентоспособных товаров из сопредельных стран Востока, в основном англо-индийского, персидского, афганского и турецкого производства. Поспешно осуществленное, не основанное на всестороннем анализе возможных экономических и политических последствий, оно вызвало негативные тенденции. Так, увеличение таможенных пошлин на некоторые виды потребительских товаров, ввозимых в ханство из соседних стран (Персия, Афганистан и Турция), до 5 % их стоимости немедленно откликнулось резким взлетом цен и искусственным дефицитом. Например, цены на чай, индиго и кисею, пользовавшиеся наибольшим спросом из-за отсутствия местных источников производства, возросли почти на 65—70 %. На оптовых рынках Хивы стоимость пуда зеленого чая поднялась до 45 руб., а пуд высшего сорта стоил уже более 60 руб., и попу-

² Хлопковое дело. 1923. № 7—8. С. 21.

лярный напиток стал менее доступен для подавляющего большинства населения. Это коснулось и других товаров. Таким образом, одностороннее повышение без согласования как с Хивинским, так и с Бухарским правительством таможенных пошлин на импортные потребительские товары серьезно осложнило ситуацию на внутреннем рынке. Оно способствовало росту нелегального ввоза в Хиву и Бухару, другие районы Центральной Азии тайными караванными тропами, не поддававшимся контролю, многих видов потребительских товаров и изделий из соседних стран. Достаточно сказать, что основная часть зеленого чая и индиго, производимых в Индии, а также английской кисеи сначала поступала контрабандным путем в Закаспийский район, а затем таким же образом доставлялась в ханство³, что нанесло Хиве большой экономический ущерб.

Приверженность режима Сеида Мухаммеда Рахим-хана II к системе дискриминационных отношений, навязанных стране «Условиями мира», вызывала возмущение как нарождавшейся хивинской буржуазии и представителей новой земельной аристократии, лишившихся права действенного контроля над внутренним рынком, так и средних и мелких предпринимателей, чьи интересы оказались заметно ущемлены монополизацией российским капиталом всей внешней и части внутренней торговли. В 1895 г. они решительно потребовали у правительства пересмотреть внешнеполитический курс, обеспечить благоприятные условия для развития национального предпринимательства.

Хивинское правительство, опасаясь возможного перерастания в стране социальной напряженности в политическую, предпочло без колебаний уступить мощному давлению местных деловых кругов (крупный торговец С. Тиллябаев, караван-баши В. Якубов и др.). Оно выразило согласие принять предлагаемые ими изменения в фискальной политике в области внутренней торговли. На первый взгляд, их цель заключалась в уравнивании прав российских и хивинских предпринимателей, упорядочении уплаты различных торговых сборов, но на самом деле выходила далеко за рамки сугубо налоговой проблемы. В послании, направленном начальнику Амударьинского отдела в августе 1895 г., Сеид Мухаммед Рахим-хан II известил российские власти о решении обязать русскоподданных предпринимателей, в том числе и купцов, уплачивать в пользу казны общепринятые в ханстве налоги с торговых операций. Он ссылался на то, что в ст. 9 «Условий мира» предусматривается освобождение от уплаты зякета и всякого рода других торговых сборов не вообще русскоподданных, которыми могли быть представители и других национальностей, а только *русских* купцов⁴. Именно такая формулировка и содержалась в российско-хивин-

³ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 157, л. 19.

⁴ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 112.

ском договоре, в ст. 9 которого ясно отмечалось, что «русские купцы, торгующие в ханстве, освобождаются от платежа зякета и всякого рода торговых повинностей...»⁵.

Инициаторы налоговой реформы, казалось бы, ратовали всего лишь за точное соблюдение положений договора, и не более. Стремясь распространить на российских предпринимателей оплату установленных в стране налоговых сборов с торговых операций, они как бы уравнивали их с местными купцами. На самом же деле они преследовали далеко идущие цели: во-первых, остановить никем не регулируемое проникновение российского капитала на внутренний рынок ханства, поровну распределить налоговое бремя, во-вторых — в перспективе добиться равноправия всех субъектов рынка товаров и услуг, переориентации источников накопления капитала на развитие внутреннего производства, а торговых связей — на удовлетворение прежде всего внутренних потребностей, без чего немыслима экономическая самостоятельность государства.

Серьезным основанием для подобных выводов служат и напряженные переговоры, которые хивинская делегация вела с 4 ноября по 7 декабря 1896 г. в городе Петро-Александровске с администрацией Амударьинского отдела. В нее вошли представители не старой феодальной олигархии и родоплеменной знати, как это практиковалось прежде, а исключительно деловых кругов — предводитель хивинского купечества крупный торговец советник хана Садуллабай Тиллябаев и караван-баши Ваисбаба Якубов, имевшие, кстати, давние торговые связи с Россией, и некоторые другие. Это является свидетельством тех существенных сдвигов, которые наметились в ханстве в расстановке социальных и политических сил. Делегацию на переговорах возглавлял *диванбеги* (статс-секретарь) ханской канцелярии Палван-Нияз Мухаммед-мирзабаши, больше известный как Камил Хорезми⁶ — один из видных государственных и общественных деятелей Хивы, поэт и композитор. Российскую сторону представляли глава администрации отдела полковник А. С. Галкин, уполномоченные правления «Большой Ярославской мануфактуры», фирмы «Познанский и К^о», а также круп-

⁵ См.: Сборник договоров России с другими государствами. С. 130.

⁶ Палван-Нияз Мухаммед-мирзабаши (1825—1899), больше известный под поэтическим псевдонимом Камил Хорезми, был, пожалуй, первым в Хивинском ханстве идеологом буржуазного просветительства. Он часто посещал Россию в составе дипломатических миссий, поддерживал тесные связи с общественными деятелями соседних стран — Афганистана, Ирана и Турции. В своих программных поэтических произведениях высказывал недовольство феодально-абсолютистским строем, коррупционностью чиновничества, связывал прогресс страны с просвещенной монархией, призывал содействовать укреплению дружбы между народами, промышленному и культурному развитию Хорезма. — *Примеч. авт.*

ные промышленники М. К. Мануилов, русскоподданные купцы Б. Амичев и Т.-Д. Г. Салимджанов.

Хивинская делегация, ссылаясь на устарелость договора «Условия мира России с Хивой» и серьезные противоречия, часто возникающие при толковании отдельных статей экономического пакета, в частности 9-й, признала целесообразным внести в документ некоторые уточнения, касающиеся прав и полномочий как российского торгового и промышленного, так и хивинского капитала, снять те предусмотренные документом ограничения, которые стали препятствовать деятельности местных предпринимателей в сфере торговли и промышленности внутри страны и за ее пределами. В целях уравнивания прав российского и местного капитала русские купцы обязывались:

- предъявлять ввозимые товары хивинским сановникам для их регистрации и оплачивать при этом пошлину за маклерские услуги (*даллол хаки*);

- платить пошлину за право торговли (*натак нули*);

- закупать хлопок только на специальных оптовых базарах, в караван-сараях, а не в хозяйствах, т. е. местах их производства, оплачивать весовой сбор (*тарази нули*);

- выплачивать налог за построенные на территории ханства и находящиеся в собственности (частной или коллективной) промышленные предприятия;

- беспрепятственно допускать в транспортные конторы сборщиков пошлин (*баджман*) для описи и осмотра товаров, оплачивать их услуги (*баджман хаки*);

- оплачивать поземельный налог за владение в ханстве недвижимым имуществом;

- платить за аренду торговых лавок на базарах (*муанат нули*), независимо от их принадлежности государству или же частным лицам;

- в случае отказа от уплаты зякета не ввозить в ханство товары иностранного производства, чтобы избежать серьезного колебания цен на внутреннем рынке.

Хивинская сторона также настаивала на внесении изменений в ст. 14 «Условий мира», которая предоставляла русскоподданным предпринимателям преимущество при разборе претензий и жалоб, удовлетворении исков в судебном порядке. Практика показывала, что при возмещении убытков, взыскании ущерба местные купцы неизменно оказывались в проигрыше, так как после удовлетворения исков русских купцов им зачастую просто не на что было рассчитывать. Учитывая это, хивинская сторона требовала наделить местных и российских торговцев равными правами при разборе исков в судебном порядке, взыскании с ответчиков ущерба путем продажи или дележа имущества тех, кто обанкротился. Она в жесткой форме поставила вопрос и о том, чтобы все русскоподданные предприниматели, ведущие

торговые или же закупочные операции в пределах ханства, имели свидетельства, заверенные администрацией Амударьинского отдела, с указанием размера оборотного капитала⁷, что помогло бы очистить сферу торговли от разного рода мошенников и аферистов, выдававших себя за крупных русских купцов и промышленников.

Администрация Амударьинского отдела и компетентная комиссия из российских предпринимателей, сформированная ею, признали все требования Хивинского правительства обоснованными. Не случайно начальник отдела А. С. Галкин, подводя первые итоги переговоров и комментируя предложения хивинской делегации, подтверждал в своем рапорте в Ташкент, в канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края, что действительно «русские купцы, торгующие в ханстве, не уплачивают никаких торговых сборов ни в пользу русской, ни в пользу хивинской казны, а потому имеют значительное преимущество перед ханскими купцами при взаимной с ними конкуренции». Галкин считал, что частичные уступки Хиве вполне допустимы при условии, если предлагаемые торговые сборы будут взиматься на российской территории, то есть в Петро-Александровске в пользу русской казны. После введения предлагаемых Хивой торговых сборов, продолжал он, число торгующих с ханством русских купцов «уменьшится, а оставшиеся будут иметь меньше выгод, чем... в настоящее время, и следовательно, конкуренция с ними мелких хивинских купцов значительно облегчится»⁸. Однако администрация отдела отказалась удовлетворить полный пакет экономических требований хивинской делегации, внести в «Условия мира» 1873 г. предлагавшиеся ею коррективы, ибо это выходило за пределы ее компетенции.

Позиция Хивинского правительства вызвала в Ташкенте крайне отрицательную реакцию администрации Туркестанского края. Генерал-губернатор барон Вревский расценил ее как попытку нарушения ханом ранее взятых на себя обязательств. 24 марта 1897 г. он направил начальнику Амударьинского отдела послание, в котором, по сути, категорически отверг все требования хивинской стороны, посоветовав при этом Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II для «выравнивания» прав российских и местных предпринимателей провести в ханстве налоговую реформу и совершенствовать финансовую систему, взяв за основу опыт Туркестанского края.

Сообщая о решении, принятом туркестанской краевой администрацией в отношении предложений Хивы, А. С. Галкин в письме к хану от 29 мая 1897 г. не стал прибегать к резким выражениям, которые использовал генерал-губернатор барон Вревский. Отказался он также и от назидательного тона, попытавшись подсказать такой выход из кон-

⁷ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 29, д. 1156, л. 117—125.

⁸ Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 22—23.

фликтной ситуации, который мог бы удовлетворить обе стороны, позволив избежать непредвиденных осложнений в отношениях между Россией и Хивой. «Единственным средством для установления должного порядка и справедливости в торговых сношениях русских и хивинских подданных для пользы как русского, так и хивинского народов, — писал А. С. Галкин, излагая собственную точку зрения, — может служить облегчение налогов, взимаемых с хивинских торговцев в хивинскую казну, и обложение их примерно такими же торговыми сборами, какие установлены в Туркестанском крае, с уничтожением в то же время *закета*, *даляла* и прочих сборов, которые ложатся тяжелым бременем на торговлю и в то же время подают повод к постоянным злоупотреблениям...»⁹ При этом начальник отдела умалчивал о том, что установлению «должного порядка и справедливости» в торговых отношениях между двумя государствами как раз-то и препятствовали морально устаревшие положения «Условий мира», утверждавшие дискриминацию предпринимателей Хивы, ставя их в неравные условия с российскими. Туркестанские краевые власти игнорировали это и не желали скорректировать положения договора с учетом уже объективно сложившейся конкретно-исторической обстановки, самой практики и опыта торгово-экономических связей конца XIX в. Обвиняя Хивинское правительство в «нарушении принятых на себя обязательств», краевая российская администрация как бы осуждала его самоволие и напоминала Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II о том, кто совсем недавно признавал «себя покорным слугою императора Всероссийского» и добровольно обязывался «принять к точному исполнению и постоянному руководству» все распоряжения царского правительства. Таким образом, она в очередной раз, пренебрегая нормами дипломатического этикета, подчеркивала подвластность Хивинского ханства России, его неправомочность в одностороннем порядке решать вопросы, которые касались российско-хивинских *межгосударственных* как политических, так и торгово-экономических отношений. Подобным образом туркестанские региональные власти поступали всегда, когда возникала угроза модернизации российско-хивинских отношений, причем не по инициативе российских краевых властей.

Впрочем, у инициаторов пересмотра договора «Условия мира», идеи реформирования структуры налогообложения внутренней и внешней торговли было немало противников и в рядах хивинской правящей верхушки — главным образом старообрядцев, то есть крайне консервативной феодально-байской элиты, ведшей праздный образ жизни, участвовавшей в управлении государством только благодаря унаследованным титулам и огромному личному состоянию, а также высших сановников, увязших в коррупции, и ортодоксальной части

⁹ ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 27, 30.

духовенства, не признававшей сотрудничества с иноверцами, реформы отживших феодальных устоев, обычаев и традиций. Они упорно цеплялись за старое и не желали учитывать наступление новой эпохи, требовавшей радикальных перемен. В попытках пока нарождавшейся национальной буржуазии оказать влияние на выработку внешней политики и добиться равных прав с российскими предпринимателями во всех сферах экономической жизни ханства старообрядцы увидели реальную угрозу абсолютизму и традиционной системе хозяйства. Для противодействия нововведениям они объединились вокруг наследника ханского престола Сеида Асфандияр-туру ¹⁰ и небезызвестного Матмурад-диванбеги, возвратившегося из ссылки ¹¹ и вновь занявшего пост первого министра Хивинского правительства. И наследник трона, и главный министр, чтобы не поощрять оппозицию, выступили против пересмотра «Условий мира». Во время встречи с генерал-губернатором края, которая состоялась в начале лета 1898 г., они даже выразили полную поддержку позиции, занятой краевой администрацией, и более того, обязались выполнить «все требования... в точности» ¹². Возникла парадоксальная ситуация: в своем рвении воспрепятствовать любой ценой осуществлению в стране назревших реформ, созданию благоприятных условий для подъема национального предпринимательства старообрядцы и консерваторы переметнулись на сторону своих ярых политических конкурентов и тем самым способствовали практической реализации в Хиве «жесткого курса» администрации края, тормозившей осуществление в стране востребованных перемен.

Несмотря на отчаянное солидарное сопротивление как внешних, так и внутренних консервативных сил, сторонники новой фискальной политики одержали небольшую, но с политической точки зрения безусловно важную победу. Под их давлением Сеид Мухаммед Рахимхан II был вынужден впервые проигнорировать предостережение администрации Туркестанского генерал-губернатора и распространить

---

¹⁰ По представлению генерал-губернатора Туркестанского края в 1887 г. МИД России официально признал наследником хивинского хана (но не престола) Мухаммедьяр-туру — старшего из сыновей Сеида Мухаммеда Рахимхана. В связи с его болезнью право на наследство в 1891 г. было передано четвертому сыну хана — Асфандияр-туре. Но и в этом случае не было и речи о наследовании трона, чтобы предотвратить возможную борьбу между наследниками за власть (ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 29, д. 837, л. 4—5, 22; ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 48). — *Примеч. авт.*

¹¹ Матмурад-диванбеги, как и Рахматулла-ясаулбаши, возвратился из ссылки в Калугу в 1880 г. Окончательно был реабилитирован царским правительством в 1891 г., произведен в подполковники русского войска и награжден орденом Св. Станислава I степени (ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 29, д. 948, л. 16—17).

¹² ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 186, л. 6—7.

специальным фарманом общепринятую в ханстве систему налогообложения за предпринимательскую деятельность на русскоподданных торговцев и промышленников. На 24 крупнейших базарах ханства из 35, которые являлись падшальческими и находились в собственности государства, где осуществлялась подавляющая часть торговых и закупочных операций, был одновременно введен полный пакет торговых сборов, включая акцизный, маклерский, весовой, зякетный и др. На остальных 11 базарах, принадлежавших частным лицам, размеры и формы налогового обложения определяли сами их владельцы, исходя из фактических затрат на содержание торговых площадей и складских помещений. Суммы обложения на них были на порядок выше, чем на государственных базарах. Таким образом, впервые после 1873 г. хивинский национальный капитал получил реальную возможность для расширения предпринимательской деятельности на внутреннем рынке и конкурирования с российским капиталом на равных условиях.

Однако потенциальная правовая база, на которой разрывалась конкуренция, оставалась неадекватной. Неурегулированность принципов межгосударственного торгового и экономического сотрудничества порождала несогласованность в действиях администрации Амударьинского отдела и хивинских властей. Она оставляла немало лазеек для неуплаты государственных налогов и манипулирования торгово-закупочными операциями. Многие российские купцы с целью избежать налогообложения реализовывали товары хивинским торговцам непосредственно на территории отдела, а те, в свою очередь, продавали его уже на хивинской территории не как собственный, а как принадлежащий российским купцам, уходя от уплаты зякета. Механизм проверки достоверности сведений отсутствовал, финансовые убытки несли и российская, и хивинская стороны, не в силах противопоставить что-то конструктивное махинациям дельцов от торговли.

Односторонняя отмена ханским правительством части льгот и привилегий, предоставленных российским предпринимателям «Условиями мира» 1873 г., распространение на них практиковавшихся в ханстве торговых сборов тут же вызвали протест у части купечества и промышленников. Представители торговых фирм и промышленных контор, осуществлявшие торгово-закупочные операции в регионе, стали обращаться в администрацию Амударьинского отдела с требованием немедленно отменить самовольно введенную в Хиве новую систему налогообложения торговой деятельности. Они приводили примеры коррупции, злоупотреблений сановниками налоговой службы, а также баджманами при регистрации товаров, определении их стоимости, взимании зякета и других различных торговых пошлин¹³. Эти обращения встречались с пониманием, но администрации и отдела, и Тур-

¹³ ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 76—77.

кестанского края на этот раз оказались бессильны повлиять на решение ханского правительства и что-либо практически изменить: Хива на протесты российских властей упорно реагировала ссылками на ст. 9 «Условий мира», которой по-прежнему давала собственное толкование, не признавая в своих действиях никаких нарушений договоренностей с Российским правительством. После интенсивного обмена меморандумами с Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом II администрация Амударьинского отдела 17 мая 1898 г. признала, что требования о соблюдении прав русскоподданных, пересмотре налогообложения в части отмены торговых сборов с них «встречены ханом хивинским весьма холодно» и поэтому вряд ли приходится надеяться на какое-либо изменение его позиции, несмотря на то что среди сановников нет единства в отношении нововведений¹⁴. Это означало, что ревностно оберегаемая российской региональной властью отлаженная, казалось бы, система непрямого управления внутренними делами Хивинского ханства начинает давать сбои.

Необходимо подчеркнуть: ханское правительство, идя на уступки нарождающейся хивинской национальной буржуазии и расширяя зону фискального обложения предпринимателей из России, заботилось в общем-то не о создании равной конкурентной среды для российского и хивинского капитала в различных отраслях реальной экономики, внутренней и внешней торговли, развивавшейся перерабатывающей промышленности, в других сферах, связанных с экспортом сырья, а о росте внутренних накоплений, точнее — финансовых инъекций в ханскую казну. Оно даже не намеревалось снять налоговое бремя с местных предпринимателей. Так, например, маклерский сбор взимался с торговцев при оптовой продаже товара в размере 1 местной теньги с каждых 20 тилля, или по 1 руб. с каждых 180 руб., хотя *даллолы* (маклеры) никаких практических услуг при совершении этих сделок не оказывали. Вся сумма маклерского сбора попадала в ханскую казну¹⁵. За лицензию на право торговли приходилось платить 2,5 % от всей суммы оборотного капитала. В таком же размере — 2,5 % стоимости вывозимого хивинского и ввозимого российского товаров взимался зякет. Весовой сбор составлял половину хивинской тилля, или около 2 руб., лавочный — до 2 тилля в зависимости от ценности товара и его характера. Часто сумму пошлины баджманы увеличивали произвольно в 2—3 раза. Местные власти, осуществлявшие надзор за точным соблюдением правил фискального обложения на оптовых и розничных базарах, закрывали на это глаза и даже не привлекали нарушителей к ответственности.

Налоги с предпринимательской деятельности превратились в один из главных и решающих источников пополнения доходов хивинской

¹⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 186, л. 6—7.

¹⁵ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 109.

казны, в том числе и самого правителя, единолично распоряжавшегося финансовыми поступлениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить поступления по основным налогам. К примеру, к началу XX в. все мульковые земли приносили ханской казне в среднем за год до 200 тыс. руб.¹⁶, а сборы с торгово-закупочных операций — свыше 450—500 тыс. руб., т. е. в 2,0—2,5 раза больше. И это при том, что большая часть налоговых сборов систематически оседала в карманах многочисленных разного ранга сановников местных администраций, а также баджманов, миршабов и др. Кроме денежных подношений, они регулярно получали подарки, то есть взятки, дорогими тканями, готовыми изделиями, ювелирными украшениями, стоимость которых порой намного превышала размер официально установленного фискального обложения. Поэтому работа в системе таможенной и налоговой служб являлась не только престижным, но и весьма прибыльным занятием, приносящим огромный личный доход, скрытый от налогообложения.

Расширение зоны налогового обложения физических лиц за счет вовлечения в него российского торгово-промышленного и финансового капитала не внесло радикальных изменений в складывавшуюся довольно сложную социально-экономическую ситуацию. Оно отнюдь не содействовало устранению антагонистических противоречий между эволюционирующими производительными силами и отсталыми производственными отношениями, иностранным, прежде всего российским, и нарождающимся хивинским капиталом, осуществлению в стране прогрессивных и востребованных социально-экономических преобразований. Огромные внутренние финансовые ресурсы, мощным потоком стекавшиеся в ханскую казну через налоговую систему, использовались не на финансирование капиталовложений в экономику, повышение доходов, улучшение условий жизни основной массы населения, а на текущие нужды феодальной олигархии, удовлетворение ее потребительского спроса. Большие суммы расходовались в первую очередь на членов ханской семьи. Например, на несовершеннолетнего наследника Атаджан-туру в среднем за год выделялось свыше 1 тыс. тилля¹⁷. К началу XX в. расходы на представителей ханской фамилии возросли как минимум в 2 раза. Содержание ханского двора обходилось налогоплательщикам ежегодно в 25—30 тыс. руб.¹⁸ В это же время в Хиве сотни тысяч дехкан и городских «низов» прозябали в беспросветной нужде и нищете, сотни семей кочевых каракалпаков и казахов были обречены на голод и вымирание.

---

¹⁶ *Гирифельд В.* Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 47—48.

¹⁷ Подсчитано нами по: *Юлдашев М. Ю.* К истории крестьян Хивы XIX в. С. 28—32.

¹⁸ См.: *Садыков А. С.* Экономические связи Хивы с Россией... С. 109.

Феодалный абсолютизм паразитировал на общенародном достоянии и, потребляя его не на производственные цели, а сугубо в личных и клановых интересах, не пытался переломить неблагоприятные тенденции в развитии общества, поддержать те патриотические силы, которые обладали потенциальной способностью установить контроль над внутренним рынком, создать современное промышленное производство, обеспечить условия для расширения внутреннего рынка. Апеллируя к силе и упорству молодой национальной буржуазии при разрешении острых социально-экономических проблем, как это было, к примеру, в период переговоров с российскими властями по ст. 9 «Условий мира» в Петро-Александровске в 1896 г., когда к ним были привлечены представители только деловых кругов, Хивинское правительство вместе с тем не стремилось задействовать такой весьма эффективный механизм, как протекционистская функция государства, для стимулирования деятельности местной буржуазии, оказать ей поддержку в ослаблении экономической зависимости и увеличении воспроизводства капитала на национальной основе.

После введения ханским правительством торговых сборов с российских предпринимателей они, казалось бы, лишились привилегий и в общем налоговом пространстве оказались, по сути, в таком же положении, как и хивинские, были уравнены с ними в правах. Но это только на первый взгляд. Нельзя упускать из виду то, что российский капитал имел возможность при необходимости опереться на прямое содействие администраций Туркестанского генерал-губернаторства и Амударьинского отдела, законы Российской империи, отстоять свое право в судебном порядке. Он обладал внушительными финансовыми ресурсами, позволявшими влиять на общую ситуацию на хивинском внутреннем рынке, извлекать за счет спекулятивных торговых операций дополнительную прибыль, систематически и открыто подкупать коррумпированных сановников, сборщиков податей и пошлин, местных чиновников. Как свидетельствуют многочисленные источники, подобное в Хивинском ханстве было распространенным явлением.

Что касается хивинских предпринимателей, то значительная часть из них были вынуждены подчиниться произволу властей, самостоятельно вести борьбу за выживание как против консервативного курса ханского правительства, так и против засилья иностранного капитала. Экономический и политический статус в обществе представителей местного капитала, за исключением наиболее крупного, связанного с правящими кланами Хивы, российским торгово-промышленным и финансовым капиталом (бр. Баккаловы, бр. Мадьяровы и др.), не претерпел заметных изменений. Не получая реальной поддержки государства, они не могли оказать сколько-нибудь существенного воздействия на характер и масштабы социально-экономического развития страны, структурные преобразования в производстве. Правительство, сохранив

высокие ставки торговых сборов в равной степени для российского и местного капитала, тем самым лишило подавляющее большинство хивинских предпринимателей самой основы для накопления необходимых финансовых ресурсов. А это, в свою очередь, не только снижало, но и сводило на нет их возможности осуществлять массивные капиталовложения в народное хозяйство, подавляло стимулы к инвестированию внедрения новейшей техники и современных технологий для преодоления отсталости и деформированности экономики, интенсификации общественного производства, повышения его эффективности, решения накопившихся социальных проблем.

Самоустранение Хивинского правительства от практической поддержки национального капитала и обеспечения ему максимума благоприятных условий для предпринимательства, отсутствие отлаженного механизма контроля за деятельностью российского капитала неизбежно должны были бы вызвать обострение борьбы между ними за сферы влияния. В первые годы XIX столетия в Хивинском ханстве этого не произошло. Во-первых, потому, что социальная база национальной буржуазии еще только складывалась, она не имела необходимого опыта борьбы за конкретные общедемократические требования, программы переустройства общества, радикального преобразования его экономического фундамента и политической надстройки. Кроме того, определенная часть национальных предпринимателей, главным образом мелких и средних, активно сотрудничали на выгодных условиях с российским торговым и промышленным капиталом, оказывая многообразные посреднические услуги. Будучи пока не способны на самостоятельные и последовательные действия, они предпочитали компромисс с любым из противников, превосходящих их по размеру капитала, со всеми противостоящими им силами, в том числе и феодально-абсолютистским режимом, и феодальной аристократией, и российскими властями.

Во-вторых, добивавшийся монополизации экономической жизни Хивы российский торгово-промышленный и финансовый капитал за более чем четверть века ее зависимого развития создал свои «опорные базы» в общественном производстве, накопил опыт эксплуатации природных и трудовых ресурсов ханства. Поэтому, несмотря на попытки ханского правительства под прикрытием призрачных «общенациональных» интересов оказать на него давление и ограничить самостоятельность, он видел в нем больше союзника, чем реального противника, а в местном капитале, эволюция которого затягивалась опять-таки из-за консервативной политики хивинских властей и отсутствия государственной протекционистской политики, — надежного партнера, всегда готового на уступки. Для российского капитала открытая борьба с ними означала угрозу не только завоеванным позициям. Она могла бы осложнить экономические отношения России с другими

странами, дискредитировать ее роль в налаживании мирохозяйственных связей. Вот почему в данной конкретно-исторической ситуации российский капитал не желал конфронтации ни с ханским правительством, ни с хивинским неопредпринимательством.

В-третьих, хивинский и российский капитал подтолкнула к сближению и первая русская революция 1905 г., хотя каждый из них воспринял ее ход и последствия по-своему. В нарастании в России революционного движения, подтачивавшего основы царизма и все больше отвлекавшего внимание центрального правительства на сугубо внутренние проблемы метрополии, предпринимательские круги ханства увидели неизбежность ослабления политического давления со стороны российской региональной администрации и Хивинского правительства, а также возможность существенных экономических уступок, на которые российский капитал будет вынужден пойти, чтобы сохранить свои позиции в хивинской экономике. Российская буржуазия, напуганная революцией 1905 г., неспособностью агонизировавшего царского правительства обеспечить в стране стабильность, была заинтересована в активном перемещении капиталов из центральных районов России на окраины, где они могли бы находиться под опекой консервативных режимов и коррумпированных региональных властей.

Эти три фактора обусловили частичное перераспределение и разграничение экономических интересов национального и иностранного капитала в начале XX в. Предпринимательская деятельность хивинского капитала замыкалась в классических сферах, то есть в сельском хозяйстве, ремесленно-кустарном производстве и внутренней торговле, в некоторых сопутствующих отраслях и сфере услуг, где присутствие российского капитала не ощущалось. Не случайно в архивных документах и других источниках, относящихся к исследуемому периоду, отсутствуют сведения о массовой продаже российским промышленникам, купечеству и другим предпринимателям сельскохозяйственных угодий для основания крупных латифундий, об их участии в производстве ковровых, шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных изделий «домашней промышленности», о функционировании социальной сферы и т. д. Следовательно, так называемые «традиционные» отрасли хивинского хозяйства оставались в «зоне влияния» местного капитала, являлись его прерогативой.

Российский капитал сконцентрировался в таких ключевых отраслях, как перерабатывающая и пищевая промышленность, внешняя и, отчасти, внутренняя торговля, финансы и кредит, то есть в тех, которые дополняли традиционные отрасли и в то же время могли оказывать на них непосредственное воздействие извне через систему спроса и финансовые механизмы. Это не означает, что российские предприниматели самоустранились от управления сельским хозяйством и сопутствующими отраслями, полностью уступили их хивинскому нацио-

нальному капиталу. Напротив, не участвуя напрямую в производстве продукции сельского хозяйства и сопутствующих отраслей, они в то же время контролировали практически в целом весь аграрный сектор, приспособляли его структуру к нуждам метрополии скрытыми рычагами финансового воздействия (цены, кредиты, ссуды и т. п.) и материально-технического обеспечения.

Временный консенсус, достигнутый между национальной буржуазией и российскими предпринимателями, обеспечил благоприятные условия для концентрации внутренних материальных и финансовых ресурсов, внешних инвестиций на интенсификации эксплуатации местных природных богатств. Причем ни хивинский национальный, ни российский капитал не утруждали себя поиском путей решительного преодоления технико-экономической отсталости ханства и ускорения подъема уровня жизни народа. Опираясь на застывший механизм воспроизводства, базировавшийся на феодальных и дофеодальных отношениях, натуральном и полунатуральном дехканском хозяйстве, они пытались создать такую структуру хивинской экономики, которая позволила бы свободно распоряжаться потенциалом страны и присваивать основную массу формируемой в общественном производстве прибавочной стоимости. Этим и было обусловлено зарождение устойчивых противоречивых явлений в экономической жизни хивинского общества.

Наиболее концентрированным отражением изменений, происходивших в экономическом развитии Хивинского ханства в начале XX в., стало ускорение темпов промышленного строительства. За относительно короткий срок страна буквально покрылась густой сетью предприятий перерабатывающей и пищевой промышленности — хлопкоочистительных, маслобойно-мыловаренных, кожевенных заводов. Масштабы формирования промышленного сектора, образования его ключевой отрасли — *хлопкоочистительной* — были особенно впечатляющи в период 1905—1910 гг. Если в ханстве за всю последнюю четверть XIX в. появились всего два хлопкоочистительных завода, из которых один, наиболее крупный, был основан «Большой Ярославской мануфактурой», а другой, мелкий, — купцом Дюковым, то в 1905 г. здесь действовали 7 крупных, а в 1911 г. — уже до 50 крупных и средних хлопкоочистительных заводов, многие из которых были снабжены современными нефтяными двигателями мощностью до 40 л. с., с четырьмя и более джинами. На построенных в Новом Ургенче 4 сравнительно крупных хлопкоочистительных заводах функционировали маслобойно-мыловаренные цеха. На 15 предприятиях имелись гузаломки¹⁹. Кроме них на территории ханства насчитывались десят-

¹⁹ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ), ф. 7990, оп. 1, д. 110, л. 69—70; Хлопковое дело. 1923. № 7—8. С. 20.

ки карликовых (с 1—2 джинами) хлопкоочистительных заводов, которые оснащались нефтяными и керосиновыми двигателями малой мощностью от 4 до 25 л. с. Доминирующая часть крупных хлопкоочистительных заводов принадлежала российскому капиталу. Так, например, торгово-промышленная компания «Бр. Мануиловы» владела 4 заводами, по 2 предприятия принадлежало фирме «Познанский и К⁰» и «Большой Ярославской мануфактуре», по 1 предприятию — «Московскому торгово-промышленному т-ву», заводчикам Кузнецову и Кобаткову, Черникову, Сафарьянцу и др. Они были первыми, кто дал импульс основанию в Хиве современной промышленности.

По технико-технологическим характеристикам хлопкоочистительные заводы Хивинского ханства мало чем уступали аналогичным предприятиям других регионов Центральной Азии, в частности Туркестана и Бухарского эмирата, а по некоторым параметрам даже значительно превосходили их. Несмотря на несовершенную техническую базу, выход чистого волокна на заводах, принадлежавших братьям Мануиловым, и на «Большой Ярославской мануфактуре» достигал 30—33 % и находился примерно на уровне, который остается оптимальным показателем для современных высокотехнологичных предприятий хлопкоочистительной промышленности и сегодня. Существенно отставала в развитии лишь маслособойно-мыловаренная промышленность, представленная маломощными цехами, оборудованными при четырех хлопкозаводах Нового Ургенча. Они были оснащены 1 или 2 прессами мощностью 4—5 л. с. каждый, тогда как, например, в Туркестанском крае на один маслособойный завод приходилось в среднем 240 л. с. общей силовой мощности и основных фондов на 220 тыс. руб.²⁰, что вполне позволяло им функционировать самостоятельно.

На промышленную основу переводилась и такая традиционная отрасль, как *обработка кожи*, отличавшаяся трудоемкостью и низкой производительностью. В 1908 г. Т.-Д. Г. Салимджанов построил в Новом Ургенче один из первых в оазисе кожевенных заводов, рассчитанный на производство 4 тыс. тяжелых кож в год, главным образом яловых. Его основной капитал составлял 9,5 тыс. руб. В городе Ханки примерно в это же время открылся небольшой кожевенный завод купца С. Пиликина с основным капиталом в 3,6 тыс. руб.²¹ Однако высокая себестоимость производства, нехватка химикатов для обработки сырья и их дороговизна, низкая производительность труда на кожевенных предприятиях стали серьезным препятствием на пути развития отрасли. По различным данным, в ханстве за весь период «промыш-

²⁰ См.: Загорская В. В. и Александр К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. С. 146.

²¹ См.: Хозяйственный план Хорезмской Народной Советской Республики на 1923—1924 гг. Ташкент, 1924. С. 16—17.

ленного бума» было построено всего 4 кожевенных завода, из них в Новом Ургенче — 2, Ханках и Хиве — по 1, продукция этих заводов шла на экспорт. Поэтому главными производителями кожевенной продукции в ханстве продолжали оставаться специализированные ремесленно-кустарные цеха и мастерские, так называемая «домашняя промышленность».

На территории Хивинского ханства, наряду с хлопкоочистительными и кожевенными заводами, появились и *люцерноочистительные*. В исследуемый период их насчитывалось 8, в том числе в Новом Ургенче — 7 и Ташаузе — 1. На 4 более или менее крупных предприятиях семена люцерны очищались механизированным способом, на остальных — вручную²². Общая производительность люцерноочистительных предприятий, если судить по объему поставок продукции на внешние рынки, в 1909 г. составляла не менее 163 тыс. пудов и имела четко выраженную тенденцию к росту.

Постепенное расширение современного промышленного сектора экономики, обусловившее увеличивающийся спрос на строительные материалы, дало импульс появлению еще одной самостоятельной и перспективной отрасли промышленности — *строительных материалов*. Она была представлена 11 заводами по производству жженого кирпича, извести и многих других материалов, которые широко использовались в промышленном и гражданском строительстве.

В рассматриваемый период в ханстве появились и первые симптомы генезиса национального промышленного предпринимательства. Так, «Компания хивинских купцов» самостоятельно инвестировала строительство в городе Хиве хлопкоочистительного завода, который вступил в строй в 1905 г. Крупный ханский сановник миллионер Матвафа Баккалов в 1906 г. там же на собственные средства основал другой хлопкозавод. Он был оснащен двигателем «Горнсби» мощностью 25 л. с., 2 джинами, линтером и прессом, позволявшими переработать до 24 тыс. пудов хлопка-сырца, произвести более 6,8 тыс. пудов волокна, около 23,4 тыс. пудов семян и 140 пудов линта²³. Вскоре и торговый дом «Бр. Баккаловы» построил в различных городах ханства еще 3 хлопкоочистительных завода (по одному в Новом Ургенче, Хазараспе и Ташаузе). Два собственных хлопкозавода основал в Ханкинском бекстве местный предприниматель Гавданов, баджман Саидмуррад Аминов — в Дарган-Ата и Хазараспе, по одному предприятию — Бабаджанов в Новом Ургенче, Таджи Ниязов в Гурлене, Матьякуб Аллабергенов в Базар-Астане (Янгиарык), Аллакулов и Тиллябаев близ Газавата. Хлопкоочистительные заводы разной мощности имели и другие состоятельные хивинские неопредприниматели, вышедшие из

²² ЦГА РУ, ф. Р-69, оп. I, д. 54, л. I.

²³ РГАЭ, ф. 7990, оп. I, д. 110, л. 7.

среды торговой и ростовщической буржуазии, крупной земельной аристократии, благополучно приспособившиеся к новым условиям. Им принадлежал и ряд небольших люцерноочистительных, кожевенных и кирпичных заводов.

Хлопкоочистительные, люцерновые и кожевенные предприятия, строительство которых инвестировалось местными предпринимателями, относились в основном к категории мелких (некоторое исключение составляли только заводы торгового дома «Бр. Баккаловы» и «Компании хивинских купцов»). Их суммарные мощности значительно уступали доле российского капитала в общем объеме промышленного производства в ханстве. Например, хлопкозавод С. Аминова, построенный в Дарган-Ата, имел лишь 1 джину и мельницу²⁴, как и остальные малые предприятия. По расчетным данным, среднегодовая производительность джины не превышала 5 тыс. пудов хлопкового волокна. Между тем один завод К. Мануилова в Гурлене мог выработать за год в среднем не менее 10,3 тыс. пудов хлопка-волокна, 206 пудов линта и 24,8 тыс. пудов семян²⁵. Уступал ему по производительности и хлопкозавод М. Баккалова в Хиве, относившийся к категории относительно крупных. Это свидетельствует о том, что российский капитал, допуская в сферу промышленного производства национальных предпринимателей, не уступал лидирующие позиции.

Сохранению лидирующего положения российского капитала в экономике Хивинского ханства содействовала и деятельность банковского капитала, активное перемещение которого из Центральной России на окраины началось после революции 1905 г. Это не означает, что ханство прежде находилось вне сферы финансового воздействия российского капитала. Еще в конце XIX в. различные финансово-кредитные операции здесь осуществляли торговые и промышленные объединения, многочисленные товарищества и акционерные компании, среди них — «Кудрин и К⁰», «Прохоровская трехгорная мануфактура», «Познанский и К⁰», «Эмиль Циндель», «Кноп», московские, петербургские, нижегородские, астраханские, оренбургские и другие купеческие дома. Благодаря им экономические связи между Россией и Хивой стабильно развивались и крепились.

Перемещение банковского капитала в окраинные районы, в частности в Хивинское ханство, было обусловлено отнюдь не стремлением расширить внешние источники финансирования промышленного строительства или в целом подъема экономики. Российские банки, потеряв в 1905—1907 гг. значительные средства в связи с ростом рабочего движения, увеличением из-за банкротств некредитоспособных предприятий и сокращением финансово-кредитной деятельности в метро-

²⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 32 об.

²⁵ РГАЭ, ф. 7990, оп. 1, д. 110, л. 8.

полии, увидели в стабильности политической обстановки в ханстве и активном перемещении в регион торгово-промышленного капитала гарантию воспроизводства финансовых и материальных ресурсов.

13 января 1907 г. правление Русско-Китайского банка известило начальника Амударьинского отдела через директора Среднеазиатского отделения о том, что «в целях развития торговых сношений Хивинского ханства с российскими рынками постановило открыть агентство нашего банка в Новом Ургенче, являющемся центром торгово-промышленной жизни Хивинского ханства»²⁶. Банком намечалось осуществление на территории протектората финансово-кредитных услуг, практиковавшихся в России. В связи с происшедшим слиянием Русско-Китайского и Северного банков и образованием единого Русско-Азиатского банка его Ново-Ургенчское отделение было открыто в конце 1909 г.

В ханстве появились конторы и других ведущих российских банков, среди них — Московского купеческого, Петербургского и Сибирского торгового. Они имели четкую специализацию. Если отделение Русско-Азиатского банка выделяло кредиты для промышленного и гражданского строительства на территории ханства, выдавало ссуды российским торгово-промышленным компаниям и фирмам для закупки сельскохозяйственного сырья и полуфабрикатов, то Московский, Петербургский и Сибирский банки занимались преимущественно финансированием только торгово-закупочных операций и лишь отчасти — кредитованием строительства объектов производственного назначения.

Развитие промышленного строительства дало заметное ускорение образованию на территории ханства целых промышленных районов. Так, в Новом Ургенче насчитывалось около 10 крупных и средних предприятий, в Ташаузе — 5, в Хазараспе, Ходжейли, Ханках, Гурлене и Мангите — по 4, в Хиве — 3 и т. д., не считая мелких заводов местных предпринимателей. В этих же городах размещалась основная часть различных цехов и мастерских.

Относительно высокая степень концентрации производства способствовала превращению феодальных городских поселков с глинобитными строениями и узкими улочками в современные благоустроенные города с парками, новыми административными и культурными центрами, разветвленной инфраструктурой и системой инженерных коммуникаций. С ней было связано и появление в Хивинском ханстве класса наемных промышленных рабочих — *пролетариата*, который был немногочислен и только формировался как самостоятельная социальная сила из среды беватанов и городских низов, а также представителей современной *технической интеллигенции* (инженеров, техников, технологов, мастеров и др.), главным образом из России, занятых на

²⁶ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 253, л. 8.

строительстве и обслуживании предприятий перерабатывающей промышленности.

Претерпела существенные изменения структура городов. Главными среди них в ханстве стали Новый Ургенч и Хива, оказывавшие на периферийные районы и даже всю страну огромное влияние. Первый представлял собой средоточие современных форм производства и общественных отношений. В нем были размещены не только крупнейшие промышленные предприятия, но и конторы, отделения различных финансовых, торговых, промышленных фирм и банков. Поэтому отнюдь не случайно то, что Новый Ургенч российскими деловыми кругами рассматривался как центр «торгово-промышленной жизни Хивинского ханства»²⁷. Он являлся своеобразной штаб-квартирой всех действовавших в регионе торгово-промышленных фирм, контор, домов и акционерных обществ, которые были представлены 293 служащими, 154 уполномоченными торговых домов и 19 купцами²⁸. А Хива как столица ханства, несмотря на размещение в городе предприятий перерабатывающей промышленности и торговли, выполняла, как и прежде, в основном политико-административные функции: здесь находились резиденция хана, главные органы правительственной власти, учебные заведения, культурные учреждения, разрабатывалась внутренняя и внешняя политика государства. Среди больших городов выделялись Ташауз, Ханки, Хазарасп, Ходжейли и Кунград, превратившиеся в очаги активной политической и экономической жизни. В последующем они сыграли существенную роль в общественно-политических событиях, происходивших в ханстве, стали ведущими центрами распространения среди как узбекского, так и туркменского, каракалпакского и казахского населения общедемократических, буржуазно-либеральных идей.

Города Новый Ургенч, Хива и другие «промышленные анклавы» непосредственно воздействовали на прилегающие к ним кишлаки, стимулировали в них рост товарного производства и торговли. Хозяйства дехкан пригородных районов специализировались на производстве продовольствия (мяса и молока, овощей, зерна, фруктов, бахчевых и т. п.), поставлявшегося на городские рынки для продажи. Ремесленно-кустарные мастерские обеспечивали промышленные центры дешевой рабочей одеждой, изготовляли по заказам компаний и фирм детали машин и механизмов, вспомогательное оборудование. Таким образом, промышленные анклавы становились катализаторами распространения новых общественных отношений, укрепления связей между крупными и мелкими производствами.

²⁷ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 253, л. 8.

²⁸ Там же, д. 314, л. 70 об.—71.

Несмотря на всю сложность и противоречивость процессов в социально-экономической жизни хивинского общества в первые годы XX в., определяющими в ее эволюции являются прежде всего структурные перемены и сравнительно высокие темпы формирования промышленного сектора хозяйства. В условиях незаинтересованности консервативного ханского правительства в решительном отказе от устаревших методов хозяйствования, отсутствия конструктивной и целенаправленной государственной политики в области промышленного строительства, реальной помощи национальному предпринимательству в Хивинском ханстве зародилось современное национальное промышленное производство. К 1912 г. оно включало в себя 127 различных промышленных предприятий²⁹. Большинство из них представляли собой маломощные производства. Тем не менее уже само образование *промышленного* сектора и формирование нетрадиционных видов промышленной деятельности означали важный шаг в структурной перестройке хивинского хозяйства, замедлении, а при определенных условиях — и преодолении стагнационного процесса, расширении и укреплении экономической и социальной базы начавшего интенсивно эволюционировать национального капитализма.

Вовлечение хивинской буржуазии и тяготевших к ней представителей земельной аристократии в инвестирование промышленного строительства ясно указывало на ускорение процесса становления национального капиталистического предпринимательства, постепенное усиление экономического и политического влияния новой элиты в хивинском обществе. Отмечая эту тенденцию и ее значение для будущности российско-хивинских отношений, начальник Амударьинского отдела в июне 1906 г. в одном из конфиденциальных посланий в администрацию туркестанского генерал-губернатора обращал особое внимание на тот факт, что дальнейшее расширение в промышленности Хивинского ханства позиций российских фирм отныне непосредственным образом «будет зависеть от конкуренции с хивинскими торгово-промышленными фирмами, а конкуренция эта уже началась в лице хивинцев, построивших также паровые хлопкоочистительные заводы»³⁰. Однако, не имея весомой государственной поддержки, свободного доступа к потенциальным источникам накопления, молодая хивинская торговая и промышленная буржуазия испытывала серьезные проблемы при реализации собственных производственно-коммерческих проектов и пока не могла оказать определяющего влияния на атмосферу, складывавшуюся в сфере производства и на внутреннем рынке.

²⁹ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 40.

³⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 204, л. 3.

Деятельность торгово-промышленного и банковского капитала в аграрном секторе

Хивинский торгово-ростовщический капитал и российская торгово-промышленная, финансовая буржуазия, опиравшиеся в основном на энергичную поддержку обуржуазившейся земельной аристократии, занимавшейся производством на рынок и широко использовавшей наемный труд, части состоятельных городских слоев, сосредоточили усилия на укреплении сырьевой базы перерабатывающей промышленности, усилении экспортной специализации ключевых отраслей сельского хозяйства и расширении производства товарных культур, поставлявшихся на внешний рынок. Их так называемая «аграрная политика» не только не остановила прогрессирующую монокультуризацию сельскохозяйственного производства, деформацию структуры аграрного сектора, но и углубила ее, отрицательно повлияла на динамику хозяйственных процессов.

Негативные тенденции в развитии сельского хозяйства наиболее контрастно проявились в растениеводстве, игравшем решающую роль в обеспечении страны продовольствием и сырьем. В нем ясно обозначилось доминирование технических культур, особенно хлопчатника, посевы которого расширялись быстрыми темпами, вытесняя другие культуры, в том числе продовольственные, и охватывая все новые и новые районы. Если к 1900 г. под хлопчатник в ханстве было отведено 29,5 тыс. десятин, что составляло 9,1 % посевных площадей, то в 1909 г. — до 34,8 тыс. десятин, или 15,8 % пашни³¹. В главные хлопководческие регионы ханства превратились Ново-Ургенчский вилайет, Ханкинское, Хазараспское, Гурленское и Мангитское бекства, сама Хива и ее окрестности, имевшие достаточно разветвленную сеть ирригационных сооружений и лучше обеспеченные самотечной оросительной водой из Амударьи. В некоторых из них удельный вес хлопковых площадей в структуре посевов был выше, чем в среднем по стране, достигая 20—22 % пашни и даже больше. В специализированных хлопководческих регионах затраты на производство хлопка-сырца были намного меньше, чем в остальных, а его доходность, естественно, — выше.

Хлопчатник начал культивироваться также в традиционно скотоводческих Ташаузском и Газаватском бекствах, которые были населены преимущественно туркменскими племенами и родами. Он проник и в северные земледельческие районы — Кунград, Ходжейли и Хтай. Где засеивались местные сорта хивинского хлопчатника — *гуза*, адапти-

³¹ *Гиршфельд В.* Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 163; *Лобачевский В.* Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского округа. Ташкент, 1912. С. 91.

рованные к маловодью и повышенной засоленности почв и, в отличие от американских сортов хлопчатника, устойчивые к морозам. Распространение производства хлопка-сырца в северных регионах ханства, специализировавшихся на скотоводстве, объясняется тем, что стебли хлопчатника и оставшиеся нераскрытыми после уборки урожая сырца коробочки (*курак*), содержавшие незаменимые высококалорийные вещества, использовались в измельченном виде в качестве комбинированных кормов для скота.

Несмотря на неблагоприятные климатические условия, хивинские земледельцы получали высокие сборы хлопка-сырца. Его урожайность составляла в среднем 30 пудов с танапа (или 75—78 пудов с десятины)³² и была значительно выше, чем в других хлопкосеющих регионах Центральной Азии. Например, в Туркестане в 1910 г. с каждой десятины было получено по 20 пудов сырца, в 1911 г. — по 23,1 и в наиболее благоприятном 1912 г. — по 28,3 пуда³³. Примерно на таком же уровне находилась урожайность хлопчатника в Бухарском ханстве.

В расширении хлопководности сельского хозяйства Хивинского ханства определяющую роль сыграли потребности не только национальной перерабатывающей промышленности, которые были не столь уж значительны, но и внешнего рынка, безусловно, имевшие определяющее значение для пересмотра структуры аграрного производства. Российскому торгово-промышленному и финансовому капиталу, активно взаимодействующему с крупной хивинской торгово-ростовщицкой буржуазией и феодальной элитой, в начале XX в. удалось, во-первых, задействовать мощные финансовые рычаги воздействия на производство и, во-вторых, — повсеместно создать широкую дилерскую сеть закупочных и заготовительных пунктов.

Механизм финансирования производителей хлопка-сырца был удивительно прост, но вместе с тем достаточно прибылен. Практически все промышленные конторы, фирмы и торговые дома имели уполномоченных (приказчиков) в хлопководческих центрах, а те, в свою очередь, подбирали дилеров и маклеров, так называемых *арбакешей*³⁴ и *чистачи*³⁵, каждый из которых выполнял строго определенные функции в цепочке «кредит — производитель — товар». Эта система впервые была внедрена главными монополистами на внутреннем хи-

³² РГАЭ, ф. 7990, оп. 1, д. 4, л. 68.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ), ф. 17, оп. 11, д. 247, л. 5.

³⁴ *Арбакеши* (разг.) — от слова «арба» (телега), букв.: «владелец телеги». Арбакеши специализировались на частном извозе товаров и пассажиров. — *Примеч. авт.*

³⁵ *Чистачи* (узб.) — владелец домашнего мини-завода (цеха) по первичной переработке хлопка-сырца. — *Примеч. авт.*

винском хлопковом рынке торговыми и промышленными объединениями «Большая Ярославская мануфактура», «Познанский и К^о», «Бр. Крафт», «Московское торгово-промышленное т-во», «Вадьяевское торговое т-во», «Петляховское т-во», а затем подхвачено представителями частного промышленного и торгового капитала. Она применялась в течение целого ряда лет, не подвергаясь изменениям, ибо обеспечивала оптимальную и эффективную, естественно, с точки зрения российского капитала, связь с местными производителями экспортных культур.

С каждым поставщиком-посредником заключался типовой договор, в котором оговаривались условия кредита, объемы и сроки поставок сырья, штрафные санкции, которые могли быть применены фирмой или торговым домом в случае нарушения соглашения. В архивах сохранился оригинальный экземпляр подобного договора, который был заключен между «Большой Ярославской мануфактурой» и частным поставщиком сырца. Он назывался «Условие» и имел свой порядковый номер. Так, 14 сентября 1906 г. уполномоченный фирмы и житель кишлака Гайбу в пригороде Нового Ургенча Берды Аташев, имевший собственное малое «домашнее» предприятие по очистке хлопка-сырца, подписали «Условие» № 1449. Аташев обязался продать «Большой Ярославской мануфактуре» в течение трех месяцев со дня подписания договора 140 пудов хлопка джинной очистки по 8 руб. 10 коп. за каждый пуд на общую сумму 1134 руб. В случае недопоставки волокна он должен был возратить сумму за недопоставленный объем и уплатить неустойку в размере 2 руб. из расчета стоимости пуда, или около 25 %.

Контора «Большой Ярославской мануфактуры» оставляла за собой право определять качество поставленного хлопка, и если оно не будет соответствовать предъявляемым требованиям, то делать скидки³⁶. Заключались ли подобные договора с дехканами, — установить пока не удастся. Их отсутствие в архивах указывает на то, что фирмы и торговые дома предпочитали иметь дело именно с посредниками, а не с самими мелкими производителями. Видимо, исключения делались для крупных поставщиков: большинство из них сами экспортировали свою продукцию в виде как хлопка-сырца, так и волокна и потому нуждались только в транспортировке груза.

По данным Н. В. Шулимова, изучавшего в начале 1920-х гг. историю хлопководства в Хиве и работавшего в Госплане Хорезмской республики, арбакеши являлись связующим звеном между фирмами-заводами и производителями хлопка-сырца — дехканами. Будучи доверенным лицом кредитора (фирмы), они покупали на предприятии семена хлопчатника по низкой цене, а затем перепродавали дехканам

³⁶ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 37, л. 121.

уже по рыночной. Через арбакешей уполномоченные фирм осуществляли и раздачу дехканам денежных задатков (российскими дензнаками или хивинской теньгой) под будущий урожай хлопка-сырца зимой или ранней весной, накануне посевной кампании. Острая нехватка у подавляющего большинства дехканских хозяйств наличных оборотных средств заставляла их брать кредиты на крайне невыгодных условиях — от 10 до 20 и даже до 30 % годовых. Те же арбакешы после завершения хлопкоуборочной кампании занимались и доставкой урожая непосредственно на завод или заготовительные пункты опять-таки на кабальных условиях: за транспортировку дехканин уплачивал *селю* — до 12—20 фунтов сырца с каждой арбы.

На несколько иных принципах осуществлялась деятельность чистачей, которые сочетали в одном лице и посредника, и мелкого промышленного предпринимателя. Имея определенный наличный капитал, они заключали с дехканами договора на продажу оптом будущего урожая сырца, выдавали в качестве аванса наличные деньги или задаток в натуральной форме (мануфактура, чай, железо и т. п.). Весь закупленный таким образом сырец очищали на мини-заводе и затем продавали российским фирмам хлопковое волокно³⁷. Кроме того, чистачи, имевшие прессовальное оборудование, реализовывали также на внутреннем рынке и хлопковое масло собственного производства, а ремесленно-кустарным мастерским поставляли линт и пух, скотоводческим хозяйствам — жмых, шелуху и другие продукты. Умело организованная индивидуальная предпринимательская деятельность позволяла таким образом извлекать прибыль путем не только разного рода спекулятивных операций с кредитами и задатками. Не меньший, если даже не значительно больший «чистый» доход давало чистачу организованное в собственном хозяйстве малое промышленное производство замкнутого цикла, специализированное в основном на первичной очистке хлопка-сырца, прессовке волокна, различных отходов переработки сырца, выпуске линта, а также шелухи и жмыха, используемых в животноводстве.

Практиковавшаяся в сельском хозяйстве, других связанных с ним отраслях экономики Хивинского ханства четкая система денежных кредитов и задатков основывалась не на простой интуиции, а на точном прогнозировании объема будущего урожая хлопка-сырца на дехканском участке, ибо и арбакешы, и чистачи отличались хорошим знанием не только рыночной конъюнктуры, но и экономики производства. При заключении краткосрочных (на 3 месяца) или долгосрочных (от 6 до 12 месяцев) кредитных соглашений с мелкими и средними дехканами, подавляющее большинство которых были просто малограмотными или вовсе неграмотными, они стремились навязать им та-

³⁷ См. подробнее: Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 35.

кие условия, чтобы при окончательном расчете те попадали в долговую кабалу или, в лучшем случае, лишались возможно большей части прибыли. По свидетельствам очевидца, если «государственный банк оказывает кредит частным банкам и хлопковым фирмам на 6,5 %, те от себя раздают задатки посредникам на 8—9 %, а в конце хлопководу кредит обходится в 40 и 60 %»³⁸. По не менее компетентным сведениям начальника Амударьинского отдела, зачастую кредитные соглашения заключались таким образом, чтобы в итоге они могли принести ростовщикам не менее 180 % чистой прибыли³⁹. Гарантией служило то, что при непредвиденных неблагоприятных погодных условиях, увеличении затрат на производство продукции и недополучении прогнозированного урожая хлопка-сырца дехканин в счет непогашенного долга был вынужден продавать часть собственного земельного надела, домашний скот или заключать новое соглашение на еще более кабальных условиях.

Арбакеши и чистачи, другие многочисленные посредники, подвизавшиеся на спекулятивно-ростовщических операциях на хлопковом рынке, не довольствовались присвоением львиной доли валового продукта, полученного в дехканском хозяйстве. Они препятствовали налаживанию его прямых контактов с рынком, непосредственному участию в реализации собственной продукции. В результате подобной «системной привязанности» производителей хлопка к посредникам дехканские хозяйства лишались возможности расширять собственное производство путем вложения дополнительного капитала, обрекались на экстенсивные методы ведения хлопководства.

Необходимо иметь в виду и то, что подавляющая часть дехкан, не владевшая собственными наделами, работала на арендованной земле и платила землевладельцу в натуральной форме частью урожая или же деньгами. Так что система «экономической поддержки» хлопкоробов-товаропроизводителя не оставляла ему практически никаких шансов для выхода из долговой ямы и улучшения своего материального положения.

Российские торгово-промышленные компании и фирмы, а также финансовые объединения всячески поддерживали и расширяли сеть посредников на местах. Один из приказчиков «Большой Ярославской мануфактуры» сообщал 4 февраля 1907 г. в ташкентское управление, что «хивинской конторе более чем известно, что без арбакешей и пахтачей⁴⁰ работать совершенно невозможно»⁴¹. Это закономерно. Для экономии средств компании и фирмы не могли содержать своих упол-

³⁸ История народов Узбекистана. 1947. С. 277.

³⁹ ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 56, л. 51.

⁴⁰ Так в тексте. Правильно: *чистачи*. — *Примеч. авт.*

⁴¹ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 37, л. 337.

номоченных во всех сельских населенных пунктах и поэтому размещали их только в крупных. Однако острая конкурентная борьба за хлопковое сырье заставляла привлекать к операциям по скупке сырца как можно большее число посредников, деятельность которых координировали территориальные уполномоченные. В выигрыше оказывалась, как правило, та компания или фирма, которой удавалось создать в сельских районах собственную эффективно функционирующую сеть арбакешей и чистачей.

Разветвленной сетью скупочных пунктов в хлопководческих районах располагали «Большая Ярославская мануфактура», крупные торгово-промышленные фирмы и конторы «Бр. Крафт», «Бр. Мануиловы», «Познанский и К⁰», «Бр. Вадъяевы», «Стуккен и К⁰», «Петляховское т-во», акционерные общества «Кавказ и Меркурий», «Восточное», «Московское торгово-промышленное т-во», «Шуйская мануфактура», «Трехгорная мануфактура» и другие российские фирмы. Имея многолетний опыт работы на экономическом поле Хивы, отлаженные связи со многими местными предпринимателями, правительственными органами, земельной элитой и родоплеменной знатью, они систематически закупали подавляющую часть производимого хлопка-сырца и волокна, обладали монопольным правом на вывоз сырья на российский рынок, оставшуюся его часть перерабатывали здесь же на своих хлопкоочистительных и маслобойно-мыловаренных предприятиях для реализации на внутреннем рынке.

С появлением на хивинском рынке банковского капитала ситуация начала в корне меняться. Российские банки обладали несравненно большими, чем торгово-промышленные фирмы или частные предприниматели, возможностями для воздействия финансовыми рычагами на конъюнктуру с хлопком на хивинском внутреннем рынке. Сам по себе торгово-промышленный капитал не был способен конкурировать с ними на равных и поэтому постепенно сдавал экономические позиции. Например, объем операций одного лишь Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка в 1909 г. составил 1,3 млн. руб., а в 1910 г. — уже 2 млн. Причем 80 % операций приходилось на кредиты, связанные со скупкой хлопка-сырца и волокна⁴². Лишь единственная конкурентоспособная Ново-Ургенчская контора «Большой Ярославской мануфактуры» прилагала максимум усилий, чтобы как-то воспрепятствовать финансовой экспансии отделений банков и отстоять монопольное положение на хивинском хлопковом рынке. С этой целью в 1909 г. в разгар хлопкоуборочной кампании, которая, как правило, приходится на август—ноябрь, она была вынуждена запросить в Петро-Александровском казначействе для покрытия текущих расходов на скупку хлопка кредит на 1,9 млн. руб. хивинской теньгой, а в сентябре—

⁴² См.: Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией... С. 154.

ноябре 1910 г. получить краткосрочный кредит уже у самого Ново-Ургенчского отделения банка на 1,1 млн. руб. хивинской теньгой⁴³. При этом Ново-Ургенчская контора исходила из того, что спрос на хивинскую теньгу был очень высоким: несмотря на попытки российских властей вывести ее из оборота, она и после 1903 г. продолжала оставаться в обращении. Хотя официально курс был установлен в 15 коп., на самом деле даже после объявления хивинским правительством в 1908 г. о свободном обращении российских рублей он доходил до 19,0—20,5 коп.⁴⁴ Но и этих дополнительных средств оказалось недостаточно для того, чтобы такая экономически состоятельная компания, как известная в России «Большая Ярославская мануфактура», сумела выдержать натиск серьезного конкурента и отстояла лидирующие позиции.

О последствиях бескомпромиссной конкурентной борьбы, развернувшейся на хивинском внутреннем хлопковом рынке, о расстановке сил на нем можно судить по данным об объемах вывоза из страны хлопкового волокна разными фирмами и обществами. В 1910 г. из ханства было вывезено всего 600 тыс. пудов хлопкового волокна. На долю Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка из них приходилось 150 тыс. пудов, или же 25 % общего объема экспорта, тогда как на долю «Большой Ярославской мануфактуры» — всего 60 тыс., или 10 %, «Московского торгово-промышленного т-ва», П. Мануилова и «Шуйской мануфактуры» — по 35 тыс. пудов, или по 5,8 %. Как видим, банковский капитал сумел решительно оттеснить на хлопковом рынке традиционных покупателей сырья и получил реальную возможность самостоятельно определять конъюнктуру спроса.

Хивинский национальный торгово-ростовщический капитал также стремился укрепить свое положение на хлопковом рынке. Так, в 1910 г. Сеидмурад-баджман вывез 50 тыс. пудов волокна, или 8,3 % его объема, торговый дом «Бр. Баккаловы» — 40 тыс. пудов, или 6,7 %, Авез-Нияз Мадьяров — 30 тыс. пудов, или 5 % от общего объема экспорта⁴⁵. Хивинскими предпринимателями, по далеко не полным данным, было экспортировано в целом не менее 120 тыс. пудов хлопкового волокна, что составило 20 % его годового объема. Этому способствовало, на наш взгляд, то, что часть хивинской национальной буржуазии сохраняла тесные связи с сельским хозяйством и владела значительными земельными участками, которые сдавала в аренду дехканам с условием специализации на производстве хлопка-сырца. Кроме того, как торговая элита, так и ростовщики поддерживали постоян-

⁴³ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 75, л. 78—79.

⁴⁴ См.: *Becker S. Russia's protectorates in Central Asia...* 2004. P. 161.

⁴⁵ Подсчитано нами по: Материалы для изучения хлопководства. Вып. III. СПб., 1912. С. 19; *Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией...* С. 164.

ные деловые контакты с земельной аристократией и мелкими товаропроизводителями, среди которых пользовались немалым доверием, легко заключали торговые сделки.

Наряду с хлопководством, в рассматриваемый период в аграрном секторе возросла роль и люцерноводства, прежде всего благодаря неожиданному повышению спроса на семена культуры на мировых рынках, особенно Западной Европы и Южной Америки. Прежде эта отрасль в Хивинском ханстве развивалась в основном как элемент в структуре севооборота, ибо издревле люцерна засеивалась прежде всего для улучшения химического состава почвы и борьбы с вторичным засолением земель. Сено клевера являлось прекрасным кормом для молочного стада и птицы, широко использовалось также при откорме крупного и мелкого рогатого скота. Поэтому культура засеивалась как на обширных сельскохозяйственных угодьях, так и на приусадебных участках.

На территории ханства главными районами люцерноводства являлись Ново-Ургенчский вилайет, Ташаузское, Ханкинское, Ходжейлийское и Кунградское бекства. Причем основными поставщиками семенного материала были Ходжейли и Кунград, где среднегодовое производство семян люцерны достигало 100 тыс. пудов. Урожайность составляла около 30 пудов с каждого танапа⁴⁶. В специализированных хозяйствах Ново-Ургенчского вилайета и Ташаузского бекства этот показатель был несколько выше. Производимые в ханстве семена люцерны отличались высоким качеством и всхожестью, стойкостью к эрозии почв, быстрой адаптируемостью к почвенно-климатическим условиям. Они шли главным образом на внутренние нужды и вывозились в ограниченном количестве.

Превращение люцерноводства в немаловажную товарную отрасль произошло в период 1907—1909 гг. Причем развивалось оно повсеместно и быстрыми темпами, опережая рост хлопководства. Если в начале века люцерники занимали в ханстве около 24,5 тыс. десятин, или 7,8 % посевной площади, то в 1909 г. — уже почти 35,3 тыс. десятин, что составляло 15,9 % пашни⁴⁷. Менее чем за десять лет площади под люцерной расширились более чем в 2 раза, тогда как под хлопчатником за тот же период — всего на 6,7 %. Площади люцерников впервые за всю историю земледелия превысили площади, отведенные под хлопчатник, правда, не так значительно — всего на 500 десятин. Но сам по себе факт симптоматичен, ибо он имел место в условиях наступления монокультуры хлопчатника в сельскохозяйственном производстве.

⁴⁶ Бюллетень Среднеазиатского отделения Российско-Восточной торговой палаты. Ташкент, 1925. № 2—3. С. 2; Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 31.

⁴⁷ Лобачевский В. Хивинский район... С. 91—92.

Приданию люцерноводству товарного характера во многом содействовала коммерческая деятельность Русско-Азиатского банка. Правление банка в Петербурге оперативно отреагировало на внезапно возросший на европейских рынках спрос на семена люцерны. Оно тут же поручило отделениям на местах организовать закупки культуры в максимальных объемах. Ново-Ургенчское отделение развернуло «люцерновую операцию» в 1909 г. Оно начало скупку семян во всех бекствах по выгодной цене — 4,0—4,5 руб. за пуд, тогда как на рынках европейских стран они были дороже примерно в 3 раза⁴⁸. О размахе закупочных операций свидетельствует тот факт, что если в 1907—1908 гг. из ханства было вывезено 163 тыс. пудов семян люцерны, то в 1909 г. — 320 тыс. пудов⁴⁹. Семена из Нового Ургенча доставлялись сначала по Амударье к Аральскому морю, а оттуда судами Аральской флотилии — в российские порты, затем — в Москву и Петербург, откуда отправлялись в Гамбург. При содействии посреднических фирм Германии, с которыми Русско-Азиатский банк имел тесные деловые связи, семена люцерны реализовывались во Францию, Италию, Аргентину, Соединенные Штаты Америки и другие страны. Вырученные от продажи валютные средства в Хивинское ханство ни в какой форме не возвращались. Они поступали в распоряжение правления Русско-Азиатского банка в Петербурге и оседали в России. То же самое происходило и с экспортом других товаров сырьевой группы.

Интенсивные финансовые вливания в хлопководство, а затем и в люцерноводство вызвали серьезные диспропорции в структуре аграрного производства. Возможность получения кредитов побуждала дехканские хозяйства расширять площади под хлопчатником и люцерной, другими товарными культурами, что создавало иллюзию увеличения производства и прибыли. На деле углубление монокультуризации аграрного производства обуславливало нарастающее сужение внутренних источников накопления капитала, лишало дехкан возможности освоения прогрессивных факторов стимулирования роста аграрного производства, тормозило развитие производительных сил сельского хозяйства.

Однобокое развитие аграрного сектора необратимо вело к упадку многих важнейших отраслей сельскохозяйственного производства, в особенности тех, от которых непосредственно зависит уровень жизни и общего благосостояния населения. Речь идет об отраслях, специализирующихся на производстве продовольствия для удовлетворения внутренних потребностей. Так, например, если в начале XX в. по

⁴⁸ Бюллетень Среднеазиатского отделения Российско-Восточной торговой палаты... С. 2.

⁴⁹ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 39; Лобачевский В. Хивинский район... С. 92.

стране в целом площади под хлопчатником расширились на 6,7 %, то за тот же период под зерновыми — незначительно, всего на 1,6 %. Если в 1900 г. пшеницей было засеяно 77,4 тыс. десятин, или 22,7 % пахотных земель, то в 1909 г. — немногим более 79 тыс. десятин, что не превышало 24,3 % общей площади пашни⁵⁰.

Почти на уровне начала века оставались плантации ячменя и риса. Заметно сократились и кормовые угодья. Площади под джугарой и просом, некоторыми другими культурами практически не увеличивались, а если и расширялись, то не столь заметно. Сохранение этой негативной тенденции угрожало в ближайшей перспективе нехваткой продовольствия и голодом, что и произошло в 1911—1912 гг.

Существенный урон углубление монокультуризации нанесло и такой традиционной отрасли, как скотоводство. Расширение площадей под хлопчатником, постепенное сокращение посевов кормовых культур повлекли за собой ухудшение кормовой базы животноводства как в южных, так и в северных районах ханства, вызвав значительное падение поголовья некоторых видов скота и птицы. К 1910 г., по сравнению с 1898/99 хозяйственным годом, поголовье крупного рогатого скота сократилось со 176,4 тыс. до 175 тыс., то есть всего на 1,4 тыс., или 0,8 %, тогда как поголовье овец и коз — с 858,9 тыс. до 468,8 тыс., или же на 390,1 тыс. голов, то есть на 45,4 %. Наибольший урон был нанесен овцеводству мясного направления, распространенному главным образом в северных и северо-западных регионах. Численность стада курдючных овец уменьшилось с 809,1 тыс. до 249 тыс., или на 560,1 тыс. голов, что составляло 69,2 % общего поголовья мясных овец.

Стагнация коснулась и верблюдоводства, которое играло исключительно важную роль в обеспечении транспортировки грузов в условиях бездорожья и безводных пустынь как на внутренних, так и на внешних торговых путях. За рассматриваемое десятилетие верблюжье стадо уменьшилось почти на 21,4 тыс. голов и упало до 70 тыс. Выросло только поголовье лошадей — на 10,3 тыс. и достигло 107,6 тыс., а также ослов — на 6,2 тыс., составив 21,2 тыс.⁵¹ Темпы роста поголовья лошадей в среднем за год не превышали 9,7 %, ослов — 4 %.

Кризис в скотоводстве отрицательно сказался на экспорте продукции отрасли. В 1907—1909 гг. из ханства в Россию по Мервскому, Ашхабадскому и Казалинскому торговым путям не вывозились каракуль и кожи (сырые и обработанные), а поставки шерсти сократились почти в 2,5 раза. Не лучше было положение с экспортом животноводческой продукции и по остальным торговым путям.

⁵⁰ Подсчитано нами по: *Гирифельд В.* Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 163; *Лобачевский В.* Хивинский район... С. 91—92.

⁵¹ Подсчитано нами по: *Гирифельд В.* Военно-статистическое описание... Ч. II. С. 146—147; *Лобачевский В.* Хивинский район... С. 105.

Главными причинами упадка скотоводства являлись не только сокращение пастбищ, серьезный дефицит кормов, уменьшение удельного веса маточного поголовья, но и обвальное падение экономической заинтересованности мелких и средних скотоводов в конечных результатах труда. Высокая степень концентрации скота и пастбищ в руках родоплеменной знати, сопровождавшаяся разорением и обнищанием трудящихся скотоводов, усиливала социальное расслоение в туркменских, каракалпакских и казахских родах и племенах, углубляла кризис общинной системы. Она обуславливала реконсервацию в окраинных регионах патриархально-феодального строя.

Диспропорции в общественном производстве, образование на внутреннем рынке глубокого разрыва между спросом и предложением открыли российскому капиталу дополнительную возможность для расширения проникновения в хивинскую экономику. Так, например, в 1907—1909 гг. в Хиву из России было импортировано товаров и изделий на 710 тыс. пудов, или на сумму свыше 7,5 млн. руб. Число основных видов товаров и изделий достигло 20, хотя в прежние годы их было не более 10—12. Доминирующее положение в товарной структуре импорта, как и прежде, занимала мануфактура, которой было ввезено 121 тыс. пудов на 4,1 млн. руб.

К традиционным видам по объему вплотную приблизились товары производственно-технического назначения. Благодаря созданию базы промышленного производства увеличился ввоз в ханство керосина. Его поставки составили 114 тыс. пудов. Металла и металлических изделий, по далеко не полным данным, было ввезено 99 тыс. пудов (без учета машин и станочного оборудования), строительного леса — 76 тыс. пудов.

Вместе с тем по традиции тенденция роста в товарной структуре импорта удельного веса товаров непроизводственного назначения все еще сохранялась: на хивинский рынок в рассматриваемый период поступило сахара 106 тыс. пудов, чая разных сортов — 46 тыс., галантейных изделий — 16 тыс., карамели и леденцов — 18 тыс., москальных товаров — 10 тыс., спиртных напитков — 6 тыс. пудов и т. п.

В структуре импорта появились такие сравнительно новые виды товаров, как мука, которой было ввезено 14 тыс. пудов, и спички — их было поставлено 8 тыс. пудов⁵². На наш взгляд, они, как и многие другие потребительские товары, использовались торгово-промышленными компаниями для кредитования дехкан, занятых на производстве продуктов сырьевого назначения.

Анализ состояния хивинского хозяйства в начале XX в. отчетливо показывает, что полное отсутствие у Хивинского правительства национально ориентированной экономической политики, его инертность

⁵² Подсчитано нами по: Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 38.

и неспособность оказать целевое государственное воздействие на динамику и характер социально-экономических процессов закономерно обусловили образование глубоких диспропорций в народном хозяйстве. Создание сектора сравнительно крупных, оснащенных новой техникой предприятий перерабатывающей промышленности, ставшего, безусловно, важным шагом на пути формирования национальной индустрии, не привело к радикальному обновлению структуры экономики. Ориентированное на первичную переработку и обеспечение вывоза сырья, оно усугубило однобокость аграрного производства, стагнацию производительных сил, ибо осуществлялось в отрыве от объективных внутренних социально-экономических потребностей. Вместе с тем динамичность протекавших в хозяйственном комплексе процессов наглядно свидетельствовала о существенном ускорении разложения феодализма, зарождения и утверждения в экономике Хивы важнейших элементов капиталистического производства.

Антиправительственные волнения в туркменских и каракалпакских регионах

Ситуация, складывавшаяся в экономической жизни Хивинского ханства на рубеже XIX и XX вв., характеризовавшаяся столкновением полярно противоположных тенденций — эволюционных и реформистских, исходящих от естественного процесса исторического развития хивинского общества и сопредельных стран, радикально-революционных, проецированных на решительную ломку застарелых феодальных экономических, политических и социальных институтов, замену их прогрессивными, буржуазными, — оказала динамизирующее влияние на общественно-политическую обстановку в ханстве. При своеобразии социальной организации общества, специфичности и незавершенности дифференциации классов и социальных групп, безраздельном господстве традиционного мировоззрения, религиозных догм в гуще обездоленных масс нарастал протест против капитулянтского политического курса правительства Сеида Мухаммеда Рахим-хана II, феодальных, полуфеодальных и прочих устаревших форм производственных отношений, консервации которых способствовала деструктивная позиция правящей верхушки, феодальной олигархии и родоплеменной знати. Положение усугублялось предоставлением иностранному капиталу, причем не только российскому, но и восточному (Персия, Турция и др.) преимущественных прав и привилегий, что создавало напряженную ситуацию в экономике и на внутреннем рынке.

Надежды молодых реформаторов, объединившихся в 90-е гг. XIX в. вокруг Палван-Нияза Мухаммеда-мирзабаши, на достижение экономического благоденствия в обществе путем отмены привилегий.

которыми пользовался российский капитал, не оправдались. Уступки ханского правительства в проведении фискальной политики не изменили общую экономическую, политическую и социальную ситуацию в стране. Они носили узкоочаговый характер, не устраняли причин антагонистических противоречий между зарождающимися производительными силами и архаичными производственными отношениями, ибо оставляли нетронутыми сами принципы внутривнутриполитического курса феодально-абсолютистской монархии, четко олицетворявшей неограниченную власть феодальной элиты, имущественное и социальное неравенство в обществе. Это предопределило фиаско политики молодых реформаторов.

В 1899 г. Палван-Нияз Мухаммед-мирзабаши скончался. Основанное им реформаторское движение, олицетворявшее политическое пробуждение молодой хивинской национальной буржуазии, первые робкие шаги политической деятельности по переустройству общества, оказалось без консолидирующего начала. Оно нуждалось в общепризнанном лидере, способном возглавить оппозиционные силы общества, расширить социальную базу реформаторского движения, придать ему организованность. Словом, вывести еще не оформившееся в самостоятельную политическую силу либерально-буржуазное реформаторское движение на качественно новый уровень.

В 1900 г., воспользовавшись ситуацией, старообрядцы развернули массированное наступление на робкие реформы, требуя их отмены, обеспечения неприкосновенности традиционных форм хозяйствования и собственности, укрепления абсолютистской монархии. Идейным вдохновителем консерваторов оставался Матмурад-диванбеги. На это, в частности, указывал прекрасно осведомленный о перипетиях внутренней жизни Хивинского ханства начальник Амударьинского отдела А. С. Галкин. Он сообщал в канцелярию генерал-губернатора края 27 октября 1900 г., характеризуя политическую ситуацию в ханстве, что самыми рьяными защитниками существующей в Хиве власти и порядков следует считать сторонников главного министра Матмурада-диванбеги, являющегося «несомненно затаенным врагом всего русского и ненавистником всех нововведений, которые делаются в ханстве под влиянием изменившейся и продолжающей изменяться обстановки». Остановившись на личных качествах главного министра, Галкин замечал, что человек он «корыстолюбивый, чуждый чувства справедливости, жестокий и мстительный»⁵³. Пытаясь реанимировать устаревшие принципы государственности и управления, защитить их от модернизации, партия Матмурад-диванбеги, будучи придворной, не сумела правильно оценить расстановку сил в стране, осознать глубину противоречий, подтачивавших институты феодально-абсолютистского строя.

⁵³ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 116, л. 9.

Затишье в либерально-реформаторском течении, отчаянные усилия старообрядцев, направленные на свертывание реформ и искоренение пророссийских веяний, не способствовали стабилизации политической ситуации в ханстве, подавлению антиправительственных настроений. Напротив, они обострили накал противоречий, накапливавшихся в недрах общества. Одна из причин тому — все углублявшийся кризис «верхов», девальвация монополии на власть правящих феодальных кланов, которые не были готовы к восприятию нового, решительному осуществлению давно назревших перемен. Все это аккумулировалось в падении авторитета двора Сеида Мухаммеда Рахим-хана II, причем не только среди консерваторов и старообрядцев, но и среди различных слоев «низов». Как пишет П. Г. Грейс, старую элиту хивинского общества раздражали все большая зависимость хана от военной помощи царизма, его очевидная пророссийская ориентация, что, по их мнению, служило свидетельством беспомощности властей и вело к ослаблению влияния на подданных. Кроме того, поскольку Сеид Мухаммед Рахим-хан II был не в состоянии служить гарантом прочности политического союза с туркменами, то их сообщества, почувствовав бесконтрольность, вновь стали совершать непрерывные разбойные нападения, тем самым подвергая государство опасности⁵⁴. Психологический аспект ситуации, складывавшейся в Хиве, схвачен в целом верно. Характерно при этом то, что недовольство политикой правительства получило распространение как среди беднейших слоев населения, большинство которых составляли беватаны и малоземельные дехкане, городские низы, так и среди представителей национальной буржуазии, а также интеллигенции. Однако мотивы возникновения недовольства у «верхов» и «низов» были не идентичны: если феодальную элиту и ортодоксальное духовенство в основном заботила возможность потери привычных политических прав и экономических привилегий, а предпринимательские слои обуревало желание лишить старую олигархию монополии на власть и прибрать к рукам рычаги управления экономикой, то «низы» не хотели мириться с гнетом «удельных князьков», земельной аристократии, полное отсутствие элементарных гражданских прав, гарантий экономической и социальной защиты.

В очаг восходящей напряженности превратились северные, северо-восточные и западные районы ханства, населенные, как известно, преимущественно туркменскими, каракалпакскими, казахскими родами и племенами. Хивинское правительство не заботилось о социально-экономическом развитии регионов, отводило им роль поставщиков сырья, продовольствия (зерна, мяса, молока и т. п.), полуфабрикатов, изделий ремесленно-кустарного производства, а также дешевой рабо-

---

⁵⁴ Geiss P. G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal commitment and political order in change. London; New York, 2003. P. 203.

чей силы. Здесь не проводились ни земельно-водная, ни налоговая реформы. В начале XX в., как и прежде, природно-экономический потенциал обширного региона распределялся между территориями, племенами и родами неравномерно, обуславливая неадекватность доступа к источникам существования. К примеру, в Кунградском бекстве, по данным канцелярии начальника Амударьинского отдела, узбеков насчитывалось 2 тыс. дворов, каракалпаков и казахов — по 1 тыс. Фонд сельскохозяйственных угодий достигал 160 тыс. танапов (60,2 тыс. десятин). Составляя приблизительно 50 % населения бекства, узбеки владели 120 тыс. танапов (свыше 45,1 тыс. дес.), или почти 75 % всех сельхозугодий, тогда как каракалпаки и казахи, почти равные им по численности, — лишь 25 %. Обладая большими потенциальными возможностями для ведения хозяйства, узбекское население бекства занималось производством продовольственных и технических культур: под пшеницу отводилось 7,5 тыс. десятин, хлопчатник и джугару — по 2,26 тыс., под лен — 752, столько же — под сады и огороды. Казахская и каракалпакская диаспоры засевали пшеницей почти в 2 раза меньше площади, хлопчатником — в 3, машем и джугарой — в 2 раза. Они не выращивали льняные культуры, мало занимались садоводством и огородничеством. На узбекских подворьях насчитывалось 4 тыс. голов крупного рогатого скота и до 2 тыс. лошадей⁵⁵. Владая значительной частью основных средств производства, они для получения высокой конечной продукции, безусловно, вкладывали в ведение и организацию хозяйства значительно большее количество живого труда и капитала, чем другие, получая лучший валовой доход. Очевидно, однако, и то, что большая его часть вновь присваивалась феодалами. Непосредственный производитель — труженик, независимо от национальности, будь он каракалпак или же узбек, был лишен возможности делать накопления для расширения собственного производства и укрепления материального положения, влачил нищенское существование.

В еще более худшем положении находилась подавляющая часть туркменских масс. Факты свидетельствуют, что непосильная военная контрибуция, которая была на них наложена после русско-хивинской войны 1873 г., обременительные ханские налоги и поборы, глубокие социальные противоречия и межплеменные распри, раздиравшие роды и племена изнутри, неоднократные жестокие карательные экспедиции, проводившиеся под различными предлогами российскими властями и Хивинским правительством для подавления оппозиционных настроений в туркменских регионах, подвели диаспору на грань социально-экономической катастрофы. Жесточайшие для низовий Амударьи маловодье и засуха 1898 г. нанесли столь сильный ущерб земледелию и животноводству, что вконец дестабилизировали и без того стагниро-

⁵⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 324, л. 60 об.—61.

вавшую экономику пустынных и полупустынных туркменских регионов. Однако центральное Хивинское правительство не оказало практической помощи бедствующим районам, в очередной раз бросив их население на произвол судьбы и окончательно подорвав тем самым доверие туркменской диаспоры к властям. Отвернулись от сородичей и родоплеменные вожди, обладавшие многотысячными табунами лошадей, стадами овец и коз, крупного рогатого скота и верблюдов. Они не пытались поделить с ними накопленным даже в период бедствия, чтобы усилить их конфликт с властями в собственных интересах.

Экономическое неравенство различных наций и народностей, населявших Хивинское ханство, привилегированное положение одних и бесправное — других являлись следствием факторов не столько объективных, обусловленных естественной специфичностью территориального размещения основных природных ресурсов, их доступностью для эффективной эксплуатации и т. п., сколько, скорее, сугубо субъективных: несовершенства экономического и социального курса Хивинского правительства, непринятия необходимых мер, способных стимулировать преобразование отраслевой структуры производства в окраинных районах, повысить ее рентабельность, улучшить товарообмен между центральными городами и менее развитыми сельскими районами и на этой основе в корне изменить экономические и социальные условия жизни национальных меньшинств. Хивинское правительство, упорно игнорируя эти назревшие проблемы, оказывалось заложником собственной недалёковидной политики.

В конце 1899 г. в туркменских районах ханства вспыхнули мощные антиправительственные волнения. Одним из первых на открытую борьбу с ханской деспотией поднялась крупная племенная группа *куллы-иомудов*. Она выдвинула как экономические, так и политические требования, сводившиеся к следующему: 1) освободить от непосильных налогов и поборов; 2) предоставить туркменам широкую автономию; 3) сместить уполномоченного при Хивинском правительстве по туркменским делам Матмурада-диванбеги.

Выступление куллы-иомудовцев получило заметный резонанс. Его решительно поддержали многие другие оппозиционно настроенные туркменские роды и племена⁵⁶. К середине 1900 г. антиправительственные волнения охватили, по сути, все районы ханства, населенные туркменами, включая Ташауз, Тахты, Ильялы, а также Куна-Ургенч и Порсы, где проживали также и узбеки, каракалпаки, казахи, персы и др.

Организатором и руководителем мощного выступления хивинских туркмен стал Аманберды Кумеков, личность которого установить не удастся. Он проводил большую разъяснительную работу в кочевьях среди простых скотоводов, предводителей родов и племен, призывал

⁵⁶ ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 52, л. 2, 6.

их сплачиваться и вооружаться для борьбы за свои экономические и политические права. Руководство администрации Амударьинского отдела, крайне встревоженное нарастанием напряженности в туркменских регионах Хивинского ханства, в шифрованной телеграмме сообщало в канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края, что Кумеков «уже три года смущает разными способами хивинских туркмен, препятствуя их умиротворению»⁵⁷. Особенно характерно то, что благодаря усилиям Аманберды Кумекова, а также его соратников впервые выступления туркменских сообществ мало чем напоминали стихийные волнения прошлых лет. Они отличались вполне отчетливой антиправительственной направленностью, высокой организованностью и массовостью.

Размах антиправительственных выступлений туркменских племен и родов, большая вероятность втягивания в конфликт каракалпакских и казахских родов, а также сочувствующего им узбекского населения вызвали панику в правящих кругах как Хивинского ханства, так и Туркестанского края. О них были проинформированы администрация генерал-губернатора, военное ведомство и МИД России. Учитывая наличие у туркменской диаспоры не менее 3 тыс. вооруженных и обученных военному делу джигитов, начальник Амударьинского отдела срочно направил Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II секретное послание. Ссылаясь на директивное указание руководства Туркестанского края и петербургских властей, он настоятельно рекомендовал Хивинскому правительству для стабилизации политической обстановки в туркменских районах и разрядки напряженности категорически исключить применение «таких мер, которые могут вызвать кровопролитие»⁵⁸, ибо любая карательная акция в условиях обострившихся социальных противоречий могла послужить толчком для перерастания пока еще мирного противостояния оппозиции и властей в массовое вооруженное восстание.

Следуя рекомендации начальника Амударьинского отдела, Сеид Мухаммед Рахим-хан II снарядил в туркменские районы, охваченные волнениями, делегацию во главе с Матмурад-диванбеги, ведавшим в ханском правительстве туркменскими делами. Казалось бы, его статус и известность должны были способствовать успешному завершению мирных переговоров. Однако этого не произошло. Ханская делегация, сопровождаемая 500 нукерами, встретилась с представителями кулли-иомудов недалеко от Салахбента. Матмурад-диванбеги потребовал от туркменских *кетхуда* (старшин) беспрекословно повиноваться ханскому правительству, выплатить все налоги и подати, разоружить и распустил джигитов. Кулли-иомудовцы отказалась выполнить требо-

⁵⁷ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 151, л. 4 об.

⁵⁸ Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 52, л. 2.

вания ханских посланников и продолжали настаивать на немедленной отставке Матмурад-диванбеги, предоставлении широкой автономии туркменскому населению и справедливом решении земельно-водного вопроса, от которого во многом зависело благополучие всей диаспоры, а также на проведении налоговой реформы. Умеренность требований, твердость и последовательность, с которой они отстаивались, не оставляли никаких сомнений в том, что волнения носят отнюдь не стихийный характер, руководство ими осуществляется умело из единого центра и они будут прекращены только при условии серьезных уступок со стороны правительства. С такой ситуацией власти Хивы, не склонные к ведению переговоров с мятежниками, сталкивались впервые.

Переговоры сразу зашли в тупик. Хивинская делегация отвергла требования кулли-иомудовцев и покинула Салахбент с намерением наказать непокорных. Туркменские предводители не поддались на угрозы. 9 декабря 1900 г. для отражения возможной карательной экспедиции их лидеры сосредоточили близ Салахбента около 4 тыс. вооруженных всадников⁵⁹. Однако впервые акция возмездия, вопреки ожиданиям, не последовала. Правительство, не получив от российских властей военной помощи и учитывая предупреждение администрации Амударьинского отдела о необходимости не допустить кровопролития, сочло необходимым отсрочить решение туркменского вопроса. К тому же ситуация начала обостряться и в других районах. Ханская делегация возвратилась в Хиву ни с чем.

Весной 1901 г. Хивинское правительство направило в туркменские районы для продолжения прерванных переговоров делегацию в новом составе. На этот раз ее возглавил Мурад-тура, родной брат Сеида Мухаммеда Рахим-хана II. В ход вновь было пущено все: и подарки кетхудам, и угрозы, и обещания. Мурад-тура от имени хана обязался организовать за счет средств казны очистные работы на магистральном канале Лаузан, откуда поступала вода на значительную часть земель в туркменских районах. Но это не возымело действия. Старейшины кулли-иомудов и других туркменских племен настаивали на отставке главного визиря Матмурада-диванбеги, назначении другого уполномоченного по туркменским делам при ханском правительстве, пересмотре непосильных налогов, проведении земельной и водной реформ.

Вернувшись в столицу ни с чем, Мурад-тура информировал о результатах переговоров хана, предложил принять ультиматум кулли-иомудовцев и их единомышленников. Сеид Мухаммед Рахим-хан II признал поражение и пошел на уступки. Он был вынужден освободить Матмурада-диванбеги от обязанностей уполномоченного по туркменским делам. Его заменил Худаяр-кушбеги, известный своими более

---

⁵⁹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 116, л. 11.

либеральными взглядами на «туркменскую проблему». Лишились высоких должностей и сыновья главного визиря — Шейхназар-бай, служивший беком Куня-Ургенча, и Амангельды-сердар, являвшийся беком Ильялы. Источники их отставку не разъясняют. Нельзя, однако, исключать, что братья или отстаивали силовое подавление волнений, требовали наказать их организаторов и руководителей, или своими действиями сами же провоцировали беспорядки, что было для них характерно.

Администрация Амударьинского отдела, сохранявшая нейтралитет в диалоге ханского правительства с туркменскими предводителями, одобрила конструктивные решения Сеида Мухаммеда Рахим-хана II и выразила готовность оказывать ему всяческую поддержку⁶⁰. В какой-то степени это позволило избежать блокирования перестановок, осуществленных в «верхах», со стороны консерваторов — единомышленников Матмурада-диванбеги. Боясь самим попасть в немилость и лишиться собственных постов и привилегий, те предпочли переметнуться на сторону хана, выразить единодушное одобрение принятым мерам и примкнуть к Худаяр-кушбеги.

Требования кулли-иомудов, других мятежных туркменских племен, в частности те, что касались земельно-водных и налоговых проблем, не были удовлетворены полностью. Тем не менее отстранение от должности Матмурада-диванбеги, некоторые перемены в руководстве Куня-Ургенчским и Ильялыным бекствами побудили оппозицию сложить оружие. Это стало серьезной ошибкой. Ханское правительство, воспользовавшись наступившим временным затишьем, немедленно приступило к преследованию зачинщиков волнений. В апреле 1902 г. Аманберды Кумекон был арестован за «антиправительственную деятельность» и сослан в Тамбовскую губернию сроком на 5 лет под надзор полиции. Однако удержать его там властям не удалось. 29 апреля 1903 г. начальник Амударьинского отдела срочно известил канцелярию хивинского хана о том, что Кумекон с места ссылки скрылся⁶¹. Ни российские, ни хивинские власти впоследствии так и не смогли установить его местонахождение. Его следы не были обнаружены и в Туркестанском крае.

По свидетельству Х. Мадаминава, в 1910-е гг. служившего в ханской канцелярии, предводителем племени кулли-иомудов в 1906 г. стал Кулли-Мухаммед. Он объединил несколько туркменских племен и возглавил борьбу против Хивинского правительства, продолжав-

⁶⁰ ЦГА РУ, ф. 1 С/2, оп. 1, д. 101, л. 3, 5—6; *Тухтаматов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 62.

⁶¹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 151, л. 7, 11, 20.

шуюся целых шесть лет⁶². Однако ему не удалось сколотить надежный оппозиционный блок. Многие туркменские роды и племена, придерживаясь традиционной тактики борьбы с властью за политические и экономические права, продолжали действовать разрозненно, с опорой лишь на собственные силы и во имя групповых интересов. Добившись для племени или же рода каких-нибудь несущественных уступок от центрального правительства или местной администрации, например, льгот при распределении воды, выделения дополнительных пастбищ, отсрочки уплаты налогов и т. п., они немедленно прекращали выступления и распускали вооруженные формирования. Такая тактика не способствовала достижению стратегических целей, в том числе расширению автономии и самоуправления туркмен, обеспечению надежных гарантий их экономических и политических прав. Хивинские правители, пользуясь отсутствием единства среди племен и родов, легко, ценой незначительных уступок в налогообложении или земельно-водном вопросе, гасили антиправительственные выступления, а затем, когда ситуация переходила под их контроль, жестоко расправлялись с организаторами и зачинщиками. В то же время давно набравший «туркменский вопрос» продолжал оставаться нерешенным и взрывоопасным, постоянно служа одним из катализаторов мощных антиправительственных волнений, создавая очаги экономической, политической и социальной напряженности в самых разных районах ханства, населенных национальными меньшинствами.

Борьба идеологий, идей и идейных течений

Рост политической напряженности в Хивинском ханстве и усиливающееся противостояние социальных сил привлекли к себе повышенное внимание правящих кругов и политических организаций сопредельных стран Востока, в частности Турции. Несмотря на то что на рубеже XIX и XX вв. она сама переживала острейший экономический и политический кризис, вызванный засильем иностранного капитала, общей стагнацией ведущих отраслей — сельского хозяйства, промышленности и торговли, стремительным падением среди масс авторитета султана Абдул Хаида II, превратившего Османскую империю в полуколонию империалистических держав, определенные политические силы продолжали вынашивать идею о «единой родине» всех мусульман, создании на обширном пространстве «от берегов Адриатики

---

⁶² *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме. (Воспоминания). Рукопись. Копийный документ 1944 г. С. 28 об. Оригинал хранится в ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 609, л. 52—97.

до границ Китая» империи, которая объединила бы народы, имеющие общие исторические корни, общий язык, культуру и единую религию. «Идеал нашей нации и лидеров нашего народа, — откровенно заявляли идеологи движения, — уничтожение нашего... неприятеля с тем, чтобы получить тем самым возможность для возрождения естественных границ нашей империи, которая должна включать и объединять все ответвления нашей нации»⁶³. Особо выделялись среди них младотурки — представители молодой турецкой буржуазии и офицерства, объединившиеся вокруг общества «Иттифаки Таракки» («Единение и прогресс») ⁶⁴. Оно возникло в Стамбуле в 1889 г. и создало впоследствии опорные центры в целом ряде зарубежных стран. В общественно-политической деятельности младотурков в первом десятилетии XX в. вырисовывались два направления: 1) у себя на родине активисты движения вели самоотверженную борьбу против деспотизма Абдул Хамида II, за ограничение абсолютизма, восстановление конституции, разделение законодательной и исполнительной власти, ликвидацию иностранного вмешательства во внутренние дела Турции, достижение экономической и политической независимости; 2) за пределами родины буржуазно-либеральное начало, заложенное в младотурецком движении, отступало на второй план, основной программной целью становилось осуществление идей панисламизма и пантюркизма, хотя «исламский фактор» в их деятельности играл скорее подчиненную, чем определяющую роль как способ объединения вокруг Турции мусульманских народов и орудие в борьбе с экспансией империалистических государств. Лишь после турецкой революции 1908 г. ему стало уделяться больше внимания. Однако теперь об идеях конституционализма и парламентаризма, ликвидации феодально-абсолютистской власти и реформации ислама, просвещении масс, расширении прав и свобод личности, которые, безусловно, для своего времени являлись прогрессивными, заметным шагом вперед в условиях диктата феодального традиционализма, придавали движению младотурков особое общественно-политическое звучание и привлекательность, вызывая симпатии масс, уже не было и речи, словно так называемые «нетурецкие» народы для их «усвоения» еще не созрели. Этот двойственный подход к

⁶³ Цит. по: *Landau J. M. Pan-Turkism: from Irredentism to cooperation. 2d rev. and updated. London, 1995. P. 53.*

⁶⁴ Подробнее см.: *Feroz Ahmad. The Young Turks: The committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908—1914. Oxford, 1969; Hanioglu M. Ş. Preparation for a Revolution: the Young Turks, 1902—1908. Oxford, 2001; Howard D. A. The history of Turkey. Westport (Conn.); London, 2001; Shaw S. J. and Shaw E. K. History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Volume II: Reform, Revolution and Republics: The Rise of Modern Turkey, 1808—1975. Cambridge, 2002.*

важнейшим проблемам общественно-политического развития в политике младотурков обуславливал консервативный, а порой откровенно реакционный характер деятельности в зарубежных, в том числе сопредельных мусульманских странах. Наиболее контрастно он проявился в организаторской и идеологической деятельности эмисаров общества «Единение и прогресс» в государствах Центральной Азии, в частности, в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, Туркестанском генерал-губернаторстве, неизменно находившихся в сфере геополитических интересов султанской Турции и являвшихся объектами системных идеологических диверсий.

В феврале 1901 г. в Хивинское ханство из Турции прибыл некий Магомед-Шариф Абыл Хасанов⁶⁵, который представлялся как шейх Али-эфенди, и остановился у турецкого подданного Челаш-Ходжи. Прикрываясь сугубо миссионерскими целями, на деле Хасанов и Челаш-Ходжа энергично принялись за создание пантюркистской организации. К ним примкнул хивинский купец Мухаммед-Риза Мухаммед Шарипов, который, в свою очередь, вовлек в организацию из Шейх-Аббас-Вали (Шаббаз) муллу Искандера Сафаева и некоторых других. Учитывая то обстоятельство, что народы региона признают себя мусульманами и религия в их жизни занимает господствующее положение, руководители тайной организации попытались активно использовать этот существенный фактор в собственных целях. Они в начальный период деятельности занимались только вербовкой членов и нелегальным распространением в городах и сельской местности рукописных листовок религиозного содержания, настоянных на идеях панисламизма и пантюркизма. В них в рассчитанной на обывателя общедоступной форме рассказывалось о неких откровениях пророка Мухаммеда, якобы переданных им одному видному шейху Али, сидевшему у его гроба, о том, что ныне мусульмане становятся маловерующими; каждую неделю умирают 40 тысяч человек, и только 40 из них умирают праведными. В листовках говорилось и о падении нравов, об отсутствии уважения у детей к родителям, у младших — к старшим, о нарушении преемственности поколений и — как о неизбежном след-

---

⁶⁵ Вероятно, Хасанов был одним из активистов организации младотурков «Единение и прогресс», члены которой после массовых арестов 1894 — 1895 гг. бежали из Турции и обосновались во многих зарубежных странах. Поддерживая связи со своими эмигрантскими центрами в Париже, Женеве, Каире и других столицах, откуда поступали газеты и пропагандистские брошюры, они занимались популяризацией идеи создания единого мусульманского государства типа Османской империи под эгидой Турции, вербовали новых членов. На стыке 10—20-х гг. XX в. многие идеи младотурков были взяты на вооружение их последователями в Хиве и Бухаре — младохивинцами и младобухарцами. — *Примеч. авт.*

ствии общего игнорирования духовного начала и отступления от религии — скором наступлении конца света (*киёмат*).

«Откровения» распространялись не только на территории Хивинского ханства. В мае 1901 г. они были обнаружены и в Амударьинском отделе — на базарах Шейх-Аббас-Вали, города Петро-Александровска и др.⁶⁶ Обращаясь к явно сфальсифицированным откровениям пророка, сдобренным нравочтениями, связывая угрозу приближения всемирной катастрофы с вероотступничеством и падением нравов, авторы листовок акцентировали внимание читателей на необходимости «возрождения ислама», неотступного следования священным заветам пророка, неизменно указывающего «истинный путь» развития. Прикрываясь рассуждениями о значимости в жизни религиозного начала, они пытались внедрить в сознание масс мысль о несовместимости с исламом социально-экономических и политических реформ, не соответствующих предписаниям и нормам Корана.

Первым на след тайной организации напали тайные осведомители администрации Амударьинского отдела. Его агенты задержали Искандера Сафаева в центре Петро-Александровска во время распространения им агитационных листовок. На допросе тот признался, что «откровения» ему дал Мухаммед Шарипов, проживающий в Хиве, и «попросил читать как грамотного»⁶⁷. Однако истинные причины происхождения и распространения листовок, имена участников этой пропагандистской акции Сафаев скрыл. Умолчал он на допросах и о Магомед-Шарифе Абыл Хасанове.

Администрация Амударьинского отдела связалась с хивинскими властями и подробно информировала о случившемся. Канцелярия хана ответила незамедлительно и назвала имя настоящего автора листовок: им оказался турецкоподданный Магомед-Шариф Абыл Хасанов. Причем, как выяснилось, власти даже не подозревали о том, что в самой столице ханства на нелегальном положении развернула деятельность эмигрантская политическая организация, которая поставила своей главной задачей распространение идей панисламизма и пантюркизма, что могло дестабилизировать политическую обстановку в стране и осложнить отношения с Россией.

Аресты некоторых активистов пантюркистской организации в Шейх-Аббас-Вали и Петро-Александровске не испугали ее руководителей, так как «откровения» внешне действительно носили религиозный характер и не содержали открытого призыва к насильственному свержению законной власти или изменению существующей системы. Видимо, такие задачи перед ячейкой, созданной в Хиве, не ставились вовсе, и она ориентировалась на популяризацию панисламистских и пантюркистских идей.

⁶⁶ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 132, л. 1—5.

⁶⁷ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 132, л. 4.

Вскоре при содействии агентуры Амударьинского отдела ханские *бухриш* (агенты тайной полиции) выявили еще одну нелегальную ячейку (или группу) пантюркистов и панисламистов, обосновавшуюся в Новом Ургенче. Ее члены получали печатные издания из-за рубежа, о почерпнутых из них сведениях рассказывали на многочисленных базарах, в других общественных местах, среди своих близких. Как явствует из донесений тайной агентуры, большинство публикаций печати имели неприкрыто пантюркистскую направленность, пропагандировали среди хивинцев доктрину османизма. Так, в донесении, направленном начальнику Амударьинского отдела из Хивы не позднее 13 мая 1901 г., сообщалось: «Один ургенчский торговец 12 мая приехал в Хиву и разнес слух, что он вычитал из какой-то газеты, что будто бы предполагается образовать общее мусульманское государство, начиная с Турции, Персии, Афганистана и кончая Туркестанским краем»⁶⁸. Хотя источник информации в донесении точно указан не был, тем не менее вряд ли приходится сомневаться в том, что под «какой-то газетой» подразумевался печатный орган «Сиръат-и-Мустахим» («Праведный путь») тайного общества «Единение и прогресс», а ее распространителями могли быть тот же Магомед-Шариф Абыл Хасанов или Челаши-Ходжа. Вместе с тем процитированное сообщение проливает свет и на то, что в начале 1900-х гг. в Хивинское ханство поступали печатные издания из сопредельных стран, которые, независимо от политической ориентации, служили важным источником информации о событиях в жизни народов соседних государств и оказывали ощутимое влияние на формирование социально-политических воззрений хивинской национальной буржуазии и близких к ней по умонастроению либеральной интеллигенции, представителей некоторых других социальных слоев.

Появление «турецкого следа» в политических событиях в Хиве в разгар туркменских волнений, попытки младотурецких представителей основать в ханстве опорные базы, которые могли бы превратиться в плацдармы для открытого вмешательства в его внутренние дела и ведения антирусской агитации, таили в себе угрозу перерастания очагового, по сути, конфликта в общенациональный. Вместе с тем они были способны вызвать серьезные осложнения в российско-хивинских отношениях. Россия рассматривала султанскую Турцию в качестве потенциального противника, претендующего на роль гегемона в Центральной Азии, и потому ее участие во внутренних делах Хивы в какой бы то ни было форме при прямом попустительстве ханского правительства можно было расценить как недружественный шаг. Российские власти всерьез беспокоил и тот факт, что младотурецкие эмиссары открыто, по сути беспрепятственно, проникли на территорию Хивинского ханства и нашли немало единомышленников в среде

⁶⁸ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 132, л. 5 об.

молодой хивинской буржуазии и интеллигенции. Судя по активной поддержке, которая была оказана Магомед-Шарифу Абыл Хасанову и его сподвижникам, они симпатизировали идеям младотурков, несмотря на их противоречивый характер.

Администрация генерал-губернатора Туркестанского края весьма тщательно проанализировала непростую ситуацию, возникшую в связи с несанкционированной деятельностью в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе турецких эмиссаров. Предоставление им хивинской территории было расценено как отход от ранее принятых взаимных обязательств — не допускать враждебных действий по отношению друг к другу и не потворствовать им. Сеид Мухаммед Рахимхан II получил специальное послание генерал-губернатора Туркестанского края, в котором в дипломатичной форме предлагалось воспрепятствовать всякой незаконной деятельности турецких эмиссаров на территории Хивинского ханства и Амударьинского отдела. Идея на встречу пожеланиям российских властей. Сеид Мухаммед Рахимхан II принял решение о выдворении Магомет-Шарифа Абыл Хасанова из Хивы⁶⁹. Свернули свою деятельность и пока только начавшие формироваться «хивинская» и «ново-ургенчская» организации младотурков. Но их сторонники скрытно продолжали работу, создавая базу для утверждения пантюркизма, оказывая влияние на формирование идеологических воззрений определенных слоев, общественно-политической мысли в целом.

Попытки популяризации панисламизма и пантюркизма изначально были обречены, ибо их цели и задачи при внешней схожести в корне отличались друг от друга. Если сторонники «исламского единства» на основе общности религии допускали необходимость модернизации и реформирования общества на основе государственной независимости и суверенитета, на чем в свое время делал особый акцент и один из идеологов движения Ахмад Дониш (1826—1897) — бухарский ученый и государственный деятель, выпустивший множество реформистских трактатов⁷⁰, то пантюркисты, напротив, основываясь на языковой и отчасти историко-культурной общности народов, не признавая геополитических перемен, происходивших под воздействием общих закономерностей мирового развития на всех континентах и в конгломератах, — на первый план выдвигали создание единого государства тюркских народов, стержнем которого должна была стать Турция⁷¹. Эти противоречия носили неразрешимый характер. Поэтому сами движе-

⁶⁹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 132, л. 5 об.

⁷⁰ См.: *Jonson L. Tajikistan in the New Central Asia: Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam.* London; New York, 2006. P. 34.

⁷¹ См.: *Roy O. The new Central Asia: geopolitics and the birth of nations.* London; New York, 2007. P. 37, 40.

ния были раздираемы внутренними противоречиями, конфликтовали друг с другом. Провалилась и попытка примирить конфликтующие стороны под новой идеей «Туркизм, Исламизм и Европеизм», которую выдвинул в 1907 г. Али Хусейн-заде в своей статье, напечатанной в журнале «Фуязет»⁷². Она была решительно отвергнута пантюристами, которые критиковали панисламизм за то, что он якобы противодействовал объединению немусульман в Османской империи, и превозносили тюркизм как единственную реальную возможность союза всех мусульман, но опять-таки вокруг Турции⁷³. Это не ослабило разрыв, а расширило его, сделав противоречия в хрупкой коалиции неустранимыми, что и предредило судьбу движения, так и не сумевшего заявить о себе как о самостоятельной политической силе.

Нестабильность обстановки в Хивинском ханстве, являвшемся, наряду с Бухарой, одним из форпостов мусульманства, и возможность падения абсолютистской монархии и модернизации на восточный лад традиционных институтов путем приспособления к нормам буржуазного общества, могущие повлечь за собой реформацию исламских догм, побудили лидеров мусульманской общины России объединить усилия в борьбе с «иноверцами», за защиту чистоты религии. В 1903 г. в Нижнем Новгороде состоялся съезд российских мусульман, большинство делегатов которого представляли деловые круги — мелкую промышленную, торговую и ростовщическую буржуазию. Тон на форуме задавали алямион (заведующий учебной и хозяйственной частью) мусульманского медресе г. Казани Госмен-доган Боруди, его сподвижники Юсуп Шарафутдинов, некто Акчурин и др. Заявляя о том, что единственным средством возрождения мусульман являются защита ислама и служение священному Корану, они призывали к борьбе за «изоляция Востока от европейского капитализма»⁷⁴, т. е. ратовали за «национальный капитализм». Подобная постановка вопроса сама по себе была вовсе не нова. Еще в конце XIX в. основу буржуазно-националистических идей и концепций, зародившихся, например, в Афганистане, Турции, Иране, некоторых других мусульманских странах, составляли именно попытки доказать *совместимость* ислама с буржуазным реформаторством при условии неприкосновенности принципов и норм Корана, средневекового адата и шариата. Другими словами, восточными либеральными реформаторами исламизм использовался как орудие борьбы не за духовное возрождение мусульман, а за изгнание иностранного капитала из национальной экономики и с внутреннего рынка с тем, чтобы создать условия для предпринимательской деятельности своей *национальной* буржуазии¹¹

---

⁷² Landau J. M. Pan-Turkism ... P. 13.

⁷³ Там же. P. 14.

⁷⁴ ЦГА РУ, ф. Р-73, оп. 1, д. 94. л. 6.

утверждения господства нарождавшегося нового национального капитала. Лидеры мусульманской общины России, таким образом, лишь позаимствовали те умеренно либеральные идеи, которые были выработаны и испытаны до них на практике идеологами буржуазного реформаторства в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя там к видимому прогрессу они не привели.

В соответствии с решениями съезда по инициативе Г. Боруди в Киргизию, Туркестан, Бухарское и Хивинское ханства для популяризации панисламизма были снаряжены специальные агитационные группы. Они повели в государствах Центральной Азии широкую разъяснительную работу и, опираясь на помощь молодой интеллигенции из духовенства, стремились основать организации и ячейки с целью распространения религиозной литературы, вовлечения в движение молодых представителей нарождающейся национальной буржуазии и чиновничества, видных поэтов. Несмотря на все усилия, достичь каких-либо заметных результатов, по крайней мере в Хивинском ханстве, пропагандистским группам так и не удалось. Сведения об их организаторской и агитационной деятельности, к примеру, в период 1903—1905 гг. показывают, что вся «работа лишь ограничивается укреплением связи на местах»⁷⁵. Только в Бухарском эмирате, где религиозные догмы были традиционно сильнее, чем в Хиве, «панисламизм быстро завоевал себе большое место», но главным образом в среде национальной буржуазии, при этом благодаря Ибрагиму Гаспринскому и редактируемой им газете «Таржиман»⁷⁶ («Переводчик»), издававшейся с 10 апреля 1883 г. в Бахчисарае. Эта газета стояла на позициях активного сопротивления «европейскому капитализму», отдавая явное предпочтение «мусульманскому капитализму» на принципах исламизма, просветительству и «мусульманской общности», препятствуя консолидации буржуазно-демократических сил.

Следует, однако, признать, что многие решения съезда российских мусульман в Нижнем Новгороде, направленные на усиление агитационно-пропагандистской работы в Центральной Азии, а также деятельность активистов младотурецкого общества «Единение и прогресс» сыграли в целом заметную роль в устранении информационной изолированности Хивинского ханства, где не имелось собственных периодических печатных изданий. В страну из разных регионов России (Среднее Поволжье, Крым, Северный Кавказ и др.), а также из сопредельных восточных государств в буквальном смысле хлынул поток многочисленных газет и журналов разного идеологического и идейного направления. В Хиву, наряду с упоминавшейся газетой «Таржиман», выпускавшейся в Бахчисарае, начали поступать газеты «Вакт»

⁷⁵ ЦГА РУ, ф. Р-73, оп. 1, д. 94, л. 6.

⁷⁶ Под знаком ислама // Новый Восток. 1923. № 4. С. 88.

(«Время»), издававшаяся в Казани, и «Малюмат» («Информация»), печатавшаяся в Крыму на татарском языке, а также отдельные номера мусульманских индийских и турецких печатных изданий. В ханстве в разное время распространялись газеты и журналы «Турон» («Туран»), «Бухоро-и-Шариф» («Благородная Бухара»), «Таракки» («Прогресс»), «Садо-и Туркистон» («Голос Туркестана») и др. Почти все их публикации были пронизаны идеями консолидации мусульманской нации, «исламского пути» развития, единой «исламской экономики», прививали читателям мысль о некоей цивилизаторской миссии в мире «мусульман», их монолитном братстве, совместимости современного экономического, научно-технического и культурного прогресса с принципами «истинного ислама».

На несколько иных позициях стояла «Туркистон вилояти газетаси» («Туркестанская краевая газета»), издававшаяся в Ташкенте. В ней помещалась разнообразная информация о событиях в самых разных регионах империи. Будучи тесно связана с официальной пропагандой, «Туркистон вилояти газетаси» большое внимание уделяла популяризации политики царского правительства в Туркестане и других областях Центральной Азии, разъяснению решений российских властей, систематически знакомила своих читателей с новостями в экономической, политической и культурной жизни зарубежных стран. При очевидных недостатках, обусловленных тесной «привязанностью» публикаций к официальному курсу Российского правительства в области внешней и внутренней политики, газета играла заметную роль в популяризации прогрессивных идей.

Возникновение социал-демократического движения

В Хивинское ханство в начале XX в. впервые начали проникать идеи не только панисламизма и пантюркизма, но и российской социал-демократии, носителями которых были сосланные из России в регион Центральной Азии за «антиправительственную деятельность» видные активисты партии большевиков, участники волнений рабочих и крестьян, различных подпольных марксистских организаций не только из центральных районов империи, но и из Поволжья, с Урала, Кавказа, Дальнего Востока, Украины и др. Они шли в гущу хивинского общества отнюдь не одни, а с некоторыми передовыми русскими рабочими-специалистами хлопкоочистительных, маслобойно-мыловаренных предприятий, торговых, промышленных и финансовых фирм и компаний, матросами Амударьинской речной и Аральской военной флотилий. По данным источников, в Новом Ургенче, Хиве и других городах ханства находились десятки активистов революционного движения в России: среди них, например, А. С. Сафронов, Н. А. Андреев, А. М. Кисляков.

члены известного петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» С. Иванов и М. Леонов. Многие социал-демократы продолжительное время проживали в ханстве под негласным надзором полицейской службы администрации Амударьинского отдела и ее тайных осведомителей, находившихся не только в городах и селениях, где имелись промышленные предприятия и существенная прослойка пролетариев, но и при ханском дворе⁷⁷. Н. А. Андреев прибыл в Хиву еще в 1896 г., его соратники А. С. Сафронов, С. Иванов, М. Леонов — в 1898, А. М. Кисляков — ранее 1903 г. Они хорошо знали местные обычаи и языки, вели разъяснительную работу среди русских и местных рабочих, дехкан и ремесленников. Встревоженный наплывом в регион российских социал-демократов, губернатор Сырдарьинской области генерал Корольков, к ведению которого относился Амударьинский отдел, в отчете туркестанскому генерал-губернатору за 1902 г. не скрывал озабоченности тем, что носившие массовый характер ссылки из внутренних губерний «политически неблагонадежных лиц» в недалеком будущем могут привести в крае к непредсказуемым последствиям. «...Лица эти, — продолжал он далее, — секретно стали распространять противоправительственные учения и, пользуясь сношением с разными неблагонадежными лицами внутри империи, получали для дальнейшей рассылки в городах края... издания, до сего времени неизвестные местному населению. Привлекая рассказами молодежь, они вносят деморализующее влияние в среду учащихся, полунинтеллигентов, разночинцев и рабочих железнодорожников и других мастерских. Те же, которые, совершая путь по проходным свидетельствам, передвигаются по русским и туземным селениям, также сеют среди попутного русского и киргизского населения проти-воправительственные учения». Губернатор подчеркивал, что очень скоро «факты эти могут вызвать особенно тревожные последствия», и поэтому просил краевую администрацию прекратить высылки в область «политически неблагонадежных лиц». Прошение осталось без последствий. Спустя год, в очередном отчете за 1903 г., все тот же губернатор Корольков был вынужден снова обратить внимание краевой администрации на то, что «вредное влияние» политических ссыльных «остается в полной силе и поныне, ибо число этих лиц и вообще людей неблагонадежных с тех пор в значительной мере увеличилось и деятельность их сделалась смелее и решительнее»⁷⁸.

⁷⁷ Целый ряд агентурных данных, поступавших из Хивы в канцелярию начальника Амударьинского отдела, был составлен Н. С. Касьяненко, который служил фельдшером при дворе хивинского хана (см., например: ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 132, л. 5). В исторической литературе он, увы, без веских оснований преподносится как «стойкий революционер». — *Примеч. авт.*

⁷⁸ РГВИА, ф. 1276, оп. 17, д. 4, л. 308 об.—309; Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета... С. 52—53.

В администрацию Туркестанского края подобного рода обращения поступали систематически отовсюду. Несмотря на это, она, как и власти Амударьинского отдела, рассматривала регион, в том числе и Хивинское ханство, где организованного рабочего или дехканского движения не имело, традиции политической борьбы практически отсутствовали, а развитие общественной мысли отличалось существенным своеобразием, как наиболее подходящее место для изолирования «политически неблагонадежных». Явно преувеличивая значение местной специфики, российские власти не переставали видеть в ней сдерживающий фактор в эволюции антиправительственных выступлений внутри России. Вместе с тем они не учитывали того, что массовое перемещение из центральных регионов страны на ее окраины радикально настроенных против самодержавия элементов способствует возникновению *второго* «фронта» борьбы против царизма и его союзника — ханского абсолютизма как в Хиве, так и в Бухаре, неизмеримо расширяет ее социальную базу, вовлекая в классовую борьбу всех, кто недоволен существующей системой дискриминационных экономических и политических отношений, оппозиционно настроен и к царизму, и к феодальному абсолютизму.

Агитационно-пропагандистская работа активно велась социал-демократами прежде всего среди русской диаспоры, которая была далеко не малочисленной и социально неоднородной. Так, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г., в одном Хивинском ханстве насчитывалось 3,9 тыс. русско-подданных, составлявших 1046 хозяйств⁷⁹. Хотя сведения, относящиеся к рассматриваемому периоду, обнаружить не удалось, можно с большой долей уверенности предположить, что их численность к 1910 г. не только не сократилась, но даже увеличилась за счет расширения миграции рабочих и специалистов. Они представляли собой ту среду, где распространялись газеты «Русский Туркестан», «Самарканд» и другие издания, поступавшие в Новый Ургенч и Хиву, зарождались социал-демократические кружки, оказывавшие влияние на эволюцию общественной мысли и всю социально-политическую ситуацию в ханстве.

А. С. Сафронов, сосланный в Туркестанский край за деятельность в студенческих кружках Санкт-Петербурга, оказавшийся сначала в Амударьинском отделе, а затем в Хиве, первым предпринял попытку создать в ханстве марксистскую ячейку. К сожалению, какие-либо сведения о ее деятельности отсутствуют. Судя по воспоминаниям секретаря младохивинской партии Джуманияза Бабаниязова, написанным в

---

⁷⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 17.

конце 1920-х гг., в ней участвовали не только русские, но и представители местных национальностей. По тем же сведениям, в 1904 г. А. С. Сафронов выехал в Россию, участвовал в манифестации 9 января 1905 г. в Петербурге и в баррикадных боях, избирался делегатом III съезда РСДРП. В том же году он был арестован и приговорен военным трибуналом к смертной казни через повешение⁸⁰. Дело, начатое им в Хиве, продолжили его последователи, среди которых были и будущие идеологи и лидеры младохивинского движения.

С деятельностью А. М. Кислякова, Н. Д. Луценко, А. И. Качанова, Л. И. Кузнецова, Д. Д. Головяшкина и других связано зарождение первых марксистских кружков и в Новом Ургенче. Они были столь умело законспирированы, что их долгое время не могли раскрыть ни ханские бухрии, ни агенты царской охранки. Лишь в сентябре 1906 г. слесарь Амударьинской флотилии Д. Д. Головяшкин и поддерживавший с ним тесную связь телеграфист ст. Чарджуй Л. И. Кузнецов были арестованы в Амударьинском отделе по подозрению в принадлежности к подпольной «революционной боевой организации»⁸¹. При обыске на квартире Головяшкина, кроме нелегальных изданий, были обнаружены «ручной типографский станок со всеми необходимыми для печатания принадлежностями, с запасом нарезанной на четвертушки бумаги и с заготовленным набором шрифта воззвания под заглавием «К солдатам» от имени Туркестанского союза Российской социал-демократической рабочей партии»⁸², что и послужило поводом для ареста их жандармерией. Д. Д. Головяшкин и Л. И. Кузнецов были приговорены к ссылке в Сибирь⁸³. Первый возвратился в ханство в 1910 г. и работал механиком на хлопкозаводах в Хиве, Новом Ургенче, Ханках, Гурлене, Ташаузе и других городах. О дальнейшей судьбе его соратника Л. И. Кузнецова сведения отсутствуют.

На заводах, принадлежавших «Большой Ярославской мануфактуре», большую агитационно-пропагандистскую работу вел служащий Мошков. Он призвал рабочих добиваться повышения заработной платы, отмены поборов и штрафов, сокращения продолжительности рабочего дня, достигавшей 12—15 часов в сутки, улучшения условий труда. Доверенный мануфактуры 4 августа 1904 г. сообщал конфиденциально в Ташкент, правлению главной конторы, что Мошков «оказывает сильное влияние на других служащих», и просил перевести его в

⁸⁰ *Бабаниязов Д.* О Хорезмской революции. (Воспоминания). Рукопись. Копийный документ 1944 г. С. 1. Оригинал находится в ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 609, л. 7—49.

⁸¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 408, л. 7.

⁸² Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 976, л. 4—6. Цит. по: Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета... С. 102.

⁸³ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 408, л. 7.

Петро-Александровск⁸⁴. Правление главной конторы никак не отреагировало на обращение, ибо подобные сигналы поступали и из многих других городов региона, где имелись предприятия «Большой Ярославской мануфактуры». Оно, видимо, было твердо убеждено, что масштабы пропагандистской работы социал-демократов в Бухаре, Туркестане и Хиве несравнимы с тем, что имеет место в России, и поэтому в силовом вмешательстве нет необходимости.

В 1905—1907 гг. численность ссыльных социал-демократов в Хивинском ханстве увеличилась. Пользуясь прозрачностью его границ с Туркестанским генерал-губернаторством, сюда на жительство переехали десятки сосланных в край участников антиправительственных волнений в России: Н. С. Бондарев, В. М. Голиков и Ф. С. Спиридонов (Петербург), Н. М. Меринов (Владивосток), Е. Ф. Лезгин и П. А. Зубарев (Закавказье), Шулаев, он же Агапов, С. Клементьев, он же Калмыков (Уфа) и др. На территории ханства нашли убежище разыскивавшиеся царской охранкой Ф. Г. Николенко и А. Голубцов⁸⁵. Столь существенное усиление концентрации в относительно небольшом районе, включая Амударьинский отдел, настроенных оппозиционно к царскому самодержавию социал-демократических сил создавало условия для налаживания между ними повседневных и довольно тесных контактов, возникновения политических организаций, поставивших перед собой задачу *свержения* повсеместно самодержавных режимов и осуществления пролетарской революции. Вместе с тем благодаря сосланным из России социал-демократам местное население получало достаточно объективную, исчерпывающую информацию о революционных событиях 1905—1907 гг. в метрополии.

В Хивинском ханстве, как и в других регионах Центральной Азии, объектами деятельности социал-демократов являлись промышленные предприятия, где концентрировались рабочие кадры. Этот фактор имел важное значение, но не был определяющим. Эффективности политической агитации среди масс в огромной степени способствовали отсутствие у рабочих, как российских, так и местных, элементарных экономических и социальных прав, вопиющие условия труда на предприятиях, не отвечавшие даже тем требованиям охраны труда и техники безопасности, которые были введены на заводах и фабриках, действовавших на территории самой Центральной России. Пользуясь избыточностью дешевых трудовых ресурсов, предприниматели не проявляли заботы ни о техническом и технологическом обустройстве предприятий, ни о создании безопасных условий труда, внедрении социального страхования и медицинского обслуживания. Стратегия промышленного строительства осуществлялась таким образом, чтобы при

⁸⁴ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 15, л. 92—92 об.

⁸⁵ Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 351, л. 13, 40.

минимальных затратах на организацию производства извлекать максимальную прибыль. В своем отчете правительству граф К. К. Пален, совершивший длительную ревизорскую поездку по Туркестанскому краю, не сумел скрыть вопиющего положения в деле промышленного строительства в регионе. Он откровенно признавал: «Большая часть здешних заводов, принадлежащих русским подданным, выстроена и оборудована без всякого соблюдения требований технического благоустройства, гигиены и безопасности, паровые котлы на них установлены без всяких испытаний, медицинская помощь почти отсутствует, отношения хозяев и рабочих не урегулированы»⁸⁶. Характеристика, данная К. К. Паленом, вполне применима и к хлопкоочистительным, маслособойно-мыловаренным, кожевенным и другим предприятиям, расположенным на территории Хивинского ханства, причем принадлежавшим не только российскому, но и национальному капиталу, тем более что строились они зачастую по одним и тем же проектам, которые менялись с учетом объемов закупок и переработки сырья.

На предприятиях промышленности, особенно развитой перерабатывающей, независимо от принадлежности российскому или национальному капиталу, рабочие коренных национальностей — узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи — подвергались неприкрытой дискриминации, нещадной эксплуатации хозяевами и работодателями. Они именовались людьми «второй категории», в которую зачислялись все, чьи права не были оговорены никакими письменными гарантиями или обязательствами работодателей и чей труд не нуждался в нормировании, размеры его оплаты могли меняться произвольно в зависимости лишь от расположения управленцев. В упоминавшемся отчете графа К. К. Палена по этому поводу приводятся любопытные факты, показывающие бесправное положение рабочих заводов. Он, в частности, отмечал, что рабочие второй категории «пополняются преимущественно многочисленным контингентом безземельных и вообще малоимущих туземцев, отличаются низкой сравнительно расценкой своего труда, ограниченностью своих притязаний на праздничный отдых, которым они пользуются только по пятницам и в первые дни мусульманских праздников Байрама (речь идет о Курбан-хаите и Уразахаите. — М. Н.) и Нового года, и крайней нетребовательностью по отношению к хозяевам. Вследствие этого в тех несложных промышленных предприятиях, в которых производство зиждется главным образом на труде таких рабочих, последние... находятся в полной зависимости от хозяев, обычно никакой заботливости к их нуждам не проявляющих, в особенности в тех случаях, когда хозяевами являются

⁸⁶ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по величайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом (далее: *Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края...*). Ч. 1, отд. II. СПб., 1910. С. 332.

влиятельные туземцы — богачи (так называемые бай)... На подобных предприятиях, по отзывам областных механиков, весьма туго прививаются и такие мероприятия, как страхование рабочих, ограждение машин приспособлениями, предупреждающими несчастные случаи, санитарное благоустройство и т. п. В особенности это относится к заводам, находящимся в пределах Бухарского и Хивинского ханств»⁸⁷. Описывая положение на предприятиях достаточно объективно, К. К. Пален, к сожалению, допустил ошибку, полностью связав отсутствие на заводах условий для охраны труда, соблюдения техники безопасности, социального страхования с «крайней нетребовательностью» самих рабочих коренных национальностей «по отношению к хозяевам». Действительно, большая часть рабочих, не имея других источников доходов, были вынуждены терпеть лишения, трудиться в любых условиях. Однако отнюдь не по этой причине на предприятиях «туго прививались» мероприятия по охране труда и социальному страхованию. В них не были заинтересованы хозяева, стремившиеся извлечь максимум прибыли путем интенсивной эксплуатации рабочих при минимуме затрат на организацию и техническое оснащение производства.

Сохранились воспоминания и старейших рабочих хивинских предприятий. Так, например, А. Т. Пискунов, работавший на одном из хлопкоочистительных заводов хивинского торгового дома «Бр. Баккаловы» в Новом Ургенче, позднее вспоминал: «Условия труда на хлопкоочистительных заводах, да, впрочем, и на других предприятиях, были отвратительными. В цехах царили непролазная грязь, пыль. От начала сезона и до его окончания никакой уборки не производилось. Отсутствовала элементарная техника безопасности. О медицинской помощи не приходилось и мечтать». Только в случае серьезной травмы и большой потери крови потерпевший отправлялся в рабочую казарму «на отлежку». «Но это считалось крайностью, — подчеркивал А. Т. Пискунов. — Обычно старались переносить увечье на ногах — уважительных причин хозяева не принимали: не вышел на смену — заработка нет». Иногородние, главным образом из пригородных районов или правобережья Амударьи, размещались в при заводской глинобитной казарме, помещения которой, сырые и промозглые, напоминали скорее тюремные казематы: каждая из спален была рассчитана на 7—8 человек, а набивалось в них до 30; больные спали рядом со здоровыми⁸⁸. Работая в таких условиях до 15 часов в сутки, рабочие получали в месяц по 10—12 руб., в 3,5—4 раза меньше, чем конторские служащие. При этом, несмотря на крайне низкие расценки, значительную долю заработка часто поглощали различные штрафы и поборы.

⁸⁷ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Ч. 1, отд. II. С. 333.

⁸⁸ См.: Пискунов А. Т. Годы огневые. (Воспоминания). Нукус, 1970. С. 7—9.

Местные рабочие в основном были заняты на операциях, не требующих особых знаний и квалификации. Статистические данные на этот счет отсутствуют. Имеются, однако, относящиеся к Бухарскому эмирату сведения, позволяющие составить общую картину квалификационной структуры работников предприятий перерабатывающей промышленности также и по Хивинскому ханству. Судя по ним, на хлопкоочистительных заводах Бухарского эмирата русские рабочие и специалисты составляли 516 человек, или 6,8 %, а представители коренных национальностей (узбеки, таджики, киргизы и др.) — 7110, или 93,2 %. Из общей численности русских 444, или 88,8 %, работали при «двигателях», то есть были заняты квалифицированным трудом, тогда как в обслуживании различных машин и механизмов участвовали всего 64 представителя коренных национальностей, или же 11,2 % от их общей численности⁸⁹. Такая же картина наблюдалась и на хлопкоочистительных заводах Хивинского ханства, где подавляющее большинство местных рабочих, как уже отмечалось выше, выполняло неквалифицированную, а следовательно — низкооплачиваемую работу. Даже после многих лет работы на одном и том же предприятии и овладения профессиональным мастерством доминирующая их часть по-прежнему оставались разнорабочими, не имеющими перспективы для изменения характера своего труда и получения права доступа к «двигателям».

То, что русские рабочие занимались на производстве в основном квалифицированным трудом, не означало, что они находятся на привилегированном положении. Многие из них, как известно, являлись ссыльными, были под наблюдением полиции Амударьинского отдела и уже в силу этого положения не могли обладать в полной мере ни экономическими, ни политическими правами. Русские подвергались такой же беззастенчивой эксплуатации, что и рабочие коренных национальностей. Их могли уволить без всяких на то оснований, оштрафовать под надуманными предлогами, вовсе лишить заработной платы на период межсезонья, который мог длиться до 4—5 месяцев (май—сентябрь), в зависимости от сроков переработки старого урожая и поступления нового, и т. д. Это, безусловно, сближало и объединяло русских и местных рабочих, пробуждало в них тягу к взаимодействию и взаимопомощи, формировало единство интересов и устремлений. Поэтому выступления пролетарской массы, несмотря на ее пока малочисленность и многонациональность, отличались большей организованностью, сплоченностью, последовательностью и целенаправленностью, чем стихийные дехканские волнения, а также неизменной волей к победе.

⁸⁹ Манжара Д. И. Революционное движение в Средней Азии. 1905—1920 гг. (Воспоминания). Ташкент, 1934. С. 11.

Классовая солидарность рабочих Хивы с пролетариатом России впервые проявилась в период революции 1905—1907 гг. Заметим, что в ханстве, в отличие от других регионов империи, массовые *организованные* антиправительственные выступления в ту пору не наблюдались. Однако имеется немало свидетельств того, что первая российская революция нашла отклик в среде хивинских трудящихся. На хлопкоочистительных заводах, других промышленных предприятиях проводились агитационно-пропагандистские мероприятия (собрания, коллективные читки газет, прокламаций и т. п.), на которых популярно разъяснялись цели пролетарского движения, выдвигались экономические требования. Нелегальную литературу регулярно поставляли матросы Амударьинской флотилии, связанные с Чарджуйской организацией РСДРП. 27 ноября 1905 г. к общероссийской политической стачке присоединились рабочие и служащие Ново-Ургенчской почтово-телеграфной конторы⁹⁰. Это означало образование нового течения освободительного движения — революционно-демократического, знаменовавшего радикальный поворот в эволюции борьбы народов Хивы против колониального гнета и ханской деспотии.

С промышленных центров волнения перекинулись на окраины ханства, населенные туркменскими и каракалпакскими племенами. Как сообщалось 9 февраля 1906 г. в рапорте начальника сопредельной с Хивинским ханством Закаспийской области в администрацию края, местное население, кочующее в районе Узбоя, подробно осведомлено как о демонстрации 9 января 1905 г., так и массовых антиправительственных выступлениях в России. Проникшие в кочевья агитаторы, судя по рапорту, в популярной форме разъясняли, что «от какого-то большого племени „мужики“... являлись депутатами к брату белого царя и заявили, что они недовольны правительством и требовали другого правительства с участием представителей от них, но брат белого царя прогнал их и послал войска наказать их и что теперь в России идет война царских войск с „мужиками“»⁹¹. Эта весть, разрушавшая миф о несокрушимости самодержавия, вселяла уверенность и в туркмен, каракалпаков и казахов, побуждая усилить натиск на ханское правительство.

Первым вновь восстало племя кулли-иомудов. Оно, как и прежде, наотрез отказалось платить в ханскую казну налоги и подати. В районах Ташауза, Ильялы, Тахты, Газавата и Манака вновь объявились вооруженные формирования ряда туркменских племен, совершавшие

---

⁹⁰ ЦГА РУ, ф. И-43, оп. 2, д. 7, л. 98; Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета... С. 71.

⁹¹ См.: Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг.: Документы и материалы. Ашхабад. 1962. С. 190.

нападения на торговые фактории и караваны⁹². Этим они как бы выражали протест против политики хивинских властей и демонстрировали решимость с оружием в руках отстаивать свои экономические и политические права. Но на эффективности наступления на хивинские власти крайне отрицательно сказывалось отсутствие практической связи мятежников с другими оппозиционно настроенными к ханскому режиму силами, в том числе с городскими пролетарскими и полупролетарскими слоями. Это придавало дехканскому, по сути, движению, унаследовавшему из прошлого расплывчатость целей и стихийность, отсутствие общего руководства, очаговый характер, который не представлял серьезной угрозы ханскому правительству. Подобное вполне устраивало родоплеменную верхушку, а также те правящие «верхи», которые были кровно заинтересованы в нагнетании напряженности в обществе для удовлетворения личных амбиций. Примечательно, что даже в администрации Амударьинского отдела признавалось, что сами «ханские сановники поддерживают брожение среди туркмен»⁹³. Однако и при таком раскладе антиправительственные волнения туркменских племен и родов таили в себе взрывоопасный для режима потенциал, ибо в их основе лежали неразрешимые косметическими мерами антагонистические противоречия.

Стремительный рост политизации масс и усиление оппозиционных настроений представляли собой принципиально новое явление в общественной жизни Хивинского ханства начала XX в. Вместе с тем совершенно очевидно, что пестрота палитры идей, идеологии и политики, расплывчатость стратегических целей и практических действий, аморфность социальной базы, отсутствие опоры на массы ясно указывали на исключительную сложность и противоречивость созревания политического самосознания широких слоев масс, незавершенность процесса консолидации и дифференциации оппозиционных сил, стремившихся к обновлению феодального общества. Эти явления находились в динамичном состоянии и под воздействием объективных политических и социальных факторов постепенно трансформировались в ту или иную форму, принимая отчетливо выраженную идейно-политическую окраску.

Нельзя не отметить и то, что в рассматриваемый период ни одно из общественно-политических движений — не только панисламисты, но и пантюркисты и старообрядцы, а также немногочисленные, слабо связанные с массами социал-демократы не сумели организационно оформиться, создать легальные или нелегальные организации, четко и однозначно определить свое отношение к политической власти и ханскому режиму вообще, формы борьбы за реализацию собственных

⁹² ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 37, л. 64.

⁹³ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 42.

стратегических целей. Поэтому отнюдь не случайно, что в условиях прогрессирующего роста недовольства широких масс ханским режимом и разбалансированности политической обстановки Хивинское правительство сохраняло контроль над ситуацией в стране.

Однако кризис власти неумолимо надвигался. Его истоки лежали в антагонизме, который воспроизводился в недрах нуждавшегося в обновлении хивинского общества и проникал постепенно во все институты государства, делая неизбежным распад феодально-абсолютистского строя, в приверженности российской правящей элиты к догматизированным идеям, принципам непрямого управления, сформулированным еще в 60—70-е гг. XIX в. Эти два аспекта общего «политического портрета» хивинского общества, один из которых являлся прямым отражением внутривнутриполитического курса ханского правительства, а другой — восточной политики российских властей, были тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены: воспроизводство антагонистических противоречий подтачивало Хивинское государство и облегчало управление им «извне»; в то же время и сам ханский режим, расшатываемый внутренними противоречиями, не был способен существовать без внешней поддержки. На этом политическом фоне шло медленное, но необратимое пробуждение общественно-политической мысли, формировался базис для дифференциации и консолидации разнородных социально-политических сил хивинского общества на новых идеях и принципах, которые рождались под влиянием практики антиханской и антиколониальной борьбы, ставились на повестку дня самой жизнью.

Дифференциация социально-политических сил и эволюция общественных движений

В 1909—1910 гг. в эволюции общественно-политических течений и движений в Хивинском ханстве произошел коренной перелом. Относительное затишье, наблюдавшееся в политической жизни после подавления революции 1905—1907 гг. в России, сменилось существенной интенсификацией дифференциации социальных сил, невиданным подъемом активности различных слоев и групп хивинского общества. На политической арене обозначился ряд легальных, нелегальных и полунелегальных организаций и объединений, которые начали претендовать на роль единого лидера в руководстве народными массами и обновлении условий их жизни, провозгласили своей главной задачей преобразование традиционных институтов политической надстройки и экономических отношений. Часть организаций и объединений, при всей их малочисленности, отсутствии норм и положений, регламентирующих правила приема, обязанности и ответственность своих членов, обладали практически всеми атрибутами генизирующей *политической*

партии. Они имели руководящий центр, собственную идеологическую платформу, более или менее конкретную цель, выражавшую экономические, политические и социальные интересы вполне определенных слоев и групп хивинского общества и напоминавшую нечто наподобие программы действий. Нередко в роли «руководящего центра» организации или объединения выступал в единственном числе тот или иной государственный или общественный деятель, а коллегиальный (совещательный) орган представлял узкий круг его соратников и единомышленников, выработанные ими решения не протоколировались и, естественно, были практически недоступны для рядовых членов.

Первой в рассматриваемый период заявила о себе как о реальной политической силе в Хивинском ханстве находившаяся на стадии формирования *буржуазно-либеральная* партия Сеида Ислам-Ходжи — одного из самых видных и влиятельных сановников правительства Сеида Мухаммеда Рахим-хана II, ведавшего вопросами разработки и осуществления налоговой политики и обладавшего не только по роду своей деятельности, но и благодаря огромному авторитету среди различных социальных слоев и групп хивинского общества значительным влиянием на экономическую и социально-политическую жизнь ханства. Во многих исследованиях, например А. С. Садыкова, партия Ислам-Ходжи причисляется к джадидам и именуется *младохивинской* по аналогии с младотурецким обществом «Единение и прогресс». А. С. Садыков усматривает в ее деятельности усиливающееся влияние турецких буржуазных националистов и приверженность пантюркизму⁹⁴. Иного мнения придерживался И. В. Погорельский, рассматривавший Сеида Ислам-Ходжу как выразителя интересов еще только зарождающейся хивинской национальной буржуазии, настроенного пророссийски, одного «из немногих ханских сановников, понимавших необходимость серьезных изменений в ханстве, связанных с изменением и ростом его экономики»⁹⁵. С. Зиманов, так же как и А. С. Садыков, относит Ислам-Ходжу к представителям джадидов и сторонников реформы школы, введения новых форм образования, причем он не видит никаких различий между ним и другим крупным сановником ханского двора — Хусаин-беком⁹⁶, который, как известно, стоял на иной, полярно противоположной идейно-политической платформе. Временный союз, заключенный между ними в 1910 г., накануне смены правительства в Хиве, означал вынужденный компромисс двух противоборствующих сил. Просуществовав немногим более года, он рас-

⁹⁴ См.: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX в. С. 130—131, 141.

⁹⁵ Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства... С. 64, 75.

⁹⁶ См.: Зиманов С. З От освободительных идей... С. 53.

пался при первых же идеологических, стратегических и тактических разногласиях в решении вопроса о путях реформирования общества, наглядно обнажив при этом свою аморфность.

Деятельность партии Сеида Ислам-Ходжи заслуживает специального рассмотрения, что и будет сделано ниже. Здесь же хотелось бы заметить, что ее зарождение действительно не было лишено определенного влияния младотурецкого общества «Единение и прогресс». Но на этом аналогии заканчиваются. Сеид Ислам-Ходжа, как свидетельствуют источники, действительно внимательно изучал турецкие газеты, которые лично получал из Константинополя. Однако его политические пристрастия не замыкались на пропагандируемых ими идеях. Важно иметь в виду, что в разные годы в составе хивинских правительственных делегаций он часто бывал в России, в течение ряда лет поддерживал тесные и достаточно широкие связи со многими видными представителями ее правящих и деловых кругов. Свободно владея русским языком, Сеид Ислам-Ходжа пристально следил за политическими перипетиями в центре империи по многочисленным российским и туркестанским периодическим изданиям⁹⁷. Он имел — и это не стоит отрицать — регулярные контакты и с татарскими джадидами (Хабир Абдирашитов, Давид Бакиров, Мухтар Бакиров и др.), которые работали учителями в основанной на его собственные средства новометодной школе в Хиве⁹⁸, получал также татарские газеты («Таржидман», «Вакт»), пропагандировавшие панисламистские и пантюркистские идеи. Вне поля его зрения вряд ли оставались и туркестанские издания «Хуршид», «Таракки», «Туран», не говоря уже о влиятельной «Туркистон вилояти газетаси» и других официальных печатных органах, на страницах которых был представлен весь спектр либеральных воззрений молодой туркестанской буржуазной интеллигенции. Словом, имеются все основания сказать о том, что идейные воззрения Сеида Ислам-Ходжи формировались под влиянием *общеполитической* информации широкого спектра. Поэтому считать его идеологом хивинских джадидов, стоявших на просветительских позициях, или пантюркистом, по меньшей мере, небесспорно. Он не мог принадлежать и к движению младохивинцев, которое возникло несколько позднее, после гибели Сеида Ислам-Ходжи, но во многом благодаря его деятельности.

Политические взгляды Сеида Ислам-Ходжи впитали в себя очень многое из практики самых разных, порой диаметрально противоположных общественно-политических движений. Все же определяющим фактором, обусловившим его деятельность, были в первую очередь объективные экономические и политические потребности Хивинского

⁹⁷ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 19 об.

⁹⁸ Там же, ф. И-73, оп. 1, д. 94, л. 6.

ханства. Своеобразным программным заявлением Сеида Ислам-Ходжи и формировавшейся им и единомышленниками буржуазно-либеральной партии следует считать интервью, данное газете «Туркестанский курьер», но опубликованное по роковой случайности уже после его убийства — 21 августа 1913 г. Отметив позитивное значение военно-политического союза с Россией для сохранения стабильности внутри страны, он особо подчеркивал, что отныне «все свои силы ханство должно употребить на внутреннее развитие. Прежде всего **образование**, потом **торговля** и **промышленность**. Пора Хиве исключить себя из списка полудиких азиатских государств» (выделено нами. — М. Н.). Имея в виду необходимость расширения политических и гражданских прав, Сеид Ислам-Ходжа в заключение интервью заявлял: «Народ должен вздохнуть свободнее». Как видим, здесь нет даже намек ни на исламское, ни, тем более, на тюркское единство, во главу угла ставятся те важнейшие экономические и политические проблемы, от решения которых зависит прогресс хивинского общества. Бесспорно, официальный орган краевой российской администрации вряд ли обнародовал бы заявление иного рода, не укладывающееся в традиционные рамки. Не может быть сомнения и в том, что ответы Сеида Ислам-Ходжи тщательно «корректировали» как в администрации края, так и во внешнеполитическом ведомстве, чтобы выхолостить из них положения и выводы, противоречащие принципам российской пропаганды на Востоке. Обращает на себя внимание то, что в интервью не нашлось места для таких актуальных вопросов, как реформирование власти, модернизация системы управления, которые, безусловно, в той или иной форме присутствовали в политике и практике партии Сеида Ислам-Ходжи. Но даже при всем этом нельзя не отдать должное тому, что в его заявлении емко и верно схвачены наиболее животрепещущие, требовавшие первоочередного и безотлагательного решения проблемы, вокруг которых действительно могли сплотиться здоровые силы хивинского общества, заинтересованные в становлении на путь подлинного общественного прогресса, реальном ускорении социально-экономического и политического обновления страны. Это признавали и в кругах, близких к российской правящей элите.

Прагматизму партии Сеида Ислам-Ходжи, отдавшей предпочтение эволюционному пути развития, противостояло не менее влиятельное крайне радикальное крыло буржуазных реформаторов, сплотившихся вокруг нового начальника ханской канцелярии — *диванбеги* Хусаинбека, сына небезызвестного Матмурада-диванбеги. В его общество входили состоятельные представители деловых кругов, в том числе глава торгового дома «Бр. Баккаловы» Матвафа Баккалов и многие другие торговцы, промышленники и землевладельцы, настроенные на вытеснение из хивинской экономики и с внутреннего рынка российских предпринимателей, предоставление национальному торговому и

промышленному капиталу большей свободы действий. Воспользовавшись тем, что сторонники крайних радикалов занимали ключевые посты в правительстве (брат Хусаин-бека Амангельды, недавно потерявший пост главы Ильялынского бекства, оказался советником при хане, а Шейхназар-бай, лишившийся управления Куны-Ургенчским бекством, стал командовать ханскими регулярными войсками — нукерами), обладали значительными финансовыми средствами, они не исключали возможности открытой борьбы за монополизацию власти и выдвижение на ханский трон человека, придерживающегося близких им политических взглядов. Более того, Хусаин-бек, симпатизировавший младотуркам и программе революции 1908 г. в Персии, стремился при любом благоприятном стечении обстоятельств взять бразды правления государством в свои руки, ввести в ханстве конституцию и республиканскую форму правления во главе с президентом. Указывая на его претензии на власть, начальник Амударьинского отдела в рапорте на имя генерал-губернатора Туркестанского края особо отмечал, что Хусаин-бек Матмурадов ведет все дело к тому, чтобы «стать самому президентом Хивинской республики и изгнать затем из хивинских владений всех русских»⁹⁹. Ставя вопрос о власти и антироссийскую ориентацию во главу угла программной цели, руководство крайних радикалов не учитывало ни расстановку политических сил в ханстве, ни подлинные национальные интересы. Что касается представителей крупного капитала, примкнувших к Хусаин-беку, то те рассматривали деятельность зарождающейся партии как не более чем выгодное вложение капитала.

Лидером хивинских джадидов, идеологом просветительского движения являлся Палваннияз-Ходжи Юсупов. Родился он в 1861 г. в Хиве, окончил конфессиональную школу. Рано лишившись родителей, воспитывался у дяди Юсуп-бая, занимавшегося торговлей. Вместе с ним по торговым делам бывал в России, Египте, Турции, Сирии. Упорно занимался самообразованием, стал одним из довольно образованных людей своего времени. Не сумев попасть в число сановников ханского двора, даже в рядовые секретари канцелярии правительства или хотя бы в число приближенных шейх-уль-ислама по причине своей принадлежности не к высшему, а в общем-то к среднему сословию. П.-Х. Юсупов, вместо того чтобы заняться сугубо религиозной деятельностью, открывает в городе Хиве несколько небольших торговых лавок и занимается предпринимательством. Но и это ненадолго. По свидетельству его друга и соратника Д. Бабаниязова, находившегося у самых истоков младохивинского движения, Палваннияз-Ходжи познакомился в Хиве со ссыльным социал-демократом Сафроновым, вокруг

---

⁹⁹ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 370, л. 198.

которого собиралось немало местной молодежи¹⁰⁰. Это знакомство пробудило в нем интерес к политической деятельности, но он сразу категорически отмахнулся от социал-демократических идей. Человек глубоко религиозный, Юсупов считал, что путь к реформированию общества лежит в просвещении людей, модернизации норм и принципов ислама и шариата в соответствии с требованиями времени, но без всякой «европеизации», при строгом следовании требованиям Корана.

На формирование идейных взглядов Юсупова решающее влияние оказали не русские социал-демократы, а идеологи панисламизма, особенно духовные лидеры джадидов туркестанских — Махмудходжа Бехбуди (Самарканд) и татарских — Госмендоган Боруди, для которых были наиболее характерны нетерпимость к любым религиям, кроме ислама, откровенно враждебное отношение к социал-демократическим и иным левым идеологическим воззрениям, в том числе мелкобуржуазным. Так, противопоставляя нормы адата и шариата программным принципам партии социал-демократов, Бехбуди на страницах газеты «Хуршид» 11 октября 1906 г. безапелляционно заявлял: «Идеи социал-демократической партии являются иллюзиями, и примыкать к этой партии для наших мусульман весьма вредно. Раздел социал-демократической программы по финансовым, семейным и другим вопросам совершенно неприемлем как с точки зрения шариата, так и в других отношениях»¹⁰¹. Ту же мысль он высказывал и в газете «Таракки» (1906 г., № 24), где опять-таки подчеркивал, что вступление в социал-демократическую партию может принести мусульманам «огромный вред. Программа социал-демократов стоит вне шариата».

Примерно такой же точки зрения придерживался и Госмендоган Боруди. Правда, у него приверженность панисламистским идеям и принципам, лозунгу «мусульманского единства» не сводилась к критике социал-демократии. Он считал необходимым отказ от догм, переосмысление роли и места ислама в обществе, очищение его от наслоений с тем, чтобы усилить его роль и значение как объединяющего народа инструмента.

Цели просветительства П.-Х. Юсупов и его соратники понимали весьма специфически. Если, например, иранские, турецкие, афганские, индийские просветители XIX и XX вв. получили среди различных слоев общества заслуженную популярность, систематически подвергались гонениям властей за их научные, поэтические трактаты и острые публицистические выступления, направленные против абсолютизма, призывавшие массы овладевать современными научными знаниями, если их титаническими усилиями внедрялись такие понятия,

¹⁰⁰ Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 1.

¹⁰¹ Цит. по: Очерки истории Компартии Туркестана. Ташкент, 1958. С. 114.

как «конституция», «парламент», «демократия», то хивинские просветители видели свою задачу в организации дискуссий в узком кругу, чтении газет и обмене мнениями. Они, словом, не имели более или менее четкого представления о направлении и конечных целях деятельности, боялись борьбы с властью и не помышляли «идти в люди». Политическая беспомощность и близорукость хивинских джадидов, боязнь конфронтации с ханским режимом и склонность к постоянным компромиссам нашли отражение и в воспоминаниях самого Палваннияз-Ходжи Юсупова, отличающихся недосказанностью, половинчатостью. «Да будет вам известно, — писал он, — что после японской войны (речь идет о русско-японской войне 1904—1905 гг. — М. Н.) создана была Государственная дума, начали выходить разные революционные газеты.

До этого я читал газету «Таржиман», часто задумывался над тем, когда исчезнет тиран Асфандияр и наша страна станет свободной. Газеты, выходившие после японской войны, писали разные статьи о прогрессе. Я выписал и читал несколько таких газет, журналов. После этого моя решимость крепла с каждым днем, я начал бороться за свободу. Ко мне присоединились несколько свободолюбивых друзей, с которыми мы обсуждали вопросы, касающиеся свободы». Не уточняя, о какой «свободе» идет речь и какой смысл он и его сторонники вкладывали в это понятие, далее в числе единомышленников Юсупов называет все того же небезызвестного Хусаин-бека Матмурадова, его братьев Шейхназарбая-ясаулбаши и Амангельды-сердара, а также Мухаммедьяр-бая, Хасан-Али Акбарова, Худайбергена Дива-нова, Атаджан-махрама, Назара Шаликарова, Бабаджан-бая и др.¹⁰² — людей самых разных политических убеждений, многие из которых имели к просветительскому движению в лучшем случае косвенное отношение, а среди младохивинцев появились где-то в 1914—1917 гг. с собственной программой как самостоятельная группа (или фракция). Так, например, Хусаин-бек и его братья в 1909 г. вели борьбу за усиление личного влияния на политику хивинского двора, и говорить о каких-то их связях с Юсуповым нет никаких оснований. В руководстве младохивинцев Хусаин-бек и Назар Шаликаров появились в 1914 г. Видимо, Юсупов называет их в числе сторонников с единственной целью — он хочет придать своей организации больший вес, включив в нее политические фигуры, так или иначе известные в хивинском обществе. В то же время вызывает удивление, что он практически не ссылается на Сеида Ислам-Ходжу, чья деятельность послужила толчком к формированию младохивинского движения, а разработанные им программы

---

¹⁰² Палваннияз Ходжи Юсупов. История младохивинцев. Воспоминания / Под ред. А. Сатлыкова и М. Матниязова. Ургенч: Хорезм, 2000. С. 76—77 (на узб. яз.).

впоследствии легли в основу его стратегии и тактики. Впрочем, Юсупов фактически умалчивает о своих первых контактах и со ссыльными российскими социал-демократами, знакомство с которыми, по свидетельству Д. Бабаниязова, произвело на него сильное впечатление.

В рассматриваемый период в Хивинском ханстве активизировалась деятельность и социал-демократов. Несмотря на их малочисленность, они, тем не менее, представляли внушительную силу, ибо обладали опытом организаторской и политической работы среди масс, борьбы с самодержавием в ее различных формах, имели ясную стратегию и тактику преобразования экономической и социально-политической жизни общества и, что особенно важно, — опирались на конструктивную в своей основе программу по национальному вопросу, провозгласившую право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Вместе с тем находившиеся в ханстве российские социал-демократы пока еще не имели собственной организации, способной играть роль единого руководящего центра¹⁰³. Они были вынуждены по-прежнему ограничиваться созданием на промышленных предприятиях в наиболее крупных городах способных при благоприятных условиях объединиться малочисленных ячеек и кружков, куда вовлекали преимущественно российских рабочих и мастеровых.

Несмотря на это, агитационная и пропагандистская работа социал-демократами велась — и это следует признать — целеустремленно и достаточно эффективно. Характеризуя состояние настроения рабочих масс Хивы осенью 1909 г., один из чиновников внешнеполитического ведомства России, только что побывавший в ханстве, констатировал, что «заводские рабочие, мастеровые сплошь и рядом буйствуют, и на них нет никакой управы»¹⁰⁴. Из этого можно заключить, что подавление первой русской революции 1905—1907 гг., начавшийся разгул реакции, охвативший Россию, и нападки панисламистов, неизменно представлявших социал-демократов в образе врагов ислама и шариата, не сломили их решимость, не смогли ослабить образовавшийся между ними и пролетарскими слоями ханства союз.

Примерно в 1908—1909 гг. в Хиве возникла еще одна крупная политическая организация — консервативная партия *ортодоксального* духовенства, поставившая своей задачей противодействие каким бы то ни было нововведениям в стране и захват власти. Она стремилась объ-

---

¹⁰³ Возможно, такой руководящий центр существовал на нелегальном положении в г. Новый Ургенч, где была сконцентрирована подавляющая часть ссыльных российских социал-демократов. На этот счет имеется немало косвенных свидетельств. Однако документов, подтверждающих это предположение, пока обнаружить не удается. — *Примеч. авт.*

¹⁰⁴ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 656, л. 4 об.

единить вокруг себя все наиболее консервативно настроенные силы хивинского общества, в том числе и из представителей правящей верхушки. «...Духовенство со многими сановниками, — сообщал начальник Амударьинского отдела в администрацию туркестанского генерал-губернатора, — образovalo так называемую партию старого порядка, стремление которой сводится к тому, чтобы в случае смерти хана вызвать беспорядки и посадить на престол своего претендента, бывшего наследника Хивы (имеется в виду Мухаммедьяр-тура. — М. Н.), а может быть, вызвать и священную войну, как о том ходят слухи, или же повторить андижанскую резню»¹⁰⁵. Тесное сращивание ортодоксального духовенства и консерваторов из числа ханских сановников наблюдалось и прежде. По сути, они мало чем отличались друг от друга, так как, находясь на общей идеологической платформе, руководствовались одними и теми же нормами и принципами адата и шариата. Новым же было то, что духовенство, обладавшее огромным влиянием на массы, на выработку внутренней и внешней политики правительства, никогда раньше не ставило вопрос о борьбе за власть столь открыто и бескомпромиссно. Раньше оно предпочитало участие в государственных делах в качестве наблюдателя, влияние на политику ханского двора извне. Теперь положение изменилось.

Наметившиеся в Хивинском ханстве дифференциация и консолидация разных социальных сил, стремление создать *политические* организации, способные объединить и повести за собой массы, — явления закономерные. Они аккумулировали крайне сложные и противоречивые процессы, протекавшие в социально-классовой структуре хивинского общества, развитии общественно-политической мысли под воздействием целого ряда причин объективного и субъективного порядка.

Понятно, что Хивинское ханство, находясь в роли протектората Российской империи, существовало не как всецело изолированное от внешнего мира государство. Оно являлось одним из звеньев в единой цепи стран, которые образовывали в узком плане Центральную Азию, а в широком — Евразийский конгломерат, и, естественно, не могло не испытывать на себе их воздействие.

Общественно-политическая жизнь эволюционирует или, напротив, имеет способность к стагнации и деградации под влиянием двух факторов: *внутренних*, аккумулирующих в себе сложную динамику экономических, политических и социальных процессов, происходящих внутри данного общества, и *внешних*, отображающих явления, которые происходят в едином геополитическом пространстве. Это влияние не всегда может быть абсолютным. Оно становится несущественным, если обнаруживается диспропорция между внутренними условиями и

---

¹⁰⁵ РГВИА, ф. 1422, оп. 1, д. 1, л. 39—40; Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 134.

внешними факторами: первые для адекватного восприятия внешнего воздействия могут «не созреть», как это произошло, к примеру, с откликами в Хиве на буржуазную революцию 1905 г. в России, когда разнородные социальные силы, вышедшие на арену политической борьбы, не сумели выработать общую программу политических действий и, в отличие от Туркестана, почти оказались на обочине общероссийского революционного процесса. В то же время, на наш взгляд, вряд ли стоит отрицать тот факт, что отсутствие адекватного отклика ни в коей мере не означает полного отрицания существования очевидных связей между усилением борьбы российского рабочего класса против царского самодержавия и ускорением внутренних политических процессов в самом хивинском обществе. Оно дало импульс активизации политических сил, пробудило их от спячки и стимулировало развитие тенденций, способных радикально изменить социально-политический облик Хивинского ханства и хивинского общества.

Опыт истории убеждает, что внутренние и внешние факторы на общественно-политическую ситуацию наиболее эффективно воздействуют только тогда, когда само общество ощущает в них объективную *потребность*, то есть «созревает» для восприятия нетрадиционных явлений. При этом отнюдь не обязательно, чтобы взаимодействие внутренних и внешних факторов было синхронным, совпадало во времени. Даже в государствах, находящихся в общем геополитическом пространстве, такое наблюдается чрезвычайно редко, ибо каждое из них отличается друг от друга специфичностью собственных экономических, политических, социальных институтов, составляющие части которых разнообразно реагируют на внешнее воздействие. Поэтому вполне закономерно, что на практике мы часто имеем дело с «запоздалым» откликом внутри страны на то или иное историческое событие. Очевидно, следует иметь в виду и сложности, связанные с распространением информации, особенно если речь идет о начале XX в., когда средства связи между, например, Россией и Хивой, как, впрочем, и некоторыми другими государствами Евразийского конгломерата, были далеки от совершенства и не достигли современного уровня. Вот почему при рассмотрении тех или иных исторических процессов, происходивших в Хивинском ханстве в начале XX в., важно избегать их искусственного «привязывания» к хронологии российских событий. Попытки подобного рода, часто применявшиеся прежде, не способствуют объективному раскрытию сути явлений и вносят в исследование элемент конъюнктурщины, порождая у читателя недоверие к предмету.

Столь же неправомерно стремление авторов как бы «не замечать» существования связи между событиями в общественно-политической жизни Хивинского ханства и глубинными историческими процессами, происходившими в других государствах региона, с которыми оно подерживало традиционные связи, — Афганистане, Турции, Персии, а

также Индии, где имелась многочисленная мусульманская диаспора. Разумеется, суть их взаимообусловленности не укладывается в привычные рамки прежних теорий и представлений о *едином* революционном процессе, разворачивавшемся на обширном пространстве, о характере взаимодействия его различных потоков и роли национально-освободительных революций. Ни в коей мере не отрицая и даже не умаляя определяющего значения русской революции 1905 г. в «пробуждении Азии», в то же время необходимо учитывать существование и обратной связи — воздействия «пробуждения Азии» на ситуацию в странах Евразийского конгломерата, в том числе и Российской империи. Не случайно В. И. Ленин в 1908 г. отмечал, что «у русской революции есть великий международный союзник и в Европе и в Азии...»¹⁰⁶, имея в виду резкий подъем национально-освободительного движения угнетенных народов Востока, которое оказывало влияние на характер и особенности борьбы народов всего региона, в том числе и Хивинского ханства, за подлинно демократическое переустройство общества. Отрицать всю справедливость этого замечания — значит покинуть почву историзма и объективизма.

Всплеск как дифференциационных, так и консолидационных процессов, отмеченный в общественно-политической жизни ханства в 1908—1909 гг., усиление антиправительственных настроений и недовольства различных социальных слоев и групп консервативной политикой российских властей указывают на то, что на социально-политическую обстановку в Хивинском ханстве, наряду с первой русской революцией 1905 г., ощутимое влияние оказывали и мощное антианглийское восстание, вспыхнувшее в 1906 г. в индийском Лагоре, и деятельность «Демократической партии Ирана» и революции 1905—1911 гг. в Персии, приведшие к свержению шаха и введению конституции, и правительственный переворот 1908 г. в Турции, ознаменовавший победу движения младотурков за умеренную демократизацию общества. Примечательно, что В. И. Ленин, не раз подчеркивавший решающее значение борьбы российского пролетариата для расширения национально-освободительного движения народов Азии, в 1913 г. впервые недвусмысленно указывал на то, что революционный процесс после 1905 г. в России и соседних восточных странах — звенья *единой цепи*. Он, в частности, писал, что «революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего „востока“»¹⁰⁷. Являясь звеньями единой цепи, они оставляли свой след и на эволюции общественно-политических движений

---

¹⁰⁶ Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 182.

¹⁰⁷ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

в Хивинском ханстве. Очевидно, что революции, охватившие обширный конгломерат, были направлены против феодализма и колониализма, осуществлялись под разными лозунгами. Они отличались и спецификой социальной базы, преследовали различные цели. При всем том объединяющим началом для них служили борьба за достижение национальной независимости, реформирование феодального общества, стремление расчистить «столбовую дорожку» для буржуазного преобразования общественной жизни. Опираясь на широкие народные массы, лидеры общественных движений — большей частью выходцы из правящей элиты или представители национального капитала — добились привилегий для своего класса — законодательного закрепления введения общедемократических прав, свобод, ограничения конституцией, парламентом и другими институтами абсолютистских форм правления, установления контроля за деятельностью в стране иностранного капитала, расширения статуса нарождающейся национальной буржуазии и т. п. Революционный «потенциал» восточных демократов этим оказывался исчерпан. Общество «Единение и прогресс» в Турции, «Демократическая партия Ирана», другие буржуазно-либеральные партии стран Востока тогда еще не осознавали до конца необходимости коренного реформирования общества, последовательной антиимпериалистической борьбы и, не получив ожидаемой поддержки со стороны народных масс, оказались лицом к лицу с оголтелой феодальной реакцией, были вынуждены сдать завоеванные позиции, свернуть реформаторскую деятельность.

Главная движущая сила общественных движений во всех странах — народные массы и в новых социально-политических условиях по-прежнему оставались в плену острых противоречий между трудом и капиталом, народом и властью, ибо сохранялся антагонизм между эволюционирующими производительными силами и отсталыми производственными отношениями, между политическим бесправием масс и концентрацией рычагов управления государством, его традиционными институтами в руках привилегированного сословия. Массы нуждались в политическом лидере, способном сплотить и поднять их на борьбу за свои азбучные права, и оставались, если не считать эпизодических антиправительственных волнений, сторонними наблюдателями социально-политических процессов.

Зародившиеся в Хивинском ханстве оппозиционные партии и общественные движения, безусловно, впитывали в себя зарубежный опыт, стремились подражать тем политическим силам, чья программа и практика деятельности казались более привлекательными и успешно применимы в специфических условиях страны. Так, хивинская социал-демократия ощущала себя неотъемлемой частью общероссийского социал-демократического движения и сосредоточивала усилия прежде всего на реализации программы РСДРП(б). Другие общественно-

политические движения (панисламисты, пантюркисты, просветители, старообрядцы и др.), естественно, ориентировались на те течения в Российской империи, соседних странах Востока и Азии, программные цели которых соответствовали их представлениям о строительстве национальной государственности, его экономическом и политическом обустройстве. В агентурных сведениях, направлявшихся из Хивы в канцелярию начальника Амударьинского отдела капитаном Сергеенко в августе 1909 г., неоднократно подчеркивалось, что в ханстве имеются политические силы, уже взявшие на вооружение стратегию и тактику борьбы с официальными властями, давно испытанные в соседних странах. Хусаин-бека и его сторонников, отмечал, например, Сергеенко 13 августа, «сильно увлекают персидские события и возможность захвата ханского престола кажется весьма легкой и заманчивой»¹⁰⁸. Сторонники пантюркистов, напротив, резко отвергали лозунги иранской революции и отдавали предпочтение ориентации на Турцию. Они были убеждены, что Хивинскому ханству необходимо освободиться от влияния России и избрать близкую по духу турецкую модель развития. Принося в жертву политическим амбициям независимость Хивинского ханства, пантюркисты вместе с тем утверждали, что оно, как слабое и незащищенное, по сути «марионеточное» государство выиграло бы «больше, войдя в состав какой-нибудь империи. Само собою, было бы очень хорошо, если бы этой империей оказалась Турция»¹⁰⁹. Такая же форма «объединения» предлагалась не только для Хивинского ханства, но и для Бухарского эмирата. При этом о восстановлении и укреплении их государственной независимости не было и речи. Вот почему, несмотря на неизменное апеллирование к исторической общности, и в Хиве, и в Бухаре, как и в целом в Центральной Азии, так и не удалось создать «благоприятные условия для пропаганды националистических идей, даже пантюркизма»¹¹⁰, — так считают даже многие западные исследователи.

Панисламисты были фанатично одержимы идеей просветительства, что, по их мнению, должно было служить духовному возрождению нации, а через него — возврату к «истинному исламу». На первый план они выдвигали открытие новометодных школ, апеллируя к опыту мусульманских районов России и Туркестана, где школьное строительство эффективно использовалось в качестве одного из механизмов примирения старых исламских принципов и светских мировоззрений, по-

---

¹⁰⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 375, л. 49.

¹⁰⁹ Обзор периодической печати о сопредельных с округом странах. Т. 1. Ташкент, 1910. С. 4.

¹¹⁰ Kappeler A., Allworth E., Gerhard S. et al. Muslim Communities Re-emerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia. Durham; London, 1994. P. 18.

пуляризации современных знаний. Первая русско-туземная школа появилась в Туркестане в 1884 г., а в 1895 г. их насчитывалось в крае уже 23, в 1900 г. — 41, в 1906 г. — 83 и в 1909 г. — 98. Одновременно были открыты русскоязычные гимназии — 5 мужских и 5 женских, 1 реальное и 2 коммерческих училища, 1 Мариинское училище, 19 городских училищ и 318 начальных училищ, 1 учительская семинария. Хотя светские учебные заведения были основаны повсеместно, они все еще не могли составить реальной конкуренции мусульманским конфессиональным школам, сеть которых также расширялась. Например, если в начале 90-х гг. XIX в. в Туркестане функционировали свыше 5 тыс. мактабов и до 200 медресе, то в 1910 г., соответственно, — 7571 и 449¹¹¹. По некоторым подсчетам, во всех новометодных мактабах джадидского типа, русско-туземных и русскоязычных учебных заведениях края обучалось более 35 тыс. детей, а в конфессиональных мактабах — свыше 103 тыс., то есть почти в 3 раза больше. Рост количества конфессиональных школ служил надежным заслоном на пути девальвации исламских духовных ценностей, поэтому российская администрация, объективно оценивая влияние религиозных традиций, пыталась выработать и реализовать приемлемые формы сосуществования с ними.

В Хивинском ханстве ни джадидизм, ни классическое просветительство не добились ощутимых результатов. Первая новометодная школа в городе Хиве была основана в 1884 г., но, не сделав ни одного выпуска, в 1898 г. была переведена в Петро-Александровск. Лишь в 1905 г. в Новом Ургенче открылась школа с 5-годовалным курсом обучения, в которую было принято до 50 учеников. В 1911 г., опять-таки в городе Хиве, под патронажем Сеида Ислам-Ходжи начала работу новометодная школа для детей правящей элиты. Число учащихся в ней доходило до 70¹¹². Это говорит не только о сложности популяризации новой светской системы образования, но и о том, что основной контингент учащихся русско-туземных школ формировался исключительно из среды детей правящих кланов и состоятельной элиты, допуск в них выходцам из бедняцких или даже середняцких семей был закрыт. Следовательно, просветительское движение обслуживало интересы господствующих классов. Вот почему отношение к нему властей всегда было примиренческим.

Объективно джадидские реформы все же могли оказать заметное воздействие на популяризацию многих либеральных и реформистских взглядов, направленное формирование общественного мнения, ломку

---

¹¹¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Ч. VI. С. 309; Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924 годы). М., 1960. С. 45, 50, 283, 284, 333.

¹¹² Билялов Г. М. Из истории культуры и просвещения в Хорезме. С. 25, 31.

традиционного мировоззрения среди масс не только в Хиве, но и в Бухаре и Туркестане¹¹³. Однако, замкнувшись в рамках интересов правящих «верхов», дальше создания единичных школ просветительская деятельность джадидов в Хивинском ханстве не продвинулась. Они оказались бессильны наладить издание собственной газеты или журнала, листовок или плакатов для популяризации среди масс своих идей, расширить социальную базу. Палваннияз-Ходжи Юсупов и его единомышленники так и не осознали важности разработки хоть какой-нибудь более или менее приемлемой в конкретных социально-политических условиях программы осуществления собственных целей, оставаясь в плену неопределенности. В воспоминаниях он откровенно признавался: в периоды напряженной борьбы различных оппозиционных сил с властью «...мы говорили себе: „О Аллах! Снизошли свою милость, устрани с нашего пути тирана хана и даруй для нашей страны свободу!“ Временами в тайных беседах со свободолюбивыми друзьями мы отводили душу»¹¹⁴. Как видим, идеалы группы Юсупова были расплывчаты и утопичны. Не отрицая несправедливости существующих в Хиве порядков, она в качестве средства их преобразования признавала только веру в силу бога, устанавливающего новые законы и формы правления. В этом просматривается определенное влияние на идейные взгляды Палваннияз-Ходжи Юсупова и его соратников доктрины Баба, религиозно-философской концепции мирного обновления общества, получившей распространение в Иране в середине XIX в., а затем — в некоторых других мусульманских странах.

Из всех политических партий и общественных движений, возникших в Хивинском ханстве после революции 1905—1907 гг. в России, на лидерство в обществе и власть реально претендовали лишь партия Сеида Ислам-Ходжи и группировка Хусаин-бека. Во-первых, потому, что оба занимали высокие посты в ханском правительстве и пользовались поддержкой правящей верхушки и деловых кругов; во-вторых — были широко известны среди различных слоев масс, что позволяло при необходимости опереться на поддержку и помощь не только «верхов», но и некоторой части «низов», традиционно готовых на стихийную борьбу против феодального общественного строя во имя утопических идей о «справедливом монархе», всеобщем равенстве «богатых и бедных» под знаменем любой оппозиции. Известность, разумеется, еще не означает популярности, но в условиях господства религиозного мировоззрения, слепой веры подавляющего большинства в «непогрешимость предводителя» она может временно превратиться в один из серьезных рычагов объединения масс и проецирования их активности на достижение конкретных политических и социальных целей.

¹¹³ См.: *Smith G., Allworth E. et al. Nation-building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identities.* Cambridge; New York, 1998. P. 88.

¹¹⁴ *Палваннияз-Ходжи Юсупов. История младохивинцев... С. 77.*

Благодаря своему общественному положению Сеид Ислам-Ходжа и диванбеги Хусаин-бек Матмуратов в 1909 г. имели практически все шансы, чтобы придать политическим движениям, которые они возглавляли, действительно массовый характер и развязать борьбу за власть. Этому благоприятствовала не только их личная известность и популярность. Необходимо иметь в виду и причины объективного порядка: общую разбалансированность экономики и продолжавшийся спад в жизненно важных отраслях производства, вызвавшие неуклонное снижение уровня жизни народа, а также углублявшийся кризис «верхов» — падение доверия к правительству Сеида Мухаммеда Рахим-хана II. Он был стар, к тому же тяжело болен и отошел от дел по управлению государством, тем самым предоставив сановникам возможность злоупотребления властными полномочиями и поставив престолонаследников перед необходимостью бескомпромиссной борьбы за владение тронem. Стагнация экономики, анархия и произвол местных и центральных властей негативно отражались на положении народных масс, служили катализатором усиления напряженности в обществе.

Однако ни партия Сеида Ислам-Ходжи, ни группировка диванбеги Хусаин-бека, ни другие общественные движения не сумели найти в себе силы, чтобы воспользоваться крайне благоприятной обстановкой для мирного захвата власти и ломки устаревшей государственной машины, прежде всего потому, что оказались неспособны объективно и трезво оценить складывающуюся ситуацию, заключить временный союз и выступить единым блоком против феодально-абсолютистского режима. Для реализации своих социально-политических идей каждое движение, каждая партия предпочитали действовать самостоятельно, опираясь исключительно на узкий круг сторонников и сочувствующих, не признавая важности и необходимости координации усилий, обращения к массам для ускорения демократизации страны.

Сеид Ислам-Ходжа сделал ставку на наследника Асфандияр-туру. Этот выбор нельзя назвать случайным. Российское правительство официально признало Асфандияра наследником трона, он пользовался поддержкой Николая II, русской администрации Туркестанского края. Выполняя при дворе функции сановника по внешнеполитическим делам, он неоднократно посещал Россию с дипломатическими миссиями в составе хивинских делегаций, поддерживал связи с Министерством иностранных дел и военным ведомством, был известен как сторонник мирного сосуществования двух государств, реформирования политической и экономической системы Хивинского ханства. Асфандияр-тура не раз заявлял, что его «искреннее желание заключается в том, чтобы ввести в жизнь своего народа новые порядки»¹¹⁵. Такова была

¹¹⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 149.

платформа, которую занимал и Сеид Ислам-Ходжа, что сыграло решающую роль первоначально — в его сближении с Асфандияр-турой, а впоследствии — в оказании ему эффективного содействия в завоевании ханского трона и устранении противников. К тому же наследник был его зятем.

Немалые надежды на Асфандияра возлагала и группа Хусаин-бека. Однако если Ислам-Ходжа видел в нем один из рычагов осуществления реформы традиционной системы образования, ускорения развития торговли и национальной промышленности при содействии России, путем укрепления и совершенствования тесных российско-хивинских отношений, то Хусаин-бек и его сторонники воспринимали его лишь как орудие в борьбе за радикальный передел власти, установление собственного контроля над институтами политической системы ханства. Для реализации амбициозных планов крайне правые открыто прибегали к подкупам и шантажу. Как сообщалось в донесении начальнику Амударьинского отдела информированного источника, глава торгового дома «Бр. Баккаловы» миллионер караван-баши Матвафа Баккалов, бек Куня-Ургенча Шейхназар-бай, его братья Амангельды-сердар и Хусаин-бек вели продолжительные переговоры с Асфандияр-турой и поклялись ему «в том, что они возведут его в ханское достоинство», сохранят все существующие доходы хана, кроме того, каждый будет платить ему по 12 тыс. тилля в год, что составит в сумме 48 тыс. тилля, или около 84 тыс. руб. Для этого от наследника требовалось выполнить единственное условие: принять на себя обязательство после занятия ханского трона «назначить Матвафу Баккалова беком Ханкинским, Ново-Ургенчским и Гурленским, сердара Амангельды — беком Куня-Ургенчским, Ходжейлийским и Ильяльинским, Шейхназар-бая назначить ясаулбаши и Хусаин-бека — вместо Ислам-Ходжи, исполняющего должность первого министра ханства»¹¹⁶. Асфандияр-тура принял эти условия и заключил союз с хусаинбековцами, ибо опасался конкуренции со стороны своих братьев, по-прежнему не потерявших надежду после смерти отца, болезнь которого с каждым днем все обострялась, завладеть хивинским тронном, тем более что за ними также стояли вполне определенные круги из представителей правящего клана, земельной аристократии, родоплеменной знати и средних городских слоев, обладавшие возможностью оказать воздействие на ход и результаты борьбы за власть.

Против попыток реформирования политической системы Хивинского ханства выступила коалиция старообрядцев. Ортодоксальное духовенство не поддерживало ни одно из либеральных течений. Оно одинаково враждебно относилось к деятельности и партии Сеида Ислам-Ходжи, и группировки Хусаин-бека, не говоря уже о социал-

¹¹⁶ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 375, л. 15.

демократах, видя в них угрозу ханскому абсолютизму, шариату и Корану. По мнению религиозных лидеров, орудием преобразования всей общественной и политической жизни должен был служить только ислам. Так как буржуазно-либеральные идеи покушались на чистоту и неприкосновенность норм и принципов ислама, вели к разрушению вековых устоев, старообрядцы окрестили как либеральных, так и крайне радикальных реформаторов и их сторонников вероотступниками, призывали народ объявить им священную войну — *газават*, разоблачать все тайные замыслы и происки неверных, не поддаваться провокационным призывам о смене власти и сложившихся порядков. сохранять верность исламу и трон.

Документы свидетельствуют, что в разгар политического кризиса в Хивинском ханстве, который пришелся на лето (июль—август) 1909 г., разрыв между общенародным движением за демократическое преобразование общества и деятельностью основных политических группировок продолжал сохраняться и углубляться. Каждая из партий и объединений, рвавшихся к единоличному господству в обществе, настойчиво пыталась любой ценой дискредитировать соперника и оттеснить его на политической арене. Массированным нападкам подвергалась партия Сеида Ислам-Ходжи. Несмотря на то что среди его сторонников находились крупные сановники двора Мухаммед Юсуп-саулбаши, возглавлявший полицию и караульные части, Маматмахрам (младший), Абдулла-мехтер, Джанибек-кушбеги и другие. Хусаин-бек и его единомышленники упорно старались выставить Ислам-Ходжу «врагом нации», внести раскол между ним, Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом II и наследником Асфандияр-турой. Их попытки провалились. «По имеющимся сведениям, — сообщал капитан Сергеенко 24 июля 1909 г. в секретном послании в штаб Туркестанского военного округа, а также начальнику Амударьинского отдела, — первый министр Ислам-Ходжа перешел на сторону приверженцев хана...»¹¹⁷ Таким образом, Сеид Ислам-Ходжа окончательно продемонстрировал решительное неприятие идеи радикальной смены власти, приверженность традиционализму в вопросах управления государством.

Этого было достаточно, чтобы группа Хусаин-бека Матмурадова немедленно разработала план, направленный на устранение Сеида Мухаммеда Рахим-хана II и захват власти. Прикрываясь защитой интересов якобы самого Асфандияр-туры, выступая от его имени, она пыталась изолировать сторонников Сеида Ислам-Ходжи, обвинив их в корыстолюбии, продажности и даже взяточничестве. Сергеенко в донесении пояснял, что «ввиду общей распространенности взяточничества обвинение легко проводимо. С удалением их хан будет или аре-

¹¹⁷ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 375, л. 15.

стован, или лишен жизни»¹¹⁸. Однако попытка крайних радикалов перехватить власть путем интриг не увенчалась успехом. Наследник в последний момент разгадал замысел Хусаин-бека и не решился без твердых гарантий выступить против отца, пойти на конфронтацию с влиятельными сановниками. Никто из ближайшего окружения Сеида Ислам-Ходжи арестован не был. Напротив, он получил еще большую, чем прежде, свободу действий, укрепив свой авторитет среди сановников ханского двора принципиальной позицией.

Острая борьба за власть между партиями и объединениями будоражила общество, накаляла политическую обстановку в стране. Она менялась стремительно, буквально каждый день. В политические баталии втягивались различные социальные слои и группы хивинского общества, весьма представительная кишлачная и городская беднота, кустари и ремесленники, что неизмеримо расширяло саму социальную базу общественных движений, усиливало остроту противостояния оппозиции и власти, носителей разнородных идейных воззрений. У ханского правительства не было силы и возможности взять под контроль политические процессы и погасить накал волнений. «Все население встревожено, — доносил капитан Сергеенко начальнику Амударьинского отдела 26 июля 1909 г., сообщая об обстановке в Хиве и других городах ханства. — Скрытая партийная рознь прорывается все чаще и чаще. На базарах появляются вновь, как было и в Андижане перед восстанием¹¹⁹, отдельные ишаны, диваны¹²⁰, которые приглашают за собой народ. Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар»¹²¹. Нежелание лидеров ведущих партий и политических движений идти на компромиссы, отсутствие у реформистского блока какой бы то ни было объединяющей программы, обусловившее нескоординированность усилий и стихийность действий, даже в условиях глубокого кризиса, охватившего хивинское общество, не могли заставить разваливающееся де-факто ханское правительство пойти на те или иные уступки реформаторам, признать поражение и передать бразды правления дру-

¹¹⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 375, л. 18.

¹¹⁹ Имеется в виду восстание 1898 г. в Андижане, которое перекинулось на многие районы Ферганской долины. В нем участвовали более 2 тыс. вооруженных дехкан и ремесленников, представители торговой буржуазии и духовенства. Восстание было подавлено царскими войсками, а 45 его зачинщиков и активных участников были казнены, свыше 500 — осуждены и приговорены к различным срокам лишения свободы. Подробнее см.: История народов Узбекистана. 1993. С. 145—149.

¹²⁰ Правильно де в она (узб.) ‘нищие’. Здесь речь идет о дервишах, ведущих скитальческий образ жизни, проповедовавших исламские нормы и принципы. Они часто выступали организаторами *газаватов* — священных войн против иноверцев. — *Примеч. авт.*

¹²¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 1, д. 375, л. 15—16.

тому кабинету, хотя бы тому же Асфандияр-туре, официально провозглашенному наследником.

«Живучести» правительства Сеида Мухаммеда Рахим-хана II способствовала не только «несговорчивость» лидеров партий, объединений и движений. Источники указывают на то, что они, находясь в оппозиции к ханскому правительству и требуя проведения некоторых общедемократических реформ, вместе с тем остались по-прежнему верны промонархистским убеждениям, ратовали за сохранность традиционной системы власти. Например, тот же диванбеги Хусаин-бек Матмуратов, который был сторонником реформирования государственного устройства ханства, первым выдвинул саму идею создания «Хивинской республики» с президентской формой правления, на деле всегда занимал явно соглашательскую позицию, оказывал активную поддержку наследнику Асфандияр-туре в его борьбе за ханский трон и надеялся на завладение ключевыми постами в будущем правительстве, выдвижение в высокие управленческие звенья своих родных братьев.

Сеид Ислам-Ходжа, более последовательный, чем соглашатели, поборник эволюционного пути развития Хивы, ставший инициатором и проводником первых позитивных преобразований в социально-экономической и политической жизни ханства, вместе с тем ратовал за укрепление монархической формы правления и мирную передачу верховной власти в стране по наследству. В 1909—1910 гг., когда наметилось его открытое сближение с Асфандияр-турой и последний получил твердое обещание Сеида Ислам-Ходжи оказать содействие в занятии престола по наследству, тот не изменил принципам и оставался до конца верен Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II, настойчиво отражал нападки оппозиции. В коалиции с Юсуп-ясаулбаши ему удалось сколотить мощную группировку, способную свести на нет притязания на власть как других законных наследников ханского трона, так и лидеров прочих политических движений и объединений, в том числе и Хусаин-бека, Палваннияз-Ходжи Юсупова, могущих определенно повлиять на смену правления. В значительной мере благодаря этому, но в еще большей степени благодаря отсутствию единства в рядах оппозиции Хивинское правительство устояло и избежало полного развала в период самого острейшего в истории страны внутривластного кризиса.

Успехи и поражения молодого реформаторского движения в Хиве весьма контрастно проявили тенденцию дифференциации общества, выход на арену политической борьбы таких сил, которые в самом недалеком будущем могли аккумулировать интересы и чаяния широких народных масс, возглавить борьбу за радикальное преобразование отсталых политических и социально-экономических институтов. Подчеркивая важную, но пока первую весомую победу зарождающейся демократической оппозиции, капитан Сергеенко писал 13 августа

1909 г. в сообщении в администрацию Амударьинского отдела: «В Хиве в настоящее время взяла верх партия хана во главе с ясаул-башею (имеется в виду Мухаммед Юсуп. — М. Н.) и Ислам-Ходжою. Сторонники наследника притихли, хотя все это делается для вида»¹²². Из этого следует, что усилиями прежде всего буржуазно-либеральной партии Сеида Ислам-Ходжи, его соратников в Хивинском ханстве впервые *оппозиция* сумела оказать реальное влияние на сам ход *смены* власти. Она мирным путем предотвратила ее захват крайними радикалами и отвергла навязываемые ими хивинскому обществу формы правления, нанесла поражение реакции — старообрядцам и консерваторам. Благодаря позиции либералов были сведены на нет усилия по разжиганию антирусской истерии, обострению российско-хивинских отношений.

* * *

Частичная денонсация «Условий мира» 1873 г., активное взаимодействие российского и хивинского капитала в разных сферах социально-экономической жизни имели важнейшее значение для начала разрушения феодально-абсолютистского строя в Хиве. Этот процесс получил ускорение в результате активизации общественно-политической жизни, зарождения и развития буржуазно-либерального течения, успешно противостоявшего консервативным силам, их попыткам, пусть даже разрозненным и нецеленаправленным, оказать влияние на процесс исторической эволюции хивинского общества. В них аккумуляровались и пробуждение от средневековой спячки общественной мысли, впитывавшей в себя новые идеи и воззрения, родившиеся в ходе классовых битв в России и сопредельных странах Востока, и консолидация социальных сил и групп, накапливавших *свой* опыт борьбы с феодально-абсолютистской системой власти, за ускорение прогресса страны. Самое главное — это осознание политическими силами необходимости реформирования и демократизации хивинского общества, невозможности его дальнейшего существования на прежней основе.

---

¹²² ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 375, л. 49.

Глава IV

РАЗВИТИЕ В ХИВЕ РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ПРОТИБОБОРСТВО ПРОГРЕССИВНЫХ И РЕГРЕССИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ (1910—1913)

Хивинское ханство в начале XX в. оказалось в числе тех немногих государств Востока, которые словно «выпали» с магистрального пути общественного прогресса. Консервация феодальных и полуфеодальных экономических и политических институтов, обусловленная деструктивным курсом правящей верхушки, сковывавшим развитие производительных сил и нуждавшихся в радикальном обновлении производственных отношений, способствовала все большему отставанию страны по темпам «освоения» капитализма и общедемократических норм не только от России, но и от соседних азиатских государств. В значительной степени этому содействовала и политика в Центральной Азии правительства Николая II, для которой были характерны ограниченность приоритетов, невосприимчивость к переменам.

Стагнационные явления в ключевых сферах политической и социально-экономической жизни подпитывали стремительное нарастание как антиханских, так и антироссийских настроений. Они особенно усилились в 1910-е гг., когда борьба за власть, развернутая правящей верхушкой, постепенно привела в движение и «низы», и средние слои, неизмеримо расширив социальную базу оппозиции, обострив накал антагонистических противоречий между господствующей элитой и народными массами — с одной стороны, партиями, объединениями и общественными движениями, которые придерживались разной идеологической ориентации, — с другой.

Российское правительство, еще не успевшее оправиться от шока Революции 1905 г. и подвергавшееся неослабевающим атакам со стороны рабочего класса и его партии — РСДРП(б), принимавшее не всегда взвешенные решения для стабилизации политической обстановки в стране, в 1910 г. оказалось перед необходимостью переосмысления

политики в отношении Хивы, оказания содействия новому ханскому правительству в некотором реформировании общества. Проекты российских властей находят поддержку и понимание среди влиятельных политических сил, таких, например, как либеральная партия Сеида Ислам-Ходжи, представителей торгово-ростовщического и промышленного капитала, стремившихся расчистить путь для развития буржуазных отношений. Важность реформирования общества признается на первых порах и занявшим ханский трон Сеидом Асфандияром (1910—1918).

Половинчатые меры, принятые Российским правительством и властями Хивы в «пик» реформ в 1910—1913 гг., не изменили к лучшему условия жизни масс. Не сумело переломить ситуацию и основанное в 1914 г. общество «Ёш хиваликлар инкилобий уюшмаси» («Революционный союз хивинской молодежи»), превратившееся вскоре в партию, на начальных этапах своей деятельности многое перенявшую от младотурецкой партии «Единение и прогресс», а затем — от российских кадетов. Каких-то ощутимых результатов не добились и остальные политические течения и движения, в том числе социал-демократы.

Обострение политических противоречий сопровождалось неуклонным ухудшением экономического положения. Стагнация охватывала ведущие отрасли материального производства, порождая массовую безработицу, обезземеливание дехканства, углубляя имущественное и социальное неравенство в обществе. Все это придавало особую остроту борьбе реформаторских и консервативных сил.

Российские программы реформации хивинского общества

Революции с демократическим оттенком, происшедшие в 1905—1911 гг. в Иране и Турции, подъем национально-освободительного движения в других регионах Востока, находившихся в непосредственной близости от границ Хивинского ханства, Бухарского эмирата и Туркестанского генерал-губернаторства, для политики России в государствах Центральной Азии не прошли бесследно. Правящие круги, в том числе и Николай II, увидели в них один из возможных вариантов развития политической ситуации в зоне «жизненных интересов» и попытались принять меры для предотвращения конфронтации, с одной стороны, между центром и национальными окраинными районами, а с другой — внутри региона между российской администрацией и опиравшимися на ее силу местными властями и народными массами. Российские Военное министерство и внешнеполитическое ведомство, осуществлявшие практическое руководство и контроль за состоянием внутренней жизни Хивы через механизмы системы непрямого управ-

ления, в 1910 г. приступили к разработке программ «верхушечной» реформации феодально-абсолютистского строя, чтобы не допустить его распада, прихода к власти сил, оппозиционно настроенных к ханскому режиму. В них впервые предусматривались отказ от официально провозглашенного курса на «невмешательство» во внутренние дела Хивинского ханства, реализация целого ряда мер, способных внести элемент новизны в государственное управление, налогообложение и земельно-водные отношения¹, которые, по идее, могли бы предотвратить неконтролируемое нарастание конфронтационных тенденций.

Выбор *форм и направлений* расконсервации традиционных политических, социально-экономических институтов Хивы не был случайным. В 1909 г. практически в одно и то же время в регионе побывали сразу две российские правительственные комиссии: сенатора графа К. К. Палена в Туркестанском крае и чиновника по внешнеполитическим делам в администрации генерал-губернатора края И. Ф. Минорского — в Хивинском ханстве. Характерно, что тогда же, в конце января 1909 г., развернутую докладную о положении в Бухаре в администрацию края представил и Политический агент России в эмирате Я. Я. Лютш. Отчеты и доклады комиссий, поступавшие в МИД или Военное министерство, а затем — к Николаю II, пронизывала мысль об усилении во всех государствах региона *политической* активности и появлении различных сил, проповедующих полярно противоположные идеи — от типичных буржуазных умеренно-либеральных и реформаторских до исламского фундаментализма. Аналитики приходили к выводу, что процессы являются отражением столкновения в обществе буржуазных и консервативных тенденций, отмечали важность реформирования «сверху» политической и экономической систем государств с тем, чтобы не допустить выхода ситуации из-под контроля. Так, И. Ф. Минорский в отчете от 3 марта 1910 г. об итогах своей поездки в Хивинское ханство подчеркивал, что в политическую борьбу в ханстве вовлекаются рабочие и мастеровые заводов, а администрация Амударьинского отдела не справляется с возложенной на нее главной задачей, которая заключается в обеспечении в регионе «русских торговых и промышленных интересов»². Было очевидно, что требуются иные подходы, направленные на укрепление российского влияния и восстановление политической стабильности в регионе.

Летом 1910 г. в Ташкенте, Санкт-Петербурге и Москве интенсивно разрабатывалась программа реформ в Хивинском ханстве. Были привлечены специалисты и ученые, чиновники внешнеполитического и военного ведомств, неоднократно бывавшие в ханстве, знакомые с его историей, состоянием народнохозяйственного комплекса, особенно-

¹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 375, л. 133—134.

² Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 656, л. 4 об., 10 об.

стями социально-политического, экономического, духовного развития и эволюции российско-хивинских отношений. В обобщенном виде мнения и выводы нашли отражение как в небольших по объему докладных записках, посвященных узким проблемам, так и в достаточно развернутых проектах, охватывающих многие сферы жизни хивинского общества. Эти документы, несмотря на то что не все они равноценны по глубине анализа, тем не менее позволяют представить самую степень понимания Российским правительством, его региональной администрацией в Ташкенте сложной «хивинской проблемы», реальной политической и социально-экономической ситуации, складывавшейся в ханстве под воздействием внешних и внутренних факторов.

По мнению дипломатического чиновника в администрации Туркестанского генерал-губернаторства В. Мустафина, который стал автором одного из развернутых проектов реформ, при разработке стратегии и тактики преобразований в Хивинском ханстве было важно исходить из сложившейся специфики российско-хивинских связей. «Для нас Хива, — отмечал он, — является, с одной стороны, рынком сбыта нашей мануфактуры и разнообразных изделий нашей промышленности, а с другой — из Хивы мы вывозим хлопок, кожи, каракулевые шкурки. Особенно важна Хива как страна, которая могла бы дать (еще больше сырья. — М. Н.) при улучшении орошения и некоторых усовершенствованиях в культуре хлопка»³.

Одним из главных препятствий подъема экономики ханства В. Мустафин считал отсутствие у Хивинского правительства финансовой политики, несовершенство механизма внутренних накоплений и системы налогообложения. Учитывая эти обстоятельства, он предлагал:

— разработать бюджет Хивинского ханства, в котором ясно и конкретно отразить годовое движение финансов — смету доходов и расходов государства;

— отделить собственные накопления хана от государственных финансов, образующихся из налогов и различных сборов;

— определить сумму всех расходов бюджета на содержание центрального аппарата управления и местной администрации, на народное образование, улучшение путей сообщения и другие «общепользные нужды»;

— увязать разработку бюджета с совершенствованием фискальной политики в сельском хозяйстве, привести размеры поземельного налога — главной доходной статьи хивинского бюджета в соответствие с размерами землевладения.

В проекте уделялось внимание вопросам и социальной политики. В частности, отмечалась необходимость введения в ханстве фиксированной *оплаты труда* чиновников всех уровней исполнительной вла-

³ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 94.

сти при одновременном сокращении их численности, открытии в городах и кишлаках новометодных мактабов, организации государственной медицинской помощи населению и т. д. Расходы на эти цели должны были покрываться из государственного бюджета.

Как бы конкретизируя свои предложения и определяя роль в их реализации хивинских и российских властей в отдельности, В. Мустафин в заключение обширной докладной разделил все намечаемые преобразования на две основные группы. В первую им были включены те, которые осуществлялись бы «в интересах самого хивинского народа». Среди них, вслед за принятием единого государственного бюджета Хивинского ханства, чему придавалось приоритетное значение, шли: 1) отмена смертной казни; 2) разработка земельного кадастра; 3) урегулирование всеобщей натуральной ирригационной повинности; 4) открытие врачебно-амбулаторных пунктов в Новом Ургенче и Ташаузе; 5) учреждение почтовой конторы в городах Ташауз, Мангит и Хива; 6) улучшение дорог, путей сообщения и организация почтового тракта Чарджуй — Ургенч; 7) изъятие из обращения хивинской теньги и замена ее российскими денежными знаками; 8) введение агрономической помощи населению; 9) основание в Хиве учительской семинарии для подготовки педагогических кадров и т. п.

Во *вторую* группу вошли преобразования, намеченные к осуществлению «в интересах русских жителей Хивы, русской торговли и промышленности». Это: 1) отвод правительством земельных участков под русские поселения в Новом Ургенче, Ташаузе, Мангите и Питняке; 2) учреждение конторы мирового судьи в Новом Ургенче; 3) открытие там же Государственного банка ⁴.

Кроме того, в проектах предлагалось в обоюдных интересах России и Хивы ввести в Новом Ургенче русский полицейский надзор, что, с учетом учреждения конторы мирового судьи, фактически означало его экстерриториальность, выведение из-под юрисдикции Хивинского правительства.

В проекте дипломатического чиновника А. Д. Калмыкова были рассмотрены вопросы, которые касались совершенствования в Хивинском ханстве общей аграрной и фискальной политики. Подчеркивая определяющую роль сельского хозяйства в формировании валового внутреннего продукта страны, он особо отмечал, что налоги с оседлого земледельческого населения дают ханской казне ежегодно 130 тыс. тилля, или 234 тыс. руб. Вместе с тем крайне неравномерное распределение налогового бремени тормозит интенсификацию производства и повышение его эффективности. Так, например, на падшалычных землях, указывал Калмыков, землевладелец с основного надела в 10 танапов платит 4 тилля и 2 теньги (7 руб. 60 коп.), а тот, кто имеет

⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 94 об.—97 об.

от 1 до 5 танапов, — 2 тилля и 1 теньгу (3 руб. 80 коп.), а свыше этого — по расчету с каждого танапа. Безземельные и бездомные (бева-тан) платят с главы семьи по 20 теньг (4 руб.)⁵. При подобной системе налогообложения в наиболее выгодном положении оказывались крупные землевладельцы, ибо размер поземельного налога с них был на треть (30—35 %) меньше, чем с середняков и малоземельных дехкан. Земельная аристократия, располагая значительными финансовыми ресурсами, не вкладывала их в развитие сельскохозяйственного производства, а направляла на наращивание личных земельных владений, покупку усадеб, дорогих предметов роскоши. Средняцкие и малоземельные дехкане не имели материальных возможностей для организации расширенного воспроизводства. В результате аграрное производство развивалось на экстенсивной основе.

А. Д. Калмыков акцентировал внимание и на том, что в хивинском аграрном секторе насчитывается не менее 15 тыс. землевладельцев, которые полностью освобождены от всяких налогов за военные или же духовные заслуги. Среди них он назвал нукеров, ярлыкдаров (*аулие авлады*), профессиональных военных (*сипахи*) и *мударрисов*⁶. Видимо, Калмыков имел в виду не рядовых нукеров и преподавателей медресе, которые не пользовались какими-то особыми льготами, а состоятельную прослойку военнослужащих, занимавших командные должности в частях ханской армии и формированиях ополченцев, а также представителей высшего духовенства, близких к правящей верхушке. Убеждает в этом сообщение, направленное в августе 1910 г. на имя российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова, в котором, в частности, указывалось, что в Хиве приблизительно «около трети земли, принадлежащей разным сановникам и должностным лицам, совершенно освобождены от всяких повинностей»⁷. В итоге в руках состоятельной земельной аристократии оседали огромные финансовые и материальные средства, тогда как две трети дехкан-землевладельцев были обречены на ведение собственного хозяйства экстенсивным способом.

Не был обойден Калмыковым и такой важный вопрос, как привлечение рабочей силы к очистке оросительной сети, то есть к натуральной повинности. В условиях поливного земледелия поддержание высокой пропускной способности ирригационных сооружений имеет исключительное значение. В Хивинском ханстве, по данным Калмыкова, ежегодно весной на работы по очистке оросительных сооружений от ила, приносимого амударьинской водой, привлекались около 11 тыс. человек. Не отрицая важности широкого использования рабочей силы.

⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 112—113.

⁶ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 113.

⁷ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 128.

в то же время Калмыков обращал внимание на неравномерное распределение длящейся 12 дней ирригационной повинности. Так, если узбекские дехкане выставляли 1 рабочего с каждых 10 танапов сельскохозяйственных угодий, то каракалпакские и казахские — с каждых 3 кибиток, а туркмены освобождались от работ по очистке оросителей и взамен в качестве компенсации вносили в казну по 2 тилля (3 руб. 60 коп.) за каждый атлык (30 танапов). Непропорциональное представительство различных диаспор при выполнении трудоемких работ на ирригационных системах служило стимулятором межнациональных распрей, которые, как правило, особенно наглядно проявлялись при распределении воды для сельскохозяйственных нужд, постоянно подпитывало и социальную напряженность в хивинском обществе. При этом основная тяжесть ирригационной повинности падала главным образом на малоземельных и безземельных дехкан, «привязанных» к арендованной земельной собственности. Положение усугублялось тем, что в связи с полным освобождением от ирригационной повинности сановников и ханской родни, крупных землевладельцев и других представителей правящей верхушки, а также ярлыкдаров и мударрисов, нукеров и военных чинов за них приходилось трудиться все тем же безземельным и малоземельным дехканам⁸. Так что в условиях ханства вопрос об урегулировании ирригационной повинности являлся не только экономическим, но и политическим.

Записка управляющего компанией «Большая Ярославская мануфактура» М. А. Курилова, представленная им генерал-губернатору края А. В. Самсонову, посвящалась главным образом основным направлениям развития промышленности и торговли в Хивинском ханстве — тем актуальным проблемам, от решения которых напрямую зависели перспективы эволюции производительных сил и производственных отношений. Как известно, предприятия «Большой Ярославской мануфактуры» имелись во всех государствах Центральной Азии — в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, Туркестанском крае. Правление в Ташкенте, руководители и специалисты предприятий на местах обладали большим организаторским опытом, практическими знаниями о состоянии развития промышленного производства и торговли. Поэтому конструктивные предложения, учитывающие специфику социально-экономической ситуации в регионе, могли бы оказать решающее воздействие на выбор направлений преобразования экономического базиса хивинского общества и реально ускорить создание материальных основ для решения социальных задач.

Вопреки ожиданиям, в докладной М. А. Курилова, состоявшей всего из двух страниц, не нашлось места ни для глубокого анализа проблемы, ни для конструктивных выводов. Видимо, прежде всего из

⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 101—114.

конъюнктурных соображений, он предпочитал не допустить активизации предпринимательской деятельности хивинского национального капитала в сфере промышленности и торговли, сохранить привилегии российских промышленников и финансистов, торгового капитала. Этого можно было добиться единственным путем — не разрушать искусственные барьеры, воздвигнутые пресловутым договором «Условия мира» 1873 г., другими двусторонними российско-хивинскими межгосударственными соглашениями, на пути превращения хивинского национального капитала в самостоятельную силу.

М. А. Курилов, избегая откровенного разговора вокруг назревших проблем, ограничился общими рассуждениями о ходе освоения российским капиталом хозяйства, в том числе внутреннего рынка Хивинского ханства, о темпах промышленного строительства, бегло коснулся территориального размещения перерабатывающих предприятий. Вместе с тем он признавал наличие в стране богатых земельно-водных ресурсов, реальную возможность расширения объемов и структуры внутреннего производства, экспортного потенциала при их эффективном и рациональном использовании. Курилов считал, что проведение широких ирригационно-мелиоративных работ позволит резко увеличить площади под хлопчатником и довести производство хлопкового волокна до 2 млн. пудов, что полностью отвечает интересам российской торговли и промышленности. Но, чтобы это увеличение производства сырья способствовало реальному оздоровлению аграрного сектора, наращиванию финансовой и материальной базы сельскохозяйственного производства, первоочередной задачей на ближайшую перспективу ставилось укрепление связей отрасли с российской промышленностью. Последнее невозможно без организации железнодорожного сообщения между ханством, Туркестанским краем и другими регионами России⁹, заключал Курилов.

Вопрос о строительстве железной дороги, соединяющей Хивинское ханство с Россией, способной интенсифицировать торговые и экономические связи между двумя государствами, сам по себе был не нов (он неоднократно поднимался еще в 80—90-е гг. XIX в.), разрабатывались и проекты прокладки рельсовых путей, так и оставшиеся благими пожеланиями. Тем не менее возвращение к этой проблеме в новых социально-экономических и политических условиях, ее «подача» через призму интересов российской промышленности и торговли могли иметь положительный резонанс. Возможно, М. А. Курилов именно на это и рассчитывал. Однако сложнейшая политическая и экономическая ситуация, складывавшаяся в Российской империи в результате нового широкого подъема рабочего и крестьянского движения, национально-освободительной борьбы в окраинных районах, начавшаяся вскоре

---

⁹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 99—100.

первая мировая война отодвинули реализацию давно имевшихся «железнодорожных» проектов.

Курилов вслед за В. Мустафиным поддержал необходимость радикального совершенствования почтово-телеграфной связи, организации медицинского обслуживания, безотлагательного решения в ханстве и некоторых других социальных вопросов.

По мнению авторов реформ, модернизация должна была охватить и духовную сферу, в частности народное образование и культуру. Инициатором его преобразования и внедрения в Хивинском ханстве новой методики преподавания, сочетающей в себе элементы и традиционализма, и светского образования, стал бывший преподаватель истории и географии Казанской учительской семинарии, выпускник, а затем и доцент Казанской Духовной академии Н. П. Остроумов, назначенный в 1877 г. главным инспектором училищ Туркестанского края. Судя по воспоминаниям современников, он прекрасно знал местные традиции и обычаи, историю различных племен и родов, ислама и Корана, свободно владел тюркскими языками и диалектами, был миссионером, неутомимым исследователем, этнографом¹⁰. Его перу принадлежат десятки книг и статей, посвященных истории развития в Туркестанском крае народного образования и культуры, мусульманского законовещения и др.

В качестве начального этапа радикальной перестройки системы просвещения в Хивинском ханстве Н. П. Остроумов предложил открыть в Хиве двухклассное училище для местных детей и одно среднее учебное заведение. Подобный шаг он объяснял тем, что «в настоящее время не может быть и речи ни о классической гимназии, ни о реальном училище и даже ни о другом среднеобразовательном учебном заведении вроде коммерческого или земледельческого училища...»¹¹. Исходя из специфики постановки школьного дела в ханстве, опыта новометодных школ Туркестанского края, Н. П. Остроумов разработал, по сути, компромиссную программу преподавания, предупреждающую всякую возможность возникновения конфликтной ситуации между ортодоксальным духовенством, старообрядцами и так называемыми «прогрессистами» в подходе к общей методике обучения детей и подростков классическим и светским дисциплинам, а также к целям и задачам их обучения. В программе предусматривалось преподавание в училищах и средних учебных заведениях Хивинского ханства в качестве основных следующих предметов: 1) мусульманское вероучение, мусульманская грамота и письмо; 2) арифметика; 3) рус-

¹⁰ Знаменский П. В. Участие Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. Казань, 1900. С. 46. См.: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования... С. 95.

¹¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 732, л. 7.

ский язык; 4) краткая история Хивы и России; 5) краткая география Хивы и России и общий обзор Земного шара; 6) элементарное естествоведение; 7) главные отрасли сельского хозяйства применительно к частным потребностям; 8) элементарное прикладное черчение и рисование с учетом житейских потребностей¹². Как видим, в проекте отсутствовали такие предметы, как геометрия, алгебра, физика, астрономия и некоторые другие, введенные в русско-туземных общеобразовательных школах и новометодных мактабах Туркестана. Н. П. Остроумов почему-то обошел стороной и такие актуальные вопросы, как отношение государства к развитию старометодных мактабов, преемственность в обучении и воспитании, подготовка квалифицированных педагогических кадров, организация и финансирование учебного процесса в новометодных учебных заведениях, обеспечение учебниками на местных языках, методическими пособиями и т. п.

Авторы проектов реформ, участники дискуссий вокруг них, признавая важность осуществления в хивинском обществе политических, экономических и социальных преобразований, в главном вопросе, касающемся статуса Хивинского ханства, занимали неадекватные позиции. Генерал-губернатор края А. В. Самсонов 3 июня 1910 г. в своей телеграмме министру иностранных дел России недвусмысленно давал понять, что он по-прежнему остается сторонником присоединения Хивы к России и намерен отстаивать такую позицию¹³. Его энергично поддерживал В. Мустафин, также выступавший за решительный пересмотр политического статуса Хивинского ханства. Роспуск ханского правительства и введение русского правления он рассматривал как единственное и неперемное условие реформирования политической и экономической сфер жизни страны, был твердо убежден в том, что проведение в Хиве «каких-либо существенных реформ, которые могли бы внести действительное изменение в правовое и экономическое положение хивинцев, невозможно без введения в ханстве русской администрации». В противном же случае, продолжал далее Мустафин, «проведение реформ приходится поручать той же продажной, лишенной каких-либо нравственных начал хивинской администрации, заинтересованной всячески в сохранении status quo»¹⁴. Характеристика, следует признать, довольно объективная и справедливая.

Однако учреждение в Хиве российской администрации де-факто означало бы отказ от курса на «невмешательство» в ее внутренние дела, от системы непрямого управления, последовательно и настойчиво внедрявшейся правительством России в течение почти четырех десятилетий. Оно не могло пойти на такой шаг, который, несомненно, при-

¹² ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 732, л. 3.

¹³ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 10.

¹⁴ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 94.

вел бы к серьезным осложнениям в отношениях с Англией, а также Индией, Персией, Афганистаном и Турцией. При всем том идея *присоединения* Хивинского ханства к России, вынашиваемая руководством российской администрации Туркестанского края и представителями правящей верхушки метрополии, имела шанс на реализацию, если учесть силу влияния ее сторонников на выработку политического курса правительства России, а также склонность хивинских властей к компромиссам и ренегатству. Акцентирование внимания на бесперспективности поручения проведения реформ «продажной, лишенной каких-либо нравственных начал хивинской администрации», безусловно, увеличивало ряды сторонников идеи лишения Хивинского ханства даже ограниченного статус-кво и присоединения его к империи.

Часть авторов проектов реформ, например А. Д. Калмыков, М. А. Курилов, Н. П. Остроумов, осуществление преобразований не связывали напрямую с изменением общеизвестного и уже признанного великими державами статуса Хивинского ханства, сложившейся системы российско-хивинских отношений. Признавая консервативный характер социально-политических и экономических институтов ханства, антидемократичный характер феодально-абсолютистского механизма управления, они в то же время не исключали возможности реформирования хивинского общества путем усиления иницирующей роли России, ее влияния на внутреннюю политику ханского правительства, сохранив при этом традиционные структуры. По мнению большинства, российские власти должны были взять на себя часть бремени по модернизации социально-политической и экономической жизни Хивы, используя опыт, накопленный в Туркестане и других мусульманских регионах империи. В итоге российско-хивинские политические связи и торгово-экономические отношения могли получить новый импульс, отвечающий интересам обеих стран: Хива расширила бы производство продукции аграрного сектора и других отраслей, традиционно ориентированных на экспорт, укрепила бы внутренний рынок, а Россия, в свою очередь, имела бы возможность увеличения вывоза из ханства сырья и полуфабрикатов, ввоза в него в более широком ассортименте собственных промышленных товаров и изделий, активного участия в формировании промышленного потенциала ханства. Реформы, разумеется, затронули бы и духовную сферу, существенно ускорив проникновение в страну новых идей и культурных ценностей, создав базу для преодоления неограниченного господства в обществе религиозных догм и консервативного мышления и установления взаимопонимания между представителями различных конфессий.

В правящей верхушке России к проектам реформ отнеслись весьма осторожно. Они тщательно изучались и в Военном министерстве, и в Министерстве иностранных дел. Однако взять на себя ответственность за возможные последствия реализации нововведений, вынести оконча-

тельный вердикт по документам никто из участников дискуссий не мог решиться. Генерал-губернатор Туркестана А. В. Самсонов, следуя настойчивым просьбам начальника Амударьинского отдела и дипломатических чиновников своей администрации, в июне-июле 1910 г. не раз обращался в Санкт-Петербург, непосредственно в военное и внешнеполитическое ведомство, за разъяснениями о судьбе программы реформ, а также по вопросу практических действий в случае смерти Сеида Мухаммеда Рахим-хана II: какую из действующих политических сил целесообразно поддержать, следует ли вводить в Хиву российские войска и т. п. Вразумительного ответа он так и не получил. Лишь в конце июля 1910 г. из Петербурга в Ташкент поступила телеграмма, в которой ни о каких реформах не было и речи, что означало, по сути, сохранение российско-хивинских отношений и принципов управления Хивинским ханством в существующем виде. В ней лишь подтверждалось признание Асфандияр-туры наследником престола, сообщалось о присвоении ему по распоряжению Николая II воинского звания генерал-майора¹⁵. Необходимо подчеркнуть, что, принимая это решение, в МИД и военном ведомстве России не имели практически никакой аналитической информации, кроме кратких зашифрованных донесений капитана Сергеенко и витиеватых докладных начальника Амударьинского отдела, ни о политических пристрастиях будущего правителя Хивы, ни о его деловых и морально-этических качествах. Гарантируя Сеиду Асфандияр-туре поддержку в случае выдвижения его ханом, в Санкт-Петербурге руководствовались стремлением соблюсти принцип преемственности в Хивинском правительстве и оставляли за собой право контроля за его деятельностью.

А. В. Самсонов правильно понял весь скрытый смысл, заложенный в телеграмме внешнеполитического ведомства и военного руководства России. 15 августа 1910 г. он отдал лаконичный приказ начальнику Амударьинского отдела генерал-майору Глушановскому, к тому времени уже находившемуся в Хиве (в связи с резким осложнением здоровья Сеида Мухаммеда Рахим-хана II) с крупным вооруженным отрядом казаков, всемерно содействовать выдвижению хивинским ханом Сеида Асфандияр-туры и, если потребуется, применить силу для подавления возможных беспорядков¹⁶. Таким образом, основной и давно назревший вопрос — о власти — был окончательно решен. Позиция, занятая при этом Российским правительством, категоричность, с которой оно вторгалось в область прерогатив хивинских властей, красноречиво указывали, что в правящих кругах России более не намерены даже формально придерживаться традиционного нейтралитета во *внутренних делах* Хивинского ханства.

¹⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 48—48 об.

¹⁶ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 60.

Однако меры по усилению контроля за деятельностью Хивинского правительства и развитием политической ситуации в ханстве извне, принимавшиеся Российским правительством и туркестанской краевой администрацией, оказались несколько запоздалыми. На обстановку в стране, всецело находившуюся под воздействием иных политических и социальных сил, существенно повлиять они не могли. Об этом, в частности, можно судить по ходу и результатам избрания нового ханского правительства, его первым самостоятельным шагам, которые для российских властей оказались в какой-то степени неожиданностью, хотя, казалось бы, события в Хиве развивались в полном соответствии с прогнозами Военного министерства и внешнеполитического ведомства России, а также туркестанской администрации.

«Октябрьский» манифест 1910 г. Асфандияр-хана

16 августа 1910 г. после тяжелой и продолжительной болезни Сеид Мухаммед Рахим-хан II скончался. В тот же день на ханский трон взошел Асфандияр-тура (1873—1918). Вопреки ожиданиям, верховная власть перешла к наследнику без каких-либо осложнений, мирно. Возможно, свою, но далеко не определяющую, роль сыграло в этом присутствие в Хиве генерал-майора Глушановского с отрядом казаков. По свидетельству историка Баяни, появление вечером 16 августа на ханском троне Сеида Асфандияра с атрибутами верховного правителя сановники двора встретили единодушным одобрением, и по традиции глашатаи повсеместно оповестили подданных о наступлении новой эпохи — «эпохи Сеида Асфандияра Мухаммеда Бахадыр-хана». Примечательно, что Баяни даже не упоминает о присутствии на коронации Глушановского¹⁷, хотя он, несомненно, лично участвовал в мероприятии. Его называет в своих воспоминаниях Х. Мадаминов среди тех, кто поздравлял Асфандияр-хана с восшествием на престол. Он подчеркивал, что генерал Глушановский передал хану приветствия и пожелания процветания стране от имени Николая II и туркестанского генерал-губернатора Самсонова. На церемонии присутствовали также все видные государственные деятели, сановники, правители хакимств и бекств, чьи имена были широко известны: казий Мухаммед Салим, ясаулбаши Хикматулла, Джанибек-кушбеги и Худаяр-кушбеги, Назарбай Утар-сахиб, Ахмед-инак, Юнус-аталык, Сеид Ислам-Ходжа и многие другие — практически все представители правящей верхушки хивинского общества. Нельзя не отметить, что Х. Мадаминов, служивший в то время в канцелярии хана и прекрасно осведомленный о раскладе политических сил при дворе и в стране в целом, далеко не

¹⁷ Мухаммед Юсуф Баяни. Родословная Хорезмшахов. С. 98—99.

случайно называет именно эти имена. Дело в том, что все названные им сановники придерживались различных идейных взглядов и лоббировали интересы разнопластовых социальных сил и групп. Кроме того, большинство из избранных, присутствовавших при коронации Сеида Асфандияр-хана, впоследствии заняли высокие посты в составе нового правительства, принимали непосредственное участие в формировании практической внутренней и внешней политики, а следовательно, и российско-хивинских отношений¹⁸. Полярность различий в идейных воззрениях и политических пристрастиях сановников нового ханского кабинета не только отразила крайнюю сложность и противоречивость социально-политической ситуации, сложившейся в Хиве в переломный для страны период, но и предопределила остроту грядущих столкновений между политическими группировками и социальными блоками по широкому кругу вопросов политического, экономического, социального и религиозного характера. Не случайно поэтому, что вскоре в условиях стремительного изменения обстановки внутри страны и за ее пределами некоторые союзники из числа присутствовавших при коронации превратились в непримиримых политических антагонистов, возглавили оппозиционные к режиму Асфандияр-хана движения или стали идеологами различных идейных течений — от монархистских до реформистских, получили популярность в среде не только пока еще нарождавшейся национальной буржуазии, но и части дехканства, мелких городских предпринимателей. Так, например, казий Мухаммед Салим, больше известный благодаря политической деятельности его сына Баба-Ахуна Салимова¹⁹, проповедовавшего весьма популярные среди молодой интеллигенции, формировавшейся из нового поколения духовенства, идеи конституционализма и парламентаризма, еще в 1890-е гг. энергично выступал за пересмотр «Условий мира» 1873 г. Он принадлежал к умеренному крылу выкристаллизовавшегося буржуазно-демократического течения, не успевшего заявить о себе должным образом. Хикматулла-ясаулбаши, Джанибек-кушбеги и Худаяр-кушбеги, региональные правители Ахмед-инак, Юнус-аталык, близкие к покойному Сеиду Мухаммеду Рахим-хану II, являлись, как известно,

¹⁸ *Мадаинов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 2—2 об.

¹⁹ Баба-Ахун Салимов (1876—1929) — сын Мухаммеда Салима, духовного наставника Сеида Мухаммеда Рахим-хана II. В апреле 1917 г. избран первым председателем межлиса (парламента) Хивинского ханства. После победы Хорезмской революции 2 февраля 1920 г. на I Всехорезмском курултае (съезде) Советов народных представителей становится назиром (министром) юстиции ХНСР. В сентябре 1920 г. участвовал в подготовке Союзного договора между РСФСР и ХНСР, других российско-хорезмских договоров и соглашений. После переворота 5 марта 1921 г., осуществленного крайними левыми, уехал из Хивы, отошел от политики и занимался религиозной деятельностью на своей родине — в Гурленском районе. — *Примеч. авт.*

ярыми сторонниками феодально-абсолютистской монархии и консервации существующей системы. Сеид Ислам-Ходжа выступал за либерализацию общественной жизни, большие надежды при этом возлагая на приход «просвещенного хана». Под сахибом Назар-баем Утаром Х. Мадаминов, скорее всего, имел в виду ясаулбаши Шейх-назар-бая, брата Хусаин-бека Матмурадова, который был убежденным приверженцем турецко-персидской модели развития и в какой-то степени солидаризировался с казием Мухаммедом Салимом. Таким образом, участники коронации Сеида Асфандияр-хана, каких бы они взглядов ни придерживались, на каких бы противоположных идеологических платформах ни стояли, единодушно имитировали покорность и послушание, готовность служить правителю и стране.

Резительный контраст в политических пристрастиях представителей правящей верхушки не позволил российским властям быстро и точно скорректировать политику в отношении Хивинского ханства, избрать для реализации собственных планов одного из фаворитов того или иного политического объединения или течения. Между тем в Министерстве иностранных дел России, как и в администрации генерал-губернатора Туркестанского края, прекрасно знали о том, что «с самого [начала] вступления на ханский престол Сеида Асфандияра ожесточенно враждовали между собой две... партии: сторонников Ислам-Ходжи и его противников»²⁰. Открыто поддержать умеренных либералов они не решились и предпочли занять выжидательную позицию с тем, чтобы дожидаться разрядки напряженности и более четкой поляризации политических сил в ханстве. Ставка должна была быть сделана на тех, кто мог реально сохранить паритет в российско-хивинских отношениях при их косметическом обновлении.

В российских правящих кругах недооценили сложность и остроту социально-политической ситуации, складывавшейся в Хивинском ханстве. С приходом к власти Асфандияр-хана, чему, несомненно, в решающей степени содействовали сторонники Сеида Ислам-Ходжи, либералы оказались на самом острие политического противостояния в обществе. На них обрушились с нападками как старообрядцы, упорно сопротивлявшиеся любым нововведениям, так и крайние радикалы. Нападки существенно усилились после назначения Сеида Ислам-Ходжи на должность *вазир-и-акбара* (премьер-министра) ханского правительства — должность, позволявшую непосредственно воздействовать на выработку не только внутренней, но и всей внешней политики. С учетом его политической платформы и влияния на нового хана, смена верховного правителя, обновление состава сановников двора означали не просто неизбежное наступление очередных перемен во властных структурах, но также и вероятность скорого изменения по-

²⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 343, л. 2.

литического курса Хивинского правительства в сторону его либерализации.

Вместе с тем Сеид Асфандияр-хан не желал чрезмерного усиления позиции при дворе вазир-и-акбара. Чтобы четко ограничить сферу его деятельности и роль в формировании политики правительства, он произвел некоторые существенные перестановки среди сановников двора, назначив представителей крайних радикалов из ближайшего окружения Хусаин-бека Матмурадова на ряд ключевых постов. Без всяких оснований был отправлен в отставку ясаулбаши Юнус-махрам, руководивший полицейской службой. Его место занял хаким Кунграда Кутлымурад-бай, который уступил пост другому претенденту — Шейх-назар-баю²¹. Сам же Хусаин-бек сохранил прежнюю должность главы ханской канцелярии, кстати, одну из высших при дворе. Не попали в новое правительство активисты группы Палваннияз-Ходжи Юсупова и других политических объединений и общественных движений, не имевших ярких лидеров.

Перестановки, осуществленные в составе кабинета, свидетельствовали о приходе к руководству страной социально неоднородных сил, которым предстояло формулировать и осуществлять нетрадиционный курс хивинских властей во внутренней и внешней политике, соответствующий современным реалиям. Однако этого не произошло ни тогда, ни позднее из-за упорного нежелания противоборствующих сторон пойти на компромиссы во имя общих интересов — решительного оздоровления политической и экономической ситуации в стране, вывода страны из кризиса, кардинальной перестройки отношений не только с метрополией, но и с соседями — Бухарой и Туркестаном.

Образование в ханском правительстве двух враждующих фракций, каждая из которых опиралась на поддержку весьма влиятельных кругов хивинского общества, придало борьбе между ними острый и непримиримый характер. Соперничая друг с другом, они стремились переподчинить себе Асфандияр-хана и добиться как можно больше уступок с его стороны для тех сил, которые стояли за их спиной. Хан не замедлил воспользоваться этим для создания своей проправительственной группировки. В октябре 1910 г. он обнародовал манифест, составленный из основных положений политических платформ Сеида Ислам-Ходжи и Хусаин-бека, а также некоторых других представителей оппозиции. По мнению С. Беккера, манифест якобы появился на свет только благодаря тому, что «Ислам-Ходжа был относительно либерален, а духовная иерархия Хивы не столь мощна, как Бухары», и потому «давление, которое Россия оказала на Асфандияра при его вступлении [на трон], чтобы ввести элементарные реформы, дало немало больше результатов, чем подобное давление, оказанное на эми-

²¹ *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 4 об.

ра Алима приблизительно в то же самое время»²². Такое утверждение не вполне убедительно и верно. В манифесте Асфандияр-хана действительно были учтены *некоторые* положения предполагаемых реформ в Хивинском ханстве, рассматривавшихся в администрации генерал-губернатора Туркестанского края и Санкт-Петербурге. О них Сеид Ислам-Ходжа как премьер-министр правительства, несомненно, был информирован. Вместе с тем большая часть обнародованных в документе намечаемых реформ, в проектах краевой администрации не предусматривалась вовсе. «Наше искреннее желание, — говорилось в ханском манифесте, — заключается в осуществлении реформ и расширении свобод, обеспечении справедливости в повседневной деятельности правительства во имя процветания страны, устранении тех давно устаревших правил, которые противоречат интересам подданных и нарушают их спокойствие, мешают развитию торговли и просвещения в государстве». В соответствии с этими принципами в манифесте были предусмотрены:

1) отмена в ханстве обязательных 12-дневных натуральных повинностей на очистке ирригационных сооружений, связанных с такими работами денежных сборов с населения;

2) оплата труда всех участвующих в ремонте оросительных каналов ежедневно в размере 2 теньги из государственной казны;

3) запрет на привлечение государственными служащими в принудительном порядке работников для рытья каналов и собственных нужд;

4) лишение судей, государственных чиновников и служащих права требовать вознаграждения за разбор жалоб граждан;

5) измерение земельного фонда для установления точного размера землевладений, справедливого и пропорционального распределения салгыта в полном соответствии с фактическими площадями землевладений;

6) пересмотр торговых сборов и других налогов и пошлин, взимаемых на базарах при осуществлении торговых операций;

7) строительство железных мостов на каналах и других ирригационных сооружениях для улучшения сообщения между городами, населенными пунктами;

8) совершенствование порядка управления принадлежащим религиозным учреждениям вакуфным земельным фондом; и т. д.²³

При всей половинчатости положения первого правительственного манифеста Сеида Асфандияр-хана, представлявшие собой нечто промежуточное между вполне конструктивными предложениями и пока

²² Becker S. Russia's protectorates in Central Asia... 2004. P. 229.

²³ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 159—160; Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 1—3.

только благими намерениями, объективно все же являлись прорывом в пересмотре фискальной политики, отмене обременительных для населения налогов, стимулировании предпринимательской деятельности. Несмотря на расплывчатость, они отвечали интересам прежде всего средних и низших слоев хивинского общества, несших на себе основную тяжесть налогового бремени, молодого торгово-промышленного капитала, который добивался ослабления позиций крупной феодальной олигархии, узурпировавшей в стране власть и паразитировавшей на эксплуатации производительных сил села, на отсталых земельных отношениях, не допускавших реформирования аграрной отрасли. Партия Ислам-Ходжи и радикалы во главе с Хусаин-беком опирались главным образом на средние и низшие слои хивинского общества, состоятельных предпринимателей (заводчиков), которых Асфандияр-хан хотел привлечь на свою сторону, чтобы серьезно ослабить противоборствующие группы, подготовить почву для их самороспуска и распада, укрепив свои позиции как верховного и абсолютного правителя.

Следует отметить, что Сеиду Асфандияр-хану, умудренному опытом дворцовых интриг, удалось внести раскол в ряды либералов и радикалов, завоевать симпатии среди части из них. Так, Ислам-Ходжа, выступавший за обновление системы народного образования в ханстве, ускорение развития национальной промышленности и торговли, в манифесте хана не мог не увидеть воплощения части своих замыслов. Документ удовлетворял и Хусаин-бека, который добивался пересмотра налоговой и торговой политики, лишения иностранного капитала привилегий, передачи их национальному предпринимательству. Оба выразили одобрение намерениям Асфандияр-хана и встали на его сторону. Наибольшее удовлетворение от союза с ним испытывали, безусловно, крайние радикалы, чьи представители заняли влиятельные посты в правительстве и региональной администрации. Они получили куда большую, чем либералы во главе с Ислам-Ходжой, возможность оказывать влияние на политический курс правительства, постепенно оттесняя на политической арене идейных соперников на второй план.

Манифест Асфандияр-хана был примечателен и тем, что в нем не затрагивались российско-хивинские отношения. Его положения касались только внутренней жизни ханства. Можно предположить, что этим новое правительство хотело как бы демонстрировать стремление действовать самостоятельно, не оглядываясь на Россию, мирными средствами добиться таких политических и социально-экономических перемен в Хивинском ханстве, которые в сопредельных странах Востока, например Иране и Турции, были уже осуществлены благодаря социальным революциям. В этой связи нельзя исключать, что авторы манифеста — своеобразной политической декларации правительства Сеида Асфандияр-хана — не смогли избежать определенного влияния популяризировавшихся как иранскими демократами, так и младотур-

ками идеологии и политики демократизации общественной жизни, конституционализма и парламентаризма, которые начали проникать не только в Хивинское ханство, но и в Бухарский эмират, овладевая умами и настроениями молодой национальной буржуазии.

В правительстве России и администрации туркестанского генерал-губернатора, куда был направлен текст «октябрьского» манифеста, оказались поддержать реформаторские усилия хивинских властей, однако не предложили и альтернативной программы преобразований. А. В. Самсонов в своей записке на имя военного министра и министра иностранных дел России обратил внимание на нереальность попыток пересмотра существующей системы поземельного налога в ханстве. Признавая неравномерность его распределения между землевладельцами, отсутствие какой-либо связи с фактическими размерами земельной собственности и формой владения ею, он, в частности, отмечал, что поземельная подать составляет в настоящее время «главный доход Хивинского правительства» и меры по ее пересмотру, означающие фактически переложение налогового бремени с малоземельных на состоятельную элиту общества, противоречат интересам привилегированного класса — опоры строя. Они, подчеркивал А. В. Самсонов, неминуемо вызовут «сильное недовольство» феодальной олигархии, справиться с которым Асфандияр-хану будет трудно²⁴. При этом он не желал признавать, что неравномерное распределение поземельного налога между малоземельными дехканами и состоятельной сельской аристократией и является одним из источников постоянного роста социальной напряженности в Хивинском ханстве. Что касается «сильного недовольства» привилегированного сословия землевладельцев, то и администрация туркестанского генерал-губернатора, и само ханское правительство имели достаточно сил и возможностей для его подавления. Более того, ратовавшие за пересмотр налоговой политики влиятельные представители торгово-промышленной буржуазии из среды либерально настроенных мелких предпринимательских слоев были готовы оказать содействие правительству в преодолении сопротивления консерваторов. Словом, аргументация А. В. Самсонова была необоснованной: за ссылками на возможное «сильное недовольство» земельной аристократии и «молодость» хана скрывалось неодобрение намеченных реформ, которые хивинские власти хотели осуществить самостоятельно, без официальной санкции российской центральной власти и ее Туркестанской краевой администрации. Действия правительства Хивы, хотя они и замыкались в рамках внутренних дел, никак не соответствовали устоявшимся принципам российско-хивинских отношений. Они не могли быть восприняты позитивно ни краевой администрацией в Ташкенте, ни официальным Санкт-Петербургом, ибо российские

²⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 132.

правлящие круги не могли не заметить, что намерения Хивы касались тех экономических вопросов, которые, по сути, носили политический характер, затрагивали интересы различных социальных слоев.

Мнение А. В. Самсонова при выработке окончательного решения по «хивинскому вопросу» сыграло определяющую роль. 11 ноября 1910 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов направил военному министру А. С. Сухомлинову секретное послание, в котором, излагая точку зрения своего ведомства на переустройство внутренней жизни Хивинского ханства, подробно высказался против конкретизации сути возможных реформ и предложил довести их до сведения Асфандияр-хана в порядке пожелания²⁵, не уточняя, о каких конкретно реформах идет речь: о тех ли, которые были разработаны в администрации генерал-губернатора Туркестанского края, или же о предложенных самим Хивинским правительством.

Военное министерство на депешу внешнеполитического ведомства откликнулось спустя более чем месяц. А. С. Сухомлинов 15 декабря 1910 г. передал в МИД ответное послание. В нем он поддержал тактику на «общие соображения», вместе с тем к самой идее реформирования хивинского общества отнесся крайне отрицательно. «Требование о реформах по отношению собственно хивинского населения, — подчеркивалось в депеше А. С. Сухомлинова, — является в настоящее время излишним»²⁶. Категоричное неприятие военно-политической элитой даже «верхушечного» реформирования хивинского общества весьма симптоматично: на всех этапах развития российско-хивинских отношений как до, так и после 1873 г. «ястребы», чье влияние на правящие круги империи было значительным, неизменно оставались приверженцами «силовых» методов решения политических проблем, выступали решительно против любой расконсервации деструктивных феодально-абсолютистских режимов, причем не только в Хивинском ханстве, но и в Бухаре, всячески препятствуя улучшению взаимопонимания между Россией и сопредельными государствами Центральной Азии. Отсюда — столь неадекватные подходы к восточной политике Азиатского департамента МИД и военного ведомства империи.

Отрицательная реакция правящих кругов России на попытки правительства Асфандияр-хана реформировать хивинское общество в условиях начала XX в. не могла остановить все более углубляющуюся политизацию масс и дифференциацию социальных сил или в принципе изменить обозначившийся новый внутривнутриполитический курс. Думається, его появление в немалой степени было связано и с активизацией в Хивинском ханстве организаторской и идеологической деятельности эмиссаров младотурецкого движения, которые сумели проникнуть в

²⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 172—176 об.

²⁶ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 183.

ряды многих общественно-политических течений. Имея значительный опыт нелегальной и полуполигальной работы, они без каких-то особых усилий смогли наладить самые тесные контакты с лидерами формирующихся хивинских партий, объединений и движений, придерживавшихся буржуазной ориентации. В связи с этим нельзя не заметить особо: есть немало серьезных оснований, позволяющих утверждать, что и политическое «созревание» умеренно-либеральной партии Сеида Ислам-Ходжи и крайних радикалов во главе с Хусаин-беком, и период прихода к власти Асфандияр-хана, появление «октябрьского» манифеста совпали именно с расширением деятельности в ханстве активистов младотурецкой партии «Единение и прогресс». Произошло это не случайно. Оно явилось следствием хорошо спланированной идеологической акции младотурков и их последователей в Хиве. Думается, этот вопрос заслуживает особого внимания.

В конце 1909 г. лидерами младотурков в Константинополе было образовано некое «Бухарское общество распространения знаний», которое сразу же стало претендовать на решающую роль в «перевоспитании» мусульман Центральной Азии по принципам «обновленного и прогрессивного ислама». В уставе общества предусматривалось открытие его отделений в городах Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также в Туркестанском крае с целью вербовки и отправки местной молодежи в учебные заведения Турции²⁷. Однако главная цель заключалась не в обучении и воспитании молодежи, приобщении ее к передовым идеям Запада, достижениям европейской науки и культуры, а в усилении пропаганды пантюркизма и панисламизма, националистической идеологии. Как бы подготавливая общественное мнение к очередной идеологической экспансии в регион Центральной Азии, газета младотурков «Ватан» («Родина») выступила с рядом статей, посвященных обоснованию притягательности панисламизма и пантюркизма. В одном из номеров она прямо заявляла, что деятельность младотурков играет историческую роль в популяризации и утверждении «конституционных начал в Афганистане»²⁸, намекая на то, что с таким же успехом они могут выполнять свою миссию в сопредельных Хиве и Бухаре, нуждающихся в модернизации.

Другая турецкая газета, «Сират-и-Мустаким» («Праведный путь»), в № 101 за 1910 г. опубликовала пространную статью, в которой, комментируя меры, принимаемые правительством России по борьбе с коррупцией среди чиновников краевой администрации на местах, преподносила их не иначе как покушение на суверенитет Хивинского ханства и Бухарского эмирата. В статье, в частности, указывалось, что

²⁷ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 652, л. 32—32 об.

²⁸ Обзор периодической печати о сопредельных с округом странах (с 1-го по 15-е декабря 1910 г.). № 1. Ташкент, 1910. С. 8.

«всем русским чиновникам запрещено принимать ордена и подарки от эмира бухарского и хана хивинского. Не оставив им никакой власти, Россия, чтобы отнять последнюю тень независимости у этих несчастных повелителей, ныне берет их окончательно в свои руки»²⁹. Между тем было общеизвестно, что местные правители под различными предлогами щедро одаривали ставленников российской администрации. чтобы в случае острой необходимости получить их поддержку и благосклонность при осуществлении тех или иных проектов и организации встреч с министрами, дипломатическими служащими и т. п. В свою очередь, руководители российской администрации, причем высокого ранга, часто злоупотребляли служебным положением и буквально вынуждали местных правителей разного уровня, включая родоплеменных вождей, «одаривать» их крупными денежными суммами, ценными подарками. Например, генерал-майор Глушановский, занимавший в 1906—1910 гг. пост начальника Амударьинского отдела, регулярно выманивал у хивинского хана крупные суммы, получил в подарок коляску и лошадь. Заменявший его полковник В. П. Колосовский, по его личному признанию, был вознагражден «за заслуги» перед ханским правительством 190 тыс. руб., а начальник Азиатской части Главного штаба генерал Цейль — 200 тыс. руб. Внушительные суммы были получены в качестве «подарка» военным министром А. С. Сухомлиновым, полковником М. Н. Галкиным и др. Турецкая официальная и эмигрантская «коппозиционная» печать об этих и подобных фактах, вызывавших возмущение во всем мусульманском мире, почему-то предпочитала умалчивать, хотя они, несомненно, были ей известны.

В декабре 1910 г. газета «Мусульманин», издававшаяся в Париже турецкими эмигрантами, в одном из номеров поместила статью своего кабульского корреспондента, в которой вновь шла речь о российской политике в государствах Центральной Азии, рассказывалось о «созидательной миссии» Турции в мире. В публикации указывалось на непримиримые противоречия между Великобританией и Афганистаном, роль обществ младотурков, особенно офицеров, в налаживании связей «с единоверной страной» и, в частности, сообщалось, что давно «существует якобы тайное соглашение между Русским и Английским правительствами о присоединении: первым — Бухарского эмиратства и Хивинского ханства, а вторым — Афганистана. Здесь (имеется в виду Афганистан. — М. Н.) глубоко убеждены, что так и будет...»³⁰. И далее, противопоставляя политику Турции и России, автор, отнюдь не скрывая симпатий и антипатий, голословно утверждал: «...Но, господа, возразил я, прошу вас не смешивать Бухару и Хиву с Афганистаном:

²⁹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 695, л. 20.

³⁰ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 612, л. 10—11; д. 1148, л. 4—5.

что, собственно, представляют собой упомянутые ханства? Разве можно сравнить их с Афганистаном, представляющим собой вполне благоустроенное государство, с военной организацией (читай: только благодаря помощи Турции. — *М. Н.*), которой могла бы позавидовать любая страна, не исключая и европейской». Последствия же российской политики, по мнению автора статьи, отчетливо просматривались в том, что эмирская «Бухара, с ее внутренней гнилью, и Хива — это кукольные ханства, существующие благодаря исключительно благодушию русских...». После пространных размышлений, так и не сумев привести какие-либо весомые аргументы в пользу своих умозаключений, автор статьи, опровергая самого себя, в конце концов был вынужден признать, что «никакая сила не остановит хода исторических событий», то есть неуклонного сближения России с Бухарой и Хивой, и заключал, что «русские ничего не теряют, оставляя Бухару и Хиву жить самостоятельно...»³¹.

Массированная пропагандистская кампания вновь сопровождалась засылкой в государства Центральной Азии, в том числе и Хиву, активистов «Бухарского общества распространения знаний». 17 июня 1910 г. один из них, некто Хамид-Ходжа, выехал в Хиву³². Сведений о том, удалось ли ему добраться до места назначения и основать отделение своего общества, обнаружить не удалось. Однако известно, что примерно в то же самое время в одну из новометодных школ города Кунграда поступил учителем Мухаммед Шариф Суфи-заде, который был родом из ферганского города Чуст, но длительное время проживал в Турции, служил имамом в мечети Стамбула, а затем, окончив там же элитный преподавательский колледж (*Darülmüallimin-i Şahane*), решил заняться просветительской деятельностью³³. В Кунграде он пробыл недолго. Не встретив поддержки своим идеям, Мухаммед Шариф Суфи-заде перебрался в Туркестан, откуда вскоре вовсе отбыл в Афганистан³⁴. Вместе с тем в ханстве в рассматриваемый период имелась многочисленная ирано-турецкая диаспора. Только по официальным данным канцелярии начальника Амударьинского отдела в Хиве проживало свыше 50 персидских подданных³⁵. Из-за постоянной напряженности отношений между Россией и Турцией младотурецкие эмиссары зачастую прикрывались персидским паспортом. С ними поддерживали тесные контакты многие сановники Хивинского прави-

³¹ Обзор периодической печати о сопредельных с округом странах (с 15-го дек. 1910 г. по 1-е янв. 1911 г. № 2. Ташкент, 1910. С. 2—5.

³² ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 695, л. 33.

³³ См.: *Khalid A. The politics of Muslim cultural reform: jadidism in Central Asia*. Berkeley; Los Angeles; London, 1998. P. 111.

³⁴ См.: *Ibid.* P. 111.

³⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 70 об.—71.

тельства, включая самого Сеида Асфандияр-хана, Ислам-Ходжу и Хусайн-бека Матмурадова, пользуясь их советами при решении даже внутривластных проблем. Не исключено, что «октябрьский» манифест Сеида Асфандияр-хана — продукт совместных усилий и либералов, и радикалов, и младотурецких эмиссаров, обосновавшихся в Хиве и наращивавших связи с правящими кругами.

Есть все основания говорить и о том, что в разработке документа, наряду с младотурками, участвовали татарские панисламисты из Крыма и Поволжья. В Хиве, Новом Ургенче и других городах проживали около 220 русскоподданных татар, многие из которых занимались в ханстве предпринимательством, просветительской деятельностью, пропагандой панисламизма³⁶. Заметной активностью выделялся среди них молодой учитель открытой Сеидом Ислам-Ходжой новометодной школы Хабир Абдирашитов. По сведениям администрации Амударьинского отдела, он был основателем полулегального «малого двора» в доме вазир-и-акбара, на собраниях которого предварительно обсуждались выносимые на заседания Олий кенгаша при хане важнейшие проблемы и вопросы государственного значения, касающиеся отношений Хивинского ханства с Россией и другими соседними государствами. «Кроме своего учительского дела, — отмечалось в рапорте начальника отдела, — молодой татарин Абдирашитов принимает деятельное участие и во внутренней политике Хивинского ханства, состоя при малом дворе Сеида Ислама-Ходжи». Как правило, при рассмотрении политических проблем он не ограничивался просвещением участников тайных собраний, то есть регулярным информированием о событиях внутри страны и за ее пределами, пытался внушить им мысль о необходимости повышения роли и значения Хивы в регионе и уменьшения ее зависимости от России³⁷. На это в общем-то и был нацелен «октябрьский» манифест Сеида Асфандияр-хана, хотя он скорее ставил, а не решал назревшие проблемы, волновавшие хивинское общество.

Российское правительство допускало серьезную ошибку, игнорируя программный документ Хивинского правительства, усиливающееся влияние на его курс в области внутренней и внешней политики формирующихся партий и общественных движений, либералов и крайних радикалов, панисламистов и пантюркистов. Не вникая в происходящие в ханстве перемены, апеллируя к изжившим себя принципам прямого управления, которые фактически уже не действовали, оно тем самым само способствовало привнесению конфронтационных тенденций в российско-хивинские отношения, во взаимопонимание между двумя государствами. Пользуясь просчетами правящих кругов России:

³⁶ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 174 об.

³⁷ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 173—174.

пантюркисты и панисламисты всеми общедоступными формами и методами пропагандировали идею «мусульманского единства». Они призывали отказаться от сближения с Россией и встать на путь самостоятельного развития в союзе с Турцией. Такие призывы находили отклик среди нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии, либерально настроенных слоев земельной аристократии, молодой духовной интеллигенции, других слоев хивинского общества.

Стремление пришедших к власти новых представителей правящих кланов Хивинского ханства к пересмотру политических отношений с Россией, к самоопределению и независимости контрастно проявилось в феврале 1911 г. во время визита в Санкт-Петербург многочисленной правительственной делегации во главе с Сеидом Асфандияр-ханом. В ее составе, наряду с Ислам-Ходжой и Хусаин-беком, находились хаким Ханкинского бекства Хаджи-бай Аманбаев, глава ханской нукерской службы (старший сипахи) Яхшимурад-бай, представители деловых кругов — крупные заводчики и торговцы, основатели торгового дома «Бр. Баккаловы» караван-баши Матвафа Баккалов, его сыновья Абдурахман и Салихбай Баккаловы, Якупбай-кара Ирниязов, сановники Ашур-махрам, наследник Мамат-махрам — всего около 30 представителей ханской родни, правящих и деловых кругов.

Переговоры с российской стороной, которую представляли министр иностранных дел С. Д. Сазонов, руководители Военного министерства и другие члены императорского правительства, вели Ислам-Ходжа и Хусаин-бек. Хивинской делегацией, судя по источникам, был внесен на рассмотрение широкий круг вопросов политического и экономического характера, касавшихся прежде всего реформ во внутренней жизни ханства, намеченных правительством Сеида Асфандияр-хана: 1) об упорядочении финансирования и содержания государственного аппарата; 2) реформирование налогообложения земельных владений; 3) совершенствование налоговой политики в сфере торговли и предпринимательской деятельности; 4) ирригационно-мелиоративное строительство; 5) модернизация путей сообщения, внедрение телеграфной связи между Хивой и Россией; 6) введение в ханстве единой системы медицинского обслуживания и основание врачебной части; 7) организация контроля за использованием вакуфного имущества; 8) создание современной системы образования; 9) формирование доходов хивинского хана; и т. д.³⁸

Как явствует из перечня вопросов, часть из них перекликались с теми, которые летом 1910 г. разрабатывались в администрации генерал-губернатора Туркестанского края, но не были реализованы. Не исключено, что, направляясь в Санкт-Петербург, хивинская делегация имела в Ташкенте встречу с чиновниками краевой администрации и

³⁸ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 2—7.

консультировалась с ними, была информирована ими о том, какие проблемы представляют взаимный интерес и могут стать на переговорах предметом повышенного внимания и всестороннего обсуждения. Некоторые из них, в частности, касающиеся пересмотра земельного налога, привлечения населения на весенние ирригационно-мелиоративные работы, обустройства путей сообщения, организации здравоохранения и государственного медицинского обслуживания, модернизации системы образования, упорядочения эксплуатации вакуфного имущества, установления контроля над доходами и расходами ханской казны, известные Российскому правительству, были, скорее, «позаимствованы» из проектов, предложенных В. Мустафиным, А. Д. Калмыковым, Н. П. Остроумовым, М. А. Куриловым. Как Сеид Ислам-Ходжа, так и Хусаин-бек Матмуратов не скрывали своей заинтересованности в них. Они надеялись, что российская сторона возвратится к ним, учтет пожелания, высказанные хивинской делегацией в ходе предварительных обсуждений, и окажет более активное содействие преобразованию внутренней жизни ханства, совершенствованию торгово-экономических, политических и культурных связей с Россией, Туркестаном, Бухарой и другими сопредельными странами. На данном этапе развития радикальное обновление отношений между Россией и Хивой отвечало обоюдным интересам. Оно могло помочь устранить те препятствия, которые мешали интенсификации позитивных тенденций в двусторонних контактах, наполнению их новым содержанием.

Было бы ошибочно считать, что все предложения делегации Хивы были аналогичны тем, что содержались в проектах пока еще не осуществленных российских реформ. Большинство из них совпадали только по форме, общему направлению, но не по содержанию. Так, например, в проекте В. Мустафина серьезное значение придавалось введению единого финансирования из бюджета центрального аппарата государственной власти и местных администраций. Вместе с тем о размерах заработной платы не говорилось. А во время переговоров в Санкт-Петербурге хивинской делегацией назывались точные цифры оплаты труда: для высших сановников центральных правительственных органов — от 5 до 10 тыс. тилля (от 9 до 18 тыс. руб.), хакимов — от 1 до 2 тыс. тилля (от 1800 до 3600 руб.) в год. Вводилось фиксированное ежегодное жалованье для махрамов и второстепенных хакимов (вероятно, беков городов. — М. Н.) в размере не более 1 тыс. тилля (1800 руб.)³⁹. Все расходы покрывались за счет государственной казны.

Вакуфные земли намечалось передать в распоряжение государства, а доходы с них направить прежде всего на нужды просвещения. При налогообложении землевладельцев было сохранено традиционное деление на три категории (*аъло*, *авсат* и *адно*) в зависимости от раз-

³⁹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 2—2 об.

меров находящейся в личной собственности земельной площади, но теперь обязательно учитывались и такие показатели, как обеспеченность водой, плодородие и урожайность, чему ранее никакого значения не придавалось. Это новшество снимало казус, когда владельцы высокопродуктивных земель платили в казну салгыт в том же размере, что и владельцы земель малоплодородных и низкоурожайных. При этом первые благодаря высокой отдаче вкладываемых средств получали зачастую в несколько раз больше чистой прибыли, чем те, кто были вынуждены заниматься организацией производства на низкоурожайных землях. Диспропорциональность взимания поземельного налога была выгодна крупным землевладельцам, в личной собственности которых находились не сотни, а тысячи танапов плодородной пашни, фактически не облагавшиеся налогом дифференцированно, с учетом реальных затрат труда и доходности пашни.

Школьная политика, намечаемая к реализации Хивинским правительством, по сути, мало чем отличалась от предложений Н. П. Остроумова, содержащихся в его проекте. Они были лишь скорректированы в направлении создания сети новометодных мактабов вместо училищ и профессионально-технической школы, дающей общее среднее образование. То же самое можно сказать и о модернизации путей сообщения на территории ханства, постройке телеграфа, железных мостов и т. д. Здесь у сторон серьезных противоречий не наблюдалось: все дорожные и строительные работы планировалось финансировать за счет внутренних хивинских источников, частных капиталовложений. Кроме того, по некоторым сведениям, участники переговоров с российской стороны предложили направить на инвестирование работ и часть тех средств, которые поступали в счет военной контрибуции, наложенной на ханство в 1873 г. Они должны были расходоваться на строительство почты и телеграфа, больницы в городах Новый Ургенч и Хива. Сеид Ислам-Ходжа и Хусаин-бек высказались за принятие предложения.

На этот раз переговоры хивинской делегации в Санкт-Петербурге завершились успешно. Впрочем, применительно к собственно хивинско-российскому переговорному процессу это определение является весьма условным. Дело в том, что по завершении переговоров, как и прежде, какие-либо документы не подписывались. Российская сторона де-юре ничем не подтвердила принятие на себя обязательств, связанных с участием в осуществлении в Хивинском ханстве намечаемых преобразований. Из этого следует, что царское правительство по-прежнему рассматривало Хиву не как субъект международного права, а как протекторат империи, зависимую страну и, идя на переговоры, стремилось продемонстрировать свою моральную поддержку нового хана — Сеида Асфандияра, а также Сеида Ислам-Ходжи и Хусаин-бека, чья деятельность пока не препятствовала реализации российской по-

литики в ханстве. Их стремление внести преобразования во внутреннюю жизнь Хивы расчищали путь для создания более благоприятных условий для функционирования торгово-промышленного и финансового капитала России в регионе. К тому же в элите российской правящей верхушки были убеждены, что «при деспотическом образе правления и отсутствии сознания права у населения все реформы являются призрачными и произвол вряд ли возможно устранить реформами при таких условиях»⁴⁰. Этот взгляд можно считать преамбулой нового витка российско-хивинского переговорного процесса, когда была внесена существенная определенность в само понимание социальной природы и политической сути правящих институтов Хивинского ханства, их роли и места в обществе.

Переговоры, результаты которых были предсказуемы, не внесли в практику российско-хивинских отношений ничего существенного. Как «октябрьский» манифест Асфандияр-хана, так и намеченные реформы не затрагивали тщательно оберегаемых царским правительством и его администрацией в Туркестанском крае принципов непрямого управления. Ханское правительство не нашло силы переломить ситуацию и заострить внимание на отмене дискриминационных статей договора 1873 г., лишившего Хивинское ханство права дипломатических сношений с другими государствами. Несмотря на настойчивые усилия пантюркистов и панисламистов, вопрос о расширении самостоятельности Хивы в Санкт-Петербурге не поднимался ни Ислам-Ходжой, ни Хусаин-беком. Обращение хивинских властей за одобрением реформ в правительство Николая II свидетельствовало о неспособности ханского правительства на самостоятельные действия, о все большей «привязке» его курса к политике России. Идея реформ в хивинском обществе использовалась как инструмент предотвращения в Хиве воздействия «снизу» на решение назревших проблем.

Реформы Сеида Ислам-Ходжи. Противодействие им радикальной и консервативной оппозиции

Итоги российско-хивинских переговоров, состоявшихся в Санкт-Петербурге в феврале 1911 г., в политических и деловых кругах Хивы были восприняты далеко не однозначно. Сеид Асфандияр-хан и его ближайшее окружение, продемонстрировав лояльность к правительству России, готовность безоговорочно соблюдать условия заключенных ранее дискриминационных российско-хивинских соглашений, как бы вновь заручились практической поддержкой царского правительства.

---

⁴⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 58 об.

Лидеры же влиятельных партий и объединений, в частности Сеид Ислам-Ходжа и Хусаин-бек Матмурадов, получили возможность твердо заявить о себе как о сторонниках реформ и последовательных защитниках интересов всех слоев хивинского общества. Входявшие в состав правительственной делегации представители национального крупного торгово-ростовщического и промышленного капитала, явно надеявшиеся на содействие Российского правительства в подъеме экономики ханства, особенно в развитии современных отраслей производства, и на упразднение ограничений в осуществлении внешнеторговых операций, в очередной раз убедились в непреодолимости всех искусственных препятствий на пути эволюции предпринимательства, воздвигнутых российскими властями. Они не достигли ожидаемых результатов и были вынуждены довольствоваться теми налоговыми послаблениями, которые сулили намечаемые реформы, а также мерами социально-культурного характера, направленными на совершенствование образования и здравоохранения.

Аккумуляция в «программе» преобразований разнопалитровых политических и социально-экономических целей отражала реальную ситуацию с расстановкой в ханстве политических сил, заинтересованных в переустройстве хивинского общества, создании материальных и духовных предпосылок для внедрения буржуазных отношений. Однако это единство носило временный характер. Широта социальной базы реформаторского движения, простиравшаяся от умеренных либералов (Ислам-Ходжа) и крайних радикалов (Хусаин-бек, Якупбай-кара Ирниязов) до консерваторов (Асфандияр-хан, Хаджибай Аманбаев) и части старообрядцев (Ашур-махрам, Талиб-Ходжа), примкнувших к реформаторам, указывала на недолговечность компромисса, заключенного между ними. Каждое из общественных движений и идейных течений, независимо от их места в политической палитре страны, прежде всего отстаивало интересы того класса или социальной группы, из среды которого вышло. Но как только они оказывались за рамками его стратегических целей, союз, базировавшийся на компромиссе, тут же распадался. Эта закономерность не миновала развитие реформаторского движения и в Хивинском ханстве.

После возвращения из Санкт-Петербурга Сеид Асфандияр-хан обнародовал ряд фарманов с изложением целей и задач как политических, так и экономических реформ. Документы, подготовленные вазир-и-акбаром Ислам-Ходжой и его единомышленниками, охватили все нововведения, рассматривавшиеся на российско-хивинских переговорах и признанные как целесообразные для реализации. В соответствии с ними были отменены традиционно практиковавшиеся некомпенсируемые ирригационные повинности. Повсеместно начался переучет сельскохозяйственных угодий. Хакимы и беки, другие главы местных администраций вилайетов, бекств и городов получили специ-

альные тетради для ведения контроля за использованием вакуфного имущества, регистрации налоговых поступлений. Эти новшества должны были способствовать объективизации реального положения с землепользованием в стране, выявить сокрытые от учета сельскохозяйственные угодья независимо от их классификации и упорядочить налогообложение землевладельцев, на практике применив дифференцированную систему салгыта.

Большое значение в документах придавалось созданию современной структуры народного образования, призванной дополнить духовное, конфессиональное. Было признано необходимым открыть новометодные мактабы в Хиве, Новом Ургенче и других городах. В связи с этим, выполняя предписание краевой администрации, начальник Амударьинского отдела обратился к Сеиду Асфандияр-хану с предложением основать в городе Хиве подготовительную школу с 5-летним сроком обучения с преподаванием элементарных общеобразовательных дисциплин и религии на родном языке и одновременно открыть учительскую школу с 4-летним курсом обучения взрослых учеников местного медресе для подготовки их к учительской деятельности в местных мактабах. К письму прилагался и проект учреждаемой в Хиве подготовительной школы⁴¹, составленный, скорее всего, Н. П. Остроумовым.

Модернизация коснулась и такого закостеневшего института, столетиями не подвергавшегося изменениям, как судебная система. В фармане Асфандияр-хана о реформе судов впервые были четко сформулированы их права и обязанности при рассмотрении гражданских дел, связанных с разбором жалоб, имущественными спорами, оскорблением личности, нанесением легких телесных повреждений и т. п., а также уголовных, возбуждаемых при совершении особо тяжких преступлений, в том числе кражи частной собственности, изнасилования или избиения женщины и др. В документе впервые употреблялись такие понятия, как «следственные действия для определения истины», «сбор доказательственной информации», «предварительное расследование», указывались и виды наказаний за различные преступления. Таким образом наносился мощный удар по монополии шариата и духовенства в сфере гражданского права и судопроизводства, по святости средневековых норм и принципов ислама.

Судам вменялось в обязанность при расследовании дел о наследстве руководствоваться принципами шариата. Споры о праве на наследование земельной собственности должен был рассматривать представитель суда (казий) или духовенства с выездом на место и с использованием данных официальной «земельной тетради». Они обязывались заслушать обе стороны. При проведении следственных дей-

---

⁴¹ ЦГА РУ, ф. 125, оп. 1, д. 331, л. 19—24.

ствий с выездом на место с истца взыскивалось от 5 до 50 теньг в зависимости от характера и сложности разбираемого заявления. Учитывая наиболее распространенный характер тяжб, касающихся права на наследство, фарман разграничивал компетенцию местных шариатских и адатских судов. Если общая стоимость оспариваемого имущества превышала 50 тилля, то окончательное решение по делу принималось на самом высоком уровне — правителем. Местные суды, рассмотрев жалобу, касающуюся дележа имущества или же права на наследство, могли объявить приговор после получения заключения правителя и взыскать с заинтересованных сторон от 1 до 10 тилля, а в особых случаях — до 50 тилля.

Если истец обращался в суд адата в письменной или устной форме с просьбой о подтверждении наследственных прав или дележе имущества, то решение по данному делу могло приниматься и кетхудами (старшинами) при обоюдном согласии сторон. При этом проводивший расследование *ясаул-ходжа* (старший есаул) имел право получить с заявителя за свои услуги компенсацию до 4 теньг. Если же размер спорной земельной площади был менее 1 фарсаха (0,5 дес.), то, с учетом материального положения жалобщиков, сумма компенсационной выплаты колебалась от 1 теньги до 1 тилля. При рассмотрении дела в течение 1—2 дней суды взыскивали до 1 тилля, 10—15 дней — по 4 теньги от каждых 100 тилля стоимости наследуемого имущества.

В соответствии с нововведениями, за оскорбление личности, нанесение легких телесных повреждений, если подобного рода действия были засвидетельствованы кетхудой, виновный приговаривался к наказанию палочными ударами (в зависимости от его телосложения). Количество ударов не могло превышать 25. За исполнение приговора взыскивался *миршаб пули* (полицейский сбор) — 1—2 теньги. Следует отметить, что в тех случаях, когда после получения наказания виновный не был способен самостоятельно передвигаться и его приходилось доставлять домой, миршаб пули составлял от 10 теньг до 5 тилля, а в течение всего периода лечения раны и нахождения дома, доставки ему хлеба и других продуктов он платил по 2 теньги за каждый день.

Привлеченный к ответственности за совершение особо тяжких преступлений, например изнасилование, кроме лишения свободы нес и материальную ответственность. Так, приговором суда с него взыскивали *ясаул пули* (караульный сбор) и миршаб пули в размере от 2 до 20 тилля, а при заточении в *зиндан* (темницу) — *кунда пули*, то есть плату за деревянные колодки, в которые он заковывался. Аналогичные сборы оплачивали и осужденные за кражу чужого имущества. Воровство относилось шариатом к разряду особо тяжких преступлений и поэтому наказывалось соответствующим образом по всей строгости традиционного мусульманского права.

Как преступление расценивалось избиение жены, изгнание ее из дома. Однако ханский фарман, родившийся в условиях политического, экономического и социального беспорядка женщин, не мог поставить заслон их притеснениям, ущемлению чести и достоинства. В документе оговаривалось, что любое дело о факте насилия над женщиной подлежит рассмотрению в судах только в тех случаях, когда имеется прошение есаула⁴². Следовательно, заявление самой потерпевшей не могло служить основанием для начала судебного разбирательства.

Фарманы Сеида Асфандияр-хана сразу получили заметный общественный резонанс. «Туркестанские ведомости» уже 14 апреля 1911 г. сообщили о статье Мохаммеда-Хади, напечатанной в газете «Танин», выпускавшейся в Константинополе. Автор ее утверждал, что реформы в Хивинском ханстве связаны с обновлением Турции. Подвергая сомнению обоснованность этой параллели, «Туркестанские ведомости» обращали внимание читателей на наметившееся улучшение взаимоотношений Хивы с Россией, что создавало надежную основу для коренного реформирования политических и экономических институтов ханства, и призывали общественность «горячо приветствовать преобразовательные стремления хивинского эмира». Публикации примерно такого же содержания были помещены и в некоторых других официальных изданиях. Откликнулись на начало реформирования хивинского общества также и печатные издания российских джадидов, в частности газета «Вакт» («Время»).

Только что вступивший в должность начальника Амударьинского отдела Н. С. Лыкошин, комментируя обнародованные Хивинским правительством реформы, констатировал, что Асфандияр-хан, «по его словам, задался целью водворить в ханстве справедливость, ввести равномерное обложение податью, уничтожить произвол сановников. незаконные их поборы и обременение народа натуральными повинностями»⁴³. В своем рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора он обстоятельно излагал содержание принятых Хивинским правительством решений, воздерживаясь от личных оценок. Документы были изучены во всех инстанциях — и администрацией Туркестанского края, и внешнеполитическим ведомством, но со стороны представителей правительственных кругов не было по этому поводу ни официальных заявлений, ни комментариев. Вероятно, российские власти не были убеждены в достаточной последовательности Сеида Асфандияр-хана и его окружения, сомневались в решимости хивинских правителей осуществить намеченные реформы. Возможно, они ожидали первого практического результата.

---

⁴² ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 2; *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 10 об.—14.

⁴³ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 136.

В самой Хиве ханские фарманы, принятые по инициативе Сеида Ислам-Ходжи, вызвали отрицательную реакцию радикалов во главе с Хусаин-беком, старообрядцев из числа правящих кругов, ортодоксального духовенства и консервативной феодальной земельной аристократии. Принадлежа к различным социальным слоям и группам хивинского общества, проповедуя полярно противоположные взгляды, они, тем не менее, оказались ярыми противниками реформ. Хусаин-бек и его окружение усмотрели в них укрепление позиций партии Сеида Ислам-Ходжи и провал своего политического курса. Как явствовало из документов, Сеид Асфандияр-хан, находясь под сильным влиянием вазир-и-акбара, не решился в одностороннем порядке пересмотреть отношения с Россией, провозгласить суверенитет и независимость Хивинского ханства. Вопреки ожиданиям крайних радикалов, ханские фарманы не предусматривали «расширение политических свобод», введение, по примеру Турции и Ирана, конституции, избрание парламента (*меджлис*). Крайние радикалы добивались в первую очередь именно этого.

Старообрядцев нововведения не устраивали, потому что переучет земель, установление государственного контроля над сбором налогов, отмена ирригационной повинности разрушали традиционную систему «кормления» государственного аппарата за счет налогоплательщиков. При измерении земельного фонда могли быть выявлены скрытые от учета площади, выпавшие из сферы налогообложения и сдававшиеся в аренду.

Отмена на ежегодной очистке основной ирригационно-мелиоративной сети некомпенсируемых работ, в ходе организации которых чиновниками широко применялась система откупа за взятки, лишала их гарантированных доходов. Ужесточение контроля над сбором налогов, в том числе и с торговых операций, не позволяло чиновникам центральной и местных администраций разного ранга присваивать значительные финансовые средства путем манипулирования общей численностью налогоплательщиков, предоставления отсрочек и самовольного увеличения суммы, подлежащей взысканию.

Ортодоксальное духовенство категорически отвергало саму идею установления контроля государства над теневым и прибыльным вакуфным имуществом, особенно — земельным фондом религиозных Учреждений. В этом секторе производилось не менее 25 % валового внутреннего продукта, которым распоряжалось исключительно духовенство. Будучи крупным земельным собственником и обладателем недвижимости, институт религиозных учреждений представлял собой некое государство в государстве, имел неограниченные возможности для влияния на политическую и социально-экономическую жизнь страны. Введение правительственного контроля над формированием и использованием вакуфного имущества, лишение его неприкосновен-

ности подрывали экономическую основу могущества института духовенства, ставили в зависимое положение от органов государственной власти.

Попытки ханского правительства упорядочить практику судопроизводства и четко разграничить некоторые виды наказаний, ссылаясь на традиционное мусульманское право, де-факто означали ревизию норм и принципов шариата. Духовенство, игравшее ключевую роль в многоступенчатой системе судопроизводства, а также юриспруденции, разработке нормативных актов, этого допустить не могло.

Серьезный удар наносили реформы и по крупным земельным собственникам. Применение дифференцированных земельных налогов преследовало две взаимосвязанные цели: во-первых — создать надежную материальную базу для формируемого на новых принципах государственного бюджета, во-вторых — уравнивать в правах и мелких и крупных землевладельцев путем равномерного распределения налогового бремени. Вместе с тем распространение на крупных земельных собственников системы так называемого «пропорционального» налогообложения, при котором размер салгыта не определялся произвольно, а ставился в прямую зависимость от объема землевладения, сужало возможности делать накопления и подрывало основу господства феодальной земельной аристократии в экономике ханства, расширяя при этом простор для предпринимательской деятельности формирующейся как класс молодой хивинской торгово-промышленной буржуазии.

Понимал ли Сеид Асфандияр-хан, какие последствия могут вызвать те фарманы, которые были одобрены им весной 1911 г.? Ответить однозначно на этот вопрос сложно. Документы свидетельствуют, что Асфандияр-хан был натурой крайне противоречивой. Унаследовав трон в сложный для страны период, он четко осознавал необходимость реформирования общества, ибо был в курсе нововведений П. А. Столыпина и тех преобразований, которые осуществлялись в Иране, Афганистане и Турции. Однако, придя к власти, Сеид Асфандияр-хан собственной программы не имел и потому постоянно апеллировал к различным политическим силам — то к Сеиду Ислам-Ходже или же Хусаин-беку, то к старообрядцам, видя в каждом из них одновременно и союзников, и противников, и конкурентов.

Ведя борьбу с самим собой, лавируя между политическими группировками, подпадая под влияние то радикалов, то соглашателей, то центристов, Асфандияр-хан подлинным преобразователем жизни Хивинского ханства так и не стал. Он неизменно озвучивал чужие идеи. Исследователи единодушны в том, что автором нововведений, осуществлявшихся в первые годы правления Асфандияра, был именно вазир-и-акбар Сеид Ислам-Ходжа. Благодаря его усилиям, политической прозорливости впервые в истории Хивы была разработана своеобразная государственная программа первоочередных мер по расконсерва-

ции и реформированию общества, которая нашла яркое отражение в фарманах начала 1911 г. Подписывая их, Асфандияр-хан не представлял себе их возможных последствий. Для него было важно другое — то, что реформы позволяют максимально пополнить казну путем расширения зоны обложения поземельным налогом, в ряде существенных направлений учитывают предложения российских властных структур, изложенные в проектах реформ, выдвинутых в 1910 г. туркестанской краевой администрацией, а также во время двусторонних переговоров в Санкт-Петербурге.

Объективность требует заметить, что реформы 1911 г. при всех положительных моментах, в них аккумулированных, не могли в корне изменить социально-политическую и экономическую ситуацию в ханстве. Дополняя «октябрьский» манифест 1910 г., развивая и уточняя основные положения документа, они тем самым лишь подготавливали условия для реставрации распадающегося феодального строя, абсолютистской монархии без радикальной ломки. Этим исчерпывалось их прогрессивное значение. Реформы оставляли нетронутой всю систему отсталых производственных отношений, не обозначали направлений и форм преобразования хивинского хозяйства, его источников, не предусматривали совершенствования структуры общественного производства, расширения масштабов и ускорения темпов создания современных отраслей промышленности, в том числе специализирующихся на выпуске из перерабатываемого местного сырья (хлопка-сырца, кожи, коконов тутового шелкопряда и т. п.) готовых изделий, что, как и в прежние годы, обрекало еще формирующееся промышленное производство на стихийное развитие. Не были определены и направления развития хивинского внутреннего рынка. Главный недостаток программы реформ заключался в том, что на фоне нововведений сохранялось и имущественное, и социальное неравенство в обществе, являвшееся источником социальной и политической нестабильности. Эти проблемы давно волновали хивинское общество.

Для противников реформ их недостатки принципиального значения не имели. Важным для них было то, что новшества не укладывались в их собственные представления о политическом, экономическом, социальном и духовном прогрессе, которые сформировались в условиях феодального строя и архаичной абсолютистской монархии, господства в ключевых сферах общественной жизни религиозной идеологии и отсутствия свободомыслия. Консерватизм мышления, приверженность догмам стали стимуляторами консолидации всех противников реформ и попыток не только остановить процесс преобразований, но и повернуть его вспять.

Примерно в апреле (мае) 1911 г., воспользовавшись отъездом Ислам-Ходжи для лечения на Кавказ, консервативная оппозиция образовала представительную антиреформистскую коалицию. Она обрати-

лась к Сеиду Асфандияр-хану с петицией, в которой потребовала отказать от намеченных мер. Ее составители утверждали, что отмена существовавшего в ханстве порядка *казу* грозит резким ухудшением водоснабжения поливных и засушливых земель. По их мнению, разносанные хакимам и бекам тетради, предусматривающие усиление функций местных администраций, составлены без учета норм шариата и адата.

Серьезной критике подвергался в петиции пересмотр традиционной системы поземельного налога. Все землевладельцы, получающие продукцию благодаря водам Джейхуна — Амударьи, вносят *ушр* (пожертвование), говорилось в ней. Одному, к примеру, со своих 10 танпов удается собрать 10 батманов пшеницы, а другому — 100. Поэтому, заявляли критики, взимание салгыта в соответствии с размерами земли является насилием, противоречит адату. Налоги должны собираться по прежним тетрадям, составленным с учетом требований народа и принятым с его согласия, а поступления по ним от салгыта должны использоваться в интересах малоимущих и больных.

Не согласуется с нормами шариата и переучет личной земельной собственности, отмечалось далее в петиции. Ее передача по наследству была введена еще Мухаммедом Амин-ханом. Менять это правило нет оснований. Переучет землевладений преследует единственную цель — терроризировать народ и вызвать его недовольство. Этот шаг может привести к непредсказуемым последствиям.

Отвергались в документе реформа судопроизводства и изменение видов наказаний. Подчеркивалось, что они находятся опять-таки за пределами норм шариата. Наказание за насилие и грабежи всего 25 ударами плетью и заточением в зиндан на 5 суток противоречит положениям мусульманского права. Применение такого же наказания за изнасилование, по мнению праведных мусульман, нарушает основы религии. Приговор за подобные преступления следует ужесточить в соответствии с шариатом.

В заключение петиции особо отмечалось, что о своем недовольстве нововведениями раньше люди говорили тихо, теперь же протест звучит все громче. Обращалось внимание на то, что после взятия Хивы Россией и заключения между ними договора именно народ вновь избрал ханом Мухаммеда Рахима и доверил ему управление страной. А нынче все в смятении, взбудоражены. Предлагают подготовку реформ поручить духовенству и проводить их только с его одобрения и под его руководством⁴⁴. Называя Ислам-Ходжу главным виновником нестабильности в хивинском обществе и осуществляемых непопулярных нововведений, якобы подрывающих основы государственности.

⁴⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 134; ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 2; Мадаминов Х. Материалы к истории революции в Хорезме... С. 24 об.—26.

авторы петиции потребовали от Сеида Асфандияр-хана немедленно отстранить вазир-и-акбара от должности и привлечь его к ответственности, угрожая в противном случае обратиться к народу и призвать массы к всеобщему неповиновению.

Сеид Асфандияр-хан отчетливо сознавал, какие силы стоят за авторами петиции. Ответить на вызов, пойти против антиреформистской коалиции в одиночку он не решился. Настроенная агрессивно консервативная оппозиция действительно была способна обратиться к массам, вызвать гражданский бунт или, мобилизовав ортодоксальную часть духовенства и верующих, объявить газават. Она могла направить острие критики и против самого Асфандияр-хана, обвинив его в бессилии защитить принципы шариата, традиционные институты государства и власти. Ведь в петиции не случайно упоминалось о событиях 1873 г., возвращении Мухаммеда Рахим-хана II в Хиву и восставлении его на ханском троне: оппозиция как бы намекала, что Сеид Асфандияр-хан, унаследовав трон, возложил на себя и бремя ответственности перед теми, кто доверил его отцу управление страной; если он не справится с задачей, то будет лишен права на власть.

Почувствовав реально надвигающуюся угрозу, хан пока оставил открытый вызов противников реформ без ответа, что можно было понимать двояко: и как его согласие на требование оппозиции свернуть процесс реформ, пустив его на самотек, и как попытку столкнуть Сеида Ислам-Ходжу лицом к лицу с антиреформистами, предоставив им тем самым возможность расправиться с ним как с главным автором всех нововведений. Не исключено, что позиция, занятая Асфандияр-ханом, была продиктована и тем и другим одновременно. Он находился под давлением авторитета вазир-и-акбара и, в сущности, был не прочь избавиться от него, но только чужими руками.

5 июня 1911 г. Сеид Ислам-Ходжа возвратился в Хиву. Как свидетельствует Х. Мадаминов, противникам реформ своим заявлением удалось напугать Сеида Асфандияр-хана, но они просчитались: Сеид Ислам-Ходжа не отказался от прежних намерений и с первых же дней прибытия в Хиву продолжил реализацию разработанных мер по преобразованию внутренней жизни ханства. Петиции антиреформистов, переданной ему лично Сеидом Асфандияр-ханом, он значения не придал⁴⁵. Вазир-и-акбар не принял ее всерьез, надеясь на широкую поддержку здоровых сил хивинского общества, на деле жаждавших нововведений, ограничения всевластия феодальной олигархии и искоренения средневековых представлений о роли государства и общества, о взаимоотношениях между трудом и капиталом, о социальной справедливости и гармонии. Он больше, чем кто-либо другой, понимал всю важность становления Хивинского ханства на путь подлинного про-

⁴⁵ См.: *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 26.

гресса, невозможность его без ломки устаревших институтов государства и права.

Потерпев неудачу с петицией и не дождавшись решительных действий со стороны Асфандияр-хана, консервативная оппозиция, в свою очередь, развернула активную деятельность по дискредитации реформ. В городах и кишлаках она призывала население оказывать сопротивление новшествам, навязываемым Сеидом Ислам-Ходжой, муссировала тезис об их несовместимости с нормами шариата, традициями адата, говорила о падении духовности и приближающейся гибели государства. Подобные заявления встречали понимание некоторой, причем немалой, части неискушенных в политике городских бедняков и средних слоев, дехкан и кустарей, деловых кругов и интеллигенции. Непринятие в такой ситуации необходимых мер по пресечению антиреформистских действий консервативной оппозиции могло не только усилить конфронтацию в обществе, противоборство различных политических и социальных сил, но и обернуться крахом осуществляемых преобразований. Нельзя не учитывать и того, что предоставление антиреформистам свободы действий воспринималось как слабость сторонников нововведений и неспособность их на адекватный ответ. Умеренные либералы не могли рассчитывать на успех, не установив полный контроль над развитием социально-политической ситуации в стране, не приняв вызов брошенный консерваторами и их союзниками.

В конце августа 1911 г. Сеид Ислам-Ходжа обрушился на лидеров оппозиции с репрессиями. Были арестованы секретари ханской канцелярии Инаят-диван и Мухаммед-Пано Максум-диван, писавшие текст петиции как каллиграфисты. Под пытками в темнице они назвали всех ее истинных авторов и организаторов беспорядков. По обвинению в антигосударственной деятельности были задержаны до 20 крупнейших сановников двора. Среди них — сахиб Назар-мехтер, ведавший сбором земельного налога и ирригационно-мелиоративными работами, диванбеги Хусаин-бек, его братья ясаулбаши Шейхназар-бай, сердар Амангельды, служащие канцелярии Баба-диван и Мухаммед Рахим-диван, Кабул-махрам, Аликул-ата Палваннияз-диван и др. Были взяты под домашний арест наибы Фахритдин-Ходжа и Ибрагим-кара Ходжа, Джанибек-кушбеги, главы администраций вилайетов Аллаяр-бек и инак Ибадулла-бек⁴⁶. В заговоре оказались замешаны практически все высокопоставленные сановники двора, что весьма убедительно показывает истоки консервативности политики ханского правительства, его рьяного сопротивления всему новому. Именно в этом — причины глубокой отсталости хивинского общества. Занимая ключевые посты в иерархии власти, консерваторы и старообрядцы всячески тор-

⁴⁶ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 207; *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 26—27.

мости модернизацию курса Хивинского правительства во внутренней и внешней политике, отмену ханской абсолютистской монархии и демократизацию различных сфер общественной жизни если не по опыту европейских стран, ушедших значительно вперед по пути общественного прогресса, то хотя бы на примере сопредельных Турции и Ирана, где внедрялись конституционные формы управления государством, избирался парламент, осваивались некоторые другие атрибуты буржуазного демократизма. Они, представители правящих кланов, защищали собственные устоявшиеся права и привилегии, политическое и экономическое господство в обществе, возможность оказывать влияние на формирование политики государства и вовсе не желали уступать бразды правления другим. Становится понятным, почему большинство сановников ханской администрации столь рьяно отвергали «верхушечные» реформы, предложенные Сеидом Ислам-Ходжой и его единомышленниками.

Подвергнутые жесточайшим пыткам в хивинской темнице, все арестованные полностью признали свою вину, что было на руку Асфандияр-хану. Прикрываясь интересами якобы защиты чести и достоинства вазир-и-акбара Сеида Ислам-Ходжи, борьбы с противниками нововведений, он не замедлил воспользоваться этим фактом для расправы над своими политическими конкурентами и завладения их имуществом. 29 октября 1911 г. под домашним арестом оказались трое крупных сановников: Сардарбай-мирзабаши, сахиб Назар-мехтер, Джанибек-кушбеги. Еще раньше решением казы-каляна было конфисковано и передано в личное распоряжение Асфандияр-хана имущество Амангельды-сердара, Хусаин-бека, Шейхназар-бая и сахиба Назар-бая на огромную сумму. Так, например, у Хусаин-бека наличных денег и драгоценностей было изъято почти на 543,2 тыс. руб., у Амангельды-сердара — на 334,6 тыс., а также роскошные дома и земельные участки в Хиве, Новом Ургенче и некоторых других городах⁴⁷. Лишились своего состояния и ряд менее крупных сановников, принимавших то или иное участие в демарше антиреформаторов.

Оправдывая принятие столь решительных репрессивных мер, Сеид Ислам-Ходжа писал начальнику Амударьинского отдела, что нововведения были «не в интересах некоторых стоящих при его светлости сановников, которые извлекали личную пользу при старом хане (имеется в виду Сеид Мухаммед Рахим-хан II. — М. Н.). Недовольными сановниками было устроено несколько тайных совещаний, на которых было решено восстановить народ против нововведений. Вышеозначенные сановники от имени населения составили протест, скрепленный своими печатями, в котором, выразив несогласие с изложенным в ярлыке (Указе. — М. Н.) и допустив неприличные выражения, заявили, что в

⁴⁷ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 290, л. 98—99 и др.

случае неуважения их просьбы они отказываются далее продолжать службу»⁴⁸. Сеид Ислам-Ходжа утверждал, что именно стремлением к обновлению Хивинского ханства, обеспечению благосостояния народа было продиктовано привлечение к суровой ответственности зачинщиков петиции. Оправдывая карательные меры, принятые Асфандияр-ханом, он ошибался.

Расправа над оппозицией не способствовала сплочению вокруг инициаторов реформ последовательных сторонников обновления, оздоровлению политической ситуации в обществе. Более того, она не ослабила противостояние различных сил, а напротив, осложнила достижение между ними какого-либо компромисса. Среди трезвомыслящих политических и деловых кругов Хивы росло убеждение, что наступление на оппозицию, начатое Сеидом Ислам-Ходжей с целью расчищения пути преобразованиям, использовалось коррумпированной правящей верхушкой для дестабилизации общей политической обстановки и установления такого режима, который надежно оградил бы абсолютистскую монархию от падения, поставил бы заслон всякому свободомыслию, пробуждению самосознания масс, а в конечном итоге — дискредитировал бы движение за либерализацию общества. Начальник Амударьинского отдела полковник Н. С. Лыкошин сообщал в администрацию генерал-губернатора Туркестанского края, что используемое хивинскими властями обвинение в участии «в заговоре является лишь предлогом к устранению от власти нежелательных сановников и к завладению их богатством»⁴⁹. Аналогичное предположение выдвигала в номере за 23 декабря 1911 г. и газета «Туркестанский курьер», отмечавшая, что конфискованное имущество поступает в ханскую казну и не может быть использовано в интересах ускорения реформ.

Сеид Ислам-Ходжа и его единомышленники недооценивали серьезную опасность, таившуюся в преувеличении значения силовых методов воздействия на явных и скрытых противников преобразований. Вместо сближения, к примеру, с просветительским движением и расширения социальной базы реформаторства за счет обездоленных трудящихся хивинского общества, интересы которых выражали социал-демократы, молодых представителей крепнувшего торгово-промышленного капитала и интеллигенции, в том числе и духовной, свободной от ортодоксального мышления, вместо максимальной активизации агитационно-пропагандистской работы среди широких масс они предпочли пойти на союз с Сеидом Асфандияр-ханом, видя в нем единственного гаранта нововведений. К этому либералов подвела приверженность идее «просвещенного монарха».

---

⁴⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 207.

⁴⁹ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 139.

На начальном этапе реализации реформ бесперспективность тактики либералов была не так ощутима. Введение дифференцированной системы налогообложения в прямой зависимости от размеров личной земельной собственности, установление контроля государства над формированием и использованием вакуфного имущества, пересмотр некоторых сборов с торгово-закупочных операций на внутреннем рынке, снятие ограничений на предпринимательскую деятельность национального и иностранного, в том числе российского, капитала позитивно сказались на состоянии экономической и социальной ситуации в стране.

Реализация новой фискальной политики, подвергавшейся особенно острой критике консервативной оппозиции, позволила существенно укрепить финансы государства. Доходы казны повысились до 500—600 тыс. руб. в год⁵⁰, что на 150—200 тыс. больше, чем прежде. Благодаря этому обозначились реальные предпосылки для разработки и введения в Хивинском ханстве консолидированного государственного бюджета, о необходимости которого говорилось в российских проектах реформ, подготовленных туркестанской краевой администрацией в Ташкенте, а также во время переговоров в Санкт-Петербурге в феврале 1911 г. Бюджет позволил бы не только внедрить единый механизм учета доходов и расходов, но и усилить воздействие государства на народное хозяйство путем целенаправленного и рационального использования средств, укрепить его роль в инвестировании средств в развитие всех отраслей национальной экономики, прежде всего — промышленного строительства, а также социальной сферы, наиболее нуждавшейся в серьезной финансовой поддержке.

Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия 1911 г., вызвавшие падение урожайности важнейших видов сельскохозяйственных культур, нанесшие огромный ущерб аграрному сектору, в частности хлопководству, зерноводству и скотоводству, что привело к дестабилизации экономики целых регионов и создало угрозу голода, в Хивинском ханстве наблюдался некоторый подъем эффективности общественного производства. Так, например, в 1912 г. общая площадь пашни, по сравнению с 1910 г., увеличилась почти на 32 % и составила более 301,5 тыс. десятин. Из них под хлопчатником было занято около 48,9 тыс. десятин, что почти на 14 тыс. десятин, или на 40 %, больше, чем в 1910 г. Впервые валовой сбор хлопка-сырца, по нашим подсчетам, превысил 2,1 млн. пудов. Расширились и площади под люцерной. Поголовье лошадей за этот же период возросло на 81,8 тыс., или на 76 %, и достигло 189,4 тыс.

Вместе с тем в зимне-весенний период 1911—1912 гг. из-за острой нехватки продовольствия, вызвавшей резкое увеличение убоя скота и

⁵⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 3.

птицы, поголовье крупного рогатого скота снизилось на 25 тыс., или на 14,3 %, и упало до 150 тыс.⁵¹ Наибольший урон был нанесен животноводству в Ильялыномском, Кунградском, Ходжейлийском, Кунья-Ургенческом, Тахтинском и Мангитском бекствах. Однако этот процесс, носивший преходящий характер, мало повлиял на общую динамику доминирующей в социально-экономическом развитии Хивинского ханства тенденций, которые формировались под воздействием преобразований, настойчиво осуществлявшихся умеренными либералами в разных областях политической, хозяйственной и социальной жизни.

Смена правительства, достижение некоторой политической стабильности в ханстве сыграли позитивную роль в активизации экономических связей Хивы с соседними государствами. Так, в 1912 г. объем ввоза в страну товаров, например, из России, остававшейся основным внешнеторговым партнером, впервые за всю многовековую историю российско-хивинских торгово-экономических связей поднялся на рекордную отметку, составив свыше 14 млн. руб.

Существенно изменилась структура импорта. Если в 1897 г. она была представлена 11 видами товаров и изделий, а в 1907—1909 гг. — 19, то в 1912 г. — уже 26. Причем перемены коснулись и потребительских характеристик товаров. Хотя по установившейся традиции в структуре импорта первые места занимали мануфактура, чай и сахар, суммарная стоимость которых превышала 9,74 млн. руб., или составляла 69,2 % общей стоимости ввоза, на лидирующих позициях в объемном измерении теперь оказались изделия сугубо производственно-технического назначения. Так, металла и изделий из него в Хиву поступило 212 тыс. пудов, в том числе железа и чугуна — 120 тыс., разных машин — 60 тыс., меди и медных изделий — 20 тыс., проволоки — 12 тыс. пудов. Судя по стоимости ввезенных машин, составлявшей 566 тыс. руб., или примерно столько, сколько железо, чугун и медь вместе взятые, под ними подразумевались прежде всего дорогостоящие электродвигатели, станки, механизмы, запасные части для хлопкоочистительных, маслобойно-мыловаренных и кожевенных предприятий. Об этом, в частности, свидетельствует то, что керосина было ввезено 240 тыс. пудов, нефти и мазута — 60 тыс. пудов. Они шли главным образом на нужды промышленных предприятий и только малая часть горючих материалов, в основном керосина, использовалась в быту.

Особо следует отметить увеличение ввоза из России такого остродефицитного товара, как строительный лес, в том числе деловая древесина и пиломатериалы, которые поступали по Аральскому морю. В 1912 г. их поставки достигли 240 тыс. пудов, что почти в 3,2 раза

---

⁵¹ Лобачевский В. Хивинский район... С. 91—92; Материалы для изучения хлопководства. С. 17—19.

больше, чем в 1907—1909 гг. Это свидетельствует о расширении в Хиве объемов не только жилищного, но и промышленного строительства с опорой преимущественно на лесные ресурсы метрополии — Сибири и Дальнего Востока.

При определении структуры импорта большое внимание уделялось устранению последствий падения в ханстве объемов сбора продовольственных культур из-за неблагоприятных погодных условий, а также и последовавшего в зимне-весенний период 1911—1912 гг. продовольственного кризиса. Всего за один год поставки из России в Хиву пшеницы увеличились до 400 тыс. пудов, муки — до 160 тыс., минерального масла — до 20 тыс. пудов. В то же время прекратился ввоз спиртных напитков, галантерейных и бакалейных товаров. А в животноводческие регионы для укрепления кормовой базы было ввезено 16 тыс. пудов ячменя. Причем поставки пшеницы и ячменя торговыми пошлинами (*зякет*) не облагались.

В отличие от импорта, товарная структура хивинского экспорта в рассматриваемый период не претерпела существенных изменений. В 1912 г. из Хивы в Россию было вывезено товаров и изделий приблизительно на 8,2 млн. руб. (без учета экспорта через Казалинск, Мерв и Асхабад), что в 1,8 раза больше, чем в 1907—1909 гг. В основной группе фигурировали 14 видов товаров. В ней по-прежнему доминировали хлопковое волокно и семена люцерны, которых было экспортировано, соответственно, 711 и 300 тыс. пудов. При относительном сокращении общего объема вывоза кожи и шкур поставка некоторых из них продолжали увеличиваться. Так, при падении спроса на яловую кожу, конскую и верблюжью шкуры в 3,7 раза экспорт овчинок возрос до 24 тыс. пудов, или в 2,4 раза, а каракуля — до 6,6 тыс. пудов.

Впервые на внешний рынок начали поступать и козлиные шкурки. Объем их за год составил 18 тыс. пудов, причем они ценились намного дороже. Если пуд овчинки стоил 1,4 руб., то пуд козлиной шкурки — 11,7 руб. Вне конкуренции оставался хивинский каракуль, пуд которого оценивался в 175,2 руб. По своим качественным характеристикам он превосходил бухарский, хотя и стоил на российском рынке несколько дешевле.

Большим спросом на российском рынке пользовались и изделия ремесленно-кустарного производства. Так, в 1912 г., по сравнению с 1907—1909 гг., вывоз ковров и паласов увеличился в 2 раза и составил 8 тыс. пудов (в стоимостном выражении — 349 тыс. руб.), вывоз халатов увеличился в 2,2 раза и достиг 40 тыс. пудов (600 тыс. руб.), вывоз кошмы вырос в 3,5 раза, превысив 4,8 тыс. пудов, (24 тыс. руб.)⁵². Это показывает, что конкуренция с изделиями российской легкой про-

⁵² Подсчитано по: Бюллетень Центрального хлопкового комитета. 1914. № 1 (5). С. 38; Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 37—39.

мышленности, поступавшими на хивинский рынок во всевозрастающих объемах, стимулировала заметное улучшение качественных характеристик, повышение конкурентоспособности продукции ремесленно-кустарного производства.

Позитивные перемены наметились и в социальной сфере. По инициативе Сеида Ислам-Ходжи в городе Хиве в 1911 г. было начато строительство первой в ханстве больницы со стационаром, проект которой составил московский архитектор А. М. Роп. Однако по ходу работ он подвергся серьезным изменениям. По предложению военно-санитарного инспектора Туркестанского военного округа В. Рябчевского, осуществлявшего надзор за возведением лечебницы, в проект был внесен ряд существенных корректировок.

Ознакомившись с чертежами и состоянием медицинского обслуживания в ханстве. В. Рябчевский предложил дополнить первоначальный проект строительства больницы, предусмотрев открытие также женского, детского, офтальмологического и диагностического отделений, расширение фармацевтического кабинета и амбулатории, устройство специального помещения для круглосуточного дежурства персонала и т. п.⁵³ К сожалению, не все конструктивные замечания В. Рябчевского по проекту впоследствии были учтены в ходе как строительства лечебницы, так и ее эксплуатации, хотя были обоснованны.

Примечательно, что Сеид Ислам-Ходжа горячо поддержал идею создания при больнице женского отделения, понимая исключительную важность охраны здоровья матери и ребенка. 25 октября 1912 г. он обратился к Асфандияр-хану с предложением пригласить для руководства отделением его дочь Уммы-Гульсум, которая работала врачом в селении Пап, что в Наманганском вилайете. Лишь 14 ноября хан направил дочери послание, ставя ее в известность о предложении вазир-и-акбара. Уммы-Гульсум согласилась не сразу. Сославшись на отсутствие в Хиве необходимых условий для врачебной практики, невозможность назначить ей такую же высокую заработную плату, как в Папе, она первоначально ответила отказом⁵⁴. Но затем чувство долга побудило ее принять предложение. Уммы-Гульсум Асфандиярова — первая в истории Хивы женщина, получившая специальное медицинское образование в России и уже имевшая 5-летний опыт практической работы, возвратилась на родину и внесла весомый вклад в развитие в ханстве современного здравоохранения.

Хивинская больница, названная именем цесаревича Алексея, была открыта в конце 1912 г. Ею руководил молодой врач А. Ф. Анисимов, окончивший в 1907 г. медицинский факультет Московского университета. Несмотря на серьезные трудности, ему удалось за короткий срок

⁵³ ГАХО, ф. «Коллекция хивинских документов», п. 1, л. 24—25.

⁵⁴ Там же, л. 15—16.

укомплектовать лечебницу опытными специалистами, в том числе приглашенными из разных регионов России, оснастить ее современным диагностическим оборудованием и медикаментами, наладить подготовку младшего медицинского персонала. Большую помощь в этом оказывала ему У.-Г. Асфандиярова.

Несколько раньше в городе Хиве вступила в строй первая почтово-телеграфная контора (1911). С ее появлением проблема оперативного и регулярного почтового обмена между ханством и другими районами Центральной Азии была практически решена. Хивинское ханство окончательно вошло в единую почтово-телеграфную систему Российской империи. Период ее информационной изоляции, таким образом, полностью закончился.

Строительство больницы и почтово-телеграфной конторы, в облике которых воплотились элементы европейского модерна и традиционной хивинской архитектуры, а также отчетливо прослеживается влияние русской архитектурной мысли, ознаменовало переломный этап в реформировании социальной сферы в ханстве. Задачи, которые социальные программы были призваны решать, имели поворотное значение для ломки сложившихся относительно роли государства стереотипов. Современное здравоохранение и связь полностью переходили на финансирование из бюджета ханства, что должно было стать важным шагом в усилении государственного воздействия на развитие социальной сферы, заложить основы ее переустройства на новых принципах.

Вместе с тем глубина, масштабы и темпы преобразований пока не соответствовали потребностям ускорения экономического, политического и социального прогресса Хивинского ханства. Переход на бюджетное финансирование органов государственной власти и управления как в центре, так и на местах, перемены в налоговой политике, реформа судебной системы, оживление общественного производства, расширение и эффективизация внешнеэкономического сотрудничества, генезис современного здравоохранения, совершенствование средств связи — эти и многие другие нововведения стали важными составляющими прогрессивных явлений в новейшей истории Хивы. Они были, безусловно, шагом вперед в условиях феодально-абсолютистского строя, серьезной пробой сил либералов во главе с Сеидом Ислам-Ходжой в острейшей борьбе с феодально-клерикальной реакцией и крайними радикалами за реализацию своей программы.

Реформы, будучи изначально спроецированы на «верхушечное» обновление хивинского общества, не коснулись всей структуры традиционных институтов политической и экономической систем ханства, перспектив развития производительных сил и производственных отношений. Сеид Ислам-Ходжа, его молодая и не имевшая достаточного опыта умеренно-либеральная партия не сумели (и не пытались) огра-

ничить феодальный абсолютизм, демократизировать органы государственной власти. Асфандияр-хан сохранил за собой атрибуты абсолютного монарха, оставаясь одновременно и главой государства, и основным источником законодательной, судебной и верховной религиозной власти в стране. «Хивинское ханство, — заключал начальник Амударьинского отдела Н. С. Лыкошин в 1912 г. в своих записках, подводя первые итоги реформ и характеризуя политическую обстановку в ханстве, — продолжает быть деспотией олигархического типа с несколько патриархальным оттенком. Хан считает Хиву своим поместьем, доставшимся ему по наследству, которым он правит только для своей пользы»⁵⁵. Консервация монархизма при незыблемости абсолютных прав хана лишала массы возможности воздействия на формирование государственной политики и служила гарантией «выживаемости» традиционных политико-правовых институтов, олицетворявших господство феодальной олигархии. Благодаря ей не претерпели серьезных изменений и функции местных органов власти. Хакимы и беки и в условиях введения нормированной оплаты труда остались абсолютистскими правителями в собственных владениях, «удельными князьями», подотчетными только центральной власти.

Либеральные демократы полагали, что отмена натуральной ирригационной повинности, введение дифференцированного поземельного налога позволят само собой ликвидировать социальное и имущественное неравенство в обществе, обеспечат более или менее справедливое перераспределение налогового бремени. На практике этого не произошло. Сеиду Асфандияр-хану и его окружению удалось отстоять экономические права и привилегии консервативной состоятельной верхушки земельной аристократии и родоплеменной знати. Факты показывают, что обновление налоговой политики не привело к радикальному улучшению материального положения менее обеспеченных слоев дехканства. Зачисленные в категорию *адно* бедняки, владевшие 1—5 танапами пахотной земли, платили в казну ежегодно 2 тилля и 2 теньги (4 руб.). Относившаяся к категории *авсат* середняцкая прослойка кишлака, имевшая от 5 до 10 танапов пашни, выплачивала 4 тилля и 2 теньги (7,6 руб.). Крупные земельные собственники, включенные в категорию *аъло* и владевшие более чем 10 танапами, независимо от фактического размера личной земельной собственности, которая могла составлять сотни и даже тысячи танапов, вносили в казну всего 6 тилля и 2 теньги (11,2 руб.). Основная тяжесть налогового бремени по-прежнему ложилась прежде всего на менее обеспеченные слои хивинского кишлака — беватанов и малоземельных.

В надежде хоть как-то прокормить семью, укрепить материальное положение значительная часть малоземельных дехкан и даже середня-

⁵⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 56 об.

ков, не говоря уже о безземельных, были вынуждены арендовать государственные (падшалычные) земли на тех же кабальных условиях. Здесь арендаторы 10 танапов платили 4 тилля и 2 теньги, а получившие от 1 до 5 танапов — только половину этой суммы, или же 2 тилля и 1 теньгу⁵⁶, хотя фактический объем валового урожая с 1 и с 5 танапов имел пятикратную разницу, соответственно разнились и доходы их владельцев. Однако при взимании поземельного налога этот фактор не учитывался.

Крупная земельная аристократия сохранила и способность оказывать влияние на политику ханского правительства. В основном ее интересами и было продиктовано нежелание Сеида Асфандияр-хана вводить в стране предусмотренный программой реформ земельный кадастр, позволявший не только вести точный учет земельного фонда, находившегося в эксплуатации, но и эффективно использовать гибкие налоговые механизмы в соответствии с количеством и качеством личной земельной собственности.

Существенное пополнение ханской казны не привело к резкому увеличению инвестиционного потока в промышленное строительство, социальную и культурную сферы, нуждавшиеся в серьезной поддержке государства. Правительство не выделяло финансовые средства, в том числе валютные, на создание базового государственного сектора экономики, опираясь на который, можно было бы решать наболевшие социальные задачи. Это широко практиковалось во многих странах с учетом демографической ситуации, позволяло рационально размещать и использовать растущие трудовые ресурсы, обеспечивать занятость основной массы населения и в некоторой степени снимать социальную напряженность. Правительство фактически оставило вне поля зрения и социально-культурную сферу, хотя, судя по манифесту Асфандияр-хана и проектам приоритетных направлений реформ, обсуждавшимся в ходе российско-хивинских переговоров в Санкт-Петербурге в начале 1911 г., принимало на себя обязательство сформировать современную систему народного образования и внедрить государственное общедоступное медицинское обслуживание, развивать средства связи. Открыв почтово-телеграфную контору, основав на страну с почти миллионным населением единственную больницу в городе Хиве, правительство посчитало «реформаторскую» миссию по преобразованию социальной сферы выполненной.

По данным Х. Мадаминова, огромные финансовые ресурсы, которые начали поступать в ханскую казну в «пик» реализации реформ, падающий на 1911—1912 гг., не использовались на развитие национального производства, а вкладывались в строительство дорогостоящих престижных объектов. Так, например, для возведения аудиенц-

⁵⁶ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 112.

зала загородной ханской резиденции — дворцового комплекса Нуруллабай, основанного Мухаммедом Рахим-ханом II для наследника трона, Асфандияр-хан вопреки протестам Ислам-Ходжи выделил в 1912 г. из казны 70 тыс. тилля, или 126 тыс. руб.⁵⁷ по курсу хивинской золотой монеты того времени. Если учесть, что весь годово́й бюджет ханства в тот период составлял не более 600 тыс. руб., то становится понятным, в какую огромную сумму обошлось строительство одного приемного зала. Характерно, что правлением «Большой Ярославской мануфактуры» на строительство одного хлопкоочистительного завода в Новом Ургенче, оснащенного самой современной техникой, было затрачено менее 10 тыс. руб. Следовательно, нетрудно подсчитать, сколько аналогичных промышленных предприятий можно было бы возвести лишь на одни те средства, в какие обошлось удовлетворение личных амбиций Сеида Асфандияр-хана. Ислам-Ходжа и его соратники прекрасно понимали это, потому и были противниками распыления государственных средств, сторонниками жесткого контроля за их поступлением и использованием.

Не была доведена до логического завершения реформа архаичной судебной системы. Конкретно указав на наиболее распространенные виды преступлений и формы наказания за них, она вместе с тем не сумела положить конец правовому беспределу, царившему в ханстве. Закрепив за Асфандияр-ханом де-юре полномочия верховного судьи, сохранив варварские виды наказания, доставшиеся в наследство еще от рабовладельческого строя, умеренные либеральные демократы вольно или невольно самоустранились от радикального пересмотра устаревшей практики шариатского судопроизводства, закрепили за монархом абсолютное право на наказание и помилование по его личному, субъективному усмотрению. Это вряд ли могло улучшить состояние борьбы с преступностью.

Половинчатость реформ, незавершенность преобразований и противодействие им консервативной оппозиции вызывали в правящей верхушке России недоверие к идее переустройства политической и социально-экономической жизни Хивинского ханства на эволюционной основе, хотя его необходимость признавалась многими.

В российских политических и деловых кругах все четче созревало понимание того, что отчаянное сопротивление консерваторов «верхушечному» обновлению страны обусловлено не только слабостью и политической незрелостью реформаторских сил, консолидированностью их противников, но и устарелостью самой системы непрямого управления, остававшейся неизменной уже почти полвека.

Хивинское ханство 1910-х гг. значительно отличалось от того государства, каким оно было в 1873 г. За минувшие годы страна оказа-

---

⁵⁷ *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 28.

лась неразрывно связана с Россией и экономически, и политически, и даже в социально-культурном плане. Эта связь давала о себе знать в самой различной форме. Наиболее позитивно она проявлялась в растущей политизации масс под влиянием тех событий, которые разворачивались в России под мощным натиском рабочего движения, борьбы против самодержавия. В условиях Хивинского ханства, где противостояние социально-политических сил принимало все более конфронтационный характер, «срачивание» российского антисамодержавного и хивинского антифеодалного и антиабсолютистского движений предвещало грядущие глубокие политические потрясения. Прогрессирующее сближение двух основополагающих потоков общевразийского революционного процесса не прекращалось и в период реформ в ханстве. Один из примеров тому — отклики в Хиве на Ленские события 1912 г. в России. Как известно, применение царским правительством силовых акций против безоружных рабочих «Ленского золотопромышленного товарищества», требовавших освобождения из-под стражи своих арестованных товарищей, привело к гибели 270 и ранению 250 человек. Эти трагические события дали мощный импульс подъему рабочего движения и в Центральной Азии. 9 апреля 1912 г. начали забастовку, длившуюся 7 дней, шахтеры в Кызыл-Кия. В апреле—мае в Ташкенте, Казанджике, Чарджуе, Кызыл-Арвате и многих других городах и районах Туркестанского края⁵⁸ состоялись посвященные Ленским событиям митинги, собрания и сходки, участники которых требовали расширения прав рабочих, прекращения притеснений со стороны администрации, отмены многочисленных штрафов и поборов, сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, повсеместного улучшения охраны труда и техники безопасности.

В знак протеста против произвола царского самодержавия волна стачек прокатилась и по Хивинскому ханству. Наиболее организованный характер они носили, как и прежде, в крупных промышленных городах. Так, например, 20 апреля в Новом Ургенче рабочие и матросы агентства транспортного общества «Хива» по призыву лоцмана Михаила Полякова прекратили работу и покинули суда. Руководство воспрепятствовать стачке не сумело. Для взыскания материального ущерба и наказания виновных оно обратилось к начальнику Амударьинского отдела. Однако жандармерия безуспешно пыталась напасть на след М. Полякова и его товарищей. После более чем трехмесячных безрезультатных поисков 16 июля 1912 г. заместитель начальника отдела капитан Трошкин был вынужден просить власти Хивы об оказании содействия в поиске и задержании всех участников бунта. В своем

⁵⁸ См.: Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий. Ч. 1 (1903—февраль 1917 гг.). Ташкент, 1971. С. 180, 181.

письме к Сеиду Асфандияр-хану он, в частности, сообщал: «Доверенный Ново-Ургенчского агентства акционерного общества „Хива“ Корытников заявил мне, что служащий общества, лоцман баржи № 19 Михаил Поляков 20 апреля сего года подговорил матросов этой баржи Павла Недельского, Никиту Журавлева, Ивана Тутубалина и Иосифа Жилинского бросить работу и оставить службу. Те послушались подстрекателя, вместе с ним бросили службу и оставили баржу № 19 на произвол...» Они угрожали также «пятому матросу и водоливу, не примкнувшим к их стачке». В заключение послания капитан Трошкин просил Сеида Асфандияр-хана дать распоряжение «о производстве дознания по настоящему делу»⁵⁹. Хивинские власти не откликнулись на обращение. В довольно обширной переписке администрации Амударьинского отдела с Асфандияр-ханом сведений, проливающих свет на результаты следствия о стачке матросов и служащих общества «Хива», не обнаружено. Не исключено, что в канцелярии хивинского хана проблему просто сочли «делом русских», в которое не пожелали вмешиваться.

Рост в ханстве политической активности масс, вовлечение в борьбу за власть различных социальных сил создавали реальную угрозу феодально-абсолютистскому строю, всей царской системе непрямого управления ханством. Но все же наибольшая опасность, по мнению правящих кругов как России, так и Хивы, заключалась в сближении и постепенном слиянии обострявшейся борьбы российского рабочего класса и крестьянства против царского самодержавия с нарастающим в ханстве движением непролетарских масс против феодально-абсолютистского режима и колониальных порядков, за демократизацию общественной жизни. На стабильный характер этой тенденции неоднократно указывалось в рапортах и докладных записках, поступавших из Петро-Александровска в канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края и в российские Министерство иностранных дел и Военное министерство. Она означала, что российско-хивинские отношения нуждаются в коренной реконструкции и серьезном обновлении. Однако российские власти расширению самостоятельности Хивинского ханства, отказу от политики непрямого управления предпочли ужесточение контроля над его внутренней жизнью, как это практиковалось и в центральных районах метрополии.

Характерно, что с середины 1912 г. в ряде российских газет, близких к правительственным и деловым кругам, появились публикации, настойчиво и решительно призывавшие отрешиться, наконец, от политики невмешательства во *внутренние* дела ханства. Так, субсидируемая банком Рябушинских газета «Утро России» опубликовала статью под весьма симптоматичным заголовком «Не пора ли Хиву сделать

⁵⁹ ГАХО, ф. «Коллекция хивинских документов», п. 1, л. 39.

губернией?». Анонимный автор, рассказывая о положении в ханстве, констатировал, что «деспотизм местного властелина и его приближенных заставляет бледнеть перед собою произвол, царствующий в Бухаре. В последней кой с кем и кой с чем все-таки считаются, но хивинскому хану границ, очевидно, никто не указывал.

Здесь, — подчеркивалось далее в публикации, — нет ни правовых норм, ни здоровой логики, произвол, взяточничество, разврат и интриги господствуют в колоссальных размерах; казни, телесные наказания, конфискация имущества процветают вширь и вглубь; невежеству и фанатизму не видно конца». Основную причину подобного положения газета видела в независимости Хивинского ханства и Бухарского эмирата, отсутствии прямого подчинения их России и поэтому, нарисовав в принципе объективную картину социально-политической, особенно правовой ситуации в сопредельных государствах, апеллировала к «верхам» с недвусмысленным вопросом: «Почему же... эти ханства не обращаются в русские губернии?»⁶⁰ В самой статье ответа на этот вопрос не содержалось, хотя, несомненно, автор знал о подлинных причинах сохранения де-юре независимости Хивы и Бухары, об обязательствах, принятых на себя Россией в соответствии с англо-русскими соглашениями и двусторонними договорами с ханствами, заключенными в разные годы, и прежде всего — в 1873-м.

Публикация в газете «Утро России», отличавшаяся предельной и неприкрытой категоричностью, могла быть истолкована двояко: во-первых, получалось, что, сохраняя нейтралитет в отношении внутренней жизни Хивы, Россия как бы сама невольно поощряет процветание в ханстве правового беспредела и коррупции, разгул религиозного фанатизма, феодально-клерикальной реакции; во-вторых, из статьи можно было понять и то, что хивинские правители, прикрываясь именно невмешательством России, творят в стране беззаконие и произвол, препятствуют возникновению демократических порядков, развитию культуры и просвещения. Двойственность, содержащаяся в выступлении газеты, была продиктована, на наш взгляд, тем, что при любом варианте развития политических событий (новый военный поход на Хиву, объявление ханства очередной губернией Российской империи и т. п.) общественное мнение непременно должно было быть на стороне Российского правительства, поддерживать его действия, направленные на «наведение порядка» в Хивинском ханстве, задышающемся от самоуправства феодальных правителей.

Имелся, однако, и другой вариант ответа на риторический вопрос, поставленный газетой. Он содержался в обстоятельном отклике, который направил в «Утро России» по поводу публикации начальник Амударьинского отдела полковник Н. С. Лыкошин. Отбросив всякую ди-

⁶⁰ Утро России. 1912. 15 июня.

пломатию, славословие по поводу «цивилизаторской миссии» России, со свойственной военному человеку прямотой он указывал, что решение «хивинской проблемы» не допускает успешности, ибо в его основе лежат стратегические цели, о которых нельзя забывать. «С каждым годом, — писал Н. С. Лыкошин. — при разумном воздействии на ханское правительство дела ханства будут идти лучше, страна будет богатеть и, когда бы мы ни вздумали затем обратить Хиву в губернию, мы можем это сделать в любой момент, и без всяких затрат мы получим тогда губернию лучше устроенную, чем получили бы сейчас».

Вместе с тем Н. С. Лыкошин был убежден, что нет необходимости присоединять Хивинское ханство к России де-юре, так как оно де-факто находится в сфере ее экономических интересов. «В частном разговоре на тему о присоединении Хивы, — продолжал он, — один практичный русский коммерсант сказал мне: „А зачем присоединять Хиву, когда мы и так выкачиваем из нее столько миллионов, сколько она дать может“. Это мнение давно работающего в Хиве человека, свободного от сентиментальных восклицаний газетного репортера, мне кажется, основательное и толковое»⁶¹.

Ответ Н. С. Лыкошина на статью «Не пора ли Хиву сделать губернией?» в газете «Утро России» так и не был опубликован. Видимо, администрация генерал-губернатора Туркестанского края, куда в порядке контроля поступила записка, увидела в откровениях явный намек на экономическую экспансию России и решила не предавать их широкой огласке. Разговоры на тему о вывозе капиталов из Хивинского ханства, как и других государств региона Центральной Азии, могли дискредитировать российскую восточную политику, обнажить ее колониалистскую суть и отрицательно сказаться на международном авторитете России, особенно в сопредельных странах Ближнего и Среднего Востока. В то же время она более не могла следовать курсом «нейтралитета и невмешательства» во внутренние дела Хивинского ханства, провозглашенным еще в конце 70-х гг. XIX в. и в основном соблюдавшимся уже почти полвека. Россия де-факто не желала допустить ломки его традиционных институтов, выхода ханства из зоны своих геополитических интересов и превращения в субъект международного права.

Хивинское правительство, осведомленное об очередной кампании в российских правящих кругах по муссированию вопроса о политическом статусе ханства, напрямую связывало ее с реформами, которые реализовывались в различных сферах общественной жизни. По-своему трактовало оно и непоследовательность Российского правительства, его региональной администрации в Туркестанском крае по проведению в жизнь своей политической линии: с одной стороны, некоторые российские правящие круги, казалось бы, предлагали Хивинскому

⁶¹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 78 об.—79.

правительству начать политические и экономические преобразования в стране, при этом как бы подсказывали их главные направления, а с другой, видя результаты нововведений, — тут же спешили обвинить правительство Асфандияр-хана в проведении антинародного курса и попустительстве коррупции, феодально-клерикальной реакции и под этим предлогом призывали к «присоединению» Хивы к России в качестве «губернии». Вывод напрашивался сам собой: реформы ослабляют ханство и ведут к его развалу, чего и добивается российская сторона. Следовательно, оно нуждается в радикальной перемене внутри- и внешнеполитического курса, который еще предстоит выработать.

Типичным подтверждением политической переориентации хивинских правителей можно считать официальный прием Сеидом Асфандияр-ханом и Ислам-Ходжой дипломатического посланника турецкого султана. Документов, проливающих свет на содержание состоявшихся между ними переговоров, пока обнаружить не удалось. Не подлежит сомнению, что прием с учетом достаточно напряженных отношений между Россией и Турцией носил скорее демонстративный, нежели практически-политический характер. Известно также, что посланник султана получил пожертвования, собранные хивинцами для оказания помощи Турции в ее войне с Италией⁶². Таким образом, Хива как бы показывала способность к осуществлению самостоятельных, соответствующих прежде всего ее национальным интересам внешнеполитических акций. Это противоречило положениям российско-хивинского договора 1873 г., лишившим ее права ведения дипломатических отношений с другими государствами без соответствующей санкции МИД России или краевой российской администрации. Но подобные демарши были скорее исключением, чем правилом. Как Российское правительство в Санкт-Петербурге, так и администрация Туркестанского генерал-губернаторства на них особо не реагировали, хотя и не одобряли попыток Хивы разорвать международную изоляцию.

Не на шутку встревоженный ростом авторитета и влияния Сеида Ислам-Ходжи, его критикой курса правительства, Асфандияр-хан решил принять жесткие меры для ограничения влияния вазир-и акбара на структуры власти и свертывания процесса реформ. В сентябре 1912 г. без каких-либо консультаций с Ислам-Ходжой он объявил об амнистии всех активных участников весенней антиреформистской акции. К тому же опальный диванбеги Хусаин-бек Матмурадов, его брат Амангельды-сердар, Сахиб Назар-мехтер, Джанибек-кушбеги и многие другие сановники вновь были назначены на те же престижные должности, которые занимали при ханском дворе до своего ареста⁶³.

⁶² ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, л. 289, л. 175.

⁶³ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 220; *Мадаинов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 27 об.

Например, Шейхназар-бай стал *ясаулбаши* (начальник полиции). Но никому из них конфискованное имущество не было возвращено. На прежние должности в ханской канцелярии вернулись оказавшиеся в темнице знаменитые каллиграфисты Мухаммед-Пано, Максум-диван и Инаят-диван. Правда, они, как и другие, лишились всего имущества, перешедшего в распоряжение Асфандияр-хана.

Новое явление на политической сцене консервативной оппозиции, на которую Асфандияр-хан делал основную ставку в борьбе за устранение Сеида Ислам-Ходжи, в хивинском обществе было воспринято как очередной виток обострения противостояния различных политических сил, дальнейшего углубления нестабильности в стране. Не случайно полковник Н. С. Лыкошин, внимательно наблюдавший за развитием политической ситуации в Хиве, в рапорте на имя генерал-губернатора Туркестанского края 30 сентября 1912 г. недвусмысленно отмечал: «В общем настроение в Хивинском ханстве такое, что все растет недовольство существующими нынче порядками»⁶⁴. Оно постепенно охватывало различные слои хивинского общества, пробуждавшиеся от аполитичности благодаря деятельности лидеров умеренно-либеральных демократов, других оппозиционных сил, под воздействием тех политических и социально-экономических процессов, которые набирали размах в России и государствах Центральной Азии.

Деструктивизация политического курса Хивинского правительства

В Санкт-Петербурге в январе—феврале 1913 г., в дни празднования 300-летия династии Романовых, состоялся очередной раунд российско-хивинских переговоров. Хивинскую правительственную делегацию возглавлял сам Асфандияр-хан, однако переговоры вела группа сановников под руководством Сеида Ислам-Ходжи. Российскую сторону представляли, как обычно, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, военный министр А. С. Сухомлинов, некоторые другие, уполномоченные Николаем II. В связи с юбилейными торжествами на переговорах какие-то конкретные проблемы двусторонних отношений не обсуждались. Известно, что хивинская делегация ограничилась обращением к властям России с призывом оказать содействие ханскому правительству в реализации намеченных реформ, внедрении современных средств связи и прокладке железной дороги по маршруту Александров-Гай — Хива — Чарджуй — Керки, проекты которой уже имелись. Инициатором ускорения изыскательских работ, соединения ханства с другими районами Центральной Азии и России железнодо-

⁶⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 173.

рожными путями выступил Сеид Ислам-Ходжа. А. С. Сухомлинов и другие чиновники Российского правительства заверили хивинскую делегацию, что пожелания будут внимательно изучены, Россия поддержит все усилия по обновлению Хивинского ханства, окажет практическую помощь в реформировании важнейших сфер общественной жизни.

Российско-хивинские переговоры завершились констатацией взаимных обязательств, без принятия кардинальных решений по целому ряду назревших вопросов двусторонних отношений. Правительство Николая II не дало оценки шумной пропагандистской кампании, развернутой некоторыми средствами массовой информации вокруг такой проблемы, как преобразование Хивинского ханства и Бухарского эмирата в «губернии России», скрыло свое мнение по поводу попыток Хивинского правительства наладить дипломатические отношения с сопредельными государствами, в частности с Турцией, минуя администрацию Туркестанского генерал-губернаторства. Не затрагивались и острые социальные противоречия, возникшие в различных слоях хивинского общества в процессе реализации реформ, которые были способны вызвать распад феодальной государственности, серьезный экономический и социальный кризис в случае окончательного выхода из-под контроля.

В чем причина подобной «сдержанности»? Прежде всего важно иметь в виду ускорение процесса *сближения* и *срачивания* двух самодержавных режимов и правящих кланов России и Хивы, как, впрочем, и Бухары, усиление доверительности в отношениях между ними. Яркий тому пример — атмосфера юбилейных торжеств, сама политическая подоплека, ясно выглядывавшая из-под традиционной праздничной мишуры и потока любезностей. Их довольно точно отобразил Р. Д. Грэвс. Вот что он пишет: «Хотя символика православия XVII столетия на празднованиях доминировала, трехсотлетие 21 февраля 1913 г. мусульмане также отмечали в мечетях повсюду по империи. Мусульмане воспользовались представившимся случаем для демонстрации лояльности к монархии, своего патриотизма и чтобы заявить о собственных правах как „граждан“ России, что в контексте царизма означало намек на те же ограничения, которые были введены и для других зависимых народов империи. В Санкт-Петербурге бухарский эмир и хивинский хан, мусульмане — депутаты Думы, представители Оренбургского муфтията и местных мусульман, включая подполковника и генерал-майора (имеется в виду М. Давлетшин. — М. Н.), — все вместе произносили молитву. После чтения Корана председатель муфтията восхвалял Екатерину Великую и Романовых, которые стали первыми монархами, узаконившими строительство мечетей в России... После завершения проповеди Мухаммед Зариф Юнусов заявил, что „преданность трону и любовь к Родине завещаны самим Господом и непосредственно его пророком Мухаммедом“. Он напомнил поучение Корана —

„повиноваться Господу и его пророку и тем, кто властен среди вас“ и высказывание, приписываемое Мухаммеду: „Любовь к Родине — признак веры!“⁶⁵. Совершенно очевидно, что, как и предводители мусульманского духовенства, наделенные высшей властью главы правящих кланов Хивы, Бухары и др. однозначно выражали свою идейную и нравственную позицию: они поддерживали царизм, осуждали антиправительственные волнения рабочих и крестьян, рьяно призывали к послушанию «вверхам», смиренности и покорности и тем самым, сколь бы парадоксальным это ни казалось, солидаризировались с откровенно промонархическими партиями, ратовавшими за сохранение самодержавия. И обладавший, кстати, наряду со светской, и высшей духовной властью эмир Сеид Алим-хан, чья семья поддерживала самые близкие отношения с Романовыми, и Сеид Асфандияр-хан, и их окружение, заботливо взращенные царским самодержавием, в устойчивости российской монархической системы видели надежду и опору, залог сохранения политического долголетия собственных режимов.

Весьма любопытно, что правящая верхушка духовенства не ограничивалась выражением лишь верноподданнических чувств. Она была убеждена в том, что строительство и укрепление многонационального Российского государства — заслуга всех народов. Р. Д. Грэвс приводит речь, произнесенную в конце молебна «на русском языке» Мухаметсафой Баязитовым — руководителем мусульманской общины Санкт-Петербурга и будущим главой Оренбургского муфтията (1915—1917), — по форме напоминавшую официальный доклад. Он, в частности, подчеркивал, что мусульмане «вместе со всем нашим Отечеством» были преданы династии и «в равноправном союзе с русскими закладывали фундамент самодержавного государства». При этом Баязитов, делая экскурс в историю, ссылаясь на тот факт, что когда 300 лет назад, при правлении Михаила Федоровича Романова, решался вопрос о принятии российского подданства, «несколько татарских владык закрепили документ своими подписями». Указывая на них и стоявшие рядом подлиси российских священнослужителей и чиновников, Баязитов заключил, что все «православные российские народы и правоверные мусульмане сплотились в этом необъятном государстве в единое братское содружество во имя создания и расцвета нашей общей Родины без различия вероисповедания, без различия национальности, без различия языка»⁶⁶. Эти высказывания символичны. В них аккумулярована тенденция к идейному сближению мусульманской элиты, в том числе правящей, предрасположенной к быстрой смене позиций и взглядов в зависимости от реально складывающейся политической

⁶⁵ Crews R. D. For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006. P. 350.

⁶⁶ Crews R. D. For prophet and tsar... P. 351.

конъюнктуры и константно обслуживавшей интересы местных правящих кланов, с российской правящей верхушкой как в метрополии, так и непосредственно в регионах. Вовсе не случайно поэтому то, что она неизменно больше примыкала к промонархистски, антибольшевистски настроенным течениям и движениям, чем к левым партиям и организациям, поддерживала их политическую платформу.

«Верхи» к взаимопониманию и интеграции были вынуждаемы еще двумя существенными факторами: во-первых, сложная социально-политическая и экономическая ситуация, которая складывалась в 1912—1913 гг. в России и Хиве. других регионах Центральной Азии, во-вторых — тенденция к сплочению «низов», набиравшая темп в период нового революционного подъема в едином геополитическом пространстве и также требовавшая от правящих режимов согласованных действий. В этой связи целесообразно отметить следующие наиболее характерные особенности:

во-первых, приверженность «верхов» устаревшим монархическим формам правления, стремление следовать медленным, эволюционным путем перехода от феодального хозяйства к капиталистическому способу производства, который привел к тому, что Россия и через полвека развития после реформ 1861 г., столыпинских нововведений на волне революции 1905—1907 гг. по-прежнему представляла собой страну с отсталым и реакционным государственным строем по сравнению с другими европейскими странами. Выборы в IV Государственную думу, состоявшиеся в 1912 г., в результате которых большинство мандатов получили депутаты, избранные от помещичье-монархических партий, и октябристы (283 из 442 голосов), кадеты же и прогрессисты, набравшие 107 голосов⁶⁷, расстановку сил в Думе не изменили. Несмотря на заметное «полевение» под влиянием набравшего размах пролетарского движения «правых» и октябристско-кадетского блока, на деле они продолжали поддерживать монархию, выражая лишь на словах недовольство политикой царского правительства, в том числе в отношении Хивы и Бухары, настаивали на необходимости решительного отказа от нейтралитета, присоединения протекторатов к империи, не оглядываясь на возможную реакцию мировой общественности;

во-вторых, в ходе усиления в метрополии капитализации крупного производства и утверждения буржуазных отношений, сопровождавшихся расширением вывоза из окраинных национальных регионов сырья и капитала, усилением некомпенсируемой эксплуатации труда, дискриминация национальных меньшинств получила более устойчивые формы, выражаясь не только в деформировании экономики и углублении ее однобокости, но и в русификации общественной жизни и т. п. Российский крупный капитал, прочно занявший доминирующие пози-

⁶⁷ См.: Ленин В. И. Итоги выборов // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 322.

ции в хозяйственной жизни окраинных регионов, стремился извлечь максимум прибыли из монополизации промышленного производства и экспортоориентированных отраслей. Взять, например, оплату труда в наиболее развитой перерабатывающей промышленности. В отрасли дискриминация местных рабочих носила распространенный характер. Так, в Туркестанском генерал-губернаторстве, по данным Т. С. Мельниковой, среднемесячная заработная плата рабочего в перерабатывающей промышленности была на 60 % ниже, а интенсивность эксплуатации — в 4,5 раза выше, чем по Российской империи в целом. На мукомольных предприятиях Самаркандской области рабочие коренных национальностей за равный труд получали в 3,5 раза меньше, а на мыловаренных — в 2,5 раза меньше, чем русские⁶⁸. Аналогичное положение наблюдалось повсеместно, в том числе и в Хивинском ханстве.

Политика порабощения народов, проповедуемая царизмом и его опорой — крупным капиталом, поддерживалась всеми проправительственными правыми и либерально-монархическими партиями центра, включая панисламистов и пантюркистов. Они также ратовали за сохранение самодержавия, в то же время усиленно проповедуя идею о «единстве всех мусульман», не признавая и всячески отвергая их классовую неоднородность, выражавшуюся в социальном, политическом и имущественном неравенстве. Эта деструктивная политика не имела поддержки в массах. Ответом широких слоев трудящихся на политику порабощения народов и национального сепаратизма было их стремление к ликвидации национального и социального гнета, выражавшееся в самых разных формах — от открытой вооруженной борьбы против правительства, местных органов правительственной власти до традиционных стихийных волнений рабочих и крестьян;

в-третьих, интернациональное по своим составным частям, многоструктурное, но единое общероссийское рабочее движение, руководимое и направляемое большевистской партией во главе с В. И. Лениным, принимало отчетливо массовый характер, охватывая не только промышленно развитую Центральную Россию, но и все окраинные национальные районы (Прибалтика, Украина, Белоруссия, Туркестан и др.). При этом формы и методы борьбы многонационального пролетариата за азбучные права трудящихся, свержение самодержавия и победу демократической революции не оставались инвариантными. Они колебались от стачек и забастовок до многотысячных политических демонстраций и вооруженных столкновений. Весной 1912 г. под воздействием Ленских событий рабочие волнения охватили многие города России. В 1913 г. в забастовочном движении по империи участвовали

---

⁶⁸ См.: Мельникова Т. С. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956. С. 21—22.

свыше 1,2 млн. рабочих, а в первой половине 1914 г. — уже 1,5 млн.⁶⁹ Натиск на самодержавие усиливался вовлечением в классовую борьбу крестьянства, средних городских слоев, части интеллигенции. Под мощными ударами пролетариата, его союзников царское самодержавие медленно, но неудержимо рушилось.

Правительство Николая II, боясь новой революции и ощущая нарастание кризиса внутри самих буржуазно-монархических и мелкобуржуазных партий, на которых опирались российские правящие круги, было вынуждено сосредоточиться на решении внутренних, а не внешних проблем. Однако оно отчетливо сознавало, что пустить реформаторское движение в Хивинском ханстве, как и в других регионах, на самотек означало бы для царского самодержавия не меньшую, если не большую, угрозу, чем для той же ханской власти, ибо любые преобразования, ведущие к переменам в политической, экономической и социальной жизни, «подстегивают» оппозицию на более решительные выступления против традиционных порядков, создают угрозу феодальному абсолютизму в Хиве, а в конечном итоге — и господству царизма в регионе. Так что сдержанность российской стороны во время переговоров с хивинской делегацией в оценке внутривосточных процессов, развертывавшихся в Хивинском ханстве, и реформаторских усилий партии умеренных либералов была скорее неуклюжей попыткой правительства Николая II поддержать пошатнувшиеся позиции Асфандияр-хана, отказать в содействии Сеиду Ислам-Ходже. Оно категорически не желало признавать даже те достаточно умеренные реформы, на необходимость осуществления которых указывалось ханскому правительству во время двусторонних переговоров в феврале 1911 г.

Сеид Ислам-Ходжа, одержав у себя внутри страны — в ханской Хиве — нелегкую, но важную победу над антиреформистской коалицией, теперь попал под прицел и сил внешней реакции. Решимость некоторых консервативно настроенных, с имперскими амбициями, представителей российской правящей верхушки воспрепятствовать усилению позиций его партии заметно окрепла после небезуспешных попыток вазир-и-акбара, воспользовавшись пребыванием в Санкт-Петербурге, заложить базу для восстановления дипломатических отношений с некоторыми странами Ближнего и Среднего Востока, чьи делегации участвовали в юбилейных торжествах династии Романовых. Следует отметить, что Сеид Ислам-Ходжа продемонстрировал завидные дипломатические способности, энергичность, упорство и целеустремленность. За относительно короткое время он провел ряд плодотворных переговоров.

⁶⁹ См.: Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905—1917 гг. М., 1976. С. 155.

творных встреч и переговоров. Во время спектакля в Мариинском театре имел весьма длительную беседу с послом Турции в России Тархан-пашой и Персии — Исхак-ханом. Ее содержание осталось неизвестным, но, учитывая прибытие в Хиву весной 1912 г. официального турецкого посланника ⁷⁰, можно предположить, что главное внимание во время беседы уделялось восстановлению традиционных дипломатических отношений и торгово-экономических связей между Хивинским ханством и соседними ближневосточными государствами, прерванных в 1873 г. Нельзя исключать и встречи Сеида Ислам-Ходжи с лидерами «Мусульманского благотворительного общества», чья деятельность в России и национальных регионах ассоциировалась с распространением идеологии панисламизма и пантюркизма. Эти беседы и встречи, проводившиеся без санкции МИД России, убеждали царское правительство в необходимости принятия безотлагательных контрмер для пресечения деятельности Сеида Ислам-Ходжи.

Документы свидетельствуют, что в российских правящих кругах с изолированием Сеида Ислам-Ходжи рассчитывали не просто свернуть назревшие преобразования, осуществлявшиеся в ханстве, кстати, и без того недостаточно последовательно и целеустремленно, но и нанести удар по тем политическим силам, чья деятельность оказывала непосредственное влияние на эволюцию общественной мысли и усиление политизации масс. При этом имелись в виду не только умеренные либералы, их союзники из просветительского движения и националисты, но и социал-демократы, принадлежавшие к РСДРП(б) и упорно стремившиеся наладить взаимодействие и сотрудничество между революционным пролетарским движением в России и антиханскими оппозиционными силами, все еще не имевшими оформленной организации, конкретной программы и действовавшими часто стихийно. Последнее вызывало нарастающую тревогу правящих кругов России, опасавшихся слияния борьбы российского рабочего класса против самодержавия с, по сути, национально-освободительным, антиколониальным движением политических сил в государствах Центральной Азии, особенно в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате.

Для подобного заключения имеются серьезные основания. Обратимся к двум документам, появившимся приблизительно в одно и то же время и достаточно объективно раскрывающим общее состояние внутривосточной обстановки в Хивинском ханстве. Их ценность заключается в том, что они позволяют позитивизировать особенности формирования общественно-политической мысли, зарождения идеологии национального освобождения в хивинском обществе, становление и развитие идей борьбы с ханской феодально-абсолютистской властью. В документах также нашли отражение и нарастание общего кри-

---

⁷⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 175.

зиса феодального строя, проникновение социал-демократических идей в народные массы. В них аккумулировалась позиция и региональных российских властей в Туркестане в отношении пробуждения политического самосознания населения, практические меры, предложенные для нейтрализации антимоноархистской оппозиции и сохранения феодально-абсолютистского строя в протекторатах.

Дипломатический чиновник А. Барановский, побывавший в канун российско-хивинских переговоров в Хивинском ханстве, в своей обстоятельной докладной на имя туркестанского генерал-губернатора обращал внимание на то, что «Хива 1913 г. не есть Хива 1873 г.». Указывая на растущую политизацию масс под влиянием интенсификации политических и экономических связей с другими регионами России и прорыва информационной изолированности страны, образования различных партий и общественных движений, он подчеркивал растущее обострение недовольства масс политическим и экономическим курсом правительства, готовность на решительные действия против властей. В последнее время, констатировал А. Барановский, все увеличивается приток в ханство людей, «открывающих глаза хивинскому народу на его неприглядное положение. В Хиву теперь зачастили наши полунинтеллигенты татары (имеются в виду активисты просветительского движения панисламисты и пантюркисты. — М. Н.)... появились русские рабочие, с будущего года имеют там работы землемеры, наконец, сами хивинцы, посещая теперь Россию, привозят с собой стремление к лучшему порядку, мечты о другой жизни.

В этой сгущенной атмосфере всеобщего недовольства, которая теперь замечается в Хиве, возможно... неизвестные нам руководители движения только ждут какого-либо случая, чтобы поднять легко воспламеняющиеся народные массы, смести ненавистное правительство». Для обеспечения контроля над внутривнутриполитической ситуацией в Хивинском ханстве и оперативного вмешательства в случае возникновения политического кризиса предлагалось усилить наблюдение за деятельностью оппозиционных сил. А. Барановский сформулировал ряд мер по предотвращению распада феодально-абсолютистского строя и падения ханского правительства, укреплению позиций при дворе Сеида Асфандияр-хана и ослаблению влияния на политический курс страны Ислам-Ходжи.

Генерал-губернатор Туркестанского края Самсонов, внимательно ознакомившись с докладной А. Барановского, обобщил ее основные идеи и 4 января 1913 г. направил в Военное министерство секретное послание, в котором впервые признал серьезные просчеты, допущенные Российским правительством при осуществлении региональной политики в Хивинском ханстве, существенные сбои в системе непрямого управления. Не умолчал он и о тех стратегических и тактических ошибках, которые имели место в деятельности туркестанской краевой

и Амударьинской администраций. «Особенно рельефно выступили недостатки нашего нынешнего наблюдения за жизнью ханства, — докладывал Самсонов, — когда за дальностью расстояния, несовершенства путей сообщения и поздней осведомленностью мы лишены возможности удерживать правителя Хивы от опрометчивых или несправедливых решений, не можем направлять его деятельность в желательном для нас направлении и бываем вынуждены всегда иметь дело лишь с совершившимися фактами, не будучи в состоянии предупредить таковые. Между тем сама жизнь и настроение в ханстве за последнее время подверглись существенным изменениям ввиду проникновения туда элементов, способствующих пробуждению народного самосознания и притом обыкновенно к нам недоброжелательно относящихся. Следить за деятельностью этих агитаторов из Петро-Александровска, конечно, является весьма затруднительным». Для устранения перекосов в российской политике в отношении Хивы и усиления контроля за внутривосточной ситуацией в ханстве, продолжал далее Самсонов, поддерживая в принципе предложения А. Барановского, администрация генерал-губернаторства края признает очень «своевременным и необходимым назначением в столицу ханства особого лица, в главнейшую обязанность коему вменено было бы следить за жизнью ханства и проживающими в его пределах русскими подданными...». Одновременно подчеркивалась необходимость «во избежание какой-либо вспышки народного гнева и перехода от слов к действиям» принятия решительных мер «против единовластия Ислам-Ходжи» и восстановления при дворе того равновесия, которое существовало до 1910 г.⁷¹ Под, так сказать, «равновесием» подразумевались политическая инертность и консерватизм, устоявшиеся при правлении Сеида Мухаммеда Рахим-хана II.

Не вызывает сомнения, что как докладная А. Барановского, так и секретное послание генерал-губернатора края Самсонова специально были приурочены именно к началу российско-хивинских переговоров в Санкт-Петербурге. Они преследовали определенную цель — посеять в российском руководстве тревогу по поводу политизации хивинского общества, кризиса ханской власти и побудить принять радикальные меры для предотвращения выхода Хивы из системы непрямого управления, недопущения интернационализации борьбы рабочего класса России, поддержки ее антиабсолютистским движением хивинских масс. И это удалось. Результаты переговоров ясно показывают, что правительство Николая II решительно встало на сторону Сеида Асфандияр-хана и отказало Ислам-Ходже в помощи, надеясь, что таким образом удастся без какого-либо открытого вмешательства во внут-

⁷¹ РГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 62, л. 154—155, 173; Цит. по: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 141, 155—156.

решение дела Хивы развязать руки ханскому правительству и, не ограничивая его в выборе форм воздействия на оппозицию, добиться стабилизации общей социально-политической ситуации в ханстве и отвести угрозу распада феодально-абсолютистского режима.

Сеид Асфандияр-хан, заручившись поддержкой ближайшего окружения Николая II и туркестанской краевой администрации, принялся за изолирование Сеида Ислам-Ходжи, ограничение его влияния на разработку и реализацию политики ханского правительства. В этом ему содействовали крайние радикалы под предводительством Хусаинбека Матмурадова, занявшие неприкрыто враждебную позицию в отношении реформ вазир-и-акбара, а также феодально-клерикальная знать, выступавшая против любых нововведений. Они не останавливались ни перед чем, вплоть до ложных обвинений и явной дезинформации общественности, чтобы дискредитировать Сеида Ислам-Ходжу. В начале 1913 г. полковник Н. С. Лыкошин сообщал в докладной записке в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, что с возвращением в состав ханского правительства реабилитированных сыновей покойного Матмурада-диванбеги «при ханском дворе началась скрытая, глухая борьба сановников, направленная уже не только к ослаблению власти Ислам-Ходжи и его влияния на хана, а, по-видимому, к совершенному дискредитированию в глазах хана его первого сановника, которого бывшие в опале сановники стремятся обвинить даже в похищении в момент смерти покойного хана Рахим Боходура (речь идет о Сеиде Мухаммеде Рахим-хане II. — *М. Н.*) полутора миллионов руб. ханских денег, хранившихся во дворце Арка (имеется в виду цитадель Куния-Арк, где находились ханская казна и монетный двор. — *М. Н.*) в пяти сундуках»⁷². Несмотря на полную абсурдность этих измышлений, они распространялись агентами тайной ханской полиции и духовенством всюду, причем не без одобрения самого Сеида Асфандияр-хана и не без содействия его окружения.

Антиреформистская коалиция, пользуясь покровительством хана, развернула в очередной раз крестовый поход против нововведений, объявив их противоречащими «священным» нормам и принципам шариата, не соответствующими национальным интересам. Пытаясь взять реванш за фиаско 1911 г., она потребовала от правительства отказаться от них. Результат не замедлил сказаться. Под натиском консерваторов и ортодоксов в 1913 г. только-только набиравший темп процесс реформирования традиционных политических, правовых и экономических институтов Хивинского ханства был заморожен. Анализ источников показывает, что нововведения забуксовали по всем направлениям: не удалось довести до логического конца внедрение дифференцированной системы налогообложения землевладельцев, устано-

⁷² ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 305, л. 6.

вить государственный контроль за формированием и использованием вакуфного имущества, совершенствовать сборы с базаров и торговых закупочных операций, создать широкую сеть медицинских учреждений и новометодных мактабов, осуществить целый ряд других преобразований, намеченных в «октябрьском» манифесте Асфандияр-хана, обнародованном осенью 1910 г. после вступления на престол, и проектах реформ 1911 г.

Негативные тенденции наметились в ключевых сферах экономики. В аграрном секторе, где были особенно сильны отсталые производственные отношения, вновь начало набирать силу некомпенсированное отчуждение состоятельными торговцами-ростовщиками и земельной аристократией наделов мелких и средних дехкан. Во время неурожая 1911—1912 гг. многие из них взяли в долг у купцов и ростовщиков пшеницу по 2—3 руб. за пуд с начислением пени до 10—15 % годовых⁷³. И теперь, не сумев расплатиться с долгами, они были вынуждены распродавать свои земельные владения и имущество по низким ценам. В итоге в одном только Хивинском бекстве численность полностью безземельных хозяйств достигла почти 50 %, а численность малоземельных составила около 40 %, у 35 % дехканских хозяйств не было рабочего скота, а более 18 % из них не имели вообще никакого скота⁷⁴. Часть земель и имущества переходила непосредственно в собственность Асфандияр-хана. В пригороде Хивы он конфисковал у четырех дехкан-средняков без всякой компенсации 50 танапов (18,8 дес.) пахотной земли вдоль канала Палван-яп⁷⁵. Подобные примеры были отнюдь не единичны. Присвоение земли, являющейся в условиях преимущественно аграрной экономики основным средством производства и одним из главных источников доходов доминирующей части населения, в Хивинском ханстве в 1913 г. и позднее повсеместно носило массовый характер. Оно являлось одним из приоритетных направлений политики консервативных и реакционных кругов в Хивинском правительстве, против чего настойчиво боролся Ислам-Ходжа.

Для пополнения ханской казны, истощенной в результате непродуманного и расточительного вкладывания средств в строительство престижных дорогостоящих объектов, а также возмещения расходов, связанных с поездками делегаций в Ташкент, Москву и Санкт-Петербург, подношениями царским министрам и чиновникам, Сеид Асфандияр-хан распорядился увеличить все виды налогов и поборов. При этом принципы пропорционального налогообложения были полностью проигнорированы. Крупные земельные собственники, распорядившиеся сотнями и тысячами танапов сельскохозяйственных угодий и при-

⁷³ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 143.

⁷⁴ Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 201, л. 529—537.

⁷⁵ *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 27 об.

надлежавшие к элитной группе владельцев ата-и-мульк, сохранили привилегии. Они платили с каждого подворья поземельный налог на сумму немногим более 6 тилля, или чуть больше 10,8 руб. Не претерпел существенных изменений размер налога с середняцких хозяйств, имевших до 10 танапов: с них взималось по 4 тилля, или 7,2 руб. Как видим, ханское правительство продолжало защищать экономические интересы крупных и части средних землевладельцев, являвшихся главной опорой феодально-абсолютистского режима наряду со старообрядцами и консерваторами. Оно могло рассчитывать на безусловную поддержку реакционных ортодоксальных кругов в случае дальнейшего обострения политической ситуации внутри страны, усиления конфронтации между правительством и либерально настроенной оппозицией, возникновения реальной угрозы межнациональной стабильности в обществе.

Тяжесть налогового пресса, как и прежде, обрушилась на дехкан-бедняков, туркменские, каракалпакские и казахские роды и племена, с трудом пережившие голод 1911—1912 гг. Так, например, на туркменские племена дополнительно к тем 2 тилля, которые они ежегодно вносили в ханскую казну как компенсацию за освобождение от ирригационных повинностей из расчета за каждый атлычный надел (30 танапов), был наложен и *салгыт-кесме* в размере 12 тилля с каждых 30 танапов⁷⁶. Племя или род были вынуждены выплачивать налог независимо от того, какая часть атлычных земель реально пригодна для эксплуатации. Салгыт-кесме навязывался и многим другим оседлым родам и племенам. Чтобы заставить их вносить налог полностью, ханское правительство взяло под свой контроль распределение воды на головных водозаборных сооружениях, в особенности тех, по которым она поступала для орошения туркменских и каракалпакских пахотных земель и естественных пастбищ. Оно перекрывало подачу оросительной воды на сельскохозяйственные угодья, пастбища, не считаясь с экономическими последствиями такого шага, всякий раз, когда среди национальных меньшинств назревали протестные выступления, имевшие антиправительственную окраску.

К так называемой «кибиточной» подати, выплачивавшейся главным образом каракалпакскими и казахскими кочевыми и полукошевыми племенами в размере 21 теньги от каждого хозяйства, добавился и налог *чун нули* — за пользование пастбищами опять-таки без всякого учета, на каких конкретно землях (государственных, общинных или частных) ведется выпас общественного стада. Он взимался и с тех хозяйств, которые вообще не содержали ни крупной, ни мелкой скотины⁷⁷. Отсутствие скота в расчет не принималось. Налог за бесскот-

⁷⁶ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 165—166.

⁷⁷ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 165.

ные двory выплачивали родственники или родоплеменная элита. В результате бедствующие или малоимущие семьи вновь оказывались в долговой кабале и, не сумев свести концы с концами, расплатиться с долгами, окончательно попадали в экономическую зависимость, фактически превращались в рабов. Многие семьи не имели перспективы вырваться из долговой кабалы.

Ужесточение ханским правительством фискальной политики в области землепользования и ведения хозяйства, применение так называемой «водной» санкции в районах, населенных этническими меньшинствами, преимущественно туркменами, каракалпаками и казахами, часть которых вели кочевой образ жизни, дали импульс дальнейшему обострению антагонистических противоречий в обществе, активизировали антиханское движение. Оно получило столь широкий размах, что охватило не только отдаленные окраинные, но и целый ряд центральных районов, населенных узбеками.

Новый подъем антиханского движения национальных меньшинств

В начале декабря 1912 г. туркменские родоплеменные объединения окуз, салах, орсукчи, размещенные большей частью в районах Тахтинского бекства, находившиеся в крайне тяжелом экономическом положении из-за кризиса в аграрном производстве и скотоводстве, отказались платить налоги, силой выдворили со своей территории ханских сборщиков податей. Узнав об этом, Хивинское правительство отдало распоряжение о немедленном проведении карательной операции против мятежных родов и племен.

28 декабря под командованием ясаулбаши Шейхназар-бая из Хивы в направлении Тахты двинулся отряд регулярных ханских войск, состоявший из 550 всадников, с одним орудием. В Ташаузе к нему примкнули дополнительные силы: отряды хакима Манакского бекства Нурджан-бахадры, юзбаши (сотников) Палваннияза (Ташауз), Джумагул-казаха (Куня-Ургенч) и Сихат-бая (Ильялы), а также правителей Газаватского, Шаватского и Чигатайского районов. В каждом из этих формирований ополченцев насчитывалось по 100 всадников. Таким образом, общее число привлеченных к проведению карательной операции нукеров, несших регулярную службу и обученных военному делу, превысило 1150. По меркам того времени это было в условиях Хивинского ханства относительно крупное воинское соединение.

Продвижение ханских войск не ослабило решимости мятежных племен. Напротив, оно побудило их принять вызов, брошенный Хивинским правительством, и ответить на него адекватными мерами. Под началом кетхуды Шаммы-каля из племени окуз в Тахтах был

сформирован хорошо вооруженный конно-пеший отряд, костяк которого составили боевые дружины родовых старшин Мухаммед-кахка, Курт-бая и Аннакули (окуз), Мухаммед-Хасана, Гулям-Али и Раджаба (салах), Курбан Мамед-сердара (Джунаид-хан) и Атабай-казаха (орсукчи). Он выдвинулся навстречу карательному отряду правительства и занял линию обороны в районе между Ташаузом и крепостью Измукшир, представлявшем собой сплошные труднопроходимые зыбучие барханы, удобные для отражения атаки и ведения продолжительных оборонительных боев.

2 января 1913 г. ясаулбаши Шейхназар-бай направил к Шаммыкалю парламентарера и от имени правительства потребовал без всяких предварительных условий сложить оружие, подчиниться властям и уплатить налоги, тем самым предотвратив кровопролитие. Мятежники отвергли ультиматум, заявив, что если хивинские власти по-прежнему будут уклоняться от удовлетворения их требований, справедливого решения земельно-водного вопроса, откажутся от пересмотра порядка налогообложения и других поборов, от предоставления туркменскому сообществу большей самостоятельности во внутренних делах, то они готовы сражаться до последнего.

Ясаулбаши Шейхназар-бай отклонил требования мятежников. В тот же день ханские войска начали штурм их позиций. Бои носили ожесточенный характер. Они продолжались в течение восьми дней с переменным успехом и короткими передышками. И ханские нукеры, и туркменские ополченцы имели хорошую воинскую закалку, обладали опытом ведения боевых действий в условиях пустыни. Мужества им было не занимать. Но сама по себе эта война для правительственных войск была бессмысленной, а для туркмен — братоубийственной. Хивинские правители не проявили политической мудрости и выдержки, необходимой для мирного разрешения возникших проблем за столом переговоров. Направляя в мятежные районы правительственные войска, они тем самым только провоцировали туркмен на ответные действия. Вместе с тем объективность требует признать, что и сами мятежники не пытались вести конструктивные переговоры с официальными властями, не направили делегацию в Хиву. Они предпочли действовать сугубо традиционными методами демонстрации силы, не считаясь с возможными последствиями разрастания вооруженной конфронтации.

9 января 1913 г. в боях между противоборствующими сторонами наконец наступило временное затишье. Ни ханское правительство, ни мятежные туркменские роды и племена не достигли главных целей. Джигиты под предводительством Шаммыкаля удержали позиции, не пропустили карательный ханский отряд в туркменские районы, предотвратив погромы и массовые расправы. Так и не сумев преодолеть их отчаянного сопротивления, правительственные войска были вынужде-

ны отступить, не выполнив поставленных перед ними задач. Обе стороны понесли в боях ощутимые потери: численность убитых и раненых не поддавалась учету.

По свидетельству Х. Мадаминава, в течение восьмидневных ожесточенных сражений погибли десятки отважных воинов, среди них предводители Нурджан-бахадыр и Джумагул-казах. Многие получили тяжелые ранения и увечья⁷⁸. Напряженность в отношениях между официальными властями и оппозиционными туркменскими племенами сохранилась.

Хивинское правительство не сделало соответствующих выводов из трагических событий под Измукширом. Оно не намеревалось признать фиаско своего курса в национальном вопросе. Более того, 11 января 1913 г. Сеид Асфандияр-хан направил в Петро-Александровск к начальнику Амударьинского отдела лично Хусаин-бека Матмурадова с конфиденциальным посланием, в котором содержалась просьба незамедлительно оказать Хиве вооруженную помощь в подавлении антиправительственных волнений, усмирении мятежных племен и родов, а также в перевооружении правительственных войск, оснащении их современным оружием.

Однако администрация Амударьинского отдела отказалась перевооружить ханскую армию и снабдить ее боеприпасами. По поручению туркестанского генерал-губернатора Самсонова в Хиву для изучения и прояснения ситуации, оказания содействия правительству в разрядке возникшей напряженности между властями и оппозиционными племенами выехал с небольшим отрядом казаков Н. С. Лыкошин. При его посредничестве состоялись официальные переговоры представителей Сеида Асфандияр-хана с предводителями мятежных туркменских племен. Они дали в целом положительный результат. В Куня-Ургенче 25 января 1913 г. было заключено соглашение, в соответствии с которым правительство обязалось восстановить прежнюю систему водопользования в туркменских регионах, принять меры для ее совершенствования с тем, чтобы предотвратить перерастание «водной проблемы» в межэтнический или межнациональный вооруженный конфликт. Такая угроза была вполне реальной.

Кетхуды туркменских племен и родов, в свою очередь, согласились выплатить правительству в полном объеме земельный налог, другие сборы на сумму 130 тыс. руб. Уже в начале февраля в Хиву прибыла делегация от туркмен во главе с Шаммы-калем и Джунайд-ханом, доставившая в казну часть суммы — около 37,6 тыс. руб.⁷⁹ Одновремен-

⁷⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 305, л. 21—29; *Мадаминав Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 30 об.—31 об.

⁷⁹ См.: *Карпов Г. И., Бацер Д. М.* Хивинские туркмены и конец кунградской династии. Ашхабад, 1930. С. 52; *Тухтаматов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 82.

но, учитывая хозяйственную разруху и неурожай, вызванные нехваткой оросительной воды и сильной засухой, она попросила у ханского правительства отсрочить на год выплату остатка налога.

Напряженность, возникшую в отношениях между Хивинским правительством и туркменскими племенами, удалось погасить. Однако ее глубинные причины, как и прежде, не были устранены. Правительство Сеида Асфандияр-хана в очередной раз не пожелало извлечь уроки из серьезного конфликта, выработать конструктивную национальную политику, учитывающую политические, экономические и социальные интересы национальных меньшинств, нацеленную на гармонизацию отношений не только между господствующими нациями — узбеками, туркменами, каракалпаками, но и между татарами, персами, турками, азербайджанцами, армянами, русскими и другими, проживающими на территории ханства. Эта сложнейшая, давно назревшая и наболевшая проблема, требовавшая, несомненно, безотлагательного государственного решения, оставалась вне поля зрения всех основных общественно-политических течений, включая либеральное и крайне радикальное крыло буржуазно-демократического движения. Исключение составляли только панисламисты и пантюркисты, а также социал-демократы из числа русской диаспоры. Правда, лозунги первых отчасти были материализованы в политике и практике партий и объединений Сеида Ислам-Ходжи и Хусаин-бека, не выходили за пределы сплочения только мусульманской нации, а вторые имели ограниченные возможности для пропаганды, причем пока только в нелегальных условиях, своих идей и лозунгов о равноправии наций, их праве на самоопределение вплоть до отделения. братстве пролетариев и т. п.

Несомненно, в специфических условиях Хивинского ханства в радикальном реформировании нуждались в первую очередь отношения между узбеками и туркменами, естественно, не на бытовом, межличностном уровне, ибо между туркменским и узбекским населением каких-либо серьезных трений на национальной почве не существовало. Они во многих бекствах и районах жили и трудились бок о бок, на принципах взаимопомощи и сотрудничества, одинаково испытывали и переносили все тяготы социального и имущественного неравенства, насаждавшегося феодально-абсолютистским режимом, выплачивали одинаковые налоги и поборы. Проблема заключалась в коренном изменении стратегии и тактики *ханского правительства* в отношении в общем-то надуманного «туркменского вопроса», в искоренении той политической и экономической дискриминации, которой систематически подвергались национальные меньшинства, в том числе и туркменская диаспора. Хорошо информированный о подлинных причинах мятежей и волнений туркменских племен и родов Н. С. Лыкошин не раз докладывал в администрацию генерал-губернатора Туркестанского края о том, что «благополучие всего туркменского народа за послед-

ние годы вконец подорвано распоряжениями Хивинского правительства»⁸⁰. Как видим, он не скрывал, что угнетение национальных меньшинств порождено непродуманной национальной политикой хивинских правителей, стимулирующей откровенно конфронтационные тенденции в отношениях между центральным правительством и туркменскими родоплеменными объединениями. Без решения этой острой проблемы было немислимо ожидать достижения подлинного гражданского согласия в обществе.

Анализ причин конфликтных ситуаций, в последней четверти XIX—начале XX в. периодически возникавших между ханским правительством и туркменской диаспорой, показывает, что власти не были заинтересованы в соблюдении ее социально-экономических и политических прав. «Туркменский вопрос» в период правления как Сеида Мухаммеда Рахим-хана II, так и его наследника Асфандияр-хана использовался для нагнетания напряженности и укрепления позиций правящей верхушки. Неизменно представляя туркмен в «образе врага» центральных властей, правительство стремилось заполучить у российской администрации края и Амударьинского отдела очередные уступки, возможность постоянно опираться на ее вооруженную помощь при разрешении внутренних проблем. Вот почему она предпочитала избегать конструктивной развязки «туркменского вопроса», уповая на демонстрацию силы. Зачастую к подавлению мятежей и волнений туркменских племен привлекались именно российские отряды, в редких случаях — хивинские нукеры. Этим ханское правительство как бы подчеркивало, что экспедиции против туркмен — дело рук российских, а не хивинских властей. В выигрыше в конечном итоге оказывалось оно, ибо под угрозой вооруженной расправы было гораздо легче собирать налоги и разного рода подати с непокорных племен. А краевая российская администрация превращалась, по сути, в орудие осуществления притязаний хивинских властей, о ней в обществе формировалось исключительно негативное представление. Несомненно, российские власти и сами частенько давали повод для подобных выводов не всегда продуманными действиями, в особенности — той безоглядной поддержкой, которую систематически оказывали деструктивной политике ханского правительства.

Тактика не решения накопившихся в обществе политических и социально-экономических проблем, а постоянного лавирования между сторонниками того или иного курса, применявшаяся Асфандияр-ханом и его окружением, не имела будущего. Она позволяла правящим кланам получать эпизодические, временные передышки, по истечении которых «национальный вопрос» проявлялся вновь и вновь, но теперь уже в иной, нередко даже более острой форме, чем прежде. Яркое тому сви-

⁸⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 40.

детельство — новый виток обострения политической обстановки весной 1913 г. в некоторых бекствах, населенных преимущественно туркменами. Если в декабре 1912—январе 1913 гг. поводом для волнений послужили главным образом налоговая и водная проблемы, то на этот раз — несоблюдение ханским правительством условий двустороннего обоюдывыгодного соглашения, заключенного 25 января в Куня-Ургенче при посредничестве Н. С. Лыкошина, и дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации в туркменских, каракалпакских и казахских сообществах.

В начале апреля недалеко от Куня-Ургенча, где располагались стоянки туркменской родовой группы орсукчи, возглавляемой кетхудой Махмудханом Аталыхановым, был созван совет представителей всех крупных туркменских племен и родов для всестороннего обсуждения взаимоотношений с центральным правительством и выработки по его результатам согласованных и действенных мер по защите экономических, политических и социально-культурных прав племен и родов. Место для проведения совета было выбрано не случайно и свидетельствовало не о праздности мероприятия, а о серьезности намерений его участников. Во-первых, в Куня-Ургенчском бекстве проживали не только туркмены, которых насчитывалось не менее 15,7 тыс., или примерно 54,7 % от общей численности населения, но и около 7,9 тыс. казахов (27,5 %), свыше 3,6 тыс. узбеков (12,6 %) и 1,5 тыс. каракалпак (5,2 %) ⁸¹. Следовательно, решения, которые принимались на форуме, должны были учитывать интересы всех наций и народностей, не замыкаясь в рамках так называемой «туркменской проблемы». В итоге они могли получить не локально-национальный, а интернациональный характер. Это было принципиально важным для постепенного преодоления национальной замкнутости и отчужденности, которые столетиями насаждались официальным феодально-абсолютистским режимом, для расширения социальной базы и укрепления сплочения антиханской оппозиции.

Во-вторых, кетхуда Махмудхан Аталыханов возглавлял племя орсукчи приблизительно с 1906 г. и находился в активной оппозиции к Хивинскому правительству. Н. С. Лыкошин в одной из докладных записок генерал-губернатору края представлял его как наиболее опасного противника режима Асфандияр-хана, обладающего большими организаторскими способностями и умением спланировать людей. «Махмудхан Аталыханов, — писал он, — ...является руководителем оппозиционного элемента среди туркмен иомудов и, видимо, пользуется значительным влиянием. Хивинское правительство считает его одним из самых важных агитаторов оппозиции... Голова Махмудхана оценена в

⁸¹ Гирифельд В. Военно-статистическое описание... Ч. 1. С. 66.

1000 тилля»⁸². Стойкость М. Аталъханова и последовательность, с которой он отстаивал интересы племен и родов, притягивали к нему всех, кто выражал недовольство деструктивной политикой ханского правительства. Таких среди наиболее обездоленных слоев хивинского общества — дехканской бедноты, скотоводов, ремесленников и кустарей — с каждым днем становилось все больше и больше.

Буквально накануне созыва совета племен и родов произошло одно примечательное событие, привлекшее внимание официальных властей Амударьинского отдела и Хивинского ханства. Судя по агентурным сведениям жандармерии отдела, в Куня-Ургенче с Махмудханом Аталъхановым встречались трое русских рабочих, приехавших из Петро-Александровска по приглашению местного богача Бабаджан-бая якобы для установления водоподъемной башни. Вероятно, они были членами социал-демократической организации, действовавшей в Амударьинском отделе, и их главная задача заключалась в ведении агитационной работы, оказании оппозиционно настроенным туркменским племенам конструктивной помощи в разработке реалистичной тактики и стратегии борьбы с ханским правительством, обеспечении тесного взаимодействия с другими силами, противостоящими Сеиду Асфандияр-хану. Конфиденциальный характер встречи не позволил Н. С. Лыкошину точно установить факт переговоров Аталъханова с русскими рабочими. Более того, впоследствии он даже утверждал, что в Куня-Ургенче никакого Бабаджан-бая не было и что на самом деле Махмудхан с русскими рабочими не встречался, а слух был пущен с той лишь целью, чтобы обвинить Аталъханова в «противоправительственной деятельности»⁸³. Думается, Н. С. Лыкошин просто не желал признавать (или же скрывал) существование какой-то связи между туркменскими событиями и деятельностью российских социал-демократов Петро-Александровска. Все дело в том, что если бы факт встречи М. Аталъханова с русскими рабочими подтвердился, то туркестанские краевые власти могли обвинить начальника отдела в невыполнении должностных обязанностей, строго предписывавших, кроме всего прочего, следить за деятельностью агитаторов, «недоброжелательно» относящихся к царской администрации и способствующих пробуждению самосознания масс, а также за проживающими на территории Хивинского ханства и отдела «русскими подданными».

События, предшествовавшие совету туркменских племен и родов, сама атмосфера напряженности, которая складывалась вокруг него, а затем сопровождала и его работу, придавали мероприятию особый оттенок. Совет племен обсудил широкий круг вопросов. Выступавшие на нем говорили о непосильных налогах и поборах, навязываемых Хи-

⁸² ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 38.

⁸³ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 39—39 об.

винским правительством, о несоблюдении им достигнутых договоренностей, преднамеренном осложнении и без того непростой земельно-водной проблемы, умышленном перекрытии магистральных ирригационных каналов, в частности Лаузана, подающего воду окраинным регионам — туркменским, каракалпакским и казахским землям. В этой связи указывалось, что в зимне-весенний период 1912—1913 гг. по согласованию с хивинскими властями туркменского племени выставили для участия в реконструкции и ремонте оросительных систем около 4 тыс. человек, которые вместе со всеми трудились 60 дней. Однако, как и прежде, амударьинская вода так и не дошла до верховьев Лаузана, ирригационные каналы остались пусты, что вызвало гибель посевов продовольственных, технических и кормовых культур. В результате экономика обширного региона понесла ничем не восполнимые потери. Выступавшие потребовали от хивинских властей изменить отношение к земельно-водному вопросу, отказаться от антинародной налоговой системы, усугубляющей и без того тяжелое экономическое положение национальных меньшинств — туркмен, каракалпачков, казахов и др.

Наряду с экономическими, совет племен и родов выдвинул и ряд политических требований. Прежде всего он подверг острой критике Сеида Ислам-Ходжу за необеспечение выполнения договоренностей, достигнутых во время переговоров 25 января 1913 г. в Куны-Ургенче. Выразив недоверие правительству Сеида Асфандияр-хана, участники совета предложили направить в Петербург туркменскую делегацию, добиться у Российского правительства признания ханом Азгар-туры, старшего брата Асфандияра⁸⁴. Эти резолюции совета туркменских племен стали убедительным свидетельством восходящего процесса Политизации масс, их стремления выработать единую стратегию и тактику борьбы за свои азбучные социально-экономические и политические права.

Вместе с тем нельзя не заметить, что часть родоплеменной верхушки, на словах горячо поддерживая критику ханского правительства и одобряя требования об отставке Асфандияр-хана, на деле занимала ренегатскую позицию, пыталась отмежеваться от радикально-опозиционных решений совета. В воспоминаниях Х. Мадаминов приводит любопытные сведения, показывающие двурушничество большей части предводителей родов и племен, готовность на ренегатство и любые компромиссы с официальными властями во имя удовлетворения собственных амбициозных интересов и сохранения привилегий. Он, в частности, пишет, что в то самое время, когда М. Аталяханов и его соратники русскоподданные туркмены Хак-Берды и Омар-Берды (прибывшие, видимо, из Закаспийской области) и другие спланировали все

⁸⁴ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 39.

здоровые силы племени кулли-окуз для отстаивания социально-экономических и политических прав обездоленных, 19 мухрдаров крупных туркменских племенных объединений *кандир* и *иомудов* поспешили обратиться к Сеиду Асфандияр-хану с заявлением, в котором выразили ему покорность и заверили в преданности Хивинскому правительству⁸⁵. Это ясно указывало на углубление разрыва между подлинными интересами туркменской массы, задавленной феодально-абсолютистским режимом, и правящей верхушки племен и родов, боившейся подъема политической активности «низов», беззастенчиво эксплуатировавших их доверие. Психология вождизма наносила вред делу объединения национальных меньшинств, разобщала оппозицию и ослабляла давление на ханское правительство.

Хивинские власти вместе с администрацией Туркестанского края и Амударьинского отдела использовали противоречия, существовавшие между туркменскими племенами и родами, для расправы с оппозиционными силами. Так, отвечая на послание Сеида Асфандияр-хана от 4 апреля 1913 г., в котором речь шла об антиправительственных настроениях туркменской диаспоры, о ее недовольстве деятельностью Сеида Ислам-Ходжи, генерал-губернатор края Самсонов без всяких на то оснований обвинил вазир-и-акбара в необъективном информировании российской администрации о положении дел в туркменских районах, сообщил, что проанализировать ситуацию поручено лично начальнику отдела полковнику Лыкошину⁸⁶. Самсонов, несомненно, знал, что именно благодаря начальнику Амударьинского отдела Сеид Асфандияр-хан уже не раз добивался серьезных уступок со стороны предводителей оппозиционно настроенных и постоянно готовых к очередному мятежу туркменских племен, как это было, например, во время мирных переговоров в Куня-Ургенче 25 января 1913 г., а затем вновь, прикрываясь поддержкой российской администрации и открыто угрожая возможностью применения военной силы против мятежных племен, уклонялся от соблюдения договоренностей и выполнения обещаний. Таким образом мир, достигнутый с таким большим трудом, благодаря доброй воле здоровых сил в кругах как хивинских правителей, так и туркменских предводителей, приносился в жертву амбициозным притязаниям узкой группки из верхушки общества, убивая веру в возможность консенсуса.

Ислам-Ходжа был категорически против такого подхода к развязке конфликтных ситуаций. Он настаивал на безусловном соблюдении и ханским правительством, и предводителями туркмен прежде всего достигнутых соглашений, что делало его и для Самсонова, и для Асфандияр-хана крайне «неудобным» политиком. Они были не прочь

⁸⁵ Мадаминов Х. Материалы к истории революции в Хорезме... С. 29—30.

⁸⁶ Там же. С. 30 об.

любой ценой избавиться от вазир-и-акбара, взвалив на него бремя ответственности за грубейшие провалы так называемой «национальной» политики, противопоставив ему полковника Н. С. Лыкошина, человека в крае известного, или какого-нибудь другого еще более сговорчивого хивинского или российского чиновника. Вскоре этот замысел им удалось осуществить.

Впрочем, конфронтационный характер отношений между Хивинским правительством и туркменскими племенами не мог не отвечать интересам руководства администрации Туркестанского генерал-губернаторства. Он позволял, с одной стороны, не допустить нормализации социально-политической обстановки в ханстве и держать хивинские власти в постоянном напряжении, а с другой — всегда иметь повод для вмешательства во внутренние дела Хивинского ханства. Это признавали не только умеренные либералы во главе с Сеидом Ислам-Ходжой, но и многие высшие сановники хивинского двора, которых трудно было заподозрить в симпатиях к либерально-буржуазной демократии, прогрессистам или же социал-демократам, не говоря уже о крайних радикалах из сообщества Хусаин-бека Матмурадова. Тот же Х. Мадаминов, не один год прослуживший в ханской канцелярии при правлении Сеида Асфандияр-хана, писал, например, позднее: «Правительство Николая, не довольствуясь установлением контроля над Хивинским ханством и пытаясь присоединить его к себе так же, как и другие колонии, использовало разные средства для ликвидации независимости Хивинского ханства... Во-первых, оно стремилось создать среди населения обстановку постоянной напряженности; во-вторых — скрытно проводило агитацию для того, чтобы склонить народы на свою сторону; в-третьих, не меняя официально нейтралитет в отношениях к Хивинскому ханству, — вмешивалось постоянно в его внутренние дела под надуманным предлогом оказания помощи в преодолении возникших осложнений»⁸⁷. Изложенное убедительно свидетельствует о том, что среди некоторой части правящих кругов хивинского общества все отчетливее зрело понимание необходимости пересмотра внутривосточного курса правительства, более критической оценки деятельности в регионе российской администрации Туркестанского края, неизменно рассматривавшей Хиву всего лишь как протекторат империи и любыми путями добивавшейся ее присоединения к России. В этом контексте участие представителей российской военной элиты в разрешении хивинско-туркменских противоречий служило, скорее, не их устранению и нормализации, а, напротив, — дестабилизации межнациональных отношений в ханстве.

На наш взгляд, пагубность слепого следования «рекомендациям» Региональной российской администрации первым среди крупных хи-

⁸⁷ *Мадаминов Х.* Материалы к истории революции в Хорезме... С. 29 об.

винских политических деятелей осознал Сеид Ислам-Ходжа. Одним из немногих он отчетливо видел, к каким серьезнейшим последствиям может привести систематическое игнорирование правительством экономических и политических прав туркменского населения, как и других национальных меньшинств. Об этом говорит его активное участие во всех совещаниях, посвященных «туркменским проблемам». Многие предводители туркменских племен доверяли Сеиду Ислам-Ходже. Это подтверждается тем фактом, что на совете племен в его присутствии принималось решение о направлении делегации в Санкт-Петербург и необходимости смещения Сеида Асфандияр-хана. Однако лидер умеренных либералов часто пытался примирить враждующие стороны на основе компромиссов и разумных взаимных уступок, не одобрял антимонархические лозунги, порой проявлял нерешительность там, где требовалась твердость. Вот почему его деятельность нередко подвергалась острой критике не только противниками, но и союзниками. В то же время Сеид Ислам-Ходжа, как наиболее популярная личность среди туркменской диаспоры, был неугоден и руководителям краевой российской администрации, ибо препятствовал осуществлению их далеко идущих планов по консервации эволюции хивинского общества. В военно-политических кругах России и Туркестанского генерал-губернаторства относились к нему с подозрением и враждебностью, были не прочь его изолировать.

Анализ документов показывает, что в рассматриваемый период в Хивинском ханстве не имелось сплоченной политической партии с понятной платформой, которая была бы способна объединить разрозненные усилия оппозиционных сил, включая либералов, просветителей, социал-демократов, и часть радикалов, обладавших реальной возможностью повлиять на внутривластный курс Хивинского правительства, вынудить пересмотреть отжившую систему экономических и социально-политических отношений. Поэтому хивинские власти, потерявшие доверие масс, но опиравшиеся на поддержку Российского правительства и его региональной администрации в Туркестанском крае, продолжали осуществлять контроль над сложными процессами, протекавшими в обществе, могли не реагировать на ту критику, которая звучала со стороны оппозиции.

Правительство Сеида Асфандияр-хана, игнорируя конструктивные предложения здоровых общественно-политических сил, все больше дискредитировало себя среди различных слоев общества. Замыкаясь в узком кругу собственных интересов, оно допускало серьезные просчеты в разработке и реализации внутренней политики. Примеров тому немало. Неумение реалистично оценить складывающуюся ситуацию особенно наглядно проявилось в подходах к земельно-водным вопросам, причем опять-таки в плоскости, непосредственно касающейся наиболее национальных отношений.

В середине 1913 г. в Хивинском ханстве начался процесс передела земельной собственности. Вопреки сохранявшейся напряженности в отношениях правительства с туркменскими племенами и родами, тем договоренностям, которые были достигнуты в Куныя-Ургенче в январе и апреле, Сеид Асфандияр-хан основную его тяжесть вновь переместил в районы, населенные преимущественно туркменской диаспорой. Главным объектом масштабной спекуляции стали государственные (падшалычные) земли, которыми хивинские ханы распоряжались как своей *личной* собственностью. Отличие заключалось только в том, что если раньше крупные сделки по купле-продаже или дарению осуществлялись в основном между ханом, его родней, сановниками двора или земельной аристократией, которые владели доминирующей частью земельного фонда ханства, то теперь к ним подключился и российский торгово-промышленный и финансовый капитал, что было принципиально новым явлением в экономической и в целом общественно-политической жизни Хивы.

17 июня 1913 г. Сеид Асфандияр-хан в своей резиденции в Хиве принял князя М. М. Андроникова и действительного статского советника А. И. Путилова, выразивших желание выкупить у правительства землю, чтобы основать собственное крупное помещичье хозяйство. По обоюдному соглашению изыскательские работы и картографирование проводились военным инженером полковником М. Н. Ермолаевым. Изучив результаты обследований, Андроников и Путилов остановили выбор на староорошаемых землях, расположенных на Лаузанском массиве в пределах Ходжейлийского и Куныя-Ургенчского бекств. Несмотря на то что практически все земли региона являлись падшалычными и принадлежали на условиях аренды в основном туркменским и каракалпакским племенам и родам, Сеид Асфандияр-хан без оговорок подписал договор о продаже российским предпринимателям с правом потомственного владения 23 946 десятин сельскохозяйственных угодий за 650 тыс. руб.⁸⁸ В собственность М. М. Андроникова и А. И. Путилова отошли также 600 десятин вакуфных земель, завещанных религиозным учреждениям покойным Сеидом Атаджан-турой. В соответствии с договором, до окончательного погашения всей суммы сделки (1 ноября 1918 г.) российские предприниматели обязывались ежегодно вносить в казну по 110 тыс. руб. Первый взнос был сделан уже при подписании документа и составил 100 тыс. руб.⁸⁹ Обращает на себя внимание то примечательное обстоятельство, что, хотя сроки уплаты всей суммы за приобретенную землю были растянуты на 5 лет, взимание пени в договоре не предусматривалось. Поэтапный характер погашения суммы покупки, полное отсутствие при этом процентной

⁸⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 324, л. 21 об., 31.

⁸⁹ Там же.

ставки за растянутость сроков уплаты, инфляционные издержки ставили хивинскую сторону в крайне невыгодное положение. Необходимо учитывать, что орошаемые земли Лаузанского массива были окультурены и уже находились в сельскохозяйственном обороте, следовательно, участвовали в процессе воспроизводства продукции и капитала. Доход, который можно было получить здесь от производственной деятельности, вполне мог послужить средством покрытия части суммы сделки, и то, что он не был получен, еще уменьшало чистую прибыль ханской казны от продажи земли. Это означает, что Сеид Асфандияр-хан, подписывая договор о продаже обширных сельскохозяйственных угодий, расположенных на Лаузанском массиве, руководствовался не государственными, а только личными интересами.

Продажа значительных массивов государственных земель российскому капиталу вызвала заметное усиление антиханских настроений, привела к дальнейшему углублению поляризации в обществе политических и социальных сил. Первыми против некомпенсируемого отчуждения сельскохозяйственных угодий выступили с решительным протестом земледельцы и скотоводы Куня-Ургенчского, Тахтинского, Ташаузского, Ильялынского и Ходжейлийского бекств. В некоторых туркменских сообществах срочно было начато формирование мобильных вооруженных отрядов, способных вести как оборонительные, так и наступательные бои. Таким образом, в северных и северо-западных районах ханства вновь отчетливо обозначились предпосылки нового вооруженного восстания, в которое могли быть вовлечены не только большая часть туркменских племен, но и узбекские, каракалпакские и казахские дехкане, чьи экономические интересы были ущемлены некомпенсируемым изъятием земель, несправедливым налогообложением и искусственным созданием Хивинским правительством «водной» проблемы. Антиханские настроения среди «низов» упорно подогревались родоплеменной верхушкой, которая стремилась на волне общего недовольства добиться для себя новых уступок со стороны центрального правительства.

Расширение присутствия крупного российского капитала вслед за перерабатывающей промышленностью, где он традиционно занимал господствующее положение, и в такой важнейшей отрасли национальной экономики, как сельское хозяйство, где местный капитал пока доминировал, не удовлетворяло и радикалов. Партия Хусаин-бека, в течение ряда лет последовательно и настойчиво выступавшая за пересмотр положений «Условий мира» 1873 г., лишение российских предпринимателей льгот и привилегий, вытеснение их из внутреннего рынка и расширение прав национального капитала, не могла смириться с тем, что одним волеизъявлением Сеида Асфандияр-хана и без решения правительства значительная часть государственного земельного фонда на вечные времена перешла в распоряжение соперников, полу-

чивших дополнительную возможность для укрепления своих позиций. Этот акт, не соответствовавший ни стратегическим целям, ни практической политике крайних радикалов, был ими воспринят как предательство национальных интересов.

Возникновение российского помещичьего хозяйства никак не устраивало и консервативно настроенную часть феодальной земельной аристократии, ибо его создание влекло за собой перемены в формах хозяйствования и традиционных производственных отношениях. Они предвидели, что с его появлением станут неизбежны преобразование материально-технической базы аграрного производства, внедрение предпринимателями в собственных хозяйствах используемых в России достижений агрономической науки. Это ставило местных производителей в такие условия, которые не позволяли конкурировать на равных с российским капиталом. Земельная аристократия, получавшая баснословные прибыли на интенсивной эксплуатации труда батраков и малоземельных дехкан без вкладывания средств в модернизацию материально-технической базы сельскохозяйственного производства, не допускала и мысли о возможности преобразования отсталых производственных отношений, видя в этом угрозу своему экономическому благополучию.

У крайних радикалов и консерваторов, обычно враждующих друг с другом, вдруг появилось немало общего. Их объединили политическая инертность и нерешительность. Оказавшись в оппозиции к Сеиду Асфандияр-хану, они в то же время избегали конфликта с правительством, предпочитали использовать для достижения собственных целей туркменские роды и племена, их вооруженную силу. На возможность подобного указывал весь опыт столкновений хивинских властей с туркменами в прошлом и настоящем, когда катализаторами антиправительственных выступлений становились сановники ханского двора и родоплеменные предводители, всегда державшиеся в тени. Это и имел в виду Асфандияр-хан, когда, всерьез напуганный ростом брожения среди населения северных и северо-западных районов, сообщил генерал-губернатору края Самсонову, что «тайные агенты готовят восстание», и просил оказать помощь в подавлении волнений.

Дошедшие до нас архивные материалы не дают четкого представления о том, какую позицию в зреющем социальном конфликте занимали партия Сеида Ислам-Ходжи и лично он сам. Тем не менее в общем контексте решений совета туркменских племен, состоявшегося с его участием в апреле 1913 г. в Куня-Ургенче, послания Н. С. Лыкошина туркестанскому генерал-губернатору Самсонову, в котором, в частности, указывалось, что Ислам-Ходжа всегда вел государственные «дела ханства независимо от личных выгод»⁹⁰, можно с большой долей

⁹⁰ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 134.

уверенности утверждать: продажа ханом российским предпринимателям земельных угодий на Лаузанском массиве, принадлежавших на правах атлычных преимущественно туркменским племенам, вряд ли могла быть одобрена вазир-и-акбаром. Тем более что сделка шла вразрез с решениями совета туркменских племен и договоренностями, достигнутыми в январе 1913 г. в Куны-Ургенче во время переговоров с туркменскими представителями. Ислам-Ходжа понимал, что демонстративное игнорирование правительством интересов туркменских племен и родов, как и других национальных меньшинств, послужит импульсом для очередного витка конфронтации ханского правительства с национальными меньшинствами и приведет к вооруженному столкновению. Ему следовало решить две сложные взаимосвязанные задачи: во-первых — добиться отмены злополучного договора Сеида Асфандияр-хана с М. М. Андрониковым и А. И. Путиловым; во-вторых — немедленно приступить к прямым переговорам с родоплеменными предводителями, чтобы таким образом предотвратить вооруженное восстание дехканства низовьев Амударьи, которое может стать лишь орудием реализации амбиций крайних радикалов, их временных попутчиков — консерваторов, объединившихся вокруг ортодоксального духовенства и Асфандияр-хана. Однако у Сеида Ислам-Ходжи, давно болевшего тяжелой формой воспаления легких, к тому же окруженного плотным кольцом ортодоксов, более не оставалось ни времени, ни сил для выполнения своей последней миротворческой миссии.

В рассматриваемый период вазир-и-акбар Сеид Ислам-Ходжа был, пожалуй, во всем Хивинском ханстве единственным видным и зрелым политическим деятелем, который реально пользовался авторитетом и влиянием среди населения, в том числе национальных меньшинств, мог повлиять на ход развития туркменских и других антиправительственных выступлений. «Правая» оппозиция понимала, что она может рассчитывать на осуществление собственных целей, только устранив Сеида Ислам-Ходжу с политической арены. В этом крайние радикалы и консерваторы солидаризировались и с Сеидом Асфандияр-ханом, и с российской региональной администрацией, которые были заинтересованы в изолировании Ислам-Ходжи. Как известно, генерал-губернатор края Самсонов еще в начале января 1913 г. информировал российское Военное министерство о целесообразности принятия мер против его единовластия, что можно было понимать как прямое лишение вазир-и-акбара иммунитета.

9 августа 1913 г., в разгар финансовых махинаций с землей и «пик» обострения отношений ханского правительства с туркменскими сообществами, Сеид Ислам-Ходжа был зверски убит недалеко от своего дома, когда поздно ночью возвращался из ханского дворца без всякой охраны. Наемные убийцы напали на него и обезглавили⁹¹. Их

⁹¹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 345, л. 2—4.

имена не удалось установить ни Н. С. Лыкошину, присутствовавшему на похоронах и направившему Николаю II пространную докладную о гибели вазир-и-акбара с детальным изложением всех событий того рокового дня, ни генералу Цейлю, побывавшему вскоре в Хиве со специальным поручением царя для выяснения истинных причин трагедии, ни многочисленным ханским бухриям. Точнее, никто не желал разглашать имена исполнителей давно вынесенного приговора, ибо в устранении Сеида Ислам-Ходжи были заинтересованы довольно многие представители правящих кругов — от Асфандияр-хана и генерал-губернатора Самсонова до некоторых видных членов Российского правительства, его многочисленных идейных и политических противников, включая религиозных ортодоксов, крайних радикалов и ярых консерваторов. Возможно, убийц постигла та же участь, что и вазир-и-акбара. Однако заказчики убийства так и остались безызвестными и не понесли никакого наказания.

* * *

Отход от принципов, провозглашенных в «октябрьском» манифесте 1910 г., свертывание процесса реформ, сохранение привилегий российского капитала, его ничем не ограниченных возможностей для интенсивной эксплуатации природно-экономического потенциала и трудовых ресурсов страны, убийство последовательных сторонников преобразования хивинского общества — таковы вехи деструктивного политического и экономического курса правительства Сеида Асфандияр-хана, содействовавшего дальнейшей деградации феодально-абсолютистского режима в Хивинском ханстве. Сокрушительный провал реформ обнажил коррумпированность правящих верхов, их неспособность к восприятию необходимости коренных перемен, развеял робкие надежды умеренных либералов и крайних радикалов, просветителей и других оппозиционных сил на мирное обновление хивинского общества. Он послужил толчком к дальнейшему обострению политической ситуации в ханстве. Страна раскололась на два противоположных лагеря: в одном из них были представлены правящая феодальная олигархия и ее союзники, не поддающиеся даже верхушечному реформированию институты феодального государства, а в другом — самые широкие слои трудящихся масс, категорично отвергавшие деструктивную политику ханского правительства и абсолютистского режима.

Глава V

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОГО СТРОЯ В ХАНСТВЕ (1914—1916)

Прорвал попыток «верхушечного» реформирования отсталых экономических и социально-политических институтов Хивинского ханства, создания предпосылок для ускорения внедрения буржуазных отношений вызвал резкое усиление противоборства прогрессистских и антиреформаторских сил, обострение напряженности в стране, создав реальную угрозу режиму Сеида Асфандияр-хана и деградировавшей феодально-абсолютистской монархии в целом. Впервые после 1873 г. и в Санкт-Петербурге, и в администрации Туркестанского генерал-губернаторства ощутили опасность сохранения превратившейся в анахронизм, де-факто переставшей функционировать системы непрямого управления, необходимость пересмотра политики «демонстративного нейтралитета». Уже в канун первой мировой войны Россия открыто взяла курс на расширение и укрепление своего присутствия в Хиве, усиление контроля над деятельностью ханского правительства и всеми сферами жизни хивинского общества. Этот поворот от «нейтралитета» к вмешательству во внутренние дела Хивинского ханства был обусловлен не только неудачными попытками реформирования традиционных институтов, чему в немалой степени способствовали правящие круги России, но и важностью укрепления южных рубежей империи. Хива занимала стратегическое положение в роли буфера между Россией и Афганистаном, а также Турцией, имевшей в регионе Прикаспия и Приаралья свои геополитические интересы и все более сближавшейся с Германией, в конце концов примкнувшей к созданному ею вместе с Австро-Венгрией и Италией «Тройственному союзу». Кроме того, она играла определенную роль в обеспечении воюющей российской армии продовольствием, а промышленности — сырьем, в том числе стратегическим. Поэтому Российское правительство стремилось нормализовать общеполитическую ситуацию в Хивинском ханстве, не допустить превращения его в один из плацдармов для осуществления

подрывных акций, направленных против империи, максимально нейтрализовать влияние на ханство Германии и Турции.

Хивинская правящая верхушка стремилась воспользоваться ситуацией, извлечь из нее политический капитал. Она расширяла диапазон сотрудничества с правительством Николая II, с российской администрацией в Туркестане, оказывала содействие в реконструкции системы непрямого управления. Вся внутренняя и внешняя политика ханского правительства приспособлялась к потребностям российской восточной политики, превращалась в механизм выражения не национальных интересов, а интересов крупного торгово-промышленного и финансового капитала метрополии, местной олигархии, гегемонистских устремлений военно-политической верхушки России.

Перемены во властных структурах, происшедшие в Хиве в начале 1914 г., переход важнейших рычагов управления в руки представителей национальной торгово-промышленной буржуазии и земельной аристократии не привели к повышению роли государства в экономической жизни страны, обеспечению народнохозяйственных пропорций в развитии общественного производства, структурному преобразованию национального рынка. Ориентированность экономики Хивинского ханства на удовлетворение запросов в первую очередь внешнего российского, а не внутреннего рынка не только не ослабла, но, напротив, усилилась, вызвав углубление диспропорций в хозяйстве и разбалансированность механизма воспроизводства.

«Взаимосплетенность» царизма и ханского режима — явление не исключительное, а закономерное, ибо в его основе лежит *самодержавие*, объединяющее два, казалось бы, социально совершенно противоположных общественных строя: развивающийся капитализм в России и распадающийся феодализм в Хивинском ханстве. Общность природы власти обуславливала взаимодействие и взаимовыручку Российского и Хивинского правительств. Это стало совершенно очевидно в период первой мировой войны, в частности в 1914—1916 гг., когда капитал России и Хивы интенсифицировал совместную эксплуатацию природно-экономического потенциала и трудовых ресурсов ханства без преобразования отсталых производственных отношений и устранения препятствий, тормозивших подъем производительных сил.

Чем активнее шел процесс *сращивания* политических систем России и Хивы, тем отчетливее проявлялась взаимосвязь между борьбой рабочего класса метрополии против самодержавия и неутраченными волнениями в ханстве против феодально-абсолютистского режима. Несмотря на наличие существенных различий в их социальной базе, степени организованности, стратегии и тактике, объединяли движения общая *антиправительственная* направленность, проецированность на завоевание *экономических* и *политических* свобод, гарантирующих *демократизацию* общества, утверждение принципов социальной спра-

ведливости. Они разворачивались в едином геополитическом пространстве, в одно и то же время — 1914—1916 гг., т. е. в период, известный в истории как переломный этап нового революционного подъема, начавшегося в России еще в 1912 г.

Вместе с тем важно иметь в виду, что с движением широких слоев хивинского общества за осуществление давно назревших социально-экономических и политических преобразований не имели и не могли иметь ничего общего потуги консервативных кругов на волне общего подъема активности масс свергнуть правительство Сеида Асфандияр-хана, захватить власть и установить личную диктатуру. Наиболее характерно это было для состоятельной верхушки туркменской родоплеменной элиты (Джунаид-хан и др.), феодально-клерикальной знати, ортодоксального духовенства, недовольных пророссийской ориентацией ханского правительства. Они не только вносили раскол в ряды общедемократического национально-освободительного движения, но и препятствовали расширению и укреплению его социальной базы, консолидации оппозиционно настроенных масс. Своими действиями консерваторы отодвигали крах феодального строя и абсолютистской монархии, провоцировали проведение российскими и хивинскими властями массированных карательных операций против мирного населения. Аналогичную роль играл на первых этапах деятельности и образованный в августе 1914 г. младохивинский «Революционный союз», возглавляемый Хусаин-беком Матмуратовым и Палваннияз-Ходжи Юсуповым.

Приход к власти крупной хивинской буржуазии. Образование «Революционного союза»

После убийства Сеида Ислам-Ходжи в Хивинском ханстве с одобрения Асфандияр-хана повсеместно начались репрессии против его единомышленников и сторонников — тех, кто прямо или косвенно содействовал реформам 1910—1913 гг. Из состава правительства были изгнаны почти все, кто так или иначе были причастны к их осуществлению. Распоряжением Ашур-махрама под надуманным и в целом абсурдным предлогом «присвоения Ислам-Ходжой налоговых сборов» был арестован сын первого министра Абдусалам. Обвинив Ислам-Ходжу в том, что он якобы задолжал хану значительные средства, Абдусаламу вручили решение, вынесенное казием Курбанбаем, о конфискации всего принадлежавшего семье движимого и недвижимого имущества, а также взыскании в качестве возмещения ущерба еще 100 тыс. тилля, или 180 тыс. руб. Абдусаламу ничего не оставалось, как подписать *кази-хати* (долговое обязательство)¹ и взять на себя от-

¹ Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 4.

ветственность за возвращение в ханскую казну указанной суммы. Будучи лишен наследства, личного имущества и средств существования, сын Сеида Ислам-Ходжи практически превращался не просто в нищего, а в заложника Асфандияр-хана.

Вскоре был арестован и Рахимберган-махрам — один из деятельных сподвижников Ислам-Ходжи. По свидетельству Д. Бабаниязова, ему было всего девятнадцать лет, несмотря на это, он отличался силой воли, прекрасным образованием, широким кругозором и свободомыслием. Не поставив Асфандияр-хана в известность и не дожидаясь его решения, Ашур-махрам отдал приказ казнить Рахимбергана-махрама старым варварским способом: палачи отрубили ему голову². Так оборвалась жизнь еще одного реформатора, которого современники пророчили в преемники Сеида Ислам-Ходжи и лидеры нарождавшегося либерально-демократического движения.

Репрессиям подверглись и десятки других реформаторов. Многие были казнены или брошены в ханское подземелье без суда и следствия по обвинению в «антиправительственной деятельности». Феодально-клерикальная реакция праздновала победу. Она решительно подвела черту под планами мирного преобразования хивинского общества, воспрепятствовала его расконсервации и модернизации, продемонстрировав приверженность консерватизму.

Провал попыток «верхущечного» реформирования извне Хивинского ханства, начало массовых кровавых репрессий, напоминавших разгул реакции в России после поражения первой русской революции 1905—1907 гг., рост антиханских настроений вынудили администрацию Туркестанского края и правительство Николая II сосредоточить внимание на поиске мирных путей разрядки напряженности в ханстве. Для предотвращения распада режима Сеида Асфандияр-хана, устранения кризиса «верхов», который был очевидным, российские власти решили отказаться от нейтралитета в отношении внутренних дел Хивы и, не ограничивая себя выработкой рекомендаций для Хивинского правительства, спроецировать его усилия на устранении серьезных провалов и ошибок в осуществлении внутренней политики. Однако они не сумели объективно оценить ситуацию в целом. Правительство Николая II не дало оценку репрессиям против активистов реформаторского движения, сторонников мирного обновления хивинского общества, проводившимся с широким размахом после жестокого убийства Сеида Ислам-Ходжи, преследованиям либерально настроенных сановников и членов их семей, в том числе малолетних детей. Не осудив бессмысленные и ничем не оправданные казни многих оппозиционеров, оно фактически выразило поддержку ханскому правительству, ибо и само

---

² Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 4—4 об.

расправлялось с инакомыслием, активистами рабочего движения и крестьянских волнений такими же способами.

Предоставив Асфандияр-хану неограниченную свободу действий в отношении сторонников преобразования хивинского общества, российские власти акцентировали внимание на необходимости недопущения в обозримом будущем слияния в какой бы то ни было форме оппозиционного реформаторского движения с волнениями туркменских племен. В противном случае антиханские силы могли получить такого союзника, взаимодействие с которым позволило бы приблизить крах Асфандияр-хана. В ноябре 1913 г. администрация генерал-губернатора края направила в МИД России докладную, в которой приоритетной задачей ставилась стабилизация отношений правительства с туркменскими племенами. Краевые власти считали необходимым:

а) запретить беспорядочную раздачу ханом свободных земель для освоения различным концессионерам, вызывающую запустение угодий туркменских племен из-за нехватки воды и вынуждающую их мигрировать в Закаспийскую область, а также на территорию Персии;

б) предотвратить продажу староорошаемых земель в районе Лаузана и Дарьялыка (западнее Куны-Ургенча) российским концессионерам, ибо они находятся в распоряжении туркмен;

в) не допустить вооруженного столкновения туркменских племен с ханским правительством из-за земельно-водных противоречий, решить их мирными средствами³.

13 марта 1914 г. Совет Министров рассмотрел вопрос о положении в Хивинском ханстве и принял специальное решение, направленное на недопущение спекуляций с государственным земельным фондом, ставших одной из главных причин дестабилизации политической обстановки в стране и не отвечающих интересам самой России. В нем подчеркивалось, что в ханстве в последнее время все чаще фиксируются «попытки бесконтрольной раздачи оросительных концессий, причем намечалось не только закрепление за отдельными предпринимателями значительной, совершенно не отвечающей действительной потребности и даже имеющейся налицо водной силы, но и предоставление концессионерам льгот, с точки зрения наших государственных интересов крайне нежелательных. Само собою разумеется, что этому должен быть положен решительный предел»⁴.

Неоднократное возвращение российских правящих кругов к земельно-водной проблеме в Хивинском ханстве, попытки ограничить неконтролируемое проникновение в эту сферу российского торгово-промышленного и финансового капитала отнюдь не случайны. Правящие круги в Ташкенте и Санкт-Петербурге понимали, что вопрос о

³ ЦГА РУ, ф. И-125, оп. 1, д. 343, л. 9.

⁴ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 314, л. 1—1 об.

земле и воде перестал быть чисто экономическим и давно получил отчетливо выраженную политическую окраску. Его решение затрагивало интересы всех основных социальных слоев и групп общества, оказывало непосредственное влияние на расстановку сил в стране. Поэтому бессистемное проникновение российского капитала в сферу земельно-водных отношений не могло не отразиться на обострении проблемы. Во-первых, с учетом господствующего положения российских предпринимателей в ключевых отраслях перерабатывающей промышленности (хлопкоочистительная, кожевенная и др.), ориентированных на экспорт, оно разрушало равновесие, достигнутое в экономике между российским и хивинским национальным капиталами, создавало предпосылки для усиления конкуренции на внутреннем рынке производства товаров, вероятные последствия которой прогнозированию не поддавались. Во-вторых, концентрация в руках крупного российского капитала части, причем значительной, земельно-водных ресурсов превращала его из стороннего наблюдателя в непосредственного участника противоборства проправительственных и антиправительственных сил. И, наконец, в-третьих, спекулятивные сделки ханского правительства с крупными российскими предпринимателями с продажей государственных земель означали перемещение капиталов из метрополии на окраину, сокращение инвестиций в сельское хозяйство самой России. На заседании Совета Министров это и имелось в виду, когда ставился вопрос о несоответствии предоставляемых концессионерам льгот «государственным интересам». А о том, что они подрывают основы хивинской экономики, ущемляют права местных производителей и наносят непоправимый ущерб хозяйству, естественно, речи не было.

Правительство Асфандияр-хана восприняло рекомендации российских властей как должное. Оно на расторжение ранее подписанных соглашений, касающихся продажи земельных угодий для освоения, не пошло, но вместе с тем не стало больше и прибегать к ставшему достаточно непопулярным способу пополнения казны. Для реализации рекомендаций Российского правительства хивинские власти в конце 1913—начале 1914 г. предприняли ряд демонстративных мер, содержание и направленность которых не оставляли никаких сомнений в том, что в правящих верхах отчетливо обозначился поворот к переориентации внутривосточного курса и взаимоотношений с Россией. Не без содействия туркестанской краевой администрации на место Сеида Ислам-Ходжи был назначен караван-баши, крупный заводчик и купец Матвафа Баккалов — основатель торгового дома «Бр. Баккаловы», прежде занимавший в правительстве должность министра торговли, имевший прочные связи с деловыми кругами России. Его брат Абдурахман сохранил за собой пост бека Нового Ургенча — важного промышленного центра ханства, где насчитывалась самая крупная русская диаспора. По сути, город находился за пределами прямой юрис-

дикции хивинских властей. А Сары Баккалов, владевший двумя мелкими хлопкоочистительными заводами, был назначен торговым консулом Хивы в Оренбурге.

Вопреки договоренностям с Хусаин-беком, достигнутым еще в августе 1910 г. накануне избрания ханом наследника Асфандияра, смещается со своего поста и выводится из состава правительства ясаул-баши Шейхназар-бай. Должность командующего правительственными нукерско-караульными формированиями переходит к Абдулкариму-махраму. Тем самым хан заручается полной поддержкой и армии.

Выдвижение Баккаловых на ключевые посты в высших органах правительственной власти имело некое символическое значение. Как известно, они были состоятельными предпринимателями, настроенными откровенно пророссийски, олицетворяли крупную хивинскую торгово-промышленную буржуазию, находившуюся в оппозиции к старой земельной аристократии, феодально-клерикальной реакции и крайним радикалам. Их идейно-политические воззрения отличались динамичностью. В период правления Мухаммеда Рахим-хана II Баккаловы поддерживали Хусаин-бека, но сами большей частью занимались торговыми делами и в меньшей степени — политикой. Когда на трон взошел Асфандияр-хан и началась реформаторская деятельность Сеида Ислам-Ходжи, они переметнулись к либеральным демократам и свои политические расчеты строили на сотрудничестве с ханской властью, крупной российской торговой, промышленной и финансовой буржуазией, что побудило Хусаин-бека покинуть объединение. Этот разрыв, а затем — назначение братьев на высокие посты в правительстве и местной администрации, на которые претендовали крайние радикалы, указывали на продолжение процесса поляризации политических сил, нанесли ощутимый удар по авторитету и влиянию радикальной оппозиции в обществе. Что касается Сеида Асфандияр-хана, то ему, благодаря опоре на Баккаловых, удалось на некоторое время укрепить пошатнувшиеся позиции. Он получил возможность, с одной стороны, предстать перед национальной торгово-ростовщической и промышленной буржуазией в качестве поборника преобразования общества и подъема национального предпринимательства, а с другой — вновь продемонстрировать свою лояльность к российской администрации и готовность следовать в области как внутренней, так и внешней политики предначертанным «сверху» курсом сотрудничества с соседними государствами (Бухарский эмират, Туркестан и др.).

Матвафа Баккалов, в отличие от Сеида Ислам-Ходжи, не имел более или менее стройной программы модернизации внутренней жизни Хивинского ханства. Поддерживавший с ним тесную связь полковник Н. С. Лыкошин был даже убежден, что сформированный при Баккалове состав правительства вовсе далек от политики и «займется только расширением своих торговых оборотов, обогащая в то же время и ха-

на...»⁵. В другой записке, характеризуя деловые качества первого министра, он иронично замечал, что Матвафа Баккалов «совершенно неграмотен и никогда, вероятно, не думал о своем отечестве иначе как о рынке сбыта и покупки товаров. С таким купеческим кругозором недалеко уйдет первый министр в государственных делах»⁶. Это соответствовало действительности.

При всей своей осведомленности о ситуации во властных структурах Хивы и переменах, происходящих в ханстве, Н. С. Лыкошин не понял той истины, что приход в правительство представителей крупной хивинской национальной буржуазии знаменует существенное усиление позиций деловых кругов, а следовательно, — и поворот в экономической политике правящей элиты. Важно иметь в виду, что, во-первых, крупная хивинская торгово-промышленная буржуазия претендовала на роль монопольного выразителя общенациональных интересов, пыталась занять лидирующее положение в экономической и общественно-политической жизни; во-вторых — имела давние связи с российским торгово-промышленным и финансовым капиталом, благодаря которым получала огромные дивиденды от торгово-посреднических услуг, льготные кредиты и займы, недоступные мелким предпринимателям, для приобретения товаров и изделий различного назначения, принимала участие в инвестировании промышленного строительства в ханстве; в-третьих — сочетала в одном лице и современного капиталиста, занимающегося торговлей и промышленностью, и крупного земельного собственника, тесно связанного с феодальными и дофеодальными институтами, использующего кабальные формы издольщины, докапиталистические методы эксплуатации безземельного и малоземельного дехканства. Отмеченные три основные характерные особенности крупной хивинской торгово-промышленной буржуазии наиболее полно аккумулировались в облике и действиях Матвафы Баккалова и его окружения.

Учитывая неприятие новыми членами Хивинского правительства ортодоксальных идей, их приверженность практицизму, можно было ожидать усиления государственного воздействия на модернизацию феодальных и полуфеодальных отношений, производительных сил, увеличения воспроизводства валового внутреннего продукта путем наращивания материально-технической базы производства, а в перспективе — стабилизации социально-экономической и политической ситуации. Однако в «кабинет» вместе с представителями крупного капитала вошло и значительное число проповедников консервативного курса в отношении современного предпринимательства из среды феодально-клерикальных кругов, видевших в зарождавшейся торгово-

---

⁵ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 2, д. 289, л. 134.

⁶ Там же, ф. И-2, оп. 2, д. 475, л. 54.

промышленной буржуазии, причем отнюдь не только национальной, но и иностранной, реальную угрозу феодальным устоям. Такое сочетание в составе Хивинского правительства разнородных сил, находившихся на противоположных позициях, предопределило дальнейшее углубление кризиса «верхов».

Усиление позиций представителей национального капитала в правительстве на первых порах позитивно воздействовало на заметное оживление мелкобуржуазных слоев. У значительной части мелких и средних предпринимателей появилась, наконец, надежда на поворот правительственной политики к их нуждам, получение у государства поддержки и помощи, пересмотр системы налогообложения, ограничение привилегий, предоставленных иностранному, в том числе и российскому, капиталу. Без этого были немислимы расширение структуры и интенсификация национального производства, увеличение внутренних инвестиций в промышленное строительство, активизация всей внешнеэкономической деятельности, а самое главное — создание для мелкого и среднего капитала условий наибольшего благоприятствования, позволяющих укрепить его роль в наращивании производства и увеличении выпуска продукции, выдержать прессинг крупного капитала.

Мелкие товаропроизводители не учитывали, что приход в правительство крупного капитала (М. Баккалов и др.) не только не ослаблял, но, напротив, усиливал пророссийскую ориентацию экономической политики нового ханского двора. Верхушка хивинской торгово-промышленной и ростовщической буржуазии видела в российском капитале союзника и опору в эксплуатации природных и трудовых ресурсов, извлечении капиталистических прибылей. Она была просто не способна предпринять какие-либо шаги, не соответствующие его экономическим и политическим интересам, ведущие к пересмотру давно уже сложившихся, хотя и неравноправных, «партнерских» отношений. Яркое свидетельство тому — первые итоги реализации нового экономического курса Хивинского правительства.

В 1914 г. в ханстве в основном удалось преодолеть негативные последствия экономической депрессии 1911—1913 гг., прежде всего в экспортных отраслях. В хлопководстве после трех лет непрерывного, причем весьма резкого, спада производства было достигнуто расширение посевных площадей и увеличение валовых сборов сырья. Так, например, если в 1911 г. под хлопчатником было занято 31,7 тыс. десятин, а в 1913 г. — 28 тыс., то в 1914 г. — уже 40,5 тыс. десятин, или увеличение посевных площадей, по сравнению с более благоприятным предкризисным 1911 г., составило 21,7 %. Таким образом, в структуре сельскохозяйственного производства и экономики ханства в целом ведущая роль хлопководства была восстановлена.

Расширение посевных площадей сопровождалось ростом валовых сборов хлопка-сырца. При этом экстенсивные факторы производства имели куда большее значение, чем интенсивные. Так, как показывают данные о вывозе из ханства хлопкового волокна, объемы заготовок сырца в период общей депрессии сокращались относительно более низкими темпами, чем посевные площади. Например, в 1913 г., по сравнению с 1911 г., вывоз волокна сократился примерно на 20 тыс. пудов, или на 2,9 %, тогда как посевные площади за это же время — на 22 %. В 1914 г. в ханстве был получен самый высокий за предвоенные годы валовой сбор хлопка-сырца, что впервые позволило поставить на внешний рынок целых 1,28 млн. пудов хлопкового волокна, на 88 % больше, чем в 1911 г., хотя, следует заметить, площади, занятые под хлопчатником, за этот период увеличились только на 21,7 %⁷. Цифры, заметим, примечательные сами по себе.

На подъеме хлопководства сказались как конъюнктура на российском рынке, так и перемены во властных структурах, экономические интересы торгового дома «Бр. Баккаловы», специализировавшегося главным образом на поставках в Россию хлопкового волокна. Все тот же Н. С. Лыкошин 29 июля 1914 г. в своем рапорте в администрацию туркестанского генерал-губернатора не без оснований отмечал, что «все дела в ханстве теперь ведутся в зависимости от торговых операций братьев Баккаловых. Все государственные мероприятия соображаются с личными выгодами этих купцов...»⁸. Благодаря увеличению валовых сборов хлопка-сырца они получили, пользуясь положением, дополнительную возможность расширить его закупки по льготным ценам, осуществлять переработку сырья на собственных предприятиях, существенно повысить объемы производства волокна. По некоторым данным, «Компания хивинских купцов», где братьям Баккаловым принадлежал основной пакет акций, вывезла из ханства не менее 150 тыс. пудов хлопкового волокна, заметно опередив таких серьезных конкурентов, как «Большая Ярославская мануфактура» и «Московское торгово-промышленное т-во», а также менее крупные российские фирмы «Познанский и К⁰», «Вадьяевское торговое т-во» и др.

Вместе с хлопководством интенсивно развивалась, по сути, новая отрасль хивинского хозяйства, специализировавшаяся на заготовке и экспорте солодкового корня. Она полностью находилась под контролем иностранного капитала. Добыча корня впервые была основана в 1906 г. в соседней Бухаре крупной английской фирмой «Мак Андрус и Форбс», переименованной в 1908 г. в «Кавказское акционерное о-во».

---

⁷ Подсчитано по: Юферов В. Хлопководство в Туркестане. Ленинград, 1925. С. 138; *Он же*. Справочная книжка по хлопководству в СССР. М., 1925. С. 127.

⁸ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 2, д. 475, л. 53.

Первоначально заготовка осуществлялась исключительно на территории Чарджуйского района Бухары, затем операции перекинулись на Калифский и Хивинский районы, охватив верхнее и нижнее течение Амударьи. Общество в 1908 г. перенесло в Чарджуй прессовальный завод, построенный в Кюрдамире, что позволило расширить заготовки и экспорт ценнейшего сырья, содержавшего в себе сахарозу, глюкозу и глициррозины. Так, например, если в 1911 г. экспорт солодкового корня из региона составил 133,5 тыс. пудов, то в 1914 г. — 150 тыс. пудов. Основная часть корня и полуфабрикатов из него через порты Батуми отправлялась в Соединенные Штаты Америки, Англию и Германию, где широко использовалась на предприятиях пивоваренной, винодельческой, кондитерской, табачной, химической и фармацевтической промышленности. Что касается российского рынка, то среднегодовой спрос солодкового корня на нем составлял до 3 тыс. пудов.

Нижнеамударьинский регион, особенно территория Хивинского ханства, привлекал фирму «Мак Андрус и Форбс» тем, что здесь имелись богатые площади солодкового корня, а затраты на его заготовку были крайне низкими. За 1 пуд сырого корня она платила мизерную сумму — по 6—7 коп. Только в период первой мировой войны, когда спрос на корни солодки возрос в связи с увеличением производства медикаментов, фирма подняла закупочную цену до 10—12 коп. Однако и в этом случае себестоимость пуда прессованного корня не превышала 60—70 коп.

Фирма «Мак Андрус и Форбс» практически не имела конкурентов на хивинском или российском рынках. Чтобы избежать налогообложения, она скрывала свои доходы и платила за ценнейшее сырье крайне низкую цену. Известно, однако, что только за право добычи сырого корня фирма уплатила Российскому правительству 100 тыс. фунтов стерлингов⁹. Это говорит о том, что добыча солодкового корня на Амударье и реализация его на мировых рынках приносили ей миллионные прибыли. Они не возвращались ни в Хивинское ханство, ни в Бухарский эмират и полностью оседали на банковских счетах за рубежом. Это положение не вызвало протеста или беспокойства у Хивинского правительства. Мощности по промышленной переработке солодкового корня в ханстве отсутствовали, его производство не было налажено, ибо он рассматривался как неходовой товар. Потому не велась и организованная заготовка сырья. Местные *табибы* (лекари) использовали его самостоятельно для изготовления настоек для лечения органов пищеварения и просто как антисептическое средство.

Если проблемы восстановления хлопководства, некоторых других отраслей сельскохозяйственного производства были решены, их уда-

---

⁹ Бюллетень Среднеазиатского отделения Российско-Восточной торговой палаты. С. 3—4.

лось вывести из прорыва без серьезных усилий, то в остальных важнейших сферах экономики стагнационные явления сохранились. Отсутствие инвестиций, государственной поддержки, резкое падение спроса на целый ряд товаров на внутреннем и внешнем рынках обусловили образование глубоких диспропорций в структуре производства. Так, сведения об экспорте в Россию показывают, что развитие экономики Хивинского ханства все больше и больше принимало отчетливо выраженный однобокий аграрно-сырьевой характер при доминировании монокультуры хлопчатника. В то время, когда валовое производство хлопка-сырца росло высокими темпами, в других отраслях происходил обратный процесс. В 1914—1915 гг. из Хивы в среднем за год вывозилось всего до 15 тыс. пудов шерсти и 1,6 тыс. пудов каракуля, 5 тыс. пудов мехов, 20 тыс. пудов невыделанных кож, а ковровых изделий и ковров — на мизерные суммы¹⁰. Объем экспорта многих видов традиционных товаров сырьевой группы и ремесленно-кустарного производства сократился в 4—6 и более раз по сравнению с довоенным уровнем. В результате разорились тысячи дехканских хозяйств, сотни ремесленников и кустарей, в том числе специализировавшиеся на производстве ковров и ковровых изделий, халатов, шуб, медной и чугунной посуды, недорогих ювелирных украшений, пользовавшихся спросом не только у состоятельных, но и у менее обеспеченных слоев населения.

В состоянии застоя оказались шелководство, бахчеводство, люцерноводство и зерноводство, обеспечивавшие работой и средствами для существования значительную часть сельского населения и небольшую прослойку горожан, имевших собственные земельные наделы или приусадебные участки. В 1914 г. шелководство полностью переориентировалось на удовлетворение внутреннего спроса, и его продукция не стала фигурировать в общей структуре экспорта. Это коснулось и производства семян люцерны. После падения спроса на них в 1913 г. на мировом рынке многие дехканские хозяйства переключились на производство хлопка-сырца и других культур, менее подверженных колебаниям цен.

На состояние сельскохозяйственного производства в Хивинском ханстве негативно повлияло и маловодье 1914 г. Из-за несвоевременной очистки, ремонта и реконструкции многих ирригационных систем мелиоративные работы на полях в большинстве бекств проводились с грубейшими отклонениями от требований агротехники. «...Обычный весенний подъем воды в Амударье население использовать не могло, так что поля под хлопок в значительной мере остались невозделанными, — говорилось в письме Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка, направленном в Петербург 8 мая 1914 г. — В данный

---

¹⁰ Внешняя торговля. 1923. № 40—41 (70—71). С. 16.

момент уровень воды в реке до того низок, что воды не хватает вообще для всей Хивы»¹¹. Оставшиеся не очищенными от заиления каналы не сумели обеспечить поля водой в количестве, достаточном не только для промывания земель от солей, но и для ухода за растениями в весенне-летний период, особенно за посевами озимой пшеницы, риса, картофеля, бахчевых и других культур. Маловодье и последовавшая следом жесточайшая засуха нанесли невосполнимый ущерб сельскому хозяйству многих районов, в том числе Мангитского, Ильялынского, Кунградского, Куны-Ургенчского, Ходжейлийского и Газаватского бекств, поставлявших в Южную зону продукцию животноводства, зерноводства и хлопководства.

Разбалансированность производства повлекла за собой сужение внутреннего рынка. «В торговле, — информировало в том же письме Ново-Ургенчское отделение Русско-Азиатского банка, — вновь поворот к худшему... В мануфактурной торговле застой продолжается уже несколько месяцев»¹². Падение покупательской способности привело к большому скоплению на складах товаров как российского, так и местного производства, вызвав обвал цен на многие виды из них. Стабильно высокими оставались лишь цены на продовольственные товары, количество которых в общей структуре предложения было незначительно. Внутренний рынок как механизм формирования спроса начал терять свое значение в развитии торговых и экономических связей Хивы с соседними странами. Этот процесс сопровождался массовыми банкротствами местных и части российских мелких и средних предпринимателей.

Либеральная и крайне радикальная оппозиция, не сумевшая пробиться на ключевые посты в правительстве и потерпевшая поражение в борьбе за власть, решила воспользоваться крайне неблагоприятной социально-экономической и политической ситуацией в стране и изменить тактику. В августе 1914 г. лидеры ряда оппозиционных групп и объединений, собравшиеся в Хиве, принимают решение о создании единой нелегальной организации, названной «Ёш хиваликлар инкилобий уюшмаси» («Революционный союз хивинской молодежи»). В руководящее ядро, кроме упоминавшихся зачинателей движения просветителей — П.-Х. Юсупова и крайних радикалов — Хусаин-бека Матмурадова, вошли еще 12 малоизвестных в политических и правящих кругах представителей главным образом среднего и мелкого сословия предпринимателей и служащих. Среди них — заводчики Мухаммедъяр-Ходжа Абдуллаев, Рахманберган Якубов, Хакимбайджан Махмудов и Мухитдин Умаров, служащие Худайберген Диванов и Султан-кары

---

¹¹ ЦГИА СПб., ф. 630, оп. 6, д. 87, л. 48, 50, 51; Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией... С. 174.

¹² Там же.

Джуманиязов, торговцы Бабаджан Якубов, Мулла Джуманияз Султанмурадов, Назир Шаликаров, Джуманияз-Ходжа Бабаниязов, Атаджан-Ходжа Ниязов и Атаджан Сафаев¹³. Очень скоро все они заявили о себе на политической сцене, причем одни из них перешли в лагерь крайних радикалов, другие — умеренно-либеральных демократов, третьи — конституционалистов, четвертые — революционных демократов и т. п., что было характерно для мелкобуржуазной партии.

Сближение Палваннияз-Ходжи Юсупова, который был известен как последовательный панисламист, и Хусаин-бека, являвшегося лидером радикального крыла национально-демократического движения, нельзя назвать случайным. Это был закономерный и неизбежный результат слияния просветительства с буржуазным национализмом, эволюции идеологии отрицания буржуазной организации общества до признания ее органической совместимости с нормами ислама. Яркое свидетельство этой трансформации — острок сюжетная пьеса Махмудходжа Бехбуди «Подаркуш» («Отцеубийца»), написанная им в 1913 г. и ставшая программой джадидизма не только в Туркестане, но и в Хиве. В ней устами молодого интеллигента, обращающегося к богачу, олицетворяющему человека консервативных взглядов, автор наставлял: «Нам, мусульманам, следует понять, что мы живем в иных условиях, в новую эпоху, когда единственным средством обогащения и укрепления религии — веры выступают знания и ремесла. Нам нужны двоякого рода ученые: ученые по религиозно-теологическим вопросам («олими дини») и ученые по светским знаниям. Первого типа ученых мы должны готовить с целью воспитания народа в религиозном духе, [обучения] мусульманской этике в Туркестане, Бухаре, а затем для завершения образования направлять их в Мекку, Медину, Египет и Стамбул; второго типа ученых можно готовить путем обучения детей богатых в русско-туземных школах, гимназиях, университетах Петербурга, Москвы, Франции, Америки и Турции». Убеждая противников европеизации в необходимости освоения современной культуры, ее совместимости с исламом, автор указывает, что «население из-за своего невежества ненавидит европейски одетых мусульман, служащих, носящих официальную форму...»¹⁴. Это означает, что в идеологии джадидизма в начале первого десятилетия XX в. произошел перелом, позволивший расчистить пути для сотрудничества панисламистов и национальной буржуазии. Поэтому отнюдь не случайно, что именно в этот период был заключен союз между Палваннияз-Ходжи Юсуповым и Хусаин-беком Матмурадовым, которые находились под сильным влиянием идей Махмудходжа Бехбуди. Притягивали они и немалую часть молодых чиновников местных администраций, либерального

¹³ Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 5.

¹⁴ Цит. по: Муминов И. М. Избранные произведения. Т. 2. С. 224.

духовенства, не говоря уже о мелких и средних предпринимателях, совершавших коммерческие поездки в сопредельные Иран, Турцию и Афганистан, приобщаясь при этом к новым идейным веяниям.

Объяснимо стремление к консолидации и самостоятельной прослойки средних предпринимателей, включая заводчиков и торговцев. Занимая промежуточную ступеньку социальной лестницы, они находились на распутии между «верхами» и «низами», не имели гарантий предпринимательской деятельности. Эта элита средних товаропроизводителей и компрадоров, с одной стороны, испытывала на себе гнет крупного торгово-промышленного и финансового капитала, причем как национального, так и иностранного, сковывавшего ее предпринимательскую деятельность, нуждалась в обеспечении условий для своего участия в реальном секторе и на внутреннем рынке, а с другой — выступала в роли эксплуататора дехканства и рабочих, ремесленников, мелких торговцев, тяготея по своим классовым интересам к крупному капиталу.

Дуалистичность экономического и политического статуса самостоятельной прослойки мелких и средних предпринимателей толкала их к взаимодействию и сотрудничеству со всеми оппозиционными силами во имя защиты насущных интересов. Только так она могла устоять под экономическим и политическим прессингом крупного капитала, обеспечить условия для собственного выживания.

По свидетельству Д. Бабаниязова, основными задачами «Революционного союза» на начальном этапе деятельности были определены:

- 1) освобождение народа от любых форм угнетения;
- 2) решительное искоренение старого, прогнившего режима, являющегося носителем рабства;
- 3) создание демократического государства подлинной свободы и братства людей¹⁵.

Составители первых программных установок, верные идеям единства мусульманской нации, не признавали ее классовой и социальной неоднородности. Истоки антагонистических противоречий в хивинском обществе они видели не в самой существующей политической, экономической и социальной системе, отсталых производственных отношениях, обусловивших стагнацию производительных сил, а во власти Асфандияр-хана. Не было у них и ясного представления о формах борьбы с режимом, путях построения демократического государства, обеспечивающего свободу и равенство граждан.

Несмотря на расплывчатость программных установок, их скорее лозунгово-демагогический, чем практичный, характер, на данном этапе развития хивинского общества они вполне могли стать консолидирующим элементом либерально и умеренно-радикально настроенных оппозиционных сил. Попытка выработки самостоятельной политиче-

---

¹⁵ Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 5.

ской платформы уже была шагом навстречу созданию в ближайшей перспективе единого общедемократического фронта борьбы против феодально-абсолютистского строя, осознанию невозможности перехода к демократическому обществу без перестройки государственности.

К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют проследить деятельность младохивинцев на первых этапах развития «Революционного союза», их роль в формировании общественного мнения, влияние на политику правительства, связи с другими политическими организациями, объединениями и общественными течениями. По свидетельству Д. Бабаниязова, «ставшие членами союза молодые хорезмцы вели тайную пропаганду среди родственников, друзей и близких товарищей идей о независимости и свободе. Они разъясняли, что долг каждого молодого человека — строительство новой жизни для дехканской бедноты»¹⁶. Из этого следует, что агитационно-пропагандистская деятельность младохивинцев перекликалась с просветительством, не выходя за пределы типичной узкой кружковой работы.

Нет каких-либо сведений и о том, какую они поддерживали связь с русскими социал-демократами, многие из которых, например Н. А. Андреев, А. С. Сафронов, А. М. Кисляков и др., по признанию того же Д. Бабаниязова, находились у истоков пробуждения и формирования политического сознания будущих идеологов младохивинского движения. Видимо, контакты с ними были окончательно утрачены после того, как П.-Х. Юсупов и другие младохивинцы начали увлекаться идеями панисламизма и пантюркизма, а часть подпала под влияние турецких эмиссаров и татарских просветителей. Между тем известно, что в Новом Ургенче действовала на полулегальном положении социал-демократическая организация, которая была создана еще 1 ноября 1910 г. под прикрытием так называемого «Общественного собрания», что позволяло социал-демократам действовать вполне легально. Администрация Амударьинского отдела, внимательно следившая за деятельностью собрания, информировала Ташкент, генерал-губернатора края, что, по сути, это «единственная в городе культурная организация, создавшая хорошую библиотеку, здоровую и нормальную столовую для массы служащей молодежи, приличный приют для приезжающих»¹⁷.

Благодаря умелой конспирации, социал-демократы Нового Ургенча поддерживали связь с туркестанскими и российскими большевиками, получали и распространяли периодические издания, в том числе нелегальную литературу, занимались агитационно-пропагандистской деятельностью среди рабочих, дехкан, части молодой торговой буржуазии и интеллигенции, не примыкая открыто к движениям за свержение ханского режима, хотя к монархической системе правления относились

---

¹⁶ Бабаниязов Д. О Хорезмской революции... С. 5—5 об.

¹⁷ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 191.

критически. Они могли оказать младохивинцам серьезную помощь в разработке политической программы.

Замкнувшись в узком кругу и увлекшись кружковщиной, лидеры «Революционного союза» не сумели оказать воздействие на политику Хивинского правительства. Сознавая бесправие народных масс, необходимость замены феодально-абсолютистской формы правления и демократизации общества, как и в других странах Востока, они вместе с тем оказались бессильны противодействовать негативным процессам, начавшим проявляться с переходом важнейших рычагов управления государством в руки апологетов крупного национального торгово-промышленного капитала. Сказывались отсутствие опыта политической борьбы, связей с другими оппозиционными силами, многопластовость социальной базы, нерешительность, склонность ко всякого рода компромиссам и боязнь открытой критики деструктивной политики правящей верхушки. Не случайно поэтому, что правительство Асфандияр-хана и так называемый «кабинет» вазир-и-акбара Матвафы Баккалова не принимали младохивинцев всерьез и не препятствовали деятельности «придворной» оппозиции. Лидеры «Революционного союза» Палваннияз-Ходжи Юсупов и Хусаин-бек Матмурадов, их ближайшие соратники, стремившиеся тщательно закамуфлировать свою деятельность, играть роль «нелегалов», правящей элите были хорошо известны. Некоторые из них являлись членами Олий кенгаша, регулярно присутствовали на правительственных приемах при дворе, занимали важные государственные посты. Однако в тот период никто из младохивинцев не подвергался гонениям или преследованиям.

При всех очевидных негативных моментах, возникновение младохивинского «Революционного союза», отличавшегося от придворной партии Сеида Ислам-Ходжи и крайне радикального сообщества Хусаин-бека Матмурадова, не имевших определенной программы и даже организационной формы, свидетельствовало о серьезных качественных переменах, происходивших в самосознании молодой национальной буржуазии и интеллигенции. Оно свидетельствовало о росте стремления противодействовать узурпации власти феодальной олигархией, крупной торгово-ростовщической и промышленной буржуазией, преодолеть глубокие деформации, характерные для хивинской экономики и внутреннего рынка. Этот «взгляд в себя», понимание необходимости решительного переустройства власти, поворота к проблемам преодоления хозяйственной отсталости страны, форсирования социально-экономического прогресса в перспективе послужили важной предпосылкой углубления внутренней дифференциации в младохивинском движении, выделения из него революционно-демократического крыла, объединившего всех патриотически настроенных представителей молодой национальной буржуазии и интеллигенции, пролетарские и полупролетарские массы города и кишлака и заключившего союз с по-

следовательно оппозиционными антифеодальными и антиабсолютистскими силами как внутри Хивинского ханства, так и за его пределами. Это произошло несколько позднее, в период нового усиления антиправительственного движения в 1917—1918 гг. под воздействием революционно-преобразовательных процессов, разворачивавшихся в Центральной России и сопредельном Туркестане.

Обострение социально-экономической ситуации

«Кабинет» М. Баккалова, как и окружение Сеида Асфандияр-хана, практически не занимался поиском эффективных путей и форм переустройства отсталых социально-экономических структур, мобилизацией дополнительных ресурсов экономического роста и расширением внутреннего рынка. Неуправляемый, стихийный характер носили российско-хивинские торгово-экономические связи. Не имея программы экономического строительства в стране, «кабинет» М. Баккалова не предложил альтернативы неравноправным отношениям и не вывел российско-хивинское сотрудничество, нуждавшееся в радикальной перестройке, на качественно новый уровень с учетом складывающихся реалий в национальной экономике и хозяйственных связях между государствами Центральной Азии.

Социально-экономическая ситуация в ханстве продолжала стремительно ухудшаться, дестабилизируя и политическую обстановку. В 1915 г. экономическая жизнь Хивы вплотную приблизилась к кризисной черте. Расширение вовлечения России в боевые действия на фронтах первой мировой войны, перевод хозяйства на военные рельсы и первоочередное удовлетворение нужд армии вызвали развал традиционных торгово-экономических отношений. По сравнению с 1911 г., сократился ввоз из России в Хиву: обуви и кожаных изделий — на 64 %, фарфора и стеклянных изделий — на 60 %, хлеба — на 54 %, пряжи — на 48 %, тканей — на 34 %, металлических изделий — на 31 %, мыла — на 22 %¹⁸. Пользуясь сокращением импорта, торговцы и ростовщики, а также многочисленные перекупщики взвинтили оптовые и розничные цены на дефицитные товары и изделия, сделали их практически недоступными для рядового покупателя. Подорожали мука и мучные изделия, мясо, молоко, растительное (хлопковое) масло, рис, картофель, рыба и другие продукты питания как российского, так и местного производства. Повторилась ситуация 1911—1912 гг., когда хозяйственная разруха и голод охватили большинство районов Хивинского ханства, многие тысячи семей были вынуждены эмигрировать на правобережье Амударьи, надеясь на помощь администрации

¹⁸ См.: Среднеазиатский экономический район. Ташкент, 1925. С. 84—85.

Амударьинского отдела Туркестана, своих родственников и соплеменников.

Положение в экономической сфере усугублялось социально-политическими просчетами самого Хивинского правительства. В районах, где проживали национальные меньшинства, в том числе туркменская диаспора, не были проведены обещанные земельно-водная и налоговая реформы. Замена в 1910 г. правительством принудительных ирригационных повинностей на гарантированную оплату труда при выполнении сезонных ремонтно-восстановительных работ на оросительных каналах не способствовала повышению эффективности и качества водохозяйственного строительства. Пропускная способность межрегиональных ирригационных систем оставалась низкой. Амударьинская вода по магистральным каналам Шават, Клычнияз-бай, Лаузан и Науруз поступала в северо-западные и северные районы с перебоями и в недостаточном количестве. В зимне-весенний период 1915 г. регионы не получили воду для промывных поливов в необходимом объеме, что привело к срыву сроков проведения весенних полевых работ, посевной кампании. Ранней весной и в начале лета из-за нехватки влаги и засоленности земель на обширных площадях погибли посевы, ощущалась острая нехватка кормов для скота.

Правительство Асфандияр-хана не оказало помощи бедствующим районам. Вместо того чтобы перебросить часть продовольственных ресурсов из более-менее благополучных южных регионов голодающим семьям, приостановить вынужденную миграцию граждан за пределы страны, решить проблему водообеспечения припустынных и пустынных регионов, всемерно содействовать кочевникам в завершении зимовки скота с минимальными потерями, оно направило туда группы сборщиков налогов и податей в сопровождении нукеров. Те прошли по всем племенам и кочевьям, силой отбирая остатки накоплений, имеющиеся кое-где запасы зерна, шерсти и каракулевых смушек, ковры и ковровые изделия, некоторые другие товары. Но даже с применением экспроприационных мер собрать ханские налоги и компенсационные поборы в намеченном объеме — 611 тыс. тилля¹⁹ (около 1,1 млн. руб.) — не удалось. Чтобы вынудить туркменские племена и роды выплатить налоги и разного рода сборы полностью, Асфандияр-хан по настоянию Ашур-махрама, ведавшего в правительстве финансами и налогами, приказал арестовать мухрдаара туркменского племени иомудов Шамурад-Бахши. Он был доставлен в Хиву и брошен в темницу.

Арест Шамурад-Бахши привел в движение все туркменское население ханства²⁰ и сочувствующих ему узбекских, каракалпакских, ка-

¹⁹ ЦГА РУ, ф. И-2, оп. 1, д. 352, л. 90—91.

²⁰ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1036, ч. 1, л. 31.

захских дехкан и ремесленников. Военные формирования иомудов сосредоточились в центре Тахтинского бекства, откуда начали движение. 17 марта 1915 г. они вошли в Газават, где к ним присоединились новые группы повстанцев. 22 марта мятежники подошли к столице, городу Хиве, и общими силами в несколько сот пеших и конных ополченцев совершили набег на его окрестности²¹. Атаковать его центральную часть, где размещались правительственные учреждения и ханская резиденция — крепость Куня-Арк, густонаселенные жилые кварталы и базары, мастерские ремесленников, мятежники не решились. Они расположились вокруг крепостной стены для блокады города.

Взять столицу штурмом и предъявить Сеиду Асфандияр-хану свои требования мятежникам не удалось. 23 марта для оказания Хивинскому правительству помощи в подавлении волнений из Петро-Александровска к Хиве подошли казацкие сотни под командованием нового начальника Амударьинского отдела полковника В. П. Колосовского. Столкновение с российскими частями, видимо, не входило в планы мятежников. После переговоров с их предводителями Колосовский, сославшись на поручение генерал-губернатора Туркестанского края Мартсона, предложил Асфандияр-хану без всяких предварительных условий освободить Шамурад-Бахши, а лидерам повстанцев — сложить оружие и вернуться в бекства. Мухрдар был освобожден. Мятежники организованно покинули Хиву, удовлетворившись «малой» победой.

Мартовский мятеж, носивший стихийный характер, не привел к массовым волнениям. Он был вызван лишь стремлением освободить из-под ареста видного предводителя туркмен Шамурад-Бахши, других целей участники мятежа перед собой не ставили. Они не выдвигали ни конкретных экономических, ни политических требований. Однако сам факт нападения на столицу вооруженных формирований повстанцев Тахтинского бекства, неспособность ханской армии противостоять им могли послужить притягательным примером для других антиправительственных сил, тех родоплеменных вождей, которые, пользуясь недовольством народных масс политическим курсом правящего клана, были не прочь ввязаться в борьбу за власть, захватить ханский трон. События марта 1915 г. показали, что ханское правительство потеряло контроль над ситуацией в стране и не обладает реальной силой для руководства государством.

В начале апреля 1915 г. в Санкт-Петербург прибыла хивинская правительственная делегация во главе с М. Баккаловым. Цели визита не афишировались. За три недели пребывания в российской столице (с 4 по 24 апреля) М. Баккалов встречался и вел переговоры с военным министром А. С. Сухомлиновым, начальником Азиатской части главного штаба генерал-майором М. Давлетшиным, другими высокопо-

---

²¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1036, ч. 1, л. 5.

ставленными чиновниками военного ведомства²². В условиях строжайшей секретности впервые обсуждался вопрос о снятии эмбарго на поставки вооружения и боеприпасов хивинской армии, что означало выход на принципиально новый уровень сотрудничества между Хивой и Россией. Речь шла не просто о поставках оружия, а о формировании национальной армии на той территории, которую Российское правительство рассматривало как *протекторат* империи, куда ввоз военного снаряжения был запрещен, чтобы оно не было использовано против российской армии, соседних государств или в весьма распространенных феодальных междоусобицах. Только по этой причине в течение почти полувека Россия не поставляла в массовом количестве Хивинскому ханству вооружение и боеприпасы, выделяла их для оснащения нукеров единицами, распределяя под контролем администрации Амударьинского отдела.

Продолжительность переговоров указывает на то, что к консенсусу стороны шли трудно. В Военном министерстве России, как и во внешнеполитическом ведомстве, мнения разделились: хивинские правящие круги абсолютного доверия ни у кого не вызывали, их способность контролировать ситуацию в стране была под вопросом. Тем временем, пока согласовывались сроки и объемы поставок Хиве вооружения, политическая обстановка в ханстве вновь накалилась. 7 апреля отряды туркменских ополченцев из рода *ушак*, не принимавшие участия в мартовских событиях, заняли Тахты, затем овладели городами Манак, Ильялы и Ташауз²³. Ханские нукеры даже не пытались их остановить.

Была ли это тщательно спланированная акция, приуроченная к переговорам в Санкт-Петербурге, чтобы ускорить решение довольно щепетильного вопроса, на что протуркменское лобби ханского правительства было способно, или же речь идет о случайном совпадении — сказать сложно.

Удивляет, однако, то, что повстанцы продвигались быстро, не встречая сопротивления. Ханские нукеры не ввязывались в бои, а те, кто выражали недовольство существующими порядками, как всегда, с готовностью вливались в мятежные формирования. Только по этой причине туркменские отряды успешно расширяли зону контроля, без грабежей и разбоев приближаясь к Газавату и Шахабату (Шават), стратегически важным городам Новый Ургенч и Хива.

Весть о новом всплеске антиправительственных выступлений в Хивинском ханстве подтолкнула руководство российского военного ведомства на принятие беспрецедентного решения: 22 апреля 1915 г. из Азиатской части главного штаба командованию Туркестанского военного округа была направлена телеграмма, в которой рекомендо-

²² ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1036, ч. 1, л. 49—50.

²³ Там же, л. 12.

лось, со ссылкой на возможность очередного восстания туркмен, выделить для хивинского хана 2 тыс. единиц 3-линейных винтовок²⁴. Дошедшие до нас документы не позволяют выяснить общую стоимость оружия и те принципы, на основе которых осуществлялась его передача. Учитывая особый характер отношений России с Хивой, можно предположить, что предоставлялось оно безвозмездно. Операция обошлась хивинской казне недешево. В виде подношений и взятки военный министр Сухомлинов, генералы Цейль, Давлетшин и Галкин, полковник Колосовский и другие получили не менее 500 тыс. руб. и были, естественно, заинтересованы в том, чтобы склонить Николая II к удовлетворению просьбы Хивинского правительства.

Генерал-губернатор Туркестанского края Мартсон не согласился с решением главного штаба. Он считал, что переоснащение ханской армии не снимет напряженности в Хиве и может усугубить и без того сложную политическую ситуацию. 9 мая 1915 г. он обратился к военному министру Сухомлинову с телеграммой, в которой категорически возражал против поставок Хиве оружия²⁵. Сухомлинов не поддержал Мартсона. В ответной телеграмме, направленной 16 мая из Петербурга в Ташкент, разъясняя точку зрения российского военного ведомства, он подчеркнул, что Сеиду Асфандияр-хану «следует располагать известной силой для поддержания порядка в ханстве»²⁶. Генерал-губернатор края был вынужден подчиниться приказу и распорядился отпустить для хивинской армии 2 тыс. берданок.

Как показывают архивные материалы, нелегальным сбором стрелкового оружия и созданием тайных складов их хранения занимались и активисты младохивинского «Революционного союза». 29 мая 1915 г. жандармерией Самаркандского отделения управления Среднеазиатских железных дорог был арестован хивинский подданный Рузмет Ибрагимов. Во время обыска при нем оказалось несколько винтовок, что послужило поводом для обвинения его «в принадлежности к противозаконному сообществу». По подозрению в нелегальном провозе оружия был арестован и Палван Гусеинов²⁷. Ибрагимов на допросе показал, что винтовки он должен был передать в Старом Чарджуе Машарипу Матъякубову, которому предстояло доставить их далее в Хиву купцу Мадрахимбаю Атаджанову. Последний на очной ставке категорически отрицал знакомство с Рузметом Ибрагимовым, всякое отношение к нелегальной скупке и продаже оружия.

Следствие по делу продолжалось более месяца. Отсутствие содействия со стороны властей Хивы, сложности, связанные с перепиской

---

²⁴ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1036, ч. 1, л. 46.

²⁵ Там же, л. 45.

²⁶ Там же.

²⁷ Ошибка в написании фамилии. Правильно: Хусаинов. — *Примеч. авт.*

через администрацию Амударьинского отдела, не позволили довести его до логического конца и прояснить, для каких целей предназначалось перевозимое оружие, кому оно должно было быть передано и совершали ли задержанные какие-либо преступления на территории Туркестана или Хивинского ханства. Не удалось установить также и название «преступного сообщества», ибо младохивинский «Революционный союз» туркестанской полиции, как, впрочем, и администрации Амударьинского отдела, пока не был известен. Учитывая эти обстоятельства и то, что арестованные являются хивинскими подданными, следовательно, гражданами другого, хотя и дружественного, государства и потому подлежат передаче хивинским властям, 2 июля 1915 г. начальник жандармского управления Среднеазиатской железной дороги генерал-майор фон Франкенштейн вынес постановление о высылке Рузмета Ибрагимова и Палвана Гусеинова из пределов Туркестанского генерал-губернаторства «как вредных для общественного спокойствия и порядка»²⁸. Они благополучно перебрались в Амударьинский отдел, а оттуда — на территорию Хивинского ханства, где к ответственности не привлекались и преследованиям не подвергались.

Был ли случай с арестом младохивинцев Самаркандским жандармским полицейским управлением только эпизодом в их подготовке к вооруженной борьбе с режимом Асфандияр-хана, или скупка оружия преследовала исключительно коммерческие цели — об этом документы умалчивают. Нельзя исключать полностью ни то ни другое. Все же есть серьезное основание полагать, что среди определенной части активистов и лидеров «Революционного союза» уже зрели сомнения в возможности устранения ханского правительства сугубо мирными средствами. Так, в документах жандармерии Самаркандской железной дороги Рузмет Ибрагимов именуется *усто* (мастер)²⁹. Эта нисба означает, что он или был связан с ремесленно-кустарным производством, или занимался мелким предпринимательством и по роду своей деятельности вряд ли мог специализироваться на нелегальной скупке и продаже оружия. Скорее всего, Ибрагимов действительно выполнял заказ или поручение купца Мадрахимбая Атаджанова, входившего в «Революционный союз» или же сочувствовавшего ему. Известно, что мелкие торговцы составляли значительную прослойку активистов организации. Непосредственное влияние на изменение тактики борьбы младохивинцев с правительством Асфандияр-хана оказывали и уроки младотурецкой революции 1908 г., а также опыт демократической партии Ирана. Восточные демократы не исключали возможности применения против правящего режима силы, в том числе и вооруженного восстания. В программе младотурецкой партии «Единение и прогресс»

²⁸ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1047, л. 1—2, 13—13 об.

²⁹ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1047, л. 1.

насильственное свержение абсолютизма рассматривалось как узловой вопрос революции. Как известно, Хусаин-бек Матмуратов был последовательным сторонником «турецкой модели» революции и для захвата власти вряд ли исключал вооруженные методы борьбы с режимом.

Пока лидеры младохивинского «Революционного союза» тщетно пытались создать собственные дружины боевиков, правительство решило «наказать» оппозиционно настроенные туркменские племена. Сеид Асфандияр-хан направил в кочевья карательный отряд из 1,5 тыс. ханских нукеров, оснащенный новым оружием, полученным из России. Командовал им Шейхназар-бай, жаждавший реванша за поражение от Шаммы-каля в январе 1913 г. недалеко от крепости Измукшир.

Предводители туркменских племен, основываясь на соглашениях с правительством, заключенном в марте 1915 г. при участии начальника Амударьинского отдела В. П. Колосовского, решили в военные действия не ввязываться и даже предотвратить их. В Хиву была снаряжена представительная делегация из родоплеменных вождей для переговоров по всем спорным вопросам и подписания мирного договора, который позволил бы избежать бессмысленного кровопролития, тем более что никаких серьезных оснований для ведения широкомасштабных военных действий на территории, население которой еще не успело полностью оправиться от последствий голода 1914 г. и феодальной междоусобицы начала 1915 г., не было.

Воинственно настроенная феодальная олигархия Хивы не пожелала воспользоваться представившейся возможностью. 7 июня 1915 г. в местечке Ак-Дербент, что всего в 30 км северо-западнее столицы, ханский карательный отряд натолкнулся на туркменскую депутацию и открыл огонь по практически безоружным людям, которых сопровождала лишь немногочисленная вооруженная охрана. Это известие всколыхнуло туркменское население. В тот же день предводители племен сформировали мобильные, хорошо вооруженные соединения из 500 лучших всадников, обученных военному делу. Они настигли карательный отряд в районе Газавата и с ходу атаковали его. Ханских нукеров, не ожидавших нападения, охватила паника. Командовавшие ими сановники продемонстрировали абсолютную беспомощность в военном деле, не рассредоточили воинов по стратегически выгодным высотам, чтобы организовать оборону. За считанные часы, несмотря на численное превосходство ханского отряда, в скоротечном бою были убиты свыше 1300 нукеров, лишь менее чем 200 нукерам удалось выбраться из окружения и спастись бегством. Туркменские повстанцы захватили целый арсенал вооружения — 1,5 тыс. винтовок, 2 орудия, большое количество боеприпасов, лошадей и много различного снаряжения³⁰. Фактически ханское правительство лишилось дееспособной части своей

³⁰ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 88, л. 129.

регулярной армии и вооруженной защиты. Путь в столицу ханства — Хиву был открыт. Несмотря на это, туркменские повстанцы приостановили продвижение вглубь страны, чтобы не расширять масштабы военного конфликта.

Неспособность ханского правительства оказать позитивное влияние на политическую обстановку в стране и полная потеря контроля над ее развитием, его упование на силовые методы решения внутренних проблем вместо налаживания конструктивного диалога со всеми оппозиционными силами свидетельствовали об углублении кризиса власти в Хивинском ханстве. Авторитет Асфандияра и ханского правительства в целом среди различных слоев населения падал неудержимо. Постигшие хивинскую армию на «туркмено-хивинском фронте» боевых действий сокрушительные поражения 1913—1915 гг., в результате которых пали тысячи ни в чем не повинных узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов, провалы в сфере экономической и социальной политики, нежелание и неумение выработать и реализовать реалистичную программу развития и гармонизации межнациональных отношений, другие серьезные просчеты в руководстве государством, функционировании его политических институтов делали неизбежным крах режима Сеида Асфандияр-хана.

Российская администрация Туркестана и Амударьинского отдела стремилась предотвратить падение правительства Асфандияр-хана любой ценой. 10 июня 1915 г. в Хиву с 2 ротами дружины, 3 взводами казаков, пулеметным взводом и 1 батареей³¹ прибыл генерал-майор Геппенер, помощник военного губернатора Сырдарьинской области, наделенный генерал-губернатором края «особыми полномочиями»³², под которыми подразумевалось право на ведение боевых действий на территории Хивинского ханства, принятие решений, касающихся внутренних дел страны, заключение договоров и соглашений с участием конфликтующих сторон, аресты и высылки из Хивы главарей мятежников и т. д.

Ряд исследователей утверждают, что группировка Геппенера проводила в туркменских районах карательные акции против мятежников и «учинила жестокую расправу над участниками восстания». Такой точки зрения придерживается, в частности, А. С. Садыков³³. Однако архивные материалы говорят о том, что отряд генерал-майора Геппенера на территории Хивинского ханства каких-либо военных операций не проводил и свою миссию ограничил присутствием в столице страны — Хиве. Более того, пользуясь предоставленными чрезвычайными полномочиями, Геппенер всесторонне и объективно расследовал тра-

³¹ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 327, л. 35.

³² Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1036, ч. 2, л. 128.

³³ См.: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 169.

гедию в местечке Ак-Дербенд, происшедшую 7 июня 1915 г., выявил ее истинных виновников. Так, он рекомендовал генерал-губернатору Мартсону и Сеиду Асфандияр-хану немедленно выслать за пределы ханства главных зачинщиков побоища — ясаулбаши Шейхназар-бая и Ашур-махрама³⁴, отличавшихся ярко выраженными антитуркменскими взглядами и подталкивавших хана на принятие крайне непопулярных решений. По мнению Геппенера, это позволило бы в какой-то степени ослабить напряженность, возникшую в отношениях между хивинскими властями и туркменским сообществом, предотвратить расширение военного противостояния.

В июле 1915 г. при посредничестве генерал-майора Геппенера в Хиве состоялся очередной раунд переговоров между представителями правительства и туркменских племен и родов. Они были не первыми. У обеих сторон имелись серьезные основания для сомнений в возможности достижения компромиссов, в последующем выполнении принятых решений. Достаточно назвать переговоры в Куня-Ургенче, отказ ханского правительства следовать подписанным соглашениям. Все же переговоры состоялись. В Хиве 24 июля удалось достичь взаимоприемлемых договоренностей. Правительство вновь обязалось провести земельно-водную реформу в интересах туркменского населения, не допускать произвола сановников и глав местных администраций, а предводители туркменских сообществ обязались сохранять лояльность по отношению к центральному ханскому правительству³⁵.

Не подлежит сомнению, что урегулирование отношений между хивинскими властями и туркменами мирным путем имело огромное значение в создании благоприятных условий для оздоровления политической и социально-экономической обстановки в Хивинском ханстве. Договоренности, достигнутые в 1913 г. в Куня-Ургенче и в 1915 г. в Хиве, могли стать основой для выработки общеполитического всеобъемлющего компромиссного соглашения, учитывающего интересы всех сторон, вовлеченных в неутрахающий конфликт. Однако к этому не были готовы ни ханское правительство, ни предводители туркменских племен и родов, ни региональная российская администрация. Они ограничивались принятием важных, хотя и сиюминутных решений, не касавшихся сути политических, экономических и социальных проблем, накапливавшихся среди национальных меньшинств, причем не только туркмен, но и каракалпаков, казахов, иранцев и др. Договоренности и

---

³⁴ По мнению некоторых исследователей, по настоянию Геппенера в августе 1915 г. Шейхназар-бай был выдворен из страны в Черняев, а Ашур-махрам — в Аулие-Ата по обвинению в «противодействиях влиянию России на двор хивинского хана» (см.: Кошчанов А., Палванов Н. Социально-политические течения и движения в Хорезме... С. 216). — *Примеч. авт.*

³⁵ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 428.

соглашения сглаживали остроту противоречий, не устраняя причин, которые коренились в отрицании равноправия народов, подчеркивании превосходства узбеков над представителями других национальностей, проживавших в Хивинском ханстве.

Временное затишье, установившееся в отношениях между ханским правительством и туркменской оппозицией, не было использовано для практической реализации договоренностей, радикального решения, как было обещано, вопроса о земле и воде, налогах и поборах, для уравнивания экономических и политических прав всех наций и народностей. Сеид Асфандияр-хан и М. Баккалов не сделали ничего, что свидетельствовало бы об искренности намерений правительства в позитивной развязке «туркменского вопроса». Они не приняли ни одного закона или подзаконного акта, который был бы спроецирован на решительное преодоление конфронтационных тенденций в межнациональных отношениях и предотвращение неумолимо надвигавшейся гражданской войны, признаки которой проглядывались в неуклонном расширении состава участников пока локальных вооруженных конфликтов.

Игнорируя назревшие и требовавшие безотлагательного решения политические проблемы, Хивинское правительство не думало заниматься и социально-экономическими вопросами. Газета «Новое время» 23 мая 1915 г., выражая настроения молодых предпринимательских кругов, отмечала: «Все более развитые хивинцы... стоном стонут от хивинских порядков и категорически утверждают, что только при трех условиях Хивинское ханство поднимется:

- 1) широкие оросительные работы;
- 2) проведение железной дороги;
- 3) смена хивинского произвола русской законностью».

Аналогичные взгляды были распространены и среди определенной части российских предпринимателей. Газета, ссылаясь на «развитых хивинцев», под ними подразумевала торговцев, промышленников и других, выражала прежде всего их экономические интересы. Тем не менее в целом она объективно освещала положение вещей и акцентировала внимание на пагубных последствиях стагнации как экономической, так и политической жизни. Только ханское правительство не желало признавать бесперспективность своего курса и вносить в него соответствующие коррективы. Точнее, оно не было способно на трезвую оценку общественного мнения, складывающейся в стране сложной социально-политической и экономической обстановки, накапливающихся антагонистических противоречий, широты и глубины кризиса, охватившего органы государственной власти и управления. Сеид Асфандияр-хан, Матвафа Баккалов, их ближайшее окружение не хотели признавать углубляющийся распад феодально-абсолютистского строя, начавшийся еще в 1910 г.

Источники свидетельствуют, что в 1915 г. в Хивинском ханстве ситуация в общественном производстве продолжала ухудшаться, охватывая важнейшие отрасли хозяйства, а его сырьевая направленность принимала устойчиво однобокую форму. Для извлечения максимальной прибыли от неуклонно прогрессирующего спроса на российском рынке на волокно и хлопок-сырец, другие товары сырьевой группы, от вытеснения с него традиционных туркестанских и бухарских конкурентов крупная хивинская земельная элита и торгово-промышленная буржуазия, пользуясь монопольным правом на инвестиционном рынке, добивались неуклонного расширения производства хлопка-сырца и других экспортных культур. Так, например, в 1915 г., по сравнению с 1911 г., площади под хлопчатником увеличились более чем на 11,6 тыс. десятин, или на 36,6 %, и превысили 43,3 тыс. десятин. Возрос и валовой сбор сырца. Его вывоз впервые достиг 1 млн. 740 тыс. пудов. Одновременно увеличился экспорт в Россию шерсти на 221 %, сухих фруктов — на 68 %³⁶, а также некоторых других продуктов сельского хозяйства.

По сведениям конторы «Большой Ярославской мануфактуры» в Новом Ургенче, основными покупателями хлопка-сырца в ханстве, как и в прежние годы, выступали компании и фирмы «Бр. Крафт», «Московское торгово-промышленное т-во», «Петляховское т-во», «Вадьяевское торговое т-во» и др. Хивинские заводчики успешно конкурировали с российским капиталом. Они оптом скупали сырец, перерабатывали его на собственных предприятиях, затем уже готовое хлопковое волокно продавали Тверской, Шуйской, Юсинской мануфактурам, «Петляховскому т-ву». Часть из них, в том числе и братья Баккаловы, сами отправляли хлопковое волокно в Москву³⁷. Благодаря прямым отлаженным контактам с российскими потребителями многие крупные хивинские заводчики осуществляли торговые операции без посредников, самостоятельно. К тому же часть из них имели своих торговых агентов в российских городах — Оренбурге, Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде, а также в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других городов, куда регулярно поступали товары из Хивинского ханства.

Очевидно, что в погоне за сверхприбылями крупный хивинский торгово-промышленный и ростовщический капитал, оказывавший на разработку политического и экономического курса ханского правительства определяющее влияние, открыто пренебрегая национальными интересами, в союзе с российским торгово-промышленным и финансовым капиталом последовательно превращал Хиву в аграрно-сырьевой придаток, наращивал некомпенсируемую эксплуатацию ее при-

---

³⁶ Среднеазиатский экономический район... С. 84—85; Юферов В. Хлопководство в Туркестане... С. 138—139.

³⁷ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 115 об.

родных и трудовых ресурсов. Тем самым он создавал оптимальные условия для консервации общей социально-экономической отсталости страны, антагонистических производственных отношений, деформирования развития как в соседнем Туркестане, так и за его пределами, включая рынки самой Центральной России, в том числе такие как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Оренбург и др. Очевидно, что, всячески стимулируя его предпринимательскую деятельность, они как бы содействовали наращиванию и укреплению социальной основы правящего феодально-абсолютистского режима в Хивинском ханстве в надежде на то, что новая элита национального предпринимательства, органически вросшая в систему российского рынка, без особых усилий сумеет осуществить направленное «верхушечное» реформирование общества изнутри, под контролем «сверху», без каких-либо серьезных политических потрясений, добьется смягчения антагонистических противоречий, постепенно подтачивающих монархию.

Фронт в тылу воюющей России: дестабилизация политической обстановки. Восстание 1916 г.

Нарастающие кризисные явления в различных областях жизни хивинского общества были обусловлены не только внутренними факторами. Большое воздействие оказывали на них и общая политическая ситуация в мире, складывавшаяся в результате первой мировой войны, и систематическое вмешательство во внутренние дела Хивинского ханства других государств, например Германии, Англии, Турции и Персии. Важно иметь в виду, что положение на фронтах первой мировой войны в 1916 г. не предвещало ее скорого окончания, а Хивинское ханство находилось в тылу воюющей России и уже только по своему стратегическому положению могло послужить плацдармом для ведения против нее диверсионно-разведывательных операций. В такой роли, как известно, его уже пытались использовать в годы англо-афганских войн в первой половине XIX в., а позднее — Англия и Турция в период выхода России в район Западного Памира и утверждения ее там. Тогда их усилия не увенчались успехом, ибо большинство хивинских правителей (Аллакули-хан, его преемники на престоле Мухаммед Амин-хан и Сеид Мухаммед Рахим-хан II) даже в условиях существования острейших противоречий между государствами стремились поддерживать с Россией добрососедские отношения. Этому способствовали не только политическая воля и дальновидность хивинских пра-

вителей, но также и внутренняя стабильность в стране, достигнутая благодаря устранению феодальных междоусобиц и угрозы вооруженной агрессии со стороны сопредельных стран, в том числе Бухарского эмирата, Персии и Турции. Сохраняя с ближайшими восточными соседями дружественные связи, развивая торговые и экономические контакты, вместе с тем хивинские правители не допускали их вмешательства во внутренние дела страны и решительно пресекали любые попытки превратить ее под каким бы то ни было предлогом в форпост для ведения недружественных акций против России.

В 1916 г. положение в Хивинском ханстве выглядело иначе. Режим Сеида Асфандияр-хана неуклонно деградировал. Социальные противоречия обострялись. Межнациональные и межэтнические конфликты, упорно раздуваемые феодальной олигархией и феодально-клерикальной реакцией, угрожали единству, территориальной целостности государства. В Хиве формировалась реальная оппозиция правительству, которая могла стать опорой и союзником внешних сил, вынашивавших планы дестабилизации общей политической ситуации в России изнутри. Вряд ли какая-либо из стран, рассматривающих ее как своего потенциального противника или воюющих против нее, не желала бы воспользоваться столь благоприятным моментом во имя достижения собственных геополитических целей. Многие из них, кстати, не замедлили задействовать давно разработанные «на всякий случай» стратегические планы, активизировать резидентуру в городах Хивинского ханства, созданную под видом торговых домов и фирм, посреднических контор или миссионерских обществ.

Признаки проникновения иностранных спецслужб в Хиву и их деятельности начали обнаруживаться в 1914—1915 гг. При этом они в корне изменили тактику: вместо практиковавшегося прежде подкупа правителей и высокопоставленных сановников ханского правительства и заключения с ними многообещающих тайных соглашений, огульной критики российской политики в регионе, тщетных попыток создания «союза мусульманских стран» основное внимание стало уделяться налаживанию контактов с оппозиционными к режиму силами, подготовке их к вооруженному захвату власти. Впоследствии это позволило бы отделить Хивинское ханство от России и вывести его из зоны ее влияния, а также оказывать непосредственное и целенаправленное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Хивинского правительства, практически беспрепятственно действовать на всей территории страны и осуществлять стратегические замыслы. Вопрос о самой будущности Хивинского ханства как независимого государства, его территориальной целостности не обсуждался, ибо на нем скрещивались интересы многих стран, включая Германию и Англию, которые, отесняя Соединенные Штаты и заигрывая с Турцией, пытались превратить государства Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока в

своих сателлитов, содействуя установлению в них марионеточных режимов. Аналогичная судьба ожидала и Хиву. Приход к власти прозападного правительства означал полную потерю самостоятельности ханства, превращение его в колонию или полуколонию.

Объектом повышенного внимания спецслужб кайзеровской Германии и Турции, входивших в «Тройственный союз», а также Англии, кстати, союзницы России по «Тройственному соглашению», систематически проводивших в Хивинском ханстве в канун и период первой мировой войны диверсионные и разведывательные операции, разумеется, не без ведома своих правительств, являлись главным образом предводители туркменских племен и родов. Причем далеко не все, а в основном те, кто традиционно враждовали с ханским правительством, следовательно, имели больше реальных шансов на объединение вокруг себя оппозиционных к режиму сил и захват власти. Так появился на политической авансцене Курбан Мамед-сердар из племени иомудов, получивший известность под именем Джунаид-хан.

Впервые Курбан Мамед-сердар заявил о себе в качестве командира небольшого вооруженного отряда племени во время восстания Шаммы-каля в 1913 г. В боях против регулярной армии Асфандияр-хана руководимые им всадники выделялись хорошей выучкой, организованностью и дисциплиной. В 1914 г. иомуды не допустили на территорию племени сборщиков налогов, а в 1915 г. — участвовали в освобождении из ханского плена кетхуды Шамурад-Бахши и в ожесточенных боях под Газаватом, доказав, что руководство воинами племени находится в опытных руках.

С каждой очередной победой Джунаид-хан не только получал еще большую популярность, но и собирал под своими знаменами новые группы недовольных режимом туркменских и каракалпакских, а также узбекских дехкан, поднявшихся на борьбу с произволом хивинских властей, экономическим и политическим господством крупной земельной аристократии, с нищетой и социальным неравенством. Если в 1913 г. под его началом, по некоторым данным, насчитывалось не более 250 всадников, то в середине 1915 г. — около 3 тыс.³⁸ Это было уже крупное мобильное воинское соединение, способное решать сложные военно-стратегические и тактические задачи. Ему было по силам расправиться с ханской армией и установить контроль над всей территорией Хивы, ибо было очевидно, что в «армию» Джунаид-хана в каждом населенном пункте будут вливаться новые и новые отряды добровольцев из «низов», потерявших веру в социальную справедливость и понимающих, что добиться ее можно только путем вооруженной борьбы с ненавистным режимом. По мере углубления социально-экономического и политического кризиса в стране, обострения антаго-

---

³⁸ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 428 об.

нистических противоречий между «верхами» и «низами» число недовольных курсом правительства неуклонно прогрессировало, а ряды антиправительственной оппозиции, соответственно, расширялись. Правда, они вливались не только в формирования непримиримых, но и в организации либералов, крайних радикалов и др.

На Джунаид-хана делали основную ставку спецслужбы практически всех стран, воевавших против России на фронтах первой мировой войны, но прежде всего — Германия и ее союзница Турция, которая имела в регионе собственные геополитические интересы. В 1914 г., чтобы опередить политических конкурентов, турецкий султан в спешном порядке направил ему послание, в котором выражал надежду, что Джунаид вскоре займет ханский трон³⁹. А Германия, в свою очередь, при содействии той же Турции щедро снабжала отряды иомудов вооружением и боеприпасами, стремясь превратить их в мощную ударную группировку, нацеленную, во-первых, на отстранение от власти Асфандияр-хана и установление в ханстве режима прозападной ориентации; во-вторых — на дестабилизацию военно-политической обстановки в тылу России. Так, например, уже в апреле 1915 г. в формированиях иомудов, подчиненных Джунаид-хану, имелось на вооружении по меньшей мере 750 трехлинейных винтовок производства Тульского оружейного завода⁴⁰. То была часть трофейного оружия, захваченного на фронтах первой мировой войны германскими войсками в боях против российской армии и тайно доставленного в Хивинское ханство спецслужбами вермахта не без содействия Турции и Персии.

В районах, населенных преимущественно туркменами, действовало немало агентов германской разведки, которые были заняты сбором информации о взаимоотношениях туркмен с Хивинским правительством, об их экономическом положении, о политических настроениях среди родов и племен, различных слоев населения. В начале 1916 г. из Москвы в Ташаузское бекство якобы с целью заключения торговых соглашений прибыл русскоподданный немец Бертельс. Остановился он у заводчика К. Черникова. Ссылаясь на донесения своей агентуры, начальник Амударьинского отдела В. П. Колосовский сообщал в Ташкент, штаб Туркестанского военного округа, что Бертельс «и по внешнему виду, а также по манере держать себя и выражаться гораздо более напоминает типичного прусского лейтенанта, чем представителя какой-либо торговой фирмы». Во время задержания и осмотра при нем были обнаружены сведения о расположении хлебных складов в ряде губерний Центральной России, планы Путиловского завода и города

³⁹ См.: *Карпов Г. И. и Бацер Д. М.* Хивинские туркмены... С. 101.

⁴⁰ ЦГА Туркменистана, ф. с/б, д. 169, л. 10; См.: *Ненесов Г. И.* Из истории Хорезмской революции... С. 68.

Одессы⁴¹. Видимо, они должны были быть переданы в Хиве кому-то из связных или резидентов для дальнейшей переправки за границу. Однако доказать контакты Бертельса с германскими спецслужбами не удалось, хотя имелись сведения, что заводчик Черников, у которого тот проживал в Ташаузе, был замешан в поставках туркменским формированиям контрабандного оружия и даже подстрекал к восстанию против Хивинского правительства⁴². Как это ни парадоксально, администрация Амударьинского отдела, располагая довольно серьезной информацией, не попыталась привлечь к ответственности по законам военного времени ни Бертельса, ни Черникова.

В докладных в Военное министерство генерал-губернатора края, документах канцелярии начальника Амударьинского отдела встречаются сведения о деятельности и некоторых других агентов спецслужб Германии на территории Хивинского ханства, их активном участии в тайном вооружении туркменских повстанческих отрядов, ведении разведывательно-диверсионной работы, направленной против России и Хивинского ханства. В российском военном ведомстве в Петербурге, больше озабоченном ситуацией на фронте, чем в далеком тылу — низовьях Амударьи, которые от театра военных действий были отделены не одной тысячей километров, деятельности иностранных разведок серьезного значения не придавали. Зачастую с подачи некоторых политически близоруких чиновников, в том числе из аппарата Министерства иностранных дел, они рассматривались как обыкновенная дезинформация и попытки Хивинского правительства переложить ответственность за обострение отношений официальных властей с туркменскими племенами на спецслужбы зарубежных стран.

Если объектом повышенного внимания германской разведки являлись военные формирования туркменских племен и родов, предводители из среды консервативной феодальной верхушки, то основным полем деятельности в ханстве турецких эмиссаров было преимущественно духовенство. И это отнюдь не случайно. В условиях господства религиозной идеологии во всех сферах жизни хивинского общества духовенство играло значительную роль в направленном формировании общественного мнения, в консолидации масс, обеспечении сохранности традиционных институтов государства. В туркменских родах, как и в узбекской общине, священнослужитель был лицом неприкосновенным и самым почитаемым, его мнение всегда считалось решающим и не подлежало ревизии. Ему предоставлялось почетное место во всех без исключения обрядовых и светских мероприятиях, право их открытия, освящения и заключения. Эта устоявшаяся тради-

⁴¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1036, ч. 2, л. 128—129.

⁴² Там же, л. 128.

ция соблюдалась всеми независимо от возраста и пола, социального и имущественного положения. Непочитание духовных традиций и религиозных обрядов, любое неуважение к священнослужителям или же пренебрежительное отношение к ним подлежали суровому наказанию по законам адата и шариата. Уличенный в подобном проступке объявлялся вероотступником, мог быть заточен в ханскую темницу на неопределенный срок, длившийся порой не один год, зачастую даже пожизненно.

Несомненно, в начале XX в. под влиянием закономерно обусловленных *объективных* перемен прежде всего в производительных силах и производственных отношениях, в заявивших о себе просветительском, умеренно-либеральном и некоторых других общественных движениях и течениях в среде мусульманского духовенства начали отчетливо проявляться дифференциационные тенденции. Его немалая часть, состоявшая из молодых священнослужителей, преподавателей медресе и мактабов, воспитанных на идеях Махмудходжа Бехбуди, получивших светское образование за пределами ханства — в русско-туземных школах и гимназиях Туркестана, элитарных учебных заведениях Турции, бывавшая часто в Санкт-Петербурге, Москве и Ташкенте, выступала за реформирование ислама и отказ от средневековой догматики, консервировавших развитие духовной и культурной жизни общества, овладение современными научными и техническими достижениями в различных областях. Представители именно этой прослойки духовной интеллигенции вливались в ряды «Революционного союза» младохивинцев. Им противостояла куда меньшая по численности, но благодаря своему экономическому и политическому положению более влиятельная и состоятельная прослойка высшего духовенства. Занимая ключевые посты в религиозной иерархии и при ханском дворе, она держала под контролем важнейшие сферы жизнедеятельности хивинского общества, формировала внутреннюю и внешнюю политику правительств, законодательную базу государства и права.

Эмиссары турецких спецслужб опирались преимущественно на наиболее консервативную часть хивинского духовенства, которая увидела в Джунаид-хане защитника традиционных порядков и без колебаний переметнулась на его сторону. Ей особенно импонировали неприятие им российских и западных веяний, антиреформаторские устремления, приверженность монархизму и феодально-патриархальным устоям. При Ходжанепесе Ахун-ишане, в течение целого ряда лет являвшемся духовным наставником Джунаид-хана, с начала 1914 г. постоянно находился турецкоподданный некий Ахмед-эфенди, который якобы посвятил себя исключительно миссионерской деятельности, занимался посещением «святых мест» и популяризацией исламского учения. Примерно в это же время в далеком от древних святынь Мангитском

бекстве у местного Юсуп-ишана нашли приют сразу несколько турецких агентов, якобы совершавших под видом священнослужителей-миссионеров паломничество⁴³. В городе Питняке проживал турецкий подданный некто Хезрет Султан, который выдавал себя за родственника султана Турции⁴⁴. Подобных примеров немало. Под защитой представителей феодально-клерикальной элиты в формированиях туркменских ополченцев турецкие эмиссары нелегально занимались не только религиозной проповедью, пропагандой идей о мусульманском единстве и «священной войне» против неверных, но и обучением военному делу, искусству ведения современного боя. Одновременно они выступали организаторами и координаторами поставок в туркменские отряды вооружения и боеприпасов контрабандным путем из сопредельных восточных стран.

Некоторые каналы поставок в формирования Джунаид-хана оружия находились в руках персов. Одним из организаторов снабжения ио-мудских отрядов стрелковым оружием из Ирана был персидский торговец Ага Алиев, проживавший в Новом Ургенче. Активно участвовал в поставках оружия и боеприпасов туркменским ополченцам и персидский подданный Мухаммед Али, не имевший определенного места жительства⁴⁵. Вряд ли подлежит сомнению, что операции по контрабандному ввозу оружия они осуществляли при взаимодействии со спецслужбами Германии и Турции, контролировавшими все каналы их поставок в Хивинское ханство.

Обращает на себя внимание, что, проявляя «заботу» об укреплении военного потенциала формирований туркменских ополченцев, турецкие и персидские эмиссары, спецслужбы Германии не задумывались об оказании Хивинскому правительству содействия в совершенствовании оснащения ханской регулярной армии. Твердо встав на сторону антиправительственной консервативно-реакционной оппозиции, они вторгались во внутренние дела Хивинского ханства, не скрывали свои стратегические цели — свержение пророссийского правительства Сеида Асфандияр-хана, оказание содействия переходу власти в руки крайне правых и установлению в стране такого режима, который способствовал бы превращению ее в колонию империалистических держав, в частности Германии, Англии или их сателлитов⁴⁶. Призывы ту-

---

⁴³ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 65; *Ненесов Г. И.* Из истории Хорезмской революции... С. 68, 69.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ О том, что судьба государств Центральной Азии, в том числе и Хивы, рассматривалась империалистическими державами именно в такой плоскости, красноречиво свидетельствуют официальные документы Парижской мирной конференции 1919 г. Так, в комментарии к подготовленной тогдашним прези-

рецких и персидских эмиссаров, касающиеся «мусульманского единства», общности исторических корней, духовной культуры, служили ширмой для прикрытия истинных намерений, воплощения на практике планов отторжения от России обширного региона Центральной Азии.

Сосредоточив внимание на подготовке формирований Джунаид-хана к вооруженному восстанию, а его самого — к роли правителя ханства, эмиссары иностранных спецслужб и крайне правая оппозиция, особенно ортодоксальное духовенство, не допускали мысли, что это выступление, несмотря на нарастающее недовольство масс правящим режимом, может не встретить единодушной поддержки других племен и родов. Преувеличивая силу авторитета и влияния среди различных слоев населения настойчиво популяризируемого Джунаида, они не учитывали отсутствие у него такого неперемennого атрибута восстания, как способная стать платформой для консолидации антиханской оппозиции конструктивная программа, без которой любое выступление обречено, как это и случалось прежде, на стихийность и неминуемое поражение. Кроме того, вдохновители и организаторы будущего «государственного» переворота не желали считаться с тем, что среди немалой части туркменских родоплеменных вождей ясного и устойчивого единства в отношении роли и места Джунаида в антиасфандияровском движении не было никогда. Его безоговорочно поддерживали главным образом предводители *иомудов*, другие же лишь выражали солидарность и были готовы примкнуть к восстанию в случае благоприятного развития событий, чтобы участвовать в дележе добычи и привилегий. Такова истина, подкрепленная исторической практикой развития в Хивинском ханстве национально-освободительной борьбы в дооктябрьский период.

Обратимся к примерам. Факты говорят о том, что некоторые из родовых объединений отказывались присоединяться к Джунаид-хану в какой-либо форме, предпочитая действовать самостоятельно. Так, мухрдар Кахкабай, возглавлявший один из родов *иомудов*, учитывая неплатежеспособность большинства сородичей из-за падежа скота и гибели части урожая, во время сбора налогов ханскими сановниками в начале января 1916 г. потребовал исключить его род из числа выплачивающих салгыт и включить его в список «атлычников», которые были освобождены от уплаты налога. Как сообщал 4 января в канцелярию хана Джуманияз-бай, руководивший сбором поземельного налога на

дентом США В. Вильсоном географической карте, озаглавленном «14 пунктов», прямо указывалось, что «нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората». — *Примеч. авт.*

территории этого племени, иомуды сослались на то, что 100 танапов земли, на которой они хозяйствуют, выкуплены ими у Хусаинджан-ахуна, и в подтверждение предъявили соответствующий «ярлык» о купле-продаже, подписанный Шахнияз-баем. Ханскому сановнику не оставалось ничего, кроме как переписать 40 тилля долга рода Какхабая в другую тетрадь. Позднее, когда подошла очередь платить налог уже «атлычникам», земли оказались переведены в совершенно другую категорию — теперь уже «ярлычных», вовсе освобожденных от уплаты налога. Это подтверждалось свидетельством, выданным предводителем Шамурад-Бахши. Последний факт окончательно запутал Джуманияз-бая. Сборщики налогов применить силу для взыскания платежей не решились и были вынуждены обратиться в канцелярию хивинского хана⁴⁷. Однако и там не сумели дать точную классификацию 100 танапов выкупленных туркменами-иомудами сельскохозяйственных угодий и оставили обращение без ответа. Таким способом мухрдару Какхабаю удалось на время отсрочить уплату сородичами, попавшими в крайне тяжелое экономическое положение, в ханскую казну 40 тилля поземельного налога. Аналогичным образом поступали большинство туркменских родов и племен. Не протестуя открыто против дискриминационной налоговой и экономической политики Хивинского правительства, они находили самые различные способы и средства для выражения недовольства курсом властей, мирного выхода из весьма острых конфликтных ситуаций, не прибегая к помощи Джунаид-хана.

Именно так действовали и организаторы протестного выступления бедняков, состоявшегося 14 января 1916 г. Овез-бий, бек Ходжейли, его брат Махмудходжа и Исамеддин-ишан возглавили массовое движение, в котором участвовали тысячи дехкан и ремесленников. Поводом к нему послужил увод в ханский гарем в качестве наложниц двух местных девушек — 14-летней дочери кузнеца Джеббара Палванова из Мангита и 15-летней дочери мясника Доснияза Юсупова из Ходжейли — и их зверское убийство. Мятежники, не обращаясь за помощью к Джунаид-хану, направились в Хиву, требуя возмездия. По пути к ним присоединились дехкане, ремесленники и кустари Кипчак-Мангитского бекства, Манакского, Гурленского, Ургенчского, Шаватского и других районов. Общая численность участников шествия составила около 3 тыс., часть из них были вооружены стрелковым оружием.

18 января многотысячная колонна подошла к Хиве. Организаторы шествия потребовали от Сеида Асфандияр-хана добровольно отречься от престола и передать трон брату, Абдулла-туре. Чтобы избежать вооруженного столкновения с мятежниками, командир российского гарнизона, размещенного в городе с целью охраны резиденции правительства и почтово-телеграфной конторы, полковник В. П. Колосов-

---

⁴⁷ ГАХО, ф. «Коллекция хивинских документов», п. 1, л. 44.

ский предложил беку Овез-бию направить в резиденцию к Асфандияр-хану делегацию для вручения петиции, а вооруженных повстанцев оставить за городом, что и было сделано ⁴⁸.

Для встречи с Асфандияр-ханом были выдвинуты восемь представителей, в том числе и Овез-бий, а также некоторые видные ишаны и муллы. Они были арестованы недалеко от цитадели Куныя-Арк и тут же заточены в ханскую темницу ⁴⁹. Воспользовавшись изоляцией руководителей мятежа, отряд Колосовского с нукерами окружил основные силы повстанцев. В ультимативной форме он потребовал сложить оружие и покинуть Хиву, заверив, что если попытки вооруженного сопротивления властям прекратятся, то арестованные немедленно будут освобождены. Мятежники, чтобы не подвергать опасности жизнь своих лидеров, начали покидать город небольшими группами. Однако просчитались. Сеид Асфандияр-хан отверг требования об отречении от власти и передаче трона брату Сеиду Абдулла-туре, распорядился удержать в темнице бека Овез-бия и его брата Махмудходжу и других членов делегации до полного подавления мятежа и устранения угрозы его возможного повторения. Таким образом, мирный поход на Хиву, носивший характер стихийных дехканских волнений и отличавшийся расплывчатостью целей, не увенчался успехом. Надежды на отречение Асфандияр-хана от власти и замену его «справедливым монархом» вновь не оправдались. Вместе с тем он продемонстрировал глубину недовольства «низов» и части «верхов» дискредитировавшим себя правящим режимом.

Январское мирное выступление бедноты Ходжейлийского, Мангитского и некоторых других бекств, населенных главным образом узбеками и каракалпаками, не имело ничего общего с Джунаид-ханом. Однако он решил использовать аресты руководителей выступления как повод для реализации собственных амбициозных планов. 9 февраля 1916 г. отряд иомудов, в котором насчитывалось примерно 3 тыс. всадников, поднял вооруженное восстание. К нему примкнули отряды узбекских, каракалпакских и казахских повстанцев, участвовавшие в мирном походе на Хиву 14—18 января. Они захватили города Ташауз, Кят, Гурлен, Шават и 10 февраля появились на дороге Ургенч — Хива. Не встретив никакого организованного сопротивления, восставшие в тот же день заняли Новый Ургенч и его окрестности, Ханкинское бекство, наложили на жителей 260 тыс. руб. контрибуции ⁵⁰. Подобная мера, «позаимствованная», кстати, у российских властей и ханского правительства, иомудовцами применялась впервые. Прежде, например в период восстания племени куллы-иомудовцев или Шаммы-каля, вол-

⁴⁸ См.: *Ненесов Г. И.* Из истории Хорезмской революции... С. 59—60.

⁴⁹ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 428 об.

⁵⁰ Там же, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 428 об.—429.

нений и мятежей, они выдвигали только экономические, редко — политические требования, добивались отмены и снижения налогов, повинностей, решения земельно-водного вопроса. Наложение на население двух экономически более или менее благополучных районов внушительной суммы контрибуции означало, что стратегия и тактика туркменских восстаний претерпела существенные изменения.

Лидеры младохивинского «Революционного союза» без колебаний переметнулись к Джунаид-хану. Опальный Хусаин-бек Матмурадов, его братья Шейхназар-бай и Амангельды-сердар, с приходом к власти Баккаловых лишившиеся имущества, высоких постов в правительстве и привилегий, в восстании туркмен увидели возможность отомстить за унижения, добиться свержения Сеида Асфандияр-хана. Колосовский сообщал в канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края, что сыновья Матмурада-диванбеги «установили тайные сношения с Джунаид-ханом», более того, они же «руководили движением мятежных узбеков (речь идет о восстании в Ходжейлийском и Мангитском бекствах. — М. Н.), поставивших себе целью свержение с хивинского престола хана Асфандияра»⁵¹. Думается, что благодаря позиции лидеров «Революционного союза» и примкнули к Джунаид-хану многие повстанческие отряды из целого ряда бекств, населенных узбеками, каракалпаками и казахами. Введенные в явное заблуждение лидерами крайних радикалов, преследовавших амбициозные цели, не вникая в суть истинных намерений предводителей иомудов, они пошли на сотрудничество с руководителями восстания с единственной целью — добиться свержения правительства Сеида Асфандияр-хана, сокрушить ненавистный феодально-абсолютистский режим. Со сменой власти повстанцы, костяк которых составляли безземельные и малоземельные дехкане, кустари и ремесленники, связывали надежды на изменение внутривластного курса правительства, освобождение от экономического диктата крупного капитала, ликвидацию социального неравенства, кардинальное улучшение условий жизни.

Выступление иомудов, широко поддержанное узбекскими, каракалпакскими и казахскими повстанцами, развивалось стремительно. 11 февраля восставшие появились на главной дороге, ведущей из Нового Ургенча в Хиву, а 12 февраля подошли к крепостным стенам Ичан-калы, наиболее древней части столицы. Овладеть ею с ходу не удалось. Нукеры и малочисленный российский гарнизон отбили первые атаки мятежников. Однако силы были неравны. В ночь с 12 февраля на 13-е восставшие разбились на три отряда и начали штурм столицы сразу с трех сторон. На этот раз план удался: силы оборонявшихся оказались расплывены, и они не сумели сдержать натиск противника. Ворвавшись в Ичан-калу, восставшие разграбили цитадель

⁵¹ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 24.

Куня-Арк, зимнюю резиденцию ханов дворец Таш-хаули, дома состоятельных торговцев, сановников, склады, магазины и лавки. Окружив российский гарнизон плотным кольцом, джунаидовцы утром направились в Дишан-калу (внешний город) и атаковали дворец Нуруллабай, где укрылся Сеид Асфандияр-хан. Легко сломив слабое сопротивление немногочисленной охраны, они ворвались во дворец и схватили хана. Это случилось ранним утром 13 февраля.

Восставшие арестовали также вазир-и-акбара Матвафу Баккалова и начальника канцелярии диванбеги Абдулла-бая, которые тут же были принародно повешены. Однако убийство Сеида Асфандияр-хана не входило в планы Джунаида и его вдохновителей. Получив за него у духовенства выкуп в 36 тыс. руб., что было равносильно гражданской смерти, он помиловал хана и именем турецкого султана объявил себя правителем Хивинского ханства⁵². Джунаид, вконец унизив правителя на глазах общественности, но даровав жизнь истинному владельцу трона, видимо, хотел заручиться поддержкой высшего духовенства и заявить о приверженности традициям, об уважении монархии, понимая, что масса бедняков и середняков не может служить ему постоянной и надежной опорой, особенно после захвата власти. Поэтому Джунаид предпочел иметь союзником феодальную и клерикальную элиту, а не угнетенных и бесправных.

Заигрывание лидеров иомудовцев с правящей верхушкой, массовые погромы и грабежи не соответствовали подлинным интересам участвовавших в восстании «низов». Они жаждали радикальных перемен в жизни, реформирования политических, экономических и социальных институтов, решения острого земельно-водного вопроса, пересмотра налогообложения и т. д. Ни у Джунаид-хана, ни у его окружения не имелось позитивной программы обновления хивинского общества и осуществления назревших преобразований, отвечающих интересам разных социальных групп и слоев, прежде всего — бесправных и обездоленных, и потому утверждаемый им режим мало чем отличался от ханского. Это указывало на неминуемость раскола в коалиции антиханской оппозиции, неизбежность выхода из нее не только бедняцкой, но и значительной части середняцкой массы, тех представителей младохивинцев, которые выступали не за замену одной формы абсолютистской монархии другой, а за демократизацию общества.

Джунаид-хан недооценил и опасность, грозившую его движению извне. Заняв столицу, изолировав российский отряд и объявив себя правителем ханства, он считал, что борьба за власть закончена полной победой, правительство России будет вынуждено признать его право на хивинский трон. Вероятно, на это и рассчитывали Германия и Турция, надеявшиеся, что Россия, занятая войной на фронтах первой ми-

⁵² ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 29, 33, 41—43.

ровой, не окажет помощи Хивинскому правительству, не сумеет повлиять на ход развития событий внутри ханства. Казалось, что, изнуренная затяжной войной, она в начале 1916 г. действительно не располагала ни какими-либо резервами, ни ресурсами, необходимыми для ведения боевых действий в своем далеком тылу, и, в сущности, должна была бы признать де-факто пришедшее к власти нелегитимное правительство Джунаид-хана.

Однако как организаторы, так и вдохновители февральского восстания просчитались. Правительство Николая II и краевая российская администрация, несмотря на сложную ситуацию на фронтах, не были намерены ослаблять свои позиции в Хиве, отказываться от поддержки правительства Асфандияр-хана. Утверждение в ханстве на деле власти Джунаида означало создание стратегически важного плацдарма для нападения Германии или Турции на Россию с юго-западных рубежей империи и образование «второго фронта» в ее тылу — по территории Бухары, Хивы и Туркестана. В случае успешности восстания не исключалась возможность распространения его с территории Хивинского ханства в соседнюю Закаспийскую область. Генерал-губернатор Туркестанского края Мартсон не исключал подобного поворота в развитии событий, поэтому он сообщил конфиденциально военному комиссару Сырдарьинской области генерал-майору С. А. Галкину, что «ввиду родственных связей туркменских племен Закаспийской области: Мерва — теке, ахальцев в Астрабадской области крайне желательно быстро подавить движение в Хиве во избежание дальнейшего распространения волнений»⁵³. Занятие восставшими Закаспийской области и проникновение туда германо-турецких военных сил могло привести к отторжению от России Каспия и его нефтеносных районов. Так что восстание Джунаид-хана имело отнюдь не локальное, а региональное значение и было способно оказать огромное влияние на политическую ситуацию во всей Центральной Азии и даже за ее пределами.

Российское правительство уже после январских волнений начало осуществлять практические меры по укреплению своего военного присутствия в Хивинском ханстве. 1 февраля командующий войсками Туркестанского военного округа отдал приказ об отправке в ханство для усиления российского отряда, дислоцировавшегося в Хиве, 2 рот 236-й Симбирской дружины с 2 пулеметами, а 5 февраля — дополнительно остальных 2 рот этой же дружины, 6-го Оренбургского казачьего полка, 3-й Семиреченской казачьей сотни, 23-й легкой батареи и 546-й Казанской дружины⁵⁴. Командиром группировки был назначен генерал-майор С. А. Галкин, продолжительное время служивший начальником Амударьинского отдела, хорошо знакомый с Хивинским

⁵³ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 158.

⁵⁴ Там же, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 429—429 об.

ханством, отношениями между центральным правительством и туркменами, с местными традициями и обычаями, с расстановкой политических сил, к тому же — решительный и довольно самоуверенный. В условиях нараставшего в хивинском обществе кризиса знание специфики ханства, его политической системы, истории «национального вопроса», особенно туркменского, понимание причин его обострения имело немаловажное значение. Заметим, что С. А. Галкин, к сожалению, далеко не всегда принимал решения, руководствуясь знаниями и опытом. Часто он оказывался в плену субъективных представлений, бездумно выполнял не соответствующие ситуации установки военной администрации Туркестанского края, в период похода в Хиве способствовал превращению своей миротворческой миссии в типично карательную.

10 февраля генерал-губернатор края Мартсон направил в Санкт-Петербург военному министру А. С. Сухомлинову телеграмму, в которой информировал о необходимости введения на всей территории Хивинского ханства и Амударьинского отдела военного положения. Несмотря на то что Хивинское ханство де-юре считалось суверенным и независимым государством, не подпадало под сферу действия российских законов, Совет Министров России одобрил предложение генерал-губернатора Мартсона⁵⁵ и в очередной раз продемонстрировал «особый» характер взаимоотношений с Хивой.

11 февраля генерал-губернатор Мартсон получил директиву за двумя подписями — военного министра А. С. Сухомлинова и министра иностранных дел С. Д. Сазонова. «Так как настоящее выступление туркмен, — говорилось в ней, — является, видимо, следствием проявленной к ним раньше мягкости, то представляется необходимым дать им ныне суровый урок. Само собой разумеется, что действовать надо наверняка. Какая-либо неудача с вашей стороны совершенно недопустима»⁵⁶. Судя по тону директивы, российские правящие круги весьма серьезно оценивали ситуацию в Хивинском ханстве и были убеждены, что волнения туркменских племен должны быть подавлены решительно, а власть Асфандияр-хана должна быть восстановлена любой ценой. Их не заботило, какой международный резонанс может вызвать это решение. Реакцию мировой общественности в условиях войны можно было не принимать во внимание.

Получив директиву из Петербурга, Мартсон 12 февраля отправил генерал-майору Галкину в Хиву секретную депешу с изложением тактики операции в Хивинском ханстве. В ней предписывалось: «В Петрограде решено ни в какие соглашения с иомудами не входить, дать им суровый урок, захватить Жюнейта⁵⁷ и его главных сторонников.

⁵⁵ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 29, 33.

⁵⁶ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 157.

⁵⁷ Так в тексте. Правильно: Джунайда. — *Примеч. авт.*

После покорения мятежников и восстановления порядка укрепить власть хана»⁵⁸. Об изменении статуса Хивинского ханства, пересмотре российско-хивинских отношений в документе ничего не говорится. Как видим, ведение с мятежниками каких-либо мирных переговоров не предусматривалось и в разрешении конфликта ставка делалась на силу. Причем далеко не последнюю роль в этом сыграл лично генерал-губернатор Мартсон, которому Ш. Келлер необоснованно приписывает некие заслуги в обеспечении «мирного урегулирования» туркменского вопроса, якобы «позволившего предотвратить их возможное возмущение в связи с размещением в Хиве на постоянной основе русского гарнизона»⁵⁹. Да, судя по фактам, он был против перевооружения ханской армии, ибо понимал, что рано или поздно это оружие попадет в руки антиправительственных сил — тех же туркменских ополченцев, пытался понять суть «туркменского вопроса». Но в данном случае генерал-губернатор Мартсон служил всего лишь одним из «винтиков» в механизме непрямого управления. Поэтому прав С. Беккер, который признает, что «непродуманные попытки Ташкента действовать в роли посредника только обостряли напряженность» в ханстве⁶⁰, ибо они не устраняли проблемы, а загоняли их вглубь социального организма хивинского общества силовыми методами. Но затем они вновь давали о себе знать, требуя очередного вмешательства извне. Так было и в этот раз.

13 февраля группировка генерала А. С. Галкина, дополненная еще 2 дружинами и 3 батареями, начала продвигаться к городу Хиве. Ее передовые части, соединившись с гарнизонами Ходжейли, Нукуса, Петро-Александровска, в тот же день переправились через Амударью и перешли на хивинскую территорию в районе Ханкинского и Хазараспского бекств. Казачьи сотни, дислоцировавшиеся в Ходжейли и Нукусе, чтобы добраться до столицы Хивы в обход, не входя в соприкосновение с превосходящими силами восставших и с минимальными потерями, наступали в направлении Мангитского, Гурленского и Шахабадского бекств. Благодаря тому что маршрут продвижения соединений группировки пролегал в основном по территории, которая не была охвачена восстанием, на всем пути следования она практически не встречала никакого сопротивления. Генералу Галкину удалось пройти по обширной территории Юга ханства и подойти к его столице, по существу, без боя и без единой потери. Из этого следует, что

---

⁵⁸ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 430.

⁵⁹ Keller S. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917—1941. Westport (Conn.); London, 2001. P. 35.

⁶⁰ Becker S. The Russian Conquest of Central Asia and Kazakhstan: Motives, Methods, Consequences // Central Asia: Its strategic importance and future prospects / Ed. by Hafeez Malik. New York, 1996. P. 34.

восстание было поддержано далеко не всеми оппозиционными силами, не носило общенародного характера. Его организаторам не удалось образовать единую коалицию и подвести под движение широкую социальную базу. Галкин воспользовался этим обстоятельством.

В литературе бытует утверждение, что уже 15 февраля туркмены покинули столицу, не вступая в соприкосновение с подходящим к городу крупным карательным отрядом генерала Галкина⁶¹. Документы, напротив, свидетельствуют, что первые бои с отборными силами иомудов произошли именно на подступах к столице и ее территории. В одной из докладных записок на имя генерал-губернатора края Мартсона полковник Колосовский, чей гарнизон в то время находился в Хиве в окружении, прямо заявляет, что «Джунаид не хотел отдавать Хиву и сопротивлялся почти 2 дня. Днем 15 февраля Хива была очищена русскими»⁶². О нежелании предводителей иомудов сдать город и покинуть его без боя свидетельствует и тот факт, что они казнили Матвафу Баккалова, начальника канцелярии диванбеги Абдулла-бая, а также еще одного из ханских сановников — Кадырбергана-махрама⁶³ уже после подхода к Хиве группировки генерала Галкина, то есть 14 февраля. Так что вряд ли можно говорить о мирном переходе города из рук восставших к российским частям. Не доверять полковнику В. П. Колосовскому, который был не просто очевидцем, а непосредственным участником событий февраля 1916 г., никаких серьезных причин для дезинформирования военного руководства Туркестанского края не имел, нет оснований.

Ожесточенные бои за освобождение Хивы шли не только 14—15 февраля. По данным архивных материалов, специальные подразделения вели очистку города от остатков повстанцев и в течение 16—20 февраля⁶⁴. Не исключено, что на этом этапе войсковые операции не проводились, а выполнялись исключительно полицейские функции: выявлялись сторонники Джунаид-хана, агенты иностранных спецслужб и вдохновители восстания.

Не дожидаясь завершения операции по освобождению столицы ханства, 15 февраля генерал Галкин бросил основные силы группировки на преследование и уничтожение соединений повстанческих отря-

---

⁶¹ См.: *Ненесов Г. И.* Из истории Хорезмской революции... С. 67; *Погодельский И. В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства... С. 108.

⁶² ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 41.

⁶³ Это имя называет в своих воспоминаниях Д. Бабаниязов (О Хорезмской революции... С. 5 об.). Вероятно, Кадырберган-махрам был связан с похищением и убийством в январе 1916 г. в Хиве дочерей мангитского кузнеца Палванова и ходжейлийского мясника Юсупова. — *Примеч. авт.*

⁶⁴ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 435.

дов как иомудов, так и других сочувствующих им племен и родов. Первое крупное сражение между российским отрядом и туркменскими формированиями произошло на границе Газаватского и Тахтинского бекств, где Джунаид-хан сосредоточил хорошо вооруженные и более боеспособные иомудские отряды, надеясь остановить части карателей. Это не удалось. На повстанцев, занявших оборону среди барханов, обрушился мощный ураганный огонь из всех орудий и пулеметов. После продолжительной огневой подготовки в бой вступили казацкие сотни и пехота. На линии огня они натолкнулись лишь на редкие одиночные выстрелы. Джунаидовцы, не ожидавшие столь мощного артиллерийско-пулеметного обстрела, разбежались в панике, потеряв только убитыми до 300 джигитов. Часть джигитов попытались укрыться на местном кладбище, где их настигли наступающие. Общие потери группировки генерала Галкина за время боев оказались минимальными: 2 убитых и 3 раненых.

Продолжая преследование отступающих, части генерала Галкина 19 марта вступили в Тахты — административный центр одноименного бекства, населенного главным образом туркменами. Они разгромили стоянки племен орсукчи, салак и окуз, хотя на стороне Джунаид-хана в восстании участвовали в основном только воины племени орсукчи. Здесь, в Тахты, Галкин впервые встретился с делегацией туркменских мухрдаров, которая прибыла для ведения мирных переговоров. Он потребовал от племен и родов безоговорочно сложить оружие, выдать военно-полевому суду зачинщиков восстания, возратить имущество, награбленное у населения Хивы, Нового Ургенча, Ханков и других городов, возместить все материальные потери, связанные с боевыми операциями российских частей, беспрекословно подчиниться центральному Хивинскому правительству. Для выполнения условий ультиматума предводителям туркменских племен и родов было дано всего три дня⁶⁵. С основными условиями капитуляции они согласились в процессе переговоров и выразили готовность заключить перемирие.

23 марта 1916 г. в Тахты начали поступать первые партии оружия и боеприпасов, имущества, экспроприированного у населения южных городов во время восстания. К 14 апреля тахтинскими туркменами, родами и племенами из соседних бекств было сдано около 2,2 тыс. единиц винтовок, 25 тыс. патронов к ним, 500 лошадей, 250 верблюдов, 300 голов крупного рогатого скота, 40 арб и т. п. Племенем орсукчи было внесено в счет военной контрибуции 13 270 руб., салак — 12 567 руб. и окуз — 9292 руб.

Не удовлетворившись темпами сдачи оружия и выплаты контрибуции, генерал Галкин во второй половине апреля направился во главе группировки в Ильялыинское бекство, затем — в Куня-Ургенчское, от-

⁶⁵ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 158.

туда — в Ходжейлийское и Порсынское бекства. Весь путь следования карательного отряда был отмечен погромами и поджогами аулов и кочевий, арестами и казнями. В Ильялы туркменское население выплатило 65 тыс. руб., в Ходжейли — 100 тыс. руб., собрало и передало имеющееся у него огнестрельное и холодное оружие, сдало в качестве компенсационной выплаты сотни голов крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов, товароматериальные ценности. Всего к моменту завершения карательной операции российские части конфисковали в регионах, населенных в основном туркменскими племенами и родами, 6 тыс. единиц огнестрельного оружия, в том числе 3,5 тыс. — находившихся в исправном состоянии, десятки тысяч патронов, сабель и другого военного снаряжения, более 1,3 млн. руб. деньгами, а также вещами — до 300 тыс. руб.⁶⁶

2 мая 1916 г. генерал-майор С. А. Галкин телеграфировал генерал-губернатору края Мартсону о полном восстановлении в Хивинском ханстве порядка⁶⁷. Однако выполнить главную задачу, возложенную на него российскими военными и внешнеполитическими ведомствами, ему не удалось: Джунаид-хан и его ближайшие сподвижники не были схвачены и укрылись в соседней Персии. В результате угроза новых попыток поднять восстание сохранилась. Она усиливалась тем, что в период проведения карательных акций, взыскания с туркмен военной контрибуции и применения других мер воздействия никаких различий между активными и пассивными участниками восстания не делалось. Командование группировки российских частей не пыталось выявить среди племен сторонников и противников антиправительственного выступления, провести между ними разделительную черту. Известно, что не все его участники поддерживали Джунаида, находясь в оппозиции к ханскому правительству. Тем не менее карательные операции коснулись и их, что в конечном итоге обусловило усиление антирусских настроений даже среди лояльных к российской администрации туркменских племен и родов.

Командование группировки упустило из виду такую важную задачу, как раскрытие сети иностранной агентуры, действовавшей в Хивинском ханстве, перекрытие каналов поступления контрабандного оружия. Ее решением занимался лишь полковник Колосовский. Уже после отъезда генерала Галкина в Ташкент, 11 мая 1916 г., он послал генерал-губернатору края секретную телеграмму, в которой подробно рассказывал о деятельности зарубежных спецслужб в Хиве, приводил имена агентов, оказывавших в ханстве содействие восстанию Джунаид-хана, и его ближайших соратников, сыгравших свою роль в организа-

---

⁶⁶ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, л. 157—160; Карнов Г. И. и Бацер Д. М. Хивинские туркмены... С. 130.

⁶⁷ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 340, л. 435—435 об.

ции антиправительственного вооруженного выступления. Так, полковник Колосовский считал необходимым «выслать за вредное воздействие на Джунаид-хана» жителя Асхабадского уезда Ходжанепеса Ахун-ишана; крымского татарина местного учителя Юсуфа Ахметова; оренбургского татарина отставного матроса русского флота муллу Рамазана Сайдашева; персидского торговца главного организатора поставок туркменам оружия и боеприпасов из Персии Ага Алиева, проживавшего в Новом Ургенче; его помощника Мухаммеда Али, не имевшего определенного места жительства; проживавшего в городе Питняке Хезрета Султана, выдававшего себя за родственника турецкого султана⁶⁸. К сожалению, имеющиеся документы не позволяют проследить реакцию на секретную депешу канцелярии генерал-губернатора края. На ней нет привычной для подобного рода бумаг резолюции. Нельзя исключать, что докладная осталась незамеченной среди множества депеш. Тем более что очень скоро в Туркестанском крае и России в целом политическая ситуация резко обострилась: в ряде областей генерал-губернаторства вспыхнули восстания в знак протеста против призыва местного населения в соответствии с распоряжением Министерства внутренних дел № 18991 от 28 июня 1916 г. на работы в тылу российской армии. Возможно, что и сам В. П. Колосовский, назначенный осенью 1916 г. начальником Амударьинского отдела, принял какие-то меры по пресечению деятельности в Хивинском ханстве иностранных спецслужб. Для этого он обладал всеми необходимыми полномочиями.

Какова роль в событиях 1916 г. «Революционного союза» младохивинцев? Документы свидетельствуют, что его лидеры, в немалой степени способствовавшие подъему «январского» мятежа бедноты Ходжейлийского, Мангитского и ряда других бекств под руководством Овез-бия, февральскому восстанию Джунаид-хана, безоговорочно вставшие на его начальном этапе на сторону предводителей иомудов, после прихода в Хиву российских войск сразу переметнулись в другой лагерь. Они принимали непосредственное участие в проведении карательных операций. Г. И. Карпов и Д. М. Бацер в своей книге приводят любопытные материалы, раскрывающие ренегатство лидеров «Революционного союза». Так, например, диванбеги Хусаин-бек, претендовавший на пост «президента Хивинской республики», находился в составе военно-полевого суда при штабе генерала Галкина. 13 апреля по его распоряжению в Ходжейли были казнены, по выражению Галкина, «8 выдающихся мятежников», в том числе руководители январского мятежа бек Овез-бий, его брат Махмудходжа и Исамеддин-ишан, освобожденные из ханского плена во время взятия Хивы Джунаид-ханом. А в Ильялыном бекстве 18 апреля были повешены по обви-

---

⁶⁸ ЦГА РУ, ф. И-1, оп. 31, д. 1104, ч. 1, л. 65.

нению в участии в восстании мухрдар рода имрали и сопровождавшие его пять представителей рода, добровольно прибывшие для сдачи контрибуции. 22 апреля по этому же стандартному обвинению в Ильялы были казнены еще 19 человек. В Мангитском бекстве в конце апреля были повешены 11 человек, в Гурленском — 7. Десятки были приговорены к смертной казни в Газаватском, Порсынском, Манакском, Куня-Ургенчском бекствах и др.⁶⁹ Все они подозревались в участии в антиправительственном восстании, хотя подавляющее большинство из них или просто не имели отношения к движению Джунаид-хана, или принимали участие в вооруженном восстании под давлением родоплеменных вождей, слепо подчиняясь традиционализму. Что касается его главных организаторов и руководителей, то они, как и прежде, избежали наказания.

Ренегатство лидеров младохивинского «Революционного союза» и их деятельное участие в проведении карательных операций в составе группировки генерал-майора С. А. Галкина обнажили истинное лицо хивинской национальной буржуазии. Находясь в оппозиции к режиму Асфандияр-хана, выступая за его свержение, обновление политических институтов страны, она в то же время не была способна на самостоятельные конструктивные действия. Поддержав в январе 1916 г. мятеж Овез-бия с тем, чтобы таким образом оказать давление на Асфандияр-хана, а затем после подавления волнений заключив союз с Джунаид-ханом в надежде, что на его штыках удастся пробиться к власти, Хусаин-бек Матмурадов, другие лидеры младохивинцев при первой же угрозе их собственным политическим и экономическим интересам, стратегическим целям тут же переметнулись на сторону своих противников. Чтобы выслужиться перед Асфандияр-ханом и российской колониальной администрацией в регионе, которую представлял генерал С. А. Галкин, лидеры «Революционного союза» встали на путь предательства не только вчерашних союзников, но и национальных интересов, окончательно дискредитировали себя участием в массовых казнях повстанцев. Таким образом, они вновь продемонстрировали неустойчивость своей позиции, готовность к перемене принципов в зависимости от политической конъюнктуры, степени стабильности правящего режима. Интересы народных масс при этом не учитывались, что всегда было характерно для национальной буржуазии.

Касаясь общей характеристики восстания 1916 г. в литературе, приходится признать, что среди авторов нет единой точки зрения по целому ряду принципиальных вопросов. Г. И. Непесов делит его развитие на два этапа и считает, что «движение участников первого этапа восстания, несмотря на феодально-династические устремления и на нерешительность их руководителей, объективно носило освободитель-

---

⁶⁹ См.: *Карпов Г. И. и Бацар Д. М. Хивинские туркмены...* С. 127—131.

ный характер, ибо требовало свержения Асфандияр-хана — ставленника русского царя; оно было объективно прогрессивным явлением, ибо потребовало перехода в русское подданство как единственный выход из средневековой отсталости»⁷⁰.

По мнению И. В. Погорельского, «правильнее было бы это восстание считать проявлением кризиса колониальной политики самодержавия в Туркестане и колониально-ханского режима в Хиве»⁷¹. Вместе с тем он согласен, что на первом этапе (до февраля 1916 г., когда в борьбу вступили отряды Джунаид-хана, и до захвата им и реакционным духовенством руководства движением) оно носило прогрессивный характер, ибо «массы узбекского и каракалпакского населения, часть хивинских чиновников и хивинской буржуазии, выступая против крайностей деспотического режима хана, требуя его замены или перехода в русское подданство, объективно боролись за демократизацию общественного строя, установление элементарной законности и свободу буржуазного развития»⁷².

«События 1912, 1915—1916 гг., — читаем в книге Т. Г. Тухтаметова, — были реакционными, антинародными, ничего общего не имеющими с национально-освободительным движением трудящихся». Они «были типичной феодальной усобицей, борьбой за власть между двумя феодальными кликами Хивинского ханства»⁷³, то есть узбекской и туркменской правящей верхушкой и феодальной элитой.

А. С. Садыков согласен с тем, что восстание 1916 г. в ханстве прошло в своем развитии два этапа: прогрессивный, завершившийся в январе, и реакционный, который начался в феврале, когда руководство им перешло в руки Джунаид-хана. Развивая эту мысль, автор добавляет: «Восстание 1916 г. показало, что трудящиеся массы кишлака и аула еще полностью не освободились из-под влияния „своих“ баев и мулл. Оно показало также двойственную предательскую политику феодалов, которые сразу нашли общий язык с царскими генералами, за что трудящиеся подверглись репрессиям»⁷⁴.

А. Кошчанов и Н. Палванов, анализируя побудительные мотивы и ход массовых волнений 15 января 1916 г, отмечают два фактора, с их точки зрения, давшие им импульс: с одной стороны, пущенность на самотек управления страной Асфандияр-ханом, порушенность принципов справедливости и шариата, а с другой — попытки российских колониальных властей различными путями практически взять в свои

---

⁷⁰ *Ненесов Г. И.* Из истории Хорезмской революции... С. 63.

⁷¹ *Погорельский И. В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства... С. 115.

⁷² Там же. С. 119.

⁷³ *Тухтаметов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 91, 92.

⁷⁴ *Садыков А. С.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. С. 174, 175, 181.

руки управление государством. добиться перемен в ханстве по-своему, с точки зрения колонизации, своей идеологии, не соответствующей условиям мусульман, противоречащей обычаям и традициям⁷⁵. Поэтому, заключают авторы, волнения отразили «протест против деспотизма хана и его сановников, а также российских колонизаторов»⁷⁶. Взгляд, заметим, в некоторой степени нетрадиционный, пытающийся позитивизировать политику и ханского правительства, и российской колониальной администрации, но, к сожалению, мало что проясняющий в стратегии и тактике самих январских волнений в Хивинском ханстве.

Несмотря на различия в подходах к оценке характера восстания 1916 г., большинство авторов единодушны в том, что оно протекало в два этапа — прогрессивный и регрессивный, при этом в качестве четкой разграничительной черты между первым и вторым определяют переход руководства в руки Джунаид-хана. Лишь И. В. Погорельский пытался конкретизировать суть каждого из этапов, обращаясь к характеру тех задач, которые на нем решались. Так, прогрессивность первого он связывал с выдвижением требований о замене деспотического режима хана, переходе в русское подданство и демократизации общественного строя, а также с введением законности, предоставлением свободы буржуазного развития. Резко контрастирует с этим точка зрения Т. Г. Тухтаметова, который отвергает деление хода развития восстания 1916 г. на этапы, и более того, антиханские выступления 1912, 1915—1916 гг. рассматривает как звенья одной и той же цепи — феодальной междоусобицы.

Внимательное изучение антиправительственных волнений 1916 г., их движущих сил, стратегических целей и тактики осуществления позволяет сделать вывод, что авторы без серьезных оснований смешивают два совершенно разных социально-политических явления — январские волнения под руководством Овез-бия и февральское вооруженное восстание Джунаид-хана. Они, и в этом нет сомнений, имели немало схожих черт. Источники свидетельствуют, что поводом для январских волнений, как уже отмечалось, послужило зверское убийство ханом двух несовершеннолетних девушек, вызвавшее сильную волну негодования среди населения Ходжейлы и Мангита. Этот факт, бесспорно, вполне мог дать импульс давно назревавшему среди широких масс недовольству антинародным режимом Асфандияр-хана. Но очевидно и то, что волнения, продолжавшиеся 14—18 января, изначально носили *стихийный* характер, не выходили за пределы традиционных дехканских выступлений. Их участники действительно требовали отречения Сеида Асфандияр-хана от престола. Подобного рода

---

⁷⁵ См.: Кошчанов А., Палванов Н. Социально-политические течения и движения в Хорезме... С. 224.

⁷⁶ Там же. С. 225.

попытки предпринимались и до них. А вот утверждать, что массы «объективно боролись за демократизацию общественного строя, установление элементарной законности и свободу буржуазного развития», достаточных оснований нет. Под «демократизацией», как правило, подразумеваются вполне конкретные принципы политического и социально-экономического характера, а под «законностью» — определенные нормы общепризнанного права, под «свободой буржуазного развития» — изменение курса правительства. Были ли массы готовы не только к предъявлению, но и к восприятию этих требований именно в тот период? Пока нет. Потому они не могли их сформулировать, свести в программу и добиться реализации. Стихийностью и полным отсутствием конкретного руководства действиями объясняется легкость передачи инициативы в руки В. П. Колосовского и Асфандияр-хана, а также то, что участники волнений, несмотря на численное превосходство, не пытались освободить силой арестованных лидеров — Овез-бия, его брата Махмудходжу, Исамеддин-ишана и других, фактически бросили их на произвол судьбы. Вот почему антиправительственные волнения были подавлены без особого напряжения и применения войск, а в конечном итоге завершились провалом.

Восстание под руководством Джунаид-хана, начатое 9 февраля, от январских волнений отличалось принципиально. Во-первых, тем, что оно тщательно готовилось и изначально носило характер военной операции, направленной против Сеида Асфандияр-хана и его правительства и на вооруженный захват власти в стране. Во-вторых, главную движущую силу волнений 14—18 января составляли представители преимущественно бедняцких и середняцких слоев — безземельные и малоземельные дехкане, кустари и ремесленники, небольшая часть мелкой буржуазии, выражавшие интересы основной массы населения ханства. Что касается вооруженного восстания Джунаид-хана, то оно опиралось на родоплеменную элиту, на профессиональных воинов племен и родов, подавляющее большинство которых находились на привилегированном положении. Несомненно, в нем принимала участие и определенная часть бедняцко-средняцкой массы, не ставившая перед собой тех или иных политических целей и слепо следующая за «народными вождями», окруженными ореолом стойких «освободителей от тирании», а также элитой мусульманского духовенства, стремившейся удовлетворить собственные экономические потребности. Таким образом, социальная база восстания была слаба, не охватывала все *основные* группы и слои населения ханства. Она аккумулировала интересы местной феодально-клерикальной элиты и представляла собой орудие удовлетворения их амбиций на власть и лидерство в обществе.

В-третьих, восстание Джунаид-хана было спланировано и направлялось иностранными спецслужбами. Попирая нормы международно-

го права, они вмешивались во внутренние дела Хивинского ханства, покушались на его суверенитет и независимость, территориальную целостность. А январские волнения были инициированы не внешними, а внутренними факторами и не имели никакой связи с деятельностью иностранных спецслужб.

В-четвертых, захватив 13 февраля Хиву, Джунаид объявил себя хивинским ханом, взял в свои руки бразды правления государством, свергнув легитимное правительство и нарушив принцип наследственности и преемственности власти. А участники январских волнений требовали лишь добровольной передачи власти другому наследнику — Сеиду Абдулла-туре.

Этот перечень можно продолжить. Но в этом нет необходимости. Изложенное, на наш взгляд, весьма отчетливо раскрывает отсутствие каких-либо прямых связей между волнениями, происшедшими в ханстве 14—18 января 1916 г., и вооруженным восстанием иомудов под предводительством Джунаид-хана. Они представляли собой самостоятельные политические и социальные процессы и не могли быть «этапами» некоего не существовавшего «единого целого».

Спорным является и утверждение о «прогрессивности» январских волнений. Для подобных выводов нет достаточных оснований. Степень прогрессивности или регрессивности того или иного общественно-политического движения определяется его программными целями, их соответствием потребностям ускорения общественного прогресса и влиянием на массовое общественное сознание, характером конечных результатов, которые были достигнуты в ходе борьбы масс. Волнения 14—18 января были направлены против режима Асфандияр-хана и добивались замены его другим ханом. Этим исчерпывался *весь* позитивный потенциал движения. Ни иных экономических или политических требований, ни четкой программы, отражающей назревшие проблемы преодоления хозяйственной отсталости и введения демократических свобод, у участников волнений, в том числе их лидеров, не было. Так можно ли с полным основанием говорить о «прогрессивном» характере событий 14—18 января 1916 г., если их единственной и в общем-то приоритетной целью являлись лишь *сохранение традиционных институтов феодальной государственной власти, замена одного абсолютного монарха — другим?* Думается, в данном случае ответ напрашивается сам собой.

Недостаточно убедительной представляется и попытка ряда авторов представить сложную цепь событий 1912, 1915—1916 гг., в том числе восстание под предводительством Джунаид-хана, реакционным, антинародным движением или просто феодальной междоусобицей. Важно, на наш взгляд, иметь в виду, что восстание Шаммы-каля было вызвано прежде всего дискриминационной *экономической* политикой ханского правительства, его нежеланием провести земельно-водную и

налоговую реформы в районах, населенных туркменскими племенами. Участники восстания боролись за экономические права и выдвигали экономические требования. Поэтому его вряд ли, несмотря на личную самого Шаммы-каля, можно квалифицировать как «феодалную междоусобицу», тем более видеть в ней некие элементы антинародности.

При поверхностном рассмотрении восстание Джунаид-хана действительно аккумулирует в себе признаки реакционности: оно было нацелено на вооруженный захват власти в стране, направлялось иностранными спецслужбами и не имело ничего общего с интересами народных масс. Главное, на наш взгляд, заключается не в этом, а в том, что антиправительственное вооруженное выступление иомудов, других туркменских племен под предводительством Джунаид-хана, относительно легкий переход в его руки, пусть на сравнительно короткое время, управления государством весьма контрастно позитивизировали глубину кризиса «верхов» в Хивинском ханстве и неспособность правящих кругов контролировать ситуацию в стране, отсутствие какой бы то ни было реальной поддержки ханскому режиму среди не только «низов», представленных огромной массой бесправных дехкан и рабочих, но и среднего сословия, в том числе мелких заводчиков, торговцев, кустарей, ремесленников и др. Отсюда — беспрепятственное, по сути, продвижение восставших по территории ханства, овладение ими важнейшими экономическими центрами страны и самой столицей — Хивой. Ни в январе, ни в феврале 1916 г. в ханстве не нашлось такой серьезной политической силы, которая бы хотела и могла мобилизовать массы, дать организованный отпор вооруженным мятежникам, отстоять законно избранную власть. Если «низам» судьба режима Сеида Асфандияр-хана, ханского правительства в целом была абсолютно безразлична, то «верхи» предпочли переметнуться на сторону сильнейшего — Джунаид-хана, а когда пошатнулись и его позиции — сразу же предстать перед генерал-майором Галкиным в образе «невинно пострадавших» и содействовать проведению карательной операции в надежде на получение компенсации за нанесенный им ущерб.

Что касается роли России в событиях 1916 г., то она впервые после 1873 г. открыто прибегла к демонстрации силы, заявила о решимости защищать распадающийся феодальный государственный строй, легитимное ханское правительство и не допустить дестабилизации политической обстановки в Хивинском ханстве. Это знаменовало переход отношений между Россией и Хивой в новую плоскость. Правительства сопредельных государств, их правящие круги, вовлеченные в осуществление агрессивных планов западных держав, должны были извлечь из этого факта соответствующие выводы и прекратить постоянные вмешательства во внутренние дела ханства.

Отличавшиеся неслыханной жестокостью карательные операции группировки генерал-майора С. А. Галкина, по сути — российской во-

енно-политической верхушки, должны были надежно гарантировать наступление стабильности в хивинском обществе и обезопасить ханское правительство. На деле они органически способствовали дальнейшей дифференциации социально-политических сил, усилению антиханских настроений. Широкие массы получили наглядный урок общности интересов царского правительства, его региональной администрации и хивинских властей, убедились в готовности правящей элиты, в том числе крупной и части средней национальной буржуазии идти на любые компромиссы с режимом во имя отстаивания своих классовых привилегий.

Нарастание негативных тенденций в хивинском хозяйстве

В честь решающей победы над Джунаид-ханом под Тахтами еще 10 марта 1916 г. в Новом Ургенче на добровольные пожертвования состоятельных заводчиков и купцов А. П. Платонова, К. М. Черникова, М. Баккалова, Т.-Д. Г. Салимджанова и других предпринимателей была основана первая в ханстве Свято-Николаевская церковь. На собрании прихожан, состоявшемся в тот же день, было заявлено, что вскоре она станет «той ячейкой, которая может превратиться в крупную организацию, вокруг которой расцветет широкая христианско-общественная и благотворительная жизнь нового, обновленного прихода»⁷⁷. И это предвидение сбылось.

Летом 1916 г. в столице ханства — Хиве завершились последние отделочные работы в новой резиденции Сеида Асфандияр-хана — во дворце Нуруллабай в Дишан-кале. Зал аудиенций — *куруныши-хана* был оформлен в стиле строгой классической русской архитектуры, но с соблюдением вековых традиций хивинского национального градостроительного искусства. Потолки просторного, с широкими «петербургскими» окнами, аудиенц-зала вместо майолики были украшены резьбой по ганчу с позолотой и росписью, стены — огромными зеркалами. Изяществом отличались и каминные, покрытые плитками с орнаментальными рисунками, изготовленными по специальному заказу архитекторов на Императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге. А недалеко от дворца Нуруллабая среди невысоких строений выделялся здания почты и телеграфа, больницы имени цесаревича Алексея, также построенные в классическом русском стиле.

Тесное сочетание в градостроительной практике элементов российского и хивинского традиционализма — явление не случайное. Оно как бы символизировало единство России и Хивинского ханства,

---

⁷⁷ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 41, 193.

их общность. Эту мысль подчеркивали и основание Свято-Николаевской церкви и размещение в столице ханства российского гарнизона, состоявшего из 236-й пешей Симбирской дружины, 23-й Туркестанской легкой передвижной батареи и 3-й Уральской казачьей сотни⁷⁸. Столь широкое и демонстративное «присутствие» России в ханстве без противодействия со стороны хивинских властей указывало на то, что договор 1873 г. выполнил свою миссию: подготовил необходимые социально-политические, экономические и духовные предпосылки для перехода от системы *непрямого* управления к *прямому* при сохранении де-юре статус-кво Хивы. Последнее было особенно важно по двум причинам: во-первых, правительство России как бы вновь заявляло о соблюдении нейтралитета в отношении Хивы и невмешательстве в ее внутренние дела, снимало с себя ответственность за последствия политики ханского правительства; во-вторых — оно лишало Англию, Германию, Турцию, Персию и других оппонентов возможности обвинить его в колонизаторских устремлениях.

Расширение российского присутствия в Хивинском ханстве, осуществлявшееся последовательно и поэтапно в течение почти полувека и принявшее конкретные формы в 1916 г., не привело к коренным изменениям ни в системе политической надстройки, экономического базиса хивинского общества, ни в состоянии производительных сил и производственных отношений. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что сформировавшаяся взаимосвязь экономической и политической структур России и Хивы придавала бо́льшую, чем в метрополии, остроту кризисным явлениям в ханстве.

Особенно восприимчивой к внешнему воздействию оказалась экономика ханства. Хивинское хозяйство, как и российское в целом, переживало острый кризис, который проник практически во все сферы общественного производства. Дехканские волнения начала 1916 г., охватившие многие бекства, вооруженное восстание ряда туркменских племен и родов под предводительством Джунаид-хана, карательные операции группировки генерал-майора Галкина усугубили последствия дестабилизации торгово-экономических связей между Россией и Хивой, вызванной первой мировой войной. Углубление хлопковой монокультуризации производства, четко обозначившееся в 1914—1915 гг., обусловило сокращение инвестиций в национальную экономику и концентрацию их на узких направлениях, связанных с производством прибыльной экспортоориентированной продукции. Это дало существенный импульс инфляционным тенденциям и падению курса рубля, являвшегося единственным средством взаиморасчетов между производителями и потребителями, усилило неравномерность внутреннего развития.

---

⁷⁸ ЦГА РУ, ф. Р-722, оп. 1, д. 370, л. 50.

В январе 1916 г. в Хивинском ханстве грянул невиданный доселе финансовый кризис. По сведениям Хивинской конторы «Большой Ярославской мануфактуры», на ее текущих счетах в Русско-Азиатском банке лежали без всякого движения, то есть оказались заморожены, 23 тыс. руб., а в Петро-Александровском казначействе — 20 тыс. руб. Как сообщал в Ташкент доверенный «Большой Ярославской мануфактуры» В. С. Ковалев, эти огромные средства «для дела конторы были совершенно не нужны»⁷⁹. Аналогичная ситуация была характерна и для других торгово-промышленных, финансовых объединений и фирм, осуществлявших финансовые операции в сфере внешней и внутренней торговли, производства и услуг.

Девальвация рубля отразилась на кредитных операциях финансовых объединений, торговых и промышленных фирм. Как известно, после 1903 г., когда вопросы конвертации теньги были решены в обоюдных интересах России и Хивы, большинство из них предоставляли состоятельным хивинским предпринимателям (заводчикам, торговцам, крупным землевладельцам и др.) значительные средства в кредит для оптовой закупки на российском внутреннем рынке товаров и изделий, для проведения в ханстве торгово-закупочных операций с товарами сырьевой группы, идущими на экспорт. По некоторым подсчетам, в среднем за год сумма кредитов, полученных хивинскими предпринимателями в самой России, Туркестанском крае и ханстве от российских банков, промышленных фирм, торговых домов и оптово-закупочных контор, зачастую достигала 200—350 тыс. руб., а порой доходила и до 1 млн. руб.

В 1916 г. выдача кредитов товаропроизводителям отделениями банков и торгово-промышленных объединений, за исключением лишь операций с хлопковыми семенами, оказалась практически свернута не из-за отсутствия спроса, а из-за увеличения риска невозврата в связи с финансовой несостоятельностью клиентов. Так, «Большой Ярославской мануфактуре», которая являлась одним из крупных кредиторов хивинских дехкан-хлопкоробов, а также торговцев, разные лица были должны в апреле 1916 г. только 4588 руб.⁸⁰ Можно предположить, что из них 3908 руб. составляли «семенные» кредиты, которые Хивинская контора предоставила накануне посевной, и только 680 руб. были выделены для других целей. Многие клиенты сами отказывались от услуг Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка, закрывали в нем свои счета и сворачивали операции. Если в конце 1914 г. суммы, находившиеся во вкладах физических лиц, здесь сократились почти в 20 раз, то в 1916 г. они оказались на нулевой отметке. В итоге в об-

---

⁷⁹ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 3.

⁸⁰ Там же, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 74.

ращение хлынули не обеспеченные товаром денежные массы. объем которых не поддавался учету и контролю.

Поток не востребованной денежной массы возрстал стремительно и привел к сильнейшей инфляции, росту цен и разгулу спекуляции. В марте 1916 г. в ханстве произошло скачкообразное повышение розничных цен на основные виды продовольственных товаров. В городе Хиве стоимость фунта картофеля подскочила до 2,5 руб., муки пшеничной 1-го сорта — до 5 руб., мяса бараньего — до 10 руб., а бараньего сала — до 14 руб., мяса говяжьего — до 9,4 руб., масла коровьего — до 80 коп. В некоторых других городах, например Новом Ургенче и Ташаузе, они стоили еще дороже.

В мае цены на основные продукты питания вновь поднялись. На рынках города Хивы фунт картофеля продавался по 5 руб., муки пшеничной полубелой (2-го сорта) — по 4,2 руб., баранины — по 12 руб., бараньего сала — по 16 руб., говядины — по 10 руб., коровьего масла — по 1,5 руб., лука — по 20 коп., капусты — по 40 коп.⁸¹ Часть продуктов оказались практически недоступны для подавляющей массы населения — городской и сельской бедноты, с трудом сводившей концы с концами.

Цены повысились не только на продовольствие, но и на многие товары повседневного спроса, особенно импортируемые из России, поступающие из Туркестанского генерал-губернаторства, Бухары и других соседних регионов. В. С. Ковалев в марте 1916 г. сообщал правлению «Большой Ярославской мануфактуры» в Ташкенте о безудержном росте розничных цен на все основные продукты питания и товары, особенно на ввозимые извне. При этом он обращал внимание на слабый контроль за ценами со стороны ханского правительства и широкое распространение спекуляции. «Что касается тех предметов, которые доставляются из России, — особо отмечал В. С. Ковалев, — таковы цены необъяснимые, продавцы что только хотят, то и берут, тем более [что] здесь для спекуляции большой простор, так как нормировок устанавливать некому: хивинские власти бессильны, а русским властям теперь не до этого»⁸².

Из-за падения платежеспособности рубля доминирующая часть дехканских хозяйств, в том числе и безземельных, арендовавших падшалачные, вакуфные или мульковые земли, на которых выращивались экспортные технические культуры, в частности хлопок-сырец, многие мелкие кишлачные товаропроизводители, специализировавшиеся на обработке сырой кожи и шерсти, производстве паласов, ковров и ковровых изделий, поставляемых на внешние рынки, не желали за-

⁸¹ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 46; ГАХО, ф. «Коллекция хивинских документов», п. 1, л. 69.

⁸² Там же, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 46.

ключать кредитные договора и соглашения с российскими промышленниками, торгово-закупочными конторами, фирмами и местными предпринимателями. Они опасались дальнейшего падения реальной стоимости хлопкового сырья и товаров ремесленно-кустарного производства из-за продолжающейся инфляции и обесценения рубля. В конце финансового года, когда предстояло расплачиваться по долгам, это грозило обернуться для них неплатежеспособностью и банкротством.

В поисках выхода из кризисной ситуации и для укрепления своего экономического положения большинство дехканских хозяйств предпочли переключить ресурсы на производство продовольственных культур. К этому их побуждали, с одной стороны, инфляция, а с другой — сокращение импорта из России, в том числе и Туркестанского края, целого ряда продовольственных товаров (пшеницы, муки, растительного масла и т. п.), рост спроса на внутреннем рынке на основные продукты питания. Линию на перепрофилирование производств поддерживала доминирующая часть местных деловых кругов, которые были заинтересованы в наполнении внутреннего рынка конкурентоспособной и сулящей прибыли продукцией. Этого можно было добиться путем переустройства структуры национальной экономики и решительной переориентации всех инвестиционных потоков на стимулирование ускоренного развития продовольственных отраслей.

Несмотря на отсутствие помощи государства, острейшую нехватку финансовых накоплений и противодействие крупного российского и хивинского капитала, специализировавшегося на вывозе из ханства хлопкового волокна и не желавшего радикальных перемен в традиционной структуре производства, в 1916 г. большинство дехканских хозяйств энергично переориентировались на производство продовольственных и некоторых сопутствующих культур. Под них были отведены значительные земельные угодья. Площади под зерновыми всего за один год увеличились до 97 345 десятин и достигли под пшеницей 75 тыс., джугарой — 31,9 тыс. десятин. Для возрождения севооборотов и укрепления кормовой базы животноводства под люцерники было отведено около 35,3 тыс. десятин⁸³. В целом продовольственные и кормовые культуры, таким образом, заняли свыше 164,5 тыс. десятин, или более половины всех поливных земель.

Практика показала оправданность изменения приоритетов при выборе направлений социально-экономического развития. Сокращение хлопководности, временный отказ от значительной части валютных поступлений в Хиву, которые давала отрасль, позволили сломать старую и создать новую структуру аграрного производства, сделать прорыв к улучшению обеспечения ханства продовольствием и наращиванию кормовой базы животноводства.

---

⁸³ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 30.

Несмотря на крайнюю отсталость материально-технической и научной базы сельскохозяйственного производства в Хивинском ханстве, трудоемкость возделывания культур в условиях засоленности почв, неустойчивое водоснабжение пашни, хивинские дехкане выращивали высокие урожаи. С каждого танапа они получали в зависимости от зоны возделывания и состояния почв от 30 до 100 пудов пшеницы, 75 пудов риса, 125 пудов джугары, а также около 40 пудов ячменя, до 30 пудов семян люцерны, что было значительно выше, чем, к примеру, в Бухарском эмирате и Туркестане. Благодаря этому в стране среднегодовые валовые сборы пшеницы составляли свыше 3,5 млн. пудов, джугары — около 2,1 млн., риса — 3,5 млн., ячменя — 367,7 тыс., гороха — 506,4 тыс. пудов и проса — 1,34 млн. пудов⁸⁴. Но из-за высокой концентрации в руках феодальной олигархии основной массы продовольственных ресурсов, отсутствия у ханского правительства четкой продовольственной политики, нарушения принципов социальной справедливости при распределении продуктов питания с учетом демографической ситуации и специфики различных регионов в ханстве продовольственные кризисы наблюдались систематически, голод охватывал обширные районы, вызывал массовые миграции населения за пределы страны.

Производство продуктов питания сулило немалую экономическую выгоду. Оно оказалось куда более доходным делом, чем выращивание хлопчатника или других технических культур. По подсчетам специалистов, если в 1916 г. стоимость 1 хивинского батмана (20 кг) хлопко-сырца составляла 26 руб., то пшеницы — 60—75 руб., риса — 25—30 руб. и джугары — 15—20 руб. Причем затраты труда и финансовых средств на обработку нехлопковых культур были несоизмеримо меньше: на выращивание на 1 танапе хлопчатника тратилось 97 человеко-дней, а, например, пшеницы — лишь 44⁸⁵. Менее трудоемким было и производство джугары, риса, других культур, а экономическая эффективность их производства и рентабельность были намного выше.

Российская региональная администрация, финансовый и торгово-промышленный капитал, а вместе с ними — крупная хивинская буржуазия и земельная аристократия прилагали немало усилий для предотвращения ликвидации монокультуры хлопчатника, служившей связующим звеном в разветвленной системе экономических отношений между Россией и Хивой. Правление «Большой Ярославской мануфактуры», пользовавшееся влиянием среди правящих и деловых кругов обеих стран, олицетворявшее взаимодействие и общность интересов как российского, так и хивинского капитала, предложило перейти к фиксированным договорным ценам для повышения материальной за-

⁸⁴ Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 30, 31.

⁸⁵ Там же. С. 32—33.

интересованности земледельцев в производстве хлопка-сырца. Оно считало оптимальными следующие цены: за пуд волокна хлопчатника американских сортов — 11,5 руб. и местного сорта «гуза» — 9,5 руб., сырца американского хлопчатника — 3,8 руб. и местного — 2 руб., за семена, соответственно, — 50 и 60 коп.⁸⁶ Таким образом правление «Большой Ярославской мануфактуры» вводило гибкий механизм усиления эксплуатации земледельцев и извлечения сверхприбылей под видом упорядочения взаиморасчетов между производителями и потребителями. Даже при поверхностном взгляде бросается в глаза, что разница между стоимостью семян хлопчатника американских сортов и его сырца составляла 7,4 раза, тогда как местных — немногим более 3,3 раза. Столь же контрастировала стоимость между сырцом и волокном. Если у продукции американских сортов она составляла примерно 3,3 раза, то у местных сортов — немногим более 4,7 раза. Продавая земледельцам семена хлопчатника американских сортов вроде бы дешевле, чем местных, заводчики выигрывали на повышении стоимости волокна, а установив в принципе непропорциональные цены на семена и сырец местных сортов хлопчатника, извлекали уже двойную прибыль как от высокой стоимости семенного материала, так и от дешевизны сырца, идущего на переработку. Это была неприкрытая форма обмана производителей. Она практиковалась достаточно продолжительное время и опиралась на активную поддержку хивинского капитала, который применял те же методы эксплуатации местных товаро-производителей.

Примеру «Большой Ярославской мануфактуры» вскоре последовали и другие российские торгово-промышленные и финансовые конторы и фирмы, а также крупные хивинские предприниматели. Чтобы не допустить спада производства основных экспортных культур, большинство из них пошло на снижение процентных ставок по краткосрочным кредитам и цен на семенные материалы. При этом для привлечения на свою сторону возможно большего числа клиентов каждая фирма и предприниматель устанавливали их произвольно, нередко даже с минимальной для себя доходностью, надеясь восполнить потери после переработки сырья, вывоза его в Россию и реализации по завышенным ценам. Так, например, в Ходжейлийском бекстве, где находились три крупных хлопкоочистительных предприятия, принадлежавшие торгово-промышленным фирмам «Бр. Крафт», А. С. Сафарьянца и Т.-Д. Г. Салимджанова, семена местных сортов хлопчатника отпускались по предельно низкой цене — 30 коп. за 1 хивинский малый батман, или более чем в 20 раз дешевле их прежней стоимости. В Ново-Ургенчском бекстве, где действовали 6 хлопкоочистительных и маслобойных предприятий «Большой Ярославской мануфактуры»,

---

⁸⁶ Хлопковое дело. 1923. № 7—8. С. 21.

К. Мануилова, торгового дома «Бр. Баккаловы», К. М. Черникова и фирмы «Бр. Крафт», тот же объем семян реализовывался несколько дороже — по 35—40 коп. В окрестностях Хивы, где монопольное право закупки хлопка-сырца принадлежало «Большой Ярославской мануфактуре» и дому «Бр. Баккаловы», 1 батман хлопковых семян стоил от 80 коп. до 1 руб. И в этом случае, по сравнению с довоенной ценой, они были дешевле примерно в 6—9 раз⁸⁷.

Установление низких цен на семена хлопчатника, как и некоторых других технических культур экспортной группы, было обусловлено не только необходимостью привлечения к производству как можно большего количества дехканских хозяйств, но и конкурентной борьбой между российскими и хивинскими промышленниками, крупными торговцами за производителей главной экспортной культуры — хлопка-сырца. Экономически более состоятельные торгово-промышленные и финансовые компании и фирмы, обладавшие достаточными финансовыми ресурсами, использовали ценовые ножицы в качестве орудия подавления менее конкурентоспособных средних и мелких предпринимателей с целью укрепления собственных позиций на внутреннем рынке. Весной 1916 г. в целом по ханству стоимость одного пуда семян хлопчатника местных сортов составляла в среднем 72 коп., а отборных американских еще ниже — 56 коп.⁸⁸ Это случилось здесь впервые: такое не наблюдалось даже на первых этапах перехода к массовому культивированию хлопчатника, когда стоимость его семян была намного выше кризисных показателей.

Благодаря снижению цен, компаниям и фирмам в основном удалось предотвратить обвальное свертывание производства экспортных культур. Так, например, «Большая Ярославская мануфактура», прочно занимавшая монопольное положение на хивинском хлопковом рынке, к 16 марта 1916 г., то есть к началу массовой посевной кампании, продала дехканским хозяйствам с отсрочкой уплаты до 1 ноября 3375 пудов семян хлопчатника американского сорта за 1830 руб., местных сортов «гузы» — 2900 пудов за 2078 руб.⁸⁹ На льготных условиях значительное количество посевного материала хлопкоробам реализовали и другие компании, частные предприниматели.

Несмотря на применение льготного кредитования, фиксированных цен на продукцию хлопководства, избежать сокращения посевных площадей под ведущей технической культурой и снижения объемов производства хлопка-сырца, продуктов его переработки так и не удалось. По нашим подсчетам, в ханстве в 1916 г., по сравнению с 1915 г., площади хлопчатника уменьшились на 7,7 тыс. десятин, или почти на

⁸⁷ См.: Хлопковое дело. 1923. № 5—6. С. 34.

⁸⁸ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 35.

⁸⁹ Там же, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 25.

18 %, и составили всего 35 642 десятины. Однако они превышали уровень довоенного 1913 г. на 9,6 тыс. десятины⁹⁰ и все еще продолжали занимать доминирующее положение в структуре посевных площадей. Но приближение «хлопкового кризиса» проявлялось отчетливо. Не случайно компетентный в вопросах рыночной конъюнктуры в Хиве В. С. Ковалев в августе 1916 г. сообщал в Ташкент, главному правлению «Большой Ярославской мануфактуры», что в ханстве «покупка хлопка в этом сезоне, надо полагать, для нас будет затруднительней, чем в прошлом году»⁹¹. Такой вывод он делал из прогрессирующего сокращения посевных площадей под хлопчатником и ужесточения конкурентной борьбы за сырье на хивинском рынке между многочисленными торгово-промышленными, финансовыми компаниями, фирмами и посредническими конторами.

Прогноз В. С. Ковалева в целом оправдался. В ханстве осень 1916 г. ознаменовалась невиданным усилением конкурентной борьбы за сырьевые товары экспортной группы. Особенно напряженная ситуация сложилась на хлопковом рынке. По расчетным данным, если средняя урожайность хлопчатника составляла 85—90 пудов сырца с десятины, а общая площадь, занятая им, 35 642 десятины, то в Хиве за сезон было получено примерно 3 млн. 119 тыс. пудов хлопка-сырца. Это почти на 564,6 тыс. пудов меньше, чем в 1915 г.⁹² Следовательно, о полной загрузке мощностей предприятий хлопкоочистительной промышленности не могло быть и речи. Сокращение объемов производства хлопкового волокна и другой сопутствующей продукции (масло, линт, пух, жмых и т. п.) из-за острой нехватки хлопкового сырья, новая волна массовых банкротств, особенно среди мелких и части средних предпринимателей оказались практически неизбежны.

Российские торгово-промышленные компании и фирмы, местные предприниматели с первых дней уборки урожая вели упорную борьбу буквально за каждый килограмм хлопка-сырца. Хивинские заводчики в сентябре 1916 г. начали закупать сырье по 7 руб. за пуд. Но уже к 16 сентября «Московское торгово-промышленное т-во», «Вадьяевское т-во» и частично фирма «Бр. Крафт», осуществлявшая закупочные операции в Мангите, стали предлагать за каждый пуд хлопка-сырца до 8 руб. 15 коп. В итоге первая волна наименее состоятельных мелких

---

⁹⁰ См.: Юферов В. Справочная книга по хлопководству... С. 127; Хивинская контора «Большой Ярославской мануфактуры» называет иные цифры. По данным В. С. Ковалева, в 1916 г. в ханстве площади под хлопчатником, по сравнению с 1915 г., сократились приблизительно на 30 % (ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 115). Как нам представляется, этот показатель несколько преувеличен. — *Примеч. авт.*

⁹¹ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 116.

⁹² См.: Юферов В. Справочная книга по хлопководству... С. 127.

заводчиков, не обладавших достаточными финансовыми ресурсами, которых в общей массе покупателей сырья было подавляющее большинство, свернула закупочные операции и объявила о своем банкротстве.

По мере интенсификации темпов уборки хлопка-сырца и увеличения объемов заготовок, увеличения поступления сырья на рынок, приходилось, как правило, на конец сентября и октябрь, ажиотажный спрос начального этапа торгов должен был бы угаснуть и привести к снижению цен. Однако этого не произошло. В разгар уборочной на многие базары и пункты скупки ежедневно поступало в среднем до 400 пудов хлопка. Несмотря на это, как оптовые, так и розничные цены на сырье продолжали расти высокими темпами. Причем по вине не самих производителей, а главным образом спекулянтов. Например, А. П. Платонов, уполномоченный в ханстве оренбургского купца Дюкова, закупил в Ханкинском бекстве 2 вагона (1 тыс. пудов) хлопка-сырца по 24,5 руб. за пуд. А агент «Восточного о-ва» С. Ф. Аваев предлагал за пуд до 25 руб.⁹³ В итоге в самый разгар хлопкоуборочной страды цена на сырец, по сравнению с начальной, увеличилась в 4 раза. Это буквально вытолкнуло с рынка часть не только мелких и средних заводчиков, но даже и более или менее состоятельных, неизмеримо увеличив количество банкротств и численность работников, высвобождаемых на закрываемых предприятиях, влияющих в рынок неостребованной рабочей силы.

Чтобы четче представить себе положение на хивинском внутреннем хлопковом рынке, необходимо иметь в виду, что падение объемов производства хлопка-сырца в рассматриваемый период наблюдалось в Центрально-Азиатском регионе повсеместно. К примеру, в Туркестанском крае, постепенно превращавшемся в главную хлопковую базу Российской империи, в 1916 г., по сравнению с 1915 г., площади под хлопчатником, в отличие от Хивинского ханства, увеличились на 11 тыс. десятин и достигли 680 тыс. Вместе с тем урожайность всего за один год упала на 5,5 пудов, или с 27,5 до 22 пудов с десятины. В итоге валовой сбор сократился на 3 млн. 470 тыс. пудов, приблизительно на столько, сколько сырца производилось во всем Хивинском ханстве. Цены за пуд сырца в крае, по сравнению с предвоенными годами, возросли в среднем в 2,3 раза и составили 36 руб.⁹⁴ В Бухарском эмирате площади хлопковых посевов, как и в Туркестане, расширились с 66 тыс. десятин в 1913 г. до 111,4 тыс. в 1916 г., или на 45,3 %, но само производство сырца упало с 2,6 млн. до 2 млн. пудов (в пере-

⁹³ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 124 об., 129.

⁹⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 247, л. 5; Масальский В. И. Хлопковый вопрос и меры к его разрешению. Пг., 1917. С. 11.

счете на волокно)⁹⁵. Таким образом, по нашим подсчетам, только из Центрально-Азиатского региона в 1916 г. в Россию было недопоставлено 4,6 млн. пудов хлопка. Если учесть, что общая потребность текстильной промышленности империи в волокне в этот период достигала 21 млн. пудов⁹⁶, то становится очевидной незадействованность 24 % мощностей отрасли. Иными словами, в целом по России почти над каждым четвертым предприятием хлопчатобумажной промышленности нависла угроза полного закрытия, до четверти рабочих отраслей оказывались без средств к существованию. Это служит лишним доказательством того непреложного факта, что предпосылки обрушившихся на Россию в 1917 г. глубоких и необратимых политических, экономических и социальных катаклизмов вызревали объективно отнюдь не только в самой метрополии, но и на ее окраинах, входивших в единое геополитическое пространство.

Российское правительство не могло восполнить недобор хлопкового сырья за счет увеличения его импорта из стран Европы и Азии, в частности из Америки, где традиционно закупалась значительная часть волокна для российских текстильных предприятий. Дело в том, что на континенте вновь назревал «хлопковый кризис», не менее острый, чем в период гражданской войны 1861—1865 гг. Так, начиная с 1912 г. в Соединенных Штатах, где формировалось свыше 60 % объема мирового производства хлопка, площади под хлопчатником неуклонно сокращались, падали урожайность и валовые сборы культуры. Если в сезон 1913—1914 гг. хлопчатником было засеяно свыше 37 млн. акров⁹⁷, получено более 14,6 млн. кип сырца, то в 1915—1916 гг. — лишь немногим более 31,4 млн. акров, а валовой сбор снизился до 12 млн. кип. Падала и урожайность. За этот же период она сократилась со 191 фунта с акра до 170 фунтов. При этом чем меньше было собрано хлопка-сырца, тем выше поднимались цены. Если средняя цена за фунт в 1914 г. составляла 5,22 пенса, то в сезон 1916 г. — 12,33, а в 1917 г. — уже 21,68 пенса⁹⁸. Естественно, даже затрачивая огромные валютные ресурсы, в том числе и золото, правительство Николая II было не в силах обеспечить ввоз в страну хлопкового сырья в объемах, позволяющих полностью удовлетворить возросшие запросы российского внутреннего рынка и снять социально-экономическую напряженность, нараставшую в отрасли.

Факты свидетельствуют, что острая ситуация на хлопковом рынке Хивы, сложившаяся в 1916 г., была всего лишь одним из звеньев в общей цепи очередного «хлопкового кризиса», охватившего различ-

⁹⁵ Юферов В. Справочная книга по хлопководству... С. 127.

⁹⁶ Масальский В. И. Хлопковый вопрос и меры к его разрешению. С. 11—12.

⁹⁷ А к р — единица земельной площади, равная 0,37 десятины.

⁹⁸ Внешняя торговля. 1923. № 39 (69). С. 12.

ные страны и конгломераты. Однако если в США в его основе лежали такие факторы, как стремление к монополизации мирового хлопкового рынка, неоправданное расширение площадей под хлопчатником для извлечения максимальной прибыли и, как следствие, — значительное перепроизводство сырья (оно отчетливо обнаружилось после 1918 г.), то в государствах Центральной Азии, в том числе и Хивинском ханстве, дестабилизация хлопководства, образование так называемого «неудовлетворенного спроса» на хлопок-сырец и продукцию его первичной переработки были обусловлены, во-первых, деструктивной экономической политикой Российского правительства, приведшей к деформации всей экономики ханства, серьезным диспропорциям в ее внутренней структуре и длительной консервации примитивных форм производства, во-вторых — ускорившимся распадом в период первой мировой войны торговых отношений России с государствами региона, оказывавшими депрессивное воздействие на качественное содержание происходивших в них сложных и противоречивых хозяйственных процессов, и наконец в-третьих — все более прогрессирующим сокращением производства продовольствия и рыночного фонда потребления продуктов питания.

Царское самодержавие, попавшее к 1917 г. в состояние агонии и полностью потерявшее контроль над экономическими и политическими процессами, протекавшими как внутри Российской империи, так и за ее пределами, в частности в сопредельных окраинных регионах Центральной Азии, не было способно реконструировать отжившую внешнеэкономическую политику. Дошедшие до нас документы наглядно показывают, что в 1914—1916 гг., когда экономическая жизнь Центральной России и окраинных районов под влиянием внешних и внутренних факторов отличалась глубоким динамизмом, позитивные тенденции в ней сопровождались негативными, правительство Николая II не выступило с отвечающей запросам времени инициативой по модернизации устаревших норм и принципов торгово-экономических отношений. Оно не сумело предотвратить их стагнацию, которая в конечном итоге привела к застою экономики прежде всего Центральной России, вызвала повальное банкротство предприятий и массовую безработицу, ставшие одной из важнейших предпосылок двух революций 1917 г.: Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской рабоче-крестьянской. Лишив российскую экономику внешних рынков сбыта и источников сырья, царское правительство тем самым ускорило созревание не только политических, но и социально-экономических предпосылок неизбежного падения самодержавия в России.

1916 г. наглядно показал, что хлопководство, где была занята подавляющая часть самодельного населения, уже не может развиваться в масштабах и границах докризисного 1915 г. Причиной тому были отнюдь не просто инфляция или другие финансовые проблемы,

ибо крупный хивинский капитал, владевший 2/3 земельного фонда ханства и существовавший главным образом за счет сдачи его в аренду малоземельным дехканам и беватанам, следовательно, концентрировавший в руках эффективные рычаги экономического воздействия на непосредственных производителей хлопковой продукции, в случае своей материальной заинтересованности вполне мог бы отстоять хлопковую монокультуру. Думается, что после «скачка» 1915 г. представители деловых кругов Хивинского ханства, прежде всего торгово-промышленная прослойка, а также тяготеющая к ней молодая земельная элита, удельный вес которых в общей массе национальных предпринимателей был весьма существенным, возможно, впервые начали всерьез задумываться о соответствии устоявшихся направлений и форм традиционного аграрного производства экономическим и социальным потребностям страны. В этой среде обозначилось стремление изменить структуру хивинской экономики с учетом национальных интересов, приспособить к нуждам внутреннего рынка, не ожидая поддержки ни государства, ни крупного капитала, сросшегося с российским. Поиск путей преобразования аграрной отрасли как раз и материализовался в обозначившемся отходе от хлопковой монокультуры, формировании в годы первой мировой войны такой структуры сельскохозяйственного производства, которая была ориентирована на расширение и укрепление внутреннего рынка *продовольственных* товаров, создание собственного местного зернового хозяйства.

Для Хивинского ханства, как и для других районов Центральной Азии, отход от хлопковой монокультуры имел безусловное как экономическое, так и социально-политическое значение. Так, в плане *экономическом* изменение традиционной структуры сельскохозяйственного производства, проецированной прежде всего на удовлетворение запросов не внутреннего, а внешнего рынка, создавало предпосылки для ускорения формирования, расширения и укрепления сырьевой базы других отраслей перерабатывающей, легкой и пищевой промышленности, а не только хлопкоочистительной или маслобойно-мыловаренной. Перед страной открывалась реальная перспектива превратиться в скором будущем из поставщика исключительно сырья и полуфабрикатов в экспортера также и готовых изделий и таким образом совершенствовать структуру источников внутренних накоплений. Существенным было и то, что в Хивинском ханстве благодаря отходу от монокультуры хлопчатника за короткий срок обозначился эффективный внутренний рыночный фонд продовольственных товаров, возникло зерновое хозяйство. В перспективе это могло бы послужить одним из источников сокращения хлопковости и достижения экономической независимости.

Не менее значимыми представляются и общие *социально-политические* последствия распада хлопковой монокультуры. Отход от одно-

бокой, обусловленной крайне деструктивной экономической политикой крупного капитала аграрно-сырьевой направленности национальной экономики, означавший начало формирования нового экономического базиса общества, в целом позволял преобразовать и традиционные институты политической надстройки. Приспособленные для реализации распорядительно-исполнительских функций в сложной системе непрямого управления, обслуживавшие интересы российской и хивинской правящей верхушки и крупного капитала, в условиях начавшегося распада устоявшихся форм производственной жизни они уже не могли выполнять в полной мере прежнюю преимущественно надзорно-карательную роль. С изменением форм производства пропорционально менялась и социальная структура общества. Однако, так как преобразования в сфере производства и экономики протекали быстрее, чем перемены в системе политических институтов, то, бесспорно, обновление надстройки происходило с серьезным отставанием, что оказывало тормозящее воздействие на ход перемен и вело к дальнейшему обострению антагонистических противоречий в хивинском обществе. Непропорциональность содержания и темпов модернизации политической и экономической систем сдерживала общую эволюцию новых производительных сил и модернизацию отсталых производственных отношений, тем самым обеспечивая «живучесть» феодально-абсолютистской монархии, но не предотвращая ее медленного и неуклонного распада.

Ускорение социальной дифференциации и поляризации политических сил

Обозначившиеся в Хивинском ханстве с середины 1916 г. некоторые структурные перемены в производственной сфере существенно повлиять на выход страны из состояния экономического, политического и социального кризиса не могли. Развал хозяйства, безудержная инфляция, разгул спекуляции усиливали *социальную* дифференциацию и имущественное расслоение в обществе, одновременно оказывая заметное воздействие на перераспределение капитала среди российских и хивинских предпринимательских кругов. Пользуясь неспособностью государства взять под контроль сферы производства, потребления и распределения, остановить инфляцию и спекулятивный рост цен, что придавало устойчивость социально-экономическому кризису, более предприимчивые представители российского и хивинского капитала быстро приспособились к ситуации, сумели извлечь из нее максимальную выгоду. Они наращивали на операциях на «черном» рынке собственные финансовые ресурсы, завладевали новыми производственными мощностями, движимым и недвижимым имуществом, накап-

ливая таким образом огромное состояние, позволяющее оттеснить позиции консервативной феодальной олигархии и менее конкурентоспособных товаропроизводителей, занять господствующее положение в экономической и политической жизни страны.

Архивные материалы свидетельствуют, что в период стагнации хивинского хозяйства многие российские торгово-промышленные и финансовые объединения и конторы, немалая часть новых хивинских предпринимателей не смогли выдержать бескомпромиссную конкуренцию на внешнем и внутреннем рынках, оказались банкротами. В то же время появилась прослойка предпринимателей, обладавших всеми атрибутами современной торгово-промышленной буржуазии, способных повлиять на направление и ход социально-экономического и политического развития хивинского общества.

В 1916 г. в ханстве прекратили самостоятельное существование такие известные акционерные компании, как Тверская, Шуйская и Юсинская мануфактуры, «Стуккен и К⁰», а также фирмы «Кузнецов и К⁰», «Кобатков и К⁰» (им в Гурленском бекстве принадлежало по одному хлопкозаводу) и некоторые другие. Практически все основные операции по закупке и переработке сельскохозяйственной продукции, идущей на экспорт, по инвестированию ее производства перешли в руки «Большой Ярославской мануфактуры», «Бр. Крафт», «Московского торгово-промышленного т-ва», «Петляховского т-ва», «Вадьяевского т-ва», К. Мануилова, К. М. Черникова, а также крупной «Компании хивинских купцов», торгового дома «Бр. Баккаловы». Им удалось не только выстоять, но и вытеснить с хивинского хлопкового рынка серьезных конкурентов, нарастить собственные капиталы, значительно укрепить свои позиции. Этому не помешали ни протестные выступления дехкан, вооруженные восстания, спровоцированные лидерами туркменской антиханской оппозиции, ни карательная экспедиция генерал-майора Галкина. Напротив, политические катаклизмы, сопровождавшие деградацию ханской власти и переключавшие ее внимание на проблемы, связанные с обеспечением собственного выживания, усиливали неуправляемость различными сферами жизни государства и создавали коррумпированно-спекулятивным кругам благоприятные условия для наступления на позиции слабых конкурентов, утаивания доходов от налогообложения, безудержного личного обогащения.

Характерно, что в ханстве уверенно чувствовали себя в основном те российские компании и фирмы, которые функционировали здесь не одно десятилетие, имели отлаженные деловые связи как с правящими кругами и крупной земельной аристократией, так и с представителями хивинской торгово-ростовщической и промышленной буржуазии. Так, например, «Петляховское т-во» в 1916 г. открыло в Хиве постоянную контору, фирма «Бр. Крафт» начала строительство в Новом Ургенче, Ташаузе, Мангите и Ходжейли одновременно четырех хлопкоочисти-

тельных заводов, из которых три — новоургенчский, мангитский и ходжейлийский — должны были вступить в строй к началу 1917 г.⁹⁹ Оборудование для заводов закупалось в Хиве на обанкротившихся предприятиях, ибо их завоз из России и Туркестана был незначительным из-за перепрофилирования производства на машиностроительных заводах, выпускавших джины, прессы, линтера и другие машины и механизмы для хлопкоочистительной промышленности. Нефтяные двигатели, как и прежде, поступали из Азербайджана и Закаспийской области. Главным образом оттуда же шли горюче-смазочные материалы, в том числе керосин и мазут.

В рассматриваемый период, несмотря на крайне непростую экономическую ситуацию, возросла активность хивинской национальной буржуазии. В ее среде также интенсифицировался процесс экономического расслоения и социальной дифференциации. Значительные по объему новые накопления, которые были сделаны представителями крупного и части среднего торгового капитала в период экономической депрессии на спекуляции сырьевыми ресурсами, дефицитными товарами и изделиями, позволили расширить проникновение в перерабатывающую промышленность, где российский капитал занимал монопольное положение. Многие хивинские предприниматели вслед за крупными местными заводчиками, такими, например, как братья Баккаловы, Маджаровы, Аминовы, Аитбаевы и другие, начинают четче осознавать безусловную важность и экономическую эффективность инвестиций в промышленность, увеличивают вложения в строительство хлопкоочистительных предприятий. В 1916 г. ими основываются 4 хлопкозавода по 2 джины каждый¹⁰⁰, относящиеся к разряду мелких. Отдельные заводчики закупают высокопроизводительное, но дорогостоящее оборудование для переоснащения основных фондов на собственных предприятиях, увеличения мощностей и расширения выпуска продукции. К примеру, в марте 1916 г. Бова-Читкар Ходжашев из Ташауза обращается в Хивинскую контору «Большой Ярославской мануфактуры» с письмом, в котором предлагает продать винтовой пресс с приводом¹⁰¹, используемый для выжимки масла из семян хлопчатника. Подобного рода обращения не были единичными: в дошедшей до нас обширной переписке конторы с правлением насчитывается множество проектов или уже подписанных соглашений о купле-продаже дорогостоящего оборудования для маслобойных и хлопкоочистительных мелких и средних заводов, а также намеченных к строительству или же уже построенных цехов, которые принадлежали местным хивинским предпринимателям.

⁹⁹ ЦГА РУ, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 115 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 116.

¹⁰¹ Там же, ф. И-99, оп. 1, д. 148, л. 34.

Благодаря подъему активности компрадорской и промышленной буржуазии, укреплению ее политических позиций и материального положения неонациональное капиталистическое предпринимательство заметно прогрессировало. Хивинский капитал постепенно проникал во все важнейшие звенья экономики, в том числе перерабатывающую промышленность, составив серьезную конкуренцию российскому торгово-промышленному и финансовому капиталу, чья монополия в отрасли пошатнулась. По нашим подсчетам, в «пик» кризиса к концу 1916—началу 1917 г. в Хивинском ханстве насчитывалось уже несколько более или менее крупных (например, принадлежавшие торговому дому «Бр. Баккаловы», «Компании хивинских купцов»), не менее 20 средних и до 100 мелких хлопкоочистительных заводов и цехов (на одну или две джины), которыми владели хивинские предприниматели. По своим техническим и технологическим характеристикам они пока уступали предприятиям «Большой Ярославской мануфактуры», бр. Мануиловых, Познанского, Крафта, Черникова, Салимджанова, однако по общей суммарной производственной мощности вполне могли составить серьезную конкуренцию, так сказать, «российскому сектору» перерабатывающей промышленности.

Процесс ускорения имущественного и социального расслоения в среде товаропроизводителей, концентрации капитала в руках земельной аристократии и родоплеменной знати получил распространение и в аграрной отрасли экономики ханства. Благодаря значительным новым накоплениям, которые были сделаны в годы первой мировой войны на спекуляции сельскохозяйственными угодьями и продовольственными товарами, хлопковым волокном, другими материалами сырьевой группы, на кабальных кредитно-ссудных операциях, в хивинском кишлаке сформировалась прослойка *сверхбогатых* землевладельцев. Они имели одновременно огромные земельные массивы и оснащенные электродвигателями, высокопроизводительным оборудованием современные цеха по переработке хлопка-сырца, шерсти и кожи, правда, карликовые (на 2—5 наемных работников). Среди них особо выделялись Д. Гавданов (Ханки), М. Аллабергенов (Базар-Астан), Ж. Тиламбаев и Н. Аллакулов (Газават), Т. Ниязов (Гурлен) и др. По форме организации производства это были уже типичные фермерские хозяйства. Обладая достаточными финансовыми и иными ресурсами, молодая сельская буржуазия имела реальную возможность для усиления влияния на развитие национальной экономики. Вместе с тем, все еще «привязанная» к отсталым производственным отношениям, она не осознавала себя как класс и еще не была способна на самостоятельные действия.

На фоне резкой интенсификации перераспределения источников накопления капитала среди имущих слоев, увеличения концентрации основной части производственного потенциала в руках немногочисленных, но вместе с тем экономически дееспособных слоев хивинской

торгово-промышленной и ростовщической буржуазии, а также части земельной аристократии происходило дальнейшее обнищание преобладающей массы населения страны — безземельных и малоземельных дежкан, городских и кишлачных ремесленников и кустарей, мелких торговцев, низших прослоек непродуцированной интеллигенции, в том числе преподавателей мактабов, медресе, чиновников местных администраций и др. Лишенные каких-либо гарантий социальной защиты, брошенные монархическим государством на произвол судьбы, они все откровеннее и решительнее выражали недовольство существующими в стране порядками, фактическим бездействием ханского правительства и засильем крупного торгово-промышленного и ростовщического капитала в сфере производства и распределения, коррумпированностью власти, отсутствием у доминирующей массы трудящихся слоев элементарных экономических и политических прав.

На рост социальной напряженности и ускорение поляризации в обществе оказывала прямое влияние политика правительства Сеида Асфандияр-хана, которая не учитывала своеобразия экономических, политических и социальных процессов, разворачивавшихся в ханстве. Вместо обуздания инфляции, усиления государственного руководства хозяйством, перепрофилирования жизненно важных отраслей общественного производства, сосредоточения материальных и финансовых ресурсов на приоритетных направлениях развития национальной экономики, создания высокоэффективной и перспективной собственной базы производства продовольствия и товаров первой необходимости оно, учитывая циклично повторяющуюся затяжную напряженность на внутреннем рынке с продуктами питания и товарами повседневного спроса, предпочитало традиционные методы пополнения казны. Для возмещения собственных финансовых потерь из-за инфляции и ущерба, понесенного в период январского (1916 г.) мятежа и последовавшего вслед за ним вооруженного восстания туркменской оппозиции под предводительством Джунаид-хана, игнорируя реальную ситуацию с платежеспособностью населения, правительство резко расширило и без того разветвленную систему налогообложения, не имевшую аналогов даже в соседних государствах, в частности в Иране, Афганистане, Турции и даже Бухаре. Исследователям удалось точно установить, что в 1916—1917 гг. в ханстве количество официально введенных налогов и различного рода поборов увеличилось с 24 до 70, то есть в 2,5 раза¹⁰². Налогами облагались не только производственная и коммерческая деятельность, эксплуатация земельных, водных, лесных ресурсов, но и расторжение и заключение брака, сбор хвороста для личных нужд, рождение ребенка, оповещение о смерти, выращивание

---

¹⁰² См.: Территория и население Бухары и Хорезма // Сб. Среднеазиатского Экономического Совета. Кн. II. Ташкент, 1926. С. 77.

бахчевых, клевера, других культур, извещении о сборе податей и т. п. Подавляющее большинство налогов и сборов было лишено как экономического, так и социального смысла, применялось исключительно для воспроизводства капитала, находившегося в распоряжении правящей элиты хивинского общества и использовавшегося для удовлетворения его личных корыстных потребностей.

В конце 1916 г. в Мангитском, Гурленском, Газаватском, Ташаузском и ряде других бекств Хивинского ханства вновь вспыхнули массовые антиправительственные волнения. Социальная база движения оппозиции отличалась пестротой, представляла практически все слои и группы хивинского общества за исключением, разумеется, верхушки — крупной национальной буржуазии, в том числе кишлачной земельной аристократии, энергично поддерживавшей деструктивный курс правительства Сеида Асфандияр-хана, российских правящих кругов и региональной администрации в Хивинском ханстве. Массовые выступления, которые возглавляли местные так называемые «народные вожди» — отдельные беки и хакимы, предводители племен и родов, старшины, отличались, как и прежде, разобщенностью, слабой организованностью и стихийностью, отсутствием четкой и конструктивной стратегии и тактики. Разрозненные группировки мятежников нападали на имения крупных феодалов, поджигали усадьбы, конфисковывали ценности, крупный и мелкий рогатый скот, громили торговые лавки, однако никаких политических требований не выдвигали. Тем не менее эти выступления, совпавшие по времени с очередным бурным подъемом борьбы рабочего класса и крестьянства России против царского самодержавия, за передачу всех заводов и фабрик — рабочим, земли — крестьянам, объективно превращались в составную общероссийского революционного движения и благодаря этому получали иную, чем традиционные дехканские выступления, политическую окраску.

Основные общественно-политические силы страны, за исключением социал-демократов, по-прежнему недооценивали потенциальные возможности массовых выступлений дехкан, пролетарских и полупролетарских слоев города и кишлака. Не имея какой-либо ясной программы, они не могли довести до их сознания свои цели, сплотить их и повести за собой. Кроме того, подавляющее большинство молодых и организационно пока не оформленных, по сути, непролетарских партий и объединений, защищавшие права и привилегии не эксплуатируемых, а, напротив, эксплуататорской верхушки, предпочитали занимать позицию сторонних наблюдателей в непоследовательной, но открытой борьбе «низов» против правящего режима с тем, чтобы при благоприятном стечении обстоятельств не упустить свой шанс перехватить медленно, но неуклонно падающую государственную машину, без особых напряжений завладеть ее важнейшими рычагами, не до-

пустив перехода в руки бедноты. Вовсе не случайно поэтому то, что во все периоды развития традиционного дехканского движения рядом с дехканскими массами непременно оказывались те или иные представители правящих кланов, готовые в «подходящий» момент воспользоваться плодами ее борьбы за свои азбучные права — свободу, справедливость, сытную жизнь.

Стать во главе стихийных выступлений, использовать подъем масс в собственных интересах пыталась и правая туркменская оппозиция. Джунаид-хан, его идейный вдохновитель Хан-ишан, эмигрировавшие в Персию, вели усиленную подготовку к очередному вооруженному восстанию. 10 августа 1916 г. исполняющий обязанности министра внутренних дел России А. Степанов сообщал в секретном послании военному министру Д. С. Шуваеву о том, что российскому генеральному консулу в Мешхеде удалось точно установить факты закупки оружия Джунаид-ханом «в целях оказания сопротивления русскому правительству»¹⁰³.

К цели Джунаид-хан продвигался энергично и с завидным упорством. В конце сентября он перебрался из Мешхеда в Тегеран¹⁰⁴, где вел переговоры о закупке оружия и его тайной переброске на территорию Хивинского ханства через Закаспийскую область, а 4 ноября 1916 г. объявился в провинции Зюльфикар на афгано-персидской границе, откуда, вероятно, собирался руководить восстанием. Тем временем в Хиву был направлен небольшой караван с оружием, который вел известный контрабандист Халик¹⁰⁵, поддерживавший тесные и постоянные связи с нелегальными торговцами оружием в различных районах ханства и соседней Бухары.

Делая ставку на вооруженное восстание, Джунаид-хан не желал принимать в расчет перемены, происшедшие в политической жизни Хивинского ханства. Он не осознавал того, что и сам из лидера туркмен-иомудов и «борца» за самоопределение туркменской общины давно превратился не только в орудие осуществления стратегических планов зарубежных спецслужб, окопавшихся вдоль границ Российской империи — в Персии, Афганистане и Турции, всячески поддерживавших сепаратистов, но и в безотказный рычаг удовлетворения неумемных амбиций на власть хивинской феодально-клерикальной реакции, националистического крыла младохивинской партии «Революционный союз» и той части местной торгово-ростовщической буржуазии, которая хотела бы освободиться из-под опеки российского капи-

---

¹⁰³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 431.

¹⁰⁴ Там же. С. 473—474.

¹⁰⁵ Там же. С. 459.

тала, занять подобающее ей положение в экономике и политической жизни.

Так называемая партия «старобрядцев», образовавшаяся после революции 1905 г. в России и окрепшая в период бурной реформаторской деятельности Сеида Ислам-Ходжи как противовес его умеренно-либеральной партии, объединявшая главным образом наиболее консервативную, не приемлющую каких бы то ни было нововведений феодально-клерикальную знать, настойчиво отстаивала незыблемость нуждавшихся в коренном реформировании средневековых исламских правил в управлении государством и хозяйственном строительстве. Тесно сплоченная и достаточно организованная, имевшая к тому же и собственную идеологическую платформу, партия старообрядцев держала в своих руках наиболее действенные правовые (шариат) и идеологические (ислам) рычаги давления на правительство и влияния на массы. Вместе с тем ее лидеры понимали, что в изменяющихся политических условиях удержать в ключевых областях общественной жизни господствующие позиции одними только проповедями, обветшавшими принципами адата и шариата, лозунгами о «мусульманском единстве», «вере и терпимости» уже невозможно. Прогрессирующая политизация масс, их растущее недовольство ханским режимом и готовность к решительным действиям требовали применения силы. А она у Сеида Асфандияр-хана, чье влияние в обществе неудержимо падало, отсутствовала. Российское правительство, служившее в течение десятилетий опорой ханского абсолютизма, а вкуче с ним — самой феодально-клерикальной знати, теперь не обладало прежними военно-политическими возможностями для расширения помощи, оказания ощутимого практического содействия хивинским властям. Поэтому старообрядцы главную ставку делали на лидера коалиции консерваторов — Джунаид-хана и его ближайшее окружение, в которых видели опору и гаранта сохранения традиционных устоев, были постоянно открыты для сотрудничества с ними.

Разрозненные и отрывочные, зачастую противоречивые материалы архивов, периодической печати тех лет, дошедшие до нас воспоминания непосредственных участников событий позволяют сделать вывод о том, что в конце 1916 г. сложные дифференциационные процессы происходили и внутри пока организационно хрупкого и довольно малочисленного «Революционного союза» младохивинцев. Отношение к будущности государственного устройства Хивинского ханства, связям с Россией, охватившим страну массовым выступлением сельской и городской бедноты, политике оппозиционных и проправительственных движений, партий и организаций, перспективам заключения компромисса с ними и Джунаид-ханом, ко многим другим проблемам, которые волновали общество, обусловило перегруппировку сил внутри

«Революционного союза», образование в нем целых трех самостоятельных потоков, имевших каждый собственную платформу.

Первый из них, сформировавшийся вокруг Хусаин-бека Матмурдова, объединил, как и следовало ожидать, *крайних радикалов*, являвшихся приверженцами «турецкой модели» развития общества. Они требовали отмены в Хиве ханского абсолютизма, проведения всеобщих выборов, избрания парламента и введения президентской формы правления. Радикалы отвергали всякое сотрудничество с Россией, были сторонниками вытеснения из экономики российского капитала.

Во втором потоке, платформой которого стали пропагандируемые джадидами идеи *просветительства*, рьяно популяризируемые в Хиве П.-Х. Юсуповым, объединились в основном представители молодой духовной интеллигенции, часть мелкого чиновничества и предпринимателей (торговцы, заводчики и т. п.). Они признавали необходимость отстранения от власти Сеида Асфандияр-хана, но настаивали на сохранении ханского правительства и передаче трона «просвещенному» монарху, который бы на деле заботился об обеспечении верховенства исламских религиозно-правовых норм в общественно-политической и экономической жизни, о сосредоточении усилий государства на просвещении народа и ликвидации безграмотности, повсеместном открытии мактабов, новометодных школ и медресе.

Для достижения своих целей просветители стремились к союзу с лидерами джадидов в других регионах Центральной Азии. Как сообщает П. Бергн, в середине 1916 г. в Самарканде, в доме автора реформ Махмудходжа Бехбуди было проведено тайное совещание, на котором речь шла об организации массовых акций протеста в ответ на призыв царскими властями населения Туркестанского края на тыловые работы. На нем, наряду с другими, присутствовал и Палваницяз-Ходжи Юсупов. Примерно в это же время на третьем конгрессе Лиги Наций, проходившем в Женеве, выступал Мулла Бекчан Рахманов, говоривший красноречиво от имени «чагатайской нации», под которой имел в виду Туркестанский край, включая Хиву и Бухару¹⁰⁶. Однако как участие в собрании в доме Бехбуди, так и выступление на международном форуме ни авторитета, ни решимости, ни новых сторонников хивинским просветителям не прибавили. Их политические позиции в обществе по-прежнему оставались шаткими.

Третий — *революционно-демократический* — поток в партии образовали демократически настроенные выходцы из среднего сословия предпринимателей (мелкие заводчики, торговцы, некоторые хозяева ремесленно-кустарных цехов, мастерских, фермеры и др.), либерально

---

¹⁰⁶ См.: *Bergne P. The Kokand Autonomy, 1917—1918: political background, aims and reasons for failure // Central Asia: Aspects of Transition / Ed. by Tom Everett-Heath. London; New York, 2003. P. 32, 33.*

настроенные представители духовенства, служащие органов государственной власти, преподаватели новометодных школ и поэты. Они консолидировались вокруг Муллы Джуманияза Султанмурадова. Он родился в Хиве в семье процветающего торговца, учился в новометодной школе, знаменитом медресе Мухаммеда Амин-хана, где за образованность удостоился нисбы *Муллы*. Ему был открыт путь в мир исламской науки. Человек упорный, волевой, широких взглядов. Султанмурадов мог добиться значительных высот на духовной стезе, стать теологом. Но он всерьез увлекся практической политикой. Посещая по торговым делам Петро-Александровск, Оренбург, Бухару и Ташкент, бывая во многих городах ханства, он устанавливал контакты и поддерживал связь с российскими и хивинскими предпринимателями, чиновниками администрации Амударьинского отдела. Эти постоянные встречи и беседы, часто касавшиеся как торгово-экономических, так и острых политических вопросов, оказывали существенное влияние на формирование взглядов М. Д. Султанмурадова. Для него не прошли бесследно и бурный подъем пролетарского движения в России, и кризис царского самодержавия, о которых он узнавал из туркестанских и российских газет, девальвация идей панисламизма и просветительского движения, оторванных от нужд и запросов широких масс.

В противоположность Хусаин-беку и Палваннияз-Ходже, Султанмурадов смену существующего феодально-абсолютистского строя считал неизбежной. Он не исключал возможности насильственного свержения ханской власти. Придавая существенное значение пристальному вниманию к опыту общенародного движения в России против самодержавия и за переустройство общества, Султанмурадов был убежден, что борьбу с антинародным ханским режимом, феодальным правом и его институтами за утверждение прогрессивного, подлинно демократичного социально-политического строя следует вести объединенными усилиями *всех* патриотических сил, без деления их на национальности и выпячивания этнического фактора. От многих других лидеров «Революционного союза» М. Д. Султанмурадова отличало и то, что он открыто демонстрировал свою лояльность к российским социал-демократам, признавал необходимость сотрудничества с ними, а несколько позднее, в 1918 г., находясь в эмиграции, стал одним из организаторов и руководителей Хивинской революционной партии (ХРП), члены которой впоследствии влились в партию коммунистов.

Обозначившиеся в 1916 г. в младохивинском движении три крыла ясно и объективно отражали реальное состояние расстановки политических сил в Хивинском ханстве, незавершенность социальной дифференциации и классовобразования. Несмотря на некоторые существенные различия во взглядах идеологов — Хусаин-бека Матмурадова, Палваннияз-Ходжи Юсупова, Муллы Джуманияза Султанмурадова — на проблемы политической, материальной и духовной эволюции хи-

винского общества, они продолжали сосуществовать и взаимодействовать в рамках единого мелкобуржуазного течения национально-освободительного движения в ханстве. На данном конкретном этапе развития общественно-политической мысли сторонников крайне радикальных, умеренно-либеральных и революционно-демократических идей объединяло многое, прежде всего то, что все они выражали общие настроения различных слоев и групп хивинской национальной буржуазии, за исключением, разумеется, крупной, которая примыкала к самостоятельной консервативной партии старообрядцев. Идеологи и лидеры течений основное препятствие ускорению политического, экономического и социального развития страны видели пока не в существующих антагонистических противоречиях между нарождающимися производительными силами и отсталыми производственными отношениями, эксплуататорами и эксплуатируемыми, а лишь в правительстве Сеида Асфандияр-хана, опиравшегося на поддержку блока феодально-клерикальной реакции, российского и национального капитала, поэтому считали достаточным свергнуть его, чтобы добиться реальной свободы и расчистить пути для переустройства общества на новых демократических началах.

Придание правительству Сеида Асфандияр-хана «образа врага» и взваливание на него ответственности за развал государства, деструктивизацию экономической и социальной жизни Хивы во многом предопределили тактику действий руководителей «Революционного союза». Для реализации своих целей они искали союзников и опору не среди эксплуатируемых, задавленных бесправием и нищетой, а среди близких к ним по духу компрадоров и заводчиков, либерально настроенных слоев духовенства и землевладельцев. Как крайние радикалы, так и формирующиеся революционные демократы особое значение придавали использованию в своих интересах аппарата органов правительственной власти на местах. Более того, допуская необходимость решительного слома и полной реконструкции центральных органов власти, давно дискредитировавших себя служением Асфандияр-хану, коррумпированностью и попустительством бесконтрольной эксплуатации природного и экономического потенциала страны крупным иностранным и местным капиталом, лидеры младохивинской партии в то же время твердо исключали отказ от низовых звеньев органов правительственной власти, замену их демократичной выборной администрацией. Такой линии они придерживались не только в 1916 г., но и значительно позднее, когда имели реальный шанс для формирования органов государственной власти и управления на основе нетрадиционных принципов.

В чем причина столь рьяной защиты сложившейся в ханстве системы местного управления? Младохивинские руководители не верили в способность масс на решительные действия против правящего режи-

ма, боялись опереться на них. Часть из них просто считали, что при благоприятном стечении обстоятельств беднота вполне может повернуть свое оружие против всех имущих, и тогда их гнев перекинется на состоятельное среднее сословие, то есть на торговцев, заводчиков, землевладельцев и т. п., чьи интересы защищал «Революционный союз». Избежать непредсказуемости движения народных масс и предотвратить нежелательные последствия выхода его из-под контроля, по идее младохивинских лидеров, можно было единственным путем — опираясь не на «низы», а на сотрудничество с местной администрацией, мелким и средним капиталом.

Как известно, большинство руководителей младохивинского «Революционного союза», занимая высокие посты в ханском правительстве или же находясь в проправительственных кругах, поддерживали повседневную связь с главами местных администраций, пользовалось среди чиновничества определенным авторитетом и влиянием. Характерно, что в период карательных операций, проводившихся весной 1916 г. в туркменских регионах группировкой генерал-майора С. А. Галкина, находившемуся при его штабе диванбеги Хусаин-беку удалось оградить от преследований практически всех угодных ему местных хакимов и беков. Однако в тех случаях, когда дело касалось помилования рядовых участников мятежей из среды беватанов, малоземельных дехкан и городской бедноты, спасения мирных жителей кишлаков и поселений, невольно оказавшихся в зоне карательных операций, он и его сподвижники проявляли полное безразличие и не препятствовали расправе.

По имеющимся документам нам удалось установить срок нахождения на государственной службе и возраст глав администраций 20 из имевшихся 23 бекств. Так, из них 3 находились на государственной службе (к 1917 г.) уже до 10 лет, 7 — до 15 лет, 5 — до 20 лет, 2 — до 25 лет, 3 — до 30 лет и 1 — до 40 лет. Как видим, стабильность в руководстве сохранялась. Любопытен и возраст хакимов и беков: 3 из них были в возрасте до 35 лет, 8 — до 45 лет, 3 — до 50 лет, столько же — до 55 лет, лишь 3 — свыше 60 лет. Самыми молодыми по возрасту (35 лет) были главы администраций Питнякского, Кипчакского и Шуманайского бекств, а самым старшим (65 лет) — глава администрации Шаватского бекства. Бек Хазараспа Исмаил-Ходжа Ибрагим Ходжаев и бек Кипчака Сабирбай Курбаниязбаев были назначены главами местных администраций в возрасте 20 лет, бек Ташауза Исхак-Ходжа Ибрагим Ходжаев — в 23 года, а Кунградский — Абдурахим-бай Мухаммедрахимбаев и Шуманайский — Хасан-Мухаммед Мамет Ясаулбашиев — ранее 25 лет от роду. Это была та среда, возвращенная феодально-абсолютистским режимом, зараженная угодничеством и чиновничеством, привыкшая к безропотному подчинению власть

имушим, большей частью коррумпированная, на безоглядную поддержку которой крайние радикалы всегда могли рассчитывать.

Репрессий избежали главы администраций многих районов, охваченных мятежами и вооруженным восстанием. Так, в Мангитском бекстве, где неоднократно вспыхивали волнения дехкан, в течение 30 лет оставался беком Мухаммед-Нияз Каладиванов. Гурленским бекством 15 лет кряду руководил Матмурадбек Якуббеков. Столько же времени возглавлял Ташаузское бекство Исхак-Ходжа Ибрагим Ходжаев. Беком «мятежного» Газавата 20 лет был Мухаммед Саид Мухаммед-Риза Аталыков, а беком Куня-Ургенча в течение 15 лет был Мухаммед Якуб-бай Джаббар-кули Махрамов и т. д.¹⁰⁷ Однако, как уже отмечалось, выше, именно при непосредственном участии Хусайн-бека Матмурадова были казнены организаторы январских мирных волнений 1916 г. ходжейлийский бек Овез-бий, его брат Махмудходжа, Исамеддин-ишан и еще пятеро активных руководителей дехканских выступлений. Очевидно, крайних радикалов не устраивали те беки и хакимы, которые проявляли самостоятельность и становились народными лидерами. Расправляясь с ними, хусайнбековцы тут же сажали в руководящие кресла в местных администрациях угодных себе услужливых чиновников.

В условиях феодальной Хивы фактор личной преданности, обязанности, круговой поруки, несомненно, играл заметную и существенную роль в реализации политических проектов на самых разных уровнях государственного управления. Лидеры младохивинского «Революционного союза» это хорошо понимали и пытались извлечь из него максимальный политический капитал.

Изолируясь от масс и преувеличивая роль и значение союза и сотрудничества с представителями средних слоев национальной буржуазии, которые в развале национальной государственности, хозяйства страны и обнищании народа были повинны не меньше, чем «верхи», лидеры младохивинцев допускали серьезную стратегическую и тактическую ошибку.

Воздвижение барьеров между «Революционным союзом» и народом заметно сужало социальную базу партии, усиливало шараханья и брожения в ее рядах, ослабляло возможность добиваться определяющего и нарастающего влияния на политическую ситуацию в стране. Положение усугублялось тем, что, крепко связав себя рамками собственных классовых интересов, ограничив стратегические цели «верхушечными» переменами, идеологи младохивинцев не признавали необходимости введения государственного регулирования развития национальной экономики, кардинального решения назревшего земельного вопроса, тормозившего развитие производительных сил, упо-

¹⁰⁷ ГАХО, ф. «Коллекция хивинских документов», д. 159, л. 1—9.

рядочения отношений между хивинским национальным и иностранным капиталом. Эти просчеты идеологов младохивинского «Революционного союза» препятствовали превращению партии в выразителя общенародных интересов. Вместе с тем образование в ней социально и политически разнополярных потоков — от крайне радикального до революционно-демократического — говорило о дифференциационных процессах, наметившихся в развитии оппозиционного движения хивинской национальной буржуазии. В перспективе, по мере накопления политического опыта, они должны были привести к более контрастной позитивизации идейной и классовой ориентации «Революционного союза».

Динамичные перемены не прошли мимо и набиравших силу социал-демократических организаций и групп Нового Ургенча, Хивы, некоторых других городов ханства. В конце 1916 г. они находились накануне завершения своего организационного оформления. Было бы в корне ошибочно считать, что социал-демократическое движение, основу которого в Хивинском ханстве представляли прежде всего русскоязычная диаспора и находившиеся с ней в тесном контакте представители местного населения, в том числе и выходцы из среднего сословия, не имело тех разнообразных политических оттенков, которые были присущи ему в регионах России. В движении отчетливо выделялись большевики и меньшевики, кадеты и эсеры, что сказывалось на его внутреннем единстве, стратегии и тактике. Столь же неправомерно и ошибочно видеть социал-демократов буквально в *каждом* русском или русскоподданном, не различая их идейных пристрастий. Факты убедительно свидетельствуют, что среди многочисленных представителей русской диаспоры в Хивинском ханстве были и черносотенцы, и монархисты, и просто люди, которые не имели отношения к классовой борьбе, политике и идеологии, занимались обычной коммерческой деятельностью.

Как и во многих других регионах империи, в том числе в Бухаре, Туркестанском генерал-губернаторстве, особой активностью в ханстве отличались представители ведущих политических блоков — большевики и кадеты, а также монархисты и черносотенцы. Они были не столь многочисленны, однако благодаря тому, что концентрировались в административных и промышленных центрах, связанных со всеми районами ханства, оказывали значительное влияние на политическую обстановку в целом по стране. Например, в Новом Ургенче умело действовала одна из крупных социал-демократических организаций, прочно стоявшая на позициях большевизма. Ее возглавлял рабочий В. Е. Крошилов, позднее ставший депутатом Петро-Александровского Совета. Она опиралась на местных и русских рабочих, а также солдат Хивинского гарнизона, расквартированных в ханстве российских частей, городскую и сельскую бедноту, кустарей и ремесленников, революци-

онно настроенных русских инженерно-технических работников заводов и служащих многочисленных торгово-промышленных контор и представительств. Большевики вели борьбу за массы под широко известными и популярными в России лозунгами «Заводы — рабочим! Землю — крестьянам!». Как писал в воспоминаниях один из старейших рабочих завода «Большой Ярославской мануфактуры» Г. А. Капустин, большевистские агитаторы и в Хивинском ханстве призывали народ «отобрать банки, фабрики и заводы, землю у капиталистов и помещиков и все это отдать рабочим и крестьянам»¹⁰⁸. Эти призывы, хотя и казавшиеся смелыми и несбыточными, находили живой отклик среди обездоленных и бесправных масс. Они были им понятны.

Кадеты, как и всюду, пользовались поддержкой главным образом среди люмпенов, российских офицеров, управляющих торгово-промышленными и дилерскими фирмами, конторами, части технической интеллигенции, банковских служащих и т. п. Они безудержно критиковали политику царского самодержавия, требовали расширения гражданских свобод¹⁰⁹, но в том, что касалось собственно российско-хивинских отношений, отказа от того деструктивного курса, который проводился правительством Николая II, смыкались с ярыми монархистами, которые вовсе не желали признавать право народов на самоопределение, необходимость смены абсолютистской формы правления, введения представительной демократии, создания условий для участия народа в формировании политических институтов государства и выражения собственного мнения.

Правительство Сеида Асфандияр-хана, его ближайшее окружение, напуганное неумолимо надвигающимся социальным взрывом, находилось в состоянии агонии. Оно предпринимало отчаянные усилия, чтобы консолидировать своих потенциальных союзников, на которых неизменно опиралось, — консервативные, ортодоксальные силы общества, но не было способно предложить какую-либо более или менее конструктивную программу выхода из углубляющегося политического кризиса и экономической стагнации. Дезорганизованность правительства усиливала напряженность в обществе. Разбалансированность экономики, деформированность общественного производства, инфляция и разгул спекуляции на внутреннем товарном рынке, продолжающееся падение уровня жизни основной массы населения, жаждавшего радикальных перемен, ускорение дифференциации и резкой поляризации политических сил указывали на неразрешимость традиционными мирными средствами противоречий, накопившихся в хивинском обществе.

---

¹⁰⁸ Капустин Г. А. В низовьях Амудары. Нукус, 1967. С. 26.

¹⁰⁹ См.: Пискунов А. Т. Годы огневые. С. 22—23.

* * *

Таким образом, Хивинское ханство в канун 1917 г., как и Россия в целом, оказалось перед проблемой выбора пути *общественного прогресса*. При своеобразии расстановки социальных сил, различиях политических и экономических систем процессы, происходившие в двух странах, по своей объективной сути имели немало общего: доминирующие общественные движения, выражавшие интересы подавляющего большинства масс, выступали за *смену* господствующего режима, давно превратившегося в тормоз на пути эволюции общества. В ходе их развития происходили дифференциация и консолидация классовых сил, способных возглавить борьбу за осуществление социально-политического переворота. Эти процессы разворачивались не изолированно друг от друга, а в тесной взаимосвязи, буквально в одно и то же время и в едином геополитическом пространстве. Но это не означало, что свержение царского самодержавия в России, неизбежность которого к 1917 г. стала очевидной, само собой приведет к падению феодально-абсолютистского режима и в Хивинском ханстве. Несомненно, разгоравшаяся в метрополии с каждым днем борьба против самодержавия, лишая хивинские власти поддержки царизма, создавала благоприятные условия для усиления натиска *демократической* оппозиции на ханское правительство и другие традиционные институты феодально-абсолютистского строя. Однако, чтобы они «упали», требовалась консолидация подлинно патриотических сил общества на основе учитывающей специфические особенности Хивинского ханства реалистичной программы, предусматривавшей решительную отмену ханского абсолютизма, введение конституции, осуществление налоговой и земельно-водной реформ, соответствующих интересам не только национального капитала, а самых широких социальных слоев и политических сил хивинского общества. Эти требования могли стать платформой объединения различных течений демократической оппозиции в единый антифеодальный и антиколониальный блок. Такая программа была разработана и осуществлена вскоре на одном из переломных этапов развития революционного процесса в России и Хивинском ханстве, укрепления взаимодействия и сотрудничества демократических сил двух стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генезис и эволюция отношений России с Хивинским ханством в XVI—начале XX в. — наглядный пример тесного сотрудничества, взаимодействия и взаимовлияния государств, расположенных в едином *геополитическом* пространстве Евразийского конгломерата. На различных этапах развития, охватившего не одно столетие и уходящего корнями в средневековье, они носили неадекватный, порой сложный и противоречивый характер, обусловленный достаточно многообразными факторами: объективными и субъективными, внутренними и внешними, экономическими, политическими, социальными, культурными и т. п. Эта многоаспектность, вытекавшая из динамичности самой сути общественного бытия, а также из политической, экономической и социальной разнополярности сосуществующих стран, оказывала, без сомнения, огромное влияние на формирование как интеграционных, так и дезинтеграционных тенденций во взаимоотношениях России с Хивинским ханством, другими государствами, расположенными в регионе Центральной Азии.

Формы и содержание российско-хивинских геополитических отношений не оставались инвариантными. Для них неизменно были характерны прогрессирующее восхождение от моноструктурности к многоплановости, постепенный переход от выработанных традициями простейших связей, воплотившихся, к примеру, в частном товарообмене без учета рыночной конъюнктуры, к сложнейшим, включающим широкие торгово-экономические, дипломатические, военно-политические и другие контакты. Причем каждый соответствовал объективным потребностям и сложившимся реалиям данного *конкретно-исторического этапа* развития и России, и Хивинского ханства, Евразийского конгломерата в целом. Так, например, если в годы становления Российского государства и Хивинского ханства российско-хивинские отношения ограничивались простейшими товарными обменами и эпизодическими направлениями посольств друг к другу, то в петровскую эпоху, особенно на его начальном этапе, они приняли более системный характер. В них стало преобладать стремление к *межгосударственному союзу на равноправной основе*, что нашло позитивное отражение в верительных грамотах 1700—1703 гг., подписанных хивин-

ским правителем Шах-Ниязом и Петром I. Однако нестабильность политической ситуации в Хивинском ханстве, а затем и явно запоздалые (из-за затяжной Северной войны) попытки Петра Великого и его ближайшего окружения форсировать процесс сближения двух государств, предпринятые в 1714—1717 гг. и несколько позднее, сопровождавшиеся весьма серьезными просчетами российской дипломатии на Востоке, в том числе и Центральной Азии, привели к замораживанию и застою российско-хивинских отношений.

XIX век, вошедший в мировую историю как век, с одной стороны, интенсификации общественного прогресса, а с другой — образования великих держав и начала борьбы между ними за дележ мира на «зоны влияния» и «жизненных интересов», возникновения в менее развитых регионах зависимых стран и колоний, оказал существенное воздействие на характер связей Российской империи с Хивинским ханством. Они испытывали на себе влияние и все более обострявшегося соперничества в конгломерате России и Англии, открытого столкновения в районе Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке геополитических интересов двух держав. Сама логика сложных политических процессов ясно указывала на то, что страны Евразийского конгломерата, в том числе Россия и Хивинское ханство, нуждаются в конструировании такой новой системы межгосударственных отношений, которая не только отвечает их национальным интересам, но и соответствует наступившему этапу распада в регионе *феодального* общества и перехода к *капитализму*.

Для России первая половина XIX в. ознаменовалась выработкой восточной политики на нетрадиционных принципах и перестройкой дипломатических отношений с сопредельными восточными странами, среди них и Хивинским ханством. Несмотря на упорное противодействие миролюбивому курсу военно-политических кругов, требовавших принятия самых решительных мер для недопущения распространения влияния Англии на государства Центральной Азии, использования в этих целях методов «силового давления», трезвомыслящим российским политикам в середине XIX в. удалось отразить натиск «ястребов» и сохранить добрососедские отношения с Хивинским ханством, Бухарой и Кокандом, что способствовало улучшению торгово-экономических связей, повышению их эффективности.

В переломный период истории России и Центральной Азии отнюдь не пассивно-наблюдательную позицию занимало и Хивинское ханство. Претендуя на собственную «зону влияния» в регионе, который являлся частью некогда могущественной древней Хорезмской империи, распавшейся в начале XIII в. после опустошительного татаро-монгольского нашествия, оно вклинилось в борьбу великих держав за передел территорий. Кроме того, Хива «как организованная преграда» играла роль сдерживающего фактора в западной степной зоне Приара-

ля. В первой половине XIX в. Хиве удалось подчинить кочевые каракалпакские, туркменские и казахские роды и племена, установить контроль над значительной частью территории Приаралья и Прикаспия. Тем самым ханство превратилось в одно из сравнительно сильных централизованных государств в регионе Центральной Азии.

Подписание между Хивой и Россией «Обязательного Акта» 1842 г., других договоров и соглашений, касавшихся целого комплекса политических и экономических аспектов российско-хивинских отношений, можно рассматривать как серьезную победу последовательных и напряженных дипломатических усилий, доброй воли правительств обеих стран. Они создали благоприятные условия для наращивания взаимодействия и сотрудничества двух государств. Россия приобрела в лице Хивинского ханства союзника в борьбе за предотвращение утверждения Англии в зоне ее «жизненных интересов» — Приаралье и Прикаспии, а Хивинское ханство, чье хозяйство в середине XIX в. находилось на подъеме благодаря общей стабильности внутри страны и в регионе, получило, в свою очередь, ничем не ограниченный доступ на российский рынок, позволивший в короткие сроки укрепить позиции хивинского национального торгового капитала, существенно повысить его роль в экономической жизни России и Центральной Азии. Увеличился товарооборот ханства с соседними государствами — Бухарой, Азербайджаном, Афганистаном, Персией, Турцией, другими странами Ближнего и Среднего Востока.

Период мирного сосуществования, взаимовыгодного и тесного торгового сотрудничества России и Хивинского ханства продолжался относительно недолго. Во второй половине XIX в. как в России, так и в Хиве в связи с переходом в руки реакционных сил важнейших рычагов управления государством произошла резкая смена приоритетов. Российская военно-политическая элита, стремившаяся к единоличному господству в Центральной Азии, прикрываясь интересами национального торгово-промышленного и финансового капитала, нуждавшегося в пореформенные годы в надежных источниках сырья и рынках сбыта, развязала войну против своих же вчерашних союзников — Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств. Получивший сомнительную известность в мире меморандум А. М. Горчакова «Современная политика», выдвинутый в 1864 г., предал забвению богатый опыт и уроки многовекового сотрудничества России с государствами региона, подвел своеобразную политико-идеологическую базу под попрание их суверенитета и независимости.

Появившийся вскоре в правительстве Великобритании так называемый «Меморандум Г. Роулинсона», в котором излагалась суть английского видения нового мирового порядка, содержались призывы остановить продвижение России к Афганистану и Индии, на деле был ответом на меморандум А. М. Горчакова, представлял собой долгосроч-

ную программу сохранения господства Англии в районе Ближнего и Среднего Востока, а также Южной Азии, распространения ее влияния на Прикаспий и Приаралье, в том числе и Хивинское ханство. В документе не было и намека на защиту интересов народов обширного конгломерата, кроме избитых демагогических заявлений о недопустимости вмешательства в их внутренние дела.

Первым убедилось в этом само Хивинское правительство, увидевшее в меморандуме Г. Роулинсона, шумных демаршах старой британской дипломатии шанс заручиться поддержкой Британского правительства в отражении возможной агрессии России. Оно в одностороннем порядке пошло на денонсацию «Обязательного Акта» 1842 г. и перепроценивало свой внешнеполитический курс на сотрудничество с Англией и заключение военно-политического союза с Британской Индией, соседними Афганистаном, Кашгаром и Турцией. Официальные переговоры хивинских посланников в Пешаваре, Калькутте и других городах, состоявшиеся осенью 1872 г., ожидаемых результатов не дали. Англия и ее сателлиты, выторговывая у России уступки в «афганском вопросе» и зонах торговли, ограничились обещанием оказать Хиве военную и финансовую помощь. Она в нужное время так и не поступила. Не дошло до Сеида Мухаммеда Рахим-хана II и послание английской королевы.

Война 1873 г. между Россией и Хивинским ханством, ставшая неизбежной в условиях нагнетания напряженности внутренней и внешней реакцией, обострения противоречий между двумя государствами, военно-политическими кругами империи была использована как «демонстрация силы», орудие *реализации* аннексионистских планов. Завершилась она поражением хивинской армии и всей военно-экономической политики правящей верхушки ханства. Хива лишилась части территории на правобережье Амударьи, которая отошла к Туркестанскому генерал-губернаторству, образованному на развалинах Кокандского ханства и аннексированных землях Бухарского эмирата. В то же время хивинские правители сохранили право контроля на левобережных территориях, на которые юрисдикция России не была распространена.

Договор «Условия мира России с Хивой» 1873 г. определил основные направления и ход развития российско-хивинских отношений на все последующие десятилетия, вплоть до 1917 г. Сказанное, однако, не означает, что документ в течение всего этого периода оставался неизменным и действовал строго в первоначальном виде. Отнюдь. Хивинское правительство под растущим давлением деловых кругов путем переговоров с Российским правительством, администрацией Туркестанского генерал-губернаторства, хотя и не всегда последовательно и настойчиво, добивалось пересмотра его дискриминационных положений, ограничения односторонних прав и привилегий, предоставлен-

ных российскому капиталу, недопущения расширенного толкования принципиальных статей документа. В итоге целый ряд из них подвергался существенным изменениям, уточнялся и дополнялся (1886, 1896—1897, 1910, 1913) двусторонними соглашениями по политическим и экономическим вопросам. В целом договор 1873 г. продолжал оставаться общепризнанным юридическим актом, служившим единственной правовой базой введенной Россией в Хивинском ханстве системы *непрямого* управления, существовавшей вплоть до падения царского самодержавия в 1917 г.

Система непрямого управления не привела к радикальной перестройке российско-хивинских геополитических отношений. Более того, она не затронула традиционные политические, правовые и экономические институты Хивинского ханства, использовалась главным образом для обеспечения российских интересов, усиления повседневного контроля за деятельностью ханского правительства и недопущения непосредственных или опосредствованных связей с другими государствами, заключения с ними договоров и соглашений как субъект международного права. Вместе с тем система непрямого управления, которая внедрялась последовательно и настойчиво, втянула Хивинское ханство в общероссийскую политическую жизнь, связала его экономику с российской, а через нее — и мировой, придала ускорение интеграционным процессам в различных сферах. Под определяющим воздействием эволюционных процессов в России традиционные институты феодальной политической, экономической и социальной систем Хивы начинали, хотя и медленно, терять свой первоначальный облик, подвергаясь вершущей модернизации и реконструкции. Следовательно, об абсолютной консервации всего внутреннего *политического* и *социально-экономического развития* ханства после 1873 г. не может быть и речи.

Двойственный характер последствий применявшейся в Хиве более четырех десятилетий системы непрямого управления вполне очевиден. Он привнес противоречивость и дуализм в эволюцию важнейших сфер жизни хивинского общества: политическую, экономическую, социальную, духовную и др. В сфере *политической* они аккумулировались в сохранении традиционных институтов развитого феодального общества *восточного* типа, неограниченной феодально-абсолютистской монархии при жесткой централизации государственной власти и управления, включая местные правительственные органы, относительной автономности лишь института туркменских родоплеменных вождей, отсутствии представительных органов, гражданских прав и свобод. С другой стороны, в самом начале XX в. под непосредственным воздействием революции 1905 г. в России, затем — Турции (1908) и Персии (1908—1911), общего подъема освободительного движения в других странах Востока в Хивинском ханстве возникли общественно-полити-

ческие объединения и течения широкого спектра: умеренно-либерального, крайне радикального, консервативного, революционно-демократического направления и другие, имевшие четко выраженную тенденцию к превращению в перспективе в политические партии. Все общественные течения, кроме консервативных, ставили перед собой задачу *демократического* переустройства хивинского общества, ограничения монархии, реформации феодального права и т. п. В 1910-е гг. в патристически настроенных кругах молодой национальной буржуазии уже вынашиваются идеи парламентаризма и конституционализма, введения президентской формы правления, заимствованные у восточной буржуазной демократии.

В сфере *экономической* прослеживалось сосуществование в классических формах феодальных способов землевладения и землепользования, эксплуатации наемного труда полностью безземельных (беваган) и малоземельных дехкан, кабальных форм ренты, доминирование мелкотоварного производства, слаборазвитость ремесленно-кустарного производства, ориентированного прежде всего на удовлетворение внутренних потребностей самих производителей. Они представляли собой экономический базис феодального общества. Вместе с тем в хивинском хозяйстве формировались и зачатки капитализма, что аккумулировалось в неуклонном расширении сферы товарно-денежных отношений, совершенствовании структуры внутреннего рынка, интенсификации связей между городом и селом. Все контрастнее проявлялась тенденция к ускорению наращивания промышленного потенциала. В ханстве в конце XIX в. зародились самостоятельные отрасли современной промышленности — перерабатывающая, легкая и пищевая. Технический прогресс постепенно проникал и в традиционное ремесленно-кустарное производство, стимулируя образование более крупных мастерских и цехов. Это объективно вело к перестройке национальной экономики.

Структурные перемены наблюдались в сельском хозяйстве, которое и в начале XX в. оставалось ведущей отраслью, где было занято подавляющее большинство самодеятельного населения и создавалась значительная часть валового внутреннего продукта. В нем возник экспортный сектор, превратившийся в важный источник инвалютных поступлений в страну и мощный ускоритель распространения товарно-денежных отношений; постепенно преодолевалась хлопковая монокультуризация, пик которой пришелся на годы первой мировой войны; повышалась рентабельность продовольственных отраслей, которые стали ориентироваться на удовлетворение потребностей внутреннего рынка в продуктах питания; интенсифицировалось развитие и животноводства.

Модернистские тенденции в совершенствовании хозяйства имели важное значение для разрушения архаичной феодальной системы эко-

номики, но повлиять на радикальную перестройку базиса хивинского общества не могли. Она сдерживалась деструктивной политикой ханского правительства, феодальной олигархии и крупного национально-го капитала, сросшихся с российским торгово-промышленным и финансовым капиталом. Консерватизм экономической политики правящей верхушки не устранял, а, напротив, усугублял антагонистичность противоречий между нарождавшимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями.

Менее других оказалась подвержена коренным переменам *социальная* сфера. При полнейшем отсутствии у Хивинского правительства классического представления о социальной политике, государственном контроле над мерой производства, труда и потребления, распределением и перераспределением исключалась возможность обеспечения роста благосостояния народа. Высокая степень концентрации основных средств производства и источников накопления капитала, в том числе земли и воды, в руках хана и ханской семьи, немногочисленных крупных феодалов-землевладельцев, родоплеменных вождей, новой торгово-промышленной и ростовщической буржуазии, а после 1873 г. и российского капитала, экспроприационная налоговая политика, основное бремя которой ложилось на плечи трудящихся, а не имущих слоев, лишали подавляющую часть населения доступа к социальным благам.

Нельзя не отметить особо, что даже в периоды наибольшего подъема экономики имущественное и социальное неравенство в обществе не только не сглаживалось, но, напротив, еще более усиливалось в связи с присвоением значительной части вновь образуемого капитала кучкой олигархов, направлением его не на инвестиции в расширение производства, а на удовлетворение личных потребностей правящей элиты хивинского общества. Отсюда — беспросветная нужда и нищенское существование основной массы населения — дехкан и рабочих, ремесленников и кустарей, скотоводов и др., их политическое и экономическое порабощение национальным и иностранным капиталом, паразитировавшим на некомпенсируемой эксплуатации трудовых и природно-экономических ресурсов страны.

Для *духовной* сферы были характерны, с одной стороны, монопольное господство ислама, феодально-патриархального права, крайняя догматизированность мышления, утверждавшие первичность не материального бытия, а «потустороннего мира» и предначертанного судьбой. Человек был рабом придуманных им образов, заимствованных из Корана, законов адата, норм и принципов шариата, видел в каждом из религиозных служащих посланника бога, чье слово и воля — закон для правоверного. Парадокс заключался в том, что, рассматривая происходящее сквозь призму совместимости со средневековыми нормами ислама, веруя в незыблемость предписаний Корана, шариата

и адата, люди в то же время собственным трудом и талантом создавали нерукотворные памятники материальной культуры, выращивали пшеницу и хлопок, преобразовали окружающий мир. Именно на этой высокой духовности основывалось стремление многих тысяч представителей прогрессивных сил Хивинского ханства отказаться от средневековой догматики, добиться реформирования религии, секуляризации общества и на этой основе — раскрепощения творческого потенциала личности. Этот порыв материализовался в движении просветительства, идеологи и активисты которого несли в широкие массы идеи о совместимости норм и принципов ислама с демократизацией общества, распространением современных достижений наук, популяризацией бесценного наследия хорезмийских ученых и просвещением народа. Просветительство в 1910-е гг. дало импульс зарождению либерально-демократического течения общественно-политической мысли, а оно, в свою очередь, — течения революционно-демократического. Объединяло их то, что оба течения выступали, по сути, за обновление духовной жизни.

Сложные процессы протекали в сфере *культуры*, теснейшим образом связанной с духовной сферой. Противоборство регрессивного и прогрессивного здесь носило непримиримый характер. Вся культурная жизнь Хивы ограничивалась рамками мактабов и медресе, песенным и музыкальным творчеством, придворной поэзией. В ханстве даже в начале XX в. не было театра, не издавалось газет и журналов. Страна жила в своеобразной изоляции от мировой культуры, не имея возможности прорвать блокаду, которая была навязана религиозными догмами и канонами. После интенсификации в конце XIX—начале XX в. торгово-экономических и культурных обменов с Россией ситуация изменилась. В ханстве появились новометодные мактабы, большими, чем прежде, тиражами начали издаваться научные трактаты, поэтическая литература. В Хиву, Новый Ургенч, другие города ханства стали поступать газеты и журналы самых различных направлений из России, Турции и Индии. Сюда приезжали с гастрольями российские театры, концертные труппы и цирки.

Расширение культурных обменов, прорыв информационной блокады оказали благотворное влияние на зарождение нового мышления и пробуждение политического самосознания масс. На волне обновляющейся культурной жизни заявили о себе поэт-демократ Аваз Утароглы, творения которого созвучны бунтарской поэзии Пахлаван-Махмуда, кинодокументалист Худайберган Диванов, музыканты Матякуб Атаджанов и Матпано Худайбергенов, поэт-песенник Мутриб Хонахароби, композитор и поэт Мухаммед-Юсуф Мухаммед Якубоглы (Чокар) и многие другие. В их творчестве нашли отражение самые лучшие традиции самобытной хивинской культуры и передовой культурной мысли не только России, но и других стран. Им было суж-

дено стать основателями и строителями подлинно народной культуры, пробуждающей в человеке гражданственность и патриотизм, утверждающей личность, стремление к свободе.

Отчетливо просматривавшееся в хивинском обществе в начале XX в. противостояние регрессивных и прогрессивных тенденций свидетельствовало об углублении *общего кризиса феодального общества* в ханстве и созревании предпосылок для перехода к более прогрессивному *буржуазному* строю. Их темпы и направленность были обусловлены как внутренними, так и внешними условиями. В этой связи следует отметить два весьма существенных, на наш взгляд, момента. Во-первых, опыт попыток «верхушечных» реформ 1910—1913 гг., подъем антиханского движения в 1913—1916 гг. убеждают, что среди самых различных политических сил, социальных слоев и групп хивинского общества зрело понимание острой необходимости свержения феодально-абсолютистского строя, осуществления в стране назревших социально-экономических и политических преобразований во всех сферах жизни.

Во-вторых, чем активнее и целеустремленнее становилось в Хиве движение за реформы, тем яростнее — сопротивление коалиции консервативных сил, представленной феодально-клерикальной реакцией. Ее надежным союзником являлось царское самодержавие. Данные показывают, что режим Сеида Асфандияр-хана существовал де-факто благодаря поддержке его Российским правительством. Военно-политическая верхушка российской краевой администрации в Туркестане, выполняя союзнические обязательства, систематически использовала части регулярной армии для подавления антиправительственных дехканских волнений, туркменских мятежей и выступлений оппозиции. Они вовлекались в решение сугубо внутренних проблем ханства, что дискредитировало российскую восточную политику. Однако к 1917 г. российские правящие круги, охваченные углубляющимся кризисом, не способные управлять по-старому, вынужденные отражать нарастающее давление рабочего класса и крестьянства, лишились возможности всякого контроля над ситуацией не только в Хивинском ханстве, но и в Туркестане, Бухаре, других регионах Центральной Азии. Вот почему падение самодержавия само собой вело к распаду и поддерживавшихся им режимов. События 1917—1920 гг. в Бухаре и Хиве наглядно подтвердили это.

Исторический опыт и практика формирования и развития российско-хивинских отношений свидетельствуют о том, что законы *геополитического* единства проявляются объективно, независимо от воли партий, движений и течений, отдельных личностей, носят непреходящий характер. Государства, входящие в единое геопространство, народы, живущие бок о бок, не могут существовать изолированно, не оказывая друг на друга того или иного влияния. Даже при самостоя-

тельном выборе путей развития политической системы, национальной экономики, социальной и культурной сферы, при формировании такого политического курса, который отвечал бы только национальным интересам, игнорирование объективных законов геополитической общности, упор на «самобытность» и «исключительность» в конечном итоге ведут к самоизоляции государства, ограничивают темпы и масштабы политических и социально-экономических преобразований, не сближают, а разъединяют нации и народности.

После распада Союза ССР перед возникшими на месте советских республик суверенными государствами вновь остро встала проблема разработки принципиально новой стратегии и тактики геополитических отношений. Повсеместно произошли смена политического курса, разрушение советской общественно-политической системы, инициированные рядом внутренних и внешних факторов. В рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), основанного на исходе 1991 г. на волне «суверенизации» на части территории бывшего СССР (без Прибалтики), между вошедшими в него государствами были заключены на двусторонней, а также многосторонней основе краткосрочные или долгосрочные договора и соглашения, нацеленные на реконструкцию традиционных политических, социально-экономических и культурных связей. Ряд из них предусматривают «прозрачность» границ, свободу передвижения товаров, трудовых и сырьевых ресурсов, облегченный порядок въезда и выезда граждан. Это позволило в основном сохранить некоторые эффективные формы сотрудничества, существовавшие между республиками Союза ССР, обновить их содержание с учетом сложившихся (и складывающихся) социально-политических и экономических реалий, государственно-национальных приоритетов.

Вместе с тем перестройка межгосударственных отношений в рамках СНГ, осуществляемая стихийно, при отсутствии общепризнанного государства-лидера (председательство Российской Федерации в некоторых руководящих органах носит скорее символический характер) идет противоречиво. Изначальное отсутствие всеобъемлющей доктрины, способной сплотить массы общей *идеей*, вооружить четким видением *перспективы* развития, *интегрировать* природно-экономический и интеллектуальный потенциал стран Содружества во имя ускорения общего движения по пути общественного прогресса, вызвало нежелательные, причем непредвиденные негативные явления в самых разных сферах. В этом сказался и чрезмерно критический, предвзятый подход к опыту и практике отношений между бывшими союзными республиками СССР, в которых, кстати, имеется немало поучительного.

Преобразования, в частности в 1990-е гг., повсеместно сопровождались резким обострением не только внутренних социально-экономических и политических проблем государств, связанных с «внедрением» капитализма «сверху» и попытками западных стран установить

контроль над их сырьевыми ресурсами, внутренним рынком, но и заметным осложнением в отдельных регионах СНГ сложившихся межнациональных отношений, казалось бы, стабилизировавшихся в советский период. Появились устойчивые конфронтационные тенденции, возникли обширные территории, где противостояние представителей диаспор, враждебность и подозрительность стали явлением чуть ли не обыденным. Они вызвали кровопролитные локальные войны в Приднестровье, в некоторых районах Азербайджана и Кавказа (Нагорный Карабах, Абхазия, Дагестан, Чечня и др.), Таджикистана, Узбекистана (Фергана) и др. В 2000-е гг. количество так называемых «горячих зон» заметно сократилось, но появились новые — теперь на Украине и устойчивые — на Северном Кавказе. Возрождение и раздувание межнациональных конфликтов, носящих *политический* оттенок, инспирированных зачастую искусственно, лишает в целом СНГ внутреннего единства, являющегося неременным условием эффективного функционирования сообщества государств.

Содружество, отмечающее свое второе десятилетие, все еще воспринимается как аморфная структура, существующая формально и даже не имеющая перспективы. Одна из причин тому — отсутствие и у СНГ в целом, и у входящих в него субъектов (за исключением, быть может, России, Белоруссии, Казахстана, а также Узбекистана и Таджикистана) национальной геополитики, нацеленной на решение не только *внутренних* проблем, но учитывающей и объективные закономерности развития и функционирования нераздельного *геополитического* пространства, сосуществования наций и народностей, живущих в сопредельных государствах, на общих территориях, вдруг оказавшихся разделенными пограничными полосами и колючей проволокой. Кому будет принадлежать приоритет в разработке современного курса новой геополитики (проекты Белоруссии и Казахстана, предложенные в середине 1990-х гг., в которых, безусловно, имелось рациональное зерно, увы, не встретили поддержки и понимания у политических лидеров государств) — покажет время.

Пока каждая из стран СНГ занята поиском «собственного видения» геополитического курса, на них усиливается неприкрытое воздействие в самой различной форме (финансовой, гуманитарной, пропагандистской и т. п.) развитых держав, вновь вынашивающих планы очередного передела мира и «сфер влияния». Сегодня в этом процессе, наряду с европейскими (Германия, США, Англия) и азиатскими (Корея, Япония) странами, участвуют также и некоторые государства Ближнего и Среднего Востока (например Иран и Турция), у которых имеются собственные геополитические интересы, особенно в Центральной Азии, некоторых мусульманских районах Кавказа и других регионов. В то время, когда Россия выводит свои вооруженные силы с территорий бывших союзных республик, субъектов Содружества, там

под различными предложениями основываются военные базы государств, входящих в блок НАТО. Это лишнее подтверждение тому, что СНГ лишено согласованной стратегии сотрудничества.

Немаловажное значение для судьбы СНГ и образующих его государств имеет выбор господствующей идеологии, но при безусловном сохранении многопартийности и идеологической многополярности, позитивного плюрализма — неизменных атрибутов современной демократии. Попытки создания явно «деидеологизированного» общества под прикрытием откровенно антикоммунистической фразеологии, взятия на вооружение религиозной доктрины лишены перспективы. В современном мире *нет* государства, где не было бы *своей*, «национальной» идеологии. Нет и сообществ или союзов, которые были бы свободны от влияния господствующей идеологии, носящей наднациональный, то есть интернациональный характер. Достаточно назвать уже упоминавшийся Европейский Союз, построенный в общем-то по примеру бывшего Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), но на базе рыночных отношений, а следовательно — классической западной *буржуазной* идеологии.

В СНГ поиски господствующей идеологии, способной придать некие завершенные формы разрушению советского и строительству нового общественно-политического строя, еще только ведутся. Они пока больше напоминают шарханье из одной крайности в другую: от коммунистической монопартийности — к многопартийности, от полного признания социализма и коммунистической перспективы — к их осуждению и категоричному отрицанию и т. д. Какое общественное движение, какая партия или политическая сила выдвинет объединяющую народы и нации, проживающие на территории СНГ, *идею* — это зависит от множества факторов. Прежде всего — от степени демократизации общества, общего уровня политизации масс и гарантирования свободы деятельности для всех партий и общественно-политических движений, кроме тех, естественно, которые открыто пренебрегают конституционными нормами и принципами, правами человека, проповедуют оголтелый фашизм, расовую, религиозную и национальную нетерпимость, призывают к вооруженному захвату власти или войне.

История и практика зарождения и эволюции российско-хивинских геополитических отношений, весь современный опыт развития СНГ учат, что взаимодействие и сотрудничество народов — процесс не стихийный, а управляемый. Он нуждается в конструктивной национальной программе геополитики. Под «национальной» геополитикой следует понимать прежде всего комплекс *экономических, политических, социально-культурных отношений между различными нациями и народностями, соблюдение их права на самоопределение, самостоятельное и независимое развитие*. Таковы слагаемые подлинной дружбы, взаимопомощи, взаимовыгодного и плодотворного сотрудничества

объединенных геополитической общностью народов, не разъединения, а сближения их на магистральных направлениях движения к общественному прогрессу. Стабилизирующим фактором при этом в общем геополитическом пространстве Евразийского конгломерата может и должно стать рождение государства-*лидера*, способного объединить сопредельные страны притягательностью внутреннего обустройства, уровнем благосостояния народа, конструктивностью экономического и политического курса, положения на международной арене. И самое главное — оно должно утверждать лидерство мирными, а не «силовыми методами», которые рано или же поздно неминуемо приводят к полному краху и распаду изначально аморфных, искусственно рожденных и потому внутренне деструктивных содружеств.

Геополитическая общность — один из решающих факторов, позволяющих нациям и народностям совершить исторический скачок к общественному прогрессу, сократив всю мучительную стадию изолированного саморазвития, взаимно опираясь на богатство объединенного потенциала сообщества народов, возникшего объективно. В этом заключается один из главных и непреходящих уроков геополитических отношений между Россией и Хивой в XVI—начале XX в.

SUMMARY

The mission of Russia in Central Asia has always interested the historians, political scientists, economists and sociologists. It has accumulated the basic principles of design and the implementation of geopolitical course of the largest state in Eurasian conglomerate, whose internal and foreign policy for centuries rendered a significant impact on neighboring countries, entire economic and socio-political situation in the vast region and in the world policy in general and continuing till present. Hence, the scientific value and practical, political importance of the objective research of this truly multi-faceted problem.

This book is dedicated to one of its most important aspects – the genesis and evolution between 16th and beginning of the 20th centuries on relations between Russia and Khanate of Khiva – the two different polarities of the Eurasian conglomerate, the interrelations of which reflected not only the complexity and contradictions in searching the consensus between different countries, but also the process of formation a single geopolitical space. In this book it is the first time in Russian, post-Soviet and Western historiography in a broad time range and under problem-thematic aspects, mainly on the basis of insufficiently studied archival documents, works of Russian and Western Orientalists, and diplomats, which became rare books and close to the literature, highlights the birth and development at the stage of an establishment of a unified Russian state, its diplomatic, trade and economic relations between Russia and Khiva, and also the neighboring Bukhara. Much attention is paid in approaching positively in the difficult search of the forms of establishing the ties between the countries during the reign of Peter the 1st, provides an objective analysis of achievements and failures in implementation of the Eastern policy and strengthening ties with neighboring Khanates, in laying «the way to India». The author criticizes and rejects the unjustified statements which were made by some Western and Soviet researchers that Russia's policy in relations to Khiva, as well to Bukhara, originally had a discriminatory nature, and subordinated to the idea of achieving trade and diplomatic benefits, the suppression their sovereignty and the establishment of the hegemony of Russia in Central Asia. This book provides conclusive evidence by showing a steady buildup a positive potential in Russian–Khiva cooperation in the various areas such as diplomacy, political, trade and economy.

Evolution of the world economy at the end of the 18th to the first half of the 19th century, the transition of the leading world powers to the rails of industrialization and capitalization, accelerating the socio-economical progress, expansion of colonial conquests made a significant impact on restructuring the relations between the great powers, especially between Russia and Britain, as well as less developed Eastern countries. Khiva Khanate did not avoid it. In the background of the book its mentioned the worsening Anglo-Russian rivalry in Central Asia at a new stage in the struggle of great powers for the spheres of influence, reveals a complex and controversial process of finding a consensus of Russia with Khiva, attempts of England in ignoring the peace initiatives of the Russian government, discrediting of its policies, weakening its position in the region, influence on neighboring countries and halt the move to the south of the conglomerate — Afghanistan, Iran and India. Failing to oppose the policy of Russia in the East as a country which is constructive alternative, tried to drive a wedge in her relations with Khiva, Bukhara and Kokand, the England in every possible way injected the political tension, destabilized the traditional trade and economic ties and carried out massive trade interventions. Without limiting with these actions, the official London, the government of the British India and the administration of the East Indian Company stirred up the ideological war by systematically sending the reconnaissance and subversion groups to the Caspian Sea and Aral Sea regions, roughly interfering in the internal affairs of the states in the region. The work describes in details the secret missions in 1820—1840 of reconnaissance groups of the captain of the Royal Artillery James Abbott, the captain of the Bengal Light Cavalry Arthur Conolly and lieutenant Richmond Shakespeare to the Khivan Khanate, and to Bukhara Emirate and Kokand Khanate the colonel of the Royal Staff Corps Charles Stoddart, etc. Despite to what, many Western historians, particularly P. Hopkirk, and others asserted that the priority aim of British policy was «the liberation of Russian slaves». They are actually carried out extensive exploration and surveys of the strategically important objects concealed under the lee of the «Russian slaves» in Khiva on behalf of the British government negotiated with the local rulers. This often resorted to extortion with unavoidable «Russian threat», and attempts to bribe with all sorts of promises on military assistance in the case of rupture the relations with Russia and allying with England.

Complicated geopolitical situation exacerbated the relationship between Russia and the Khanate of Khiva and Bukhara and Kokand, but it could not completely prevent their rapprochement. The book examines in detail the diplomatic missions of captains N. N. Muraviev, P. Nikiforov, then — Lt. Col. G. I. Danilevsky, to Khiva during the aggravation of the British-Russian rivalry, resulted in signing the «Compulsory Act» in 1842, i. e. the first official bilateral treaty, which strengthened the international and legal framework of traditional Russian-Khivian relations, establishment of the

embassy of colonel N. Ignatiev in the Khanate in the late 1850's. They certainly played their own role in improving bilateral relations, mitigating the tension which was occurred in 1839 with the failed expedition of the governor-general of Orenburg region V. A. Perovsky, and in the strengthening of the cooperation between Russia and Khiva.

Positive potential of bilateral relations created a favorable environment for a recovery of the economy and social sphere in the Khiva Khanate, as well as for the intensification of social production. The reader will find in the book extensive data on the condition of the country's economic life, the reasons for its socio-economic backwardness, the dominance of an agricultural production in the economy, a high degree of the concentration of the key assets i.e. land and water resources in the hands of the Khan's family and the feudal and land owners' elite, the dispossession of land of peasants, the rule of religious dogma and traditionalism in the opinion of the mass and influencing to all spheres of social life, which did not allow to breakthrough in attaining modern knowledge, and scientific-technical achievements. And here it lies the main reasons for conservation of the institutions of political system, the stability of the khan's feudal-absolutist monarchy, the stagnation of economic relations what largely predetermined a low differentiation and deformation of the social structure of Khiva society.

Moreover, this did not mean an absolute stagnation in economic life, as some western historians tries to prove, particularly S. Becker. The Khanate of Khiva, as shown in the book, and in conditions of an extreme scarcity of the raw materials resources, especially mineral ones, by relying to existing potential, took an active part in global economic relations, developed social production and trade contacts with many countries, and especially with Russia. In the book it is given broad analysis of the dynamics of the agricultural sector, specializing mostly in cotton-growing, as well as in traditional handicraft and artisan production, and their role in economic and trade relations of Khiva with Russia. The book presents in detail the penetration of commercial capital of Khiva into the Russian market in the period of thriving growth of industrialization on the eve and after the reforms of 1861, the strengthening of its competitiveness and as its result the positive changes in the commodity structure of export and import, which it serves as an evidence in the mutually beneficial cooperation of Russia and Khiva.

However, as noted in the book, peaceful economic relations did not lift an acuteness of existing the political problems between Russia and Khiva, nor reduced their long-standing rivalry in the Caspian and Aral Sea regions, as well as did not settle the territorial claims. The strengthening of Russia in the «Kirghiz steppes», its move into the zone of «vital interests» of Khiva, establishing the control over the major trade routes in the trans-Caspian area in the forties and fifties of the 20th century, and construction in close distance to the natural boundaries of the Khanate the fortresses to protect the caravan routes complicated the geopolitical situation. This advantage

was taken by some influential circles in the tsar's generalship and Khivian court to launch the Russian-Khivian war in 1873. The attempts of opponents of confrontation to prevent an armed conflict between the two states failed. In this tense situation the dualism of British Empire towards the Eastern policy appeared clearly. Official London authorities rejected the request of the Khiva authorities for assistance in strengthening the defense capability of the country, proposing only to solve the problem of the «Russian slaves» which were been held by force in the khanate.

The defeat of Khiva, and signing the «Terms of Peace» Treaty in August 1873, which were actually meant a full surrender of the khanate, lifted all restrictions for a successful realization of the mission of Russia in the Caspian and Aral Sea regions, opened the market of Khiva for the Russian capital. The khanate partially lost its rights in maintaining a diplomatic relations with other states by passing the Russian administration in the region. However, there was no word of annexation of Khiva Khanate by Russia in the treaty. In this regard, the book contains interesting materials on the strategic goals and subjective orientation of the Russian policy in the region, the essence of the system of “indirect rule” set by the authorities of St. Petersburg in Khiva and in Bukhara and its influence to the structure and nature of political and economic institutions of the protectorates.

It should be considered that the provisions of the «Terms of Peace» of 1873 did not remain invariant. They have gone through changes under the influence of objective and subjective factors. In the book it is especially emphasizes that the reconstruction of the Russian-Khivian relations was evident already during 1895—1910's, to what it was favored significantly by the activities of the Russian trade, industrial and banking capitals in Khiva, which gave an impetus to the growth of agricultural production, intensification of industrial construction, expansion of commodity-money relations, and the formation of modern cities which were specific to «industrial enclaves». These measures affected the vital interests of the national capital of Khiva, which required adjusting its relationship with the Russian capital in the economic field. At the same time the necessity to review the «Terms of Peace» was conditioned also by political factors with penetration into the Khanate after the bourgeois-democratic revolution of 1905—1907 in Russia, the democratic changes in 1908—1911 years which was occurred in Iran and Turkey, the new ideas and ideologies, the intensification of the efforts of various parties and the right-wing radical movements, including the Jadids, for an implantation into the public mind the pan-Islamism and pan-Turks ideology, with the progressive differentiation of socio-political forces and an evolution of social movements in general.

As it is familiar in historiography, especially in the western, they seriously cast doubt on the birth and evolution at the end of 19th and at the beginning of 20th centuries in the states of Central Asia, including the khanate of Khiva, of the pro-reform movement, although the fact of confrontation

between progressive and regressive ideas is not denied. In this regard, in the book it is given a significant importance to the coverage of Russian-Khivian negotiations of 1910—1913, positive aspects of the Russian programs on reformation of «top circles» of the Khivian society, their role in the development of the manifesto in 1910 by the government of Said Asfandiyar Khan, as well as of reforms of the leader of the moderate liberal democrats of the wazir-i-akbar (Grand Vizier) Said Islam-Khodjah., which were radical for that time. Despite the halfway policy, they stirred up the Khiva society and brought to motion a variety of both conservative and progressive political forces. Their confrontation and struggle by intensified by destructive nature of political and economic policy of the Khiva government that followed the conservatives and hampered the implementation of brewed changes, set up, as before, all weight of the tax burden to the landless and small land owners who were poor peasants while the land aristocracy enjoyed the privileges. All these accumulated in strengthening the grievances of the lower classes against the policy of the ruling cabinet, and in a new rise of an anti-khan movement by national minorities in 1912—1913 years.

The intensity of political struggle resulted in a rise to power in Khiva in 1914 of a big bourgeoisie — wealthiest representatives of the local entrepreneurs' elite, which actively accreted to the Russian capitalists. It firmly forced back the old land and commercial aristocracy. However, as shown in the book, the change of the cabinet coincided with the destabilization of economic and trade ties with Russia, which was involved in military actions at the fronts of the World War I, did not favor the improvement of the steadily worsening economic and social situation, and removal of the general political tension. Due to an absence of a constructive action program, the new cabinet could not find a way out of acute crisis situation which was existing in the country, review tax policy, and improve the conditions of the landless and small land owner peasants which were a hostage of the destructive policy of the khan government. The establishment in August 1914 of an amorphous political party «The Revolutionary Union of Young Khivians» (leaders of Khusainbek Matmuradov and Palvanniyaz Khodjah Yusupov), which did not have any clear action program, or an experience of political struggle, could not change the situation.

During 1915—1916 years in Khiva, as everywhere in the Russian Empire, the signs of a general economic collapse, food crisis, growing grievances of the people against the destructive policy of the ruling regimes manifested clearly. It increased the protests of workers, and the armed revolt in 1916, which the right-wing forces tried to use, including the pan-Turkists, in order to change the government of the khan and rupture relations of Khiva with Russia. Under these circumstances, despite the difficult situation at the front, the official authorities of St. Petersburg for the first time since 1873 rendered the assistance to the Khiva regime in suppressing

the anti-government protests by force, strengthening the Khan's authority, showing reluctance to change the political system and the readiness for decisive actions in the event of a real threat to the ruling regime in Khiva, which was blended in the «indirect ruling» system. But it did not stop the growth of negative trends in the economy of Khiva. Moreover, it contributed to accelerate social differentiation and further polarization of political forces that led ultimately to an aggravation of the class struggle and a fall of the absolute monarchy in the Russian Empire in general, once again demonstrating in practice an integral unity of factors in geopolitical communality of two states — Russia and Khiva.

The book is written in a polemical form by using wide-range sources, the reader will find numerous interesting and other little known facts, acquainting with which will make it possible to clearly imagine the in the example of cooperation between Russia and Khiva khanate the evolution of geopolitical relations in the Eurasian conglomerate in recent past, and see the prospect of their development in the future.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Россия и Хива: у истоков геополитических связей (XVI—первая половина XIX в.)	29
Генезис и эволюция русско-хивинских торгово-экономических и политических отношений	30
Происки Англии в Амударьинской долине. Попытки «ястребов» по дестабилизации российско-хивинского сотрудничества	57
Экономическая жизнь Хивинского ханства: характер и особенности	73
Специфика политической системы ханства	97
Социальная структура хивинского общества	119
Глава II. Капитализация России. Ее влияние на экономические и социально-политические процессы в Хиве (60—90-е гг. XIX в.)	130
Проникновение хивинского торгового капитала на российский рынок после 1861 г.	132
Осложнение российско-хивинских отношений. План Кауфмана и кризис 1873 г.	150
Стратегические цели российской политики в регионе	174
Субъектная направленность российской политики. Введение Россией непрямого управления в Хивинском ханстве	183
Расширение позиций российского капитала в хивинской экономике	213
Глава III. Реконструкция российско-хивинских отношений. Ускорение поляризации хивинского общества (1895—1910)	226
Денонсация «Условий мира» 1873 г. Изменения в фискальной и промышленной политике	227
Деятельность торгово-промышленного и банковского капитала в аграрном секторе	249
Антиправительственные волнения в туркменских и каракалпакских регионах	260
Борьба идеологий, идей и идейных течений	268
Возникновение социал-демократического движения	276
Дифференциация социально-политических сил и эволюция общественных движений	286

Глава IV. Развитие в Хиве реформаторского движения. Противоборство прогрессивных и регрессивных тенденций (1910—1913)	307
Российские программы реформации хивинского общества . . .	308
«Октябрьский» манифест 1910 г. Асфандияр-хана	319
Реформы Сеида Ислам-Ходжи. Противодействие им радикальной и консервативной оппозиции	334
Деструктивизация курса Хивинского правительства	360
Новый подъем антиханского движения национальных меньшинств	372
Глава V. Кризис феодально-абсолютистского строя в ханстве (1914—1916)	388
Приход к власти хивинской крупной буржуазии. Образование «Революционного союза»	390
Обострение социально-экономической ситуации	405
Фронт в тылу воюющей России: дестабилизация политической обстановки. Восстание 1916 г.	416
Нарастание негативных тенденций в хивинском хозяйстве . . .	441
Ускорение социальной дифференциации и поляризации политических сил	454
Заключение	470
Summary	483

МАРИМБАЙ НИЯЗМАТОВ

ПОИСК КОНСЕНСУСА

РОССИЙСКО-ХИВИНСКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В XVI—НАЧАЛЕ XX В.

научное издание

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Издательство

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 01.12.2010

Гарнитура основного текста типа «Times»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Формат 60×90¹/₁₆. Объем 31 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3490

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12